

ВСЕРОССИЙСКИЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА

ПУШКИНСКИЙ
МУЗЕУМ

АЛЬМАНАХ

6

Санкт-Петербург
2014

ББК 83.3(0)5

П91

Редколлегия

«Пушкинского музеума»:

С. М. Некрасов (председатель),
Р. В. Иезуитова, Л. Б. Михайлова,
В. С. Кизило, [В. П. Старк]

Научный редактор

Р. В. Иезуитова

Ответственный редактор

С. М. Некрасов

Рецензент

Н. И. Михайлова

Составители указателей:

Ю. А. Зигерн-Корн,
М. Л. Куракина, О. В. Фокина

© Всероссийский музей А. С. Пушкина, 2014

© Коллектив авторов, 2014

© Welcome print, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск альманаха, продолжая традиции предыдущих, вместе с тем является уникальным: он практически целиком посвящен замечательной дате в истории российской культуры — 200-летию Императорского Лицея. Все привычные для читателя и традиционные рубрики представляют — в разных ракурсах — исключительно лицейскую тематику. Открывает альманах рубрика «Жизнь и труды музея», где подробно освещается работа ВМП по подготовке и празднованию этой знаменательной годовщины (статьи С. М. Некрасова, С. Л. Смирновой, Е. Б. Добровольской), а завершает — «Пушкин и наши современники» (интервью с нашим знаменитым земляком М. М. Бобровым, удивительная история, рассказанная изобретателем А. С. Массарским, и стихотворение поэта А. В. Емельянова).

В 2011 году, к 200-летию Лицея, завершена многолетняя и кропотливая работа сотрудников Всероссийского музея А. С. Пушкина по созданию двухтомной «Лицейской энциклопедии». Краткий язык энциклопедического издания не смог вместить всю по крупицам и с любовью собранную информацию, поэтому в разделах «Первый (пушкинский) выпуск Царскосельского лицея» и «От Царскосельского лицея к Александровскому» публикуются обширные и интересные статьи как непосредственно о Лицее, лицейских традициях и роли лицейстов в общественно-политической и культурной жизни России (статьи Л. Б. Михайловой, С. В. Березкиной, С. В. Павловой, Т. П. Волохонской, Л. Г. Агамалян и др.), так и о лицейских наставниках (статьи Н. Д. Кочетковой, Т. А. Чистяковой и др.). Но основное внимание, конечно же, уделяется воспитанникам Царскосельского (статьи Н. И. Михайловой, Г. Н. Антонова, А. Ю. Балакина, Г. В. Флеровой) и Александровского Лицея (статьи С. М. Некрасова, А. И. Беленковой, В. В. Киншина и др.) как выдающимся общественным деятелям, государственным чиновникам, поэтам, ученым, составляющим славу этого учебного заведения, приводятся сведения о порой романтических, порой трагических страницах их биографии.

Разумеется, Царскосельский Лицей в первую очередь знаменит тем, что в нем учился Пушкин, здесь проходило его становление и формирование как поэта. Поэтому совершенно органично в данном выпуске научно-исследовательское (пушкиноведческое) направление в деятельности музея посвящено анализу лицейских стихотворений юного Пушкина (статьи Р. В. Иезуитовой, А. А. Смирнова, Н. П. Мо-

ISBN

розовой, Н. Ж. Ветшевой, С. Ф. Свободиной), а также исследованию тайного языка «лицейских мудрецов» (статья А. Глассэ), в котором лицеисты столь преуспели и который часто помогал им впоследствии.

Полюбившиеся читателю и ставшие традиционными разделы «Публикации и комментарии» (статьи В. Э. Вацура, Е. М. Букреевой, О. А. Замареновой, И. Е. Барыкиной, С. Д. Дзюбанова) и «Пушкинские места России» (статьи А. В. Ильичева, Е. Г. Стагьиной, в которых Царское Село как и «город муз» представлено хранителями великих пушкинских традиций в творчестве А. А. Ахматовой, О. Э. Мандельштама). Надеемся, что альманах порадует читателя новыми находками и открытиями наших авторов.

В основу настоящего выпуска положены доклады, прочитанные на научных конференциях, посвященных 200-летию Императорского Царскосельского (Александровского) Лицея.

Цитаты из произведений А. С. Пушкина даются по Большому академическому полному собранию сочинений в 17 томах (1937–1959) с указанием в тексте тома (римской цифрой) и страницы (арабской), за исключением особо оговоренных случаев.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ МУЗЕЯ

С. М. Некрасов

«ЛИЦЕЯ ДЕНЬ ЗАВЕТНЫЙ»

1. Страницы истории

Двухсотлетие Императорского Царскосельского Лицея — важное событие для всей нашей страны. Вряд ли найдется уголок необъятной России, где не оставили следа своей деятельности или своего пребывания лицейские воспитанники. Ежегодно 19 октября мы отмечаем «Лицея день заветный», как это делали его выпускники на протяжении всего времени существования их *alma mater*.

Царскосельский Лицей был уникальным учебным заведением, из стен которого вышли замечательные деятели истории и культуры России. Лицей был задуман как школа, в задачу которой входила подготовка юношества, «особенно предназначенного к важным частям службы государственной». Он не был дипломатической академией, военным училищем, морским корпусом или литературным институтом, однако система лицейского образования и воспитания сумела выявить разнообразные способности и таланты каждого лицеиста и заложила основы будущих успехов уже первых его учеников: блестящих дипломатов, таких как князь А. М. Горчаков, С. Г. Ломоносов, видных военачальников — генерала В. Д. Вольховского, адмирала Ф. Ф. Матюшкина, поэтов А. А. Дельвига, В. К. Кюхельбекера и, наконец, «солнца нашей поэзии» А. С. Пушкина, с именем которого навсегда связана история Императорского Царскосельского Лицея.

«Солнцем нашей поэзии» назвали Александра Сергеевича Пушкина в трагический день кончины. «Пушкин — это наше все...», — сказали еще через два десятилетия. В 1879-м, в год, когда, распорядись судьба по-иному, Пушкину исполнилось бы 80, в России открылся первый Пушкинский музей — в Императорском Александровском Лицее, первый выпуск которого к тому времени давно и прочно именовался «пушкинским».

Лицей уже не находился в Царском Селе. Он был переведен в Петербург и размещен на Каменноостровском проспекте. Конечно, гений места — понятие более чем значимое, и в родных стенах любое слово о поэте звучит по-особому. Но для музея главное все-таки не окружающий ландшафт, а коллекция. И началась она для первого Пушкинского музея поистине символически. Лицейский староста первого пушкинского курса Михаил Лукьянович Яковлев еще в 1855 году подарил Лицею автограф стихотворения Пушкина «19 октября» 1825 года — тот самый гимн лицейскому братству, строки из которого сегодня знает каждый.

Понимая всю значимость листов, исписанных Пушкиным стремительно и мелко, он заказал специальный футляр, на котором золотым тиснением была сделана надпись:

19 октября.
Автограф Александра Сергеевича Пушкина
Михайловское 1825 года.

А чуть ниже указаны источник и дата дарения:

Совоспитанника поэта Михаила Лукьяновича Яковлева
Принесенный в дар Лицею
2 марта 1855 года.

Это был первый экспонат будущего музея.

Заслуга лицеистов разных поколений в создании Пушкинского музея неоспорима. Бюст А. С. Пушкина был установлен в зале Императорского Александровского Лицея в дни празднования 50-летия первого лицейского выпуска. Зал с этого момента стал называться Пушкинским, и вскоре, помимо бюстов А. С. Пушкина и А. М. Горчакова, здесь появились портреты первых директоров Лицея В. Ф. Малиновского и Е. А. Энгельгардта, а позднее открылась Пушкинская библиотека, положившая начало Пушкинскому музею Императорского Александровского Лицея.

Необходимо отметить, что в канун столетия Лицея в его стенах возникла идея факсимильно издать пушкинские рукописи, хранившиеся в Пушкинском лицейском музее. Издание было осуществлено одним из лицеистов LXXIX курса, его императорским высочеством князем Олегом Константиновичем. Сын великого князя Константина Константиновича, президента Академии наук и известного поэта, писавшего под псевдонимом К. Р., решил этим изданием отметить и столетний юбилей Лицея, и память великого поэта, обессмертившего Лицей. В то же время это было одно из первых изданий, рассказывающих об экспонатах лицейского музея А. С. Пушкина.

* * *

В октябре 1911 года Россия праздновала столетие Императорского Лицея. Пожалуй, ни одно учебное заведение в стране не отмечало свой юбилей столь пышно и торжественно.

Восемнадцатого октября после торжественного молебна участники лицейского праздника собрались в помещении Пушкинского музея, куда строем вошли воспитанники всех классов. Попечитель Лицея В. Н. Коковцов, обратившись к директору, генерал-лейтенанту В. А. Шильдеру, передал в дар лицейскому музею от Пушкинского лицейского общества картину И. Е. Репина. Секретарь Пушкинского Лицейского общества П. Е. Рейнбот прочел отрывок из записок И. И. Пущина о знаменитом лицейском экзамене 1815 года. Бронзовые бюсты поэта были поднесены Пушкинскому музею от лицеистов XXXIV и XXXV курсов. Бывший воспитанник Лицея Я. К. Грот принес в дар более 100 автографов, журналов и рукописей, в числе

которых автограф стихотворения А. С. Пушкина «Воспоминания в Царском Селе», некогда поднесенный автором Г. Р. Державину.

Во время торжественного завтрака 19 октября 1911 года хор музыкантов гвардейской Конноартиллерийской бригады исполнил музыкальную программу, начав с Лицейского марша, сочиненного лицеистом LVI курса И. А. Румянцевым.

Празднества продолжались несколько месяцев. В субботу 7 января 1912 года вся усадьба Лицея была украшена флагами. К 12 часам начали съезжаться гости, в основном бывшие питомцы Лицея. В Актовом зале на всех местах лежали отпечатанные к торжественному дню стихи лицейских поэтов.

Гости во главе с императором Николаем II и вдовствующей императрицей Марией Федоровной, в ведении которой в ту пору находился Лицей, посетили Пушкинский музей и осмотрели его ценнейшие реликвии. По предложению премьер-министра В. Н. Коковцова Николай II и Мария Федоровна оставили запись в книге почетных посетителей. Затем гости вернулись в Актовый зал. В честь высокопоставленных особ грянул русский победный гимн времен Екатерины Великой «Гром победы раздавайся...» на стихи Державина. На эстраде под портретом императора Александра I заняли свои места члены Конференции Лицея. Гости внимательно всматривались в лицо Николая II, который, встав со своего места, произнес: «Объявляю первое юбилейное собрание Императорского Александровского Лицея открытым».

Князь Олег Константинович вручил императору факсимильное издание автографов Пушкина. Прощаясь, государь произнес: «До свидания, лицеисты, до послезавтра у меня». Через день в Зимнем дворце состоялся торжественный обед, посвященный юбилею Лицея.

Одиннадцатого января 1912 года большая делегация профессоров и воспитанников Лицея прибыла в Царское Село, где их уже ждали многие лицейские выпускники прошлых лет. Участники праздника выстроились вдоль Садовой улицы, ведущей мимо Екатерининского парка к зданию Лицея. Под музыку и крики «ура!» было сдернуто покрывало с белой мраморной мемориальной доски, на которой золотыми буквами сияла надпись: «В сем здании с 1811 по 1843 год находился Императорский Лицей».

Затем лицеисты направились к памятнику поэту в Лицейском саду. К его подножию был возложен венок с надписью: «Александр Сергеевичу Пушкину — Императорский Александровский Лицей». После этого воспитанники, профессора и члены совета Императорского Александровского Лицея сфотографировались в память незабываемой встречи. Вечером того же дня в Мариинском театре в честь Лицея был дан спектакль «Евгений Онегин». Дирижировал Эдуард Направник. Партию Онегина исполнил солист Мариинского театра Андреев, Ленского — Собинов. На креслах лежали программки с видами и эмблемой Лицея. На спектакле присутствовали Николай II и вдовствующая императрица Мария Федоровна. В театр пришли все лицейские: не только профессора и воспитанники, но и нижние чины, дядьки и служители, получившие места на галерке.

Тринадцатого января в Императорском Лицее состоялся Большой лицейский бал, в котором участвовало около двух с половиной тысяч человек, играли оркестры гвардейских полков. Зал был украшен цветами, доставленными из Ниццы.

Завершением юбилейных торжеств стал товарищеский обед 15 января 1912 года в зале Дворянского собрания.

По завершении лицейских торжеств на средства, собранные выпускниками Лицея, была написана икона Федоровской Божьей матери, покровительницы царствующего Дома Романовых. Работа выполнялась артелью иконописцев (при участии художника Николая Рериха), работавших в то время над росписями Федоровского городка в Царском Селе. По гурту иконы была сделана надпись «Пресвятая владычица Богородица моли Бога о великом государе нашем Императоре Николае Александровиче и о всем царствующем Доме. Моля Тебя соорудившие сию икону бывшие питомцы Императорского Александровского Лицея». Икона была освящена в Лицейской церкви и в год 300-летия Дома Романовых, 23 марта 1913 года, поднесена императору Николаю II.

К столетию Императорского Лицея его профессоры и воспитанники заказали известному русскому художнику И. Е. Репину картину «Пушкин на лицейском экзамене». Для наилучшего воплощения замысла лицеисты устроили специально для художника инсценировку знаменитого лицейского экзамена 8 января 1815 года.

2. «И новой жизнью кипит твой юбилей...»

Двухсотлетие Императорского Царскосельского Лицея также было отмечено как событие российского общенационального масштаба. Юбилейные торжества открыл премьер-министр Российской Федерации В. В. Путин. По традиции празднование лицейского дня начинается в Царском Селе в полдень 19 октября. Так было и в этот раз. В. В. Путин возложил букет алых роз к памятнику поэту в Лицейском саду, затем, открывая праздник, обратился к собравшимся с приветственным словом. Отметив огромную роль Лицея в истории нашей страны, премьер-министр подчеркнул, что именно лицейские профессоры и воспитанники создали в стенах Императорского Лицея первый в России музей А. С. Пушкина. «Мы должны быть благодарны тем, кто здесь работал и работает на сохранение для потомков этого памятника культуры», — добавил он.

Еще в дни проведения в Германии форума «Петербургский диалог» В. В. Путин уже познакомился с Клотильдой фон Ринтелен, праправнучкой А. С. Пушкина и правнучкой императора Александра II. В Лицейском саду между ними состоялся короткий диалог на немецком языке. А последнему прямому потомку поэта по мужской линии, жителю Брюсселя А. А. Пушкину и его жене М. А. Пушкиной, также присутствовавшим на торжествах, В. В. Путин несколько лет назад вручал паспорта граждан Российской Федерации.

В знаменательный день лицейской годовщины у стен Лицея развернулось яркое театрализованное представление. Герои лицейского прошлого являлись участникам праздника в костюмах минувших эпох, и даже выпавший снежок, как это было и 200 лет назад, дополнял достоверность событий.

В вестибюле Музея-Лицея был открыт бюст М. М. Сперанского, инициатора создания Царскосельского Лицея, а также новая экспозиция «Квартира С. Г. Чирикова» — губернатора и учителя рисования, с открытием которой была завершена работа по полной музеефикации лицейского здания, продолжавшаяся несколько десятилетий.

Празднование юбилея завершилось концертом в Большом зале на 3-м этаже. Здесь когда-то происходили все важнейшие события лицейской жизни. Девятнадцатого октября 1811 года состоялось открытие Лицея, и император Александр I, пройдя через арку, соединявшую лицейское здание с Екатерининским дворцом, объявил о начале церемонии торжественного открытия Лицея. В этот день под сводами Большого зала впервые прозвучали имена 30 лицейских воспитанников, и среди них — имя Александра Пушкина. А три года спустя в этом зале имя Пушкина как поэта, который составит славу российской литературы, прозвучало из уст патриарха российской словесности — Г. Р. Державина. Здесь 9 июня 1817 года император Александр I вручил свидетельства об окончании Лицея первым его выпускникам. Тогда же впервые была исполнена «Прощальная песня выпускников Императорского Лицея в Царском Селе». С тех пор она стала своеобразным Лицейским гимном. Автором музыки был преподаватель Лицея Теппер де Фергусон, а текст написал лицеист Антон Дельвиг.

С исполнения этого Лицейского гимна начался праздничный концерт в Лицее в день его 200-летия. Нам очень хотелось, чтобы концерт был особенным, отличался от всех других, которые проходили ранее. Было решено, что в этот вечер прозвучат только произведения лицеистов Императорского Царскосельского Лицея. И действительно, исполнялись инструментальные произведения Теппера де Фергусона, которые крайне редко можно услышать в концертных залах; артисты Василий Лановой и Алексей Емельянов читали стихи А. С. Пушкина, А. Д. Илличевского, В. К. Кюхельбекера и других лицейских поэтов. Олег Погудин предложил уникальную программу — исполнение романсов, написанных лицеистом М. Л. Яковлевым на стихи своих соучеников — А. С. Пушкина и А. А. Дельвига.

В этот вечер был воссоздан по сохранившимся чертежам и фейерверк, увенчанный горящим вензелем императора Александра I.

Впрочем, празднование 200-летия Царскосельского Лицея не могло ограничиться одним днем. Театрализованные экскурсии по Царскому Селу, детские балы в Лицее и во дворце В. П. Кочубея, «Онегинский бал» в Запасном дворце — все это стало зримыми чертами лицейского праздника.

Среди участников праздника — гость из Вены граф А. А. Разумовский. Один из его предков в 1811 году вместе с императором Александром I подписал Устав Императорского Царскосельского Лицея. Сегодня это ценнейшая реликвия, хранящаяся в Музее-Лицее. Присутствовали, как уже говорилось, Александр и Мария Пушкины из Бельгии и Клотильда фон Ринтелен из Германии. Кстати, в 2011 году Клотильда возглавила немецкое Пушкинское общество, создателем и бессменным руководителем которого до сих пор был Рольф Дитрих Кайль, в прошлом личный переводчик канцлера Аденауэра. Немецкая делегация была весьма представительной: в нее вошли 24 человека. Это профессоры различных вузов Германии, аспиранты-слависты, потомки выпускников Императорского Лицея. Среди них — Александр и Дмитрий де Фариа, потомки не только лицеистов, но и князя Платона Зубова, последнего фаворита императрицы Екатерины II.

Посетила Лицей в эти дни и герцогиня Александра Анастейша Аберкорн из Великобритании, в жилах которой течет кровь не только Пушкиных, но и Романовых (ее прадед, великий князь Михаил Михайлович, — внук императора Николая I).

Разумеется, на праздник приехали не только зарубежные гости. Москвичка Юлия Григорьевна Пушкина, праправнучка поэта, передала Лицею памятные се-

мейные лицейские реликвии. При этом следует отметить, что выпускником Лицея был не только ее великий прапрадед А. С. Пушкин, но и ее дед, внук поэта Г. А. Пушкин.

Побывали на празднике и директора Пушкинских музеев России и ближнего зарубежья.

3. Дары Лицею

В канун двухсотлетия Императорского Царскосельского Лицея фонды Всероссийского музея А. С. Пушкина пополнились новыми экспонатами. Это прежде всего миниатюра, изображающая императора Александра I, принадлежавшая профессору математики Я. И. Карцову, с именем которого связан забавный эпизод из лицейской жизни Пушкина. В своих воспоминаниях о друге-поэте И. И. Пущин писал: «В математическом классе вызвал его раз Карцов к доске и задал алгебраическую задачу. Пушкин долго переминался с ноги на ногу и все писал молча какие-то формулы. Карцов спросил его, наконец: “Что же вышло? Чему равняется икс?” Пушкин, улыбаясь, ответил: “Нулю!” — “Хорошо! У вас, Пушкин, в моем классе все кончается нулем. Садитесь на свое место и пишите стихи”».

История бытования миниатюры прослеживается достаточно отчетливо и восходит к оригиналу одного из самых именитых мастеров того времени Франсуа Жерара. Портреты его работы были весьма популярны в России в 1810–1820-е годы. После смерти лицейского профессора миниатюра в числе других семейных реликвий перешла к его сыну, а от него — к внуку, В. В. Карцову. Детей у него не было, и он подарил миниатюру своему крестнику В. М. Глинке. Глинка был, как известно, крупнейшим специалистом в области русской культуры, всю жизнь проработавшим в Эрмитаже. Он имел привычку подробно описывать семейные реликвии. По поводу миниатюры Александра I он также составил небольшую записку, указав, что, согласно семейному преданию, лицейскому профессору Я. И. Карцову ее подарил не кто иной, как В. А. Жуковский. После смерти В. М. Глинки владельцем миниатюры стал племянник Владислава Михайловича, известный петербургский писатель М. С. Глинка, от которого она и поступила во Всероссийский музей А. С. Пушкина в канун лицейского юбилея.

Почти 20 лет приезжают в нашу страну для участия в пушкинских праздниках его потомки из Бельгии: праправнук поэта А. А. Пушкин и его жена М. А. Пушкина-Дурново, прапраправнучка А. С. Пушкина. Нередко их приезд сопровождается приношением музею уникальных реликвий, хранившихся в их семье. Так, супруги Пушкины подарили Всероссийскому музею А. С. Пушкина пресс-папье, когда-то изготовленное сыном поэта, Григорием, из ствола последней из трех сосен, воспетых Пушкиным в стихотворении «Вновь я посетил...», рукописный Атлас дорог Псковской губернии, датированный 1807 годом, и многое другое. В день лицейского праздника они передали в дар музею уникальное издание «Евгения Онегина», хранившееся в семье с XIX столетия.

В день 200-летия Лицея фонды Всероссийского музея А. С. Пушкина пополнились также скульптурным изображением Александра I. На торжественном юбилейном собрании в Музее-Лицее парижанин Ю. А. Трубников передал в дар

музею мраморный бюст императора, где тот изображен в генеральском мундире лейб-гвардии Преображенского полка. Пышная прическа государя, как известно, довольно рано облысевшего, позволяет отнести время создания его скульптурного портрета к первому десятилетию XIX века. Об этом же свидетельствует и мундир лейб-гвардии Преображенского полка образца 1801–1811 годов. Да, именно таким был русский царь в то время, когда М. М. Сперанский в 1808 году представил ему «Первоначальное начертание особенного Лицея» — проект Устава, подписанного в 1811 году.

Предки дарителя, Трубниковы, учились в Императорском Лицее в более поздние времена, во второй половине XIX века. В 1862 году окончил Лицей и один из его дальних родственников — Г. Н. Вырубов. Внучатый племянник лицеиста Н. В. Вырубов среди других фамильных реликвий бережно хранил бюст двоюродного деда. Мы встретились с Николаем Васильевичем в Париже, он пригласил меня к себе домой, где помимо бюста показал еще немало интересного. Позднее, за обедом, он сообщил, что решил завещать бюст Г. Н. Вырубова нашему музею. Разумеется, было отраднo услышать, что бюст выдающегося лицеиста может оказаться там, где он более всего нужен, — в Музее-Лицее. Однако совсем не хотелось связывать его поступление в музей со столь печальным документом, как завещание. И тут нам помог его племянник Ю. А. Трубников, который уговорил дядю передать нам этот бюст. Мы заехали к Вырубовым, и хозяин дома торжественно указал на большую картонную коробку, профессионально упакованную и, как оказалось, почти неподъемную.

— Вот, вручаю для вашего музея, — произнес Н. В. Вырубов. И добавил: — Берегите дедушку.

Да, это был долгожданный бюст лицеиста Г. Н. Вырубова. Также Николай Васильевич преподнес в дар акварельный портрет Г. Н. Вырубова и фотографию Л. Н. Помье, учителя французского языка в Императорском Александровском Лицее. Оба были изображены в марокканских костюмах перед поездкой в Марокко, организованной некогда для лицеистов. Сегодня эти реликвии представлены на постоянно действующей выставке на 2-м этаже Царскосельского Лицея.

В 1874 году окончил Лицей с золотой медалью и А. В. фон дер Пален. Спустя годы его сын В. А. фон дер Пален по окончании Лицея также был удостоен большой золотой медали. Такой в собрании нашего музея не было, и мы, разумеется, желали ее получить. Во время съемок фильма «Лицей после Лицея», посвященного судьбам лицейских выпускников в эмиграции, мы начали переговоры об этом с одним из героев нашего фильма, В. В. фон дер Паленом. Однако нас опередил Николас фон Ринтелен, который просто купил у Палена медаль для того, чтобы подарить ее нашему музею.

Не обошли вниманием юбилей Лицея и потомки лицеистов, окончивших Императорский Лицей в начале XX века. В результате фонды Всероссийского музея А. С. Пушкина пополнились многими любопытными экспонатами. Среди фотографий родственников лицеистов из семейных архивов, книг с автографами, свидетельств об окончании Лицея и многого другого хотелось бы выделить уникальный памятный знак в виде медальона с двойным ушком (металл, золото, эмаль) с вензелем императора Александра I, а также знак в форме лицейской треуголки

с двойным ушком и надписью «Гусару-лицеисту», принадлежавшие выпускнику Императорского Александровского Лицея 1917 года М. М. Красовскому и переданные в дар его племянником Ю. П. Андреевым.

Большинство лицейских реликвий представлено сегодня в экспозиции мемориального Музея-Лицея. Однако кое-что хранится в фондах музея, которые, мы надеемся, будут пополняться новыми реликвиями и документами.

4. Лицейские маршруты

Большое внимание при подготовке лицейского юбилея его организаторы уделяли экспозиционно-выставочной работе. В 2010–2011 годах была завершена музеефикация всех помещений Царскосельского Лицея. Экспозиция «Живем мы памятью Лицея», размещившаяся во втором этаже лицейского здания и рассказывающая об истории Лицея и лицеистов, о создании музея в его стенах, была открыта летом 2010 года в дни празднования 300-летия Царского Села.

Девятнадцатого октября 2011 года, в день 200-летия Лицея, распахнула свои двери для посетителей мемориальная квартира гувернера и преподавателя рисования Сергея Гавриловича Чирикова, предполагаемого автора портрета Пушкина, написанного в годы обучения поэта в Лицее. Здесь, в квартире Чирикова, размещенной в арке, соединяющей Лицей с Екатерининским дворцом, по вечерам собирались лицейские воспитанники, обсуждали происшествия дня, рассказывали о событиях реальных и вымышленных. Известно, что Пушкин во время одного из таких вечеров в порыве вдохновения написал на стене несколько поэтических строк, которые долго сохранялись заботами хозяев квартиры. Здесь же лицеисты долгими вечерами делали ученические рисунки, поражающих нас сегодня своим мастерством.

Факсимильное издание рисунков лицеистов первого выпуска, альбом «Отечество нам Царское Село», Лицейская энциклопедия, двухтомник воспоминаний бывших воспитанников Императорского Лицея, буклеты лицейских выставок и многое другое вышли в свет в канун лицейского юбилея. В разных странах Европы прошли выставки, посвященные Лицею. Версаль, Вильнюс, Таллин, Хельсинки, Вена, Братислава, Прага, Брюссель, Берлин, Афины — таков был лицейский выставочный маршрут. Причем выбор этих стран далеко не случаен. Как известно, прообразом Лицея стал древнегреческий Ликей, созданный Аристотелем в середине IV века до н. э. на северо-восточной окраине Афин, в роще Ликейон близ храма Аполлона Ликейского. Поэтому завершили программу лицейских торжеств выставка «Когда возник Лицей» и научная конференция «Афинская школа и Царскосельский Лицей» в Афинах. А началась она 17 сентября 2010 года в Версале открытием в день Европейского культурного наследия выставки «Французское Просвещение и русский Лицей в Царском Селе». Ведь именно во Франции и Германии стажировались будущие профессора Царскосельского Лицея: А. П. Куницын, Я. И. Карцов, И. К. Кайданов и др., их мировоззрение формировалось под влиянием идей французского Просвещения. Многие лицеисты первого выпуска (Дельвиц, Гревениц, Кюхельбекер, Корф, Горчаков и др.), а также лицеисты последующих курсов были родом из Прибалтики, поэтому в Таллине и Вильнюсе юбилейные выставки дополнялись материалами о связях лицеистов с этим краем. А на выставках в Хель-

синки и Вене были представлены интересные документы о службе в этих местах выпускников Императорского Лицея как первого, так и более поздних лицейских выпусков.

Особо следует отметить две научные конференции, проходившие 17–18 октября в залах Музея-Лицея и 20 октября в Таврическом дворце. И если Международная конференция «Императорский Царскосельский (Александровский) Лицей в истории России», которая открылась в Лицее, была посвящена главным образом изучению лицейского прошлого, то научная конференция, проходившая в Таврическом дворце, подготовленная Академией госслужбы при участии Всероссийского музея А. С. Пушкина, ставила своей задачей актуализацию лицейского опыта образования и воспитания государственных служащих в условиях жизни современного общества.

В дни празднования юбилея Императорского Царскосельского Лицея в Петербурге в Доме кино состоялась премьера нового фильма «Когда возник Лицей», созданного Всероссийским музеем А. С. Пушкина совместно со студией «Кинор». В Царском Селе премьера этого фильма прошла в Доме молодежи «Царскосельский» 8 февраля 2012 года, в день 175-летия роковой пушкинской дуэли на Черной речке.

Мы благодарны всем, кто поддержал наши усилия провести Лицейский праздник достойно. Особая признательность — Министерству культуры Российской Федерации, Администрации Санкт-Петербурга, руководству Пушкинского района, воспринявшему юбилей Лицея как важное событие в жизни Царского Села. Мы обязательно вспомним и отметим всех, кто так или иначе оказал нам содействие советом, конкретным деянием или спонсорской поддержкой. Специальные серебряные значки, изображающие герб Лицея, уже отчеканены на Монетном дворе в Петербурге. Их получают на память все лицейские доброты. А те, кто еще не успел помочь созданному в канун юбилея Лицейскому фонду, вполне могут заявить о себе.

Мне посчастливилось родиться в Царском Селе, и я не помню себя без прогулок в наших парках, в Лицейском саду у памятника Пушкину. С самых ранних лет я помню Лицей, его первую скромную экспозицию — Большой зал и два прилегающих интерьера третьего этажа, а также комнаты Пушкина и Пушина на 4-м этаже. Все остальное пространство занимали коммунальные квартиры. Сегодня, когда музеефицировано последнее мемориальное пространство, где воссоздана квартира учителя рисования и гувернера С. Г. Чирикова, работы по возрождению Лицея полностью завершены.

И как поздравление из далекого лицейского прошлого звучат сегодня слова великого лицеиста из его стихотворения «19 октября 1825 года»:

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село (II, 425).

С. Л. Смирнова

ЛИЦЕЙСКИЕ РЕЛИКВИИ В СОБРАНИИ ВСЕРОССИЙСКОГО МУЗЕЯ А. С. ПУШКИНА

Прошло 200 лет с момента, когда двери Императорского Царскосельского Лицея открылись для первых учеников. Много это или мало, пусть решает сегодняшнее поколение, которое входит в здание Царскосельского Лицея не как в учебное заведение, а как в музей. Задача Лицея нынешнего — рассказать посетителям о Лицее прошлом, дать возможность стать сопричастным к священному таинству жизни прежних его обитателей. Это стало делом всей жизни людей, которые изо дня в день по крупицам собирают и хранят уникальное лицейское наследие. Именно благодаря усилиям директора Всероссийского музея А. С. Пушкина Сергея Михайловича Некрасова, сотрудников Музея-Лицея и работников фондов лицейское собрание ежегодно приумножается.

В 1997 году в рамках фестиваля «Царскосельская осень в Париже» Всероссийский музей А. С. Пушкина открыл в Русском культурном центре двухнедельную выставку «Пушкин в Царском Селе». Среди многочисленных представителей русской эмиграции во Франции фестивальными вечера посетил Николай Васильевич Вырубов — внучатый племянник выпускника Императорского Царскосельского Лицея Григория Николаевича Вырубова, видного ученого и мыслителя второй половины XIX века. С тех пор идея сохранения лицейского наследия и изучения лицейской старины объединила узлами тесного, плодотворного сотрудничества работников Музея-Лицея и потомка знаменитого лицеиста. В 2009 году из Парижа пришла печальная весть: Николая Васильевича Вырубова не стало.

В 1999 году, накануне открытия в Музее-Лицее постоянной выставки «Императорский Александровский Лицей. Наставники и питомцы», Николай Васильевич преподнес музею в дар фамильные реликвии Вырубовых. Бюст лицеиста Г. Н. Вырубова, его акварельный портрет и фотография Луи-Эдмунда Николаевича Помье, учителя французской словесности (1859–1865) в Императорском Александровском Лицее стали важнейшими экспонатами вновь созданной экспозиции.

В ноябре 2003 года сотрудник Российской национальной библиотеки Бронислава Александровна Градова преподнесла в дар Всероссийскому музею А. С. Пушкина супницу с буквами «И. А. Л.», которую она обнаружила совершенно случайно.

Через Светлану Васильевну Павлову в фонды музея Екатериной Ильиничной Воициной в 2005 году были переданы в дар материалы из семейного архива Воициных: две лицейские фотографии Ильи Константиновича Воицина (1879–

1912, LV курс, выпуск 1899 г.) и Даниила Константиновича Воицина (1885–?, LXI курс, выпуск 1905 г.), осколок лицейского колокола LV курса Императорского Александровского Лицея, печатка с гербом рода Воициных, а также аттестат об окончании Лицея, выданный Илье Воицину 27 мая 1899 года.

В 2007 году фонды музея пополнились ценнейшими материалами. Через Сергея Михайловича Некрасова петербурженка Юлия Борисовна Демиденко преподнесла в дар музею вещи из архива семьи Никольских: две фотографии Владимира Васильевича Никольского (1836–1883), сделанные в разных фотоателье Санкт-Петербурга в 60-х годах XIX века, и его живописный портрет, выполненный неизвестным художником во второй половине XIX века. Для лицейского собрания, состоящего в основном из лицейских документов, фотографий, книжных изданий, предметов прикладного характера и нумизматики (жетоны, медали и т. п.), это полотно имеет особое значение. Прижизненный живописный портрет В. В. Никольского, написанный в бытность его преподавателем в Александровском Лицее, является единственным предметом такого рода в лицейской коллекции. В благодарственном письме на имя Юлии Борисовны Демиденко сказано: «Трудами В. В. Никольского, профессора и инспектора Императорского Александровского Лицея, были устроены Пушкинские музей и библиотека, от которых ведет начало Всероссийский музей А. С. Пушкина... Трудно переоценить значимость Вашего дара, особенно в преддверии 200-летнего юбилея Императорского Александровского Лицея». После реставрации картина заняла свое место в экспозиции одного из лицейских залов.

Интересна история появления в лицейской коллекции визитной фотографии Александра Михайловича Горчакова (1798–1883) — лицеиста I курса, выпускника 1817 года (1880-е гг., СПб., коричневый позитив, 10,2 x 5,8 см, ВМП КП 35546). Анна Дмитриевна Кошелева, внештатный экскурсовод Лицея, преподнесла ее в дар музею. В свою очередь ей фотография досталась от благодарного посетителя, который был очарован повествованием Анны Дмитриевны. К сожалению, имя этого человека осталось неизвестным.

«Пушкин — лучшая слава Лицея... — считали основатели музея «Лицеана». — Но справедливо ли забывать нам о других, более скромных деятелях литературы и науки, воспитанных Лицеем?» Главной задачей этого музея было изучение лицейской старины. Библиотека музея «Лицеана», основанная 19 октября 1884 года, включала в себя раздел воспоминаний и записок о лицейских годах настоящих и бывших воспитанников ИАЛ. У современных исследователей задача более сложная, так как не осталось на свете ни одного живого свидетеля тех событий. Но чудеса случаются и в наше время. Парижанка Ксения Николаевна Паскалис, дочь Николая Владимировича Буторова (1884–1970, LXII курс, выпуск 1906 г.), через Светлану Васильевну Павлову передала в дар в фонды музея неопубликованные воспоминания 1905–1920 годов Николая Владимировича Буторова «Прожитое» и современную цифровую копию с фотографии 1906 года «Выпускники 62 курса Императорского Александровского Лицея». Вместе с этими материалами Ксения Николаевна передала от своей родственницы Марьи Алексеевны Кирилловой (урожденной Татищевой) документы из семейного архива Татищевых: рукопись опубликованных воспоминаний в четырех частях Алексея Алексеевича Татищева (1885–1947), также лицеиста LXII курса (ВМП КП 35505); подготовительные чер-

новые) заметки к воспоминаниям А. А. Татищева (ВМП КП 35506); документ на проживание во Франции русского беженца А. А. Татищева на 10 листах (ВМП КП 35507); юбилейную бронзовую медаль к 150-летию Императорского Александровского (б. Царскосельского) Лицея, выпущенную за границей.

Из письма Ксении Николаевны к Светлане Васильевне Павловой:

Помнится мне, как в октябре 1970 года папа с нетерпением ждал день празднования Лицея. «Вот, — говорит, — через два дня я поеду на праздник Лицея! — Но, папа, ведь через два дня будет 19 октября по новому стилю, а день Лицея празднуется 19-го октября по старому стилю, то есть 1-го ноября». Папа был огорчен своей ошибкой и тем, что ждать придется еще почти две недели. Неделю спустя у папы был удар, а еще через неделю он скончался утром 1-го ноября, в день Лицея. В этот день все рedeюющие ряды собравшихся воспитанников всех курсов Лицея, отстояв молебен, поминали на панихиде, с другими скончавшимися прежде лицеистами, новопреставленного раба божия Николая.

В октябре 2010 года, в рамках фестиваля «Год России во Франции и Франции в России» Всероссийским музеем А. С. Пушкина и мэрией города Версаля была организована выставка «Французское Просвещение и русский Лицей в Царском Селе» в Версале. Трудно сказать, слово «французское» в названии русской выставки или простое любопытство явилось причиной такой огромной популярности выставки среди французов.

Из этой версальской поездки Сергей Михайлович Некрасов вернулся не с пустыми руками: лицейское собрание пополнилось новыми дарами от потомков лицеистов, эмигрировавших после 1917 года. Так, Юрий Трубников, племянник Николая Вырубова (о нем речь шла выше) передал в дар музею фотографии Григория Николаевича и других лицеистов, бывших в эмиграции, и свидетельство о присвоении медали Григорию Вырубову 8 июня 1912 года по случаю 40-летия французской военной кампании 1870–1871 годов (бумага, печать, 30,8 x 20,9 см; ВМП КП 36025).

Ирина Александровна Шидловская, урожденная Боткина (потомок лицеиста Юрия Евгеньевича Боткина, II курс, выпуск 1916 г.) подарила музею книгу «Исторический очерк Императорского Александровского (б. Царскосельского) Лицея; составлен лицеистом LV курса А. Н. Яхонтовым» (Париж, 1936. 242 с., бумага, печать, 23 x 15,5 см; ВМП КП 36007) и почтовую карточку на имя Алексея Степановича Хрипунова (лицеист LX курса, выпуск 1904 г.) с трогательным текстом на адресном поле: «Сердечный Лицейский привет собравшихся в Париже Лицеистов нашему дорогому Алексею Степановичу, более 35-ти лет проводившему с нами этот Священный день Лицея. От души желаю тебе скорейшего выздоровления. Твой Афро-симов 68 к.», ниже — подписи всех присутствовавших с указанием номеров курсов (бумага, печать, чернила, 10 x 14 см; ВМП КП 36024).

Не только бывшие лицеисты и их потомки радуют о сохранении лицейского наследия. Интересна история появления в музейной коллекции большой наградной золотой медали выпускника LVI курса барона Владимира фон дер Палена. В 2008 году Николас фон Ринтелен, потомок А. С. Пушкина, узнав о желании потомков фон дер Палена продать большую золотую медаль, купил эту уникальную вещь и преподнес ее в дар Всероссийскому музею А. С. Пушкина. Это был поистине королевский подарок.

Немало сил к появлению этой медали в лицейской коллекции приложил Сергей Михайлович Некрасов.

Среди даров Николаса можно выделить еще два, касающихся истории Лицея: это наградная книга ИАЛ — полное собрание сочинений И. С. Тургенева (3-е изд. СПб.: типография Глазунова, 1891. Т. VII. 458 с.; ВМП КП 35606) и меню обеда выпускников ИАЛ на 19 октября 1922 года в Париже (тонкий картон, бумага, печать, тиснение, позолота; ВМП КП 35600).

Юрий Павлович Андреев, узнав из газеты «Санкт-Петербургские ведомости» о создании новой экспозиции в стенах Лицея, в конце мая 2010 года пришел в музей на Мойке. Он оказался племянником лицеиста Михаила Митрофановича Красовского (1899–1951; LXXXIII курс, выпуск 1917 г.). Благодаря Юрию Павловичу музею стала известна непростая история жизни М. М. Красовского, а также получен еще один замечательный дар, внесший коррективы в уже готовую научную концепцию новой экспозиции «Живем мы памятью Лицея...», открывавшейся в Лицее в июне 2010 года. Некоторые из подаренных вещей музейщики увидели впервые. Таким оказался общелицейский именной жетон, принадлежавший Михаилу Митрофановичу Красовскому. Впоследствии было выяснено, что такие золотые жетоны с определенного времени стали тиражированными, они присваивались всем выпускникам Александровского Лицея приблизительно последних трех выпусков. Тем не менее подобного жетона в коллекции Всероссийского музея А. С. Пушкина не было.

Второй уникальной вещью из дара Юрия Павловича стал значок «Гусару-лицеисту». Историю появления и судьбу этого знака в лицейской летописи еще предстоит разгадать. Всего подаренных предметов было 36, среди которых 23 фотографии, 10 из них (фотографии воспитанников и интерьеров Александровского Лицея) пополнили фонд документальной фотографии. Сегодня общелицейский именной жетон, значок «Гусару-лицеисту» и некоторые фотографии можно увидеть в новой экспозиции второго этажа Царскосельского Лицея.

Несомненный интерес для исследователей представляют еще два предмета из дара Ю. П. Андреева: свидетельство № 2256, выданное 22 сентября 1912 года воспитаннику ИАЛ М. М. Красовскому на право носить на левой стороне груди нагрудный знак в память столетия Лицея (бумага, печать; ВМП КП 35892) и свидетельство о награждении серебряной медалью воспитанника первого класса М. Красовского за диссертацию «Переселение крестьян в Сибирь» (бумага, печать; ВМП КП 35893). В знак признательности за столь ценный дар Юрий Павлович Андреев был приглашен в качестве почетного гостя на торжественное открытие выставки «Живем мы памятью Лицея...» 25 июня 2010 года в Музее-Лицее.

Через полгода фонды музея пополнились еще одним общелицейским золотым именованием жетоном, принадлежавшим Дмитрию Сергеевичу Михайлову (LXXII курс, выпуск 1916 г.). Жетон, аттестат об окончании ИАЛ, похвальный лист на имя Дмитрия Сергеевича Михайлова, его фотографию и цветной позитив на стекле музей приобрел у Анны Евгеньевны Михайловой, свято хранящей память о лицеистах — своем деде Сергее Дмитриевиче Михайлове (XLV курс, выпуск 1889 г.) и дяде Дмитрии Сергеевиче Михайлове. С огромной благодарностью и уважением к пожилому человеку Марина Витальевна Бокариус и Елена Владимировна Пролет организовали для Анны Евгеньевны поездку и экскурсию по залам Лицея.

Ровно за год до 200-летнего юбилея Михаил Сергеевич Глинка торжественно передал директору Всероссийского музея А. С. Пушкина миниатюрный портрет Александра I, выполненный неизвестным монограммистом в 1822 году.

Методы и формы комплектования любой музейной коллекции основаны на совокупности определенных критериев и параметров представляемого предмета, где наиболее важными являются мемориальность, временные рамки, история бытования и искусствоведческая ценность. К сожалению, часто определение объекта как музейного предмета осуществляется по одной или двум перечисленным характеристикам. Целесообразность приобретения музеем миниатюры была полностью оправдана. Неоценимо историческое значение личности Александра I и как императора, и как учредителя Царскосельского Лицея; сама миниатюра является высокохудожественным произведением искусства первой трети XIX века. Но наибольшую ценность для коллекции Всероссийского музея А. С. Пушкина имеет история бытования портрета. По семейному преданию, миниатюра была подарена Василием Андреевичем Жуковским профессору физики и математики Якову Ивановичу Карцову, преподававшему эти науки юному Пушкину в 1811–1816 годах. Став семейной реликвией Карцовых, миниатюра передавалась из поколения в поколение, пока не заняла своего места в рабочем кабинете Владислава Михайловича Глинки (1903–1983), главного хранителя Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа с 1944 года.

Миниатюрный портрет Александра I стал жемчужиной лицейской коллекции, подведя юбилейную черту в подготовке празднования двухвекового юбилея Императорского Александровского (бывшего Царскосельского) Лицея. Сотрудники Всероссийского музея А. С. Пушкина убеждены в том, что празднование 200-летия Лицея в Царском Селе послужило стимулом для обретения новых лицейских реликвий.

Е. Б. Добровольская

ЛИЦЕЙСКИЕ ПРОГРАММЫ ВСЕРОССИЙСКОГО МУЗЕЯ А. С. ПУШКИНА В ЭСТОНИИ

Для почитателей и знатоков русской культуры 2011 год стал особенным: 19 октября исполнилось 200 лет со дня откры-

тия в Царском Селе уникального учебного заведения — Императорского Лицея. Старт юбилейным торжествам в Эстонии был дан в Нарве, где в стенах Нарвского колледжа Тартуского университета 27 и 28 января прошли мероприятия под общим названием «Царскосельский Лицей и Эстония: пересечение судеб».

То, что юбилейный для Лицея год начался на эстонской земле, неслучайно: в Лицее на протяжении всей его истории (1811–1918) воспитывались юноши из дворянских семейств Эстляндии и Лифляндии. Каждый четвертый лицеист первого, пушкинского, выпуска был родом из Прибалтики. Александр Горчаков, воплотивший в своей жизни лучшие надежды лицейских наставников, ставший министром иностранных дел России, родился в эстонском городке Гапсаль (ныне Хаапсалу), а его детские годы прошли в Ревеле (Таллине). Вильгельм Кюхельбекер провел детство в местечке Авином (Авинурме) и позднее с любовью воспел в стихах «светлый домик на холме», «...луга Эстонии и милой, и счастливой...». Судьбы этих двух лицеистов сложились по-разному: один стал государственным канцлером Российской империи, второй — «бунтовщиком», декабристом, но память о них в Эстонии хранят и сегодня: дом Горчакова отмечен мемориальной доской, а на месте дома Кюхельбекера установлен валун с памятной надписью. С Эстонией связаны также имена поэта А. А. Дельвига, генерала В. Д. Вольховского, адмирала Ф. Ф. Матюшкина. Впоследствии в Лицее обучались целые династии, корнями связанные с прибалтийской землей: Крузенштерны, Берги, Розены, Иксули и др.

Царскосельский Лицей и Эстонию связывает не только прошлое, но и настоящее: в столице Эстонии, Таллине, сейчас действует лицей (Линнамаяский Русский лицей), в котором уже на протяжении 15 лет работает музей «А. С. Пушкин. Век XX». А для учащихся этой школы ежегодно, начиная с 2003 года, проводится торжественная церемония посвящения в лицеисты в Большом парадном зале Музея-Лицея.

На изучение жизни и творчества Пушкина в учебной программе школ, гимназий и лицеев Эстонии отведено до обидного мало часов — об этом постоянно говорят преподаватели литературы и учителя начальной школы. Но ведь донести до молодого поколения знание и понимание великой русской культуры можно не

только на уроках, для этого есть и другие «жанры»: например, посещение выставок, музейные занятия, экскурсии, литературные игры и конкурсы. Об этих разнообразных формах работы с детьми, о музейных, лицейских программах Всероссийского музея А. С. Пушкина, адресованных школьникам и преподавателям, и пойдет речь в этой статье.

Все началось в 2004 году, когда в рамках проекта «В памяти современников» в Нарве в доме культуры «Ругодив» состоялся цикл лекций научных сотрудников ВМП, организованный национально-культурным обществом «Святогор» и культурно-просветительским обществом «SOPHIA». Цикл включал девять лекций-встреч с ведущими научными сотрудниками музея, которые рассказывали жителям города о богатстве коллекций Всероссийского музея А. С. Пушкина, истории музея и его замечательных филиалов. Входили в этот цикл и лекции «Царскосельский Лицей», «Лицейст Александр Пушкин», «Императорский Александровский Лицей».

Основными слушателями лекций были учителя и ученики нарвских школ. Газеты в те дни писали: «Нарвлянам представляется редчайшая возможность услышать рассказ о Пушкине от наиболее близких на сегодняшний день к его наследию людей»¹. А вот восприятие одного из слушателей, журналиста Виталия Школы: «Как будто вновь наступил 1811 год, и юный Пушкин, а вместе с ним и мы все переступили порог Лицея. То, что звучало со сцены, нельзя назвать ни лекцией, ни уроком. Пронизанный любовью и нежностью к мальчишкам-лицейстам, рассказ заполнил зал атмосферой Царского Села начала XIX века. Быт и досуг, первые стихи и детские шалости, строгие учителя и внимательные воспитанники — все это здесь, близко, почти осязаемо...»². Как непосредственный участник этого лекционного цикла я помню, что мы стремились «расшевелить» аудиторию, включить ее в процесс творческого общения. Например, в заключение одной из встреч была устроена «поэтическая дуэль», когда публике предлагалось продолжить ту или иную строчку поэта, и одной из самых активных участниц стала заместитель председателя городского собрания Нарвы Л. В. Оленина.

В том же 2004 году был заключен договор о сотрудничестве между ВМП и городом Нарвой, позже договоры о сотрудничестве в области культуры были заключены также с городскими управлениями Кохтла-Ярве и Силламяэ. С той поры сотрудничество приобрело самые разнообразные формы и особенно активно развивалось в двух направлениях: выставочная деятельность и музейная педагогика.

За эти годы ВМП провел в разных городах Эстонии немало выставок, связанных с лицейской тематикой, и на каждой сотрудниками отдела музейной педагогики проводилась серьезная работа с посетителями: беседы, занятия со школьниками, литературные игры, литературно-музыкальные вечера.

На выставке «В садах Лицея» (Нарва, Художественная галерея Нарвского музея, 2006) посетители знакомились с историей создания Лицея и его учебной программой, наставниками и питомцами первого выпуска; особый раздел был посвящен лицейстам — выходцам из Эстляндии. Встреча со школьниками на выставке начиналась с просмотра видеофильма о Лицее, затем следовал осмотр экспозиции и небольшое занятие в мастерской Художественной галереи, где дети создавали по памяти лицейский герб. Такая форма занятия получила горячее признание у посетителей: неторопливый темп общения, возможность задать вопрос, вступить в

диалог, разнообразные формы творческого участия помогли раскрепоститься, ненавязчиво подвели учащихся к следующему шагу — самостоятельному обращению к лицейской теме. А многих педагогов занятие на выставке убедило в необходимости привезти своих учеников в Россию, в Музей-Лицей.

В том же году в Художественной галерее было проведено занятие со школьниками «Бессмертный наш певец Державин», которое состояло из нескольких частей и проходило в лекционном зале, на самой выставке и в художественной мастерской. Сначала звучал краткий рассказ о жизни и творчестве поэта и о написанной в Нарве знаменитой оде «Бог»; затем предлагалось посмотреть фильм о восстановлении бывшей усадьбы поэта и создании в ней музея Г. Р. Державина и русской словесности его времени; и, наконец, учащиеся выполняли творческое задание — проиллюстрировали стихи Державина. Полтора часа общения, а сколько новых знаний, сколько пережитых эмоций! Наши юные участники искренне удивлялись тому, как современно звучат стихи поэта, признавались, что впервые узнали о пребывании Державина в Нарве.

Фотовыставка «Дом поэта» в 2007 году побывала в Нарве, в Кохтла-Ярве и в Силламяэ. Надо сказать, для многих жителей Эстонии было открытием, что музей Пушкина — огромный музейный комплекс из шести филиалов. Посетители выставки с увлечением рассматривали представленные в экспозиции изображения домов, где жили Державин, Пушкин, Некрасов, и кабинетов великих русских поэтов. Пушкин был убежден, что «настоящее место писателя есть его ученый кабинет», — и это увлекало нас в путешествие от лицейской конторки юного Пушкина до удобного рабочего стола поэта в его последней квартире на Мойке, 12. Работа с учащимися на этой выставке показала, насколько важно для наших соотечественников понять истоки представлений Пушкина о творческом процессе как о неустанном труде.

Приведу несколько строчек из Книги отзывов, которые передают атмосферу этих встреч: «Спасибо за удивительный урок. Пушкин как будто ожил для нас. Очень захотелось прочитать и вновь перечитать его стихи!» (4-й класс, школа Астангу); «Было интересно узнать о жизни Державина, Некрасова, Пушкина. Фотографии помогли нам увидеть дома этих поэтов. Было приятно слышать правильную русскую речь» (8-й класс, школа Ваналинна); «Вы сказали: “Традиция — дело благородное”, и мы искренне надеемся, что такие встречи станут хорошей традицией» (Молодежный парламент г. Силламяэ); «Огромное спасибо за интересный рассказ — наши подростки редко бывают так внимательны...» (учитель, школа Ваналинна); «Такое счастье, что есть возможность побывать на выставке и занятии. Пушкин — это вечное. Спасибо за воспитание духовности в людях» (бабушка ученика школы Астангу).

Выставка «Пушкиниана Нади Рушевой» (Нарва, Центральная библиотека, 2004; Силламяэ, Центральная городская библиотека, 2007; Таллин, Линнамяэский русский лицей, 2008) в Силламяэ сопровождалась занятиями, организованными Силламяэской библиотекой. Творчество и судьба Нади Рушевой стали открытием, в конце занятия некоторые не могли сдержать слез. Дети рассматривали представленные на выставке (в копиях) работы молодой художницы, узнавали лицейстов — героев ее рисунков, слушали рассказ о ее короткой, но яркой жизни. Одним из фи-

нальных эпизодов занятия стало знакомство с анкетой, которую составила когда-то Надя и где сформулированы основополагающие вопросы бытия: что люблю, что ненавижу, любимый автор, любимый литературный герой... Ребятам предлагалось письменно ответить на вопросы этой анкеты. Мы не читали ответы вслух — они оставались тайной каждого, но звучали ответы самой Н. Рушевой. Их слушали в пронзительной тишине. Эти маленькие листочки с анкетой, так же, как и уменьшенные копии рисунков Рушевой, участники занятия уносили с собой, на память.

Выставка «Я вас любил» (Нарва, Кренгольмская библиотека, 2008; Силламяэ, Центральная городская библиотека, 2008; Нарва-Йыэсуу, библиотека, 2011) дала прекрасный повод поговорить с посетителями, в основном старшеклассниками, о самом сокровенном — о любви. Они предельно внимательно слушали рассказ о судьбах тех, кто когда-то пленил сердце поэта, задавали множество вопросов и участвовали в литературной викторине. На занятие ребята приходили подготовленными (таково было предварительное условие), читали понравившиеся им пушкинские стихотворения о любви, а в завершение занятия с удовольствием выполняли творческую работу: выбирали «свою» пушкинскую героиню и объясняли свой выбор. Журналисты, посетившие музейные занятия на выставке ВМП, отмечали: «Здесь нет подлинников шедевров живописи или раритетов пушкинских времен. Портреты Натальи Гончаровой или княгини Волконской можно при желании найти в Интернете или в художественном альбоме. Главная ценность выставки — в информации, в рассказе о том, что связывало поэта с той или иной красавицей, о ее судьбе, о пушкинской эпохе»³.

А вот что написали в Книге отзывов учащиеся Русской гимназии из города Йыхви: «Огромное спасибо тем, кто организовал выставку, и за рассказ. Потрясающе было слушать, смотреть, не отрываясь, не обращая внимание, что шея уже затекла, а из глаз готова пролиться слеза...»; «Спасибо за столь нужные слова, за возможность окунуться в удивительный мир пушкинской поэзии. Надеемся на новые встречи»; «После этой экскурсии обязательно найду в Интернете “Записки” Марии Волконской и прочитаю!»; «С каждым словом становилось все интереснее, хотелось узнать еще больше. Теперь у меня появилось большое желание съездить в те места, где бывал Пушкин...». Эти записки привожу здесь для того, чтобы передать силу воздействия на подростков пушкинского слова. И как важно, что после подобных занятий им хочется почитать о пушкинской эпохе (пусть в Интернете!) или приехать в Россию, прийти в музей... Каждая подобная встреча — лишь толчок, начало пути, начало личностного роста, постижения и самого себя, и сокровищ мировой культуры...

Еще одна грань работы ВМП в Эстонии — это сотрудничество с преподавателями русских школ, гимназий, лицеев и колледжей, ведь именно педагоги, как никто другой, заинтересованы в приобщении молодого поколения жителей Эстонии к русской культуре. Сотрудничество приняло форму международных педагогических конференций или семинаров, которые проходили в разных городах — Таллине, Кохтла-Ярве, Нарве.

В 2008 году ВМП совместно с Таллинским Линнамяэским русским лицеем на грант фонда «Русский мир» осуществил социокультурный проект «А. С. Пушкин в Эстонии». Проект включал в себя научно-практическую конференцию и выстав-

ку «Жизнь и творчество А. С. Пушкина в произведениях художников XX века». Конференция для преподавателей русского языка и литературы русскоязычных школ Эстонии называлась «Традиции Царскосельского (Александровского) Лицея и современные методы преподавания и воспитания учащихся». Представителями ВМП на этой конференции были директор музея С. М. Некрасов, зам. директора по науке Р. В. Иезуитова, научные сотрудники ВМП А. Г. Рабинянц, И. А. Щепеткова, И. В. Розина. Основные темы конференции: «Царскосельский (Александровский) Лицей как уникальное учебное заведение»; «Потенциал литературного музея в вопросах обучения и воспитания детей»; «Мультимедийные технологии: музей — детям».

Семинар 2009 года назывался «Наставникам... за благо воздадим» и проходил в Кохтла-Ярве. Вниманию преподавателей были предложены лекции: «Три эпохи музея» (С. М. Некрасов), «Пушкин и Гоголь» (А. Г. Рабинянц), «“Наставникам, хранившим юность нашу...”». Педагогические воззрения первых директоров Лицея В. Ф. Малиновского и Е. А. Энгельгардта (Е. Б. Добровольская). Один из организаторов этого международного семинара, депутат эстонского парламента В. Корб, отмечал в те дни: «Я всегда считал Петербург сокровищницей русской культуры. И чем больше элементов этой культуры придет в Эстонию, тем богаче станут живущие здесь люди. Поэтому и сложились дружеские связи с музеем Пушкина»⁴.

Спустя год международный педагогический семинар вновь прошел в столице Эстонии, в Линнамяэском русском лицее. С рассказом о последней квартире поэта выступила Г. М. Седова, заведующая музеем-квартирой А. С. Пушкина на Мойке, 12, а специалист отдела музейной педагогики В. А. Ласица представила международный детский проект «Путешествие с Золотой рыбкой (Ищи, читай, рисуй!)». Детские рисунки, созданные в рамках этого проекта, в течение года экспонировались в выставочном зале музея.

Лицейские программы ВМП в Эстонии предполагают и такой вид работы, как лицейский лекторий. Первый подобный опыт состоялся в октябрьские дни 2007 года в Силламяэской городской библиотеке. Беседа о Лицее сопровождалась показом видеоматериалов, а также обзором художественных альбомов и книг, которые тщательно и с любовью подбирались сотрудниками библиотеки — в данном случае они выступали соавторами занятия. Соавторами становились и дети — ведь и они готовились к этой встрече: учили пушкинские стихи. Завершалась встреча лицейской викториной с символическими призами. Журналисты, присутствовавшие на занятии, писали: «После просмотра фильма о Лицее, после прекрасного рассказа о жизни лицейстов, о первых шагах Пушкина-поэта, дети сдавали “настоящий лицейский экзамен” — тянули билеты, отвечали на вопросы. Подсказывали, конечно, порой перебивали отвечающего: так хотелось показать свои знания. И когда на всех не хватило экзаменационных билетов, дело чуть не дошло до слез. И все же “к доске” были вызваны все, и по очереди, а иногда и хором отвечали на вопросы о Пушкине и Лицее. С помощью Всероссийского музея А. С. Пушкина, учителей и сотрудников библиотеки, с энтузиазмом воспринявших идею “силламяэской пушкинианы”, присутствие Александра Сергеевича в нашем городе стало ощутимым, осязаемым»⁵.

Лицейский лекторий действовал и в нескольких учебных заведениях Нарвы. Например, в Гуманитарной гимназии в 2008 году состоялся цикл занятий «Силуэты Петербурга» для учеников 5–6-х классов, это были авторские уроки специалиста отдела музейной педагогики ВМП В. А. Ласицы. По приглашению учителей нарвской Пяхклимяэской гимназии в 2009/10 учебном году пушкинские уроки проводила и автор данной статьи. С учениками начальной школы мы занимались по темам «Детство поэта», «Лицей», «Пушкин-лицеист». С учениками средней гимназической ступени обсуждали темы «Детство дворянина», «Лицейские друзья Пушкина». Со старшеклассниками говорили о дуэли в жизни и творчестве Пушкина, о значении дня 19 октября для воспитанников Лицея.

Во время бесед со школьниками на выставках или на лицейских уроках в самых разных городах Эстонии специалисты ВМП каждый раз встречались с неподдельным интересом к русской истории, к жизни и творчеству поэта, к судьбам его друзей, современников. Например, представителей молодежного парламента Силламяэ особенно интересовали российские реформы начала XIX века, история создания и проблемы организации Императорского Лицея. Старшеклассники с большим увлечением сопоставляли лицейскую педагогическую систему с современной школьной. Ученики младших классов с удовольствием рассказывали о традициях своего класса, школы и сравнивали их с существовавшими в Лицее. А с каким энтузиазмом дети пробовали себя в качестве художников — создателей карикатур в духе лицейских изображений! Сотрудники Силламяэской библиотеки отмечали в Книге отзывов: «Приятно было видеть, как загораются любопытством детские глаза и возникают многочисленные вопросы на таком “нестандартном” уроке литературы, и с каким трепетом погружается в эпоху старшее поколение зрителей».

Как раз для того, чтобы случилось главное — «погружение в эпоху», специалисты отдела музейной педагогики ВМП предложили такую форму общения с аудиторией, как литературно-музыкальные вечера. Темы вечеров, а также конкретное содержание каждого из них обязательно согласуются с приглашающей стороной. Сценарий рождается в зависимости от уровня подготовки аудитории, возраста и пожеланий. Особенно востребованной оказалась программа «Четыре зимы А. С. Пушкина» (Нарвская музыкальная школа, 2006; Центральная библиотека г. Силламяэ, 2008; Пяхклимяэская гимназия г. Нарва, 2008; Кесклинасская гимназия г. Нарва, 2009). Вечер готовится совместно с учениками и преподавателями, а гостями становятся родственники и друзья учащихся. Дети читают стихи, поют романсы, музицируют — их выступления включены в общую канву повествования сотрудников ВМП о важнейших событиях жизни поэта, которые произошли зимой; сцены так и называются: «Творчество» (1815), «Дружба» (1825), «Любовь» (1831), «Гибель» (1837). Вечер проходит на высоком эмоциональном накале, одна из участниц, десятиклассница, призналась организаторам: «Я никогда не была в Петербурге, я совсем не знала такого Пушкина... Я обязательно приеду к вам в музей!». Что может быть дороже такой оценки?

Конечно, литературно-музыкальный вечер или лицейский урок — мероприятия камерные, рассчитанные на небольшую аудиторию. Следуя лицейской традиции, мы предпочитаем именно такое общение — «глаза в глаза», ведь именно оно приносит наиболее ощутимые результаты. Но чем больше разнообразных форм творческого сотрудничества, тем интереснее работать.

Идея проведения международного пушкинского конкурса «Опять я ваш, о юные друзья!» родилась у сотрудников отдела музейной педагогики ВМП в 2004 году, а организатором в Нарве стало культурно-просветительское общество «SOPHIA» (председатель — С. Е. Школа). Тогда же определились основные номинации: «Артист», «Поэт», «Художник», «Полиглот», «Исследователь». Они позволяют школьникам всесторонне раскрыть свои таланты и способности к творчеству, но не менее важна и другая цель: помочь ребенку, подростку совершить свое, личностное открытие огромного и прекрасного пушкинского мира. С самого начала к этому проекту было проявлено серьезное внимание и городских властей, и прессы: «Пушкинский конкурс — мероприятие не из обязательных, “для галочки”. Участие в нем зависит только от желания самих ребят, от творческого и душевного порыва. И все это — и желание, и порыв, и вдохновение, увидели и члены жюри из Петербурга, и зрители, почувствовали и сами конкурсанты»⁶.

Так продолжается уже на протяжении десяти лет. За эти годы конкурс перешагнул границы Нарвы, стал республиканским, а потом и международным: в нем принимали участие дети не только из Эстонии, но и из России, Финляндии, Швейцарии, США. С 2007 года конкурс проводится и в Силламяэ, его организаторами стали Центральная городская библиотека и Русское общество культуры. Они выступили с инициативой собственной номинации «Виртуальный художник», которая пользуется у молодежи большой популярностью. Со стороны ВМП конкурс курируют и проводят специалисты отдела музейной педагогики Е. Б. Добровольская и И. В. Лузинова. Практически ежегодно на торжественных мероприятиях присутствует директор ВМП С. М. Некрасов.

Пушкинский конкурс — мероприятие сложное и ответственное. Он должен быть и познавательным, и увлекательным, и четко организованным, и максимально справедливым. И хотя участникам присуждаются «места» и даже «Гран-при», но все же целью представителей ВМП на конкурсе является максимально поддержать желание ребенка проявить свое творческое начало.

Номинация «Полиглот» предполагает чтение произведений Пушкина на языках Европы. За восемь лет мы услышали в Эстонии стихи поэта на эстонском, английском, французском, немецком, украинском, испанском и даже на японском языках. Порой учащиеся представляют и собственные переводы пушкинских текстов.

Номинация «Исследователь» проводится с перспективой на участие представителей Эстонии в международной детско-юношеской научной конференции, которую организует в Петербурге общество «Пушкинский проект». Уже самый первый опыт был успешным: в 2004 году лауреатом конференции стала школьница из Нарвы Алла Швецова с работой, посвященной коллекции князя А. М. Горчакова. А консультации ей оказывали сотрудники отдела музейной педагогики и заведующая фондом живописи ВМП Е. В. Пролет. В 2009 году мы снова сотрудничали с нарвскими учителями, и делегация Нарвы привезла из Санкт-Петербурга несколько дипломов.

Одна из самых многочисленных по числу участников — номинация «Художник». Юные авторы представляют работы, созданные в разной манере, в разных жанрах: иллюстрации к произведениям Пушкина, портреты поэта, биографические сюжеты. Среди тем: «Герои пушкинских произведений», «Дорога к Пушкину»,

«Пушкинская осень». На основе самых ярких работ рождаются выставки: «Сказки Пушкина» (2006); «Там, на неведомых дорожках...» (2007); «Любимые пушкинские герои» (2008); «Рукотворная книга (произведения А. С. Пушкина)» (2009); «Осень в произведениях А. С. Пушкина» (2010). В 2011 году юным художникам предложили создать иллюстрации к лицейской лирике Пушкина, к его стихотворениям о Лицее. На выставке под названием «Да здравствует Лицей» было представлено более сотни детских рисунков и акварелей.

Лучшие работы юных художников из Эстонии не раз участвовали в международных выставках в залах ВМП: «Что за прелесть эти сказки!» (2007); «От шведского льва к Медному всаднику» (2007); «Его стихов пленительная сладость...», посвященная 225-летию со дня рождения В. А. Жуковского (2008). На церемонию открытия выставок обязательно приглашаются авторы, для них проводятся литературные викторины и экскурсии по филиалам ВМП. Работы участников отмечаются в разных номинациях: «За динамичную композицию», «За нетрадиционный сюжет», «За передачу сказочной атмосферы» и др. В Книге отзывов рядом с восхищенными строчками в адрес юных художников есть и такая запись: «Огромное спасибо музею за сотрудничество с русскими в Эстонии. За помощь учителям и школьникам».

Темы пушкинского конкурса постоянно меняются. Однажды в номинации «Артист» мы предложили учащимся начальной школы представить сцены из сказок А. С. Пушкина, а старшим школьникам — из романа «Евгений Онегин». И это был очень интересный опыт: в первом отделении мы были захвачены поистине сказочной праздничной атмосферой, а во втором стали участниками серьезного литературного спектакля. Старшеклассники признавались потом, что их пленило звучащее многоголосое пространство романа.

В 2011 году конкурс был посвящен лицейскому юбилею, в нем приняли участие 245 человек из Нарвы, Силламяэ, Синимяэ, Йыхви, Кохтла-Ярве, Таллина и Ивангорода. Желавших стать участниками номинации «Артист» было так много, что пришлось ограничивать представительство школ, проводить конкурс в трех возрастных группах. Жюри, в котором работали сотрудники ВМП, оценивало выступления 84 участников — школьников с 1-го по 12-й класс. Ребята с видимым удовольствием, вдохновенно и трогательно читали стихи А. Пушкина, А. Дельвига, В. Кюхельбекера, А. Ахматовой и др. Выступления «лицеистов XXI века» запомнились и удачно подобранными текстами, и особой атмосферой юношеского волнения и дружества. Такое состояние трудно сыграть, его можно только пережить, и это, несомненно, важно в процессе духовного воспитания подростков. Пушкинский конкурс на эстонской земле еще раз подтвердил, что для истинной поэзии не существует границ, и одарил нас всех бесконечным счастьем сопереживания.

Наградами участникам пушкинского конкурса «Опять я ваш, о юные друзья!» становятся грамоты ВМП, памятные призы из фондов музея, книги от генерального консульства России, экскурсионные поездки в Санкт-Петербург с посещением филиалов ВМП. Порой удавалось так построить график приезда делегации из Эстонии, что школьники оказывались среди гостей детского Лицейского бала, а 19 октября присутствовали на памятной церемонии у памятника поэту в Царском Селе и на торжественном празднике в Музее-Лицее. Александра Мунтс, одна из участниц

такой «наградной» поездки, писала: «Это путешествие осталось в моей памяти, как осенний кленовый листочек, столь же многогранный, насыщенный всеми цветами природы. Невозможно выделить один “цвет”, воодушевляло все: Царскосельский Лицей, пушкинский Петербург, Александринский театр и добрые, теплые отношения между всеми участниками столь полезной и необходимой разуму и душе поездки».

Гости из Эстонии, будь то победители пушкинского конкурса или учащиеся Русского Линнамяэского лицея, каждый год посещают филиалы ВМП, и сотрудники музея неизменно отмечают их организованность, культуру поведения и заинтересованность. «Когда дети приезжают к нам в музей, они уже и Пушкина читали, и играли его произведения на сцене, и иллюстрировали их. То есть приходят к нам не просто посетители, а в какой-то мере партнеры», — отмечает директор музея С. М. Некрасов⁷. И в этих словах — признание той большой работы, которая проводится сотрудниками ВМП с нашими соотечественниками за рубежом.

Рассказывая о разнообразных лицейских программах Всероссийского музея А. С. Пушкина в Эстонии, нужно упомянуть и творческий эксперимент в области журналистики. В 2011 году, накануне юбилея Лицея, в Нарве начала выходить ежемесячная газета «Лицейст», в которой регулярно размещались статьи научных сотрудников ВМП, материалы о создателях и педагогах Лицея, о творческих связях музея с культурно-просветительскими организациями и учреждениями Эстонии, о работе сотрудников ВМП в этой стране. «Выпуск периодического издания, газеты “Лицейст”, — первый для музея опыт, и мы готовы предоставлять для него материалы, тексты и иллюстрации... Для музея Пушкина важно, чтобы те идеи, те мероприятия, которые организуются музеем, имели отклик и дальнейшее развитие. И мы в Эстонии видим это развитие. Это очень важное направление нашей деятельности», — подчеркнул в интервью, размещенном в первом номере «Лицейста», С. М. Некрасов⁸.

А теперь вернемся к тому, с чего начиналась эта статья. Юбилейный лицейский 2011 год в Эстонии был отмечен торжествами. В Нарвском колледже Тартуского университета состоялся педагогический семинар и была открыта выставка «Царскосельский Лицей и Эстония: пересечение судеб». В состав делегации ВМП вошли: директор, доктор культурологии С. М. Некрасов; заместитель директора по науке, доктор филологических наук Р. В. Иезуитова; заведующая Музеем-Лицеем, кандидат культурологии Л. Б. Михайлова; заведующая отделом «Пушкин и современность», кандидат культурологии И. А. Щепеткова; заведующая отделом по связям с общественностью, кандидат филологических наук И. В. Розина, руководитель сектора музейной педагогики Е. Б. Добровольская.

Учебно-методический семинар для преподавателей, который проводили научные сотрудники ВМП, имел статус курсов повышения квалификации. Каждый участник семинара получил методические материалы, используя которые можно проводить тематические пушкинские уроки и заочные экскурсии для учеников по темам: «Лицей. Наставники и питомцы», «А. С. Пушкин в Лицее», «Царскосельский Лицей и Эстония». В семинаре приняли участие учителя русского языка и литературы из школ и гимназий Нарвы, Силламяэ, Кохтла-Ярве и Таллина. «Темы лекций были разнообразными: от истории Императорского Лицея и судеб его вы-

пускников до сегодняшней работы Всероссийского музея А. С. Пушкина, в частности о его деятельности в Эстонии», — писала в те дни эстонская пресса⁹.

Участники семинара стали желанными гостями на презентации уникального музейного издания — первого тома «Лицейской энциклопедии», о которой с гордостью рассказывали С. М. Некрасов, Р. В. Иезуитова, Л. Б. Михайлова. Работа над энциклопедией объединила большой авторский коллектив (86 человек) и продолжалась в течение нескольких лет. Этот труд — один из главных подарков музея 200-летнему юбилею Лицея. Заместитель директора по науке Р. В. Иезуитова представила публике еще одно новое авторское издание — литературно-художественный альбом «В. А. Жуковский и его современники», составленный по материалам выставки «Жить для веков в величии народном», проходившей в музее в 2008 году. Участники семинара стали первыми зрителями нового фильма «Лицей после Лицея», рассказывающего о судьбах последних выпускников этого замечательного учебного заведения.

Значимым событием, привлечшим внимание не только участников семинара и сотрудников колледжа, но и многих жителей Нарвы, стало открытие выставки из музейных фондов «Царское Лицей и Эстония: пересечение судеб». На церемонии открытия с приветственным словом выступили генеральный консул РФ в Нарве Г. С. Болховитин и заместитель председателя городского собрания Л. В. Оленина. Первую экскурсию по выставке провел С. М. Некрасов.

Зал, который колледж предоставил для размещения выставки, был необычайно светлым, и лицейские экспонаты удивительно легко и органично нашли там свое место. В центре располагался огромный постер — вид Большого зала Императорского Лицея (литография В. Лангера), и посетитель выставки с первой минуты погружался в магию лицейского пространства. Со стен смотрели портреты создателей Лицея — императора Александра I, автора Устава М. М. Сперанского, директоров В. Ф. Малиновского и Е. А. Энгельгардта. А рядом расположились портреты юных Александра Пушкина, Ивана Пущина, Антона Дельвига — трех лицеистов из тридцати, чьи имена вошли не только в историю школы с названием «Лицей», а составили славу российской истории. На выставке в фотокопиях были представлены также виды Царского Села, рисунки и карикатуры воспитанников, картина И. Е. Репина «А. С. Пушкин на лицейском экзамене» (1911), фотографии лицеистов, выходцев из Эстонии, и другие архивные материалы. Впервые широкой публике были показаны репринтная копия Устава Императорского Лицея («Жалованная грамота», 1811) и форма лицеиста в современной реконструкции.

Выставка в зале нарвского колледжа была открыта для посещения в течение февраля 2011 года. А затем началось ее путешествие по Эстонии: в марте она была показана в Центральной городской библиотеке Силламяэ, а в апреле — в Русском Линнамяэском лицее Таллина, где ее открытие также сопровождалось презентацией первого тома «Лицейской энциклопедии». Среди посетителей выставки были и школьники, и студенты, и люди старшего поколения, интересующиеся русской культурой. Например, только в Нарвском колледже было проведено более 20 экскурсий. Конечно, каждая встреча строилась с учетом возраста и уровня знаний эстонских гостей. В завершение занятия школьники выполняли творческое задание — описывали свои впечатления, отмечали то,

что более всего поразило в лицейской системе воспитания и образе жизни лицеистов, называли экспонаты, которые особенно запомнились. Самое сильное впечатление на зрителей произвели рисунки воспитанников и старые фотографии, на которых запечатлены ученики Александровского Лицея, чья жизнь была связана с Эстонией. Отзывы юных посетителей выставки и их учителей еще раз убеждают в необходимости и важности подобной выставочной работы музея: «Интересно, что из Эстонии было много лицеистов. Я узнал много такого, о чем сам бы искать материал не стал. Захотелось больше узнать о Лицее и съездить туда»; «Удивило, как замечательно рисовали лицеисты»; «Мне так понравилась школа, о которой вы рассказали, что мне захотелось там учиться! И я бы с удовольствием поехала в Царское Село»; «Много новой информации, интересной, поучительной. Из Программы Лицея полезно было бы многое применить в современной школе»; «Спасибо вам за то, что есть такие люди, которые хранят память о Лицее, о Пушкине...».

К сожалению, существующие между нашими государствами границы создали для молодых жителей Эстонии труднопреодолимое препятствие — практически никто из них не был в Санкт-Петербурге. Именно поэтому так важна та благородная миссия, которую выполняет Всероссийский музей А. С. Пушкина, предлагая познакомиться (пусть и в копиях) с сокровищами из музейных фондов. И это хорошо понимают наши эстонские друзья: «Не секрет, что русская литература сведена в школьной программе Эстонии к минимуму. Огромный пласт мировой культуры вычеркнут из образования чиновниками, считающими, что “Эрмидажи нашим детям не нужны”. Поэтому просветительскую составляющую работы сотрудников музея Пушкина в Эстонии трудно переоценить»¹⁰.

Лицейские уроки, занятия на выставках ВМП, литературно-музыкальные вечера, творческие конкурсы помогают и ученикам, и педагогам русских школ сохранять свои культурные корни, позволяют абитуриентам, желающим продолжать образование в России, лучше подготовиться к различным олимпиадам и конференциям, к вступительным экзаменам. Участие в лицейских программах ВМП для школьников Эстонии становится увлекательным и важным уроком русской литературы, уроком творчества, дарит яркие душевные переживания, во многом помогает становлению думающей, самостоятельной личности.

Важно и то, что благодаря широкой просветительской работе музея многие жители из стран ближнего зарубежья восстанавливают разрушенные политиками связи с родиной. Об этом часто с благодарностью говорят представители старшего поколения. Что же касается позиции музея, то ее четко выразил в одном из интервью С. М. Некрасов: «В этом главная задача нашей литературы, нашей культуры, музейной работы — служить своеобразным мостом между людьми, которые в силу разных обстоятельств оказались разобщенными»¹¹.

Многое из того, о чем я сейчас рассказывала, уже в прошлом. Многое еще только рождается в наших мечтах и планах. Но ясно одно: через границы и расстояния нас объединило «легкое» имя Пушкин. Работая в Эстонии, общаясь с учителями и детьми, испытываешь и радость, и гордость, и удовлетворение — наш труд нужен здесь, в другой стране, в объединенной Европе. Именем Пушкина до сих пор, как и писал об этом когда-то Владислав Ходасевич, «можно аукаться и перекликаться»!

Примечания

- ¹ Нарва. 2004. 18 марта.
² Там же.
³ Силламяэский вестник. 2008. 24 апр.
⁴ Дельфи. 2009. 17 марта.
⁵ Силламяэский вестник. 2007. 23 окт.
⁶ Нарва. 2004. 27 мая.
⁷ Виру проспект. 2009. 22 янв.
⁸ Лицейст. 2011. № 1.
⁹ Силламяэский вестник. 2011. 3 февр.
¹⁰ Виру проспект. 2011. 22 янв.
¹¹ Силламяэский вестник. 2007. 26 июня.

ИМПЕРАТОРСКИЙ ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ЛИЦЕЙ

Н. Д. Кочеткова

Н. М. КАРАМЗИН И ЛИЦЕЙ

Предложенная тема достаточно широка и включает несколько аспектов. Выделим три, наиболее существенных: 1) отношение Карамзина к Лицею; 2) отношение лицеистов к Карамзину; 3) преемственные связи, существующие между творчеством Карамзина и лицеистов-писателей. Преимущественное внимание посвятим первому аспекту, не забывая о том, что все три тесно связаны между собой.

Ближайший друг Карамзина И. И. Дмитриев, назначенный в 1810 году министром юстиции, 19 октября 1811 года присутствовал на открытии Лицея. Карамзин в это время жил в Москве. Кажется удивительным, что никакого упоминания об этом событии не обнаруживается в переписке друзей, которую они вели достаточно регулярно в течение многих лет. Правда, сохранились только письма Карамзина, но по ним часто можно восстановить и содержание писем Дмитриева. Конечно, Дмитриев был очень загружен всевозможными делами и обязанностями в связи со своим новым назначением. И все-таки едва ли он ничего не написал другу о Лицее. Никакого отклика со стороны Карамзина не последовало. Между тем историограф проявлял самый живой интерес к событиям политической и общественной жизни.

Еще 21 декабря 1810 года он обращался к Дмитриеву с просьбой: «Пришли мне как можно скорее все, что выдет у вас к Новому Году или после касательно законодательства, государственного образования и проч. Разумеется, что требую печатного, публичного, а не более»¹. В этой просьбе проявился характерный для писателя давний интерес к вопросам образования.

Издавая «Вестник Европы» в 1802–1803 годах, Карамзин опубликовал там ряд статей, непосредственно посвященных вопросам образования. В самом начале царствования Александра I писатель, как и многие другие, возлагал большие надежды на молодого государя, чьим наставником когда-то был не кто иной, как М. Н. Муравьев. В статье «О новых благородных училищах, заводимых в России» (1802) Карамзин писал: «Ныне все мысли радостных патриотов устремлены на пользу отечества: итак, немудрено, что мы говорим о потребностях воспитания, которое есть основание частного и государственного благоденствия...»². С большим воодушевлением писатель откликнулся на указ Александра I о заведении народных училищ: «Новая, великая эпоха начинается отныне в истории морального образования России, которое есть корень государственного величия...»³. В соответствии со

своими убеждениями, сформировавшимися еще в кружке Н. И. Новикова, писатель считал, что образование не должно ограничиваться только сообщением знаний. Первостепенное значение он придавал нравственному воспитанию. Включая в это понятие заботу о благе отечества, Карамзин так развивал свою мысль: «...у нас не будет совершенного морального образования, пока не будет русских хороших учителей, которые единственно могут вселять в юное сердце чувства и правила доброго россиянина. Никогда иностранец не поймет нашего естественного или народного характера и, следственно, не может сообразоваться с ним в воспитании»⁴. К этой теме писатель вернулся в статье «О верном способе иметь в России довольно учителей» (1803). Здесь говорилось о необходимости расширить прием воспитанников на казенный счет в гимназии при Московском университете. Карамзин писал: «Сколько небогатых родителей благославят небо и монарха, отдавая детей в такое место, где они будут хорошо содержаны, морально образованы, просвещены и через несколько лет найдут средство служить отечеству в звании столь полезном»⁵. В то же время Карамзин с большим сожалением констатировал, что в России «ученый дворянин есть некоторая редкость».

Казалось бы, идеи Карамзина в значительной степени стали находить воплощение в образовательной политике Александра I в 1800-е годы. Деятельное участие в этой области, как и во многих других, принимал М. М. Сперанский, ставший государственным секретарем. О том, насколько незауряден был этот человек, может свидетельствовать следующее историческое предание. В 1808 году во время встречи в Эрфурте Наполеон после разговора со Сперанским в шутку якобы предложил Александру I обменять его на любое королевство⁶. Человек, о котором могли рассказывать такие предания, стал автором проекта по созданию Лицея. «Первоначальное начертание особенного Лицея» он представил государю 11 декабря 1808 года вместе с запиской «Об усовершенствовании общего народного воспитания»⁷. В записке речь шла, в частности, о вреде, происходящем от приглашения иностранных учителей. В этом отношении Сперанский и Карамзин полностью единодушны. Оба сетовали на то, что дворяне мало участвуют «в деле твердого образования юношества». Однако в их взглядах на образование существовало и принципиальное различие: сын священника Сперанский был несравненно более демократичен, чем Карамзин, и ратовал за одинаковую доступность учебных заведений для всех сословий. Этот принцип он хотел применить и для задуманного им Лицея. Как известно, проект был скорректирован: в Лицей принимали детей только из дворянских семей, в том числе и не очень богатых и знатных.

Многое в проектах Сперанского не могло вызвать сочувствия и одобрения Карамзина, который уже не с тем воодушевлением, как это было в самом начале 1800-х годов, относился к политике Александра I. В марте 1811 года писатель представил государю свою «Записку о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Уверенный в спасительности твердой самодержавной власти, Карамзин решительно выступил против новых реформаторов, окружавших Александра, и подверг решительной критике внешнюю и внутреннюю политику правительства. Одним из главных реформаторов, которых имел в виду Карамзин, был статс-секретарь Сперанский, оказавшийся, несмотря на свое происхождение, «на ступенях трона». Главным предметом карамзинской критики были перемены

в системе управления, в частности замена коллегий министерствами без разъяснения ожидаемой от этого пользы: «Говорят россиянам: “Было так, отныне будет иначе”. Для чего? Не сказывают»⁸. «Все мудрые законодатели, принуждаемые изменять уставы политические, старались как можно менее отходить от старых», — поучал Карамзин. Решительно не одобрял он «несчастный Указ об экзаменах», принятый в 1809 году по инициативе Сперанского и обязывавший чиновников для дальнейшего «произведения в чин» представлять свидетельства об окончании университета или сдавать экзамены. В то же время в «Записке» уделялось много внимания вопросам образования, при этом Карамзин вновь ратовал за увеличение «числа казенных питомцев в гимназиях», что могло бы создать в России «ученое состояние». Серьезной критике подвергалась государственная политика в области образования. Говоря об открытии новых университетов, Карамзин иронически замечал: «...выписали профессоров, не приготовив учеников»⁹. Он возвращался к своей мысли о необходимости подготовки хороших отечественных учителей. О проекте создания Лицея автор «Записки», по всей вероятности, не знал или знал лишь по каким-то пересказам, но любые начинания Сперанского вызывали у него протест из-за общего неприятия реформ. К сожалению, произошло одно из исторических недоразумений: два замечательных деятеля русской культуры, стремившихся к улучшению дела образования в России и во многих существенных вопросах единодушных, оказались антагонистами.

Известно, что Александр I в начале 1810 года хотел назначить Карамзина главой Министерства народного просвещения в должности директора, поскольку у него был только чин надворного советника, но Сперанский предложил сначала сделать его куратором Московского университета¹⁰. Министром просвещения был назначен Алексей Кириллович Разумовский. Карамзин же отказался от почетной должности куратора и писал Дмитриеву 19 февраля 1811 года: «Немногие отказываются, от чего я отказался»¹¹. М. П. Погодин предположил, что Сперанский, возможно, опасался иметь в Карамзине соперника, однако, отдавая должное заслугам и талантам каждого из них, признавал, что «это два самые высшие умы русские в начале нынешнего столетия. Оба любили пламенно отечество, оба желали ему добра искренно, оба трудились беспримерно, оба готовы были на всякие жертвы, — и были несогласны между собою, мешали друг другу»¹².

Проект о создании Лицея с известными поправками был осуществлен, но автора проекта уже в марте 1812 года постигла внезапная опала. Сперанский вынужден был надолго удалиться в ссылку. «Записка» Карамзина могла лишь косвенно этому содействовать: у реформатора было достаточно много недоброжелателей, стремившихся очернить его в глазах государя. Между тем спустя много лет, когда в 1821 году Сперанский наконец возвратился из ссылки в Петербург, именно Карамзин ходатайствовал за него перед Александром I. По рассказам современников, историк спрашивал его, «отчего бывший государственный секретарь не деятельнее употребляется к делам»¹³. Сперанский возобновил государственную деятельность; Карамзин продолжал напряженно работать над «Историей государства Российского», избрав свою стезю служения отечеству.

С Лицеем, детищем Сперанского, писатель получил возможность познакомиться, когда в 1816 году он приехал в Петербург в связи с решением вопроса

о печатании первых восьми томов. Проводя лето в Царском Селе, он вполне мог убедиться в том, каким успешным оказался замысел основать это учебное заведение. Встречаясь с лицеистами, Карамзин наблюдал за их жизнью и духовным развитием. Приобщение воспитанников к важнейшим явлениям европейской культуры, прекрасно образованные русские наставники, дух подлинного патриотизма, одушевлявший воспитанников в связи с событиями 1812 года, — все это вполне соответствовало умонастроению автора «Писем русского путешественника» и «Истории государства Российского».

Рассказывая о визите Карамзина в Лицей 25 марта 1816 года, Иван Малиновский вспоминал о словах писателя, сказанных юному Пушкину: «Пари, как орел, но не останавливайся в полете»¹⁴. Близкое знакомство с Карамзиным, с его семьей, теплое внимание Екатерины Андреевны — все это стало особым этапом в жизни юного Пушкина. Его биографы неоднократно писали о том, как плодотворно было для него близкое общение с прославленным писателем, порождаящее и споры, и даже известную размолвку между ними. Важно заметить, что и для Карамзина это общение было тоже плодотворно, не говоря уже о том, что оно приносило ему удовольствие. Второго июня 1816 года он сообщал П. А. Вяземскому, что его посещают лицеисты: Пушкин и Ломоносов и «смешат добрым своим простосердечием»¹⁵. В мае 1817 года Карамзин присутствовал на выпускном лицейском экзамене по всеобщей истории. Встречи с лицеистами, и особенно с Пушкиным, помогали историку понять новое поколение, подвергнуть внутренней проверке собственные взгляды на литературу, политику, историю, не уронить свой авторитет.

Этот авторитет был действительно велик. Лицеисты видели перед собой живого классика, автора произведений, с которыми они знакомились с детских лет, человека, пользовавшегося уважением и расположением государя. Известны восторженные отзывы А. М. Горчакова, который называл Карамзина «цветком Царского»¹⁶.

Духовное и нравственное воздействие Карамзина на Пушкина, как и на других лицеистов, ставших писателями, оказалось долгосрочным. С годами они все глубже могли оценить его роль в развитии отечественной культуры. Для изучения большой темы «Пушкин и Карамзин», темы неисчерпаемой, исследователями сделано многое. Достаточно вспомнить труды В. Э. Вацуро, С. О. Шмидта, Н. Я. Эйдельмана, Б. П. Городецкого, Ф. З. Кануновой и многих других ученых. Мотивы и образы Карамзина прослежены как в лицейской лирике Пушкина, так и в более позднем его творчестве. Особенно важна общая пушкинская оценка деятельности писателя и историка, наиболее, может быть, емко выраженная в записке «О народном воспитании»: «Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину. “История государства российского” есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека» (XI, 47).

Предстоит также более детально исследовать воздействие Карамзина на творчество Дельвига и Кюхельбекера, отношение к историографу других лицеистов. Особого внимания заслуживают и позднейшие отзывы о Карамзине Модеста Андреевича Корфа, выпускника Лицея, которому было суждено с 1826 года работать под началом Сперанского во II Отделении императорской канцелярии. При всей свойственной ему сдержанности и даже сухости, а также явной преданности Сперанскому, Корф изложил эпизод с «Запиской» Карамзина, отдавая справедливость

его гражданской смелости. «Он один нашел в себе нужное мужество, чтобы стать лицом к лицу с сильным временщиком»¹⁷, — писал об историографе Корф. Он, разумеется, был на стороне Сперанского и, приводя довольно значительный отрывок из «Записки» Карамзина, решительно полемизировал с ним. «...Многое <...> представляется явно преувеличенным и даже не имеющим никакого основания»¹⁸, — замечал Корф. Но он отдавал должное и благородству Карамзина: «...эти отважные, резкие, даже язвительные замечания исходили от человека, пользовавшегося общим уважением по своему характеру, стоявшего вне дел и ничего лично для себя не искавшего»¹⁹. Так давний спор между основателем Лицея и Карамзиным был разрешен бывшим лицеистом, соучеником Пушкина. В своем дневнике за 1839 год, сетуя об оскудении русской словесности, Корф записал: «В литературе не стало Карамзина и Пушкина <...>»²⁰. Поставив рядом два этих имени, может быть, и он невольно для себя отметил глубокую преемственную связь, существующую между автором «Истории государства Российского» и Пушкиным, который подчеркнул: «Чистая, высокая слава Карамзина принадлежит России, и ни один писатель с истинным талантом, ни один истинно ученый человек, даже из бывших ему противниками, не отказал ему дани уважения глубокого и благодарности» (XII, 72).

Примечания

- ¹ Письма Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 136.
- ² Вестник Европы. 1802. Ч. 3. № 8. Апрель. С. 363.
- ³ Там же. 1803. Ч. 8. № 5. Март. С. 49–50.
- ⁴ Там же. 1802. Ч. 3. № 8. Апрель. С. 363.
- ⁵ Там же. 1803. Ч. 8. № 8. Апрель. С. 319.
- ⁶ См.: *Завитневич В. З.* Сперанский и Карамзин как представители двух политических течений в царствование императора Александра I. Киев, 1907. С. 2.
- ⁷ См.: *Павлова С. В.* «Вы помните, когда возник Лицей...» // «...И в просвещении статья с веком наравне». СПб., 1992. С. 9.
- ⁸ *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 61.
- ⁹ Там же. С. 66.
- ¹⁰ См.: *Погодин М.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии. М., 1866. Ч. 2. С. 60.
- ¹¹ Письма Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву. С. 139.
- ¹² *Погодин М.* Николай Михайлович Карамзин. С. 82.
- ¹³ М. М. Сперанский генерал-губернатором в Сибири и возвращение его в Петербург. (Из бумаг А. Ф. Бычкова) // Русская старина. 1902. № 10. С. 52.
- ¹⁴ Цит. по: *Цявловский М. А.* Заметки о Пушкине // Пушкин и его современники. Л., 1930. Вып. 38–39. С. 214.
- ¹⁵ Письма Н. М. Карамзина к кн. П. А. Вяземскому (1810–1826) // Старина и новизна. 1897. Кн. 1. С. 11.
- ¹⁶ Лицейские письма А. М. Горчакова 1814–1818 гг. // Красный архив. 1936. Т. 6. № 79. С. 185. Подробнее отношение лицеистов к Пушкину рассматривалось в докладе Е. В. Пролет «Карамзин и Лицей» на Карамзинских чтениях, проходивших в Ульяновске 23–25 сентября 2011 г.
- ¹⁷ *Корф М.* Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. С. 144.
- ¹⁸ Там же. С. 141.
- ¹⁹ Там же. С. 132.
- ²⁰ *Корф М.* Записки. М., 2003. С. 675.

Т. А. Чистякова

«И В ПРОСВЕЩЕНИИ СТАТЬ С ВЕКОМ НАРАВНЕ» (о преподавании точных наук в Лицее)

В пушкиноведении сложилось устойчивое представление о Лицее как об учебном заведении гуманитарной направленности. Постараемся несколько сместить акценты и показать, что образование в Лицее отличалось энциклопедичностью и отражало самые последние достижения начала XIX века, в частности в естественных науках и физике.

1800-е — начало 1810-х годов в России названы Пушкиным «дней Александровых прекрасное начало». Частью новой политики было принятие в 1804 году Устава учебных заведений, согласно которому в стране предусматривалось открытие университетов, гимназий, уездных и приходских училищ. Императорский Царскосельский Лицей занимал особое место в этой системе. Учреждение Лицея «имеет целью образование юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной»¹, — так значит в Постановлении об учреждении Лицея от 12 августа 1810 года с резолюцией Александра I: «Быть по сему».

Принимались в Лицей мальчики дворянского происхождения в возрасте от 10 до 12 лет. Обучение подразделялось на два курса: начальный и окончательный, по три года каждый. При поступлении должно было предъявить знания:

- «...b) в арифметике по крайней мере до тройного правила (пропорции. — Т. Ч.)
- c) понятия об общих свойствах тел,
- d) начальные основания географии»².

Исходя из назначения учебного заведения, особое внимание было уделено отбору «предметов учения». В «Постановлении» отражен главный принцип: «Курс учения состоит из предметов приличным важным частям службы государственной и необходимо нужных для благовоспитанного юноши»³. Учитывая возрастные особенности, разным предметам в обоих курсах придавалось разное значение. Если в начальном курсе главное внимание уделялось «грамматическому изучению языков: российского, латинского, французского и немецкого», а «математические и физические науки: арифметика, геометрия, часть алгебры, тригонометрия прямолинейная и начала физики» занимали третье место после наук нравственных, то для окончательного курса «науки нравственные, физические и математические должны занимать первое место»⁴.

Подход к изучению был также различен: «в первом излагают больше явления и, так сказать, исторические описания различных физических действий, во втором — изъясняется связь явлений и действий с законами природы и причины оных»⁵.

«Расположение часов» на практике осуществляло эти правила. В Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) хранится не только «Постановление», но и большое число «Ведомостей об учебных часах и состоянии Лицея»⁶ за разные годы. Из них узнаем, что учебная неделя состояла из 42–44 часов. Занятия велись с 8 утра до 18–19 часов с перерывами на обед, ужин и прогулки. Свободный от занятий месяц — только июль.

Уроков физики и математики в конце начального курса было 6 часов в неделю, а на последнем — от 10 до 15 часов, т. е. от четверти до трети всего времени в классах занимались точными науками. Трудно представить, что интерес Пушкина к естествознанию был доминирующим, но любопытно познакомиться с содержанием курса и методами преподавания.

Отдельная глава в «Постановлении» названа «Способы учения». Основопологающим является утверждение: «Главное правило доброй методы или способа учения состоит в том, чтоб не затемнять ум детей пространными изъяснениями, но возбуждать собственное его действие». И далее: «Дело наставника не в том только состоит, чтоб дать урок, но чтоб насадить, так сказать, и воспитать его в уме слушателя»⁷.

Наставником Пушкина по математическим и физическим предметам все годы был Яков Иванович Карцов, а с 1815 года и Василий Михайлович Архангельский — оба выпускники Санкт-Петербургского педагогического института. В 1803 году Учительская семинария была преобразована в Учительскую гимназию на 100 человек. Учащихся собирали из духовных семинарий по всей России. Через год, в 1804 году, она переименована в Педагогический институт с трехлетним курсом обучения, который готовил преподавателей уездных училищ и гимназий. Принимались сюда учащиеся с «отличными дарованиями». Преподавали профессора: Резанов — математику, Кукольник — физику, Шерер — химию, а также Болугьянский и Лодий.

Два года посвящались общему курсу обучения: логика, метафизика, философия, эстетика, география, математика, естественная история, всеобщая история, политэкономия, физика, коммерческие науки, сельское домоводство, языки и словесность (латинская, французская, немецкая), рисование и черчение. Затем, после публичных испытаний, год занимались специализацией, «дабы во всех оных приобрести столь достаточно сведения, что в случае нужды, в состоянии бы заменить любого учителя в губернской гимназии»⁸. Директором Педагогического института в 1812–1815 годах был Е. А. Энгельгардт, будущий директор Царскосельского Лицея.

Яков Иванович Карцов (1784–1836), сын священника, учился в Смоленской духовной семинарии; в 1803 году был направлен в Петербургскую учительскую гимназию. Будучи студентом, он перевел с немецкого «Опытную физику» Шредера, которая была опубликована на казенный счет и рекомендована в качестве учебника для губернских гимназий. Осенью 1807 года он окончил курс института и зачислен в I высшее отделение студентов со званием старшего учителя гимназии и чином IX класса.

В числе 12 лучших учеников Карцов отправлен за границу на казенный счет с обязанностью каждые 4 месяца давать отчет Конференции Педагогического ин-

ститута. За 4 года он прослушал лекции в Иенском, Галльском, Геттингенском университетах, в College de France, а также посещал Парижский музей натуральной истории с богатейшей коллекцией ботанического сада и зверинцем. Принят в члены Великогерцогского Иенского минералогического общества и Герцогского Алтенбургского ботанического. По возвращении в Россию в июле 1811 года определением Конференции Императорской Академии наук и Санкт-Петербургского педагогического института Яков Иванович удостоен звания адъюнкт-профессора, а в августе назначен в Лицей с обязанностью устроить физический и минералогический кабинеты.

В первый год службы Карцов поселился в Царском Селе, женился и со временем стал преподавать и в Благородном лицейском пансионе. В 1816 года Яков Иванович получил звание действительного профессора (VII класс). В 1817 году, при первом, пушкинском, выпуске воспитанников, награжден орденом Св. Владимира IV степени, а в 1819 году за систематическое описание минералогического кабинета получил бриллиантовый перстень в 1000 рублей. С 1818 года Карцов становится действительным членом Минералогического общества.

Позднее, с 1831 года, Яков Иванович преподает физику и механику еще в Кадетском корпусе и его Офицерских классах. В тридцатые же годы он приглашен быть воспитателем по физико-математическим наукам принца Петра Георгиевича Ольденбургского (племянника Александра I и Николая I), в ту пору молодого офицера Преображенского полка.

В Лицее Карцов прослужил 25 лет, до смерти 15 февраля 1836 года от «водяной во груди» в возрасте 52 лет, оставив 3 сыновей и 4 дочерей⁹. По воспоминаниям одноклассника Пушкина, Модеста Корфа, «сам он был человек не глупый, острый, язвительный; мы любили его беседу <...>. Одним из любимых его выражений, для насмешки над незнающими, было: “а + b равно красному барану”»¹⁰. Другой одноклассник, Комовский, в «Записке» от 1851 года отмечал: «профессор математики Карцов от души смеялся его (Пушкина. — Т. Ч.) пиитическим шуткам над лицейским доктором Пешелем»¹¹.

Василий Михайлович Архангельский поступил в Педагогический институт в 1811 году из Нижегородской семинарии. По окончании института в 1815 году стал преподавать в Лицее математику (геометрию и математическую географию). Он был также членом Минералогического общества. В 1824 году издал брошюру «Карманная книжка для математического нивелирования», которая использовалась в Виленском и Казанском университетах. Тот же М. Корф вспоминал, что Архангельский — «математик в душе, умевший предавать этому сухому предмету жизнь и даже что-то в роде поэзии»¹². Скончался Архангельский в 1828 году, будучи адъюнкт-профессором Царскосельского Лицея.

О содержании курса физики есть возможность в какой-то мере судить на основании двух писем Карцова Конференции Лицея (общему собранию преподавателей. — Т. Ч.) за 1812 и 1815 годы. Они сохранились в Государственном историческом архиве Ленинградской области¹³.

Изложение физики следовало в трех частях: всеобщей, частной и прикладной. Первые проходились в начальном курсе, последняя — в окончательном. Во всеобщей физике излагались:

- общие явления тел, явления сцепления;
- притяжения, сродства;
- законы равновесия;
- движения твердых, жидких и других тел.

Частная физика рассматривала:

- явления теплоты, света, простых веществ и соединений электричества, гальванизма, магнетизма.

Прикладная физика включала:

- общие понятия о небесных телах;
- физическую географию;
- минералогию;
- систему и связь всех наук физических.

Следовательно, отдельного предмета химии не существовало, а это был раздел физики о простых веществах и соединениях. Под понятием «физическая география» подразумевалось «не изучение на память гор, рек и пр., что принадлежит I курсу, а коренное изучение Земного шара в физических его отношениях»¹⁴.

Прикладная же математика, в отличие от частной, содержала:

- механические науки (статику, динамику, гидростатику, аэрометрию);
- науки астрономические;
- науки оптические.

К техническому отделу прикладной математики относились:

- практическая механика;
- гидравлика, гидротехника;
- гражданская архитектура;
- артиллерия, фортификация;
- морские науки.

В 1815 году Карцов заявил Конференции, что технический отдел «не входит в круг его занятий» и «что он не может принять на себя преподавание этих наук». Поэтому в последний год I выпуска был приглашен барон Федор Богданович Эльснер, полковник инженерного ведомства, который получил звание профессора в декабре 1816 года. Видимо, технический отдел прикладной математики и составил содержание курса «военных наук», на который отводилось до девяти часов в неделю.

Одноклассник Пушкина Илличевский вспоминал: «Мы мало учились в классах, но много в чтении и беседе». Для ведения своего курса Карцов использовал «Начальные основания умозрительной и опытной физики» А. Стойковича, энциклопедию Клигеля, «Прикладную математику» Лоренца. Для библиотеки Лицея была выписана «Аналитическая физика» Цильберга и «Военный журнал».

В журнале Конференции за 1819 год приведен каталог лицейской библиотеки, в которой насчитывалось около 6 тысяч томов. Большую часть составляли художественные произведения; книги по словесности и истории — около половины. По математике, физике и военным наукам — 395 книг, по «художественным» — (техническое применение. — Т. Ч.) и ремеслам — 162, т. е. примерно каждая десятая книга в библиотеке могла пополнять знания лицейских в науках, преподаваемых Карцовым, Архангельским, Эльснером.

В библиотеке Академии наук сохранился учебник «Начальные основания умозрительной и опытной физики» Афанасия Стойковича, изданный Харьковским университетом в 1809 году с посвящением Александру I. Указано, что автор не только профессор физики Харьковского университета (с 1807 г. — его ректор), но и член ученых обществ наук Геттингенского, Пражского, Варшавского, Иенского. В предисловии значится, что сочинения «закljučают в себе физику во всей обширности». Природа разделяется на «орудную» и «неорудную». К первой относятся растения и животные, ко второй — ископаемые и атмосферные тела. И все это является предметом физики. Может быть, поэтому в предметах, изучаемых в Лицее, не значится отдельно естественная история. Стойкович, правда, хотя и включает в физику естественную историю с подразделениями:

- а). животное царство
- б). прозябаемое
- в). ископаемое
- г). атмосферное¹⁵,

но первые два не отражены в учебнике. Химия также является частью частной физики, как и астрономия, физическая география и минералогия.

В книге на 20 страницах дан обзор истории физики с именами Ньютона, Декарта, Гука, Бернулли, Реомюра и т. д. Электрические явления заканчиваются работами Гальвани, химия — Лавуазье. Представлена богатейшая библиография — «обозрение лучших сочинений по части физической» и учебные пособия с 1673 по 1809 год. Учебник снабжен 124 «фигурами» (рисунками. — *Т. Ч.*), в числе которых Вольтов столб и спектр полосового магнита.

В 1813 году изданы «Начальные основания астрономии» и «Начальные основания физической географии» Стойковича. Не вызывает сомнения, что Афанасий Стойкович — значительное явление не только российского, но и европейского просвещения. Его учебник и использовал Карцов.

Кроме учебников лицейские широко пользовались записями, выполненными в самих классах. Превратности судьбы сохранили для нас живой отголосок занятий Якова Ивановича Карцова.

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранятся три тетради по математике и физике одноклассника Пушкина, будущего канцлера России Александра Горчакова. Эти записи до сих пор не опубликованы. Горчаков — один из самых прилежных и способных учеников I выпуска, он окончил Лицей с малой золотой медалью.

Тетради составлены из 20–30 листов толстой грубоватой бумаги. Одна тетрадь по арифметике, записи проверены преподавателем, но отметка «превосходно» выведена не красными чернилами. Другая тетрадь озаглавлена «Физика (продолжение) тетрадь четвертая»¹⁶. Третья — «Начертание физической астрономии», но после записей по астрономии, пропустив 3 чистых листа, лицеист пишет: «Динамика». К сожалению, Горчаков не проставил года.

Тетради Горчакова из-за фрагментарности не отражают содержания всего курса, но превосходно демонстрируют уровень преподавания.

В тетради по физике записи по темам: «простое преломление света», «явление электричества», «о гальваническом электричестве», «о явлении магнита». Конечно, несколько наивно выглядит сейчас такое разграничению электромагнитных яв-

ний. Но напомним, что опыты Гальвани и Вольта осуществлены в 80–90-е годы XVIII века, а опыты Эрстеда и теория Ампера еще впереди (1820-е годы). Поражает отражение в преподавании последних достижений науки. Карцов считает, что столб Вольта «новой отрасли физики придан характер приличной науки» (Вольтов столб — 1800 г. — *Т. Ч.*) «Гальванизм» разлагает воду на составные части, и известно уже соотношение объемов газов, хотя оно открыто учеными в первое десятилетие XIX в. «Это явление, — записывает Горчаков, — показывает совершенное сходство гальванизма с электричеством», хотя физик В. В. Петров в работе, изданной в 1804 году, их еще не отождествляет. В записях видно зарождение понятий напряжения и силы тока, а Ом опубликует свои работы в 1827 году.

В подаче материала Карцовым чувствуется пульс времени, отсутствует догматический подход, сообщение фактов и выводов в ее непрерывности. В «Теории Гальванизма и Электричества вообще» сообщаются три различные точки зрения, и далее следует: «Время и старания физиков должны решить, справедливо сие мнение или нет». Вот истинное претворение «главного принципа доброй методы» — «побуждать ум к собственному действию».

Разделы электростатики и магнетизма, разработанные во второй половине XVIII века А. Вольта, Франклином, Кулоном, излагаются стройно, с описанием электрофоров лейденских банок, объяснением электростатической индукции и законов магнитного притяжения. То же сочетание уже устоявшихся представлений с достижением сегодняшнего дня и в разделе оптики. Преломление в линзах, объяснение цветов по Ньютону, «Галилеева, Кеплерова и Невтонова трубы» и «уклонение света» (а труд Френеля по дифракции вышел в 1815 г.). В описании телескопа Гершеля, дающего увеличение в 6000 раз, сквозит удивление и гордость за новое творение ума и рук ученого. Излагая теорию Ньютона о «цветном преломлении цвета», Карцов критикует известного философа Шеллинга, взгляды которого, изложенные в трудах 1800 и 1809 годов, были весьма популярны в России.

Если тетрадь по физике можно ориентировочно отнести к концу начального курса, то «начертание физической астрономии» — завершение образования лицейских. И снова Яков Иванович Карцов предстает не только как широко образованный преподаватель, но и как просветитель, заражающий слушателей причастностью к тому, что сейчас совершается в научном мире. Так, в перечислении планет указаны малые планеты — Церера, Паллада, Юнона и Веста, — открытые соответственно в 1801, 1802, 1804, 1807 годах! Их орбиты с изумительной точностью были вычислены знаменитым в ту пору двадцатилетним Гауссом. В разделе «Явления комет» обращается внимание на знаменитую комету Галлея. Уточнение ее приближения в 1759 году было сделано Клеро, что явилось блестящим подтверждением механики Ньютона и законов «бессмертного Кеплера», как указано в записи. И снова, несмотря на великие имена и подтверждения законов, Карцов дает почувствовать воспитанникам непрерывное движение науки: «Вообще теория комет еще в действии». В космологических вопросах он придерживается эволюционного подхода строения вселенной по Лапласу, труд которого «Изложение системы мира» с 1796 по 1813 год выдержал шесть изданий.

Материал по динамике записан в той же тетради, т. е. относится к окончанию курса, и дает счастливую возможность оценить уровень математического аппарата

и общности закономерности, сообщаемых воспитанникам. До сих пор воспоминание одноклассника Пушкина Корфа о математической подготовке вызывало серьезное сомнение: не запмятовал ли Корф к 1854 году, когда писал свои «Записки» о том, что было около 40 лет назад? Между тем он пишет, что читался «общий курс, полугимназический и полууниверситетский, обо всем на свете: математика с дифференциалами и интегралами, астрономия в широком размере, церковная история, даже высшее богословие — все это занимало у нас столько же, иногда и более времени, нежели правоведение и другие науки политические»¹⁷.

У Горчакова в тетради читаем:

« $\partial S = c/\partial t$ при неравномерном движении, где c — скорость.

В равноускоренном $\partial S' = gt/\partial t$ u [$\partial S' = \int gt/vt$. И далее: «В переменном движении напряжение ускорительной силы в каждое мгновение есть различно... по сему для измерения сей переменной силы в действии вместо u/t , взять дифференциал оных». Тогда φ , величина ускорительной силы, определяется так: $\varphi = \pm \frac{1}{2} \partial S/\partial t^2 = \pm \frac{1}{2} u \partial u/\partial S'$.

«Всеобщая формула для равноускоренного равноуокоснительного и равномерного движения». А дальше рассматриваются три случая движения.

Придется признать, что далеко не в каждом классе на факультативных занятиях в наше время дается подобный подход к решению частных задач и так освещаются последние открытия и идеи в науке, как это делалось в Лицее Яковом Ивановичем Карцовым около 200 лет назад.

Физика — наука не только «умозрительная», но и «опытная», как значится в заглавии учебника Стойковича. В «Приложении к журналу чрезвычайного заседания Конференции Лицея» 9 июня 1817 года (день выпуска) подводятся итоги: «... историческое изложение действий природы сопровождается было изъяснением оных посредством опытов и наблюдений». И историк Лицея Селезнев писал, что «из кабинетов первый образовался *физический*: в 1812 году в нем были уже машины и прочие аппараты, необходимые при чтении курса»¹⁸. Известно, что приборы для кабинета заказывались лучшему в ту пору в Петербурге механику Роспини (сохранились счета). Сведения о приборах дошли отрывочные. Это и «превосходной работы электрическая машина», приобретенная для Лицея в фонд бюджета министром просвещения за 1750 руб. (для сравнения: годовое жалование профессора — 2000 руб.). И далее у Селезнева: «Как дар от г-жи Грязовской, в кабинете находилась машина, представляющая обращение планет около солнца (planetarium)». Известно, что сумма в 1000 руб., определенная по штату, расходилась и «на химические потребности, отчасти и на образование *минералогического или естественных наук кабинета*»¹⁹.

Ну а как же Пушкин в том мире, где царил Карцов? Девятнадцатого ноября 1812 года Яков Иванович собственноручно пишет «Отчет о преподавании математики и списки воспитанников Лицея I выпуска»²⁰. Необходимо пояснить, что шкала отметок в Лицее появилась около 1816 года, а до этого успехи каждого определялись местом в списке и характеристикой преподавателя. Карцов разбил воспитанников на 4 класса, согласно успехам. В 1-м классе на первом месте — Горчаков. «Князь Ал. Горчаков при преподавании весьма внимателен, отлично прилежен, имеет шастливую память, судит основательно, успевает превосходно»²¹. Всего в 1-м классе 5 фамилий. Во 2-м классе находим: «6. Пушин; 7. Корф; 8. Кюхельбекер...», всего 19 фамилий.

Третий класс из семи воспитанников замыкает Александр Пушкин. «Очень ленив, в классе невнимателен и нескромен, способностей неплохих, имеет остроту, но к сожалению только для пустого слова, успевает весьма посредственно». Ну а хуже — «Дельвиг, Мясоедов, Броглио, Данзас. До тех пор успехов ни малейших не замечено. Дельвиг отменно ленив, Мясоедов имеет пустую голову. Броглио и Данзас — не видно ни охоты, ни способностей».

Идет время, на бумаге с водяными знаками 1814 года снова рукою Карцова: «Список воспитанников Императорского Царскосельского Лицея по части физики и математики». И снова под первым номером Горчаков, а Пушкин — под 26-м (из 30).

Уже в ведомости с отметками, т. е. в 1816 или 1817 году, по физике, математике и военным наукам стоят «О», т. е. «отсутствие знания». И, наконец, свидетельство Александра Пушкина за подписями директора Лицея Е. А. Энгельгардта и конференц-секретаря Куницына: «...В течение шестилетнего курса обучался в сем заведении и оказал успехи: в Законе Божиим и логике и нравственной философии, в праве естественном, частном и публичном, в российском гражданском и уголовном праве *хорошие*; в латинской словесности, в государственной экономии и финансах *весьма хорошие*; в российской и французской словесности и св. истории, также и в фехтовании *превосходные*. Сверх того, занимался историею, географиею, статистикою, математикою и немецким языком»²¹.

Конечно, в российской и французской словесности оценки превосходные! А вот физика даже не упомянута. Наверное, стоит читать вкупе с математикой — «сверх того занимался...». Но «сверх того» и история? И если ясно, что в жизни и творчестве Пушкина история не «сверх того», то это относится и к точным наукам.

Ничто, бывшее в отрочестве и юности, не проходит бесследно. Но среди 29 воспитанников Якова Ивановича один — особенный. И это даже не князь Горчаков. Плетнев писал о Пушкине, что «ни одно чтение, ни один разговор, ни одна минута размышления не пропадали для него на целую жизнь». Еще раз убедимся в этом перечитав хотя бы следующие строки:

Под каким созвездием,
Под какой планетою
Ты родился, юноша?
Ближнего Меркурия,
Аль Сатурна дальнего,
Марсовой, Кипридиной?

Уродился юноша
Под звездой безвестною,
Под звездой падучею,
Миг один блеснувшею
В тишине небес.
1825 (II, 447)

Движение

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
 Другой смолчал и стал пред ним ходить.
 Сильнее бы не мог он возразить;
 Хвалили все ответ замысловатый.
 Но, господа, забавный случай сей
 Другой пример на память мне приводит:
 Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
 Однако ж прав упрямый Галилей.
 1825 (II, 432)

«Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следовательно и объяснению оных. Вдохновение нужно в геометрии как и в поэзии» (1827 — «Отрывки из писем, мысли и замечания», XI, 54).

О сколько нам открытий чудных
 Готовят просвещенья дух
 И Опыт [сын] ошибок трудных,
 И Гений [парадоксов] друг,
 [И Случай, бог изобретатель]
 1829 (III, 464)

«...Можно было бы подумать, что качание страшной старухи происходило не от ет воли, но по действию скрытого гальванизма» («Пиковая дама», 1833, VIII, 240).

В журнале «Современник», издаваемом Пушкиным в 1836 году, помещены статьи «Разбор Парижского математического ежегодника», «О надежде» (по теории вероятностей), «Краткое начертание теории паровых машин».

В библиотеке Пушкина были следующие научные издания: Б. Фонтенель. «Беседы о множественности миров» (СПб., 1740); Б. Паскаль. «Мысли»; П. С. Лаплас. «Аналитическая теория вероятности» (1818); В. Гершель. «Сочинения по астрономии» (1835); Ж. Кювье. «История млекопитающих», «История морских млекопитающих»; Л. Бюффон де. «Всеобщая и частная естественная история»²².

Следует подчеркнуть гениальную творческую восприимчивость Пушкина, способность понять все то, что хотя бы случайно оказалось доступным его наблюдению, исключительную емкость и цепкость памяти как основу его могучего творческого ума.

В послании «Чедаеву» (1821) читаем:

В уединении мой своенравный гений
 Познал и тихий труд, и жажду размышлений.
 Владею днем моим; с порядком дружен ум;
 Учусь удерживать вниманье долгих дум;
 Ищу вознаградить в объятиях свободы
 Мятежной младостью утраченные годы
 И в просвещении стать с веком наравне (II, 187).

Примечания

- ¹ Постановление об учреждении Лицея // ПД РО. Ф. 244, оп. 25.
- ² Там же.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Ведомости об учебных часах и состоянии Лицея // ПД РО. Ф. 244, оп. 25, № 124.
- ⁷ Постановление...
- ⁸ Рубец А. А. «Наставникам, хранившим юность нашу...» // Памятная книжка чинов Имп. Александровского, бывш. Царскосельского Лицея с 1811 по 1911 год. СПб., 1911. С. 16.
- ⁹ Там же. С. 284.
- ¹⁰ Грот Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1899. С. 229.
- ¹¹ Там же. С. 219.
- ¹² Там же. С. 229.
- ¹³ ГИАЛО. Ф. 11, д. 7, № 3671. Письма Карцова Конференции.
- ¹⁴ Постановление...
- ¹⁵ Стойкович А. Начальные основания умозрительной физики. Харьков, 1809.
- ¹⁶ Тетради Горчакова // ПД РО. Ф. 244, оп. 25, № 359.
- ¹⁷ Грот Я. К. Пушкин и его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1899. С. 225.
- ¹⁸ Селезнев И. Я. Исторический очерк Императорского, б. Царскосельского, ныне Александровского, Лицея за первое его пятидесятилетие с 1811 по 1861 год. СПб., 1861. С. 77.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Карцов Я. И. Отчет о преподавании математики // ПД РО. Ф. 244, оп. 25, № 31, 32, 52, 53.
- ²¹ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина / сост. М. А. Цявловский. М., 1951. С. 122.
- ²² Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910. № 921–924, 1247–1248, 1070, 982, 844, 680.

Е. В. Старинкова

«ИМПЕРАТОРСКИЙ ФИЗИКО-МЕХАНИК» АНТОН РОСПИНИ

Становление науки и образования в Санкт-Петербурге в начале XVIII века происходило так же активно, как развивалось строительство города. Одним из проявлений интереса к точным наукам и физике явилось распространение физических кабинетов, где хранились ценные и хрупкие приборы. В учебных заведениях кабинеты подобного рода стали образовываться с середины XVIII столетия, когда физика начала входить в число преподаваемых предметов в высших школах. В XIX веке приборы были необходимы не только исследователям, но и для демонстрации опытов в больших аудиториях с целью научить делать измерения и проводить исследования, ставшие необходимыми для многих профессий.

Изготовление приборов было своего рода искусством, и мастера не относились к нему формально. В XVIII веке, когда еще не было специалистов по исполнению приборов, их заказывали столярам-мебельщикам, слесарям, оружейникам и прочим ремесленникам. Каждый применял привычные для него формы и конструкции в соответствии с требованиями господствующего стиля, наделяя подставки и штативы роскошными элементами стиля рококо, позже — изысканно-строгим декором классицизма. Приобретать физические приборы и инструменты могли только состоятельные люди, потому что это стоило немалых денег.

Интерес образованных людей того времени к точным наукам был настолько велик, что возникла потребность в физических кабинетах не только для учебных заведений, но и для состоятельных любителей. Открывались физические кабинеты и на коммерческом основании для широкой публики. Специалисты по технической части — физико-механики — стали организовывать лавки, предлагавшие разнообразные приборы, продажа которых приносила определенный доход.

С налаживанием внешнеполитических связей государство укрепляло свои позиции, используя опыт иностранных специалистов, которые извлекали немалую пользу, открывая в столице мастерские и лавки. Одним из представителей такого рода предпринимателей и специалистом в области физики и техники был Иероним Антон Роспини.

В Царскосельском Лицее фамилия Роспини была хорошо известна. Являясь комиссионером недавно созданного учебного заведения, он поставлял приборы и инструменты в физический кабинет. Контроль закупок приборов и инструментов для учебных заведений осуществляло Министерство народного просвещения, уч-

режденное в 1802 году. В 1810 году министром народного просвещения был назначен Алексей Кириллович Разумовский. Первые годы его управления отмечены открытием приходских школ, уездных училищ, гимназий, организацией нескольких ученых обществ. При его участии выработан устав Царскосельского Лицея и состоялось его открытие.

Дальнейшее становление Лицея как учебного заведения происходило под непосредственным контролем министра. «Мемории Конференции Лицея» — особые книги, составлявшиеся на основании официальных отчетов о состоянии лицейских дел, помогают представить масштаб и стремительность развития нового учебного заведения. В этих книгах, которые, как и все лицейские документы, хранятся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, зафиксированы документы, обсуждавшиеся на Конференции Лицея и передававшиеся на рассмотрение министру.

В первый год существования Царскосельского Лицея обустройство физического кабинета шло особенно активно. Подбором инструментов и приборов, необходимых в учебном процессе, ведал преподаватель физики и математики, адъюнкт-профессор Яков Иванович Карцов. В мае 1812 года он подал на рассмотрение счет на 530 рублей за 30 готовящихся для воспитанников Лицея, купленных у петербургского механика Вильяма Гутчинга¹. В это же время Карцов пишет представление директору о том, что для изъяснения геометрии и показа главнейших измерений «нужны два инструмента 1) астролябия с прибором и 2) мензула с прибором же»², имеющиеся у того же Гутчинга.

Физический кабинет, созданный одним из первых именно в Царскосельском Лицее, постоянно пополнялся, и ни одно занятие по точным предметам не проходило без использования специальных приборов и инструментов.

Неуклонный рост учебных пособий требовал и специального оборудования для их хранения. Задачи по обеспечению обстановки физического кабинета в Лицее были возложены на помощника надзирателя по хозяйственной части Матвея Александровича Золотарева. В июле 1812 года в предписании значилось поручение комиссионеру А. Ф. Селецкому-Дзюрдзю осмотреть с петербургским мебельным мастером Василием Кисти шкафы в физическом кабинете Иезуитского пансиона и «склонить его (Кисти. — Е. С.) сделать по образцу оных один шкаф из простого красного дерева с соблюдением такой же точно меры; как показано в приложенной при том записке г-на Золотарева; но только сколько можно покрасивее, прочнее и дешевле преждеприносимой им цены»³. Уже в августе 1812 года Кисти переправил за 95 рублей из Петербурга в Лицей шкаф для физического кабинета и прислал стекльщика, который должен был вставить шесть стекол за 9 рублей⁴. По-видимому, работой были удовлетворены, так как тогда же ему было «препоручено правлением сделать из ольгового дерева по рисунку для физического кабинета Лицея составного, лакированного стола за 80, потому что дороже столяры просили за таковой стол последнюю цену 140, 110, и 100»⁵.

Автор исторического очерка о Лицее И. Я. Селезнев отмечал, что в 1812 году в физическом кабинете уже были «машины и прочие аппараты, необходимые при чтении курса; в нем же находилось и полное собрание геометрических инструментов. <...> В первый год была приобретена превосходной работы электрическая ма-

шина. Обогащение кабинета шло очень быстро и с большою роскошью, так, в числе аппаратов встречается искусственное ухо и такой же глаз. Все вещи изготовлялись лучшим петербургским механиком (Роспини)»⁶.

По архивным лицейским документам возможно восстановить и списки пособий, приобретаемых у Иеронима Антона Роспини. Составленный им самим каталог на немецком языке включает 48 позиций (в общей сложности 73 предмета) на общую сумму 4400 рублей. Этот документ представляет собой не только подлинный автограф самого физико-механика с его подписью, но и список приборов, по которым можно восстановить состав физического кабинета Лицея.

Из записки Я. И. Карцова директору Лицея В. Ф. Малиновскому от 16 мая 1813 года узнаем, что «механик Роспини доставил приторгованные у него с Согласия Его Сиятельства Господина Министра Народного просвещения махины для физического кабинета все сполна по предложенному Реестру и требует следующих за них денег»⁷. Правление Лицея не имело возможности удовлетворить требованиям г-на Роспини и просило соизволения у А. К. Разумовского выплатить эти деньги из штатной суммы.

Приобретали приборы и у других лиц. На хозяйственном правлении 31 марта 1813 года «слушали словесную просьбу адъюнкт-профессора Карцова о покупке у Г. Рененкамфа продаваемых им по случаю скорого отъезда барометра, содержащего в себе также термометр с гидрометром и зрительной долоновой трубки за 75 руб. Положено: <...> приобретение инструментов для Физического кабинета Лицея признать необходимым, находя их в хорошем состоянии, и при том (Карцов. — Е. С.) удостоверяет, что покупка их у Роспини стоила бы казне вдвое, ежели не более просимой Г. Рененкамфом цены, который уступает их только дешево по причине поспешного отъезда, то означенные семьдесят пять рублей и выдать ему из сумм на содержание Физического Кабинета»⁸.

Столь значительное пополнение физического кабинета учебными пособиями повлекло за собой необходимость изготовить дополнительное оборудование. В донесении Матвея Золотарева от 30 мая 1813 года отмечалось, «что столяр Кисти для физического класса сделал 2 больших двойных шкапа с медными решетками, которые от него приняты в исправности и поставлены в Физическом классе»⁹.

Адъюнкт-профессор Карцов имел четкий план практического преподавания физики и математики в Лицее, поэтому уже 14 сентября 1813 года он просил директора Малиновского ходатайствовать перед министром народного просвещения о приобретении новых приборов: «Сообразив предметы Опытной физики, следующие для прохода в нынешний год, я считаю необходимым пополнение физического кабинета некоторыми Механическими, Гидро-статическими и другими Инструментами, часть коих готова у Механика Роспини, а другая должна быть сделана по заказу. Кроме сего потребно для Кабинета собрание ручных орудий состоящее из пилок, шурупов, отверток и тому подобных. Имею честь представить реестр таковых орудий и означенных цен»¹⁰.

«Реестр инструментов нужных для преподавания Физики на сей 1813 год	
Архимедов Шуруп-Ворот	75 руб
Китайский Балансир	20
Гидростатический инструмент	

с Сосудами и Шаром	25
Паскалева машина с сосудами в 18 Дюймов	
Для доказательства давления жидкостей на	
дно и бока сосудов	200
Гидростатическая машина для	
доказательства параболического пути	
описываемаго вытекающими жидкостями	175
Верова Гидравлическая машина	60
Central-pumpe fons intermi Hons	60
Монохорд Фогелев	50
Инструмент для показания Хладниевых фигур	50

715 руб

Собрание ручных орудий для физического Кабинета от 60 до 80 руб»¹¹.

Несмотря на немалые выплаты механику Роспини, министр А. К. Разумовский отвечал: «Я согласен на покупку инструментов, нужных ныне для преподавания в Лицее Физики»¹².

Как же Роспини достиг таких коммерческих успехов? Хроника «Санкт-Петербургских ведомостей», фиксирующая все события столицы, отмечала, что «италианец Роспини» приехал в город 20-го числа сентября 1779 года и в том же году открыл первый в Санкт-Петербурге специализированный художественный магазин — «эстампный кабинет», располагавшийся «по Невской перспективе в Перкиновом доме, на углу Невского и Адмиралтейской площади»¹³ (по тогдашней нумерации д. 69; на месте современного д. 2). Тремя годами позже, в 1782 году, возможно желая расширить круг своего коммерческого влияния, Роспини обосновался в Москве, на Варварской улице, в доме Ростовского подворья. Газета «Московские ведомости» сообщала, что он два раза в неделю давал курс электрических экспериментов¹⁴. Но уже в 1796 году имя Роспини вновь упоминается в «Петербургских ведомостях», где сообщалось, что его магазин переселился «в Кондоидиев дом № 6, противу Гостиного двора, возле Армянской церкви» (ныне Невский пр., 40–42) и стал называться «Эстампный кабинет и книжная французская лавка»¹⁵. В «Адресной книге Санкт-Петербурга» 1809 года среди владельцев домов по алфавитному порядку указан адрес Антона Роспини — «по реке Мойке, дом № 33»¹⁶. В «Указателе жилищ и зданий в Санкт-Петербурге на 1823 год» в росписи владельческим домам по 1-й Адмиралтейской части отмечен тот же адрес, но указан дом № 27 по новой нумерации¹⁷.

Помимо коммиссионерской деятельности для физического кабинета Царского Лицея Роспини занимался организацией лекций по физике, имевших большую популярность в столице. Петербургское издание «Русский инвалид, или Военные ведомости», выполнявшее с 1813 года миссию русской военной газеты, с регулярным отчислением доходов в поддержку «инвалидам, солдатским вдовам и сиротам», в 1816 году напечатало объявление о публичных лекциях: «Курс опытной Физики. Почтенный и деятельный согражданин наш, Г-н Механик Роспини, по

желанию некоторых особ, посещавших прошедшею зимою его курс опытной Физики, намерен продолжать оный и на сей год. Мы почитаем за долг наш упомянуть о сем в Военных Ведомостях и обратить внимание тех из читателей наших, кои не участвовали в прошлогоднем курсе, на красоту залы и на изобилие и превосходство инструментов»¹⁸. В объявлении также сообщалось, что «некоторые знатнейшие и образованнейшие Дамы здешней Столицы намерены удостоить сии лекции своим присутствием».

Теоретическую часть курса читал на французском языке профессор Делюш, известный публике обширными знаниями и даром преподавания. На лекциях освещались основные вопросы физики: «Естество и общие качества тел; Динамика, Гидродинамика и Статика; натура и качества воздуха, воды и огня; учение о свете; Оптика, Катоптрика и Диоптрика; Электрическая и Магнетическая сила и Гальванизм». Лекции сопровождалась демонстрацией опытов при помощи инструментов, предоставленных Антоном Роспини.

Занятия начинались в первых числах ноября и продолжались около четырех месяцев. Каждую среду и субботу заплатившие за курс 125 рублей ассигнациями с 7 до 9 часов вечера могли посещать занятия. Пользовались лекции популярностью и у воспитанников учебных заведений, причем учителя, сопровождавшие своих воспитанников, имели «вход без особого билета».

С разрешения отца посещал популярные лекции «императорского физика-механика» Антона Роспини и Александр Одоевский, не обучавшийся в государственных учебных заведениях, но получивший основательное домашнее образование.

На лекциях Роспини бывал и Дмитрий Иринархович Завалишин. В 1820 году он получил назначение кадетским офицером в Морской кадетский корпус. Ему было поручено преподавание астрономии, высшей математики, механики, высшей теории морского искусства, морской тактики и др. «Стараясь о развитии и образовании воспитанников, я и сам показывал им пример постоянного усилия обогатить себя познаниями, — вспоминал Завалишин. — Так как я был удержан поневоле в Петербурге службою в корпусе, то старался извлечь по крайней мере всю умственную пользу из пребывания в нем. Я слушал постоянно лекции в Петербургском университете, в Медико-хирургической академии, в Горном корпусе, физические — у Роспини, посещал обсерваторию, академию художеств, библиотеки, даже заводы и мастерские, изучая производство разных ремесел и искусств»¹⁹. Серьезность отношения к своему делу, стремление к постоянному совершенствованию поражает, если учитывать возраст офицера Завалишина: в то время ему было 17 лет. Уже через два года он отправится с М. П. Лазаревым в кругосветное плавание через Атлантический и Тихий океаны. Знания, полученные на курсах Роспини, пригодились юному вахтенному офицеру в дальнем походе.

Для того чтобы подписаться на курс лекций по опытной физике, необходимо было приехать в дом Католической церкви на Екатерининском канале, к самому Роспини. Там же читались и лекции. Дом этот, на углу набережной Екатерининского канала и Итальянской улицы (современный адрес: наб. канала Грибоедова, д. 8), начал строиться в 1801 году по проекту Л. Руска. Первоначально он предназначался для церковного причта при возводимом в это время Казанском соборе, однако по указанию Павла I здесь разместили Коллегию ордена иезуитов.

Миссионерская и просветительская деятельность иезуитов стала известна еще во времена правления Екатерины II. Первое время главная резиденция ордена, куда стекались подвергшиеся опале иезуиты со всего мира, находилась в Полоцке. Начиная с 1770-х годов в этом городе ими были устроены суконные и медоваренные мануфактуры, типография, а также превосходная школа с «музеумом», физическим кабинетом и лабораториями, поражавшими проезжих просвещенных аристократов из Петербурга. Вскоре и в российской столице появилось учебное заведение, где получали образование дети из самых известных аристократических семей: Орловы, Голицыны, Гагарины, Волконские, Дмитриевы, Барятинские, Вяземские. Возможно, этот ряд известных дворянских фамилий пополнился бы именем Пушкиных, но открытие Царскосельского Лицея изменило планы родителей юного Пушкина. Лишь в «Первой программе записок» автобиографии остались короткие упоминания поэта о «благородном иезуитском пансионе»: «Меня везут в П. Б. Езуиты. Тургенев. Лицей» (XII, 308).

Двадцатого декабря 1815 года Александр I подписал декрет об изгнании ордена иезуитов из России и упразднении иезуитского коллегиума. Всего лишь сутки были даны представителям ордена для того, чтобы покинуть Санкт-Петербург. Пансион иезуитов был закрыт, но за зданием на углу канала Грибоедова и Итальянской улицы до сих пор сохранилось название «Иезуитский дом». «Красоту залы», о которой упоминалось в тексте объявления газеты «Русский инвалид», описать сейчас сложно — здание, построенное в строгом классицистическом стиле, сохранило свой облик только со стороны фасада.

Книжная лавка Антона Роспини в доме Католической церкви, а точнее «эстампный кабинет», — практически первый в Санкт-Петербурге специализированный художественный магазин, хозяин которого немало сделал для развития книжной торговли в России. Его имя звучало в ряду владельцев книжных лавок — Кластермана и появившихся позже Еверса, Миллера, Милиоти. Книги, в том числе и на иностранных языках, карты, графические листы и прочее в этих магазинах приобретали для собственных библиотек, для собраний учебных заведений, крупнейших библиотек страны, а также библиотеки Российской академии наук²⁰.

В 1809–1810 годах комплектование для библиотек Кронштадтского, Роченсальмского и Ревельского портов велось через петербургские магазины А. Роспини, Г. Кластермана, П. Ступина, М. Глазунова. Этими вопросами ведал Ксавье де Местр, назначенный на должность директора музея и библиотеки Адмиралтейского департамента. Де Местр сам покупал для музея инструменты: микроскоп, астролябию (а заодно два телескопа для Кронштадтской и Ревельской обсерваторий). Он посещал лавки, отбирал нужные книги, а потом получал на них деньги у Адмиралтейского департамента.

Известно, что в 1805 году граф Потоцкий, среди прочего, приобрел для Харьковского университета у Роспини секстант Адамса. Морской кадетский корпус также пополнял свое собрание инструментов в лавке петербургского физико-механика.

В. Я. Струве, назначенный в 1818 году профессором Дерптского университета, приложил немало усилий, чтобы обставить обсерваторию этого учебного заведения. Как правило, обсерватории, предназначенные для систематического наблюде-

ния небесных светил, имели личный персонал вычислителей и наблюдателей за инструментами, специальные помещения для инструментов и их починки. Для заказа необходимых инструментов Струве несколько раз ездил за границу, поддерживал связи с известными российскими механиками. Множество первоклассных приборов и инструментов было заказано Роспини.

Для экспедиций, снаряжавшихся в 1820-х годах под начальством Ф. П. Врангеля для исследования северных берегов Сибири, приборы закупались у этого же физико-механика.

У Роспини можно было найти новинку техники — калейдоскоп, встреченный с необыкновенным интересом и доставлявший больше восторгов, чем служивший для проведения опытов. Калейдоскоп был изобретен в Англии в 1816 году и через год уже оказался в России. В июльском номере журнала «Благонамеренный» за 1818 год было опубликовано стихотворение баснописца А. Измайлова:

Смотрю — и что ж в моих глазах?
В фигурах разных и звездах
Сапфиры, яхонты, топазы,
И изумруды, и алмазы,
И аметисты, и жемчуг,
И перламутр — все вижу вдруг!
Лишь сделаю рукой движенье —
И новое в глазах явленье!

Не являясь большим специалистом в области физики, А. Измайлов выразил свое восхищение следующим образом: «Не только в стихах, но и в прозе невозможно описать того, что видишь в калейдоскопе. Фигуры переменяются при каждом движении руки и одна на другую не походят. Какие прелестные узоры! Ах, если бы можно было вышивать их на канве! Но где взять такие яркие шелка? Вот самое приятное занятие от безделья и от скуки. Гораздо лучше смотреть в калейдоскоп, нежели раскладывать грандпасьянс. Утверждают, будто калейдоскоп известен был еще в XVII столетии. Ныне недавно он возобновлен и усовершенствован в Англии, оттуда месяца два назад перешел во Францию. Один из тамошних богачей заказал калейдоскоп в 20 000 франков. Вместо разноцветных стеклышек и бус велел он положить жемчуг и драгоценные камни».

Завершает свои размышления о калейдоскопах А. Измайлов несколько неожиданно: «Известный своими превосходными оптическими инструментами императорский физико-механик Роспини делает и продает калейдоскопы по 20 руб. Без сомнения, гораздо более найдется на них охотников, нежели на физические и химические лекции, от которых — к сожалению и удивлению — благонамеренный господин Роспини не получил никакой себе выгоды»²¹.

Рассуждения о лекциях А. Роспини — вопрос неоднозначный, но их популярность и признание деятельности механика были очевидны. Обладая широкими познаниями и умением создавать и производить ремонт самих инструментов, Роспини исполнял должность наблюдателя за физическими кабинетами в различных учебных учреждениях. Как уже говорилось, с 1812 года он работал для физического кабинета Царскосельского Лицея; в 1829 году занимался оборудованием физи-

ческого кабинета Главного педагогического института и до смерти своей состоял его комиссионером, являясь посредником в сделках по приобретению приборов за определенные проценты.

Лицейсты первого выпуска Царскосельского Лицея хорошо знали Роспини. Его имя попало в многочисленный список образов, которые представлял Михаил Яковлев, получивший прозвище «Паяс 200 №№»: он мог несколькими узнаваемыми штрихами изобразить учащихся Лицея, преподавателей и служителей.

Имя физико-механика мелькнуло и в куплетах — так называемых национальных песнях, которые сочинялись лицеистами по случаю какого-либо события. Некоторые из них А. С. Пушкин записал в лицейском дневнике:

А Камараж взбесился,
Роспини обокрал;
А Фридебург свалился,
А граф захохотал²².

Возможно, эти куплеты связаны с дорогостоящими поставками инструментов г-на Роспини и реакцией на это Ильи Антоновича Камараша, исполнявшего должность надзирателя по хозяйственной части в Царскосельском Лицее с 1814 по 1816 год.

Исполнение обязанностей по наблюдению за физическим кабинетом учебного заведения предполагало не только заказ приборов и инструментов. Роспини умел поддерживать их в рабочем состоянии, а также изготовить их самостоятельно.

Лаборатория Роспини была популярна: в ней помимо книг можно было найти как сложные физические конструкции и инструменты для проведения опытов и измерений, так и простые бытовые приборы.

Услугами Роспини пользовались многие жители Петербурга. Константин Батюшков, находясь в августе 1818 года в Одессе, писал в столицу Никите Муравьеву: «Прошу тебя, милый Никитинька, поговори с Роспини, выпиши у него все книги об Италии и вручи мне реестр. Также карты новые и древние и все, что зоркие твои и опытные очи сыщут любопытного о земле Сципионовой и Ариостовой. Reichard у меня есть, Женгене и Сисмонди есть. Нет ли истории Неаполя? Краткой, но верной. Нет ли новейших записок о правлении, торговле, войнах и пр.? Снаряди меня умом, милый брат»²³.

В мае 1835 года из деревни Васильевки Н. В. Гоголь писал Н. Я. Прокоповичу: «...я к тебе с просьбою: сделай милость ступай на мою квартиру и адресуйся к Матрене, чтобы она тебе дозволила вход к книгам, и возьми там Историю Англии аббата де Тоараса, на русском... Еще: сходи к Роспини и купи у него три термометра — 2 для комнаты и один долженствующий быть на дворе, обыкновенных, простых, которые я у него брал по три рубли каждый, и того составит 9 рублей. Переложу их хлопчатую бумагою в деревянном ящике и пришли мне вместе с книгою. Все издержки с благодарностью возвращу. Или нет: два термометра ты можешь снять с крючков у меня в комнате; только один, стало быть, тебе нужно купить»²⁴.

В 1837 году, оправдывая свое звание, императорский физико-механик принимал участие в починке насоса, подававшего воду на третий этаж Зимнего дворца

для ванны императора Николая I. В 1839 году у мастера приобрели несколько термометров для дворца²⁵.

Как долго продолжал свою деятельность Роспину, неизвестно. Ни в одном из некрополей дата его смерти не зафиксирована, поиски года последнего упоминания имени популярного физика в списках Главного педагогического института, комиссионером которого он состоял до своей смерти, и в списках Всесоюзного минералогического общества, почетным членом которого он состоял, не дали результатов. Известно, что лекции свои Роспину читал в течение многих лет, и сведения о них помещены были, между прочим, во французской газете «Conservateur Impartial» и в петербургском ежемесячном журнале «Отечественные записки», издававшемся в 1820–1830-е годы П. П. Свиным. В газетах «Русский инвалид», «Санкт-Петербургские ведомости» и прибавлениях к этой газете объявления о лекциях Роспину появлялись в 1822 и в 1825 годах²⁶.

Очевидно, что личность господина Роспину заслуживает отдельного внимания и представляет интерес спустя два столетия. Стремясь к определенной коммерческой цели, он оставил о себе память как талантливый предприниматель, но вместе с тем содействовал развитию российской науки и образования, оправдывая звание «почтенный и деятельный согражданин наш»²⁷.

Примечания

¹ ЦГИА СПб. Ф. 11, оп. 1, № 13, л. 140.

² Там же.

³ Там же. Л. 202.

⁴ Там же. Л. 232.

⁵ Там же. Л. 233.

⁶ *Селезнев И. Я.* Исторический очерк Императорского, б. Царскосельского, ныне Александровского, Лицея за первое его пятидесятилетие с 1811 по 1861 год. СПб., 1861. С. 77.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 11, оп. 1, д. № 42, л. 99.

⁸ Там же. Л. 51.

⁹ Там же. Л. 110.

¹⁰ Там же. Л. 130.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 11, оп. 1, д. № 42, л. 131.

¹² Там же. Л. 135.

¹³ Прибавление к «Санкт-Петербургским ведомостям». 1779. № 85. 22 сент.

¹⁴ Московские ведомости. 1782. № 1. С. 8.

¹⁵ *Северюхин Д. Я.* Старый художественный Петербург: рынок и самоорганизация художников (от начала XVIII века до 1932 года). СПб., 2008. С. 38.

¹⁶ Адресная книга. СПб., 1809. С. 138.

¹⁷ Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или Адресная книга с планом и таблицами пожарных сигналов / изд. С. Аллер на 1823 год. СПб., 1822. С. 2.

¹⁸ Русский инвалид, или Военные ведомости. 1916. № 241.

¹⁹ *Завалишин Д. И.* Воспоминания. М., 2003. С. 52.

²⁰ Летопись Библиотеки Российской академии наук: в 2 т. / науч. рук. В. П. Леонов; отв. ред. Н. В. Колпакова; отв. сост. Г. В. Головки. СПб.: БАН, 2004. Т. 1. 1714–1900 гг. С. 218.

²¹ Цит. по: *Перельман Я. И.* Занимательная физика. М., 1979. Кн. 1. С. 261–262.

²² *Грот Я. К.* Пушкин и его лицейские товарищи и наставники. 2-е изд., доп. СПб., 1899. С. 270.

²³ *Батюшков К. Н.* Соч.: в 2 т. М., 1989. Т. 2: Из записных книжек / сост., подг. текста и коммент. А. Зорина. С. 52.

²⁴ Письмо Н. В. Гоголя Н. Я. Прокоповичу. 1835 г. // *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. М., 1940. Т. 10. С. 365–366.

²⁵ *Зимин И.* Повседневная жизнь Российского Императорского двора. М.; СПб., 2010. С. 274.

²⁶ Conservateur Impartial. 1821. N 92. С. 443; N 101. С. 493; Отечественные записки. 1821. Т. VI. С. 347–349; Русский инвалид. 1822. № 286. С. 1142; Санктпетербургские ведомости. 1825. № 95, прибавл. С. 1123.

²⁷ Русский инвалид, или Военные ведомости. 1916. № 241.

С. В. Березкина

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ
НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ
СЛУЖБУ ВОСПИТАННИКОВ
ПЕРВОГО КУРСА
ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ЛИЦЕЯ
(система льгот, межведомственные
процедуры, общественный резонанс)**

В «Постановлении о Лицее» указывалось, что он призван «к образованию юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной»¹. На Лицей

возлагали большие надежды, предполагая сделать его образцовым заведением в ряду других привилегированных учебных заведений для дворянского юношества, открытых в конце XVIII — начале XIX века. Цель лицейского образования выражалась в девизе «Для общей пользы», выбитом на медалях выпускников I курса. Основанный Александром I Царскосельский Лицей — единственный благородный пансион в Российской империи, который в первой трети XIX века имел полное и при этом весьма щедрое государственное финансирование². По сравнению с другими благородными пансионами «особого типа» он был и самым малочисленным, что диктовалось замыслом создания как принципиально элитарного заведения. Располагался Лицей в Великокняжеском флигеле Большого царскосельского дворца. Это было закрытое учебное заведение, куда воспитанники помещались на весь срок шестилетнего обучения.

Царскосельский Лицей, подобно университету, находился в непосредственном ведении министра народного просвещения гр. А. К. Разумовского, а затем его преемника на этом посту кн. А. Н. Голицына. Высочайшие распоряжения, касающиеся Лицея, передавались в виде рескрипта на имя министра, а затем уже сообщались Конференции как коллегиальному органу управления Лицеем. Согласно приказу Разумовского от 28 августа 1811 года, директор В. Ф. Малиновский был обязан предоставлять ему ежемесячные и еженедельные ведомости о состоянии Лицея по утвержденным формам.

«Постановление о Лицее» было частично напечатано в конце 1810 года в журнале «Периодическое сочинение о успехах народного просвещения» (через него в 1803–1819 гг. распространялась информация о правительственной деятельности по части общественных учебных заведений). В «Санкт-Петербургских ведомостях» от 28 июля 1811 года от лица графа Разумовского было сообщено, что на экзамен в Лицей могут приводить своих детей только те родители, «коим он письменно или словесно дал обещание внести детей в список кандидатов». Выбор воспитанников определялся различного рода влияниями: «Воспитанник Гурьев был крестник вел. кн. Константина Павловича; родители барона Гревеница

и Кюхельбекера занимали должности при дворе императрицы-матери. За Данзаса ходатайствовала графиня Софья Владимировна Строганова, сестра князей Дмитрия и Бориса Владимировичей Голицыных; за барона Дельвига — главнокомандующий в Москве граф Гудович, шурина графа Разумовского; за Тыркова — <...> Г. Р. Державин; Малиновский и Мартынов были сыновья начальствующих в Лицее лиц»³. За Пушкина хлопотал А. И. Тургенев, директор департамента Главного управления духовных дел иностранных исповеданий, помощник статс-секретаря Государственного совета и старший член совета Комиссии составления законов при Министерстве юстиции. Поиск протекции для определения в Лицей мог идти и по официальной линии, при этом закончиться неудачей, как, например, в случае с обращением статского советника Мельникова к министру внутренних дел О. П. Козодавлеву, поддержка которого, в ответ на просьбу подчиненного, не помогла ему снискать «высочайшего соизволения»⁴. Обобщая итоги набора воспитанников, Б. В. Томашевский писал: «В Лицей предполагалось привлечь детей наиболее значительных дворянских семей. <...> Русские аристократы предпочитали домашнее воспитание и не собирались расставаться со своими детьми на шесть лет. Все выгоды лицейского воспитания оценили представители служилого дворянства, люди, стесненные в средствах, но стремившиеся устроить своих детей так, чтобы обеспечить им служебную карьеру»⁵.

Поступившие в Лицей различествовали между собой как возрастом, так и степенью подготовки. Первоначально предполагалось, что основная часть воспитанников Лицея будет набрана из учеников Московского университетского благородного пансиона, однако их оказалось только семеро; часть лицеистов получила первоначальное образование в Петербургской губернской гимназии, уездном училище лифляндского города Верро, Петербургской немецкой школе, остальные — в частных пансионах или дома. Принято было тридцать воспитанников, из которых лишь один не окончил курс обучения. Первоначальный план обучения предполагал распределение учеников по способностям и успехам на четыре отделения. Однако, судя по ведомостям и табелям 1811–1812 годов, этому следовали не все преподаватели, и в марте 1813 года было дано «распоряжение о распределении в классах мест так, чтобы отличившиеся занимали высшие места, а желающие оные оспаривать у них имели бы на то право»⁶. «По достоинству» лицеисты размещались и в столовой зале.

Обучение в Лицее носило энциклопедический характер⁷, профессорами в нем были назначены видные деятели российской науки и просвещения⁸. Определение лицеистов на службу в общих чертах обрисовано М. А. Цявловским в «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799–1826»⁹. Постараемся восстановить этот процесс по ведомственной переписке в более полном объеме, поскольку эта процедура имеет интересный историко-культурный контекст. Рескрипт, подтверждавший привилегированный статус Императорского Царскосельского Лицея, был дан министру народного просвещения 19 мая 1817 года (через несколько дней он стал еще и министром духовных дел) кн. А. Н. Голицыну. В «Постановлении о Лицее» сообщалось о том, что его воспитанники при поступлении на службу будут награждаться чинами XIV–IX классов. В 1816 году Александр I уже сожалел о награждении чином IX класса: «...он мне сказал, — писал Голицын директору Лицея Е. А. Энгельгардту, — что <...> оное слишком было сделано...»¹⁰. В 1817 году при

решении о награждении чинами лицейских воспитанников I курса царь отказался от значительной разницы в награждениях, простиравшейся от XIV до IX класса. В рескрипте говорилось о пожаловании девяти воспитанников Лицея, пожелавших вступить в гражданскую службу, в титулярные советники (IX класс) и восьми, в том числе Пушкина, в коллежские секретари (X класс). Награждению чинами придавалось большое значение, поскольку правительство было заинтересовано в повышении культурно-образовательного уровня чиновничества. В результате законодательных мер к 1830-м годам в гражданской службе осталось лишь пять процентов чиновников, получивших домашнее образование. Преимущества, предоставлявшиеся выпускникам общественных учебных заведений, поднимали престиж последних. С этой точки зрения выпуск из Лицея I курса должен был иметь значительный резонанс в русском обществе.

С чином от XIV до X класса выпускались с 1816 году воспитанники Царско-сельского благородного пансиона, такое же право получили благородные пансионеры при Московском университете и Главном педагогическом институте¹¹. Между тем лучшие из лицеистов получили чин IX класса — по Табели о рангах 1722 года это соответствовало «доктору всяких факультетов» (с 1803 г. доктор университета был уже VIII класса)¹². Таким образом, Царскосельскому Лицею императором были предоставлены самые высокие привилегии. Что же касалось определения лицеистов на гражданскую службу, то в рескрипте Александра I была дана следующая формулировка: царь предписывал министру сделать это «согласно желанию их»¹³, без учета наличия или отсутствия вакантных мест в том или ином ведомстве. В практике того времени существовал обычай принятия чиновников на службу без жалованья, однако император предписал выплачивать лицеистам жалованье даже в том случае, если в выбранных выпускниками ведомствах не было вакансий, — подобной льготы не было ни у одного из тогдашних общественных учебных заведений.

Рескрипт был засвидетельствован Конференцией Царскосельского Лицея 31 мая 1817 года, а 4 июня Александр I утвердил решение, которое гласило: «Конференция находит за удобное разделить всех воспитанников на два разряда. К первому разряду причисляются воспитанники, достаиваемые 9-го класса т. е. чина титулярного советника, а по военной службе чина офицера Императорской гвардии. Ко второму причисляются воспитанники, достаиваемые по гражданской службе 10-го класса, т. е. чина коллежского секретаря, а по военной офицера по армии»; под журналом стояли подписи Е. А. Энгельгардта, Ф. М. Гауеншильда, И. К. Кайданова, Я. И. Карцова, Д. И. де Будри и А. П. Куницына. К первому разряду были причислены: «1. Князь Александр Горчаков. 2. Дмитрий Маслов. 3. Вильгельм Кюхельбекер. 4. Сергей Ломоносов. 5. Николай Корсаков. 6. Барон Модест Корф. 7. Барон Павел Гревениц. 8. Сергей Комовский. 9. Фридрих Стевен»; ко второму разряду: «1. Федор Матюшкин. 2. Алексей Илличевский. 3. Михайло Яковлев. 4. Павел Юдин. 5. Александр Пушкин. 6. Барон Антон Дельвиг. 7. Константин Костенский. 8. Аркадий Мартынов»¹⁴.

Один из выпускников, Федор Матюшкин, 10 июня 1817 года писал Сазоновичу: «Я выпущен с чином коллежского секретаря. <...> Еще ничего не сделавши, быть 10-го класса, конечно, это много; но мы судим по сравнению: некоторые выпущены титулярными советниками»¹⁵.

Надзор за исполнением высочайших указов осуществлялся Правительствующим Сенатом. А. Н. Голицын 9 июня 1817 года сообщил в Сенат: «Его Императорское Величество на основании рескрипта, пожалованного на мое имя в 19 день мая сего года, по засвидетельствовании Конференции Императорского Царскосельского Лицея об успехах, похвальном поведении и добронравии окончивших ныне курс наук в сем заведении воспитанников, повелеть соизволили пожелавших из них поступить в гражданскую службу, поименованных в приложенном у сего списке, ныне при выпуске из Лицея чинами, в том списке показанными, определить их в службу по их желанию по собрании сведений, куда кто из них определиться пожелает, я не премину донести Правительствующему Сенату о высочайшей воле Государя Императора на определение их к местам, сообразно изъявленному от них желанию»¹⁶.

На следующий день Голицын направил письмо министру иностранных дел гр. К. В. Нессельроде: «Его Императорское Величество всемилостивейше соизволил из числа выпущенных ныне из Императорского Царскосельского Лицея воспитанников князя Александра Горчакова, Сергея Ломоносова, Николая Корсакова, барона Павла Гревеница, Вильгельма Кюхельбекера, Павла Юдина и Александра Пушкина <...> наградить первых пять чинами титулярных советников, а последних двух чинами коллежских секретарей и согласно желанию их определить в Коллегию Иностранных дел. Сообщая о таковой Монаршей воле Вашему Сиятельству для надлежащего исполнения, честь имею уведомить Вас, Милостивый Государь мой, что от меня приказано уже сим новопожалованным чиновникам явиться к Вам, для принятия Ваших приказаний касательно назначения им мест и должности. Что ж касается до определения им жалованья, то Государю Императору угодно было повелеть на случай неимения вакансий производить из них титулярным советникам по осьми сот, а коллежским секретарям по семи сот рублей в год из Государственного казначейства, впредь до помещения их на места с жалованьем; о чем и сообщена мною Высочайшая воля г. министру финансов. Вследствие сего покорнейше прошу Ваше Сиятельство не оставить снести от себя с Дмитрием Александровичем <гр. Гурьевым> о производстве с сего числа помянутого жалованья тем из означенных семи чиновников, для коих не окажется в Коллегии иностранных дел на сей раз праздной вакансии с окладом, каковой не был бы ниже назначенного им по Высочайшему повелению»¹⁷. Указ выплачивать до открытия вакансий выпускникам, удостоенным девятого класса, по 800 рублей, а удостоенным десятого класса по 700 рублей в год был дан императором 7 июня 1817 года¹⁸.

Сразу же после получения письма министра народного просвещения в Коллегии иностранных дел начинается делопроизводство в связи с принятием на службу новых чиновников. Записка управляющего Коллегией иностранных дел П. Я. Убри о представлении графу Нессельроде воспитанников Лицея, принятых на службу в Коллегию, датируется 11 июня 1817 года. Адресовалась она, скорее всего, правительнице канцелярии коллегии В. А. Поленову: «Честь имею послать Вашему Превосходительству два письма от князя Голицына с сообщением о прекрасном пополнении. Часть этих молодых людей предстанет перед графом Нессельроде в канцелярии в среду между полуднем и часом дня. Попрошу Вас приготовить их документы в соответствии с письмами князя Голицына»¹⁹.

О выпускниках Лицея, пожелавших поступить в гражданскую службу, 12 июня 1817 года было дано определение Правительствующего Сената «...по именному Его Императорского Величества Высочайшему указу, объявленному Сенату господином тайным советником, исправляющим должность министра народного просвещения и кавалером князем Александром Николаевичем Голицыным сего же июня в 9 день, что Его Императорское Величество, на основании рескрипта, последовавшего на имя его, в 19 день мая сего года, по засвидетельствованию Конференции Императорского Царскосельского Лицея об успехах, похвальном поведении и добронравии окончивших ныне курс наук в сем заведении воспитанников, повелеть соизволил: пожелавших из них поступить в гражданскую службу, поименованных в приложенном у сего списке, наградить при выпуске ныне из Лицея чинами, в том списке показанными, определив их в службу по их желанию. По отобрании сведений, куда кто из них определиться пожелает, он, г. исправляющий должность министра народного просвещения, не преминет донести Правительствующему Сенату о Высочайшей воле Государя Императора на определение их к местам сообразно изъявленному от них желанию»; и далее, после списка семнадцати воспитанников, предписывалось «показанным чиновникам объявить с приведением к присяге, поручить г. исправляющему должность министра народного просвещения, предоставляя ему же сделать настоящее распоряжение об учинении с них за пожалованные чины вычета, на основании законов, потом к нему и к г-ну министру финансов послать указы для припечатывания же оного Высочайшего указа в Сенатских ведомостях, Сенатской типографии дать копию при известии, каковым уведомить и Герольдию»²⁰.

Указ об определении на службу в Коллегию иностранных дел Горчакова, Ломоносова, Корсакова, Гревеница, Кюхельбекера, Юдина и Пушкина был подписан Александром I 13 июня 1817 года. В тот же день было дано определение Коллегии иностранных дел о приеме на службу воспитанников Лицея: «1817 года, июня в 13 д<ень> по Указу Его Императорского Величества в Коллегию иностранных дел, слушав отношение к управляющему Министерством иностранных дел от статс-секретаря князя Голицына от 10-го числа сего месяца, коим извещает<ся>, что Его Императорское Величество всемилостивейше соизволил из числа выпущенных из Царскосельского Лицея воспитанников: князя Александра Горчакова, Сергея Ломоносова, Николая Корсакова, барона Павла Гревеница, Вильгельма Кюхельбекера, Павла Юдина и Александра Пушкина, награждая первых пять чинами титулярных советников, а последних двух чинами коллежских секретарей, определить согласно желанию их в сию коллегию, и на случай не имения в оной вакансий, до помещения их на оные, производить с означенного 10-го июня²¹ из Государственного казначейства жалованья титулярным советникам по восьми сот, а коллежским секретарям по семи сот рублей в год; определено: упомянутым воспитанникам объявляя в Коллегии всемилостивейше пожалованные чины и приведя в оных на верность службе и присяге, считать в ведомстве сей Коллегии с произведением положенного жалованья, по неимению в Коллегии вакансий из общих государственных доходов, о чем послать к г. министру финансов нижеписанное сообщение»²². Далее в определение было включено еще особое «сообщение»: поскольку вакансий для семи новых чиновников не было, предлагалось его высокопревосходительству, т. е.

гр. К. В. Нессельроде, «учинить надлежащее распоряжение» о выплате им окладов «из государственных доходов», иными словами — не из министерской сметы, а из Государственного казначейства. В соответствии с этим 14 июля 1817 года Нессельроде направил министру финансов гр. Д. А. Гурьеву сообщение с предложением принять соответствующие распоряжения.

О выполнении высочайшей воли Голицын рапортовал Правительствующему Сенату 14 июня 1817 года. Его рапорт слушался в Общем собрании Сената 18 июня 1817 года, а затем в Первом департаменте Сената, осуществлявшем надзор за правительственным аппаратом. К рапорту был приложен «Список выпущенным из Императорского Царскосельского Лицея в гражданскую службу воспитанникам, с показанием мест, в которые Высочайше повелено определить их, согласно желаниям их»²³. Помимо тех, кто поступил в Коллегию иностранных дел, в списке содержались сведения об определении Дмитрия Маслова «в Государственную канцелярию», занимавшуюся делопроизводством Государственного совета, Модеста Корфа — «в Министерство юстиции», Сергея Комовского, Федора Стевена и Аркадия Мартынова — «в Министерство просвещения», Александра Илличевского, Антона Дельвига и Константина Костенского — «в Министерство финансов», Михаила Яковлева — «по Министерству юстиции в Москве», Федора Матюшкина — «в гражданскую службу». (В момент, когда Голицын представлял сенаторам свой рапорт, судьба Матюшкина еще не была решена. Директор Лицея Е. А. Энгельгардт при содействии Министерства народного просвещения хлопотал об определении его в кругосветный морской поход под командованием В. М. Головнина, что ему в конечном счете и удалось.)

В Правительствующем Сенате 11 июля 1817 года особо рассматривался вопрос о поступлении двух выпускников Лицея на службу в Министерство юстиции. Предлагалось, со ссылкой на министра юстиции Д. П. Трошинского, «удовлетворить желание барона Корфа помещением его в департамент министерства юстиции» и Михаила Яковлева — «за обер-секретарский стол, во 2-е отделение 6-го Сената департамента» в Москве. При этом вновь указывалось, как и в случае с лицеистами, поступившими на службу в Коллегию иностранных дел, что жалованье им назначается из Государственного казначейства «впредь до помещения их на штатные вакансии, каковых ныне ни по Сенату, ни по департаменту министерства юстиции не имеется»²⁴.

Итоговое слушание дела об определении воспитанников Царскосельского Лицея состоялось 14 июля 1817 года в Первом департаменте Правительствующего Сената, а указ его императорского величества из Правительствующего Сената от 17 июля 1817 года был опубликован в «Сенатских ведомостях» 23 июля.

Делопроизводства Министерства народного просвещения, Правительствующего Сената и Министерства иностранных дел о выпускниках Царскосельского лицея демонстрируют высочайший уровень льгот, дарованных этому учебному учреждению его основателем. Столь же высокий статус ожиданий был связан и с поступлением на службу в Министерство иностранных дел. Любопытно, что одним из направлений деятельности директора Лицея Е. А. Энгельгардта была подготовка воспитанников к службе именно в этом министерстве. В Архиве внешней политики Российской империи сохранилось дело «Об отпуске директору Царско-

сельского лицея Энгельгардту дипломатических бумаг старых лет для приучения воспитанников к составлению выписок»²⁵. О том, как трудно было попасть в Коллегию иностранных дел, вспоминал Ф. Ф. Вигель: «Дозволено было при иностранной коллегии иметь двадцать человек юнкеров 14-го класса и десять при московском ее архиве, дабы таким образом ограничить число привилегированных юношей. Легко себе представить, как много было желающих занять такие места и какое нужно было покровительство, чтобы получить их»²⁶. Представление выпускников Лицея графу К. В. Нессельроде состоялось в среду 13 июня 1817 года. Коллегия иностранных дел приняла тот вид, в каком застал ее Пушкин, после указа Александра I от 8 сентября 1802 года о замене коллегий министерствами. При этом весь штат коллегии (ее члены, экспедиторы, советники, секретари и многочисленные чиновники двух экспедиций — секретной и тайной) был введен в состав министерства. Коллегия по-прежнему оставалась центром управления иностранными делами, однако настоящая власть была у министра, который мог, в случае несогласия с постановлением коллегии, принимать собственные решения. Располагалась коллегия на Английской набережной. С августа 1816 года управляющим министерством и первоприсутствующим в Коллегии иностранных дел стал гр. К. В. Нессельроде, в обязанности которого входило общее управление министерством и ведение дел, касающихся Европы и Америки. Статс-секретарем по иностранным делам был гр. И. А. Каподистрия, ведавший вопросами «азиатской» политики и проблемами Бессарабии, присоединенной к России по Бухарестскому миру 1812 года. По служебной иерархии Каподистрия стоял ниже Нессельроде, но при этом обладал высочайшим авторитетом в дипломатических кругах. Рабочие апартаменты Нессельроде и Каподистрии находились в канцелярском доме на Дворцовой площади. Там же, по-видимому, происходило и представление новоиспеченных чиновников Нессельроде²⁷.

Пушкин служил в Министерстве иностранных дел в 1817–1824 и 1831–1837 годах. На службе в 1817–1820 годах поэт, по-видимому, был переводчиком — именно так он назван в записке статс-секретаря Коллегии иностранных дел гр. И. А. Каподистрии директору Хозяйственного департамента коллегии В. А. Поленову от 5 мая 1820 года. Должностная инструкция определяла обязанности переводчика следующим образом: «Когда переводчику какое дело для перевода дано будет, то ему, по должности своей, столь скоро переводить, как возможно по состоянию дела <...> под опасением штрафа и вычета из жалованья»²⁸. Высказывалось маловероятное предположение о том, что служебная деятельность Пушкина имела отношение к изданию в Петербурге журнала на французском языке «*Conservateur impartial*» («Беспристрастный консерватор») ²⁹, официального органа МИДа России в 1813–1824 годы³⁰. В 1817–1820 годы Пушкин должен был являться в Коллегию иностранных дел на дежурства для приема срочной корреспонденции и дипломатической почты. Дежурили четверо чиновников, и для молодых это порой становилось единственной служебной обязанностью. Об одном из таких дежурств Пушкин рассказывал В. А. Соллогубу, сделавшему об этом запись в своей тетради. В конце 1817 года Е. А. Энгельгардт писал А. М. Горчакову о службе поэта: «Пушкин ничего не делает в Коллегии, он даже там не показывается»³¹. По поводу документов Министерства иностранных дел за 1817–1820 годы, в которых запечатлелось перо Пушкина, Л. Б. Модзалевский пи-

сал: «Все эти “клятвенные обещания”, “прошения”, “расписки” и “подписки” — единственное, что пока известно из написанного Пушкиным. Трудно допустить, что в течение всей своей “службы” поэт буквально не написал ни строчки»³². Положение в пушкиноведении не изменилось по прошествии семидесяти лет, и в настоящий момент можно подтвердить отсутствие каких-либо деловых документов, вышедших из-под пера Пушкина.

Любопытно сопоставить, как сложились карьеры лицеистов, поступивших в Коллегию иностранных дел³³. Первый секретарь русского посольства в Лондоне, первый секретарь русской миссии в Риме, советник посольства в Вене, чрезвычайный посланник и полномочный министр в Вюртембергском королевстве кн. А. М. Горчаков при Александре II стал министром иностранных дел. Очень удачно складывалась карьера С. Г. Ломоносова: секретарь посольства в Вашингтоне, посланник в Филадельфии, Париже, Мадриде, Копенгагене, Лондоне, Рио-де-Жанейро, при португальском и нидерландском дворах. Весьма успешное начало имела карьера Н. А. Корсакова, который сумел сдать трудный экзамен в канцелярию Министерства иностранных дел, после чего был послан в русскую миссию в Рим, где вскоре умер от чахотки. Не раз отказывался от предлагавшихся ему крупных постов в министерстве бар. П. Ф. Гревениц. До статского советника дослужился П. М. Юдин, который на пике своей карьеры исполнял должность управляющего Петербургским главным архивом иностранных дел, собственно в архив для разбора «старых дел» он и поступил в 1817 году. Не меньшие возможности для карьерного роста имел и Пушкин, который, однако, вполне сознательно избрал другое поприще для применения своих сил.

Обобщая сведения, связанные с выпуском из Лицея I курса, следует еще раз подчеркнуть, что лицеистам были даны при поступлении на службу огромные привилегии. Неслучайно поэтому на них было обращено особое, можно сказать, ревнивое внимание петербургского чиновничьего мира. Первым выпускником, судьба которого заставила правительство заговорить о Лицее, был Пушкин, и привлек к нему, а также к В. К. Кюхельбекеру и А. А. Дельвигу внимание министра внутренних дел гр. В. П. Кочубея В. Н. Каразин в марте 1820 года... В июне 1821 года Е. А. Энгельгардту пришлось отвечать на записку «О состоянии имп. Царскосельского лицея и Благородного при нем пансиона», которая была написана министром духовных дел и народного просвещения кн. А. Н. Голицыным и представлена Александру I. Записка была вызвана выходом «пагубной» книги «Право естественное» (1818–1820) А. П. Куницына, одного из лицейских профессоров, и обвиняла Энгельгардта в неудовлетворительном управлении Лицеем. К ответу Энгельгардта прилагался список «О воспитанниках императорского Лицея 1-го и 2-го курса, в государственную службу поступивших»³⁴. Энгельгардт 25 июня 1821 года писал Ф. Ф. Матюшкину о нападках на Лицей «нынешних святых» (в первую очередь кн. Голицына, стремившегося приблизить просвещение в России к букве Св. Писания). Понимая, что недовольство, выраженное в записке Голицына, приведет к реорганизации Лицея, Энгельгардт утверждал: «Жаль еще репутацию бедного Лицея, на который уже и без того нынешние святые жестоко нападают и хотят доказывать, что плоды нашего заведения и воспитания суть наивреднейшие для государства. Прицепились к Пушкину, теперь прицепятся к Кюхельбекеру»³⁵. В результате Энгельгардт был отправлен в отставку, а Лицей

в 1823 году передан в военное ведомство, под начало главного директора пажеских и кадетских корпусов.

После событий 14 декабря 1825 года вопросы воспитания и образования юношества оказались в центре внимания правительства. На высочайшее имя, а также в разного рода ведомства, в частности в III Отделение, был подан ряд записок на тему «недостатков воспитания нынешнего дворянства» (среди авторов их были и Пушкин с его запиской «О народном воспитании» (1826), и Булгарин, и гр. И. О. Витт)³⁶. Написал записку в Министерство народного просвещения и Энгельгардт, сообщавший в ней о верноподданной и в высшей степени успешной службе выпускников первых лицейских курсов, среди которых «лишь двое <...> участвовали в гнусном заговоре, Пушин и Кюхельбекер»³⁷. Озабоченность положением в сфере просвещения была выражена в высочайшем манифесте от 13 июля 1826 года, изданном в связи с завершением суда над декабристами. Следует отметить, что во всех записках, которые касались внутриведомственных вопросов и подавались в 1826-м и следующих годах правительству, ощущается воздействие двух «директивных» документов эпохи: манифеста от 13 июля и донесения Следственной комиссии от 30 мая 1826 года. В донесении была дана схема развития тайного заговора с вычлениением основных его этапов (возвращение основателей тайных обществ из-за границы после кампаний 1813–1815 годов, образование Союза спасения, затем Союза благоденствия и др.). На эту схему авторы записок нанизывали свои соображения, наблюдения, факты.

Ко второй половине 1826 года (а возможно, и к 1827 г.) относится агентурная записка Ф. В. Булгарина «Нечто о Царскосельском лицее и о духе оногo», в которой утверждалось, что Лицей стал рассадником либерализма. Сделав исключение для М. Корфа, Булгарин писал, что вышедшие из Лицея воспитанники «служили дурно»³⁸. Булгаринская записка демонстрировала распространенность предубеждения против лицейцев, это же подтверждалось еще одним документом из архива III Отделения, датированным 6 августа 1828 года. В «Письме наблюдателя» (автор его неизвестен), наоборот, выражалось возмущение тем положением Лицея, которое он получил в военном ведомстве: «Не спорю, что им (воспитанникам. — С. Б.) в прежнее время давали много воли <...> но за то и какую пользу принесло сие заведение! Двенадцать человек из Лицея служат в канцелярии Государя. Во всех министерствах, во многих военных частях — лучшие чиновники суть лицейские воспитанники. Барон Корф, князь Горчаков, Вальховский, Саврасов, Ломоносов, двое Комовских, трое Безаков, Малиновский, Маслов³⁹ и много, много еще молодых отличных людей служат доказательством, что прежний Лицей был, конечно, первый из наших институтов. — Когда говорят о Лицее, то враги его всегда вспоминают о 14-м декабре. <...> Сколько там было Лицейских? — Один Пушин, да сумасшедший Кюхельбекер⁴⁰. Итак, за этих двух вырожденцев и за шалости Пушкина предать анафеме все заведение? А сколько там было из корпусов Пажеского, Сухопутного, Морского?»⁴¹ Неизвестный агент III Отделения очень хорошо знал выпускников Лицея, причем, что показательно, всех курсов. Судя по степени его близости к М. Я. фон Фоку, это не мог быть воспитанник Лицея; вероятнее всего, он принадлежал к числу лицейских преподавателей. В 1826–1828 годы III Отделение собирало материалы для предложений по реформированию Царскосель-

ского Лицея, и неизвестный агент внес свою лепту, уравновесив отрицательный отзыв Булгарина об этом учебном заведении.

В 1829 году в жизни Лицея произошла важная перемена, и его воспитанников стали готовить только для статской службы. Пессимистические предположения относительно будущей судьбы Лицея, высказанные в записке, не оправдались. Александровский (в 1844 году преобразованный из Царскосельского) Лицей сохранил за собой привилегированный статус и мог гордиться многими своими воспитанниками. Причем ни один из выпусков Лицея, если иметь в виду процентное соотношение, не дал такого количества блестящих представителей государственной элиты, как первый пушкинский выпуск.

Как же сами лицейцы I курса относились к тем льготам, которые были даны им Александром I? Кн. А. М. Горчаков в 1883 года рассказывал М. И. Семевскому: «... во время приезда моего из Лондона в Москву и Петербург в 1825 году, ни один из моих товарищей по Царскосельскому лицее, членов тайного общества, не заговаривал со мною о делах сего общества. Потому что всем и каждому из них я твердил, что питомцам Лицея, основанного императором Александром Павловичем, не подобает ни прямо, ни косвенно идти против августейшего основателя того заведения, которому мы всем обязаны»⁴².

Нельзя сказать, что это чувство было совсем чуждо Пушкину. В 1836 году в стихотворении «Была пора: наш праздник молодой...» Пушкин с восхищением вспоминал о возвращении Александра в Россию и впечатлении от него лицейцев:

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг [тогда пред ним] раздался!
Как был велик, как был прекрасен он... (III, 432).

Что же касается более раннего периода, то пиетет перед Александром I был чужд Пушкину, привыкшему с лицейских лет живописать его в сатирических красках. Было бы, однако, ошибкой характеризовать это как простую «неблагодарность». В основе критицизма, с которым Пушкин воспринимал личность Александра I, были очень рано проявившиеся оппозиционные настроения. Для того чтобы понять глубину этих настроений, необходимо вдуматься в систему тех исключительных льгот, которые были предоставлены императором выпускникам Лицея. После 1826 года и возвращения из ссылки в мировосприятии поэта произошел перелом. Таким образом, по прошествии всего нескольких лет имя Пушкина, которое, как казалось когда-то Энгельгардту, Булгарину и другим, легло несмыслаемым пятном на репутацию Лицея, стало лучшим украшением, подлинной славой этого учебного заведения.

К моменту гибели поэта преимущества лицейского образования уже очистились от наветов и стали более чем очевидны. Поэтому Николай I, подписывая в 1837 году указ, обязывавший дворян прослужить три года до получения первого классного чина (т. е. XIV класса), сделал исключение для лиц, имевших право на VIII и IX класс: это были выпускники с отличием Царскосельского лицея и Училища правоведения, а также магистры и доктора наук⁴³.

Примечания

- ¹ Цит. по: Памятная книжка Имп. Александровского лицея на 1856–1857 г. СПб., 1856. Прилож. С. 9.
- ² См.: *Диссон Ю. А.* Лицеи и благородные пансионы в системе народного просвещения России в первой трети XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 17–19.
- ³ *Кобеко Д. Ф.* Имп. Царскосельский лицей: наставники и питомцы (1811–1843). СПб., 1911. С. 40.
- ⁴ См.: *Дейч Г. М.* Все ли мы знаем о Пушкине? М., 1989. С. 23.
- ⁵ *Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1: 1813–1824. С. 690.
- ⁶ *Кобеко Д. Ф.* Имп. Царскосельский лицей. С. 62.
- ⁷ О широком общем образовании в Лицее, на последнем двухгодичном курсе которого преподавались предметы университетского цикла трех факультетов — нравственно-политического, словесного и физико-математического, см.: *Павлова С. В.* «Вы помните, когда возник Лицей...» // «...И в просвещении статья с веком наравне». СПб., 1992. С. 14–17. См. также: *Диссон Ю. А.* «Благородная альтернатива» российским университетам: лицеи и благородные пансионы в России (конец XVIII — первая треть XIX в.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2007. № 4. С. 125–143; *Соколова Е. С.* Концепция преподавания права в Имп. Царскосельском лицее (первая треть XIX в.) // Российский юридический журнал. 2007. № 5. С. 188–193.
- ⁸ См.: *Грот Я. К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1899; *Кобеко Д. Ф.* Имп. Царскосельский лицей; *Руденская М. П., Руденская С. Д.* «Наставникам... за благо воздадим»: очерки. Л., 1986; *Любавин М. А.* Лицейские учителя Пушкина и их книги. СПб., 1997.
- ⁹ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799–1826 / сост. М. А. Цявловский. Л., 1991. См. также: *Кобеко Д. Ф.* Имп. Царскосельский лицей. С. 94–111.
- ¹⁰ Летописи Гос. литературного музея. Кн. 1: Пушкин. М., 1936. С. 474.
- ¹¹ См.: *Шевченко М. М.* Правительство, народное образование и государственная служба накануне великих реформ (1849–1856) // Россия и реформа. М., 1993. Вып. 2. С. 17.
- ¹² См.: Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М., 1986. Т. 4. С. 59.
- ¹³ См.: Полн. собр. законов. Собр. 1-е. Т. 34. № 26875; Памятная книжка Имп. Александровского лицея на 1856–1857 гг. Прилож. С. 88–89.
- ¹⁴ А. С. Пушкин: документы к биографии. СПб., 2007. [Т. 1:] 1799–1829. С. 278–279.
- ¹⁵ *Грот Я. К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. С. 76.
- ¹⁶ А. С. Пушкин: документы к биографии. [Т. 1]. С. 281.
- ¹⁷ Там же. С. 284–285.
- ¹⁸ Полн. собр. законов. Собр. 1-е. Т. 34. № 26913.
- ¹⁹ А. С. Пушкин: документы к биографии. [Т. 1]. С. 291–292.
- ²⁰ *Дейч Г. М.* Все ли мы знаем о Пушкине? С. 47–48; А. С. Пушкин: документы к биографии. [Т. 1]. С. 294.
- ²¹ Примечательно, что в этот день Пушкин находился еще в Лицее. Фактически служба Пушкина началась с момента объявления Голицыным графу Нессельроде воли императора об определении на службу в Коллегию иностранных дел семи лицейцев.
- ²² *Турилова С. Л.* Предшественников славных имена... // Вестник МИД СССР. 1988. № 12. С. 69–70 (факсим. воспр.); А. С. Пушкин: документы к биографии. [Т. 1]. С. 295–296.
- ²³ А. С. Пушкин: документы к биографии. [Т. 1]. С. 298–299.
- ²⁴ Там же. С. 310.
- ²⁵ См.: *Турилова С. Л.* Пушкин на дипломатической службе // Международная жизнь. 1999. № 6. С. 24.
- ²⁶ *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1928. Т. 1. С. 98.
- ²⁷ См.: *Невский А.* Российский МИД во времена Пушкина // Международная жизнь. 1991. № 10. С. 118–129.
- ²⁸ Там же. С. 122.
- ²⁹ *Турилова С. Л.* Автографы А. С. Пушкина в Архиве внешней политики России // Дипломатический ежегодник. [1990.] М., 1992. С. 225; здесь же см. сообщение о том, что делами по этому изданию занимался, находясь на службе в Коллегии иностранных дел, Кюхельбекер.

- ³⁰ См.: *Сироткин В. Г.* Русская пресса первой четверти XIX века на иностранных языках как исторический источник // История СССР. 1976. № 4. С. 89–91.
- ³¹ Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 34.
- ³² Рукою Пушкина: несобранные и неопубликованные тексты / коммент. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935. С. 827.
- ³³ О службе в МИД лицейских друзей Пушкина, а также его знакомых см.: *Шмидт С. О.* Русские литераторы и российская дипломатия // Шмидт С. О. Общественное самосознание российского благородного сословия XVII — первой трети XIX века. М., 2002. С. 241–252.
- ³⁴ См.: *Гессен С. Я.* К истории разгрома пушкинского Лицея // Литературный современник. 1937. № 1. С. 257, 259 (о Пушкине в списке было сказано: «При генерале Инзове»).
- ³⁵ *Кобеко Д. Ф.* Директор Царскосельского лицея Е. А. Энгельгардт и его питомцы // Вестник всемирной истории. 1899. № 1. С. 93; Литературное наследство. Т. 59. С. 345 (публ. Б. В. Томашевского).
- ³⁶ Витт опирался на свой опыт попечителя Ришельевского благородного лицея в Одессе.
- ³⁷ *Эйдеман Н. Я.* Пушкин и декабристы: из истории взаимоотношений. М., 1979. С. 380.
- ³⁸ А. С. Пушкин: Документы к биографии. [Т. 1]. С. 398.
- ³⁹ Среди названных автором записки «молодых отличных людей» к послепушкинским лицейским выпускам относятся братья К. П., А. П. и Н. П. Безак, а также В. Д. Комовский, брат товарища Пушкина по Лицею С. Д. Комовского. При этом к выпускникам Лицея в записке причисляются и те, кто учился в Царскосельском благородном пансионе.
- ⁴⁰ Автор записки называет двух лицейцев, осужденных по делу 14 декабря, — И. И. Пушкина и В. К. Кюхельбекера. В. Д. Вольховский, который фигурирует в записке среди «молодых отличных людей», был членом тайного общества и получил «очистительный аттестат» благодаря заступничеству начальника Главного штаба И. И. Дибича. Автор записки прав, говоря далее о декабристах как воспитанниках преимущественно других учебных заведений.
- ⁴¹ *Модзалевский Б. Л.* Пушкин в донесениях агентов тайного надзора. Л., 1925. С. 93.
- ⁴² *Семевский М. И.* Прогулка в Тригорское: биограф. исследования и заметки о Пушкине / вступ. ст., сост. и примеч. С. В. Березкиной. СПб., 2008. С. 245.
- ⁴³ См.: *Шевченко М. М.* Правительство, народное образование и государственная служба... С. 19.

Т. П. Волохонская

ВЫПУСКНИКИ ПЕРВОГО КУРСА ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ЛИЦЕЯ — СВИДЕТЕЛИ И УЧАСТНИКИ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

«Кавказ», «Грузия», «горцы» — эти слова вошли в сознание лицейских первокурсных с раннего детства. Можно не сомневаться, что свои первые сведения о «кавказском вопросе» многие лицеисты почерпнули еще дома, из разговоров родителей. Ситуация на юго-востоке России, вблизи Турции и Персии, вызывала общий интерес. Очертания империи в тех краях менялись. Христианская Грузия, в течение нескольких веков страдавшая от набегов персов, турок и кавказских горцев, давно искала опоры в православной Москве, и в 1801 году Александр I издал манифест о ее окончательном присоединении к своим владениям. Путь в Грузию шел для русских через Кавказ. Неизбежность тяжелых столкновений в горах не вызывала в российском обществе сомнений, но вряд ли предполагалось, что военные действия продлятся более шестидесяти лет...

Из лицейских выпускников 1817 года первым соприкоснулся с кавказскими событиями Пушкин. Он оказался на юге в 1820 году, во время путешествия с семьей генерала Н. Н. Раевского. Кавказ поразил его своей мощью. Впоследствии поэт не раз писал о своей любви к этому краю. Вспомним строки из черновики «Путешествия Онегина»:

В тебя влюблен я был безумно
Меня приветствовал ты шумно...
(VI, 484)

По непокоренным землям путники следовали в окружении серьезной охраны: «Вокруг нас ехали 60 казаков, за нами тащилась заряженная пушка, с зажженным фитилем» (А. С. Пушкин — Л. С. Пушкину, 20 сент. 1820) (XIII, 18). Военные события и непосредственное общение с их участниками дали поэту глубокие творческие импульсы. В эпилоге «Кавказского пленника» он описал свою обновленную Музу:

Ее пленял наряд суровый
Племен, возросших на войне,
И часто в сей одежде новой
Волшебница являлась мне...
(IV, 113)

«Кавказский пленник» был принят лучше всего, что я ни написал...», — заметил Пушкин в 1830 году в статье «Опровержение на критики» (XI, 145). В двадцать лет поэт сумел осветить тему, вызывающую общий интерес, но еще не поднятую литературой. Любопытно, что крайне важный для него самого образ Пленника (отчасти черты этого героя через три года оживут в Онегине) мало кого увлек — публику больше впечатлили картины горского быта. Описания черкесских нравов при жизни Пушкина шесть раз перепечатывались в хрестоматиях и учебных пособиях. «Черкесская песня» была дважды положена на музыку (И. Геништой и А. Алябьевым) и пользовалась исключительной популярностью во всех сословиях!

Созвучна настроению публики оказалась и уверенность Пушкина в необходимости военного покорения Кавказа, хотя нашлись и противники этой точки зрения. Воинственные строки эпилога («Смирись, Кавказ: идет Ермолов!» и т. п.), как известно, возмутили П. А. Вяземского. Он писал: «Мне жаль, что Пушкин окровавил последние стихи своей повести. Что за герой Котляревский, Ермолов? Что тут хорошего, что он, как черная зараза, губил, ничтожил племена?» (П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу, 27 сент. 1822 г.)². Однако образ мыслей Вяземского был редкостью; в целом же не только Пушкин — многие лучшие люди России (Грибоедов, декабристы) приветствовали продвижение Российской империи на восток, видели в завоевании Кавказа логику истории. Другое дело, что не все осознавали драматизм этой логики.

Видимо, в 1820 году недооценивал масштаб кавказской беды и Пушкин. Глубина трагедии открылась ему только через девять лет, в 1829-м, когда он вновь оказался на Кавказе: «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги... Дух дикого их рыцарства заметно упал. Они... никогда не пропустят случая напасть на слабый отряд или на беззащитного. Здешняя сторона полна молвой об их злодействах» («Путешествие в Арзрум», 1835) (VIII, 449). Это — горькая констатация российской неудачи на Кавказе. Пушкин приходил к выводу, что одним только оружием мир в этом крае установить невозможно, и упоминал другие способы воздействия на ситуацию: развитие торговли, христианское миссионерство...

Кавказская тема в творчестве Пушкина обширна; нам лишь важно отметить, что именно он первым в русской литературе дал ключ к освещению войны с горцами. Его стремление «вникнуть в сознание горца и объяснить особенности этого сознания русскому обществу» было поддержано Грибоедовым, Марлинским, Лермонтовым, Толстым³. Писатели силами литературы «смягчали, гуманизировали тяжкий для обеих сторон, но неотвратимый процесс» колонизации Кавказа⁴, и творческое влияние Пушкина на кавказскую проблему было немалым.

Совсем иначе соприкоснулся с Кавказом Кюхельбекер. С конца 1821 по май 1822 года он служил в Тифлисе чиновником по особым поручениям при главнокомандующем Кавказским корпусом А. П. Ермолове, знал многих ермоловских генералов и офицеров, в том числе начальника штаба корпуса генерала А. А. Вельяминова. Поэт находился в среде, где о горцах не только говорили, но и принимали их: мятежных — для переговоров, а мирных, пусть нечасто, — как гостей. Так, 1822 год он встречал у генерала Вельяминова, где беседовал с Аммалат-беком, красавцем-

горцем, в будущем — героем нашумевшей одноименной повести А. А. Бестужева-Марлинского. Аммалат не мог не заинтересовать Кюхельбекера: за три года до этого, в 1819-м, Аммалат совсем юным попал в русский плен, был приговорен к смерти, но спасся благодаря ходатайству полковника Верховского, который не просто пожалел Аммалата, но приблизил его к себе, воспитывал, определил в русскую армию. Продолжение их истории Кюхельбекер узнал, уже покинув Грузию. В 1823 году Аммалат, подвергшись обману и интригам, убил своего благодетеля и вскоре был отвергнут собственными соплеменниками: горцы обрекли его на скитания в горах и смерть от русских. В 1831 году вышла в свет повесть Марлинского об этой трагической судьбе. Кюхельбекер прочел повесть в тюрьме, особо ощутив аромат ее подлинности (см. «Дневник Узника», запись от 2 мая 1834)⁵.

Осведомленность поэта в кавказских делах не вызывает сомнения еще и потому, что он дружил на Кавказе со своим сослуживцем Грибоедовым. Грибоедов, обожавший и Грузию, и Кавказ, ввел Кюхельбекера в круг своих тифлиских знакомых — в этом кругу война с горцами, бесспорно, обсуждалась во всех деталях. Кроме того, Грибоедов и сам откровенно обсуждал с другом кавказские события. Стоит вспомнить грибоедовское письмо Кюхельбекеру от 27 ноября 1825 года (Вильгельм Карлович был уже в Петербурге), в котором рассказывается о гибели двух горцев, кабардинского князя Джахонтова (любимца Ермолова, как пишет Грибоедов) и его товарища Касаева: эти молодые кабардинцы, не раз выступавшие против русских, оказали сопротивление при аресте и были убиты. «Кровавая сцена» случилась при Грибоедове и произвела на него неизгладимо гнетущее впечатление: «... вот уже месяц, как она... у меня из головы не выходит». Делится Грибоедов и своими сомнениями относительно тактики российского командования на Кавказе: «Кабарду Вельяминов усмирил, одним ударом свалил двух столпов вольного, благородного народа. Надолго ли это подействует?»⁶ Заметим, что адресат письма в глазах автора — абсолютный единомышленник в кавказских вопросах. Видимо, так и было.

И все же Кюхельбекер, в отличие от Пушкина и самого Грибоедова («Хищники на Чегеме», 1825), кавказскую тему в своих сочинениях почти не затронул, лишь коснулся ее в стихотворении «На смерть Якубовича» (1846). Его собственная близость к войне в стихах не отразилась. Правда, в послании «К Пушкину» (1822) поэт упоминает о каком-то не очень понятном кавказском эпизоде:

Кавказский конь топтал меня,
И жив в скалах тех молчаливых
Я встал из-под копыт коня!⁷

Стот ли за описанным эпизодом действительно опасная встреча Кюхельбекера с горцами, не очень понятно. Кавказ упомянут в послании вскользь, хотя написано оно как отклик на пушкинского «Кавказского пленника». Поэт больше пишет о своем «душевном родстве» с главным героем поэмы: оба не прижились на родине, оба подверглись испытаниям, оба выжили — автор считает, что на новые мучения. Кюхельбекер вспоминает о недоброжелательности к нему властей, о рискованных, роковых событиях, случившихся с ним во время путешествия за границей и службы у Ермолова. Послание полно многозначительных намеков на тяжесть собствен-

ного характера и обстоятельств. Пушкин в письме к Н. И. Гнедичу от 13 мая 1823 года подшучивает над этой многозначительностью друга: «Кюхельбекер пишет мне четырехстопными стихами, что он был в Германии, в Париже, на Кавказе и что он падал с лошади. Все это, кстати, о Кавказском пленнике» (XIII, 63).

Почему пылкий Кюхельбекер, находясь вблизи войны, прошел мимо нее в своем творчестве? Это тем более странно, что общественная жизнь и политика всегда занимали поэта. Находясь в Тифлисе, он был в высшей степени озабочен борьбой за свободу Греции и воспевал дело греков в стихах. Похоже, что кавказская война просто не воспринималась им как тема, достойная поэзии: об этой войне он знал слишком много запутанного, «некрасивого». И все же Кюхельбекер, пока был на свободе, наверняка внес лепту в формирование общественных взглядов на «кавказский вопрос» — в живом общении, в беседах со многими образованными современниками.

Если лицейские поэты соприкоснулись с горской войной как свидетели и мыслители, то их одноклассники В. Д. Вольховский, К. К. Данзас и Ф. Ф. Матюшкин приняли в ней непосредственное участие.

Генерал-майор В. Д. Вольховский, участник персидской, турецкой и польской кампаний, попал на войну с горцами в 1831 году. В это время на Кавказе окреп мюридизм — мусульманское религиозное учение, позволившее объединить многочисленные горские народности, раньше нередко враждовавшие друг с другом. «Мюрид», в переводе с арабского — ученик духовного наставника; таким наставником, «духовным отцом» для горцев — сами они называли его имамом — стал Кази-Мулла, провозгласивший священную войну против русских. Под началом Кази-Муллы оказались, по сути, все горцы, не принявшие российской власти. Кавказское сопротивление вошло в новую фазу. Одним из первых дел Вольховского в горах было участие в штурме дагестанского аула Гимры. Родина Кази-Муллы, Гимры, к 1832 году превратились в отлично укрепленный, неприступный горный оплот Кавказа. Взятие этой цитадели возглавил сам главнокомандующий Кавказским корпусом барон Г. В. Розен, Вольховский командовал частью его войска. Бой оказался чрезвычайно сложен по своим условиям: горцы, находясь на близком расстоянии к штурмующим, встретили отряд Вольховского сильнейшим огнем. Во время схватки Кази-Мулла и его ближайшие соратники погибли; Шамиль, будущий имам Кавказа, сумел скрыться в горы. В 1832 году, однако, никто не предполагал опасности этой фигуры: были надежды, что с мюридизмом покончено. Директор Лицея Е. А. Энгельгардт, читая в газете о сражении при Гимрах, мысленно пробирался вместе с Вольховским «сквозь пропасти и... лазал по скалам». «Это дело богатырское. Более всего радуюсь, что ты цел вышел из этого свинцового и чугунного дождя»⁸, — писал директор своему любимцу. Вскоре после дела при Гимрах Вольховский получил должность начальника штаба Кавказского округа.

Летом 1837 года почти рядом с Вольховским оказался на Кавказе Ф. Ф. Матюшкин. Оба друга участвовали в операции по взятию мыса Адлер, но из-за занятости встретиться не смогли. Вольховский командовал в этих боях десантом, а командир боевого фрегата Матюшкин помогал войскам с моря: доставлял снаряды и провизию, увозил раненых и больных. Его потрясло состояние русской армии. Солдаты, которых Матюшкин вывозил с Кавказа, не могли избавиться от вшей,

страдали от лихорадки, цинги и сырости: сказывался губительный для непривычных людей климат. Прекрасный фрегат после «адлеровских» рейсов находился в ужасном состоянии, был сплошь покрыт насекомыми. Свои впечатления Матюшкин высказал Вольховскому в возмущенном письме. Можно представить, с какой болью читал Вольховский негодующие вопросы друга: как можно заставлять воевать цинготные батальоны? как не жалеть, не беречь солдат? «Рассчитай, во что обошлась Адлеровская фортеция и деньгами, и людьми, и какая польза? Прощай, больше не буду писать, боюсь тебя рассердить... будем живы — увидимся»⁹.

Цена победы, надо полагать, не вполне входила в компетенцию Вольховского. Если Матюшкину казалось, что командование Кавказского корпуса спешит с победами, то император Николай, напротив, счел, что дела на Кавказе идут слишком медленно. В том же 1837 году Вольховский попал в немилость, был переведен по службе в Западный край, под начало ненавистного фельдмаршала Паскевича — и 16 февраля 1839 года вышел в отставку. Он поселился на Украине, в имении своей жены, но, как полагали близкие, не сумел жить вдали от армии. Седьмого марта 1841 года Вольховский умер.

Еще один лицейский «кавказец», участник войн с Персией и Турцией подполковник К. К. Данзас, воевал с горцами в 1838–1842 годах. Попав в отряд, подчиненный генералу Н. Н. Раевскому-младшему (другу Пушкина), военный инженер Данзас принимал деятельное участие в сооружении Черноморской береговой линии: в строительстве фортов Головинский, Лазарев и Раевский. Строительство нередко сопровождалось боями и перестрелками. Предполагалось, что форты будут мешать связям Кавказа с Турцией, в том числе торговым связям, особенно важным для горцев в пору неурожая. Российское командование рассчитывало, что голод быстрее штыков заставит мятежников покориться России. Однако неурожай, случившийся в 1840 году, неожиданно привел к совсем другому повороту событий: доведенные до отчаяния горцы яростно атаковали русские крепости на побережье, заняли и разорили большинство из них. Немногочисленные и ослабленные болезнями гарнизоны крепостей были вырезаны. В 1841–1842 годах Данзас участвовал в восставлении береговой линии...

Конец кровавой войне удалось положить только при Александре II, в пору либеральных реформ. Многие в деятельности российского правительства определял в это время бывший лицеист князь А. М. Горчаков, с 1856 года — министр иностранных дел, с 1862 — вице-канцлер; в 1867-м он станет канцлером. Мастер точных формулировок, Горчаков еще в самом начале своей министерской карьеры определил суть главной задачи империи: Россия сосредоточивается на своих внутренних делах, своих проблемах. Одной из таких проблем был Кавказ.

Крайне важное обстоятельство: при Александре II в решение «кавказского вопроса» стали вкладывать значительно больше средств, чем при Николае. Чуда, естественно, не произошло, война осталась кровопролитной и жестокой до самого конца. Даже ее, казалось бы, гуманная составляющая — переселение смирившихся горцев на равнину — была драматичной: коренные жители Кавказа против воли отказывались от родных мест, от привычного существования, меняли образ жизни. И все же российская политика в крае стала более гибкой: горцам в случае неурожая стали помогать, начали внимательней относиться к местным народным обычаям,

культуре, вере. Тем из жителей, кто так и не признал владычества России, разрешили уехать в Турцию. К несчастью, судьбы беженцев в большинстве своем складывались в Османской империи крайне трудно, даже трагически — но уже не по вине русских.

Двадцать первого мая 1864 года в лагере победителей был отслужен благодарственный молебен по случаю окончания долгой и мучительной войны на Кавказе. Замирение с горцами вызвало ликование по всей стране. Особенно радовались участники кавказских сражений, из лицейских первокурсных — Данзас и Матюшкин; главного «кавказца», Вольховского, уже двадцать три года как не было на свете. Пушкин и Кюхельбекер тоже не дожили до этого дня...

Могли ли оставшиеся в живых подумать, что достигнутый с таким трудом мир окажется временным? Скорее всего, они представляли себе будущее более счастливым...

Примечания

¹ См. об этом: *Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1. С. 425.

² Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 2. С. 274.

³ *Гордин Я. А.* Кавказ: земля и кровь. СПб., 2000. С. 336.

⁴ См.: Там же.

⁵ *Кюхельбекер В. К.* Дневник. Пг., 1929. С. 183–184.

⁶ *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч.: в 3 т. СПб., 2006. Т. 3. С. 103–104.

⁷ *Кюхельбекер В. К.* Соч. Л., 1989. С. 64.

⁸ Цит. по: *Гастфрейнд Н.* Товарищи Пушкина по Имп. Царскосельскому лицей. СПб., 1912. Т. 1. С. 97.

⁹ Там же. С. 121.

Г. Н. Антонов

ЖИЗНЬ И БЫТИЕ АДМИРАЛА МАТЮШКИНА

Федор Федорович Матюшкин родился 10 июля 1799 года в Штутгарте — столице Вюртембергского королевства, в семье советника русского посольства. После кончины отца семья переехала в Москву, и Федор некоторое время учился в Благородном пансионе при Московском университете, а в 1811 году был принят в только что открывшийся Императорский Царскосельский Лицей 21-м по списку и проживал в 12-й комнате.

«Матюшкин Федор. С хорошими дарованиями: пылкого понятия, живого воображения, любит учение, порядок, опрятность; имеет особенную склонность к морской службе; весьма добронравен при всей живости, мил, искренен, чистосердечен, вежлив, чувствителен, иногда вспыльчив и гневен, но без грубости, и только на минуту», — это строки из лицейской аттестации будущего адмирала. Интересно отметить, что все эти личностные качества являются основой становления настоящего моряка. И не просто моряка — истинного адмирала.

Да, надо быть вспыльчивым, чтобы уметь привести в чувство захандривший в дальнем плавании экипаж, уставший от монотонной однообразной работы; да, надо быть гневным во имя спасения жизней подчиненных, чтобы в критическую минуту навязать свою волю и подавить возникшую на корабле панику. И конечно, надо быть добронравным, чистосердечным и вежливым, потому что в многомесячном плавании ты и отец, и мать, и Господь Бог для своих подчиненных. Ты должен заботиться о них, об их хлебе насущном, об их пище духовной. Ты их должен обучать, а следовательно, должен сам любить учение. Ну и, безусловно, иметь «особенную склонность к морской службе» — без нее не бывает моряка!

Девятого июня 1817 года состоялся первый торжественный выпуск 29 воспитанников Царскосельского Лицея. Семнадцать лицейцев были выпущены по IX классу — титулярный советник (офицер гвардии), а 12 человек по X классу — коллежский секретарь (офицер армии). Среди последних — А. С. Пушкин и Ф. Ф. Матюшкин. Семь выпускников были определены в Коллегию иностранных дел, в том числе Александр Пушкин; 1 человек — в Государственную канцелярию; 2 человека — в департамент юстиции; 3 человека — в департамент финансов; 3 человека — в Министерство народного просвещения.

Тринадцать лицейцев связали свою судьбу с военной службой: семеро человек стали гвардейскими, а пятеро — армейскими прапорщиками. Судьба одного

из лицейцев была не похожа на все остальные судьбы: он единственный выбрал морскую стезю: «Наконец исполнилось мое желанье, наконец мечты, коими мое воображение питалось несколько лет, сбылись — я еду с В. М. Головинным. Государь согласен. Сегодня пришла о сем бумага от министра морских сил»¹.

Друзья и лицейский директор получали от Матюшкина многочисленные письма из путешествий. В виде эпитафий он ставит градусы широты и долготы, на которых в этот момент находится. Но до нынешнего времени бумаги Ф. Матюшкина — дневники, заметки, письма — в основной своей части мало известны исследователям. Правда, стараниями А. Андреева, А. Михайловой, Л. Шура эти материалы были введены в научный оборот, но можно констатировать, что все эти обзоры остались незамеченными. В 1919 году в Пушкинский Дом поступила часть рукописного собрания известного собирателя П. Я. Дашкова. Эти бумаги содержали часть личного архива Матюшкина. Среди них был и своеобразный путевой дневник, который по совету и плану Пушкина вел Ф. Матюшкин.

Незадолго до своей смерти адмирал передал академику Я. К. Гроту бумаги, связанные с Лицеом, в том числе маленькую тетрадку в обложке из листов вахтенного журнала «Камчатка». Она имеет вид черновой, сильно перемаранной поправками, не озаглавленной рукописи в сшитой тетрадке из грубой синей бумаги на 8 листах, т. е. 16 страничках, в такой же оборванной обложке. Позже рукопись была переплетена Дашковым с тиснением на корешке: «Ф. Ф. Матюшкин. Журнал кругосветного плавания на шлюпе “Камчатка” под командою капитана Головинна». Там же оказались письма Матюшкина к Энгельгардту из кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка». Они, в свою очередь, из собрания принца А. П. Ольденбургского после 1917 года оказались в Государственной публичной библиотеке. В таком виде они и хранятся ныне в Пушкинском Доме.

«Журнал» Матюшкина интересен не только как дневник человека пушкинского круга, не только как источник по истории и этнографии разных стран, которые посетил Матюшкин, но и как литературное произведение, которое писалось явно под влиянием русской романтической литературы 20–30-х годов XIX века. В заметках Матюшкина мало специфических морских сведений о приливах, отливах, очертаниях берегов, грунтах морского дна и течениях. В нем больше сведений о природе, культуре, быте, нравах жителей тех стран, которые посетили русские моряки.

Вот как описывает Ф. Матюшкин коренных жителей во время стоянки в перуанском порту Каллао: «Перуанцы имеют все черные прямые волосы, которые они отращивают; мужчины их свертывают в косы, а женщины их оставляют без всякого убранства... Они отличаются еще цветом тела, который у них *bazane*², и складом, или физиономией лица, которое есть изображение самой доброты».

Первое кругосветное плавание

Морскому искусству в Лицею не обучали, но по ходатайству директора Лицея Е. А. Энгельгардта и министра народного просвещения князя Голицына, об-

ращавшегося к морскому министру маркизу де Траверсе, Федор Матюшкин был определен волонтером на шлюп «Камчатка» под командование капитана 2-го ранга В. М. Головнина, направлявшегося в кругосветное плавание. Шлюп «Камчатка» водоизмещением 900 тонн, с облегченным артиллерийским вооружением в 28 орудий, был построен в Петербурге на Охтинской верфи специально для кругосветного плавания. Это был, в общем-то, небольшой для океанского плавания корабль длиной 39,6 и шириной 10 метров.

Экипаж шлюпа «Камчатка» состоял из 130 человек. Мичманами на шлюпе в кругосветное плавание отправлялись будущие известные географы, мореплаватели и адмиралы — Ф. Врангель и Ф. Литке.

Цель экспедиции опытного мореплавателя Головнина — доставка на Камчатку разного морского и военного снаряжения, грузов и припасов жизнедеятельности. Самому Головнину предстояло, кроме всего прочего, обследование побережья Русской Америки, в том числе определение географического положения ряда островов и селений русских владений³.

Утром 26 августа 1817 года «Камчатка» снялась с кронштадтского рейда. Сделав 11-дневную остановку в английском порту Портсмут, Головнин направил шлюп через Атлантический океан в бразильский порт Рио-де-Жанейро. Этот переход «Камчатки» занял 71 день. По приходу в залив шлюп отсалютовал крепости Das Cabras⁴ 21 выстрелом, получив в ответ такую же почесть, и был встречен адъютантом короля, который передал поздравления от двора.

Стоянка шлюпа в бразильском порту длилась с 5 по 23 ноября. Океанское плавание расшатало крепеж деревянной обшивки бортов шлюпа, и их пришлось конопатить. «Для безопасности от... морских ветров мы, переменяв якорное место и став фертоингом на плехте и даглисте, спустили стеньги и начали работы (5–23 ноября 1817 г.)».

«Все время я почти каждый день съезжал на берег и каждый день видел что-нибудь новое», — записал 5–23 ноября 1817 года Матюшкин в журнал. Здесь уместно заметить, что он вез с собой письма от Е. А. Энгельгардта и Ф. Б. Фишера к генеральному консулу России в Бразильском королевстве Г. И. Лангсдорфу — тому самому, который был участником первого кругосветного плавания русских кораблей под командованием И. Ф. Крузенштерна. Это еще раз подтверждает факт личного знакомства Крузенштерна и директора Лицея Е. А. Энгельгардта. Как известно, в домашний круг директора Лицея часто приглашались Матюшкин и Пушкин, в том числе и во время неоднократного посещения И. Ф. Крузенштерном Царскосельского Лицея. В одно из таких посещений Крузенштерн подарил Лицею свой знаменитый Атлас кругосветного плавания, что немало поспособствовало укреплению морской романтики в душе юного лицеиста Матюшкина.

Следующая запись в журнале: «Три четверти первого... мы снялись с якоря и, пользуясь тихим ветерком от SSO и попутным течением... стали лавировать к проходу на юг». Путь шлюпа лежал мимо мыса Горн в Тихий океан к берегам Перу. Противные ветры и мощные течения в течение целого месяца препятствовали мореплавателям форсировать пролив. И только 20 декабря шлюп подошел к скалистой оконечности южноамериканского континента. Почти две недели жестокий шторм

трепал «Камчатку», а волны достигали такой угрожающей высоты, что пугали даже опытных моряков. Как свидетельствовал сам Головнин, именно в этом путешествии Матюшкин получил настоящее морское крещение.

Десять дней, с 7 по 17 февраля, простоял в перуанском порту Каллао шлюп «Камчатка». «Безветрие и противное течение принудили нас бросить якорь в довольно великом расстоянии от города Каллао, или, как испанцы его называют, Kallaio (8–18 февраля 1818 г.)». Десятого февраля капитан и все офицеры «Камчатки» вместе с Матюшкиным были приглашены на прием к вице-рою (вице-король, глава испанской колониальной администрации).

«Город Каллао лежит на берегу морском совершенно открыто и защищается тремя крепостями, сам город весьма нехорош. Дома построены из земли, большею частью одноэтажны, стекол нет <...>; улицы неровны и весьма худо или даже совершенно немощные».

Отсалютовав испанской крепости семью выстрелами, шлюп «Камчатка» начал переход по Тихому океану в северо-западном направлении. Два с половиной месяца, не видя земли, открытым океаном шли они к берегам далекой Камчатки. И только 29 апреля 1818 года, вскоре после полудня, увидели камчатский берег.

Второго мая следующего года вошли в Авачинскую губу. Таким образом, из Кронштадта в Петропавловск-Камчатский шлюп Головнина добрался за рекордно короткий для того времени срок — 8 месяцев и 8 дней.

В середине июня шлюп покинул Камчатку и направился к острову Беринга, Алеутским островам, острову Кадьяк и далее в аляскинский порт Ново-Архангельск (ныне Ситха). В первый день сентября 1818 года «Камчатка» достигла российской крепости Росс в Калифорнии. На пути возвращения последняя стоянка шлюпа была на Азорских островах, а 5 сентября 1819 года «Камчатка» бросила якорь на кронштадтском рейде.

Два года и десять дней продолжалось кругосветное плавание, по окончании которого высочайшим повелением Ф. Ф. Матюшкин был удостоен чина мичмана с назначением в 21-й экипаж Балтийского флота, а также ордена св. Анны 3-й степени. Он стал первым кавалером российских орденов среди лицеистов.

Очень сложно сегодня донести до современников, тем более не имеющих отношения к флоту, какие физические и психологические трудности пришлось преодолевать восемнадцатилетнему юноше, впервые ступившему на борт парусного шлюпа. Сложно объяснить, с какими трудностями приходилось сталкиваться российским морякам парусного флота начала XIX века. Среди них — отсутствие запасов свежих продуктов (в рационе солонина, сухари, квас да чарка вина), пресная протухшая вода из бочек, которую надо экономить. Такой рацион со временем неизбежно приводил к цинге. Отсутствовала горячая пища: камбузные железные, опасные в противопожарном отношении, печи появились на деревянных парусниках позже. Каюты были без отопления и вентиляции, что означает холод в северных широтах, а в южных — зной и духоту, и всегда сырость. Все это надо умножить на месяцы и годы плавания в морях и океанах, тогда еще мало исследованных даже в картографическом отношении. И это уже не говоря о тоске по родине и отсутствии женского тепла. Без сомнения, любое кругосветное плавание российских моряков парусного флота — подвиг. Причем подвиг как личный, так и коллективный.

Колымская экспедиция по исследованию северных берегов Ледовитого океана

Вскоре мичману Матюшкину предстояло очередное путешествие: исследование северных берегов Ледовитого океана. «Для окончательного решения вопроса о разделении материков⁵ и доказательства прохода в Тихий Океан, а также описи Сибирских областей и Ледовитого моря»⁶.

Этой экспедицией руководил лейтенант Фердинанд Врангель⁷. Но вместо корабля — нарты с собаками, вместо шторма — вой вьюги и метель. В Сибирь через Казань, Тобольск и Томск, где Ф. Матюшкин жил у своего лицейского товарища А. Д. Илличевского, до Иркутска — четыре месяца пути на санях и телегах. Далее по реке Лене до Якутска. С 12 сентября 1820 года по льду Ледовитого океана на собаках перешли на Медвежий острова и описали остров Четырехстолбовой⁸. Полное опасностей для жизни путешествие совершили Врангель и Матюшкин «со товарищи», в безлюдных местах, с ледяной убийственностью безмолвия, без топографических карт, имея на руках лишь хронометр и секстан. Питались скудно: сухари, строганина и мерзлое оленьё масло⁹.

Путешествие по тундре, к востоку от Колымы до нынешнего мыса Шмидта, от реки Индигирки до Колочинской губы, самостоятельно совершенное Ф. Ф. Матюшкиным, удивило Европу и составило ему имя в ученом географическом мире.

Даже и сегодня, глядя на карту с маршрутом Колымской экспедиции, одолевает страх. А тогда, в первой четверти XIX века, совершить такое путешествие без связи и прогноза погоды, без транспорта и, самое главное, без какой-либо надежды на помощь извне — подвиг! Эта экспедиция — не только преодоление невероятных трудностей, но ежедневная, ежечасная борьба за выживание. Если человек не герой, то страх перерастал в смертельный. Только сильные духом, мотивированные патриотизмом люди способны преодолевать такое, и, к счастью, Ф. Матюшкин оказался истинным героем.

Северная экспедиция продолжалась четыре года, четыре месяца и двадцать пять дней и окончилась лишь в 1824 году. По возвращении Матюшкин удостоивается звания лейтенанта, ордена св. Владимира 4-й степени, а выслуга лет ему засчитывается вдвое.

После возвращения из Колымской экспедиции Матюшкин постоянно встречается со своими лицейскими друзьями¹⁰. Православное Рождество 1824 года моряк проводит в их кругу, в Царском Селе, о чем Пушкин шутливо сообщает из Михайловского в письме к брату Льву: «Поздравляю тебя с рождеством господина нашего и прошу поторопить Дельвига. Пришли мне *Цветов* да *Эду* да поезжай к Энгельгарттову обеду. Кланяйся господину Жуковскому. Заезжай к Пушкину и Малиновскому. Поцелуй Матюшкина, люби и почитай Александра Пушкина» (XIII, 131).

Известный пушкинист академик Я. К. Грот писал о Матюшкине: «Это был один из самых достойных питомцев первого выпуска Лицея. В нем не было ничего блестящего; он был скромен и довольно молчалив, но при ближайшем с ним знакомстве нельзя было не оценить этой честной, правдивой и теплой души; недаром Пушкин так любил и уважал его...»

И это чувствуется в благословенных и самых теплых строфах стихотворения «19 октября», адресованных Матюшкину:

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полуночных морей?
Счастливей путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О, волн и бурь любимое дитя! (II, 425)

Автограф стихотворения «19 октября» положил начало собиранию Яковлевым пушкинских материалов. После смерти Яковлева (1868) все хранившиеся лицейские материалы перешли к Ф. Ф. Матюшкину, а затем к Я. К. Гроту. Они и заложили основу пушкинской коллекции в Александровском Лицее, благодаря чему дошли до наших дней.

Второе кругосветное плавание

В 1825 году, когда Пушкин писал эти строки на очередную лицейскую годовщину, его друг опять был в море. С 23 августа 1825 года он второй раз шел вокруг света, на этот раз на транспорте «Кроткий» под начальством уже ставшего капитан-лейтенантом Ф. Врангеля¹¹ — вновь на Камчатку, куда прибыли 11 июля 1826 года, далее в Русскую Америку до Ситхи (21 сентября того же года); обратно в Кронштадт отправились 14 октября 1827 года. Путешествие заняло всего два года¹².

Путешествие было предельно результативным и проходило без каких-либо происшествий, что свидетельствовало о качественной подготовке к кругосветному плаванию и значительном опыте, накопленном капитаном и офицерами «Кроткого». Исключение составило происшествие 16 апреля 1826 года, связанное с вооруженным нападением на экипаж яла (шестивесельной шлюпки) жителей острова Нукагива, во время которого погибли мичман Дейбнер и два матроса. При непрерывном ружейном огне, используя гребные суда, снялись с якоря и без последующих потерь в команде вытянулись к выходу из бухты «Порт Чичагова». В рапорте об этом инциденте на имя управляющего Морским министерством России адмирала фон Моллера капитан-лейтенант Ф. Врангель особо отмечал «расторопность и хладнокровие, оказанное при сем случае господами лейтенантами Лавровым и Матюшкиным... обязуют меня выставить их к благосклонному вниманию Вашего превосходительства». В 1827 году, как и за первое кругосветное плавание, Ф. Ф. Матюшкин был награжден орденом Св. Анны, теперь уже 2-й степени.

На этом закончилась десятилетняя эра увлекательных географических путешествий лицейского друга А. С. Пушкина. Вскоре Матюшкин посетил адмирала графа Н. С. Мордвинова, который походатайствовал перед начальником Морского штаба адмиралом А. С. Меншиковым о назначении Матюшкина на боевой корабль Черноморского флота — для дальнейшего прохождения службы.

Военный моряк адмирал Ф. Ф. Матюшкин

На Черноморском флоте Матюшкин сначала был назначен вахтенным начальником на линейный корабль «Эммануил», который участвовал в блокаде Дарданелл и Константинополя. Затем, командуя бригам «Кимон», участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 годов. Далее служил флаг-офицером при вице-адмирале графе А. П. Гейдене в Средиземном море.

Двадцать пятого августа 1830 года лейтенант Матюшкин назначается командиром брига «Ахиллес» эскадры адмирала П. И. Рикорда, крейсировавшей в Средиземном море. При высадке десанта на мысе Вати в Средиземном море Матюшкин получает тяжелейшее ранение. Чуть ранее он берет на бордаж неприятельское судно. За 18 морских кампаний 16 декабря 1831 года Федору Матюшкину был пожалован орден Св. Георгия 4-й степени.

В 1834 году он снова на Балтике и командует фрегатом «Амфитрита». За боевые успехи он произведен в капитан-лейтенанты и награжден бантом на ордене Св. Владимира. В этот год происходят многочисленные встречи лицейских друзей — приобретшего известность и славу поэта Пушкина и боевого морского офицера Матюшкина.

Матюшкин любил Пушкина и как великого поэта, и как друга. Он даже полагал, что романтика моря возобладали в нем благодаря влиянию Пушкина. Всю жизнь Матюшкин свято и бережно хранил воспоминания о поэте.

По ходатайству адмирала А. С. Шишкова с 1835 года Матюшкин снова переведен на Черноморский флот — командиром достраивавшегося фрегата «Браилов». Поздней осенью 1836 года он приехал в Петербург, где в последний раз виделся с поэтом на квартире их лицейского товарища М. Яковлева. На лицейскую годовщину Пушкин написал стихотворение «Была пора: наш праздник молодой...». Это был последний лицейский праздник Пушкина:

Всему пора: уж двадцать пятый раз
Мы празднуем лица день заветный.
Прошли года чредою незаметной,
И как они переменили нас!
Недаром — нет! — промчалась четверть века!
Не сетуйте: таков судьбы закон;
Вращается весь мир вокруг человека —
Ужель один недвижим будет он? (Ш, 431)

Следует отметить, что в Севастополе вместе с Матюшкиным служили В. А. Корнилов (младший брат лицейского одноклассника), строивший 120-пушечный линкор «Двенадцать апостолов», и командир «Невы» Захарий Панафидин-младший, знакомый Пушкина по Тверскому имению Вульфов Берново. Именно он вскоре принесет Матюшкину роковую весть о смерти А. С. Пушкина. Четырнадцатого февраля 1837 года капитан-лейтенант Матюшкин, обхватив голову руками, покачиваясь из стороны в сторону, заплакал, затем приказал вахтенному офицеру: «Залп из всех орудий в знак траура. Убит на дуэли Пушкин, оповестите офицеров... Был на Руси поэт Александр Пушкин, такой поэт, что горам содрогнуться при смерти его, такой человек, каких не знаем мы с тобой!.. Так вот, по морскому обычаю

похороним его — пальнем в море...» В письме Матюшкина к М. Яковлеву слышен крик отчаяния: «Пушкин убит! Яковлев! Как ты это допустил? У какого подлеца поднялась на него рука? Яковлев! Яковлев! Как мог ты это допустить?..»

Уже без Пушкина в жизни Ф. Матюшкина произойдет много событий, связывающих его судьбу с судьбами друзей поэта¹³. Так, к примеру, будучи командиром 44-пушечного фрегата «Браилов» в составе эскадры адмирала Лазарева, Матюшкин весной 1838 года высаживал десант генерал-майора Н. Раевского-младшего при взятии местечка Туапсе на Кавказе. «В очках, в рубахе, раскрытой на почернелой груди, в шароварах и с шашкой в руках, отличавшийся воинской сноровкой и физической ловкостью», — таким и изображен друг Пушкина генерал Н. Н. Раевский-младший художником И. К. Айвазовским, ходившим с ними в поход на фрегате «Браилов» под командованием капитан-лейтенанта Ф. Ф. Матюшкина. У генерала Н. Н. Раевского в это время адъютантом служил Левушка Пушкин.

Интересно, что высадкой десанта руководил начальник штаба отдельного пехотного Кавказского корпуса генерал-лейтенант Владимир Дмитриевич Вольховский («Суворчик») (1797–1841), одноклассник А. С. Пушкина и Ф. Ф. Матюшкина, выпущенный из Лицея первым с золотой медалью в гвардию. У него в корпусе служили подполковник морской инженерной службы К. К. Данзас, а также только что вернувшийся себе чин офицера декабрист и писатель А. Бестужев-Марлинский.

К сожалению, нет свидетельств о том, что они встречались в одной кают-компании и говорили о Пушкине, но нет и данных о том, что такой встречи не было...

Первого января 1839 года Ф. Ф. Матюшкин произведен в капитаны 2-го ранга и назначен командиром линейного корабля «Варшава», и это свидетельствует о том, на какую высоту исторической значимости ставили Матюшкина его начальники. Из письма адмирала М. П. Лазарева начальнику Главного морского штаба адмиралу А. С. Меншикову: «Я беру смелость просить Вашу светлость дать ход по службе некоторым из офицеров, которые по познаниям и образованности своей с пользою и с честью для флота заняли бы места высшие. Из сих, я разумею преимущественно капитана 2-го ранга Нахимова и капитан-лейтенантов Матюшкина и Путятина».

За десять лет успешного командования кораблем, длительное сохранение его Ф. Ф. Матюшкин был удостоен чина капитана 1-го ранга, ордена Св. Станислава 2-й степени и добавки к жалованию в 515 рублей. Около 15 лет прослужил он на Черноморском флоте, а затем был переведен на Балтику, где произведен в контр-адмиралы с назначением командиром 3-й бригады 3-й флотской дивизии.

Во время Крымской войны в апреле 1855 года, держа свой флаг на корабле «Кацбах», контр-адмирал Ф. Ф. Матюшкин отрядом из трех боевых кораблей держал блокаду Кильского залива от огромной эскадры союзного флота на подступах к Кронштадту, за что был удостоен ордена Св. Владимира 3-й степени.

После моря

С 1852 года началась береговая служба контр-адмирала в Морском ведомстве, где он занимал различные должности, начиная с вице-директора Инспек-

торского департамента. В 1856 году Матюшкин получил чин вице-адмирала, а в 1858 году назначен председателем Морского ученого комитета. Это была очень значимая, одна из высших должностей на флоте. Как мореплаватель, ученый и исследователь, на этом посту он плодотворно занимался историографией русского флота.

В 1861 году Ф. Ф. Матюшкин назначен сенатором и становится полным Анненским кавалером — награждается орденом Св. Анны 1-й степени, а в 1864 году — Св. Владимира 2-й степени с мечами и знаком за покорение Кавказа.

С 19 июня 1867 года Матюшкин — полный адмирал. На портрете заслуженно художника России А. А. Троня¹⁴ адмирал изображен в форме. Автор-оформитель этой прекрасной мини-выставки — молодой и талантливый художник-дизайнер Я. И. Иванова.

Ф. Ф. Матюшкин семьи не имел. Его семья — это лицейские товарищи, которых он никогда не оставлял в беде. Он переписывался почти со всеми. В конце 1860-х годов, когда образовался комитет для создания памятника Пушкину, Матюшкин стал его первым членом и предложил комитету поставить памятник поэту там, где он родился, — в Москве.

Последние 18 лет адмирал постоянно жил в гостинице Демута, в одном и том же 117-м номере на четвертом этаже, имея при себе старого слугу Андрея Команова, бывшего денщика из матросов. Летом выезжал на свою дачу Заимка, построенную на покато́м берегу озера Бологое, близ железной дороги, по соседству с усадьбой «Высокое» своего друга генерал-аудитора флота князя Д. Н. Эристова, лицеиста 2-го курса¹⁵.

Умер адмирал 16 сентября 1872 года в Петербурге и похоронен на Смоленском кладбище. В 1950 году останки его были перенесены в некрополь Александроневской лавры (Тихвинское кладбище). На пушкинской аллее некрополя (участок № 53) установлено скромное, но изящное надгробие. Рядом — стела на могильной плите лицейского одноклассника генерал-майора К. К. Данзаса.

Подчеркивая государственную и историческую значимость заслуг адмирала Ф. Ф. Матюшкина, в журнале «Морской сборник» (1872. № 18. Дек.) в первом биографическом очерке о нем сообщалось: «...в июне 1817 г. был выпущен... вместе с государственным канцлером князем А. М. Горчаковым, графом М. А. Корфом и А. С. Пушкиным. <...> С поэтом адмирал <...> был в самых дружеских отношениях, и до конца жизни Александра Сергеевича между ними не прекращалась постоянная переписка». И далее: «Могучий талант А. С. Пушкина, развивавшийся в то время, не мог не повлиять на Ф. Ф. Матюшкина <...> и может быть восторженностью, которою отличался характер покойного в юности, и была следствием этого влияния».

Именем Матюшкина названы гора высотой 1096 м на острове Врангеля в Чукотском море и мыс в Чаунской губе Восточно-Сибирского моря, неподалеку от нынешнего Певека.

Завершить повествование об адмирале Ф. Ф. Матюшкине хочется стихами известного поэта, автора-исполнителя бардовских песен, доктора физико-математических наук, профессора, известнейшего океанолога современности, географа и путешественника А. Городницкого:

Матюшкин

Вольховский, первый ученик,
Князь Горчаков и гений Пушкин...
Всех дальновиднее из них
Был мореплаватель Матюшкин,
Что, поручив себя волнам,
Сумел познать все страны света,
И жаль, что он известен нам
Лишь как лицейский друг поэта.
Не дал он (не его вина)
Законов мудрых для державы,
За стол багряного сукна
Не приглашал его Державин,
Но в не покинутой земли
Такие видел он пейзажи,
Каких представить не могли
Ни Горчаков, ни Пушкин даже.
Жил долго этот человек
И много видел, слава Богу,
Поскольку в свой жестокий век
Всему он предпочел дорогу.
И, к новым нас зова местам,
От всех сомнений панацея,
Зеленый бронзовый секстан
Пылится в комнатах Лицея.

Вместо эпилога

Так сложилась моя морская служба, что довелось мне бывать и на Камчатке, и на Аляске, и даже в Калифорнии на побережье Русской Америки. И тогда и сейчас плавание в Северной части Тихого океана являет собой огромную трудность, преодолеть которую под силу морякам героическим, офицерам отважным, экипажам — сплоченным, капитанам — искусным, а адмиралам — мудрым!

Историческая справедливость требует достойного увековечивания заслуг и памяти адмирала Ф. Ф. Матюшкина. В городе Петропавловске-Камчатском есть школа № 3, носящая имя А. С. Пушкина. Ее окна южной стороны смотрят прямо на вход в Авачинскую бухту, где 2 мая 1817 года появился шлюп «Камчатка», на борту которого находился мичман Федор Матюшкин. Есть идея поставить во дворе этой школы памятник или хотя бы бюст Ф. Ф. Матюшкину — кругосветному мореплавателю и географу, боевому адмиралу, лицейскому однокласснику и другу А. С. Пушкина. Ведь у нас в стране нет ни одного памятника такому великому герою-моряку и географу, совершавшему свои подвиги во имя России!

Примечания

¹ Запись от 26 июня 1817 г., сделанная Ф. Ф. Матюшкиным в своем журнале. См.: *Матюшкин*. Кругосветное плавание на шлюпе «Камчатка» под командованием Головнина. ПД РО. Ф. 93, оп. 1, № 161. 170 л. — Далее ссылки на журнал в тексте.

² Правильно: *basane* (фр.) — смуглый.

³ См.: Головин В. М. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818, 1819 годах. М., 1956.

⁴ Das Cabras — крепость на Козьем острове, защищающая вход в залив Рио-де-Жанейро.

⁵ Имеется в виду — Азии и Америки.

⁶ Формулярный список Ф. П. Врангеля // Исторический архив Эстонии. Ф. 2057-1-362-2а.

⁷ Врангель Ф. П. Путешествие по Сибири и Ледовитому океану. М., 2001. С. 480. Пройдут десятилетия, и старший сын адмирала Ф. П. Врангеля, гидрограф, капитан 1-го ранга Ф. Ф. Врангель (1844–1919) станет директором Императорского Александровского Лицея (1892–1896 гг.).

⁸ Шадрин Ю. «...для более точного изучения России и ее населения». Письма Ф. Ф. Матюшкина из Арктической экспедиции // Наука и жизнь. 1983. № 12. С. 79–81.

⁹ Андреев А. И. Новые материалы о русских плаваниях и открытиях в Северном Ледовитом и Тихом океанах в XVIII–XIX веках // Известия Всесоюзного географич. об-ва. 1943. Т. 75. Вып. 5. С. 35.

¹⁰ Ильин П. В. К вопросу о принадлежности Ф. Ф. Матюшкина к тайному обществу декабристов // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2004. Вып. 29. С. 270–284.

¹¹ Минеев А. И. Остров Врангеля. М.; Л., 1946.

¹² Алексеева Е. В. История освоения Русской Америки в отечественной и англоязычной историографии второй половины XX века: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001.

¹³ Антонов Г. Н. Пушкин и флот. СПб., 2006.

¹⁴ Ананьин А. В., Тронь А. А. Форма одежды чинов Российского флота в эпоху Николая I. Из коллекции Центрального Военно-морского музея // Военно-исторический журнал. 2010. № 3.

¹⁵ Антонов Г. Н. О даче адмирала Ф. Ф. Матюшкина под Бологим // Художественный вестник. 2007. № 4. С. 92–95.

А. Ю. Балакин

ВЫПУСКНИК ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ЛИЦЕЯ ПОЭТ НИКОЛАЙ ТРЕТЬЯКОВ

В самом начале 1843 года, 7 января, в петербургской газете «Северная пчела» появилась следующая некрологическая

заметка: «В последний день минувшего 1842 года угасла жизнь Николая Николаевича Третьякова, на двадцать седьмом году от роду. Русская Литература лишилась в нем еще одной из юных надежд своих, на которую давали ей права напечатанные уже в разных журналах его стихотворения: *Отрочь Монастырь*, *Купец*, *Русская баня*, *Близнецы*, *Спор* и другие. — Для родственников и друзей, кратковременная жизнь его оставила неизгладимое воспоминание о прекрасных свойствах души, исполненной благородными и высокими качествами»¹. Через два дня эта заметка была без изменения перепечатана в «Санкт-Петербургских ведомостях»², а еще через три в сокращенном виде попала на страницы «Московских ведомостей»³. В эти же дни развернутый некролог публикует Ф. А. Кони на страницах своей «Литературной газеты», где отмечает, что покойный поэт «обещал со временем дарование замечательное. <...> Можно было ожидать весьма много от его таланта, который еще не достиг полного развития и сознания»⁴. Подстрочным редакционным примечанием некрологического характера сопроводил посмертную публикацию стихов Третьякова и «Сын Отечества»⁵, а через год сообщение о его смерти появилось в «Месяцеслове» в разделе «Некролог достопримечательнейших особ»⁶.

Эти некрологи не ускользнули от внимания позднейших историков литературы. Имя Третьякова попало в «Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского биографического словаря»⁷; Г. Н. Геннади упомянул его в четвертом, неизданном томе своего «Справочного словаря о русских писателях и ученых...»⁸; сведения о нем дал «Русский энциклопедический словарь» И. Н. Березина⁹; С. А. Венгеров поместил заметку о Третьякове в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза — Ефрона, где вел литературный отдел; А. В. Смирнов учел псевдоним Третьякова в своей статье «К словарю псевдонимов русских писателей»¹⁰; информацией Смирнова затем воспользовался И. Ф. Масанов¹¹.

Кто же был этот рано ушедший из жизни поэт? Упомянутые выше источники говорят об этом весьма скупно. Два небольших некролога — вот и все, чем можно располагать на данный момент. Попробуем же, опираясь на архивные источники, проследить его жизненный путь.

Отец Третьякова был военным. Он происходил из дворян Петербургской губернии, где за его отцом, дедом Николая Николаевича, было 30 душ крестьян в Ладожском уезде¹². Рано начав службу, он в 1787 году получил офицерское звание, а уже через три года был полковником и кавалером ордена Св. Иоанна Иерусалимского; принимал участие в различных кампаниях. В 1805 году он становится командиром полка, через год — командиром бригады, а в 1810 году его назначают начальником Лифляндского округа по артиллерийской части. Участник Отечественной войны 1812 года, награжден золотым оружием за штурм Праги, в 1813-м он получает чин генерал-майора, в том же году удостоен ордена Св. Анны 2-й степени, в 1816 году — Св. Георгия 4-й степени, в 1824 году — Св. Владимира 3-й степени¹³. Наконец 22 декабря 1816 года был подписан приказ о назначении генерал-майора Третьякова 1-го (так он именовался в официальных документах) командиром Шостенского порохового завода¹⁴. Видимо, там и прошло детство будущего поэта, который был четвертым, самым младшим ребенком в семье: прежде него родились братья Федор и Александр и сестра Прасковья.

Точной даты и места рождения Третьякова установить не удалось. Сейчас можно указать только крайние даты «не позднее — не ранее» с промежутком в девять месяцев. Некрологи утверждают, что Третьяков умер на 27-м году от рождения, т. е. ему в момент смерти было полных 26 лет. В то же время один из архивных документов, приводимых ниже, свидетельствует, что 27 марта 1827 года Третьякову было 12 лет. Значит, можно установить следующие границы: не ранее 27 марта 1816 — не позднее 31 декабря 1816 года. Интересно отметить, что действие единственного известного нам прозаического произведения Третьякова — рассказа «Бриллианты» — начинается 14 ноября 1816 года. Не попытался ли таким образом его автор увековечить дату своего рождения?

Между 23 июня 1825 года и 14 апреля 1826 года Третьяков-отец умирает¹⁵. Малолетний Николай переезжает в Петербург, где его опекуном становится Григорий Степанович Вистицкий (1765–1836). Кем он был Третьякову, в каком родстве с ним состоял, мы не знаем. Нам известно только, что перед смертью он был тайным советником, кавалером орденов Св. Анны 1-й степени и Св. Владимира 3-й степени и служил в Межевом департаменте Сената¹⁶. Вторым опекуном был надворный советник (в других документах этого же времени — коллежский ассессор) Николай Федорович Кандалицев (1797–1860)¹⁷, дядя Третьякова, имевший собственный дом (№ 56) на Моховой улице¹⁸, в 1854 году бывший членом Мануфактурного совета¹⁹.

В десятилетнем возрасте 31 октября 1826 года Третьяков был зачислен кандидатом в благородный пансион Царскосельского Лицея на собственное содержание²⁰. Там же во втором классе уже учился его брат Александр²¹, старший же брат Федор к тому времени был лицеистом второго курса²².

Пятнадцатого января 1829 года Благородный пансион посетил император и остался им недоволен. Вслед за высочайшим недовольством последовали немедленные действия: уже в феврале было принято решение об упразднении Благородного пансиона; 13 марта об этом извещают опекунов²³ и запрашивают их о том, какой они видят судьбу своего воспитанника. Двадцать шестого марта лицейское начальство получает следующий ответ:

«На объявление оного Правления от 13 марта сего 1829 года о назначении по экзамену конференции находящегося в Царскосельском Пансионе Николая Третьякова к переводу в Императорский лицей, и на вопрос, желаем ли мы поместить его в Лицей с тем, что он сходно высочайшей воле будет выпущен в Статскую службу — честь имеем объявить — что мы опекуны желаем чтобы он был помещен в Лицей с тем что сходно Высочайшей воле выпущен будет в Статскую службу — ежели неудостоится к переводу в Царскосельский Лицей, то в таком уже случае покорнейше просим о помещении его из числа военноучебных заведений: — в Артиллерийское или Инженерное училище, или в Институт Путей сообщения.

Тайный Советник Сенатор и Кавалер Григорий Вистицкий
Коллежский ассессор Николай Кандалицев»²⁴.

Уже на следующий день вопрос о судьбе Третьякова был решен: 27 мая его имя появляется в «Списке 25 воспитанников Царскосельского Благородного Пансиона, назначенным к переводу в Лицей» под № 16²⁵. В этот момент ему было полных 12 лет. В мае этого же года Третьяков был переведен в младший курс Лицея²⁶.

Сохранились воспоминания одного из сокурсников Третьякова по Лицею, Алексея Александровича Харитонов (1816–1896) — будущего сенатора, чиновника канцелярии по делам Закавказского края. И хотя на их страницах не появляется интересующее нас имя, но они дают представление о той атмосфере, которая окружала юного Третьякова. Приведем несколько фрагментов:

«В 1832 году мы, все 25 человек, поступившие из упраздненного Лицейского пансиона, перешли в старший курс и пользовались удобствами просторного и роскошного помещения во флигеле большого Царскосельского дворца, который и до сих пор сохранил название лицея.

Тогда же даны были воспитанникам лицея треугольные шляпы и начали значать из них дежурных ко Двору, во время присутствия Их Величеств в Царском Селе, по воскресным и торжественным дням. Воспитанники старшего курса сравнены были в этом случае с камер-пажами, а младшего — с пажами. <...> Кроме того, мы были приглашаемы в Александровский <...> дворец на танцевальные вечера и спектакли. Выбирали для этого преимущественно тех, которые были красивее и лучше танцевали. <...> дух заведения был превосходный: старинные предания поддерживались прежними выпускными, которые приезжали не только из Петербурга, но и из более далеких мест, чтобы навестить нас. <...> Мы работали, учились и читали много: из 25-ти воспитанников нашего курса больше половины в последние два года вставали в 3 часа утра и занимались каждый за своей конторкой тем, в чем чувствовали себя слабее. Обыкновенно же мы читали в эти часы известных авторов по любимым предметам, а также занимались составлением записок или сочинений на заданные темы. <...> Начальство не запрещало этих ранних занятий и отпускало для них зимой казенные свечи. У нас была также своя литература: альманахи и журналы. Так, я с Ханыковым²⁷ издавал журнал под названием „Сын Лицея“»²⁸.

Конечно, в такой атмосфере было трудно удержаться от творчества. Это подтверждает знавший Третьякова Ф. А. Кони: «Он получил образование в Царскосельском Лицее, где, под влиянием воспоминаний о поэтических трудах Пушкина,

развился и его стихотворный талант»²⁹. В одном из опубликованных посмертно стихотворений поэт так описывал свое лицейское жилище:

Не велика моя студенческая келья;
В ней нет ни серебра, ни бронзы, ни зеркал;
Не слышно в ней пиров разгульного веселья,
Не слышно лести в ней, ни купленных похвал.
В ней есть убогий стол, бумагами покрытый,
Да полки с книгами, да Байрона портрет;
Есть копия жалкая с картины знаменитой,
Да сам я; вот и все³⁰.

Третьяков-лицеист не был смиренным ребенком, он единственный из учеников во время пребывания в Лицее подвергся наказанию: «за неучтивость против гувернера был посажен в карцер на одне сутки»³¹. В одном из документов 1833 года против его фамилии указано: «Наклонен к резвости, правдив, <успехи> весьма хорошие»³².

В 1835 году Третьяков заканчивает Лицей, и ему выдается следующее свидетельство: «Воспитанник Императорского Царскосельского Лицея, Николай Третьяков, во время пребывания своего в сем учебном заведении при поведении [удовлетворительном] довольно хорошо, оказал успехи: в Законе Божиим, Юридических и политических науках, географии и статистике хорошие; в Истории весьма хорошие; в Русской словесности отлично хорошие; в Нравственных науках, математике, Французской и немецкой словесности удовлетворительные, в Физике посредственные, в Латинской словесности худые. Сверх того обучался рисованию, фехтованию и танцованию. Ныне, с высочайшего его Императорского величества утверждения, выпущен в гражданскую службу с чином XIV-го класса — в чем и дано ему Николаю Третьякову от Конференции Императорского лицея сие свидетельство за надлежащим подписанием и с приложением печати Лицея. Царское Село. Октября <пропущено> дня 1835-го года»³³.

Его, как и всех других выпускников, запрашивают, куда он хочет поступить на службу, и получают следующий ответ: «Согласно с волею моих родственников желаю поступить на службу в Министерство Внутренних Дел»³⁴. По выходе из Лицея Третьяков получил чин коллежского регистратора³⁵ и единовременное пособие 327 рублей 77 ⁸/₁₀₀ копеек³⁶.

Сначала выпускной акт был назначен на 6 февраля³⁷, но затем был перенесен и состоялся 13 июня. «Когда окончился последний выпускной экзамен из статистики, — вспоминал А. А. Харитонов, — <...> мы пропели, может быть в последний раз, умильную прощальную песню первых воспитанников Царскосельского лицея <...>. Раздалась громко пропетые и сквозь слезы прослушанные заключительные слова кантаты: “Прощайтесь, прощайтесь, обнимемтесь в последний раз”. Исполнив это приглашение по завету праотцев лицея и по собственному чувству, наполнявшему наши юные сердца, мы поднялись в дортуары, где ожидали нас петербургские портные и, нарядившись во фраки, отправились in согреге к почтенному нашему директору Ф. Г. Гольтгоеру благодарить, в его лице, все лицейское начальство и наставников за полученное воспитание <...>. Затем сошлись мы к обеду в ресторан Друммеля и расстались навсегда, так как потом уже не могли собраться в полном

комплекте»³⁸. Утверждение в чинах состоялось 31 октября, а 27 ноября все лицеисты выпуска 1835 года были по традиции приглашены во дворец для представления Николаю I. Но Третьяков на этом мероприятии не присутствовал: был болен³⁹.

После выхода из Лицея Третьяков поступает на службу в канцелярию Министерства внутренних дел, но вскоре переводится в статистическое отделение того же министерства⁴⁰. Более ничего о его служебных перемещениях нам не известно. Один из источников утверждает, что Третьяков якобы «был Чиновником Особых Поручений при Статистическом Отделе» этого министерства⁴¹, но документальных подтверждений этому мы не нашли. В Адрес-календарях за 1836–1842 годы имя Третьякова в штате Министерства внутренних дел не упоминается. Нет его в книге «Общий состав Министерства внутренних дел. Состояние чинов и должностей показано по 1839 г.» (Б. м., б. г.). Не удалось обнаружить сведений и при выборочном просмотре коллекции формулярных списков чиновников статистического отдела Министерства внутренних дел за 1835–1842 годы⁴².

Гораздо более полно можем мы проследить литературную судьбу Третьякова. В печати его имя впервые встретится на страницах «Пантеона русского и всех европейских театров» (1841. № 6), где он публикует стихотворение «Жница Мария» (с подзаголовком «Старинная бретанская легенда»). Через два месяца в «Пантеоне» же (№ 8) Третьяков помещает уже три стихотворения: «Негодование», «Спор» и «Могилы» (последнее — с подзаголовком «Памяти В. Н. А. <сенковой>»). Вслед за этим публикации посыпались, как из рога изобилия: его печатают «Библиотека для чтения»⁴³, «Литературная газета»⁴⁴, «Сын Отечества»⁴⁵ — всего, по нашим сведениям, Третьяков при жизни успел напечатать 14 стихотворений, как правило, довольно значительных по объему⁴⁶. Они не прошли незамеченными. Вот как писал о поэзии Третьякова безымянный рецензент «Литературной газеты», разбирая шестой номер «Пантеона» за 1841 год: «Из стихотворений особенно замечательны: Бретанская легенда г. Третьякова: *Жница Мария*. Вообще в стихотворениях г. Третьякова, недавно выступившего на литературное поприще, заметно неподдельное дарование. Его *Братья Близнецы* (в Библ. <иотеке> для Чтения), *Русская баня* и *Молодой купец* (в Лит. <ературной> Газете) доказывают, что он *умеет мыслить и чувствовать*; не во всех только его стихотворениях найдете вы — *вдохновение*»⁴⁷. Забегая вперед, скажем, что после смерти Третьякова его имя исчезло со страниц петербургских журналов не сразу: еще три года его стихи печатали те же издания, что и при жизни: «Литературная газета»⁴⁸, «Библиотека для чтения»⁴⁹, «Сын Отечества»⁵⁰.

Поэтическое творчество Третьякова чрезвычайно эклектично как тематически, так и стилистически. С одной стороны, очевидно влияние на него Пушкина и Лермонтова, с другой — официальной патриотической лирики. Он пробует и перелагать старинные русские предания («Молодой купец и жена его: Новгородское предание», «Отрочь-монастырь. (Тверское предание XIII столетия)»), и сочинить историю о том, как статуя Петра I каждую ночь объезжает границы империи («Медный всадник»), и размышлять о судьбе великого полководца («Дума при ввозе праха Наполеона в Париж»), и воскресить классическую элегию пушкинского типа («Сумерки»). Пожалуй, наибольшего внимания заслуживает роман в стихах «Современная сказка», очевидно, задуманный как параллель «Евгению Онегину», но написанный

восьмистишиями, напоминающими об октавах «Домика в Коломне». От этого замысла сохранилась только одна часть; скорее всего, другие не были написаны. В ней Третьяков повествует о характере, воспитании и времяпрепровождении князя Н. Н. Это сатирическое повествование, перебиваемое строчками точек, авторскими отступлениями и литературно-полемическими вставками:

XVI.

Вот близко полдень, князь не одевался.
Он занялся романом новым Сю;
Тогда весь свет Матильдой восхищался —
Свела она с ума Европу всю.
Хоть не люблю я повестей французских,
Но иногда, за неименьем русских,
Читаю Сю, Бальзака и Виньи
И всех детей неистойой семьи.

XVII.

И часто мне бывает больно, грустно,
Что русские не щегольнут умом.
Иной роман задумает искусно,
Да говорит татарским языком;
Иной напишет много, очень много,
Да мыслей нет, ни чувства и ни слога;
Немногих мы, меж нами, назовем
Людей с талантом, вкусом и умом.

XVIII.

Но эти люди — наши самоцветы,
В венце России лучшие листы!
Уж многих нет — увянули поэты,
Как осенью роскошные цветы!
Теперь мы редко встретимся в журналах
С талантом ярким, и не так ли в залах
Мы видим редко неподдельный стан,
Или красу встречаем без румян?

XIX.

У нас поэтов список бесконечный;
Но многих ли мы любим от души?
Найдем ли в них хотя огонь сердечный?
Прочтем стихи, и скажем: «Хороши,
Все стопы есть, и даже рифмы звонки,
Да мысли, мысли так щедушны, тонки,
Что длинную пиесу, без греха,
Мы заключили б смело в два стиха».

XX.

А публика все требует обнови,
И публику должны мы занимать.
Вот ей дают Сенсация Курдюковой,

И с жадностью их начала читать;
Она, сначала, очень хохотала,
Творца Сенсаций розами венчала;
Но, признаюсь, тамбовскому певцу,
Венок из роз был очень не к лицу.

XXI.

Потом один искусник знаменитый,
Пустил в нее рой целый Комаров;
Но Комары мгновенно перебиты
Безжалостной хлопущкой остряков.
Но вот явился с книгою огромной,
И, говорят, с поэмой многотомной,
Рассказчик умный острых повестей
И поднял шум поэмою своей...⁵¹

Пробует Третьяков свои силы и в прозе. «Литературная газета» (1842. № 22. 7 июня. С. 441–451) помещает на своих страницах рассказ «Бриллианты (Из записок чиновника особых поручений)», подписанный именем Тимона Бурмицкого⁵². Это детективная история о том, как приехавший в уездный город чиновник раскрывает кражу бриллиантов у местного помещика, изобличая при этом опасного преступника.

Наконец, в начале 1842 года Третьяков обращается к драматургии. В «Литературной газете» 26 апреля появляется статья «Обзор прошедшего театрального года и новости наступающего», где кратко анонсируются новинки грядущего сезона: «По случаю бенефисной поры, на нашей сцене готовится много новостей. Артисты хлопчут, авторы и переводчики усердно работают, приготавливая умственную пищу любознательным посетителям Александринского театра. Что-то будет? Вот некоторые из замечательнейших новостей, которые вскоре явятся на сцене: <...>

Помешанный, оригинальная драма Тимона-Бурмицкого.<...>

Драма Помешанный <...> — есть первый опыт молодого автора, только что вступающего на драматическое поприще. Г. Тимон-Бурмицкий уже знаком несколько русской публике, и мы могли бы указать на несколько прекрасных его вещей в самой нашей газете, но не имея права изменять чужой тайне, мы удерживаемся»⁵³.

Через несколько дней о «Помешанном» говорит и «Репертуар и Пантеон» в разделе «Драматический телеграф. Разные известия, толки и слухи»: «Мы также увидим вскоре оригинальную драму г-на Тимона-Бурмицкого: “Помешанный”...»⁵⁴.

К этому времени пьеса уже прошла драматическую цензуру и готовилась к представлению. Рапорт цензора М. Гедеонова о ней был краток, содержание «Помешанного» уложилось в два предложения: «Музыкант Альберт Мюллер сошел с ума от любви. Музыка возвращает ему разум. В пиесе нет ничего предосудительного»⁵⁵. Всемогущий начальник штаба корпуса жандармов согласился с мнением цензора и на рапорте написал столь же краткую резолюцию: «Позволяется. 25 апр.<еля> 1842 г. Г.<енерал> М.<айор> Дубельт». Спустя три недели в «Санкт-Петербургских ведомостях» помещается следующее объявление: «Завтра, 14-го мая. На Александринском театре, в пользу актера г. Григорьева 1-го, в первый раз:

Помешанный, драма в 1 д. — Похождения Петра Степанова сына Столбикова, ком. в 4 д. — Барская спесь и Анютины глазки, вод. в 1 д.»⁵⁶.

На цензурной рукописи пьесы⁵⁷ сохранился список актеров, принимавших участие в спектакле: Каратыгин 1-й, Максимов 1-й, Прусаков, Дюр, Каратыгина 1-я, Максимов 2-й, Леонидов, Ахалин, Яблочкин, Фалин. Там же есть помета: «Шла 55 минут».

Зрители большого интереса к этим трем пьесам не проявили. В итоговой годовой сводке посещения петербургских театров («Репертуар и Пантеон») приводятся следующие данные (почему-то в графе «апрель»): посетителей — 850, карет — 40, прочих экипажей — 15⁵⁸. На следующий спектакль (7 мая, без «Барской спеси») зрителей пришло еще меньше. Обращаемся к той же сводке: посетителей — 525, карет — 17, прочих экипажей — 10⁵⁹. После этого «Помешанный» больше не ставился⁶⁰, хотя «Столбиков» был сыгран еще один раз — 17 мая.

Первый отзыв о театральном дебюте Третьякова появился в «Литературной газете» и принадлежал Федору Кони: «*Помешанный* первый опыт нового драматурга, как мы теперь увидели, не есть чисто оригинальное произведение. Эта драма сделана из одноактной оперы Сен-Жоржа “Симфония” и носит на себе все родовые признаки своего французского происхождения. Отсутствие внутреннего содержания и избыток внешних эффектов, недостаток силы, полноты, так сказать, рельефной оконченности в характерах главных лиц, и совершенная неестественность содержания целой драмы — вот ее недостатки. Стихи гладкие, звучные, нередко сильные и эффектные — вот ее достоинство. Первые, т. е. недостатки, принадлежат французскому автору, вторые, т. е. достоинства, русскому»⁶¹. Пересказав сюжет пьесы, Кони заключает свой разбор следующими словами: «Читатель видит, что рассмотренное нами содержание драмы, кроме своих литературных достоинств, замечательно еще как практическое доказательство того, что музыкой действительно можно лечить сумасшедших. С своей стороны г. Тимон-Бурмицкий сделал все, что от него зависело, и мы думаем, что если б не столь неудачный сюжет, то драма его понравилась бы всем, без исключения. Теперь она понравилась только некоторым, которые и вызвали ее автора»⁶².

Следующий отзыв был более благожелателен. О «Помешанном» упомянул В. С. Межевич в «Северной пчеле»: «Эта небольшая драма написана очень хорошими, правильными стихами, и притом, стихами с рифмами. Публика вызвала автора, который все-таки останется для критики псевдонимом...»⁶³

Затем разбор пьесы Третьякова поместил «Репертуар и Пантеон»: «Драма „Помешанный“ есть ничто иное, как переделка Французской оперетки *La Symphonie*. Идея ее очень стара. Она помешана⁶⁴, Отец и дочь⁶⁵ — вертятся на том же самом. Здесь дело все в том, что композитор и учитель музыки в Дрезденском Университете, Алберт Миллер <sic! — А. Б.> за неприличное признание в любви к какой-то знатной графине во время публичного концерта, был посажен в тюрьму, где и сошел с ума. Сумасшедшего его выпустили; но он не излечился, а по-прежнему бредил графинею и концертом, который он сочинил и который у него похитили. В один из приступов такой мании ученики его, студенты университета, вздумали разыграть его концерт, который именно у них находился. Первые звуки его поразили: он вслушивается, напоминает, мало-помалу мысли его светлеют, наконец, он приходит

в себя и совершенно излечивается от своего безумия. Знатная графиня, за которую Миллер столько пострадал, успела, во время его болезни, не только выйти замуж, но и овдоветь; а потому она, в порыве великодушия, отдает свою руку артисту. Эта небольшая драма написана весьма хорошими стихами»⁶⁶.

Затем пришла очередь тяжелой журнальной артиллерии — В. Г. Белинский в «Отечественных записках» (№ 6) посвятил «Помешанному» отдельную заметку, где дал вволю развернуться своему темпераменту и сарказму: «Не в добрый для посетителей театра час завелись в его репертуаре драмы с художниками, которые все больше или меньше помешаны от гения и от любви к знатым дамам, все больше или меньше нагоняют зевоту своим гением и любовью, все говорят больше или меньше громкие и избитые фразы без содержания, а иногда, по воле авторов, и без грамматики. Вот они больше и больше плодятся, эти художники, и продолжают надоедать собою зрителям. Новое драматическое дарование г. Тимона Бурмицкого дебютирует таким же избитым, монотонным и пошлым лицом. Впрочем, произведение нового драматиста отнюдь не оригинальное, а заимствованное из либретто одной французской оперы, хотя наш сочинитель почему-то взял весь грех такого изобретения на себя». Далее следует довольно подробный пересказ содержания пьесы; завершается заметка все же признанием версификаторского мастерства Третьякова: «Вольные стихи г. Тимона Бурмицкого, несмотря на свою вольность, довольно гладки, и, при лучшем выборе перевода, автор мог бы оказать некоторую услугу сцене, и без того наводняемой плохими переводами и плохими оригинальными творениями разных господ сочинителей»⁶⁷.

После этого в печати появилось еще два отзыва о «Помешанном»: издевательский — «Литературной газеты», назвавшей пьесу «рецептом от сумасшествия в стихах, который публика нашла весьма недействительным, именно потому, что она в здравом уме»⁶⁸, и сочувственный — «Репертуара и Пантеона», отметившего, что она «написана очень хорошими стихами»⁶⁹.

Итак, все рецензенты дружно заговорили о «Помешанном» как о пьесе переводной, при этом определенно называя оригинал: комическую оперу в одном акте «*La Symphonie, ou Maître Albert*», премьера которой состоялась на сцене парижского театра Опера-Комик 12 октября 1839 года⁷⁰. Ее авторами были композитор Антонин-Луи Клаписсон (1808–1866) и либреттист Жюль-Анри Вернуа де Сен-Жорж (1799–1875)⁷¹. Об этой постановке было известно в России: отчет о премьере «*La Symphonie*» с подробным изложением содержания оперы напечатала «Библиотека для чтения» уже в ноябрьском номере. Пересказав сюжет, анонимный обозреватель заключает: «В музыке *Clapisson'a*, говорят, много хорошего. Вообще это очень милая опера»⁷².

Странно, что журнал Сенковского обратил внимание на эту постановку. Театр Опера-Комик в конце 1830-х годов отнюдь не блистал. По свидетельству русского путешественника, побывавшего в Париже как раз в то время, «опера бедна и дарованиями и доходами. Первых нет потому, что лучшие французские певцы идут в Большую Оперу, а комической достаются по наследству только оборыши. Доходов нет потому, что меломаны идут слушать первоклассных певцов в Большую или Итальянскую оперу, предпочитая их посредственности, украшающей Оперу Комическую. По примеру певцов, лучшие композиторы трудятся для Большой Оперы,

а Комическая должна кое-как пробавляться трудами новичков»⁷³. Да и сама опера все-таки, по-видимому, не была выдающейся: в книге А. Собе и Ш. Малерба об истории Опера-Комик, начинающей хронологию только, к сожалению, с 1840 года, есть глава с ретроспективным обзором предыдущей деятельности театра. «La Symphonie» упоминается там только один раз — в общем списке одноактных опер 1839 года, хотя о многих других спектаклях рассказывается весьма подробно⁷⁴.

Нельзя сказать, что имя либреттиста Сен-Жоржа не было известно русской публике. На рубеже 1830–1840-х годов было переведено и поставлено как минимум три его пьесы: «Влюбленный рекрут, или Поддельная Швейцария» (1838–1844; пер. Н. И. Куликова), «Лауретта, или Красная печать» (1841; пер. С. П. Соловьева), «Час в тюрьме, или Еще в чужом пиру похмелье» (1830–1844; пер. Д. Т. Ленского). В различных библиотеках хранится большое количество французских оригиналов его либретто, но «Симфонии» среди них нет. Скорее всего, Третьяков сюжет своей пьесы почерпнул только из пересказа «Библиотеки для чтения».

После постановки «Помешанного» его автор прожил немногим более полугода: в ночь с 30 на 31 декабря 1842 года Третьякова не стало. За несколько дней до его кончины, 24 декабря, Министерством внутренних дел был издан циркуляр «Об отыскании Титулярного Советника Третьякова и о взыскании с него денег»⁷⁵. Зачем понадобился Николай Николаевич родному министерству — этого мы не знаем. Можно отметить лишь то, что умер он все-таки в чине титулярного советника.

Но литературная судьба его на этом не закончилась. Как упоминалось выше, стихи Третьякова в петербургской периодике печатались еще три года. Также две публикации появились на страницах харьковского «Молодика», выпускавшегося И. Ю. Бецким.

Для этого издания Третьяков послал Бецкому как минимум три стихотворения: рукописи двух сохранились в архиве последнего⁷⁶. Одно из них было напечатано в первой части «Молодика» за 1843 год; она была цензурирована еще при жизни поэта (10 сентября 1842 г.), но едва ли он успел поддержать ее в руках⁷⁷. Это стихотворение — «Негодование» — уже было опубликовано в 1841 году; для публикации в альманахе Третьяков ряд мест подверг стилистической правке, а один фрагмент исключил. Еще один ранее опубликованный фрагмент был вычеркнут цензором альманаха А. В. Никитенко. Мотивом к исключению послужило, по-видимому, то, что в нем Третьяков уничижительно говорит о современном состоянии русского духа:

Печально я смотрю на этот жалкий век,
Когда в род обезьян стал русский человек!
И где наш русский дух? Здесь Русию не пахнет;
Презреньем он покрыт, в забвении он чахнет!
Давно ли на полях родных Бородина
Он славой озарил святые знамена?
Давно ли он, презрев суд тягостный потомков,
Погреб своих врагов под грудю обломков
Столицы северной, где он мужал и рос,
Где сокрушенный пал воинственный колосс?

Давно ли создавал в избах, в чертогах Царских,
Из граждан — Мининых, из воинов — Пожарских?
А где же он теперь? Он, старый инвалид,
Для моды суетной заброшен, позабыт;
Но он не умер в нас; единое мгновенье
И духа русского настанет воскрешенье!

Публикация «Негодования» в «Молодике» было одобрена редактором журнала «Маяк» С. А. Бурачком, который в своей рецензии на альманах назвал стихотворение «отрывком Русской правды» и, полностью выписав его, прокомментировал так: «Жаль, что негодующий поэт ограничился только *балом*. Заглянуть бы ему во Французскую эстетику, которая своими произведениями более всего, как ржавчина доедает драгоценнейшие стихи нашей народности, — каким сильным и праведным негодованием наполнилось бы сердце его и с какою силою увесистого молота загремел бы его стальной стих. Но и за то спасибо»⁷⁸. В других рецензиях на «Молодик» имя Третьякова упомянуто не было. В 1844 году в очередной части «Молодика» было опубликовано еще одно стихотворение Третьякова, послание С. Ф. Дурову⁷⁹, с подзаголовком в оглавлении: «Последнее стихотворение Н. Третьякова».

Было ли это стихотворение действительно последним, мы уже никогда не узнаем, как не узнаем и многого другого из жизни этого рано умершего поэта. Но на страницах старых журналов и альманахов остались его стихи, и они не дают нам права окончательно забыть о нем.

Примечания

¹ Северная пчела. 1843. № 4. 7 янв. С. 13.

² С.-Петербург. ведомости. 1843. № 6. 9 янв.

³ Московские ведомости. 1843. № 5. 12 янв.

⁴ Литературная газета. 1843. № 2. 10 янв. С. 42.

⁵ Сын Отечества. 1843. № 2. Отд. III. С. 1–8. Подпись: Ред. С. О. <К. П. Масальский>.

⁶ Месяцеслов на (високосный) 1844 год. СПб., [1843]. С. 168.

⁷ Азбучный список имен русских деятелей для Русского биографического словаря. СПб., 1888. Ч. 2. С. 353.

⁸ РНБ. Ф. 178, ед. хр. 21, л. 78.

⁹ Русский энциклопедический словарь, издаваемый проф. С.-Петербургского ун-та И. Н. Березиным. СПб., 1873. Отд. 1. Т. 1. С. 653.

¹⁰ Библиографические записки. 1892. № 6.

¹¹ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1956. Т. 1. С. 173. У Смирнова и у Масанова псевдоним Третьякова указан неверно: Бумицкий. Вероятно, Смирнов некритически воспользовался некрологом «Литературной газеты», где совершена та же ошибка.

¹² Формулярный список Н. И. Третьякова (составлен 1 января 1818 г.) // РГВИА. Ф. 489, оп. 1, ед. хр. 7060, л. 464–467. — Далее служебные перемещения Н. И. Третьякова даются по этому источнику.

¹³ Список генералам, с означением имен, знаков отличия и старшинства в чинах. Напечатан по 4-е число Декабря, 1820 года. <Исправлен Высочайшим Приказанием по 23 июня 1825 года.> С. 232. [Экземпляр библиотеки РГИА, № 76 830.] Кроме того, Третьяков-отец был кавалером именной золотой медали за штурм Праги. (См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1820. СПб., [1820]. Ч. 1. С. 129.)

¹⁴ РГВИА. Ф. 489, оп. 1, ед. хр. 7060, л. 466 об. В «Азбучном списке имен русских деятелей для Русского биографического словаря» (с. 353) ошибочно указано, что командиром Шостенского порохового завода Третьяков-отец был с 1818 г.

¹⁵ Нижняя граница устанавливается по источнику, цитировавшему выше (см. примеч. 13); верхняя — по книге «Список генералитету по старшинству. Напечатан по 14-е Апреля 1826 года» (Б. м., б. г.), в котором имя Третьякова-отца уже не встречается.

¹⁶ Месяцеслов, или Общий штат Российской Империи на 1836 год. СПб., [1836]. Ч. 1. С. 359. Сведения о Вистицких, в том числе и об интересующем нас лице, имеются в «Энциклопедическом лексиконе» А. А. Плюшара: «Вистицкие, Русский дворянский дом. <...> Григорий Степанович, родился в 1765 году, скончался 1 июня 1836, после сорокалетней службы, в чине тайного советника и в звании сенатора, имея орден св. Анны 1 класса. Потомства по себе не оставил» (СПб., 1837. Т. 10. С. 434).

¹⁷ См.: <Саутов В. И.> Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 2. С. 318.

¹⁸ В одном из лицейских документов Третьяков назван его племянником (ЦГИА СПб. Ф. 11, оп. 1, ед. хр. 745, л. 44 об.); из рода Кандалицевых происходила мать будущего поэта (РГВИА. Ф. 489, оп. 1, ед. хр. 7060, л. 465).

¹⁹ См.: <Матвеев В. М.> Путеводитель 60 000 адресов из Санкт-Петербурга, Царского Села, Петергофа, Гатчина и прочия. 1854. СПб., [1853]. С. 116. В известный указатель «Справочники по истории дореволюционной России» под редакцией П. А. Зайончковского (М., 1971; М., 1978) этот путеводитель внесен дважды: под № 4492 (автор указан) и № 4493 (автор не указан). Очевидно, путаница произошла оттого, что в первом случае он был описан по обложке, а во втором — по титульному листу, которые существенно различаются между собой. Не указано также, что в том же году вышло прибавление к «Путеводителю...».

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 11, оп. 1, ед. хр. 728, л. 12. Следует, впрочем, указать, что в списке воспитанников Благородного пансиона, составленном 1 сентября 1827 г. (ЦГИА СПб. Ф. 1022, оп. 1, ед. хр. 249) Николай Третьяков по каким-то причинам не значится.

²¹ Там же. Л. 6. Впоследствии Александр Николаевич Третьяков (1813–1867) пойдет по стопам отца: станет военным и дослужится до чина полковника (см.: <Саутов В. И.> Петербургский некрополь. СПб., 1913. Т. 4. С. 287).

²² ЦГИА СПб. Ф. 11, оп. 1, ед. хр. 728, л. 4.

²³ Там же. Ед. хр. 745, л. 44 об.

²⁴ Там же. Л. 120.

²⁵ Там же. Ед. хр. 744, л. 27 об. В этом документе также указано, что Третьяков находился в пансионе на казенном содержании, что противоречит приведенным выше сведениям.

²⁶ Там же. Ед. хр. 743, л. 101.

²⁷ Яков Владимирович Ханьков (1818–1862) — будущий географ и картограф, оренбургский гражданский губернатор, знакомый М. Е. Салтыкова-Щедрина.

²⁸ Из воспоминаний А. А. Харитонова // Императорский Лицей в памяти его питомцев. Царскосельский Лицей (1811–1843) / сост. Л. Б. Михайлова. СПб., 2011. С. 349–351.

²⁹ Литературная газета. 1843. № 2. 10 янв. С. 42.

³⁰ Третьяков Н. Моя келья // Библиотека для чтения. 1843. Т. 57. № 3. Отд. I. С. 7.

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 11, оп. 1, ед. хр. 739, л. 31. В документе, к сожалению, не указан год, когда это случилось, но зато указан месяц — декабрь. Нельзя исключить, что именно эти сутки, проведенные в холодном зимнем карцере, послужили причиной того, что он всю дальнейшую жизнь был слаб здоровьем, да и умер, по сообщению одного из некрологов, «в следствие сильной простуды» (Литературная газета. 1843. № 2. 10 янв. С. 42.), по свидетельству другого — «от продолжительной болезни» (Сын Отечества. 1843. № 2. Отд. III. С. 1).

³² ЦГИА СПб. Ф. 11, оп. 1, ед. хр. 774, л. 2.

³³ Там же, ед. хр. 765, л. 152.

³⁴ Там же. Л. 153.

³⁵ Там же. Л. 250 об.

³⁶ Там же. Л. 244 об.

³⁷ Там же. Л. 228.

³⁸ Из воспоминаний А. А. Харитонова. С. 351–353.

³⁹ ЦГИА СПб. Ф. 11, оп. 1, ед. хр. 765, л. 252 об.

⁴⁰ В одной из описей фонда Министерства внутренних дел (РГИА. Ф. 1284, оп. 20, л. 87) значится дело «Об определении выпущенного из Импер.<аторского> Царскосельского Лицея с Чином Кол.<лежкого> Рег.<истрактора> Третьякова в канцелярию М<инистерст>ва Внутр.<енних> дел. Тут же и о перемещении его в «Статистич.<еское> Отделение Совета Министра Внутр.<енних> дел», начатое 13 ноября 1835 г. и законченное 10 декабря 1836 г.; само же дело уничтожено. Вместе с Третьяковым на службу в Министерство Внутренних дел поступили и его лицейские одноклассники В. И. Александров, П. Н. Перовский, Я. В. Ханьков, П. А. Апухтин и А. А. Бекман.

⁴¹ Памятная книжка лицейстов. СПб., 1907. С. 19. Возможно, составителями этой книги как автобиографическое свидетельство был воспринят подзаголовок упомянутого выше рассказа «Бриллианты» — «Из записок чиновника особых поручений».

⁴² РГИА. Ф. 1349, оп. 4. В алфавитном каталоге оп. 6 того же фонда имени Третьякова не упоминается; общие формулярные списки чиновников МВД, хранящиеся в оп. 5, составлялись, к сожалению, уже в более позднее время.

⁴³ «Братья близнецы» (1841. № 9. Отд. I. С. 9–11), «Несчастье» (1841. № 10. Отд. I. С. 85), «Сумерки» (1842. № 1. Отд. I. С. 12), «Спящая красавица» (1842. № 4. Отд. I. С. 136–137), «Мелодия» (1842. № 8. Отд. I. С. 120–121), «Няня» (1842. № 12. Отд. I. С. 69–70).

⁴⁴ «Молодой купец и жена его. (Новгородское предание)» (1842. № 2. 11 янв. С. 25–29), «Медный всадник» (1842. № 4. 25 янв. С. 72), «Русская баня» (1842. № 7. 15 февр. С. 141–142).

⁴⁵ «Отрочья-монастырь (Тверское предание XIII столетия)» (1842. № 5. Отд. III. С. 1–16).

⁴⁶ Ради полноты картины назовем также оставшееся в рукописи шуточное стихотворение «Н. Д. Деларю. В ответ на его послание», датированное 4 янв. 1842 г. (ГПБ. Ф. 242, ед. хр. 79, л. 1).

⁴⁷ <Без подписи>. Пантеон русского и всех европейских театров на 1841 год. Книжка VI. СПб., 1842 // Литературная газета. 1842. № 12. 22 марта. С. 253.

⁴⁸ «Островок» (1843. № 9. 28 февр. С. 173–174), «Дума при ввозе праха Наполеона в Париж» (1845. № 27. 17 июля. С. 453).

⁴⁹ «Спор», «Пустынная обитель» (1843. Т. LVI. Отд. I. С. 10–14), «Моя келья» (1843. Т. 57. Отд. I. С. 7–9), «Современная сказка» (1845. № 11. Отд. I. С. 5–14).

⁵⁰ «Замок девы (Цареградское предание)» (1843. № 2. Отд. III. С. 1–8).

⁵¹ Библиотека для чтения. 1845. Т. 73. № 11. Отд. I. С. 9–10; в последних двух строфах речь идет о Мятлеве, Булгарине и Гоголе.

⁵² Насколько нам известно, это единственный случай, когда Третьяков использовал данный псевдоним на страницах печати. Утверждение И. Ф. Масанова, что он им подписывался в «Библиотеке для чтения» и в «Пантеоне», ошибочно.

⁵³ Литературная газета. 1842. № 16. 26 апр. С. 333. Авторство части этой статьи приписывается Н. А. Некрасову (см.: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л., 1989. Т. 11, кн. 1. С. 309–311, 457–458. Ср., однако, комментарий Г. В. Краснова в кн.: Переписка Н. А. Некрасова: в 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 43).

⁵⁴ Репертуар и Пантеон. 1842. Кн. IX. С. 40; 2-я паг.

⁵⁵ РГИА. Ф. 780, оп. 1, ед. хр. 18, л. 28.

⁵⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1842. № 97. 3 мая. С. 416.

⁵⁷ СПбГТБ. 1. V. 2. 21. В библиотеке хранится еще один список пьесы (возможно, автограф?) без помет цензора и с зачеркнутым вторым заглавием — «Безумье и музыка» (СПбГТБ. 1. IX. 4. 80).

⁵⁸ Репертуар и Пантеон. 1842. Кн. XI. С. 71; паг. 2-я.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ В «Истории русского драматического театра» (Т. 3: 1826–1845. М., 1978. С. 297) указано, что «Помешанный» ставился якобы еще два раза в 1844 г. Это неверно: 21 апреля и 14 июля (а не июня, как в указ. изд.) 1844 г. шла другая пьеса тоже под названием «Помешанный» — анонимный перевод французского водевиля «Césaire, ou Le chien du château» (1837; музыка Е. Scribe и Varner). Премьера же ее состоялась также в 1842 г. (см.: Вольф А. И. Хроника Петербургских театров. СПб., 1877. Ч. 2. С. 88). Отметим также, что псевдоним Третьякова в «Истории русского драматического театра» не раскрыт и не внесен в указатель имен, как, впрочем, и подлинная фамилия автора.

⁶¹ Литературная газета. 1842. № 18. 10 мая. С. 368.

⁶² Там же. С. 368–369.

⁶³ М. <Межевич В. С. > Александринский театр // Северная пчела. 1842. № 109. 18 мая. С. 434–435.

⁶⁴ Она помешана!: комедия в 2-х действиях // Репертуар русского театра. 1841. [Т. 1]. Кн. IV. Об этой пьесе см.: Там же. Кн. V. С. 32–33; Москвитянин. 1842. Ч. III. № 6. С. 362. Автор пьесы — французский водевилист А.-О.-Ж. Мелесвиль, перевод (или переделка) В. А. Каратыгина.

⁶⁵ Отец и дочь: драма в 5 отд. // Репертуар и Пантеон. 1842. Кн. 1. Об этой пьесе см.: Репертуар русского театра. 1841. [Т. 2]. Кн. 12. С. 30–31; Маяк. 1842. Т. 1. Замечатель. С. 52–53; Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 3 т. М., 1955. Т. 6. С. 77–79. Автор пьесы (переделанной из оперы итальянского композитора Ф. Паэра) — П. Г. Ободовский. ⁶⁶ Репертуар и Пантеон. 1842. Кн. 10. С. 39; паг. 2-я.

⁶⁷ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в т. Т. 6. С. 206–207. Здесь рецензия эта никак не откомментирована, как, впрочем, и в кн.: Белинский В. Г. О драме и театре: В 2 т. М., 1983. Т. 2. В последнем издании псевдоним Третьякова не раскрыт и не внесен в указатель. Отметим также, что Указатель к Полн. собр. соч. В. Г. Белинского отошлет интересующихся Третьяковым только к вышеупомянутой заметке, тогда как Белинский упомянул его также в рецензии на «Цветы музы» А. Ф. Градцева (Т. 5. С. 607).

⁶⁸ Ф. К. <они>. Обзор драматической деятельности за первую половину 1842 года // Литературная газета. 1842. № 34. 30 авг. С. 704.

⁶⁹ <Без подписи>. Петербургские театры в 1842 году // Репертуар русского и Пантеон иностранных театров. 1843. Т. 1. № 1. Затем эта статья была в сокращенном виде (но с сохранением отзыва о пьесе Третьякова) перепечатана «Северной пчелой». В ней, кстати, «Помешанный» назван «переделкой».

⁷⁰ Grand Dictionnaire universel du XIX-e Siecle par P. Larousse. Paris, [s. a.]. Т. 4. P. 384; об этой постановке см. также: Clément F. et Larousse P. Dictionnaire des Opéras (Dictionnaire lyrique). Paris, [1897]. P. 1060; Gautier Th. Histoire de l'art dramatique en France depuis vingt-cinq ans. Bruxelles, 1858. [Т. 1]. P. 306–308.

⁷¹ Дату рождения Сен-Жоржа приводим по наиболее авторитетному в наши дни театральному справочнику: Enciclopedia dello spettacolo. Roma, [1961]. Vol. 8. Col. 1398. Ряд других источников называет 1801 г.

⁷² <Без подписи>. Оперный театр в Париже // Библиотека для чтения. 1839. № 11. Отд. VII. С. 93.

⁷³ Строев В. М. Париж в 1838 и 1839 годах. СПб., 1842. Ч. 2. С. 169.

⁷⁴ Soubies A., Malherbe Ch. Histoire de L'Opéra-comique. La Soconde salle favart. 1840–1860. Paris, 1892. P. 25.

⁷⁵ Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел, с учреждения Министерства по 1 октября 1853 г. СПб., 1854. Т. 1. С. 595.

⁷⁶ РГБ ОР. Ф. 32, карт. 12, ед. хр. 1, л. 275–275 об.

⁷⁷ Молодик на 1843 год. Харьков, 1843. Ч. 1. С. 299–300.

⁷⁸ С. Б. <урачок>. Молодик. Украинский литературный сборник, издаваемый И. Бецким. Харьков, 1843 // Маяк. 1844. Т. 10, гл. IV. С. 82.

⁷⁹ Молодик на 1844 год. Украинский литературный сборник, издаваемый И. Бецким. СПб., 1844. С. 31. Расшифровку адресата послания см.: Срезневский В. И. Бецкий — издатель «Молодика». СПб., 1900. С. 21. Список этого стихотворения имеется в РГАЛИ (Ф. 1346, оп. 1, ед. хр. 125). Перепечатано в кн.: Поэты-петрашевцы: А. П. Баласогло, А. И. Пальм, Д. Д. Ахшарумов, С. Ф. Дуров, А. Н. Плещеев / подг. текста, примеч. и биограф. справки В. Л. Комаровича. Л., 1957. С. 149 («Б-ка поэта». Бол. сер.).

Г. В. Флерова

«И БЕДНЫХ ДЕЛ ПОРОЙ ИТОГ БОГАТ...»

(к вопросу о закрытии льнопрядильной
фабрики лиценста IV курса Н. Д. Мертваго)

Но рано или поздно приходит биограф.

Ю. М. Лотман.

В 20–30-е годы XIX века в российских губерниях наблюдается оживление вотчинной текстильной промышленности; наи-

более расположенные к практической деятельности дворяне продолжают заводить собственные мануфактуры, сначала для нужд собственного обихода, а позднее охотно приобщаются к коммерческой деятельности, снабжая русский рынок ситцем, миткалем, кашемиром, шелком, сукном.

Обзор выставок и ярмарок изделий отечественной промышленности с 1829 по 1839 год дает достаточно цельное представление о направленности и размерах деятельности вотчинных текстильных предприятий. Среди образцовых фабрики Евграфа Комаровского («за весьма хорошую отделку сукон и умеренность цен»¹); князя Андрея Ивановича Горчакова («за недорогие сукна»²); графа Кушелева-Безбородко («за бумажный тик и платки»); действительного тайного советника графа Григория Григорьевича Чернышева («за полотно суровое и беленое, салфетки, платки полотняные»); генерала от кавалерии Василия Васильевича Левашева («за парусину»); министра просвещения С. С. Уварова («за сукна хорошей выделки»); графини А. Ф. Закревской, которая в 1835 году вошла в список фабрикантов, признанных достойными похвалы и одобрения («за сукна»); министра иностранных дел графа К. В. Нессельроде («за образцы тонкой шерсти с овец испанской породы»³).

Выделкой льна «наподобие шелка» успешно занимается действительный тайный советник Д. С. Жеребцов; брат писателя А. Ф. Воейкова, полковник И. Ф. Воейков открыл суконную фабрику. Небольшая бумагопрядильня на 4,7 тысяч веретен в селе Можайском Московской губернии принадлежала А. М. Пушкину. Наиболее крупной была бумагопрядильня Н. А. Волкова в селе Горенки Московского уезда в 12 тысяч веретен. «Журнал торговли и мануфактур» писал в 1830 году: «Отставной полковник Волков⁴, занимаясь ныне устройством обширной бумагопрядильни, выписывает машины и мастеров из Англии. Должно надеяться, что пример сей не останется без подражания»⁵.

Покровительственная политика государства, привоз бумажной пряжи из Англии, растущие прибыли стимулируют помещиков-предпринимателей. Так, в 1828 году на трех ситценабивных фабриках графини Остерман-Толстой было набито 19 300 кусков ситцев, проданных по 50 копеек за аршин. Годовая сумма выручки составила 3 850 000 рублей.

В 1828 году учрежден Мануфактурный совет «просвещением и усердием к общей пользе руководимых, споспешествующих успехам народной промышленности, а тем содействовать умножению сил и богатства отечества»⁶. В 1831 году обозреватель выставки изделий русской отечественной промышленности в Москве С. Глинка отмечал: «Вид ее поразителен и блистателен... все лица, споспешествовавшие к успехам русской промышленности... достойны общей благодарности; не будем укорять иностранцев за счастливый сбыт у нас товаров своих. Москва доселе не видала сокровищ русских изделий. Теперь она их видела, рассматривала, оценила качество и доброту их»⁷.

В обзоре отечественных ярмарок за 1834 год отмечалось, что «бумажные, шелковые, набивные и белые ткани проданы были с одинаковым успехом», а Москва отмечена как «производительная и трудолюбивая»⁸. Эту перемену в русской жизни отметил А. С. Пушкин: «Москва, утратившая свой блеск аристократический, процветает в других отношениях: промышленность, сильно покровительствуемая, в ней оживилась и развилась с необыкновенною силою» (XI, 247).

Новые веяния в начале XIX века, прочно вошедшие в дворянское сознание, не ушли от внимания Л. Н. Толстого. Описывая салон Анны Павловны Шерер, автор «Войны и Мира» пишет: «... как хозяин прядильной мастерской, посадив работников по местам, прохаживается по заведению, замечая неподвижность или непривычный, скрипящий, слишком громкий звук веретена, торопливо идет, сдерживает или пускает его в надлежащий ход — так и Анна Павловна, прохаживаясь по своей гостиной, подходила к замолкнувшему или слишком много говорившему кружку и одним словом или перемещением опять заводила равномерную приличную разговорную машину...»⁹.

В 1830-е годы прочное место на московском текстильном рынке заняли клинские помещики Мертваго. Их фабрика по выработке холста, миткалей и кисей находилась в имении Демьяново под Клином Московской губернии. Усадьбу получил в приданое за женой Дмитрий Борисович Мертваго (1760–1824) — государственный деятель конца XVIII — начала XIX века, генерал-провиантмейстер, таврический губернатор (1803–1807), московский губернатор (1817), сенатор, тайный советник, автор знаменитых автобиографических «Записок». После смерти Дмитрия Борисовича в 1824 году владелицей Демьяново становится его жена Варвара Марковна, урожденная Полторацкая (1778–1845). Правда, полновластной хозяйкой огромного имения Варвара Марковна была и при жизни мужа. Она умела и наладить производство кирпича на собственном заводе, и организовать работу ткацкой фабрики, и справляться с многочисленными хозяйственными службами.

«Варвара Марковна, — вспоминала ее воспитанница Т. П. Пассек, — замечательно умная, добрая и деятельная старушка. Она сама заведывает всем хозяйством, и обширной фабрикой... встает рано, и каждое утро, в легкой таратаечке, в одну лошадку, объезжает все работы, а за непорядки строго взыскивает»¹⁰. В продажу продукция с фабрики поступает качественная, и по итогам Московской выставки произведений отечественной промышленности 1835 года Мертваго получают «дозволение употреблять на изделиях государственный герб «за хорошие кисеи».

Старший сын, Николай Дмитриевич Мертваго, до выхода в отставку помогал матери лишь во время коротких приездов домой. Выпускник Царскосельского Лицея (1826), он был принят на службу прапорщиком лейб-гвардии Преображенского полка; участвовал в Турецкой кампании 1828–1829 годов, с 1830 года — подпоручик, с 1832 — штабс-капитан. Служил в Провиантском департаменте Военного министерства, прошел тяжелую интендантскую службу, ведавшую вопросами снабжения войск: продовольствием, фуражом, обмундированием. В 1835 году Мертваго выходит в отставку, и все его интересы сосредоточиваются на текстильном производстве. Долгие годы снабженческой службы, незаурядный инженерный талант, опыт родственников по матери — К. М. Полторацкого, занимавшегося возделыванием и обработкой льна, Ф. М. Полторацкого, члена Мануфактурного комитета по Курской губернии, — позволили ему выстроить бумагопрядильную фабрику в Москве, в Ольховцах.

О местности Ольховцы москвовед В. Селиванов писал в «Русском архиве»: «...домов было немного, но общество было... оно составляло свой круг, не нуждающийся в дальнейшем развитии... сохраняя во взаимных отношениях своих характер дворян помещиков. В нравах этого уголка не было ничего такого, что давало бы... намек о затеях и приличиях большого света»¹¹. Усадебный быт оставался традиционным, но в XIX веке предместье заполнялось фабриками.

Сохранившиеся отчеты дают о фабрике Н. Д. Мертваго достаточно полное представление: «земли, застроенной и незастроенной 10, 118 ³/₄ кв. саженей, состоит в Москве в Басманной части 1-го квартала под № 115/8. Из строений главный каменный трехэтажный корпус с тремя пристройками, три каменных двухэтажных корпуса, два деревянных, из которых один двухэтажный, а другой одноэтажный. Главный корпус и пристройки крыты железом, полы досчатые, потолки бревенчатые. В каменных двухэтажных корпусах — конюшня, каретный сарай, сушильня, помещения для складирования льна. В каменной одноэтажке — склад паровых котлов и столярная мастерская... кроме основных цехов прекрасно оборудованные слесарная с тисками, дрелями, сверлами, зубилами для насечки, токарная, паяльная, кузница», а также магазин, в котором «иглы, литая запасная медь к машинам, гребни для чески льна, хрустальные трубки к машинам, подпятники фарфоровые, челноки ручные и механические, свечные щипцы»¹².

При фабрике находился господский дом с мезонином. «В нем 16 комнат, 9 изразцовых голландских печей, в зале камин с чугунным прибором, в парадных комнатах три двери дубовые с витражами, у двери в оранжерею — буфет карельской березы»¹³.

В Государственном историческом музее удалось разыскать редкий экспонат, никогда не публиковавшийся: картину малоизвестного художника Ледкова «Гостиная Мертваго в Ольховцах». Просторная зала с огромными, занимающими всю стену окнами, выходящими в сад; у стола скромно примостившийся хозяин, его жена Сусанна Александровна с воспитанницей. Вход в соседнюю комнату оформлен в виде полуциркульной декоративной арки, по стенам развешаны фамильные портреты. Кругом разлита атмосфера спокойствия и уюта старинного барского дома.

По техническому оснащению главными и второстепенными службами фабрика была безупречна не только для образцового вотчинного предприятия, но и в рамках современных требований. Гражданский инженер Рейнтер в донесении о своих занятиях с московскими предпринимателями пишет: «...Мертваго неоднократно советовался со мною насчет устройства и топки котлов паровых машин на его бумагопрядильне»¹⁴. Одним из первых Н. Д. Мертваго заменяет дорогостоящие березовые дрова на торф, что значительно удешевило хлопчатобумажные изделия. Во 2-й книге «Журнала мануфактур и торговли» за 1842 год «гвардии капитан Мертваго, арендующий болото у крестьян Егорьевской волости Московского уезда», отмечен среди постоянных пользователей торфа. Он занимает второе место по количеству кубических сажень добычи. «Похвальный пример господ Волкова, Мертваго, — подчеркивается в журнале, — должен, наконец, увенчаться полным успехом»¹⁵.

Посетивший в 1838 году фабрику Н. Д. Мертваго будущий крупнейший промышленник И. С. Мальцев с восхищением писал своему компаньону С. А. Соболевскому: «Машины все у него сделаны дома; меня удивило не изящество их, а то, как человек с сотней тысячь рублей капитала выстроил прекрасный домик для себя, все строения, нужные для помещения работников, наконец, купил 500 душ, которые работают на фабрике...»¹⁶. В прибавлении к «Московским губернским ведомостям» на 1842 год фабрика Мертваго отмечена среди 19 бумагопрядильных как «замечательная по количеству выпрядаемой бумаги»¹⁷. По отчетным ведомостям доходы фабрики в 1845 году составляют 200 тыс. рублей серебром.

Однако в последующие годы Н. Д. Мертваго постепенно снижает бумагопрядильное производство. Теперь его внимание направлено на расширение, реконструкцию и переоборудование фабрики с целью ее технической подготовки к введению механического прядения льна.

Следует отметить, что внедрение в России механического льнопрядения было отнюдь не частным интересом. Так, «Журнал мануфактур и торговли» отмечал, что Россия вывозит в виде сырья ежегодно 2 195 000 пудов льна, на сумму 24 млн рублей, что составляет $\frac{9}{10}$ отпуска всех товаров из России. В 1848 году вышло постановление правительства: первым учредителям механического льнопрядения предоставлять льготу от платежа повинностей на 10 лет или отводить в безобразное пользование удобные участки казенной земли.

Еще в 1849 году Мертваго обратился к правительству за поддержкой. Он просит выдать ему ссуду 120 тысяч рублей на 15 лет под залог жилых и нежилых строений в Ольховцах и оценивает стоимость фабрики в 10 тыс. веретен с английскими машинами на сумму от 150 до 170 тыс. рублей серебром. Сумму 120 тыс. рублей он просит рассматривать как первоначальный капитал для начинания «льнопрядильного механического дела», и «в целях поощрения механического льнопрядения и в следствии особого ходатайства Московского военного генерал-губернатора (А. А. Закревского. — Г. Ф.) Мертваго выдано в 1849 году от Государственного казначейства, по высочайшему повелению, в ссуду негласно 80 000 рублей, с тем, чтобы он в первые два года вносил проценты, а по истечении сего срока уплачивал капитал с процентами на 15-летних правилах...»¹⁸.

Специальных материалов о внедрении Н. Д. Мертваго методов механического льнопрядения на своей фабрике крайне мало. Тем любопытнее оказались «Замечания о нынешнем состоянии обработки волокнистых веществ в России по случаю Московской выставки 1853 года», опубликованные в «Журнале мануфактур и торговли». Учитывая, с каким трудом приходилось собирать сведения о деятельности этого незаурядного предпринимателя-дворянина, считаем необходимым часть текста «Замечаний» привести полностью:

Известно, какая неудача постигла фабрикантов, впервые взявшихся у нас за машинную обработку льна (около 1840 г.), несмотря на то, что Императорская Александровская Мануфактура почти со времени изобретения льнопрядильных машин (с 1809 г.) старалась о водворении их в России. Многосложность подготовительных и прядильных операций, первоначальное несовершенство снарядов, беспрестанно изменяемых, надолго остановили всякое новое на этом поприще предприятие. Оно подлинно потребовало особой сметливости и предприимчивости и полных новейших, собранных на самих местах производства сведений. Наконец, в 1849 году Н. Д. Мертваго взялся за трудное и щекотливое это дело, и, по-видимому, решил оное удачнее всех своих предшественников. Знакомый уже с прядильным производством хлопчатой бумаги, г. Мертваго изучил в Англии и во Франции новейшие способы льнопрядения, и с содействием Мануфактурного начальства выписал лучших на этот счет приборы и снаряды. В начале 1851 г. 200 веретен уже находились в полном ходу на Московской его фабрике в Ольховцах; чистота, ровность и глянецовитость приготавливаемой пряжи, с первого почти ее появления, до того понравилась знатокам дела, что скоро нашлись подражатели в кругу богатых купцов-мануфактуристов. Успех русского машинного прядения казался упроченным. Но новая пряжа отборного свойства оказалась слишком дорогой, и в поисках способов ее удешевления Мертваго пришла в голову счастливая мысль присоединить к механическим усовершенствованные ручные голландские станки и ввести на фабрике ирландский (ускоренный) метод беления полотна. Он берет в компаньоны богатейшего купца Спиридонова, своими трудами устраивает в селе Ростокине белильню по новейшим ирландским образцам, куда регулярно с фабрики поступает на обработку полотно. Однако содружество не продлилось и года: в конце 1852 года Мертваго порывает со Спиридоновым, оставив компаньону свое образцовое ткацкое и белильное заведение вместе со всем оборудованием, сам же начинает при своей фабрике в Ольховце устройство новой белильни по ирландскому же способу, для которой снова машины и снаряды выписывает из Англии¹⁹.

При таких непомерных затратах товары Мертваго на выставке 1853 года оказались самыми дорогими, а публика «теснилась возле полотен и камчатного белья с фабрики Спиридонова, неизвестных до сих пор у нас добротности и красоты. Отмеченные на этих товарах цены были до того умеренны, что не могли не приманивать покупателей; даже сомнительно, чтобы при такой дешевизне они могли быть вырабатываемы с достаточною выгодой для производителя. Мы с особым вниманием осматривали заведение г. Спиридонова, устроенное, как выше упомянуто, г. Мертваго, и должны сказать, что оно означает новую эпоху в льняной промышленности»²⁰.

Уже современники рассматривали деятельность Н. Д. Мертваго по внедрению механического льнопрядения как решение задачи государственного масштаба. Обозреватель этой же выставки писал: «Честь и слава г. Мертваго как основателю механического льнопрядения в России! Пример г. Мертваго скоро нашел подражателей, капиталы зашевелились, дорога проложена и притом, дорога гладкая, торная. Кстати заметить, что... первоначальным деятелем явился дворянин-помещик, а не промышленник, не капиталист, которые обязаны обращать свои капиталы на новые промышленные предприятия»²¹.

В ноябре 1852 года, сразу после разрыва со Спиридоновым, Н. Д. Мертваго вынужден просить о выдаче дополнительной ссуды в 40 тыс. рублей или об отсрочке причитающегося него платежа на 8 лет. Его заявление в Министерство финансов пронизано неприязненным отношением к купечеству: «...купцы наши при отсутствии духа предприимчивости и знания дела считают всякое предприятие в области механики недоступным для них до тех пор, пока дворяне трудами не проложат им дороги, как было с прядением бумаги»²². «По Высочайшему повелению» оплату капитала по выданной ему ссуде отсрочили на 4 года, причем взяли с него обязательство больше не просить о дальнейшей отсрочке долга²³.

Несмотря на все усилия, избежать финансового краха Мертваго не удалось. За драматической судьбой одной из лучших льнопрядилен продолжали следить современники. Так, на одном из заседаний Московского отделения мануфактурного совета при поддержке военного генерал-губернатора Москвы А. А. Закревского рассматривался вопрос о взятии фабрики под опеку государства как образцового по техническому оснащению предприятия.

В задачу данной статьи не входит анализ тех сложных условий, в которые попала вотчинная промышленность в конце 1840–1850-х годов, однако нельзя не отметить главное из них: система труда на вотчинных предприятиях, в том числе и на фабрике Мертваго, в основном оставалась феодальной. И если ранее при использовании крепостного труда наблюдалась рентабельность производства, то накануне реформы 1861 года он становится тормозом. Работа выполнялась крепостными, они прибывали из имений, нередко их прикупали. Казалось, привычная и удобная, система была громоздкой и консервативной, и в условиях нарождающейся конкуренции, отсутствия четкой государственной программы была достаточно опасна, лишая гибкости и способности чутко реагировать на быстроменяющийся рынок; главное же, не способствовала удешевлению изделий. Наиболее предприимчивые помещики в стремлении к прибыли не обзаводились недвижимостью, а брали производство в аренду; другие, и их было большинство, имея при своих фабриках небольшое количество станков, раздавали пряжу для ткани крестьянам по деревням, а окончательную обработку производили на фабрике, тем самым увеличивая прибыль и удешевляя изделия. Между тем инициатива купцов-предпринимателей разрасталась. Их среда изобиловала людьми умными, энергичными, они умели и любили рисковать, быстро заводили нужные связи, а подчас проявляли и чрезмерную ловкость. Если помещик был привязан к месту, к имению, то купец организовывал предприятие там, где была рабочая сила, причем наемная, необременительная и дешевая, имелись источники сырья и рынки сбыта. Несомненно одно: только те из дворян-предпринимателей, которые сумели

уловить и понять, что натуральное замкнутое хозяйство рушится, и перестроить свои мануфактуры на коммерческую основу с полной заменой крепостного труда вольнонаемными рабочими сумели спасти свои фабрики. Но число их ничтожно по сравнению с 1820–1830 годами (в 1832 г. — 15%, в конце 1840-х — около 5%). Дворянское предпринимательство уходило в прошлое. После 1861 года ведущее место в текстильной промышленности прочно заняло купечество.

Н. Д. Мертваго был непримиримым противником отмены крепостного права, считая единственным путем лишь усовершенствование этого института и только по воле правящего дворянского класса. Он не понимал, что при высочайшем современном техническом оснащении (а именно так была оборудована его фабрика, он затратил на это и все свои капиталы, и кабальную ссуду) невозможно сохранять принудительную основу труда. При наличии некоторого количества вольнонаемных приток крепостных на фабрику не прекращался.

В 1840-х годах Н. Д. Мертваго приобрел в Смоленской губернии 300 крестьян «на своз» у помещиков Жданова, Ермолаева, князей Трубецких, графа Шувалова. Он приписал их к нескольким селениям в Поречском уезде Смоленской губернии, где находилось имение его жены, давно заложенное и перезаложенное, и вместе с семьями отправил на фабрику в Москву, в Ольховцы.

Восстановленное производство оказалось для Н. Д. Мертваго непомерно дорогим. Весь капитал был вложен в оснащение новой отрасли, надежды возлагались на обильный спрос товара. Но его дороговизна сокращает потребление, запасы не распродаются, они мертвым грузом ложатся на склад. Фабрика затоваривается. Прибыль по сравнению с вложенными средствами ничтожна, растут долги. В августе 1857 года, пытаясь еще спасти фабрику от банкротства, Н. Д. Мертваго продал имение жены в Смоленской губернии помещице Могилевской губернии Гербут-Гейбович. Однако при покупке не были соблюдены необходимые формальности, и на 1858 год Смоленское имение вместе с крестьянами числилось за Мертваго. Новый владелец потребовал возвращения крестьян на землю, но они, теперь уже фактически рабочие-текстильщики, затеяли с властями тяжбу, и большинство из них отказалось вернуться к земледельческому труду.

Фабрика к началу тяжбы уже бездействовала, поступив под присмотр полиции за казенный счет, хозяева выехали, а крестьяне, лишившись содержания от владельца, остались жить на фабрике вместе с семьями. Каждые полгода они получали «покормежные письма» (паспорта), по которым могли быть приняты на работу, но продолжали писать жалобы и ходатайства к властям разрешить им не возвращаться к помещику в Смоленскую губернию. «Мы находились при фабрике господина Мертваго 10 лет, претерпевали при работе изнурение»²⁴, — писали они в прошении на имя генерал-губернатора Москвы А. А. Закревского. Полиция в ответ на запрос губернатора докладывала: «...они избрали себе притон на фабрике Мертваго, откуда ходят на работу и остаются довольными таким положением, а главное, что это согласуется с их буйным, безнравственным характером и дерзостью»²⁵.

В обстановке подготовки крестьянской реформы 1861 года материалы этой истории попали к А. И. Герцену, и в 1859 году вышло «Прибавление» к «Колоколу» — листок «Под суд», где ошибочно Мертваго, а не Гербут-Гейбович,

фактический владелец крестьян, требовавший от них возвращения на землю, увеличивший сумму оброка, обвинялся в жестоком обращении с крестьянами.

В 1857 году Мертваго обращается в Особую канцелярию по кредитной части с просьбой «о дозволении принадлежащую ему в Москве механическую льнопрядильную фабрику с устроенною при ней механическою ткацкою продать надворному советнику Немцову, с переводом на него долга Государственному Казначейству по ссуде, выданной ему в 1849 году»²⁶.

Немцов обязуется внести при покупке 2400 рублей (годовой платеж по ссуде) и дает обязательство «в исправном взносе ежегодных платежей»²⁷. А. А. Закревский требует, чтобы наблюдение за принимаемыми Немцовым обязательствами были возложены на Московское отделение Мануфактурного совета. Губернское правление, в свою очередь, оповещает, что «означенная фабрика будет продаваться с переводом на покупателя городской недоимки, сколько такой на день продажи окажется, сверх той цены, какая состоится на торгах. Все бумаги, относящиеся к продаже, желающие могут рассмотреть в Губернском Правлении»²⁸. А. А. Закревский на основании обращения к нему Министерства финансов дал распоряжение губернскому правлению об описи и учреждении надзора за сохранением машин и прочих фабричных принадлежностей. На обер-полицмейстера возложена ответственность, чтобы «никакая машина <...> не могла быть вывезена с фабрики вплоть до продажи оной с публичного торга»²⁹.

На фабрику совершались облавы; так, 19 октября 1858 года в 11 часов вечера пристав Басманной части забрал из помещения мануфактуры 30 человек, не плативших оброк. Полиция производила розыск бывших рабочих на фабриках и мастерских в разных частях города. Однако ни наказания, ни попытки сослать крестьян под конвоем к новому владельцу Гербут-Гейбовичу не увенчались успехом. Они собирали подаяния, живя на фабрике, растаскивали и продавали оборудование, разбирали на дрова заборы и хозяйственные постройки.

За последующие годы фабрика — образцовое оснащенное предприятие — превратилась в некое подобие колонии с несколькими сотнями закрепощенных работников, включая стариков и детей.

Мертваго в этом процессе не участвовали: они уже жили в Казани, где С. А. Мертваго служила начальницей Родионовского института благородных девиц.

К сожалению, в деле нет документов, проливающих свет на историю продажи фабрики вплоть до 1862 года.

В 1862 году чиновник особых поручений при министре финансов делает запрос в Московское губернское правление, «по каким причинам назначенная в публичную продажу в 1857 году в погашение долгов льнопрядильная фабрика Мертваго не продана, а приходит в ветхость, казенный долг увеличивается, ибо на застрахование упомянутой фабрики ежегодно отпускается из казны около 3 тысяч рублей»³⁰.

Назначенная комиссия в лице членов московского отделения Мануфактурного совета А. И. Хлудова и инженера-технолога Матиссена произвела осмотр и оценку фабрики и нашла ее состояние «удручающим: все двери выломаны, на 23 дверях отсутствуют ручки, все печи без приборов. Главный корпус с ветхими рамами, разбитыми стеклами, часть древних проемов заколочена»³¹. Николай Дмитриевич

Мертваго при осмотре не присутствовал, т. к. повестка № 4143 от 24 июня 1862 года была доставлена ему 14 августа. В декабре 1862 года Министерство финансов представило в Управление московского военного генерал-губернатора расчет о суммах, числящихся на «надворном советнике Мертваго по ссуде государственного казначейства на 29 декабря 1862 года. Сумма с процентами и процентами за просрочку составила 137 234 рубля 59 копеек»³².

Новые торги были назначены на 21 января 1863 года, курирование их было поручено чиновнику особых поручений Министерства финансов Тарасову, так как фабрика служила обеспечением выданной из Министерства финансов ссуды.

Торги оказались безуспешными: «желающих торговаться не явилось».

В марте 1863 года Московское губернское правление обратилось в московское отделение Мануфактурного совета с предложением: «в связи с примером высокотехнического оснащения обратить фабрику Мертваго в казенную собственность и дать ей назначение»³³.

Предложение осталось без ответа.

Из Министерства императорского двора в Московскую удельную контору отстает запрос, «выгодно ли означенную фабрику вновь подвергнуть продаже или обратить в казенную собственность»³⁴.

Результаты неизвестны.

В деле имеется ответ из Правления IV округа путей сообщения и публичных зданий, «что фабрика не препятствует к расширению улиц и площади, а потому препятствий к публичным торгам не имеет»³⁵.

На 30 сентября 1865 года были назначены новые торги, «которые должны быть окончательными, какая бы сумма за них ни была предложена. Сумма долга составляла 152 645 рублей»³⁶.

По рапорту московского отделения Мануфактурного совета (приказ № 3678 от 12.07.1865 г.) было осмотрено движимое имущество в виде машин, орудий, инструментов. Комиссия состояла из инженеров-технологов во главе с Матиссеном; он констатировал, что «бывшие в фабрике машины находятся в ржавом состоянии, многие части разбросаны. Разделить машины и принадлежавшие им части не представляется возможным. Все детали, состоящие из цветных металлов, утрачены. Остались лишь чугунные, которые могут быть проданы как лом. Постановили отыскать наследников»³⁷. Московской управой благочиния в Московское губернское правление было отправлено «донесение о невозможности разборки, рассортирования вещей, находящихся на фабрике Мертваго».

Последние торги состоялись 30 сентября 1865 года. Фабрика была продана купцу первой гильдии Семену Павловичу Малютину, торгующему под фирмой «П. Малютин и К^о», крупнейшему фабриканту, одному из 90 пайщиков Московского купеческого банка, за 11 330 рублей.

Верный друг Н. Д. Мертваго А. А. Закревский делает последнюю попытку спасти фабрику. Он просит Московское губернское правление о неутверждении покупки «ввиду большей ценности фабрики, объявленной господином Малютиным, несмотря на упадок и расстройство, в которое она пришла»³⁸.

С. П. Малютин подал прошение на имя «Всепресветлейшего Державнейшего Великого Государя Императора Александра Николаевича, Самодержца

Всероссийского, Государя Всемилоостивейшего» с просьбой по результатам торгов «учинить законное распоряжение»³⁹.

Правительствующий Сенат 21 сентября 1866 года по «Указу Его Императорского Величества» за № 8601 определяет: оставить фабрику Мертваго за купцом Малютиным в предложенной им цене и ему же поручить произвести продажу фабричных машин и орудий «на вышеозначенном основании», т. е. по выводам комиссии, как «лом железа и чугуна»⁴⁰; комиссия констатировала расхищение в фабричных орудиях и машинах всех медных деталей, все железо измято и искорежено.

Последние годы Н. Д. Мертваго провел в Казани. В старинном парке Родионовского института, на краю оврага, в тени старых лип стоит беседка. К ней ведет широкая аллея, по которой каждое утро и вечер проходил сгорбленный седой старик, садился на скамью и часами смотрел в заволжские дали. О чем он думал? О ком вспоминал? Хочется надеяться, что утешением ему служили слова его знаменитого отца Д. Б. Мертваго, автора замечательных «Записок», в которых он завещал своим детям «сохранять спокойствие совести <...> сие единое есть средство быть счастливым в сем мире»⁴¹. По свидетельствам родственников Николай Дмитриевич часто вспоминал директора Царскосельского Лицея Е. А. Энгельгардта, к которому был искренне привязан. В альбоме директора под № 44 Н. Д. Мертваго несколько наивно, но по-юношески пылко выразил свои чувства к старшему наставнику:

...А я в мечтах век буду жить с тобой,
И вечно образ твой
Как некий добрый Гений
Носиться будет предо мной!..
Что сердце чувствует — перо не начертит;
Благодеяния твои и наставленья
Из сердца моего ничто не истребит!⁴²

Однако судьба не щадила его и возвращала к суровой реальности.

Пятнадцатого мая 1865 года из Главного интендантского управления Военного министерства в Московское губернское правление поступил рапорт удержать с Н. Д. Мертваго 384 рубля 14 копеек серебром, растроченные его подчиненным в бытность службы Николая Дмитриевича оберпровиантмейстером, так как к моменту взыскания должник был признан несостоятельным инвалидом; а также выплатить Московской казенной палате ссуду в 80 тыс. рублей; Московской удельной конторе за отпущенный для фабрики торф — 600 рублей. А исполненный благородства бывший партнер, разбогатевший почетный гражданин Москвы купец В. Х. Спиридонов выставил Н. Д. Мертваго судебный иск сразу на две суммы: 13 582 рубля и 1530 рубля.

Весть о продаже фабрики за бесценок нанесла Николаю Дмитриевичу последний удар. Он скончался почти сразу после этого сообщения, 19 октября 1865 года, в день своего любимого праздника — лицейской годовщины. Мир его праху; даже могилы Н. Д. Мертваго, похороненного на Арском православном

кладбище в Казани, не сохранилось. Сколько их, талантливых, незаслуженно забытых тружеников, преданных делу и своему Отечеству, прошло по русской земле? К счастью, время сберегло и донесло до нас три портрета Н. Д. Мертваго, запечатлевших его в разные, но важные для понимания его личности периоды жизни.

В живописном портрете из собрания Государственной Третьяковской галереи перед нами офицер Преображенского полка. Вчерашний выпускник Царскосельского Лицея, он уже прошел нелегкую интендантскую службу в турецкой кампании 1828–1829 годов; на груди медаль «На мир с Турцией 1829 г.». Весь его облик излучает молодую энергию, искреннюю готовность служить избранному делу.

Второй портрет — фотография, подаренная нам потомками Н. Д. Мертваго в Москве. На ней спокойный, прагматичный, исполненный достоинства предприниматель; жизненные невзгоды его еще не коснулись.

А третий, альбомный карандашный портрет, хранится в коллекции Всероссийского музея А. С. Пушкина, в фонде оригинальной графики. Он выполнен женой Мертваго, Сусанной Александровной, в Казани, незадолго до смерти мужа. Любящая рука близкого человека отразила на лице следы тяжелых раздумий и глубокого смирения перед так сурово обошедшейся с ним судьбой.

Вспоминаются слова ученого-пушкиниста Михаила Осиповича Гершензона: «Мы нескромно читаем письма умерших людей; и вот мы вошли в чужую семью, узнали их дела и характеры. Что же? — ведь нет дурного в том, чтобы узнать и полюбить. И застали мы их в дни скорби всяческой, угасающую цветущую жизнь, всю семью в изгнании: тут-то и легко рождается сердечное участие к людям. А с ними мы выходим на широкую арену истории, личное участие к ним делает нас как бы современниками исторических событий, потому что их семейные невзгоды, в которых мы их застаем, непосредственно связаны с историей эпохи»⁴³.

Примечания

¹ Журнал мануфактур и торговли. 1836. № 2. С. 24.

² Там же. 1839. № 3. С. 52.

³ Там же. 1835. № 2. С. 14. Об отечественных ярмарках 1834 года.

⁴ Николай Аполлонович Волков, член московского отделения Мануфактурного совета, брат Марии Аполлоновны Волковой, известной своими письмами к В. П. Ланской. Их переписка использована Л. Н. Толстым при создании «Войны и мира», а Н. А. Волков послужил одним из прототипов Николая Ростова.

⁵ Журнал мануфактур и торговли. 1830. № 8. С. 45.

⁶ Там же. 1835. № 2.

⁷ Глинка С. Мысли по случаю выставки в Москве русской Отечественной промышленности. М., 1831. С. 12.

⁸ Журнал мануфактур и торговли. 1835. № 2.

⁹ Толстой Л. Н. Война и мир // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М., 1979. Т. 4. С. 16.

¹⁰ Пассек Т. П. Из дальних лет. Воспоминания. М., 1963. С. 340.

¹¹ Вострышев М. Московскоеведение от А до Я. М., 2006. С. 444.

¹² МГИА. Ф. 616, д. 65.

- ¹³ Там же. Д. 66.
¹⁴ Прибавление к Московским губернским ведомостям. 1843. № 21. 22 мая. С. 273.
¹⁵ Журнал мануфактур и торговли. 1842. № 1–3. С. 150.
¹⁶ Старина и новизна. Письма И. С. Мальцева к С. А. Соболевскому. М., 1904. Кн. 6, 7.
¹⁷ Прибавление к Московским губернским ведомостям. 1843. № 21. 22 мая. С. 273.
¹⁸ РГИА. Ф. 583, оп. 4, с. 244.
¹⁹ Журнал мануфактур и торговли. 1853. Ч. 3–4. № 7–12.
²⁰ Там же.
²¹ Там же.
²² Московские губернские ведомости. 1853. Часть неофициальная. № 24. 13 июня. С. 232.
²³ РГИА. Ф. 583, оп. 4, с. 244.
²⁴ МГИА. Ф. 16, д. 144–1857
²⁵ Там же.
²⁶ МГИА. Ф. 616, оп. 1, д. 65.
²⁷ Там же.
²⁸ Там же. Д. 66.
²⁹ Там же.
³⁰ Там же.
³¹ Там же.
³² Там же.
³³ Там же.
³⁴ Там же.
³⁵ Там же.
³⁶ Там же.
³⁷ Там же.
³⁸ Там же.
³⁹ Там же.
⁴⁰ Там же.
⁴¹ *Мертваго Д. Б.* Записки. СПб., 2006. С. 230.
⁴² *Кобеко Д. Ф.* Альбом директора Царскосельского Лицея Е. А. Энгельгардта // Пушкин и его современники. СПб., 1908. Вып. 7. С. 13.
⁴³ *Гершензон М. О.* Избранное. Т. 1. М.; Иерусалим, 2000. С. 322–323.

Н. И. Михайлова

МОСКВА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ЛИЦЕИСТОВ

**(об издательском проекте «Москва.
Петербург. Царское Село.
Пушкинскому лицее посвящается»)**

Отметив 200-летие со дня открытия Царскосельского Лицея, имеет смысл подвести некоторые итоги. Не будет преувеличением

сказать, что Лицей — уникальное явление нашей культуры, связанное и с историей педагогики, и с историей литературы. И еще Лицей — феномен нравственной жизни: ведь именно в этом учебном заведении воспитывались патриотизм, чувства чести и личного достоинства, свободолюбие и свободомыслие. Именно здесь возникла дружба, «святое братство», которому лицеисты были верны всю жизнь.

Лицею и А. С. Пушкину посвящено множество статей и книг. Недавно вышел в свет первый том Лицейской энциклопедии — фундаментальный коллективный труд Всероссийского музея А. С. Пушкина, широко и многопланово представляющий Лицей, его учеников и преподавателей, лицейскую жизнь и лицейскую поэзию. И все же... Статьи «Москва» в Лицейской энциклопедии нет. Тема «Пушкинский Лицей и Москва», насколько нам известно, до сих пор не привлекала специального внимания. Однако она, на наш взгляд, несомненно, заслуживает осмысления.

Александр Пушкин и Антон Дельвиг родились в Москве — Пушкин в 1799-м, Дельвиг на год раньше, в 1798 году. В Москве они провели детство. Когда Пушкин поднимался на колокольню Ивана Великого, то в это время внизу мимо колокольни мог идти толстый задумчивый мальчик — он жил на территории Кремля, потому что его отец, прибалтийский немец Антон Антонович Дельвиг, был плац-майором, заведовал кремлевскими строениями. Познакомились же Пушкин с Дельвигом только в Лицее.

В Москве детские годы провели и другие будущие лицеисты: Владимир Вольховский, Константин Данзас, Сергей Ломоносов, Дмитрий Маслов, Федор Матюшкин, Михаил Яковлев, Николай Ржевский (он приходился шестинородным братом Пушкину). К сожалению, мы не знаем, где родились многие из них. Нам лишь известно, что В. Вольховский появился на свет в Полтавской губернии, Ф. Матюшкин — в Штутгарте (его отец был советником русского посольства в Германии). И все же дети из дворянских семейств были связаны с Москвой: так, мать Ф. Матюшкина с 1810 года была классной дамой в Екатерининском институте благородных девиц в Москве, учрежденном в 1802 году императрицей Марией Федоровной для дочерей потомственных дворян; отец М. Яковлева служил в Московском архиве иностранных дел. Главное же — будущие лицеисты учились в Московском уни-

верситетском благородном пансионе, который был основан одновременно с Московским университетом как университетская гимназия, официально учрежден в 1779 году куратором университета поэтом М. М. Херасковым. В 1791–1826 годах директором пансиона был А. А. Прокопович-Антонский. В начале XIX века пансион располагался в доме на углу Тверской улицы и Газетного переулка, рядом с Университетской типографией, где печатались учебники, книги, периодические издания, в том числе и газета «Московские ведомости». Там, в этом доме, учились будущие лицеисты (за исключением Дельвига, который был учеником частного пансиона, и Пушкина, который получил первоначальное домашнее образование).

Объявление о приеме воспитанников в Императорский Царскосельский Лицей 11 июля 1811 года опубликовали «Санкт-Петербургские ведомости», а на следующий день — «Московские ведомости».

Московские семейства будущих лицеистов приняли решение, которое определило судьбы их детей, стали искать пути для того, чтобы их дети попали в это привилегированное учебное заведение. За Пушкина хлопотал друг его семьи А. И. Тургенев — с 1810 года он занимал пост директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий в Петербурге. Дельвиг был определен в Лицей по ходатайству члена Государственного совета, сенатора, московского градоначальника и главнокомандующего в 1809–1812 годах Ивана Васильевича Гудовича, с которым по службе был связан отец будущего лицеиста. Данзаса зачислили в Лицей по просьбе Софьи Владимировны, жены графа П. А. Строганова, дочери княгини Н. П. Голицыной.

Уже сам факт того, что девять из тридцати лицеистов приехали в Петербург, а потом в Царское Село из Москвы, по-своему примечателен. «На всех московских есть особый отпечаток». Юные отроки привезли в Лицей московские традиции. В Москве особенно ценили родство, родственные связи. Лицеисты соединились духовным родством. Старостой стал прибывший из Москвы Михаил Яковлев, у которого впоследствии друзья собирались отмечать «Лицея день заветный» — 19 октября. В Москве, отставной столице, вольнее дышалось, и москвичи, конечно же, внесли свою лепту в лицейскую вольницу, были среди тех, кто отстаивал независимость по отношению к лицейскому начальству. Древняя столица России с ее Кремлем, дворцами, монастырями, храмами, площадями и улицами, садами и парками, Москвой-рекой осталась в памяти тех лицеистов, кто провел в ней свое детство. Когда Россию потрясла «гроза двенадцатого года», когда запылала Москва, то в Царском Селе, в Лицее, эти трагические события переживали все, но особенно те, кому довелось жить в этом городе, знать и любить его.

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горести и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизны!
И вас багрила кровь и пламень пожирал!
И в жертву не принес я мщенья вам и жизни;
Вотще лишь гневом дух пылал!.. (I, 81)

Издание, над которым работают ведущие научные сотрудники Государственного музея А. С. Пушкина Н. С. Нечаева и Е. А. Пономарева (я имею честь быть руководителем этого издательского проекта, автором вступительной статьи), является попыткой собрать воедино документы, дневники, письма, литературные произведения, мемуары и осветить страницы биографии некоторых лицеистов, рассказать об их московском детстве и первоначальном образовании. Особое внимание мы уделили событиям Отечественной войны 1812 года, когда воспитанники Лицея были потрясены известием о сдаче Москвы. Несомненный интерес, на наш взгляд, вызывает собранная по публикациям в московских журналах — «Вестнике Европы», «Российском музее», «Амфионе» — своеобразная «московская» антология лицейской поэзии. На страницах названных изданий печатались стихи А. Пушкина, А. Дельвига, А. Илличевского, М. Яковлева, В. Кюхельбекера, переводы И. Пущина из Лагарпа и Лафатера. Стихотворения А. Пушкина печатались также в «Трудах общества любителей российской словесности». Стихотворение В. Кюхельбекера «Мертвый к живому», опубликованное в 1815 году в «Амфионе», было перепечатано в 1816 году в московском альманахе «Цветник избранных стихотворений в пользу и удовольствие юношеского возраста».

Конечно, мы проследили за успехами в учебе тех, кто приехал в Лицей из Москвы. Нам было очень приятно убедиться в том, что на торжественном собрании 9 июня 1817 года по случаю первого лицейского выпуска, на котором лучшие выпускники награждались двумя золотыми и четырьмя серебряными медалями, москвичи получили половину этих высших наград: первая золотая медаль была вручена Владимиру Вольховскому, первая серебряная медаль — Дмитрию Маслову, четвертая серебряная медаль — Сергею Ломоносову.

Значительный раздел нашего издания посвящен Москве в жизни лицеистов после окончания Лицея. Многие выпускники приезжали в Москву: одни — служить (Маслов, Яковлев, позже Бакунин, Кюхельбекер, Пущин), другие — навестить родных (Матюшкин, Ломоносов, Дельвиг, Комовский, Вольховский). Ломоносов, Горчаков, Саврасов, Корф бывали в Москве по делам службы.

Не только Пушкин женился в Москве. В 1824 году Александр Бакунин обвенчался с внебрачной дочерью Бориса Владимировича Голицына Анной Зелинской в московском храме Николая Чудотворца на Песках. Молодые поселились на Поварской.

В 1830 году Владимир Вольховский приехал в Москву, чтобы проводить Анну Васильевну Розен, жену декабриста А. Е. Розена и сестру лицейского товарища Ивана Малиновского в Сибирь к ссыльному мужу, ездил к каретнику Рейхардту, чтобы тот устранил неисправность ее дорожной коляски.

Антон Дельвиг, женившийся в 1825 году на дочери москвича, сенатора Михаила Александровича Салтыкова, Софье Михайловне, в 1828 году был в Москве проездом в Харьков, встречался с Баратынским, Соболевским, В. Л. Пушкиным.

Вильгельм Кюхельбекер с 1823 года жил в Москве, сблизился с В. Ф. Одоевским, они издавали альманах «Мнемозина», на страницах которого печатались стихотворения А. Пушкина, отрывок из письма Ф. Матюшкина к директору Лицея Энгельгардту, ноты М. Яковлева к стихотворению А. Пушкина «Слеза». Среди москвичей — подписчиков «Мнемозины» — Ф. Матюшкин и М. Яковлев.

Дмитрий Маслов в 1824 году был назначен советником в комиссии сооружения в Москве храма Христа Спасителя, который первоначально предполагалось заложить на Воробьевых горах, а в 1833 году получил чин действительного статского советника.

Иван Пущин в 1823 году прибыл в Москву к месту своей статской службы. Он служил в Канцелярии московского генерал-губернатора Д. В. Голицына, в надворном суде, здания которого находились в начале Красной площади. В Москве Пущин стал участником Московского отделения Северной управы тайного общества.

Федор Матюшкин приезжал в Москву в 1824 и 1828 годах. В письме 19 марта 1824 года он сообщал директору Лицея Энгельгардту: «Нас теперь 7 человек здесь в Москве, часто видимся, часто проводим вечера вместе. Всегда вспоминаем Вас и наших отсутствующих»¹. Кроме самого Матюшкина это были Бакунин, Маслов, Кюхельбекер, Яковлев и выпускник 2-го курса Борис Данзас (брат Карла Данзаса, выпускника 1-го курса).

Разумеется, я привела лишь некоторые сведения о связях лицеистов с Москвой после окончания Лицея.

Завершает подготовленное нами издание рассказ о том, как по инициативе лицеиста Ф. Ф. Матюшкина в Москве в 1880 году был установлен памятник Пушкину, ставший символом нашей столицы.

Конечно, собранный нами материал в достаточной степени фрагментарен. Наиболее известны и изучены связи с Москвой лицеиста Пушкина, москвича по рождению. Что же касается других лицеистов, то нам известно далеко не все, иногда — очень немного. Но, на наш взгляд, даже то, что удалось собрать, позволяет говорить о значимости темы «Москва и пушкинский Лицей», дает основание предположить, что наше издание будет небезынтересно читателям, а также надеяться, что во втором издании Лицейской энциклопедии статья «Москва» займет свое достойное место.

Примечания

¹ Матюшкин Ф. Ф. Письма из Сибири // Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири по Ледовитому морю, совершенному в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицией под начальством флотского лейтенанта Ф. П. Врангеля. М., 1948. С. 403.

И. Н. Милошевич,

Л. Н. Милошевич

ЖИВАЯ СВЯЗЬ

ВРЕМЕН И ПОКОЛЕНИЙ

(о некоторых эпизодах из истории взаимоотношений семейств

двух лицеистов первого выпуска)*

Будто полемизируя с автором и сторонниками ставшего популярным выражения «прервалась дней связующая нить»,

жизнь являет нам все новые примеры своих безграничных творческих возможностей, опровергающие это высказывание. Один из подобных примеров — череда эпизодов, относящихся к истории взаимоотношений семейств двух учащихся первого выпуска Императорского Царскосельского Лицея. В совокупности эти эпизоды рисуют удивительную, если вдуматься, картину, наглядно демонстрирующую живую, неразрывную связь времен и поколений.

Известно, что лицеистов первого (1817 года) выпуска связывали теплые дружеские отношения, длившиеся до конца их дней. Известно также, что часть первых выпускников Лицея впоследствии была связана семейными узами. Однако практически ничего не известно из того, что указывало бы на существование какого-либо рода взаимоотношений между семьями, из которых вышли лицеисты. Между тем такие взаимоотношения имели место; об этом и пойдет речь в настоящей статье.

Начало излагаемой истории относится к середине XIII века, началась она в Полтаве. В то время это был небольшой уездный городок, численность населения которого даже через полвека после описываемых событий, в 1802 году, когда Полтава стала губернским центром, не превышала 8 тысяч человек. К числу наиболее заметных и влиятельных людей Полтавы того времени, безусловно, относились комендант города полковник Василий Иванович Чичерин, олицетворявший военную составляющую светской власти, и настоятель Николаевской церкви, основанной в середине XVII века (ныне — Полтавский Свято-Никольский храм), протоиерей о. Павел Вольховский, олицетворявший духовную власть. Как известно, духовная власть в рассматриваемый период была не менее, если не более авторитетной, чем власть светская.

Павел Вольховский, кроме того, был знаменит в городе тем, что являлся родным братом Афанасия (в миру — Петра) Вольховского I, епископа Тверского, епископа Ростовского, члена Святейшего Синода, назначенного на этот пост императрицей Елизаветой Петровной¹.

* В настоящей статье использованы материалы по родословной Приклонских, любезно предоставленные В. И. Приклонским.

По роду занятий Чичерин и Вольховский были неизменными участниками всех общественно значимых событий в городе. Будучи публичными, по современной терминологии, людьми, они, безусловно, были лично знакомы, постоянно общались и взаимодействовали по разного рода вопросам общегородской жизни. Более того, есть все основания считать, что Чичерины и Вольховские дружили семьями, то есть что о. Павел Вольховский и его жена были лично знакомы не только с комендантом города, но и с его женой — Лукией (Лукерьей) Васильевной Приклонской. Поскольку хождение в гости и нанесение визитов были наиболее распространенной в те времена формой общения людей определенного круга, можно не сомневаться, что оба семейства встречались достаточно регулярно.

Можно также предполагать, что и последующие поколения названных семейств, проживавшие уже в Москве, сохранили знакомство или даже приятельские отношения и в дальнейшем. Этому, в частности, могло способствовать то обстоятельство, что оба семейства входили в круг московского дворянства и жили в центре города практически по соседству. Существовавшие взаимоотношения непременно укрепились (или возобновились) в конце 1811 года, когда отпрыски обоих семейств были зачислены в Императорский Царскосельский Лицей.

Один из них носил фамилию прадеда — о. Павла Вольховского², второй — также фамилию прадеда по мужской линии — Пушкина, поскольку В. И. Чичерину и Л. В. Приклонской приходился правнуком по линии их дочери Ольги Васильевны Чичериной, вышедшей замуж за отставного подполковника Льва Александровича Пушкина.

Дружеские взаимоотношения Александра Сергеевича Пушкина и Владимира Дмитриевича Вольховского, вошедшего в историю Лицея как первый выпускник, получивший большую золотую медаль, не прерывались до конца жизни великого поэта (Вольховский пережил его всего на четыре года). Сохранились документальные подтверждения их более чем знакомства, в частности строфа, в которой Пушкин, рисуя воображаемую картину дружеской пирушки одноклассников-лицеистов, рассаживает их согласно заведенному в Лицее порядку:

Спартанскою душой пленяя нас,
Воспитанный суровою Минервой,
Пускай опять Вольховский сядет первый,
Последний — я, иль Брогльо, иль Данзас...

Сохранилось известное письмо Вольховскому, в котором поэт обращается к другу как к военному специалисту с просьбой высказать свое мнение о написанной им «Истории Пугачевского бунта» («...мнение твое касательно моей книги во всех отношениях было бы мне драгоценно...»), а также дневниковая запись Пушкина, посвященная приему, устроенному императрицей, в ходе которого ей были представлены лично 20 заслуженных россиян, в том числе Пушкин и Вольховский, ставший к тому времени генералом.

Логично здесь, кстати, предположить, что одним из прототипов генерала — мужа Татьяны Лариной, названного в «Евгении Онегине» приятелем автора романа в стихах, стал именно В. Д. Вольховский, женившийся в зрелом возрасте и в

генеральском чине на хорошо знакомой всем лицеистам первого выпуска Маше Малиновской — младшей дочери первого директора Лицея Василия Федоровича Малиновского и сестре их одноклассника Ивана Малиновского.

Необходимо при этом отметить, что высказывавшееся иногда мнение о якобы «худородности» лицеиста Вольховского («сын бедного гусара из Полтавы», Н. Я. Эйдельман) совершенно не соответствует действительности. Помимо уже упомянутого архиепископа Афанасия Вольховского I, к высшим иерархам Русской Православной Церкви принадлежал и один из трех известных нам сыновей о. Павла Вольховского Афанасий (в миру — Федор) Вольховский I, в ходе своего священнослужения бывший последовательно игуменом Новгородского Кириллова монастыря, наместником Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге, архимандритом Новгородского Юрьева монастыря, епископом Старорусским — викарием Новгородской епархии, епископом Могилевским, Оршанским и Полоцким³. (Афанасий Вольховский I погребен в Полтавском Крестовоздвиженском монастыре, о чем постоянно упоминается в современных нам материалах, посвященных истории города. В мае 2010 года Священный Синод Украинской Православной Церкви принял решение о причислении архиепископа Афанасия Вольховского I к лику местночтимых святых Полтавской епархии. Отныне он именуется святителем Афанасием Полтавским.)

Другой из сыновей о. П. Вольховского — А(н)дриан Павлович Вольховский, дед лицеиста, стал потомственным московским дворянином. Его сын, отец лицеиста Дмитрий Адрианович Вольховский был военным, дослужился до воинского чина бригадира (промежуточный между чинами полковника и генерал-майора), проживал в самом центре Москвы (в доме, отнесенном к памятникам гражданской архитектуры XVI–XVII веков как Палаты бояр Троекуровых и благодаря этому сохранившемся до настоящего времени; сейчас в нем располагается Музей музыкальной культуры)⁴, т. е. неподалеку от дома Пушкиных, некоторое время возглавлял Комиссариатскую комиссию — военное ведомство, занимавшееся снабжением войск⁵. Среди родственников лицеиста Вольховского было немало военных, в том числе в чинах старших офицеров.

Обращает на себя внимание сходство биографий отцов обоих лицеистов — Д. А. Вольховского и С. Л. Пушкина (напомним, внука Л. В. Приклонской) — в той части, которая относится к их комиссариатской деятельности. Д. А. Вольховский «в царствование Императора Павла I был назначен, в числе отличнейших штаб-офицеров армии, к исправлению комиссариатских дел» (с. 1), С. Л. Пушкин поступил на комиссариатскую службу практически одновременно с ним, в начале 1802 года. Оба начинали комиссионерами среднего ранга, 7–8-го классов, в одном ведомстве — Московской комиссариатской комиссии, и, прослужив достаточно долго (15–20 лет), закончили службу руководителями региональных отделений (комиссариатов) — Воронежской и Варшавской комиссариатских комиссий соответственно. Учитывая эти обстоятельства, закономерно предположить возможность и более того — высокую вероятность их личного знакомства и непосредственных контактов по служебным делам. Наибольшую активность подобные контакты могли приобрести в 1810-е годы. Такое предположение тем более вероятно, что С. Л. Пушкин, как известно, отличался очень общительным характером.

Когда Д. А. Вольховский и С. Л. Пушкин начинали комиссариатскую деятельность, их дети, будущие лицеисты, были еще младенцами. Д. А. Вольховский стал комиссионером не позднее 1800 года; при этом он, будучи штаб-офицером, имел сравнительно высокий военный чин (не ниже майора). В период обучения их сыновей в Лицее и тот, и другой, без сомнения, достигли достаточно высокого уровня в должностной иерархии. Этому во многом должно было способствовать немаловажное обстоятельство, отмеченное известным военным мемуаристом генерал-лейтенантом Ф. Ф. Торнау — выпускником Благородного пансиона при Лицее, начинавшим военную службу под начальством В. Д. Вольховского и хорошо его знавшим. По мнению Торнау, произведения которого считаются важным и достоверным источником информации по военной истории России XIX века, во времена, относящиеся к рассматриваемому периоду, именно комиссариатская служба предоставляла наибольшие возможности для карьерного роста. «В те времена, — писал он, — комиссионер комиссариатского ведомства занимал место истинного баловня счастья, фортуна рисовала ему... чины, ордена и прочие награды... с придачей сотен и тысяч ревизских душ»⁶. В подтверждение данного мнения можно привести пример младшего брата Д. А. Вольховского Андриана, тоже комиссионера, закончившего комиссионерскую деятельность в чине статского советника; известно, что в ходе этой его деятельности ему единовременно было пожаловано 1500 десятин земли (с. 191).

Результаты проведенных авторами настоящей публикации исследований родословной Вольховских показывают, что они (авторы) являются потомками о. Павла Вольховского по линии третьего из его сыновей — также протоиерея о. Андрея Павловича Вольховского, пошедшего по стопам отца и тоже ставшего, после него, настоятелем Полтавской Никольской церкви.

Авторам представляется целесообразным рассказать вкратце о своих предках — потомках Павла и Андрея Павловича Вольховских — они достойны этого.

Сын Андрея Павловича Яков Андреевич Волховский, двоюродный брат отца лицеиста, стал военным, вышел в отставку в чине поручика, заслужив право на потомственное дворянство, и владел небольшим имением (в 1829 году за ним числилось «родовых 15 мужеска пола душ») в Полтавском уезде Полтавской губернии.

Его сын Николай Яковлевич Вольховский, троюродный брат лицеиста, закончив в 1833 году Императорскую медико-хирургическую (с 1881 года — Военно-медицинская) академию, начал службу военным врачом в конной артиллерии Гвардейского корпуса, шефом которого был великий князь Михаил Павлович Романов. К моменту рождения своего единственного сына он был уже коллежским советником, заслужил орден Святой Анны 2-й степени с Императорской короной (стал 15-м кавалером этого ордена) и владел имением в Винницкой губернии.

Сын Николая Яковлевича, Илья Николаевич Вальховский, получив ученую степень кандидата коммерции (выражаясь современным языком, кандидата экономических наук), всю свою жизнь проработал в системе Государственного банка Российской империи и закончил карьеру в должности управляющего региональным отделением Госбанка в чине статского советника (соответствовавшего тому же классу Табели о рангах, к которому в свое время относился и чин бригадира).

Отец авторов публикации Николай Ильич Милошевич был одним из пяти детей

Ильи Николаевича Вальховского и Софьи Васильевны Милошевич, выпускницы Высших (Бестужевских) женских курсов, дочери губернского секретаря Вильгельма (Василия) Францевича Милошевича, состоявшего в штате Санкт-Петербургской полиции, но служившего в охране императора Александра III в подразделении, называвшемся Дворцовой полицией.

По окончании в 1941 году Ленинградского высшего военно-морского инженерного училища (им. Дзержинского) Н. И. Милошевич был направлен на Тихоокеанский флот, где служил в Аварийно-спасательном отделе ЭПРОН (многие, наверное, еще помнят эту аббревиатуру, приоткрывавшую Экспедицию подводных работ особого назначения). Там в 1947 году и оборвалась его жизнь — при исполнении служебных обязанностей (о качестве их исполнения говорят орден Отечественной войны I степени и другие боевые награды) и при недостаточно расследованных обстоятельствах.

В апреле 2005 года один из авторов был назначен помощником ответственного секретаря незадолго (за месяц) до этого образованного Научно-технического совета (НТС) одной из комиссий Правительства Российской Федерации. В самом начале 2007 года он стал первым сотрудником постоянно действующей группы экспертов, сформированной в структуре НТС и выполняющей функции аппарата совета. Во второй половине этого же года в состав группы экспертов был введен заслуженный в своей области деятельности специалист Владимир Иванович Приклонский. Вскоре стали взаимно известными их родственные связи с лицеистами первого выпуска.

Итак, родственники двух лицеистов, проведенных в стенах Лицея бок о бок шесть лет, спустя два столетия встретились в одном отделе — небольшом коллективе, численностью в несколько раз меньшем, чем лицейский класс.

В. И. Приклонский — прямой потомок Василия (Богдана) Приклонского, родной правнучкой которого (по другой линии) была вышеназванная Лукия Васильевна Приклонская (в замужестве — Чичерина), прабабушка А. С. Пушкина, мать его бабушки по отцовской линии Ольги Васильевны Чичериной⁷. Другими словами, Василий (Богдан) Приклонский является общим предком А. С. Пушкина и В. И. Приклонского.

Приклонские — старинный дворянский род, восходящий к середине XV века. Родоначалником считается Михаил Васильевич Приклонский (ок. 1450–1470). В числе представителей рода — прямых предков Пушкина значатся нижегородские и московские дворяне, один из которых назван «боярским сыном»; прапрадед поэта Василий Иванович Приклонский, отец Лукии Васильевны, был военным, заслужившим ратным трудом чин бригадира. Его сын Михаил Васильевич Приклонский в 1771–1784 годах был директором Московского университета.

Возвращаясь непосредственно к теме статьи, укажем на еще один эпизод взаимоотношений Приклонских и Вольховских. Линии коллективных судеб этих семейств вновь сблизилась в 1818–1821 годах, когда недавний выпускник Лицея офицер Гвардейского генерального штаба Владимир Вольховский и полковник лейб-гвардии Измайловского полка Николай Михайлович Приклонский, представитель нижегородской ветви рода, стали членами «Союза благоденствия» — тайной (известной, впрочем, соответствующим компетентным органам) революционной организации декабристов, действовавшей в тот период. Благодаря тому что союз

был распущен задолго до трагических событий 1825 года из-за программных и тактических разногласий между его руководителями, этот эпизод не стал для обоих роковым, хотя не мог не оставить отпечатка на дальнейшей судьбе каждого из них.

В 1831–1837 годах генерал-майор В. Д. Вольховский служил начальником штаба и одновременно обер-квартирмейстером Отдельного Кавказского корпуса и входил, наряду с генералами бароном Г. В. Розеном, командиром Отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющим Грузией, и А. А. Вельяминовым, командующим войсками Кавказской линии (зоны боевых действий между правительственными войсками и вооруженными формированиями горцев), в число главных начальствующих лиц Кавказского края. В периоды отсутствия Розена Вольховский исполнял его должностные обязанности наместника Кавказского края, а вместе с Вельяминовым неоднократно возглавлял наиболее ответственные войсковые операции, в частности экспедиции в нагорную Чечню⁸. В контексте настоящей статьи представляет интерес тот факт, что Алексей Александрович Вельяминов также состоял в родстве с А. С. Пушкиным.

Таким образом, при том, что непосредственное знакомство и дружеские отношения А. С. Пушкина и В. Д. Вольховского продолжались менее тридцати лет, их родственники — представители семейств Приклонских и Вольховских, как выясняется, общаются уже более двух с половиной столетий. Это общение, начавшееся в Полтаве, нашло свое развитие в Санкт-Петербурге и в Москве; продолжается оно и в наши дни.

Поистине — не рвется дней связующая нить. Словно сама судьба определила оба семейства спутниками во времени; на одном из отрезков этого пути попутчиками стали лицеисты Пушкин и Вольховский.

В. Д. Вольховский был связан родственными узами с тремя членами семьи первого директора Лицея, действительного статского советника В. Ф. Малиновского, известного политического и общественного деятеля своего времени. Как упоминалось выше, Вольховский был женат на его дочери Марии Васильевне Малиновской. Его однокашник Иван Малиновский, сын В. Ф. Малиновского, после смерти первой жены — сестры лицеиста Ивана Пущина женился на племяннице Вольховского Екатерине Федосеевне Зинкевич. В семье Владимира Дмитриевича и Марии Васильевны Вольховских в течение нескольких лет воспитывался сын старшей дочери В. Ф. Малиновского Анны, вышедшей замуж за барона А. Е. Розена и последовавшей за мужем, осужденным, лишенным всех прав и разжалованным за участие в декабрьском восстании, в Сибирь.

Пользуясь случаем, хочется присоединиться здесь к мнению историка А. Герасименко, изложенному в статье «Жалкий солдат на двух костылях...» с подзаголовком «Встречался ли А. Е. Розен с М. Ю. Лермонтовым?»⁹. Он считает, что на наброске рисунка, сделанного рукой Лермонтова и вошедшего в каталоги под названием «Светская сцена», запечатлен момент встречи А. Е. Розена, переведенного рядовым из мест сибирской ссылки на Кавказ, с семьей Вольховских, происшедшей, когда генерал Вольховский некоторое время исполнял обязанности наместника Кавказского края. Приведенные А. Герасименко аргументы достаточно убедительны, а его статья заслуживает самого признательного отношения: воспроизведенные в ней факты содействия В. Д. Вольховского семье репрессированного

декабриста, считавшегося опасным государственным преступником, вносят дополнительные яркие штрихи в биографию воспитанника Лицея, характеризуя его как человека и гражданина.

Род В. Д. Вольховского оборвался на третьем поколении: его единственный сын умер в младенческом возрасте, а брак его единственной внучки по линии дочери остался бездетным. Вместе с тем есть сведения, что в браке И. В. Малиновского и Е. Ф. Зинкевич было несколько (по некоторым данным — шестеро) детей. Более чем вероятно, что они (дети) и их потомки поддерживали взаимоотношения со своими родственниками со стороны Екатерины Федосеевны — Вольховскими, однако авторам об этом ничего не известно. Хочется надеяться, что непосредственные родственные связи между потомками семейств Малиновских и Вольховских будут продолжаться.

Примечания

¹ URL: http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_2613.

² *Гастфрейд Н.* Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому лицей. СПб., 1913 Т. 1. С. 202. Далее страницы указываются в тексте.

³ URL: http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_2614.

⁴ URL: http://mos-nj.narod.ru/1980_nj8809/B/index.htm.

⁵ URL: <http://SlovoOPolku.ru/?item=2b998735-23eb-4372-95b6-313776bec1c5&termin=5bda96fe-dc5b-4be0-8c89-4a2295b3c6de>.

⁶ *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания кавказского офицера. М., 2008. С. 25.

⁷ URL: <http://www.vgd.ru/STORY/rovensky.htm>.

⁸ *Торнау Ф. Ф.* Указ. соч. С. 466.

⁹ Московский литератор. 2006. № 04/148. Февр.

ОТ ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ЛИЦЕЯ К АЛЕКСАНДРОВСКОМУ

С. В. Павлова

ИЗ ЛИЦЕЙСКИХ ТРАДИЦИЙ

Наша лицейская жизнь в огромной и лучшей своей части регулируется традициями. Традиции — это заветы старины. Традиции — это связь между вчера и сегодня, между старым и новым. Традиции создают нам как бы известную, неизменяющуюся, устойчивую основу жизни, к которой координируется и к которой подводится все то новое, что накапливается с беспрерывным течением вечно несущего перемены времени.

Ю. В. Ермолов¹

«В жизни воспитательного заведения благородное прошлое, внушающее позднейшим поколениям любовь и подражание — великое дело. Оно составляет его внутреннюю силу и служит залогом его будущих успехов гораздо более, чем усилия и измышления наших патентованных педагогов»², — писал, вспоминая свое лицейское прошлое, воспитанник IX курса (выпуск 1838 г.) А. Н. Яхонтов.

«Благородное прошлое» в Лицее связано с первым курсом, с Пушкиным и его товарищами. Они не только прославили Лицей своими делами, своими именами, но и положили начало тем традициям, которыми учебное заведение гордилось на протяжении всех лет своего существования.

Со времен первокурсников идет представление о лицеисте как о человеке долга, чести. Это они завещали последующим поколениям ценить дружбу как одно из самых драгоценных достояний человечества; любить свое учебное заведение, отмечать день его рождения — 19 октября. От первокурсников идут культурные традиции: занятия литературным творчеством, издание рукописных журналов, основательное знакомство с русской и иностранной литературой, увлечение театром, музыкой. Это при них появился в Лицее сохранявшийся неизменным девиз учебного заведения — «Для общей пользы». Заветы первокурсников берегли их непосредственные преемники и передавали из курса в курс в Царскосельском, а затем и в Александровском Лицее.

Как верный сын родной земли
Хранит отцовские сказанья,
Мы как святыню берегли
Лицея милые преданья, —

писал лицеист VI курса Я. К. Грот в стихотворении 1860 года «Царское Село»³. В приветственной речи, произнесенной в день лицейского праздника 19 октября 1893 года, попечитель Лицея граф Н. А. Протасов-Бахметев отметил: «Я убедился, что от многих увлечений, многих проступков, многого горя и многих бед юное поколение лицеистов избавилось только потому, что вовремя вспомнило о своих обязанностях к старым лицеистам, только потому, что благоговейно чтит и уважает лицейские традиции»⁴.

Почему традиции сохранялись, продолжали жить? Думается, что одной из причин являлось то, что традиции были основаны на таких понятиях, столь почитаемых в юности, как товарищество, честь, долг, порядочность. Понятия, может быть, в чем-то идеалистические, но легко воспринимаемые именно в отроческий, юношеский периоды жизни. Большое значение имело и то обстоятельство, что по этим правилам жило не одно поколение лицеистов, среди которых были выпускники, достигшие больших успехов в жизни, снискавшие себе славу и известность, служившие примером младшим. Бережному отношению к лицейским традициям способствовала поэзия Пушкина, воспевавшая Лицей, лицейское братство, доносившая до новых поколений лицеистов «дней Александровых прекрасное начало».

Звезда лицейская вовеки не зайдет,
Чего бояться нам, когда на путь наш трудный
Царь Александр навек благословлял,
И все прекрасное своею лирой чудной
Здесь Пушкин вдохновенно воспевал, —

писал воспитанник LIII курса (выпуск 1897 г.) В. Левенец⁵.

К традициям бережно относилось и лицейское начальство. В них был закреплен проверенный временем опыт воспитания юношества.

Говоря о Лицее, следует помнить, что Лицей был закрытым воспитательным учебным заведением. Казалось бы, здесь большую роль должны были играть воспитатели. Однако, по словам одного из них, Ф. К. Неслуховского, на протяжении всего XIX века не было в России «учебного заведения, из которого бы прямо выходили педагоги с вполне выработанной системой преподавания и воспитания»⁶. Поэтому важное место в деле воспитания отводилось личности педагога. Но, к сожалению, судя по воспоминаниям лицеистов, достойных воспитателей в учебном заведении было не так уж много. В большинстве своем, по мнению В. Н. Коковцова (XXXII курс, выпуск 1872 г.), они не оставили заметного следа в жизни воспитанников и были скорее добросовестными свидетелями этой жизни, нежели руководили ею. Среди воспитателей, которых любили и уважали, был мистер К. О. Хис. К ним следует отнести и инспектора А. Е. Паукера, человека, полного глубокой веры в человеческое достоинство, чуждого всякой лжи. Добрую память о себе оставил и воспитатель Ф. К. Неслуховский, питомец Московского университета. «Мой ум и все мои нравственные и духовные силы, — рассказывал он лицеистам, — были охвачены теми возвышенными идеалами и мировоззрениями, которые воспитанники университетов сороковых годов выносили из стен своей alma mater. Идеалы и мировоззрения, сложившиеся в среде университетской, созревали и развивались

под влиянием великих поэтов, мыслителей и людей науки XVIII и первой половины XIX века»⁷. Но подобные воспитатели были скорее исключением, чем нормой.

Во время обучения в Лицее воспитанники находились в том возрасте (важном в жизни любого индивидуума), когда начинается становление личности, происходит формирование человека. И здесь большую роль играет окружающий мир, социальная среда. Для закрытого учебного заведения, каковым являлся Лицей, атмосфера школы, порядки, законы, царящие в ней, имели определяющее значение. В Лицее во главе стояли лицейские традиции, которые, по словам Н. Н. Флиге (LIV курс, выпуск 1898 г.), играли громадную роль, и неписанный закон был гораздо сильнее писаного. С ним приходилось считаться всему лицейскому начальству. Этот неписанный закон, передаваемый из поколения в поколение, требовал от каждого воспитанника поступать всегда и во всем как лицеист. Становясь членом курса и лицейской семьи, воспитанник принимал на себя определенные обязательства перед другими, а также нравственный долг, который предписывался товариществом и принадлежностью к Лицею.

Забота о сохранении лицейских традиций стала проявляться вскоре после их появления. Так, например, после закрытия Лицейского благородного пансиона, готовившего мальчиков для поступления в Лицей, учебное заведение стало заполняться выходцами из 1-й Санкт-Петербургской гимназии. Однако в 1834 году количество учебных заведений, посылавших своих учеников держать экзамены в Лицей, увеличилось: уже две Санкт-Петербургские гимназии и Московский дворянский институт имели на это право. Расширение круга учебных заведений давало больше возможностей выбора отличных учеников. И в то же время это расширение было связано со стремлением сохранить своеобразие лицейского корпоративного духа, так как выходцы только лишь из одной гимназии вносили свои привычки, свои порядки.

Среди многочисленных лицейских традиций особенно ценилось и оберегалось лицейское товарищество. «Святому братству верен я», — восклицал Пушкин. «Храните, о, друзья, храните ту ж дружбу с тою же душой», — призывал Дельвиг. Спустя почти столетие воспитанник LXV курса (выпуск 1909 г.) А. Терне провозглашает, что нерушимое лицейское товарищество — не пустые слова, которые говорят в торжественные минуты и тотчас забывают. Это та сила, которой блещет Лицей уже в течение целого века, и в этой святой традиции товарищества и братства — опора лицейстов в жизни.

Идея святости лицейского братства являлась основой лицейской семьи, на которой строились взаимоотношения, воспитывался «лицейский дух». По словам протоиерея Иоанна Слободского, «эта дружба рождается в юности, во дни идеальных порывов и стремлений, чтобы путеводно звездой сопровождать друзей в жизни до глубокой старости»⁸.

Директор Лицея, в прошлом воспитанник XXXIII курса (выпуск 1874 г.) А. П. Саломон, покидая в 1908 году свою должность, в прощальной речи воспитанникам дал определение лицейскому товариществу, которое, по его словам, «представляет типичную черту лицейстов, известную даже в широких кругах общества»: «Оно есть близкое, искреннее, бесхитростное, интимное дружеское отношение друг к другу. Оно дает право на прямое и откровенное суждение о делах и людях,

оно налагает обязанность оказывать взаимную поддержку, приучает к солидарности, побуждает жертвовать личным, частным интересом в пользу общего. Это есть та практическая школа, которая обучает и приучает лицейстов к исполнению исконного лицейского завета жить и трудиться “для общей пользы”»⁹.

Товарищество зарождалось внутри курса. Курс, по определению секретаря и воспитателя Лицея А. А. Рубца (LIX курс, выпуск 1903 г.), представлял собой обособленную группу воспитанников, живущую замкнутой жизнью под наблюдением воспитателя, начиная с младшего класса и вплоть до выпуска, в идеале — и после выпуска. Согласно лицейским порядкам, каждый курс в целях достижения лучших результатов в воспитании существовал отдельно от других курсов, имея свои помещения для занятий, отдыха, сна. Ходить на территорию других курсов запрещалось.

По мнению А. Н. Яхонтова (LV курс, выпуск 1899 г.), отличительными чертами лицейского товарищества были уважение к личности, равноправие и терпимость. Одновременно с чувством собственного достоинства у каждого лицеиста воспитывалось уважение к личности товарища. Уважение ближнего проявлялось, в частности в том, что побои, издевательства старших над младшими были чужды Лицею. Лев Любимов (LXXIX курс, в 1917 г. окончил старший приготовительный класс), сравнивая отношения старших и младших в Училище правоведения и в Лицее, приводит такой пример: «Старший правовед останавливал младшего и спрашивал его, например:

— Сколько шагов между вами и мной?

Младший мерил глазами расстояние и отвечал.

— А между мной и вами? — опять вопрошал старший.

Обязательный ответ гласил: “Шаг младшего воспитанника несоизмерим с шагом старшего воспитанника”. «В стенах Лицея, — заключает Любимов, — подобная издевка не практиковалась»¹⁰.

Лицейсты, независимо от того, учились ли они в Царском Селе или в Петербурге, утверждали, что физические расправы, моральные унижения воспитанников друг друга в лицейских условиях были исключены. Если же кто-то нарушал эти правила, то не только курс, но весь Лицей ополчался против недопустимых явлений. По рассказу П. М. Кауфмана (XXXV курс, выпуск 1877 г.), однажды воспитанники его курса обратили внимание, что один из лицейстов полностью подчинил своей воле другого, сделав из него слугу и вечного кредитора (без расплаты). И хотя пострадавший, будучи безвольным, не жаловался на своего притеснителя, лицейсты признали такие отношения между товарищами недопустимыми. Конечно, в каждом классе были свои лидеры, но уважением пользовались не силачи, пробиравшие себе дорогу кулаками, а лицейсты, выдвинувшиеся благодаря силе духа, умению увлечь товарищей, постоять за курсовое дело.

Не менее ревностно соблюдался в лицейском товариществе другой принцип — равноправие. С момента открытия учебного заведения лицейстов воспитывали как членов одной большой семьи. Пушкина и его товарищей учили, что здесь, в Лицее, «все воспитанники равны, как дети одного отца и семейства, а потому никто не может презирать других или гордиться пред прочими чем бы то ни было»¹¹. Ни знатность происхождения, ни богатство родителей, ни влиятельные связи, ни служебные посты отцов в товарищеских отношениях не играли никакой роли. Этот

принцип равноправия воспитанников поддерживался и лицейским начальством. Когда-то директор Е. А. Энгельгардт отказался принять в Лицей молодого графа Шереметева, не готового стать лицеистом из-за недостаточного уровня учебной подготовки, заявив, что богатство Шереметьева не дает ему никакого права на это преимущество. Почти столетие спустя директор Лицея Ф. Ф. Врангель в памяти лицейским воспитателям утверждал, что честность воспитателя заключается, в частности, в том, что все, что он готов сделать для сына влиятельного лица, он должен сделать и для сына бедной вдовы. Лицеисты с нарушением принципа равноправия боролись шутками, высмеиванием. Виновный, выражаясь лицейским языком, «предавался глуму». Чаще всего это приводило к желательным последствиям. По воспоминаниям П. М. Кауфмана, «однажды <...> товарищ почтенного, но скромного происхождения как-то прихвастнул, что его родители сродни Германскому императору. Так как это обстоятельство было более чем сомнительно, то мы отлучили нашего друга от подобных генеалогических экскурсий тем, что вызывали его через дядьку в приемную несколько раз на неделе громким докладом: “Пожалуйста выйти — Вильгельм или Фридрих-Карл приехали”. Общий незлобивый смех, и о своем родстве с Гесенцоллером наш товарищ постарался забыть»¹².

В Лицее учились дети очень богатых родителей, были лицеисты из семей среднего достатка, были и дети обедневших дворян. Но финансовый вопрос не играл никакой роли в товарищеских отношениях. «У нас бедные и богатые стояли на одной доске»¹³, — писал Г. Н. Вырубов (XXV курс, выпуск 1862 г.). «Не смотря на то, что большинство моих товарищей были люди состоятельные, они никогда не давали мне почувствовать моего скромного в денежном отношении положения»¹⁴, — вспоминал Леопольд фон Миквиц (XXXIV курс, выпуск 1875 г.). Это отмечал и П. М. Кауфман: «Ни положение родителей, ни материальные средства здесь не играли никакой роли, мы об этом даже не думали. Того, что теперь называется снобизмом, и какой-либо группировки воспитанников по таким признакам у нас не было и помину. Большая или меньшая обеспеченность товарищей принималась как факт... и Боже упаси, если бы кому-нибудь пришлось в голову козырнуть своим достатком. Это считалось хамством»¹⁵.

Еще одна черта лицейского товарищества — отсутствие фискальства, стремления выслужиться перед начальством, приобрести его благорасположение, в особенности в ущерб для кого-либо из курса. По словам Г. А. Ермолова (LVIII курс, выпуск 1902 г.), «лицейский товарищеский дух заразителен и легко усваивается юностью — он удобопонятен и симпатичен своим рыцарским благородством. Отсюда, конечно, весьма понятно презрение (именно презрение, а не ненависть) к фискалам и подлизам»¹⁶. «Рассказанные тотчас же случаи “фискальства” или жалобы воспитателю на обиду, причиненную кем-либо из товарищей, ликвидировались совершенно непререкаемым вердиктом — возмездием от всего класса. И тотчас же это было крепко усвоено и легло в наш внутренний быт как одно из оснований, закрепленных самою силою вещей»¹⁷, — вспоминал В. Н. Коковцов.

О том, что в Лицее жаловаться на товарища начальству не полагается ни при каких обстоятельствах, Лев Любимов узнал, едва переступив порог учебного заведения, на вступительном экзамене в Лицей. Во время письменной работы один из мальчиков поднял руку и объявил, что не может вовремя справиться с заданием, так

как сосед запачкал чернилами его тетрадь. В ответ директор Лицея выгнал его из класса, но соседу никакого замечания не последовало.

Об этих особенностях товарищества превосходно знало лицейское начальство и со своей стороны никогда не проявляло никаких попыток выделить кого-то особо. В случае какого-либо инцидента руководство не вызывало своего «любимчика», а требовало прислать представителя от класса, и класс решал, кто пойдет для объяснения с начальством.

Непременным правилом лицейского союза была также взаимная терпимость к убеждениям и верованиям. Один из лицейских корреспондентов «Лицейского мурдеча» — журнала, издававшегося в Александровском Лицее в 1880-е годы, — писал, что товарищество должно развивать терпимость к чужим убеждениям, умение ужиться с людьми; это синоним отречения, уничтожения эгоизма. Никто не смел намеренно задевать или высмеивать религиозные, национальные чувства своего товарища. В Лицее воспитывались юноши разного вероисповедания: православного, католического, лютеранского, однако, в учебном заведении «не делалось никакого различия между религиями, и не было никаких излишних требований относительно обрядовой стороны. Поэтому не было ханжества, и религиозное чувство там, где оно проявлялось, было чувство искреннее, чистое и внушало к себе уважение»¹⁸.

Можно сказать, что Лицей назывался Императорским не только потому, что находился под покровительством императора, но еще и оттого, что в нем учились представители разных народностей России, входивших в состав империи. Это прибалтийцы, дети дворянства Польши, Финляндии, выходцы с Кавказа. Именно бережное отношение, уважение к личности в этом учебном заведении привлекало сюда представителей разных национальностей, которые подчас держались в стороне от русской школы.

Бытует мнение, что ни о каком особом союзе лицеистов не может быть и речи, так как из Лицея вышли люди полярных политических взглядов: одни сделали блестящую карьеру, служа государю; другие, выступив против существующих порядков, поплатились за это свободой. И все же прославленное лицейское братство существовало. Основано оно было не на общности политических взглядов, а на нравственных основах: высоких идеалах юности, возвышенных представлениях о долге, дружбе, чести, воспитанных Лицеем. И может быть первым, кто положил начало лицейскому правилу: никто не должен навязывать свое мнение в области политических взглядов, — был Иван Пущин, не посвятивший Пушкина в существование тайного общества, оберегая, по его словам, друга. Каждый мог придерживаться тех политических взглядов, которые ему представлялись наиболее правильными в деле служения «для общей пользы», но не навязывать их своим товарищам.

Особенно остро встал этот вопрос в начале XX века в связи с первой русской революцией, когда раздоры на политической почве охватили почти все учебные заведения. Лицей тщательно оберегал своих питомцев от столкновения из-за политических разногласий. Их воспитывали, что в качестве учащихся они не должны проявлять свое отношение к явлениям внутренней политики, а должны продолжать свое прямое дело — готовиться к предстоящей общественной деятельности. Тем более неожиданным явился инцидент, происшедший 19 октября 1906 года во время праздничного лицейского завтрака, на котором присутство-

вали выпускники разных лет. По окончании традиционных тостов лицеист LVI курса (выпуск 1900 г.) П. П. Сабуров предложил поднять бокал в честь членов первого русского парламента — лицеистов Н. Н. Андреева (XLVII курс, выпуск 1891 г.) и И. Н. Пустошкина (LII курс, выпуск 1896 г.) и славных лицейских профессоров Н. И. Кареева и бывшего председателя Государственной думы С. А. Муромцева — и пожелать им успеха в деятельности на благо России. Содержание тоста заключало в себе явную политическую тенденцию — побудить собравшихся на традиционный праздник выразить сочувствие членам распущенной Государственной думы. Тост был встречен громкими протестами и криком «вон». Сабуров насильно был выведен из зала.

Это происшествие вызвало большой общественный резонанс. Публика была возмущена расправой с инакомыслящим в стенах учебного заведения, служившего в прежние времена очагом свободомыслия.

Однако по-иному расценило поступок П. П. Сабурова Собрание лицейских курсовых представителей. Сабуров нарушил одно из главнейших правил лицейского товарищества, запрещающее навязывать, пропагандировать свои политические пристрастия в лицейской товарищеской среде, и Собрание вынесло приговор: отлучить П. П. Сабурова от лицейского товарищества. Это выразилось, в частности, в том, что в «Памятной книжке лицеистов», выпущенной к столетию Лицея в 1911 году, отсутствуют какие-либо данные о служебной и общественной деятельности бывшего питомца Лицея; указана лишь фамилия в списках курса. И только всеми вместе пережитые «окаянные дни», наступившие после Октября семнадцатого года, и трудные годы эмиграции примирили товарищескую лицейскую семью с П. П. Сабуровым, известным шахматистом, талантливым композитором. В «Памятной книжке Лицея», изданной в Мюнхене в 1961 году, в списках LVI курса против фамилии Сабуров значится: композитор. Место проживания — Франция.

Конечно, все питомцы были разными и по характеру, и по интересам, и неслучайно внутри курса существовали различные группировки и объединения. Но все это не мешало курсу жить в добром мире. «Если не все одинаково сходились близко друг с другом, — говорилось в юбилейном сборнике XL курса, — то, как в добром супружестве, создавалась та, сохранившаяся и поныне, *compatibilite d'humeur* (совместимость характеров), которая давала нам возможность дружески делить радости и горе; расходясь нередко в общественных идеалах и стремлениях, мы становились одной душой в лицейской жизни»¹⁹. По воспоминаниям лицеиста 1870-х годов, жизнь лицеистов протекала под девизом «делай сам, что знаешь и любишь, и не мешай другим». Но если поступок кого-то из них компрометировал Лицей, ронял достоинство и репутацию товарищей (например, неуплата денег в ресторане, извозчику, неприличное поведение на улице или в обществе, скверные отзывы о товарищах, об учебном заведении), все как один вставали на защиту чести Лицея и звания лицеиста. Провинившегося принуждали заплатить долг, извиниться. В отдельных случаях класс имел право удалить из своей среды, следовательно и из Лицея, нежелательного воспитанника. Так, например, воспитанники XXXV курса судили товарища, уличенного в продаже старьевщику казенного мундира, и приказали ему написать письмо отцу, чтобы тот забрал его из Лицея. Приехавший отец обратился к директору, но директор принял сторону лицеистов. Не пожелав,

чтобы дело сына направили в Совет учебного заведения, отец вынужден был, по прошению, забрать сына из Лицея.

Одним из самых тяжелых наказаний было отлучение совершившего недостойный поступок, когда по постановлению курса все товарищи переставали общаться с отдельным воспитанником. Подобное отлучение могло продолжаться месяц, год, в отдельных случаях оставалось на всю жизнь. Эта традиция зародилась еще в Царскосельском Лицее. Лицеист IX курса (выпуск 1838 г.) А. Н. Яхонтов в своих воспоминаниях пишет: «Если кто-либо заслуживал негодование всего класса каким-либо неблагоприятным поступком, роняющим достоинство и репутацию товарищей, его наказывали прекращением всякого общения, не говорили с ним до тех пор, пока он не раскается, не испросит прощения. Вообще поддержание во всех случаях достоинства и чести Лицея считалось непременною обязанностью каждого»²⁰. Н. Н. Флиге, окончивший Лицей через 60 лет после А. Н. Яхонтова, рассказывая о взаимоотношениях товарищей его курса, отметит те же особенности: «Одним из самых тяжких наказаний было отлучение от класса, когда по постановлению класса все товарищи переставали не только говорить, но и иметь какое-либо общение с отдельным воспитанником. Такие меры принимались обыкновенно против воспитанников, совершавших поступок, который трудно было квалифицировать по официальной шкале прегрешений. Он обыкновенно касался области товарищеских отношений и порядочности и был ответом на такие действия, которые, по мнению наших молодых голов, были недостойны звания лицеиста. Я и теперь с самыми лучшими чувствами вспоминаю, как мы <...> вставали, как один человек, в защиту того, что считали связанным с достоинством и честью Лицея»²¹.

Оглядываясь на лицейское прошлое, в статье, посвященной полувековому юбилею Лицея, Г. А. Кушелев-Безбородко (XVII курс, выпуск 1850 г.) не мог не затронуть, по его мнению, самое главное в отношениях лицеистов: «Не думаю, чтобы какое-либо другое ученое или учебное учреждение могло бы сравниться с Лицеем по той связи истинно благородного товарищества, которым Лицей всегда отличался. Этот принцип товарищества, завещанный нам бессмертным Пушкиным, от первого до последнего курса передается постоянно новому поколению и всегда уважается всеми. Передача его не лишена даже некоторой торжественности: тут перед выпуском устраивается так называемое “соединение”, и поступающий на службу курс передает заменяющему его в Лицее курсу свои шпаги и свои права, передает ему в то же время те правила чести, долга, верности, которые завещаны еще Пушкиным. Затем братски чокнутся все вместе за здоровье Лицея, за преуспевание нашего пепелища.

Замечательно то, что этот принцип товарищества сохраняется уже навсегда в сердце каждого лицеиста, и всегда в то же время он остается благородным. Всюду разбросанные лицеисты, смотря по многообразным деятельности, ими же выбранным, всегда с удовольствием узнают своего прежнего товарища, и когда могут, то не откажут ему в помощи, но в то же время каждый из нас знает хорошо, <...> что каждый поступок его, не соответствующий правилам чести, долга, которые признаны обязательными для лицеиста, будет строго судим этими же товарищами, которые единогласно отринут его из своей среды и тем окончательно его уничтожат»²².

Чтобы воспитанники Лицея постоянно чувствовали связь между собой и своей alma mater, директор Лицея Е. А. Энгельгардт в день первого выпуска каждому из них надел на палец чугунное кольцо в память о шестилетнем соединении.

Со временем сложилась другая традиция. По преданию, со слов лицеиста XII курса (выпуск 1842 г.) Е. А. Рейнбота, в Царскосельском Лицее был обычай при выпуске разбивать колокол, звон которого призывал воспитанников к молитве, занятиям, обеду. Каждый из товарищей по классу брал себе на память кусочек разбитого колокола. Но, как свидетельствует сохранившаяся до наших дней реликвия, именно XII курс был первым, кто положил начало традиции разбивания колокола: в Александровском Лицее, в музее «Лицеана», хранился кусочек лицейского колокола, который сзывал к молитве и ученью воспитанников I–XII курсов. Таким образом, у воспитанников Царскосельского Лицея был один, общий колокол, который и был разбит XII курсом, — последним курсом, закончившим Царскосельский Лицей.

А. А. Ильин (XXXIV курс, выпуск 1875 г.), автор монографии «Памятные жетоны Императорского Александровского Лицея», считал, что именно его курс возобновил обычай разбивания курсового колокола. Он писал, что в декабре 1875 года воспитанник выпускного класса Александровского Лицея Е. А. Бернгард разбил колокол, и кусочки его товарищи — лицеисты XXXIV курса — хранят на память об окончании ими Лицея. Однако когда монография вышла в свет и с ней ознакомились бывшие лицеисты, выпускник XXX курса П. М. Лазарев сделал дополнение: при выпуске в декабре 1869 года XXX курс разбил колокол, кусочки которого хранятся на память об окончании Лицея. Существует еще более раннее свидетельство воспитанника XXII курса (выпуск 1857 г.) А. Л. Соколовского о разбивании колокола. Вряд ли отыщется еще более раннее воспоминание, потому что, как пишет Н. А. Корф (XX курс, выпуск 1854 г.), во время его ученичества звон колокольчика был заменен барабанным боем. Возможно, начиная с 1850-х годов существовали единичные случаи разбивания курсового колокола: с 1870-х же обычай этот укоренился и существовал вплоть до закрытия Лицея в качестве последнего обряда прощания с учебным заведением и товарищами. Происходил он в Каменке, в комнате I класса, где находился музей «Лицеана» и хранился камень от фундамента Царскосельского Лицея (этот камень был перевезен из Царского Села в Петербург как знак неразрывной связи Царскосельского и Александровского Лицея и преемственности лучших лицейских традиций).

Сохранилось немало воспоминаний об обряде разбивания колокола. Вот одно из них: «Прозвучал в последний раз наш курсовой колокол, сзывая нас на общую, прощальную вечернюю молитву. В небольшую залу, где только лампада освещала один из углов, стали тихо, в строю, входить и становиться на свои места курсы Лицея. Младший из младшего класса вышел из рядов читать обычную вечернюю молитву. Не успел он ее начать, как стали все сильнее раздаваться всхлипывания среди младших курсов, но и среди нас уже многие не могли сдерживать свое волнение. Кто-то закончил за умолкшего взволнованного малыша молитву, и мы, подавленные, удрученные, пошли к себе, в так называемую “каменьку”, где висели группы всех выпусков Лицея. Здесь старший из нас на камне Царскосельского Лицея разбил, под откровенные рыдания многих, курсовой колокол, шесть лет сзывавший нас, и роздал куски на память каждому. Наша лицейская жизнь была закончена»²³. Кусочки колокола с номером курса и дня прощания оправляли в золото, и они слу-

жили лицеистам как жетоны, каких ни у кого не было. О глубоком смысле этого обряда говорил в прощальной речи LXV курсу воспитанник II класса Кондратьев: «Немного времени пройдет до того момента, когда звон разбиваемого колокола возвестит вам — ваша лицейская жизнь разбита, как этот колокол, а обломки разбитого колокола скажут — но мы остались, нас уничтожить нельзя. Колокол раздроблен для того, чтобы принадлежать всем и каждому из вас. До тех пор, пока вы жили вместе, — колокол был цел, теперь жизнь может вас разлучить — и колокол разделяется между всеми вами для того, чтобы каждый из вас получил могучий талисман, вот этот самый обломок, символ великого единения лицейстов»²⁴.

Символом лицейской дружбы, лицейского единения стал день 19 октября, день открытия Лицея, — традиция, заложенная первокурсниками. В октябрьский праздник ярче всего ощущался подъем любви к Лицею, чувствовалась сплоченность лицейских поколений. В этот день проявлялось все светлое и доброе лицейской жизни, царило то великое объединяющее начало, которое директор Царскосельского Лицея Е. А. Энгельгардт называл «лицейством». Ежегодно в воскресенье, предшествующее этому дню, в Лицее происходил праздник. Силами воспитанников ставился спектакль, вечер обыкновенно заканчивался балом. Как известно, после окончания Лицея воспитанники I выпуска первые годы 19 октября приезжали в Царское Село. Они посещали Лицей, обходили памятные места, обедали в доме директора, затем принимали участие в лицейском празднике.

Вскоре, однако, первокурсники стали 19 октября собираться отдельно в тесном товарищеском кругу. Этот обычай приняли и последующие выпуски, причем каждый курс собирался отдельно. Правило это соблюдалось столь строго, что когда Е. А. Энгельгардт в 1836 году предложил воспитанникам первых курсов, при нем покинувшим Лицей, сойтись вместе для празднования двадцатипятилетнего юбилея, то осуществить это не удалось, несмотря на авторитет, которым он пользовался среди своих питомцев. И только лишь в 1837 году, в роковой год смерти Пушкина, был устроен сборный обед. В последующие годы такой обычай установился уже прочно. Позже сам Егор Антонович взял на себя устройство этих обедов, и пока он поддерживал связи со своими бывшими питомцами, старейшие курсы 19 октября устраивали общую трапезу. Другие выпуски, следуя старинным обычаям Лицея, пушкинскому завету, собирались отдельно по курсам. Со временем сложилась традиция, когда празднование лицейских годовщин стало состоять из двух частей: первой, официальной, в стенах Лицея, и второй, по курсам, преимущественно в ресторане «Данон», исключительно товарищеской.

На основе лицейского товарищества, приучавшего жить и трудиться «для общей пользы», возникли многие добрые начинания и учреждения. Начало большинству из них было положено в день 19 октября. Один из лицейстов назвал этот день «торжеством благодарности» учеников — школе, их воспитавшей, выражавшейся в делах, служащих «для общей пользы» как на благо общества, так и на благо лицейской семьи.

На праздновании лицейской годовщины 19 октября 1837 года по инициативе Михаила Деларю (V курс, выпуск 1829 г.) возникла идея средства, собираемые на праздничные застолья, употребить на общепольное дело. По предложению Е. А. Энгельгардта решено было собрать капитал, на проценты от которого в шко-

ле, открывающейся при Реформатской церкви, содержать бедного сироту. В сборе средств на составление «лицейского сиротского капитала» принимали участие 13 товарищей Пушкина и многие воспитанники последующих выпусков Царско-сельского Лицея, а также преподаватели. Причем средства вносили не только выпускники, проживавшие в Петербурге, но и находившиеся в разных городах России и даже за рубежом. Это доброе дело продолжало действовать вплоть до революции, когда школа при Реформатской церкви прекратила свое существование.

Ни одно учреждение в XIX веке не сделало так много для увековечения памяти А. С. Пушкина, как Александровский Лицей. Ни одно выдающееся событие, ни один праздник не проходил без упоминания имени Пушкина, без добрых дел в его честь.

В дни празднования пятидесятилетнего юбилея Лицея в результате добровольной складчины лицеистами были собраны средства для учреждения стипендии имени А. С. Пушкина в Петербургском университете, назначаемой историко-филологическим факультетом. Причем сведения об избранном кандидате должны были быть доведены до сведения Лицея. Тогда же Лицей выступил инициатором сооружения первого памятника Пушкину. По его почину было получено Высочайшее разрешение на всероссийский сбор средств на сооружение памятника. Все трудности по сбору средств, по организации трех конкурсов на лучший проект, хлопоты, связанные с открытием памятника, выпали на долю специального Лицейского комитета. Открытие первого памятника поэту, состоявшееся в Москве 6 июня 1880 года, для Лицея стало настоящим праздником. На средства, оставшиеся от сооружения памятника, было принято решение учредить при Академии наук Пушкинскую премию за исследования по истории русского языка и словесности, а также за изящные сочинения как в прозе, так и в стихах. Академия сочла справедливым присуждать эти премии в канун лицейского праздника 19 октября.

В стенах Лицея был создан первый Пушкинский музей. Начинаясь он с создания специальной Пушкинской библиотеки, включающей все издания произведений поэта и все написанное о нем и его творчестве. Со временем книжная Пушкиниана становится лишь частью обширного Пушкинского музея. Многие вещи, связанные с именем Пушкина, представленные сегодня в музейных экспозициях, хранящиеся в фондах музеев, были когда-то экспонатами Пушкинского лицейского музея. Это посмертная маска Пушкина, медальон с прядью его волос, кривая турецкая сабля, подаренная поэту генералом Паскевичем, его ножницы, трость, столик, кресло, стол, за которым он работал в Одессе, бильярдные шары слоновой кости. Среди художественной пушкинианы — картина А. А. Наумова «Дуэль Пушкина с Данте-сом», картина И. Е. Репина «Пушкин на лицейском экзамене». Здесь же — автографы стихотворений «Воспоминания в Царском Селе» (1814), «19 октября» (1825), начало 8-й главы романа «Евгений Онегин»...

Другой музей, существовавший в стенах Александровского Лицея, носил название «Лицеана». Он был основан 19 октября 1884 года и посвящен истории учебного заведения и судьбам его питомцев. Основой для музея послужила специальная библиотека, куда входили сочинения всех бывших лицеистов, а также статьи, написанные о лицеистах, их биографии, мемуары, разборы сочинений. Подобной библиотеки не существовало ни в одном учебном заведении.

Кроме библиотеки в «Лицеане» хранились архивы и фотографии курсов, учебные программы, конспекты лекций лицейских профессоров, программы лицейских вечеров и спектаклей, «Памятные книги Александровского Лицея», жетоны, медали, личные вещи воспитанников. Среди личных вещей — нательный крест М. Е. Салтыкова-Щедрина, шпаги В. Д. Вольховского и В. К. Кюхельбекера. Особый раздел составляли стихотворения лицеистов, посвященные 19 октября.

Большую помощь в развитии этих музеев оказало Пушкинское лицейское общество, созданное в дни празднования в Александровском Лицее столетия со дня рождения А. С. Пушкина. Цель его — «всестороннее изучение творений Пушкина, разъяснение их и распространение во всех слоях русского народа»²⁵.

С днем лицейского праздника связано возникновение в Лицее Товарищеской кассы, созданной на основе добровольных взносов бывших лицеистов для оказания материальной помощи нуждающимся товарищам и их семьям. Аналогичная касса была создана для оказания помощи служащим Лицея.

Но лицейская семья приходила на помощь не только своим, лицейским. Неоднократно, когда Россию постигали бедствия, лицеисты организовывали денежные сборы. Так, в марте 1876 года, незадолго до начала Русско-турецкой войны, в Лицее был устроен литературно-музыкальный вечер в пользу пострадавшим семьям Боснии и Герцеговины. XXXV курс выпустил сборник «Лепта» в пользу южных славян.

В год голодной катастрофы 1891/92 года лицеисты постановили на 19 октября произвести обычный денежный сбор, но в день лицейского праздника не посещать ресторанов, не делать никаких трат, а весь сбор послать голодающим. Специальная материальная помощь оказывалась Дому трудолюбия, находившемуся в непосредственной близости от Лицея (Лицейская улица, дом 22).

С началом Первой мировой войны на территории Лицея средствами лицеистов был устроен офицерский лазарет для лечения получивших ранения участников войны. В работе лазарета принимали участие бывшие лицеисты, их жены, служащие учебного заведения. «Для усиления средств» лазарета в 1916 году Александровским Лицеем было предпринято издание «Грамоты, пожалованной Императорскому Лицею императором Александром I 22 сентября 1811 г.» со вступительной статьей Д. Ф. Кобеко. В это же время учащаяся молодежь старших и младших курсов организовала сбор свежих газет и иллюстрированных журналов для отправки в действующую армию.

Как видим, среди лицейских традиций добрых дел, служивших «для общей пользы», нередко носивших внутрилицейский характер, в учебном заведении существовала гуманитарная традиция, завещанная лицеистам основателем учебного заведения, императором Александром I: оказывать помощь и поддержку не только своим товарищам, но всем, кто в этой помощи нуждался. Традицию эту постоянно поддерживали как учебное заведение, лицейская товарищеская семья, так и отдельные лицеисты.

С лицейскими традициями неразрывно связана любовь воспитанников к Лицею. «Странное дело, — вспоминал лицеист XXIII курса (выпуск 1859 г.) Иван Бабин, — воспитанники нынешних открытых училищ совсем их не любят, а мы, закупоренные в Лицее, рвавшие хоть на денек домой, искренно любили свой Лицей и гордились быть лицеистами»²⁶.

Воспитанники гордились званием лицеиста, так как принадлежность к этому учебному заведению свидетельствовала не только о полученном или получаемом человеком образовании, но также служила ему определенной нравственной характеристикой. Недаром в обществе про лицейстов говорили: «Что удивительного, что он порядочный человек, ведь он лицеист»²⁷.

Любовь к Лицею проявлялась в традиции добрых дел «для общей пользы», ею были наполнены дни «соединений», когда выпускной класс передавал заменяющему его классу свои шпаги и вместе с ними свои права и обязанности. С особой силой чувствовалась она в дни прощания с Лицеєм; о ней свидетельствует неизменный интерес, который проявляли к жизни учебного заведения его питомцы уже после выпуска, оказание родной школе помощи, в том числе и материальной, участие в лицейских организациях, в праздновании лицейских годовщин. Горячей привязанностью питомцев к своей alma mater проникнуты стихи, посвященные 19 октября, и лицейские воспоминания.

Любовь к учебному заведению распространялась и на лицейские стены, лицейский кров, обладавший удивительной притягательной силой. «Какое иногда торжественное впечатление производят эти темные спящие коридоры и залы, когда с шумного вечера возвращаешься один в Лицей, зная, что твои товарищи находятся в отпуску. За отсутствием их сам Лицей встречает тебя, принимая в свои могучие объятия, и ты чувствуешь, что не затерян в пустом здании, а вернулся к себе, в свой священный уютный приют», — писал один из воспитанников младшего курса в «Лицейском журнале». На страницах этого же журнала другой воспитанник рассказывал, что в дни рождественских каникул он со своими однокурсниками наезжал в опустевший Лицей «посмотреть, что в нем делается»: «нам ничего не нужно было, как только посмотреть на стены и сказать в душе: “Здравствуй, Лицей, я по тебе уже соскучился”»²⁸. Еще более трогательную историю, свидетельствующую о привязанности к Лицею, поведал на страницах своих воспоминаний В. И. Вуич (XXXIV курс, выпуск 1875 г.). Речь шла о лицейском саде, раскинувшемся позади здания Александровского Лицея: «Один из моих товарищей, Н. Н. Евреинов, настолько полюбил этот сад, что, сняв его на план, во всей точности воспроизвел его в своем великолепном имении “Еменец” Невельского уезда Витебской губернии. И теперь сад этот, вполне разросшийся, является верным снимком со старого, наполовину исчезнувшего сада, память о котором неразрывно связана с лицейским духом, лицейскими традициями»²⁹.

В поэзии воспитанников лицейский дом, подобно живому существу, заботливо следил за своими сынами, освещая их путь, служа «защитой и подмогой»:

И мнится мне: когда с началом ночи
Он загорится множеством огней —
Что будто это — ласковые очи
И что глядит он на своих детей!
Так освещает нашу он дорогу,
Чем дальше он, тем он блестит светлей —
Да будет нам в защиту и подмогу
Всегда, везде наш дорогой Лицей!
Г. фон Цур-Мюлен. «19 октября». 1903³⁰.

В эмиграции, вспоминая годы, проведенные в Лицее, внук Вильгельма Кюхельбекера, В. М. Кюхельбекер, воспитанник LIII курса (выпуск 1897 г.), дал такую оценку учебному заведению: «...товарищество, преданность традициям и заветам Лицея, а также энциклопедичность образования и великолепное воспитание, которое давал Лицей своим питомцам, сделали из него совершенно своеобразное учебно-воспитательное заведение, сыгравшее очень крупную роль в истории Российской империи последнего столетия и не имевшего себе равного, кажется, во всем мире...»³¹

Примечания

- ¹ Ермолов Ю. На лицейские темы // Лицейский журнал. 1909–1910. № 6. С. 301.
- ² Яхонтов А. Н. Воспоминания царскосельского лицеиста. 1832–1838 // Русская старина. 1888. Октябрь. С. 102.
- ³ Царское Село в поэзии. 122 поэта о городе муз. 1750–2000. Антология. СПб., 1999. С. 76.
- ⁴ ПД РО. Ф. 157, оп. 1, д. 320, л. 1 об.
- ⁵ Левенец В. 19 октября 1896 г. // ПД РО. Ф. 157, оп. 1, д. 323, л. 57.
- ⁶ ПД РО. Ф. 157, оп. 1, д. 20, л. 2.
- ⁷ ПД РО. Ф. 157, оп. 1, д. 320.
- ⁸ Рубец А. А. Столетний юбилей Императорского Александровского, бывшего Царскосельского, Лицея. СПб., 1912. С. 24.
- ⁹ Лицейский журнал. 1908–1909. № 1. С. 17–18.
- ¹⁰ Любимов Л. На чужбине. Узбекистан. Ташкент, 1989. С. 38.
- ¹¹ Селезнев И. Исторический очерк имп. бывшего Царскосельского, ныне Александровского Лицея. СПб., 1861. Приложения. С. 24.
- ¹² Воспоминания о Лицее лицеиста 35 курса П. М. Кауфмана (1871–1877) // ПД РО. Ф. 157, оп. 1, д. 306, л. 23 об.
- ¹³ Вырубов Г. Н. Школьные воспоминания. // Вестник Европы. 1910. № 1. С. 29.
- ¹⁴ ПД РО. Ф. 157, оп. 1, д. 122, л. 120.
- ¹⁵ Воспоминания П. М. Кауфмана // ПД РО. Ф. 157, оп. 1, д. 122, л. 23.
- ¹⁶ Ермолов Г. А. Воспоминания о Лицее лицеиста LVIII курса. 1895–1902 // Там же. Д. 305, л. 3.
- ¹⁷ Коковцов В. Н. Обрывки воспоминаний из моего детства и лицейской поры // Некрасов С. М. «Куда бы нас ни бросила судьбина...». М., 2007. С. 141–142.
- ¹⁸ Головин А. В. Записки для немногих. СПб., 2004. С. 34.
- ¹⁹ Императорский Александровский Лицей. XL курс. 1884–1909. СПб., 1909. С. 15.
- ²⁰ Яхонтов А. Н. Воспоминания царскосельского лицеиста. С. 106.
- ²¹ Флиге Н. Н. Лицей // Некрасов С. М. Указ. соч. С. 162–163.
- ²² Кушелев-Безбородко Г. А. Полувековой юбилей Императорского Александровского Лицея. СПб., 1861. С. 2–3.
- ²³ Буторов Н. Прожитое. 1905–1920. М., 2009. С. 105.
- ²⁴ Лицейский журнал. 1908–1909. № 5. С. 353.
- ²⁵ Устав пушкинского лицейского общества. СПб., тип. Э. Арнгольда, 1899. С. 1.
- ²⁶ Императорский Лицей в памяти его питомцев. Александровский Лицей. 1844–1918 / сост. С. В. Павлова. СПб., 2011. С. 159.
- ²⁷ Попов П. (П. Княжнин). Шесть лет в Императорском Александровском Лицее. 1870–1875 // Императорский Лицей в памяти его питомцев. С. 390.
- ²⁸ Лицейский журнал. 1909–1910. № 6. С. 298.
- ²⁹ Императорский Лицей в памяти его питомцев. С. 404.
- ³⁰ ПД РО. Ф. 157, оп. 1, д. 323, л. 93.
- ³¹ Императорский Лицей в памяти его питомцев. С. 476.

Л. Б. Михайлова

«ЛЮДИ СЛУЖБЫ И ДЕЛА...»

(лицейсты в общественно-политической жизни России XIX века)

История Императорского Царскосельского (Александровского) Лицея охватывает более чем столетний период существования. Первые выпускники, покинувшие стены этого учебного заведения в июне 1817 года, начали отсчет заслуг лицейских выпускников на разных поприщах государственной службы.

Лицейский девиз «Для общей пользы» определил главный жизненный принцип выпускников. В служении Отечеству на самых разных должностях, будь то скромный губернский секретарь или министр правительства, предводитель дворянства или военный, губернатор или деятель мирового суда, финансист или академический профессор, выпускники Лицея видели смысл своей жизни. Выпускник Александровского Лицея А. С. Бехтеев (LXI курс, 1905)¹ вспоминал: «На поприще гражданской и военной службы целое столетие Лицей давал талантливых и верных Царю и родине деятелей»².

Учрежденный указом Александра I в августе 1810 года Императорский Лицей ставил цель дать воспитанникам не просто хорошее образование, а «образовать к важнейшим частям службы государственной» небольшое число юношей *особо*, и под «важнейшими частями» прежде всего понималась необходимость поднять престиж гражданской службы. И хотя такая задача была поставлена при открытии учебного заведения, на наш взгляд, этот проект реализовывался на протяжении всего периода существования Императорского Лицея, с 1811 по 1918 год, независимо от его названия — Царскосельский или Александровский.

Когда-то В. Ф. Малиновский, первый директор Лицея, в иерархии гражданской службы на первое место поставил службу дипломатическую. «Важность государственной Коллегии иностранных дел, — отмечал он, соразмеряется достоинству самой империи. Ибо она через нее производит все сношения с другими государствами: война и мир, следственно и судьба Отечества зависят от производства иностранных дел»³.

Неудивительно, что именно на дипломатической службе более чем 150 выпускников Лицея разных лет достигнут необыкновенных высот. Министерство иностранных дел Российской империи на протяжении более чем 52 лет возглавляли выпускники Императорского Лицея⁴.

Открывает список лицейстов-дипломатов Александр Михайлович Горчаков⁵. Расцвет его государственной карьеры приходится на период царствования им-

ператора Александра II. С первых лет руководства министерством, с 1856 года, А. М. Горчаков уделял большое внимание кадровым вопросам, стараясь создать условия для привлечения на службу компетентных, способных и образованных людей. Тот факт, что большинство из них были выпускниками Лицея разных лет, красноречиво свидетельствует об успехах «лицейских».

Горчаков разрабатывает специальные требования для принимаемых на службу, где особо обращает внимание на знание иностранных языков: «По части языков: знание языков русского и французского. Определяемый чиновник должен на обоих языках уметь выражаться свободно и быть в состоянии на письме излагать свои мысли правильно и ясно. Знание латинского, немецкого и английского языков не обязательно, но умение говорить и писать на них, равно на польском (для не принадлежащих к сей народности) и других языках, в особенности восточных, будет давать усугубленное право на определение к должностям»⁶.

Однако, считал А. М. Горчаков, мало знать иностранные языки, нужно также обладать сведениями по части наук. Необходимы, по его мнению, «общие сведения по дипломатическим наукам в общем смысле и в особенности по правам международному и морскому. b) История мирных и других договоров вообще, в особенности тех, в которых участвовала Россия со времен Екатерины II. c) Главные начала политической экономии в применении ее к государственному хозяйству и внешней торговле. d) Всеобщая статистика»⁷.

Именно при Александре Михайловиче был частично обновлен состав российского дипломатического корпуса за границей. При подборе кадров министр учитывал два главных критерия: профессиональную подготовку и политическую ориентацию сотрудника. Горчаков также значительно преобразовал центральный аппарат Министерства иностранных дел.

Именно Горчакову современные исследователи обязаны широкому доступу в архивы, в том числе архив МИДа. Если в конце XVIII — начале XIX века отдельные исследователи допускались в архивы с разрешения императора, то с 1868 года «посторонние лица» могли «быть допускаемы с разрешения директора архивов».

В записке от 7(19) сентября 1867 года, представленной в Государственный совет, Горчаков подчеркивал, что архивы министерства «представляют собой богатое собрание материалов для истории международных сношений, а также для отечественной истории». «Имея в виду ту пользу, которую может извлечь историческая наука от исследования этих материалов, — продолжал Горчаков, — я нахожу возможным открыть доступ в архивы для благонадежных посторонних лиц»⁸.

Приблизительно в этот же период было введено правило об обязательном предоставлении архиву одного экземпляра работы исследователя (правило, действующее по настоящее время). По распоряжению Горчакова архивные документы предоставлялись для публикации в «Сборнике Русского исторического общества».

На посту министра иностранных дел в 1882 году Горчакова сменил еще один выпускник Императорского Царскосельского Лицея — Николай Карлович Гирс (IX курс, 1838)⁹.

Н. К. Гирс, возглавлявший внешнеполитическое ведомство до 1895 года, по мнению многих современников, уступал своему предшественнику в широте взглядов и международном авторитете, однако бесценно оставался на посту министра

иностранных дел в течение всего царствования Александра III, видевшего в нем добросовестного исполнителя своих планов. Император ценил в министре не только исполнительность, но и аккуратность, осторожность, и отзывался о нем как о человеке, «который никогда не зарвется»¹⁰.

Гирс не проводил самостоятельного курса, но имел свой собственный взгляд на направление внешней политики, усматривая его в необходимости для России придерживаться миролюбивых действий, избегать конфликтов и осложнений.

Не был он и активным реформатором деятельности министерства, но среди его нововведений — изменение числа служащих, увеличение их пенсий и зарплат, многое другое. Именно Гирс подписал циркуляр, согласно которому французский язык в политической переписке министерства был заменен русским, за исключением тех случаев, когда дипломатические представители сообщали об устных или письменных переговорах с иностранными министрами, происходившими на французском языке¹¹.

Скончался Николай Карлович 14(26) января 1895 года. Его приемником на посту министра стал также лицеист, видный государственный деятель и опытный дипломат, историк, почетный член Российской Академии наук князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский (XIII курс, 1844)¹².

В 1895 году Лобанов-Ростовский, занимавший до этого в течение тринадцати лет пост посла в Вене, был назначен управляющим Министерством иностранных дел, а вскоре и министром иностранных дел. Это был человек твердых принципов, осторожный политик, имевший собственную внешнеполитическую концепцию. Как министр Лобанов-Ростовский пользовался авторитетом у императора и в высших бюрократических кругах. Однако он возглавлял министерство всего полтора года, скоропостижная смерть помешала ему осуществить какие-либо преобразования. Он умер 18 августа 1896 года в Вене, где находился вместе с императором Николаем II.

После смерти Лобанова-Ростовского управление министерством было поручено еще одному лицеисту, товарищу министра иностранных дел Николаю Павловичу Шишкину (XV курс, 1847)¹³.

С учетом преобразований 90-х годов XIX века Министерство иностранных дел к началу нового столетия функционировало в основном по нормам, заложенным в прошлом веке лицеистами-реформаторами.

После непродолжительного периода, когда Министерство иностранных дел возглавляли выпускники других учебных заведений, министром иностранных дел в апреле 1906 года был назначен выпускник Александровского Лицея Александр Петрович Извольский (XXXIV курс, 1875)¹⁴. Он не имел опыта работы в аппарате министерства, поскольку в течение многих лет работал в дипломатических представительствах за границей и получил высокое назначение с должности посланника в Дании. Новый министр был сторонником конституционной монархии. Извольский возглавил министерство в период начала работы I Государственной думы. Первостепенной задачей в области внешней политики он считал обеспечение длительного мирного периода развития России.

В самом Министерстве иностранных дел Извольский осуществил давно назревшие преобразования. «Назначение Извольского, — подчеркивал в своих воспоминаниях лицеист, дипломат Ю. Я. Соловьев (XLIX курс, 1893)¹⁵, — вызвало

много надежд на оживление деятельности министерства и на приспособление его к новым политическим условиям, созданным революцией и созывом Государственной думы»¹⁶.

Реформы предусматривали модернизацию структуры аппарата, уравнивание условий министерской службы с заграничной, ротацию кадров, улучшение подбора кадров с целью повышения профессионального уровня сотрудников, обновление лиц, занимавших ключевые посты в центральном аппарате и за границей, более широкое использование печати, поиски путей сотрудничества с Государственной думой. Не все проекты были осуществлены, многие из них натолкнулись на оппозицию влиятельных чиновников в самом министерстве и медлительность бюрократических методов преобразований. Извольскому удалось сменить министерскую «верхушку», однако заменить послов и посланников, достигших преклонного возраста, он не смог. В целом осуществление реформы в министерстве затянулось до июня 1914 года.

Извольский стремился к тому, чтобы министерство стало основным источником информации по внешнеполитическим вопросам, именно при нем значительный размах приняла публикация дипломатических документов. Во всеподданнейшем докладе от 1 мая 1907 года Извольский предложил предоставить министру иностранных дел право в некоторых случаях выступать в Думе и давать депутатам разъяснения¹⁷.

Последним лицеистом на посту министра иностранных дел был Сергей Дмитриевич Сазонов (XXXIX курс, 1883)¹⁸, получивший назначение на эту должность в ноябре 1910 года.

Как и его предшественники, Сазонов продолжил преобразовательную деятельность. Благодаря его настойчивости летом 1914 года был принят законопроект о новом «Учреждении Министерства иностранных дел». В структуре министерства появились политические отделы, Отдел печати, Юрисконсультская часть и многое другое¹⁹.

Наиболее активная реформаторская деятельность, в которой принимали участие выпускники Императорского Лицея разных лет, приходится на 60–70-е годы XIX века. Именно этот временной отрезок богат событиями государственного масштаба: отмена крепостного права в России (1861) и последовавшие за ней реформы местного самоуправления (земская и городская реформы, 1864); реформы судебная (1864), военная (1874), народного просвещения (1863), цензуры (1865) и др. Эти реформы стали «поворотными пунктами» отечественной истории, дали новый отчет истории России и определили путь ее дальнейшего развития.

После отмены крепостного права остро встал вопрос о соблюдении гражданских прав населения, гарантировавшихся судебной системой. К апрелю 1862 года было завершено составление общего плана преобразований суда, разработанного большой группой юристов. План был опубликован под названием «Основные положения преобразования судебной части в России». Реформа прежде всего подразумевала защиту судов от административного произвола.

Одним из самых известных чиновников, фактически подготовившим эту реформу, ее идейным вдохновителем был Дмитрий Николаевич Замятнин (III курс, 1823)²⁰. «Дмитрию Николаевичу Замятнину, — писал известный юрист А. Ф. Кони

(1844–1927), — выпало на долю участвовать в возникновении Судебных Уставов, вводить судебную реформу в петербургском и московском округах и быть первым министром юстиции преобразованного судебного строя России. Он выполнил эту ответственную, трудную и высокую роль с прямодушным усердием, ставившим на первый план жизненные интересы правосудия и благо родины. Не шумный и показной, но искренний и надежный друг пересоздания нашего внутреннего быта, начатого упразднением крепостного права, Замятин приложил свою трудовую силу и свое разумение к тому, чтобы второй шаг на этом пути устройство суда на новых началах — совершился успешно и твердо. Его не всегда видная, подчас стесненная бюрократическими условиями служебного положения и лишенная яркой личной окраски деятельность была, однако, существенно необходима для упрочения нового дела. Поэтому его имя должно по праву занять почетное место в ряду имен главнейших деятелей судебного преобразования»²¹.

Предложенная Замятниным реформа предусматривала бессословность суда и его независимость от административной власти, несменяемость судей и судебных следователей, равенство всех сословий перед законом, устный характер, состязательность и гласность судебного процесса с участием в нем присяжных заседателей и адвокатов. Присяжные заседатели, участвовавшие в судебном процессе, устанавливали лишь виновность или невиновность подсудимого. Меру наказания определял судья. Решения окружных судов и судебных палат могли быть обжалованы в Сенате, который являлся высшей кассационной инстанцией. Замятин не мог не понимать, что для нового суда нужны были и новые «живые личные силы». Поэтому при проведении судебной реформы он уделял особое внимание не только профессионализму, но и морально-нравственным качествам сотрудников судебных учреждений²².

Министр юстиции прекрасно осознавал, что от сделанных назначений во многом зависели успех реформы, прочность и репутация судебных органов. Замятин сумел подобрать на новые должности, особенно председателей судов и прокуроров, квалифицированных юристов и, что самое главное, — людей с высокими нравственными качествами, беззаветно преданных делу судебной реформы. Многие из них стали украшением российской юстиции. Обер-прокурорами кассационных департаментов Правительствующего сената одними из первых были назначены М. Е. Ковалевский (уголовного), Д. Г. Дервиз (гражданского). Первым прокурором Санкт-Петербургской судебной палаты стал Я. Я. Чемадунов, а Московской судебной палаты — Д. А. Ровинский²³.

Замятин был убежден, что нужно «призвать на новое поприще *не чиновников, а деятелей*», поэтому на первом плане при этом выборе стояла «личность со всеми своими нравственными и духовными особенностями»²⁴.

По отношению к просителям Дмитрий Николаевич был доступным и внимательным. Он говорил: «Просителю, как больному, нужна помощь немедленная или объяснение, что ему помощь невозможна»²⁵. Один из современников вспоминал: «У него действительно была прекрасная, возвышенная, чистая душа. В его нравственном облике доминировала необычайная доброта. Делать добро ближнему было для него истинным наслаждением, неодолимой потребностью его нравственной природы. Другими заметными чертами его характера были безусловная честность

во всех поступках, добросовестное до педантизма отношение к своим обязанностям, верность однажды сознательно избранному знамени»²⁶.

В осуществлении реформ в области экономики заметная роль принадлежала графу Михаилу Христофоровичу Рейтерну (X курс, 1839)²⁷. К середине XIX века за его плечами было обучение в Царскосельском Лицее, служба в министерствах юстиции, морском, в управлении делами комитета железных дорог. Карьеру Рейтерн начал в Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, но вскоре перешел в Министерство юстиции. В 1854 году происходит очередной поворот в его карьере: он поступает в морское ведомство, где становится единомышленником и близким другом руководителя военно-морскими силами — великого князя Константина Николаевича.

Именно благодаря великому князю, который стремился провести на важнейшие государственные посты своих людей, Рейтерн в 1859 году был назначен сначала членом Совета министра финансов, а в 1860 году — управляющим Комитета министров. В начале 1862 года он уже председатель Комиссии по пересмотру системы податей и сборов, затем, после отставки министра финансов А. М. Княжевича (1792–1872) — министр (1858–1862), управляющий министерством. В январе 1862 года ему вверено управление Министерством финансов.

В наследство Рейтерну досталось сильно расстроенное финансовое хозяйство страны: бюджет из года в год оставался дефицитным, государственный долг, как внутренний, так и внешний, постоянно возрастал. Кроме того, намеченные реформы требовали немалых расходов. На нового министра финансов возлагались большие, даже несколько преувеличенные надежды. Один из главных реформаторов, тогдашний военный министр (1861–1881) Д. А. Милютин писал: «Нам казалось тогда, что и по финансовой части мы вступаем в новую эру возрождения, мы ждали блестящих результатов от разнообразных преобразований... по всем частям государственного хозяйства»²⁸. И чем выше были общественные ожидания, тем большая ответственность ложилась на министра финансов.

Первые же реформы нового министра соответствовали духу перемен, царившему в обществе. Он пошел на неслыханный до того шаг — публикацию в прессе государственной росписи бюджета. (До 1862 г. бюджет, его размер, расходные и доходные статьи, доходность налогов и монополий казны являлись государственной тайной.)

Чиновник, которому Рейтерн поручил подготовить этот документ к всеобщему ознакомлению, подал в отставку, так как был уверен, что публикация государственной росписи вызовет в стране революцию. Министр же рассудил по-другому: доверие к власти со стороны собственного народа и зарубежных партнеров невозможно заслужить без признания принципа публичной отчетности государства.

Первый период министерства Рейтерна (1862–1866) был тяжелым: рос государственный долг, целый ряд обстоятельств, как объективных, так и субъективных, привел страну к финансовому кризису. Деятельность Министерства финансов и лично Рейтерна стала мишенью беспощадной критики со стороны общественного мнения.

Между тем именно в эти годы произошли кардинальные изменения в кредитной системе страны: казенные банки были упразднены, их место заняли частные

акционерные коммерческие банки. Первым из них стал Санкт-Петербургский частный коммерческий банк, открывшийся в 1864 году.

Причастен был Рейтерн и к первой в России приватизации железных дорог: не без его участия старейшая в стране Николаевская железная дорога (Санкт-Петербург — Москва) была продана в частные руки. Железнодорожное строительство являлось приоритетным направлением в деятельности министра финансов. С развитием сети железных дорог должна была решиться проблема огромных расстояний, мешавших росту производительных сил страны. За годы министерства Рейтерна было построено 20 тысяч верст железнодорожных путей, причем большая их часть принадлежала частным акционерным обществам. Государство поддерживало инициативу частного капитала: в связи с тем, что акционерным обществам часто не удавалось реализовывать свои капиталы размещением в акции, в 1865 году Рейтерн принял решение строить дороги на гарантированные правительством облигации²⁹.

С именем министра-реформатора связана и одна из самых противоречивых внешнеэкономических сделок в истории России: продажа в 1867 году Североамериканских территорий, принадлежавших нам по праву открытия и освоения, известных под названием Аляска³⁰.

Точку в карьере М. Х. Рейтерна поставила русско-турецкая война 1877–1878 годов. И здесь проявились незаурядные качества министра: он резко возражал против войны. Стремясь предотвратить грядущую финансовую катастрофу, министр представил государю подробную записку, в которой доказывал, что Россия от войны сразу и надолго потеряет все достигнутые ею благодаря 20-летним реформам результаты.

С именем Евгения Ивановича Ламанского (XIV курс, 1845)³¹ связана реформаторская деятельность еще одного выпускника Лицея в области развития банковского дела и кредитования физических лиц.

В год назначения Ламанского (1867) управляющим Государственным банком (банк основан в 1860 г.) годовые выдачи достигли 214 млн руб., в середине 1870-х годов они увеличились более чем втрое (в 1876 г. их объем был максимальным — 701,5 млн руб.), а в 1881 году закрепились на отметке 503,4 млн рублей. Таким образом, за первые 20 лет работы Государственного банка, основная часть которых пришлось на управление Ламанского, объем кредитных операций увеличился в 6 раз (в Коммерческом банке за 20 лет, с 1838 по 1858 г., объемы кредитов возросли всего в 2 раза: с 13,21 до 28,99 млн руб.).

Столь значительный рост объемов кредитных операций Государственного банка нельзя объяснить только динамичным развитием промышленности и торговли в 1860–1870-е годы. Это прежде всего результат проводимой государством целенаправленной кредитной политики. В Государственном банке в период управления Е. И. Ламанского принимались все меры для оживления торговых оборотов (именно такая цель ставилась перед банком в уставе 1860 г.). Ламанский был активным сторонником развития вексельного обращения. Он считал, что развитию хозяйства способствует расширение кредитных операций, а не такие искусственные меры по ограничению конкуренции, как регулирование пошлин³².

Реформы в области просвещения неразрывно связаны с деятельностью Министерства просвещения. В разные годы во главе министерств стояли пять вы-

пускников императорского Лицея: Александр Васильевич Головин (X курс, 1839) (1821–1886), министр (1861–1866), Дмитрий Андреевич Толстой (XII курс, 1842) (1829–1889), министр (1866–1880), Андрей Александрович Сабуров (XXII курс, 1857) (1837–1916), основатель Российского общества защиты женщин, министр (1880–1881), барон Александр Павлович Николаи (X курс, 1839) (1821–1899), министр (1881–1882), последний назначенец эпохи императора Александра II, Петр Михайлович фон Кауфман (XXXV курс, 1877) (1857–1926), министр в эпоху последнего русского императора Николая II (1906–1908). Каждый из них оставил свой след в развитии учебно-образовательного процесса России. Как справедливо отмечал А. А. Татищев (LXII курс, 1906), «на нас лежал тяжелый долг, мы обязаны не словами, а делом доказать, что мы достойные представители нашего дворянства, во имя “общей пользы” работающие в духе чести, гуманности и свободы»³³.

Уже в период подготовки крестьянской реформы встал вопрос о новой системе местного управления. Прежде формальные обязанности заботы о крестьянстве государство возлагало на помещиков. Отмена крепостного права изменила этот порядок. В 1859 году начала работу особая комиссия при Министерстве внутренних дел о губернских и уездных учреждениях. Среди членов комиссии были крупные чиновники Министерства Иностранных дел, юстиции, государственных имуществ, а также лицеист Константин Карлович Грот (VII курс, 1835)³⁴.

К марту 1863 года был разработан проект «Положения о губернских и уездных земских учреждениях», который после обсуждения его в Государственном совете 1 января 1864 года был утвержден Александром II и получил силу закона. По этому закону создаваемые земские учреждения состояли из распорядительных органов — губернских и уездных земских собраний, и исполнительных — губернских и уездных земских управ, избравшихся на три года.

Многие выпускники Лицея по несколько сроков выполняли обязанности предводителей дворянства разных губерний. Так, И. В. Малиновский (I курс, 1817) девять лет был предводителем дворянства Изюмского уезда Харьковской губернии и по праву заслужил репутацию «защитника вдов и сирот». «Энтузиаст... думающий более о других, чем о себе, и стремящийся везде к лучшему...», — писал о Малиновском лицейский товарищ, государственный секретарь М. А. Корф³⁵.

И. И. Бабин (XXIII курс, 1859) служил при мировом посреднике 1-го созыва, товарищ прокурора, член окружного суда, 12 лет состоял почетным мировым судьей, мировым посредником, был предводителем дворянства Пинского уезда Рязанской губернии. Служебная деятельность не мешала ему заниматься пропагандой русской псовой охоты, писать и публиковать серьезные статьи на охотничьи темы³⁶.

М. Н. Бухарин (XXVII курс, 1865) много лет отдал службе в комиссии по крестьянским делам; Л. Д. Вяземский (XXVIII курс, 1867), боевой генерал, участник многих военных кампаний, предводитель дворянства Усманского уезда Тамбовской губернии, из-за тяжелого ранения был вынужден временно оставить военную службу и заняться хозяйством в Лотарево: он строит для крестьян школу, церковь и большую больницу; разводит симментальский крупный рогатый скот, устраивает завод рысистых лошадей, организует питомник древесных культур.

В 1885–1886 годах он закладывает на полях имения лесные полезащитные полосы, которые окажутся спасительными в годы страшной засухи. Будучи широ-

ко образованным человеком, князь Вяземский эти полезащитные лесонасаждения устраивает по собственным теоретическим предпосылкам. В 1891 году его имение было признано правительством лучшим и победило на объявленном конкурсе³⁷.

Широта взглядов, разносторонность интересов выпускников Императорского Лицея удивляет и сегодня. Кажется, что их волнуют самые невероятные на первый взгляд вещи: так, С. В. Пенский (XV курс, 1847) — один из основоположников разведения шотландского сеттера в России, а В. И. Звегинцов пишет серьезные статьи по коннозаводству, для его соученика Ф. Ф. Коскуля (XLVIII курс, 1892) делом жизни становится совершенствование и модернизация пожарного дела в России³⁸.

Говоря о роли и месте лицеистов в общественно-политической жизни России XIX века, нельзя еще раз не вспомнить лицейский девиз «Для общей пользы» и то, что каждый выпускник вкладывал в эти слова особый смысл.

Каждый новый исторический период ставит задачу осмысления прошлого. Время накладывает свой отпечаток на восприятие былого, и то, что еще вчера казалось незыблемым, правильным, сегодня может вызывать сомнения. Так, на мой взгляд, происходит и с событиями 1825 года — восстанием декабристов.

Советская историография считала участников восстания чуть ли не революционерами. Последние годы о восстании на Сенатской площади говорят с иных позиций. Нас интересуют судьбы участников, их влияние на русскую культуру последующего времени, нравственная сторона их поступков — словом, мы пытаемся уяснить историческую ценность, значимость происшедших событий в контексте современной жизни.

День 14 декабря 1825 года невозможно вычеркнуть из истории Императорского Царскосельского Лицея. Среди восставших — удостоенный по окончании Лицея Похвального листа № 1, дающего право на серебряную медаль, один из лучших учеников Лицея И. И. Пущин (I курс, 1817) (1798–1859). И хотя следственная комиссия приписывала Пущину главенствующую роль, он вовсе не принадлежал к числу наиболее радикально настроенных декабристов. Долгое время Пущин считал революцию возможной для России лишь в далеком будущем и говорил, что «начинать прежде 10 лет и думать нельзя, и нет для этого ни людей, ни средств»³⁹.

Бесстрастный секретарь зафиксировал в «Алфавите декабристов» фамилии товарищей Пущина, лицеистов первого курса В. К. Кюхельбекера (1797–1846), А. А. Дельвига (1798–1831), В. Д. Вольховского (1798–1841), А. А. Корнилова, капитана лейб-гвардии Московского полка (1801–1856), выпускников второго курса обучения Н. Н. Молчанова (1802 — не позднее 1831), подпоручика 17-го Егерского полка, чиновника особых поручений при московском военном генерал-губернаторе Б. К. Данзаса (1799–1868), воспитанника третьего курса С. Н. Жеребцова (1817–1823), прапорщика лейб-гвардии Гренадерского полка золотого медалиста 1823 года А. В. Малиновского (1805–1851).

В той или иной степени причастными к восстанию на Сенатской площади оказались 10 выпускников Императорского Царскосельского Лицея; двое из них были осуждены по первому разряду. Именно это дало повод говорить о том, что на площади больше всего было «лицейских».

Подавление восстания на Сенатской площади и смертная казнь пятерых декабристов (в России многие десятилетия не казнили за политические преступле-

ния), ужесточение цензуры — все это вызвало недовольство многих либерально настроенных людей, прежде всего молодежи. Проходит всего 20 лет, и в 1845 году образовывается кружок петрашевцев, названный так по имени лидера, лицейского воспитанника М. В. Буташевича-Петрашевского (X курс, 1839) (1821–1866).

В кружок входили литераторы, чиновники, преподаватели гимназий, офицеры, ученые, студенты. Среди членов кружка — экономист В. А. Милютин, путешественник П. П. Семенов-Тянь-Шанский, композиторы М. И. Глинка и А. Г. Рубинштейн, другие деятели науки и культуры. По словам А. И. Герцена, круг петрашевцев «составляли люди молодые, даровитые, чрезвычайно умные и чрезвычайно образованные»⁴⁰. Активное участие в деятельности кружка Петрашевского принимали писатели Ф. М. Достоевский, А. Н. Плещеев, А. Н. Майков, М. Е. Салтыков-Щедрин (XIII курс, 1844), будущий автор теории культурно-исторических типов Н. Я. Данилевский (XII курс, 1842), А. П. Беклемишев (XI курс, 1841), Е. С. Есаков (XIII курс, 1844), Д. А. Засядко (XIII курс, 1844), братья Кайдановы — Владимир (VII курс, 1835) и Николай Ивановичи (X курс, 1839), Е. И. Ламанский (XIV курс, 1845), А. И. Европеус (XV курс, 1847), Н. С. Кашкин (XV курс, 1847), О. Ф. Отт (XV курс, 1847), не закончившие полный курс обучения А. М. Унковский (1828–1893), будущий юрист, губернский предводитель тверского дворянства и Н. А. Спешнев (1821–1882), позднее — редактор «Иркутских губернских ведомостей» (1857–1859), мировой посредник в Псковской губернии.

Как позднее вспоминал А. М. Унковский, вместе с ним из Александровского Лицея «была исключена целая группа молодых людей за увлечение пропагандой идей Петрашевского»⁴¹. Члены кружка исповедовали различные взгляды: от либеральных до радикально-революционных, и хотя общество петрашевцев отличалось многочисленностью, оно оставалось именно кружком, где обсуждались литературные и философские вопросы. Ни программы, ни устава общества не существовало. Сам Петрашевский и его единомышленники исповедовали социалистические взгляды в духе Фурье и Сен-Симона, мечтали о ликвидации крепостного права и самодержавия, об утверждении республики. Более радикально были настроены другие члены общества, считавшие, что к социализму можно прийти только путем крестьянской революции.

Несмотря на то что петрашевцы не предпринимали никаких антиправительственных действий, расправа над ними была очень жестокой, несоизмеримой с содеянным. Император Николай Павлович никогда не забывал декабрь 1825 года. Двадцать третьего апреля 1849 года петрашевцы были арестованы по доносу. Всего по этому делу, которое расследовала Секретная следственная комиссия, проходило 123 человека, 21 из них был приговорен к смертной казни. Среди приговоренных к казни, кроме самого М. В. Буташевича-Петрашевского, — лицеисты XV курса А. И. Европеус, Н. С. Кашкин.

Позднее приговор заменили каторгой и ссылкой, но приговоренные к смерти были подвергнуты страшному обряду казни. Осужденным, которые до этого момента провели восьмимесячное заключение в одиночных камерах Петропавловской крепости, 22 декабря 1849 года на Семеновском плацу Санкт-Петербурга было объявлено о смертном приговоре. Н. С. Кашкин, один из самых молодых арестантов, позднее вспоминал эти минуты: «22 декабря 1849 года повезли на казнь, не

сообщив, куда везут. Я одел свой мундир. Проезжал мимо дома, где у окна стояли отец и братья, мать сидела в санях на улице. Семеновский плац обступили тысячи народа»⁴². Бывший лицеист М. А. Корф, присутствующий на месте казни, вспоминал, что слезы молодого Кашкина тронули всех⁴³.

Деятельность петрашевцев была прервана в тот момент, когда власти начали усматривать в ней опасность для существующего в стране строя. И. П. Липранди, генерал-майор, историк, сотрудник тайной полиции, а ранее хороший знакомый А. С. Пушкина, представил министру внутренних дел докладную записку. Кроме четырех именных списков лиц, принимавших участие в собраниях, и подробного изложения деятельности и задач кружка, Липранди присовокупил и свое личное мнение по этому делу. Пристально наблюдая за петрашевцами и чутко прислушиваясь к донесениям своих агентов, он, несомненно, был прекрасно осведомлен и в своем «мнении» утверждал, что это общество «не столько мелкий и отдельный заговор, сколько всеобъемлющий план общего движения, переворота и разрушения».

Обращая внимание на состав общества, Липранди писал, что оно создано «без сомнения ни для чего иного, как с целью произвести повсеместное движение, тут были вместе люди не только разных ведомств и званий по службе, но и неслужащие, из всех сословий: дворяне, купцы и даже мещане». Обыкновенные заговоры, по мнению Липранди, бывают большею частью из людей однородных. Тут же, напротив, «с гвардейскими офицерами и с чиновниками министерства иностранных дел, рядом находились не окончившие курс студенты, мелкие художники, купцы, мещане, даже лавочники, торгующие табаком»⁴⁴.

Действительный статский советник И. П. Липранди оказался на редкость умным и прозорливым человеком, заключив свою записку следующим выводом: «В деле петрашевцев скрывается зло великой важности, угрожающее коренным потрясением общественному и государственному порядку. Заговорщики, руководствуемые мщением, корыстью, неудовлетворенным честолюбием, менее опасны, ибо они не так могут сообщить другим свои преступные чувства и увлекать их вслед за собой». В обществе же петрашевцев усматривалось «какое-то радикальное ожесточение против существующего порядка вещей, без всяких личных причин, единственно по увлечению утопиями, господствовавшими в Западной Европе»⁴⁵.

На наш взгляд, представляется важным еще раз подчеркнуть отсутствие личного (корыстного, честолюбивого) начала у всех членов кружка. Вся деятельность петрашевцев была продиктована стремлением к общественному благу, что Липранди в своей последней записке обозначил как увлечение утопическими идеями.

Это же стремление к общему благу спустя пятнадцать лет привело к созданию другого антиправительственного общества, которое возглавят лицеисты братья Александр (XXII курс, 1857) и Николай Александровичи Серно-Соловьевичи (XIX курс, 1853).

В конце 1861 — начале 1862 года группой молодых людей, в составе которой были Н. А. Серно-Соловьевич, М. Л. Михайлов, Н. Н. Обручев, А. А. Слепцов, Н. В. Шелгунов, была создана первая после разгрома декабристов конспиративная революционная организация общероссийского значения «Земля и воля». Среди членов организации — лицеисты И. И. Шамшин (XXII курс, 1857), А. А. Черкесов

(XXII курс, 1857), А. А. Слепцов (XXI курс, 1856) и др. Еще в пору ученичества лицеисты сгруппировались вокруг братьев Серно-Соловьевичей.

Друзья вспоминали о них как об очень веселых, общительных, отмечалась их особая франтоватость, они любили приодеться, потанцевать, щегольнуть перед друзьями, всегда имели при себе небольшие деньги⁴⁶.

«В Александровском Лицее, где еще сохранились либеральные традиции пушкинских времен, вокруг Александра Серно-Соловьевича сформировался кружок воспитанников, посвятивших много времени серьезному чтению...», — вспоминала О. К. Буланова-Трубникова⁴⁷. Именно в доме ее матери, Марии Васильевны Трубниковой⁴⁸, собирались воспитанники Александровского Лицея.

«Двоюродные братья матери, Ермоловы и Головинские, воспитывающиеся в Лицее, ввели к ней в дом своих товарищей по учебе, среди которых были братья Серно-Соловьевичи, А. А. Черкесов (XXII курс), И. И. Шамшин (XXII курс), Н. П. Долгово-Сабуров (XXII курс, 1857), В. А. Рихтер (XXII курс, 1857), барон А. Ф. Штакельберг (XIX курс, 1853) и другие. Кружок этих много читавших и образованных юношей немало способствовал ее (Марии Трубниковой. — Л. М.) собственному умственному развитию, влияние его заметно на выборе книг, преимущественно интересовавших Марию Васильевну...», — пишет О. К. Буланова-Трубникова⁴⁹.

Позднее многие из членов этого кружка, отошли от идеалов юности. Так произошло с И. И. Шамшиным, который сделал блестящую карьеру, но для большинства идеи революционной борьбы стали делом жизни.

Тайное общество было идейно неоднородным. Восстановить личный состав «Земли и воли» невозможно не только из-за скудости источников, но и потому, что далеко не все помогавшие ей люди формально входили в организацию. Членов общества объединяли освободительные стремления, революционная настроенность, твердое намерение бороться за улучшение жизни народа, передачу крестьянам земли, созыв Земского собора или Народного собрания с учредительными функциями, за демократическое решение национального вопроса. Представление о путях достижения целей, о формах будущего устройства России было неодинаковым, но в главном определились: существующий порядок был назван гибельным для страны, правительственные реформы — уродливыми.

Как могло случиться, что талантливые, образованные молодые люди выбрали для себя путь революционной борьбы, страданий и мучений? Лицеист М. Н. Раевский (XXIV курс, 1860) (1840–1901) вспоминал, что «окружавшая лицеистов в половине прошлого века среда, крайне возбужденная под впечатлением неудач крымской войны и начала реформ нового царствования, расколола общество — даже в лице лучших представителей — на два лагеря, из которых каждый поклонялся тому, что другой сжигал. Все это, в свою очередь, оказывало влияние на нормальный ход воспитания, обучения и образования. Неудивительно, что воспитаннику 50-х годов было крайне трудно установить себе определенный, возможно правильный и твердый образ мыслей по основным вопросам науки и общественности»⁵⁰.

В данной статье мы только слегка затронули ключевые моменты жизни русского общества и ту роль, которую суждено было сыграть в ней выпускникам Императорского Лицея. Исследователи неоднократно говорили о Лицее как о государ-

ственно-педагогическом эксперименте, спорили и обсуждали положительные и отрицательные стороны этого эксперимента.

Несмотря на отдельные недостатки учебного и воспитательного процесса, можно считать Лицей удавшимся экспериментом. Это учебное заведение «развивало жажду активной, живой работы на пользу Родины, для общей пользы!», — писал выпускник Н. В. Буторов (LXII курс, 1906). Прожив интересную, богатую на события и встречи жизнь, он отмечал в своих мемуарах: «Недоброжелатели (где их нет!) любили твердить, что Лицей — рассадник карьеристов. Действительно, он дал много выдающихся государственных деятелей, достигших крупных чинов и почестей. Конечно, были и карьеристы — семья не без уroda. Но стоит посмотреть списки бывших воспитанников, чтобы убедиться, какое подавляющее большинство шло в земство, в полки или просто уходило в свои имения заниматься хозяйством. Дух Лицея отшатывал от канцелярщины. Он гнал туда, где чувствовалась возможность с первых же шагов найти большую активность и более живую работу»⁵¹.

Примечания

¹ В скобках приводятся номер курса и год окончания Лицея.

² *Бехтеев А. С.* Императорский Александровский Лицей. Лицейские воспоминания. 1897–1905 // Родная Ладога. Культурно-просветительский журнал. 2010. № 3(13). С. 234.

³ *Малиновский В. Ф.* О значении государственной Коллегии иностранных дел // ПД РО. КП-3067, л. 1. № 54/37.

⁴ Небольшой перерыв был сделан лишь на 9 лет, с 1897 по 1906 г.

⁵ А. М. Горчаков (1798–1883), князь, дипломат, государственный деятель. В Министерстве иностранных дел с 1817 г. В 1820–1822 гг. участвовал в работе конгрессов Священного союза в Троппау, Лайбахе и Вероне. В 1823–1841 гг. служил в русских дипломатических представительствах в Лондоне, Риме, Берлине, Флоренции, Вене. В 1841–1850 гг. — посланник в Штутгарте, в 1850–1854 гг. — при Германском союзе, во Франкфурте-на-Майне (с сохранением поста в Штутгарте); в 1854–1856 гг. — сначала управляющий посольством, затем посланник в Вене, принимал участие в Венской конференции 1855 г. В 1856–1882 гг. — министр иностранных дел. За ревностную службу 17/29 апреля 1862 г. присвоен чин вице-канцлера, а 13/25 июня 1867 г. — канцлера.

⁶ Цит. по: *Хевролина В. М.* Министерство иностранных дел в 1856–1878 гг. Реорганизация МИД при А. М. Горчакове // Новая и новейшая история. 2002. № 4; См. также: Введение новых правил приема на службу в МИД и назначение на дипломатические должности. Министерство иностранных дел России в 1856–1917 гг. Реорганизация МИД при А. М. Горчакове. Ч. 8/2: 1856–1917 // Информационный бюллетень историко-документального департамента. М., 2011.

⁷ Введение новых правил...

⁸ *Хевролина В. М.* Министерство иностранных дел в 1856–1878 гг.

⁹ Н. К. Гирс (1820–1895), русский дипломат. В МИД с 1838 г. В 1856–1858 гг. — генеральный консул в Египте, в 1858–1863 гг. — в Молдове и Валахии, в 1863–1869 гг. — посланник в Иране, в 1869–1872 гг. — в Швейцарии, в 1872–1875 гг. — в Швеции, в 1875–1882 гг. — товарищ министра иностранных дел и управляющий Азиатским департаментом, сенатор. Неоднократно управлял министерством в отсутствие А. М. Горчакова. В 1882–1895 гг. — министр иностранных дел.

¹⁰ *Рыбаченок И. С.* Брак по расчету. Н. К. Гирс и заключение русско-французского союза // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 260.

¹¹ Министерство иностранных дел в 1882–1899 гг. Ч. 8/2.

¹² А. Б. Лобанов-Ростовский (1824–1896), князь, русский дипломат, историк. В МИД с 1844 г., в 1856–1859 гг. — советник посольства, а в 1859–1863 гг. — посланник в Турции. В 1863–1867 гг. — в отставке. В 1867–1878 гг. — товарищ министра внутренних дел; в

1878–1879 гг. — посол в Турции, в 1880–1882 гг. — в Великобритании, в 1882–1895 гг. — в Австрии, в январе 1895 г. назначен послом в Берлине, но к месту службы не выезжал. В 1895–1896 гг. — министр иностранных дел. Занимался изучением генеалогии русских дворянских родов, а также собиранием и изданием исторических документов.

¹³ Н. П. Шишкин (1830 (27, 28–?)–1902), русский дипломат. В МИД с 1853 г. В 1875–1880 гг. — посланник в Вашингтоне, 1880–1884 гг. — в Афинах, в 1884–1891 гг. — в Стокгольме. В 1891–1897 гг. — товарищ министра иностранных дел, в 1895–1897 гг. — управляющий МИД.

¹⁴ А. П. Извольский (1856–1919), русский государственный деятель, дипломат. В 1894–1897 гг. — министр-резидент в Ватикане; в 1897 г. — посланник в Белграде; в 1897–1899 гг. — в Мюнхене, в 1899–1903 гг. — в Токио, в 1903–1906 гг. — в Копенгагене. В 1906–1910 гг. — министр иностранных дел, принимал непосредственное участие в переговорах и заключении русско-английского соглашения 1907 г., русско-японского соглашения 1907 г., австро-русского соглашения 1908 г. В 1910–1917 гг. — посол в Париже, способствовал укреплению Антанты в период подготовки Первой мировой войны. С мая 1917 г. — в отставке. Остался во Франции.

¹⁵ Ю. Я. Соловьев (1872–1934), российский и советский дипломат. С 1893 г. на дипломатической службе. Работал в консульствах и посольствах России в Китае, Греции, Черногории, Румынии, Германии. В 1912 г. — первый секретарь, в 1913 г. — советник посольства в Испании, где пробыл до 1918 г. в качестве поверенного в делах, добиваясь признания Советского правительства Испанией. После Октябрьской революции выразил желание сотрудничать с советской властью. В 1922 г. в Берлине выполнил ряд поручений Г. В. Чичерина. Затем работал в НКВД и в исполкоме Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР.

¹⁶ *Соловьев Ю. Я.* Воспоминания дипломата. М., 1959. С. 174.

¹⁷ См.: Информационный бюллетень историко-документального департамента. Ч. 8/2.

¹⁸ С. Д. Сазонов (1860–1927), русский государственный деятель и дипломат. С 1883 г. на службе в МИД. Работал в посольствах в Великобритании и США, был дипломатическим представителем в Ватикане. В июне 1909 г. — товарищ министра иностранных дел, с ноября 1910 г. по июль 1916 г. — министр. В 1910 г. вел переговоры с Германией, приведшие к заключению Потсдамского соглашения 1911 г. В преддверии Первой мировой войны старался укрепить Антанту и упрочить ее связи с Россией. В 1914–1916 гг. вел переговоры с Францией и Великобританией о совместных действиях в войне и об условиях послевоенного мира. Принимал деятельное участие в подготовке англо-франко-русского соглашения 1915 г., предусматривавшего передачу России Черноморских проливов. В январе 1917 г. назначен послом в Великобритании, но в должность не вступил. В годы Гражданской войны входил в состав белогвардейских правительств Колчака и Деникина. Умер в эмиграции.

¹⁹ Министерство иностранных дел в 1900–1914 гг. Учреждение МИД и штаты 1914 г. // Информационный бюллетень историко-документального департамента.

²⁰ Д. Н. Замятнин (1805–1881), российский государственный деятель. В 1862–1867 гг. — министр юстиции Российской империи. Прокурор II департамента Сената и сенатор; член Государственного совета. Организатор введения судебной реформы в Петербургском и Московском округах, стал первым министром юстиции при новом судебном строе России. Образовал в Москве комиссию по организации Окружного суда.

²¹ *Кони А. Ф.* Отцы и дети судебной реформы. М., 1914. С. 119–144.

²² См.: *Джанишев Г. Д.* Н. Замятнин. М., 1883. С. 51–66.

²³ Там же. С. 22–23.

²⁴ *Росаткин А. А.* «Откуда есть пошла» адвокатура московская // Адвокат. 2006. № 9. С. 26–29; *Иванова Н. М., Петров А. П.* Из истории юридического образования России: Императорский Александровский Лицей // Криминалист. 2011. № 1(8). С. 124–128.

²⁵ *Комар П. М.* А. Ф. Кони и его окружение // Конюские чтения. Материалы научно-практической конференции—2002. Владивосток, 2003. С. 34–42.

²⁶ Там же. С. 34–42.

²⁷ М. Х. Рейтерн (1820–1890), граф. Начал службу в Министерстве финансов, продолжал ее в Министерстве юстиции, а в 1854 г. перешел в Морское министерство, работал над устройством эмеритальной кассы морского ведомства. В 1858 г. пожалован в статс-секретари и назначен управляющим делами комитета железных дорог; в 1860 г. занял должность заведующего делами финансового комитета и вошел в состав редакционных комиссий по

освобождению крестьян. С 23 января 1862 г. — министр финансов.

²⁸ Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М., 1999. С. 117.

²⁹ Куломзин А. Н. М. Х. Рейтерн. Биографический очерк. СПб., 1910. С. 73; Соловьева А. М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX века. М., 1975. С. 65.

³⁰ Ошарин А. В. Экономическое развитие и проблема модернизации России в конце XVIII — начале XIX в. СПб., 2008. С. 63–66; Миронов И. Без Аляски // Родина. 2001. № 3. С. 34.

³¹ Е. И. Ламанский (1825–1902) был не только создателем Государственного банка Российской империи, но и фактическим его руководителем на протяжении 1860-х — начала 1880-х гг. Хотя с 1860 по 1866 г. управляющим Государственным банком был Александр Людвигович Штиглиц, бывший владелец одного из известных петербургских банкирских домов, Е. И. Ламанский оставался основным организатором внутренних дел банка.

³² См.: Ламанский Е. И. Воспоминания // Русская старина. 1915. № 1. С. 77–82; Бугров А. Е. И. Ламанский // Вестник Банка России. 1999. № 21(365).

³³ Татищев А. А. Записки об Императорском Александровском Лицее // ФЭБ: ЭНИ «Российский архив». URL: <http://feb-web.ru/feb/rosar/default.asp>. С. 416.

³⁴ К. К. Грот (1815–1897), российский государственный и общественный деятель, самарский губернатор в 1853–1861 гг. и основатель и создатель системы попечения над слепыми в России.

³⁵ Руденская М., Руденская С. Они учились с Пушкиным. Л., 1976. С. 136.

³⁶ ПД РО. Ф. 157. Александровский Лицей, ед. хр. 122.

³⁷ Федорченко В. И. Свита российских императоров. Кн. 1. М., 2005. С. 197–198; Данилов В. И. Князя Вяземские на Липецкой земле // Записки Липецкого областного краеведческого общества. Липецк, 1999. Вып. 2. С. 148–151.

³⁸ ПД РО. Ф. 157. Александровский Лицей, ед. хр. 122.

³⁹ Цит. по: Штрайх С. Я. Декабрист И. И. Пущин // Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956. С. 17–18.

⁴⁰ История русской философии / под ред. М. А. Маслина. М., 2001. С. 173. О петрашевцах см.: Петрашевцы в воспоминаниях современников / сост. П. Е. Щеголев. М.; Л., 1926. Т. 1; Петрашевцы / под ред. П. Е. Щеголева. М.; Л., 1927–1928. Т. 2–3; Нифонтов А. С. Россия в 1848 году. М., 1949; Никитина Ф. Общественно-политические и философские взгляды Буташевича-Петрашевского // Из истории русской философии XVIII–XIX вв. М., 1952. С. 166–188; Семейский В. И. М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы. М., 1922. Ч. 1; Следствие и суд по делу петрашевцев // Русские записки. 1916. № 9–11; Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М., 1971; Соколов П. П. Воспоминания. Л., 1930. С. 86–90; Политические процессы николаевской эпохи. Петрашевцы. М., 1971; Записки Вигеля. М., 1893. Т. 5. С. 120, 121; Т. 6. С. 102, 107, 115, 117, 176; Т. 7. С. 75, 82, 83; Львов Ф. Н., Петрашевский М. В. Записки о деле петрашевцев // Литературное наследство. М., 1956. Т. 63.

⁴¹ Цит. по: Унковская С. А. Записки // РНБ. ОР. Ф. 1007, ед. хр. 21.

⁴² ПД РО. Ф. 157. Александровский Лицей. Ед. хр. 122.

⁴³ Панкратов А. Последний петрашвец // Русское слово. 1910. № 302. 31 дек.

⁴⁴ Записки И. П. Липранди. Мнение, представленное действительным статским советником И. П. Липранди по требованию высочайше учрежденной комиссии над злоумышленниками. 17 августа 1849 г. // Русская старина. 1872. Т. 6. № 7. С. 70–86.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ РНБ РО. Ф. 110, ед. хр. 17; Лемке М. К биографии А. А. Серно-Соловьевича // Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908. С. 234–272; Козьмин Б. П. Русская секция I Интернационала. М., 1957; Корочкин В. М. Русские корреспонденты К. Маркса. М., 1965; Материалы для биографии А. А. Серно-Соловьевича // Литературное наследство. М., 1953–1959. Т. 61–64.

⁴⁷ Буланова-Трубникова О. К. Записки // РНБ РО. Ф. 110, ед. хр. 17.

⁴⁸ М. В. Трубникова (1835–1897), урожденная Ивашева, дочь декабриста В. П. Ивашева и француженки Камиллы Ле-Дантю. Писательница, поборница женского образования. Выйдя замуж за издателя-редактора «Биржевых ведомостей» К. В. Трубникова, переселилась в Петербург и, близко сойдясь с Н. В. Стасовой, основала в 1860 г. Общество дешевых квартир, а в 1862 г. — Общество переводчиц, в составе которого находились выдающиеся представительницы женского движения. Задача общества — дать русским женщинам возмож-

ность заниматься умственным трудом, а также создать в России систему высшего женского образования.

⁴⁹ Буланова-Трубникова О. К. Записки.

⁵⁰ М. Н. Раевский // ПД РО. Ф. 157, Александровский Лицей, ед. хр. 122.

⁵¹ Буторов Н. В. Лицейские годы // Императорский Лицей в памяти его питомцев: в 2 т. Т. 2: Александровский Лицей. 1844–1918. СПб., 2011. С. 519.

Л. Г. Агамалян

«ТОВАРИЩИ! СЕГОДНЯ ПРАЗДНИК НАШ. ЗАВЕТНЫЙ СРОК!»

(о собрании поздравительных адресов
к 100-летию Императорского
Александровского Лицея)

Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то Славы, то Свободы,
То Гордости багрила алтари (III, 432).

В 1917 году в составе собрания Музея Императорского Александровского Лицея в Пушкинский Дом были переданы поздравительные адреса, зачитанные на торжественном юбилейном собрании, посвященном 100-летию этого уникального учебного заведения.

Адреса были включены в собрание Литературного музея Пушкинского Дома и записаны в его инвентарную книгу в соответствии с правилами учета музейных предметов, т. е. с указанием материала и техники оформления каждого документа. Учетные номера Литературного музея Пушкинского Дома были проставлены на крышках адресов.

В 1934 году актом от 6 марта коллекция была передана в Рукописный отдел, отнесена к фонду Музея Александровского лицея и зафиксирована в описи одной строкой: «ф. 157». Согласно протоколу, передача была осуществлена по договоренности между заведующими Литературным музеем и Рукописным отделом. Что лежало в основе этой договоренности, неизвестно. Папки с адресами, получившие новые номера, были упакованы в плотную бумагу в большие сверки, перевязаны веревкой и помещены в особый шкаф, где и находились до сегодняшнего дня, не имея даже листов использования. Такой необычный способ хранения вызывает вопросы. Возможно, передача и фактически изъятие из обращения были обусловлены только что завершившимся «делом Академии наук», в процессе которого из академических учреждений было изъято множество документов и других материалов высочайшей исторической ценности, а также отношением советской власти к Лицею и лицеистам, удостоившимся в 1925 году отдельного «дела лицеистов».

В 1912 году воспитанник Лицея А. А. Рубец опубликовал подробный отчет о праздновании 100-летнего юбилея Лицея¹. Там же им были воспроизведены тексты

приветствий, однако о самих адресах с тех пор ничего не было известно. Историк Лицея и хранитель выставки «Живем мы памятью Лицея» С. В. Павлова также не подозревала об их существовании.

Адреса были обнаружены мною случайно, в процессе поиска материалов для возможной выставки, посвященной 200-летию Лицея. Привожу список поздравителей:

1. НИКОЛАЙ II.
2. Академия Наук.
3. Академия Художеств.
4. Духовная Академия. И-2198
5. Санкт-Петербург.
6. Царское Село.
7. Дворянство Санкт-Петербургской губернии.
8. Публичная библиотека. И-2567
9. Императорский Санкт-Петербургский университет.
10. Императорский Московский университет.
11. Императорский Варшавский университет. И-2560
12. Юрьевский университет. И-2564
13. Училище правоведения. И-2566
14. Императорский лицей в память Цесаревича Николая.
15. Санкт-Петербургский учебный округ. И-2563
16. Варшавский учебный округ.
17. Киевский учебный округ.
18. Пажеский корпус. И-2197
19. Второй кадетский корпус.
20. Морской корпус.
21. Императорская Николаевская военная академия. И-2561
22. Михайловская Артиллерийская Академия.
23. Константиновское Артиллерийское училище. И-2558
24. Павловское военное училище. И-2465
25. Николаевское кавалерийское училище.
26. Александровская Военно-юридическая Академия.
27. Конференция Военно-медицинской Академии. И-2462
28. Педагогический Музей военно-учебных заведений.
29. Военно-учебные заведения и их Главное управление.
30. Горный институт императрицы Екатерины II.
31. Императорское Московское инженерное училище.
32. Константиновский жековой институт.
33. Лесной институт.
34. Совет Варшавского политехнического института императора Николая II.
35. Институт гражданских инженеров императора Николая I. И-2460
36. Институт инженеров путей сообщения. И-2466
37. Психоневрологический институт.
38. Московский сельскохозяйственный институт.

39. Русское военно-историческое общество. И-2559
40. Русское генеалогическое общество. И-2570
41. Русское географическое общество.
42. Русское историческое общество. И-2571
43. Историческое общество при Санкт-Петербургском университете. И- 2569
44. Воспитательное общество благородных девиц. И-2562
45. Приют Принца П. Г. Ольденбургского. И- 2458
46. Женское Училище Принцессы Терезии Ольденбургской.
47. Санкт-Петербургские и Царскосельская женские гимназии Ведомства Учреждений Императрицы Марии.
48. Совет Царско-Сельского Евангелического прихода. И-2459
49. Императорский Санкт-Петербургский Ботанический сад.

Есть некоторая, схожая для всех поздравлений, композиция и общие положения:

- текст поздравления;
- упоминание основания Лицея Александром I и хвала императору-основателю;
- указание на достижения выпускников Лицея на разных поприщах;
- перечень знаменитых выпускников и выпускников, отличившихся на том или ином поприще;
- упоминание гордости русской земли — гения Пушкина;
- указание на особую нравственную, духовную связь поздравителя с Лицеєм;
- следование завету «Для общей пользы»; «нелицемерное, самоотверженое» понимание долга перед Царем и Отечеством;
- пожелание дальнейшего славного служения делу просвещения и «многая лета» Лицею.

Под текстами поздравлений стоят собственноручные подписи членов императорской фамилии и известных деятелей русской науки и просвещения. Адреса подписали:

- Николай II;
- президент Императорской Академии художеств великая княгиня Мария Павловна;
- президент Императорской Академии наук великий князь Константин Константинович;
- ректор Петербургской Духовной академии митрополит Георгий (Ярошевский);
- Санкт-Петербургский городской голова Илья Иванович Глазунов;
- Санкт-Петербургский губернский предводитель дворянства, флигель-адъютант, генерал-майор кн. Иван Николаевич Салтыков;
- Царскосельский уездный предводитель дворянства, камергер двора его имп. вел. А. В. Ратков-Рожнов;
- ректоры Санкт-Петербургского, Варшавского, Юрьевского университетов;
- попечители Санкт-Петербургского, Варшавского, Рижского, Киевского учебных округов;
- председатель Русского Генеалогического общества великий князь Георгий Михайлович;
- председатель Императорского Русского Исторического общества великий князь Николай Михайлович;

- председатель Императорского Русского военно-исторического общества, генерал от кавалерии Дмитрий Антонович Скалон;
- вице-председатель Русского Географического общества Петр Петрович Сменов-Тян-Шанский;
- директор Императорской Публичной библиотеки Дмитрий Фомич Кобеко;
- начальница Императорского Воспитательного Общества благородных девиц кавалерственная дама ордена Св. Екатерины и Смольного института Баронесса Елена Александровна Ливен;
- директора и преподаватели военных и гражданских учебных заведений.

На всех адресах, за исключением императорского, стоит дата 8 января 1912 года, дата юбилейного торжества. В конце императорской грамоты значится: «Дана в Ливадии Октября в девятнадцатый день, лета от Рождества Христова тысяча девятьсот одиннадцатого, царствования же Нашего в семнадцатое».

Тексты поздравлений содержат многочисленные прямые и перефразированные цитаты из произведений Пушкина. Цитируются и упоминаются «Послание цензору» (*Александровская военно-юридическая академия, Морской корпус*), «19 октября» (1825) (*Санкт-Петербургский университет, Варшавский учебный округ, Императорское русское географическое общество, Александровская военно-юридическая академия*), «Полтава» (*Императорское Русское военно-историческое общество*), «Медный всадник», «История Пугачевского бунта», «Повести Белкина» (*Императорское Русское военно-историческое общество*), «Евгений Онегин» (*Александровская военно-юридическая академия*); «Воспоминания в Царском Селе» (*дворянство Санкт-Петербурга*); «Чем чаще празднует Лицей свою святую годовщину» (*Имп. Лицей в память Цесаревича Николая, Морской корпус*), «Перед гробницею святой» (*2-й кадетский корпус*); «Была пора: наш праздник молодой...» (*Царское Село*), «К морю» (*Морской корпус*), «Я памятник воздвиг себе нерукотворный» (*Санкт-Петербургский учебный округ*); записка «О народном воспитании» (*Императорское русское географическое общество*).

В каждом поздравлении — стремление связать имя Пушкина с именем и деятельностью ученого общества или учебного заведения, подносящего адрес.

Из «Пушкинского Дома Академии наук» особо хочется отметить простой и лаконичный адрес Академии, для которого составители нашли замечательно точные выражения, лишённые громкого пафоса, но наполненные подлинным уважением к славной истории Лицея, признательностью к его особой роли в истории и будущем России.

Привожу его полностью:

Много приветствий услышит сегодня Императорский Александровский Лицей и вспомнит он, сколь многие достойные сыновья своей родины ему обязаны светом ума, благородством чувств и помыслов.

Неразрывно связал Лицей повествование о своей скромной домашней жизни с историей творческой деятельности русского дарования, с летописью нашей словесности, науки, искусства и гражданского служения отчизне.

Славное прошлое есть светлое воспоминание и вместе с тем крепкий залог грядущего. Лучшее приветствие свершенному подвигу — пожелание, чтобы память о нем всегда ощущалась, как нечто живое, единое с минутой текущей и наступающей и неотделимое от них.

С таким пожеланием дрящей славы и гордого сознания неустанно-плодотворно-го труда обращается к Императорскому Александровскому Лицею Императорская Академия Наук в радостный для Лицея день подсчета его столетних заслуг перед Россией.

Президент – Константин

Вице-президент — академик П. В. Никитин²

Непременный секретарь — академик С. Ф. Ольденбург³.

Лицей поздравили 10 военно-учебных заведений, Педагогический музей военно-учебных заведений, а также Главное управление Военно-учебных заведений и Русское военно-историческое общество. Все они подчеркивают особую близость и родство с Лицеом, который 22 года (с 1822 по 1843) входил в состав военно-учебно-го ведомства, воспитывая в лицеистах любовь к героическому идеалу, преданность служебному долгу, решимость бесстрашно жертвовать жизнью на полях брани.

Приведу здесь только один адрес — Александровской военно-юридической — весьма пространный, но очень эмоциональный. Академия была основана в 1866 году; в 1908 году получила название Александровской в честь Александра III, выпустила около 1000 военных юристов. Закрыта в декабре 1917 года. Размещалась в Санкт-Петербурге на набережной Мойки, 96.

У каждого в жизни было отрадное утро, когда он пробуждался с ясной улыбкой, сияющий, довольный, полон неопределенных, но самых радужных ожиданий. Весеннее солнце ласково обогрело его, он пил полной грудью ароматный воздух, и казалось, что вся природа пела вместе с ним «хвалебный гимн отцу миров»⁴.

Подобное светлое утро переживала юная Россия в начале царствования молодого Александра I. Восходящая заря «дней Александровых прекрасного начала» в числе первых новых учреждений осветила Лицей. И в этом раннем утреннем, теплом и радостном освещении Лицей запечатлелся в нашей памяти и остается перед нами до сих пор. Едва он возник, как из него показалось немеркнущее солнце нашей поэзии... О этот волшебный юноша! Он зачаровал нас дивными звуками своей бессмертной лиры. Он всю Россию сроднил с Лицеом и навсегда приворожил ее ласковые и трепетные взоры к своему «благословенному приюту».

Лицей любили «не вотще». Он всегда дарил родину горячей любовью своих сынов. Нет угла в России, нет сферы деятельности в ней, где бы лицеист не завоевал себе почтенья «в очах общественного мненья»⁵.

В Александровской военно-юридической академии высоко чтится культ родной словесности и потому мы, ее представители, с особым сердечным порывом стремились всегда сюда «на сладостное вече»⁶ со своим братским приветом и лучшими пожеланиями.

Но Александровский Лицей и Александровская военно-юридическая академия связаны еще одним началом, которое воплощается в кратких, но магических для нас словах «Закон и Право».

Создавая величие Отечества, Александр I желал, чтобы «единому действию закона» поручено было «охранение имени Монарха и государственной целостности от всех прикосновений невежества и злобы». На этом трудном поприще Лицей также много и плодотворно потрудился, явившись непосредственным очагом, где в строгом соответствии с началами юридического знания создавались для государственного строительства люди творческого ума, неподкупной честности и крепкой воли.

В день славной вековой годовщины ИМПЕРАТОРСКОГО Александровского Ли-

цея Александровская Военно-Юридическая Академия бьет челом своему блестящему соименнику, воздавая «всем честию и мертвым и живым».

«Благослови! Да здравствует Лицей!»

Под текстом — подпись начальника Академии Михаила Михайловича Бородинкина⁷ и пятнадцати педагогов.

Четыре научных общества поднесли свои адреса Александровскому Лицею, отмечая заслуги лицеистов — членов обществ на поприщах наук и государственной деятельности.

Русское генеалогическое общество называет основателя общества, поставившего своею задачею научную разработку родословий русского дворянства, князя Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского⁸.

Русское географическое общество «имеет честь считать Александра Васильевича Головнина⁹, графа Михаила Христофоровича Рейтерна¹⁰, Якова Владимировича Ханькова¹¹, Евгения Ивановича Ламанского¹², Владимира Павловича Безобразова¹³ в качестве своих секретарей, Николая Владимировича Ханькова¹⁴, Константина Степановича Веселовского¹⁵, Николая Яковлевича Данилевского¹⁶, Якова и Константина Карловичей Гротов¹⁷... как талантливых исследователей России в области Географии физической, статистики и этнографии».

Но прежде всех авторы текста вспоминают пушкинский выпуск: «Истинная любовь к Родине вызывает жгучую жажду ее познания и изучения, и первый же выпуск лицея дает нам отважного исследователя отдаленных наших окраин, впоследствии адмирала Матюшкина, которого поэт с нежностью вспоминает 19 октября:

С лицейского порога

Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О, волн и бурь любимое дитя!

Сам Пушкин... с гениальной наблюдательностью описывавший свои путешествия по России, интересовавшийся Сибирью и делами Камчатскими, писал в «Записке о народном воспитании»: «Изучение России должно преимущественно занять в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить Отечеству верою и правдою»¹⁸. Адрес подписали вице-председатель П. П. Семенов-Тянь-Шанский¹⁸ и члены Совета общества.

Русское военно-историческое общество указывает на то, что Лицей подготовил немало выдающихся деятелей, которые нередко влияли «на ход исторического корабля нашего могучего Отечества. Среди них — ряд блестящих руководителей Министерства иностранных дел во главе с светлейшим князем Александром Михайловичем Горчаковым... а также ряд министров народного просвещения, как то: Головнин, Николаи¹⁹, гр. Д. А. Толстой²⁰...».

Военно-историческое общество также «с особенным удовольствием... отмечает» заслуги в области наук многих «сынов лицея», особенно тех, кто работал в области науки исторической: имена кн. Д. А. Эристов²¹, кн. А. Б. Лобанова-Ростовского, Юрия Васильевича Толстого²², Дмитрия Фомича Кобеко²³, Павла Яковлевича Дашкова и др.

Далее общество «с чувством особенного благоговения» вспоминает «великого

русского поэта, а вместе с тем и историка А. С. Пушкина», правда, допускает при этом некоторые неточности. Его «Полтава» и «Медный всадник», читаем в поздравительном адресе, «неподражаемо обрисовывают титаническую личность Петра Великого, давая ценные указания для исторического понимания этого гениального царя и великого нашего полководца». Его «Повести Белкина» «исторически верно рисуют нам жизнь России времен Великой Екатерины, давая возможность бытовыми чертами этой жизни дополнить наши сведения о ней.

Наконец, его «История Пугачевского бунта» является драгоценным памятником его деятельности в области чистой истории, изложенной русским художественным языком».

Адрес подписал председатель общества, генерал от кавалерии Дмитрий Антонович Скалон²⁴.

Роскошно оформленные поздравления поднесли Санкт-Петербург и Царское Село, отмечая в первую очередь особенную роль обоих в биографии и творчестве Пушкина.

Адрес Городской думы Санкт-Петербурга, украшенный бронзой и эмалью, а также серебряной эмблемой Лицея, гласит: «Между Лицеем и городом Петербургом — тесная духовная связь, установленная в лице великого поэта земли Русской, певца Лицея и Петербурга.

Пушкин любил не только Царское Село с его Лицеем, он не менее горячо любил и воспел «Петра творенье», ставшее впоследствии второю родиной Лицею». Подписал адрес городской голова Илья Глазунов, внук издателя Пушкина.

Адрес Царского Села украшен искусными акварелями с вензелями Александра I и Николая II, государственным гербом и эмблемой Лицея, а также, подобно царской грамоте, скреплен вислой печатью:

«Сто лет тому назад ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ В ТО ВРЕМЯ, когда на Россию надвигалась гроза Отечественной войны, учредил в Царском Селе — любимой своей резиденции, учебно-воспитательное заведение с целью «образования юношества, особенно предназначенного к важным частям службы Государственной и составляемого из отличнейших воспитанников знатных фамилий».

Создавая высшее учебное заведение «для общей пользы», ГОСУДАРЬ выделил ему место между Дворцом и церковью, в которой хранится родовая в Царской Семье Святыня — Чудотворная икона Знамения Божией Матери, как бы предуказав сим выбором, что Отечеству нужны на всех поприщах Государственной деятельности люди, воспитанные в основах веры в Бога и преданности Царю.

Благое начинание БЛАГОСЛОВЕННОГО ЦАРЯ Господь благословил успехом, и первый выпуск ИМПЕРАТОРСКОГО Царскосельского Лицея прославил Россию на весь мир, дав ГОСУДАРЮ И Родине Пушкина, Кн. Горчакова, Гр. Модеста Корфа.

С тех пор прошел целый век, полный великих событий с великими их последствиями и в жизни Отечества нашего многое изменилось до неузнаваемости. Изменилась и сама система образования и воспитания юношества, а Царскосельский Лицей из Царских палат перенесен на пустынную тогда окраину Петербурга, но никакие перемены не могли поколебать крепких здоровых основ, на которых БЛАГОСЛОВЕННЫЙ ЦАРЬ созидал свой Лицей; его питомцы поныне, как и встарь, с

беззаветной преданностью служат Родине, как вы, помнят о зарождении Лицея между Дворцом и церковью, всегда храня в сердцах своих великий завет «Бог и Царь».

Приветствуя вступление Лицея во второе столетие его жизни, Царское Село, где вокруг стен старого Лицея еще полно воспоминания прежних лет, горячо желает ему славы, процветания и незыблемости традиций, изображенных в старинной эмблеме, еще уцелевшей над дверями директорского дома в Царском Селе.

Да украшается и впредь венками, из дуба и лавра сплетенными, «мудрость совиная и лира сладкозвучная», а на развернутой хартии да впишутся еще бесчисленные славные на всю Россию имена лицеистов, верных слуг Царя и Отечества».

Некоторые адреса содержат упоминания об особой «домашней» истории Лицея, прочно связанной с историей Отечества²⁵, о «тесной дружбе на всю жизнь», объединявшей и одушевлявшей лицеистов в стенах Лицея и вне их.

Самое большое внимание этому уделено в поздравлении Варшавского учебного округа:

«...Но не только образование, — Лицей давал и дает своим питомцам также прекрасное воспитание: в Лицее с самого начала его существования и по настоящее время живет тот... дух любви, который соединяет лицеистов в одну семью, который помогает им держаться друг друга даже по выходе из учебного заведения, согревает сердца их беспредельной преданностью своим Государям и привязывает их к воспитавшему их заведению. Тут невольно вспоминается стихотворение Пушкина на 19 октября 1825 года, проникнутое беспредельной любовью к Лицею, к братскому союзу его питомцев, товарищей Пушкина... уверенностью в его вечном существовании.

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Сростался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир — чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Так говорит о союзе лицейском Пушкин, один из первых питомцев Лицея, когда он был еще в Царском Селе. Там этот союз лишь созидался на почве литературных интересов и свободной, веселой, беспечной жизни; но союз этот существует и по настоящее время: еще в нынешнем году к 19 октября, «празднику единенья», как говорил один из лицеистов последнего времени, «сошлись сыны для поклоненья своей обители святой», и этих сынов собралось около 800. Трогательное явление! Итак, этот союз вместе с Лицеем прожил 100 лет и остается неизменным. Кто же поддерживал и сохранил этот братский союз и эту любовь в Лицее? Высочайший Престол! Питомец Лицея, впоследствии министр народного просвещения Головин, свидетельствует, что однажды после экзаменов государь Александр I внезапно посетил лицей. Хваля лицеистов за хорошо выдержанные испытания по наукам, Государь сказал: «Но сегодня я вижу здесь экзамен по Мне; вижу у вас сердца с чувством, любящие, признательные. Сохраните всегда эти чув-

ства, дающие главное достоинство человеку». Эти слова глубоко запали в души лицеистов. Воспитание чувств любви и признательности сделалось священной традицией в учебном заведении, оно переходит от поколения к поколению и крепко держится в Лицее.

<...> Да здравствуют начальствующие, учащие и учащиеся Императорского Александровского Лицея!

Попечитель Варшавского Учебного Округа Г. Левицкий»²⁶.

В дни празднования 200-летия Лицея адреса были наконец выставлены на обозрение в залах Литературного музея Пушкинского Дома. Выставка еще раз продемонстрировала значение Лицея в сознании русского общества сто лет тому назад, исключительную роль этого особого учебного заведения в истории русского просвещения и русской культуры в целом.

Примечания

¹ Рубец А. А. Столетний юбилей Александровского, бывш. Царскосельского, лицея. Октябрь 1911 — январь 1912. СПб., 1912.

² Петр Васильевич Никитин (1849–1916), филолог-классик, с 1910 г. — вице-президент Академии наук.

³ Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934), русский востоковед, академик РАН (1908), министр народного просвещения Временного правительства (1917), непременный секретарь Академии наук (1904–1929).

⁴ «Евгений Онегин», гл. VIII, IV строфа.

⁵ Черновой вариант «19 октября»:

Мы вспомнили, как Вакху в первый раз
Безмольную мы жертву приносили,
Мы вспомнили, как мы впервой любили,
Наперсники, товарищи проказ —
И всё прошло проказы, заблужденья...
Ты освятив тобою избранный сан
Ему в очах общественного мненья
Завоевал почтение граждан (III, 971).

⁶ Черновой вариант «19 октября»:

[Товарищи! сегодня праздник наш.
Заветный срок! сегодня там, далече,
На пир любви, на сладостное вече
Стеклися вы при звоне мирных чаш.
Вы собрались, мгновенно молодея,
Усталый дух в минувшем обновить,
Поговорить на языке Лицея
И с жизнью вновь свободно пошालить] (III, 968).

⁷ Михаил Михайлович Бородкин (1852–1919), русский генерал, военный юрист, историк Финляндии.

⁸ Алексей Борисович Лобанов-Ростовский (1824–1896), князь, русский дипломат и государственный деятель. Составитель двухтомной «Русской родословной книги», содержащей более 250 родословных росписей русских дворянских родов. Закончил Лицей в 1844 г.

⁹ Александр Васильевич Головин (1821–1886), русский государственный деятель, с 1861 г. министр народного просвещения, член Государственного совета, один из первых членов Русского географического общества. Закончил Лицей в 1839 г.

¹⁰ Михаил Христофорович Рейтерн, граф (1820–1890), русский государственный деятель, министр финансов (1862–1878), осуществлял руководство развитием всей промышленности и внешней торговли России. Закончил Лицей в 1839 г.

¹¹ Яков Владимирович Ханыков (1818–1862), государственный деятель, оренбургский губернатор, исследователь юго-восточной и азиатской частей России. Закончил Лицей в 1836 г.

¹² Евгений Иванович Ламанский (1825–1902), русский государственный деятель, финансист, управляющий Гос. банком до 1880 г. Закончил Лицей в 1845 г.

¹³ Владимир Павлович Безобразов (1828–1889), русский экономист, статистик, публицист, преподаватель политической экономии и финансового права, академик Академии наук. Закончил Лицей в 1847 г.

¹⁴ Николай Владимирович Ханыков (1822–1878), русский ученый-ориенталист. Закончил Лицей в 1839 г.

¹⁵ Константин Степанович Веселовский (1819–1901), русский экономист, статистик, климатолог. Закончил Лицей в 1838 г.

¹⁶ Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885), русский социолог, культуролог, публицист и естествоиспытатель, геополитик, идеолог панславизма. Закончил Лицей в 1843 г.

¹⁷ Яков Карлович Грот (1812–1893), русский филолог, профессор словесности в Царскосельском лицее, с 1858 г. академик, с 1889 — вице-президент Императорской Академии наук. Закончил Лицей в 1832 г.; Константин Карлович Грот (1814–1897), российский государственный и общественный деятель, самарский губернатор в 1853–1861 гг., основатель и создатель системы попечения над слепыми в России. Закончил Лицей в 1835 г.

¹⁸ Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский (1827–1914), русский географ, ботаник, статистик, государственный и общественный деятель, вице-председатель Императорского Русского географического общества.

¹⁹ Александр Павлович Николаи (1821–1899), барон, русский государственный деятель, сенатор, член Государственного совета, министр народного просвещения (с 24 марта 1881 по 16 марта 1882 г.). Закончил Лицей в 1839 г.

²⁰ Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889), граф, русский государственный деятель и историк, министр народного просвещения (1866–1880), министр внутренних дел и шеф жандармов (1882–1889). Президент Императорской Академии наук (с 1882 г.). Закончил Лицей в 1842 г.

²¹ Дмитрий Алексеевич Эристов (Эристави) (1797–1858), князь, чиновник Комиссии по составлению законов, Принимал деятельное участие в «Энциклопедическом Лексиконе» Плюшара по отделу истории вообще и истории искусств и художеств, в первых томах «Военно-Энциклопедического лексикона». В 1842 г. издал «Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых» (удостоен Демидовской премии). Закончил Лицей в 1820 г.

²² Юрий Васильевич Толстой (1824–1878), государственный деятель и историк, внесший существенный вклад в работу над «Историей Российской иерархии». Закончил Лицей в 1842 г.

²³ Дмитрий Фомич Кобеко (1837–1918), российский государственный деятель, историк, библиограф, директор Императорской публичной библиотеки с 1902 г., член-корреспондент Академии наук. Закончил Лицей в 1855 г.

²⁴ Дмитрий Антонович Скалон (1840–1919), русский генерал, военный историк, адъютант великого князя Николая Николаевича, председатель Императорского Русского военно-исторического общества.

²⁵ Академия наук, Духовная академия, Варшавский учебный округ, Военно-юридическая академия.

²⁶ Григорий Васильевич Левицкий (1852–1917), русский астроном, с 1884–1894 гг. профессор Харьковского ун-та, с 1894 г. работал в Тартуском ун-те, одновременно был директором Тартуской обсерватории; в 1908–1911 гг. — попечитель Виленского, а в 1911–1914 гг. — Варшавского учебных округов. В 1915–1917 гг. был председателем Русского астрономического общества.

С. М. Некрасов

**ЛИЦЕЙСКИЙ ПОЭТ
А. Н. МЯСОЕДОВ:
«И БЛИЗКИ СРОКИ
НАШЕЙ ДОЛИ...»**

В 1961 году в Париже праздновалось столетие Лицея, и бывшие лицейские воспитанники слушали пришедшее из Рима приветственное письмо и стихи лицейского представителя в Италии А. Н. Мясоедова:

*Друзьям-лицеистам, собравшимся
19 октября 1961 года в Париже
к столетию Лицея*

Друзья мои, друзья! С необычным днем
Я вас приветствую, днем редким юбилея:
Сто пятьдесят пробило для Лицея...
Пусть нет его давно, мы им еще живем.

Мне грустно, что меня сегодня с вами нет,
Что на священный слет, на «сладостное вече»
Я не могу прийти, услышать тосты, речи,
Стихотворения и братский ваш привет.

Я знаю, вы пришли со всех концов земли,
Сойдясь, как в старину, на отчий зов Лицея,
Пришли усталые, и старые пришли,
Заветную мечту в сердцах своих лелея.

Пируйте же, друзья! Пусть в этот славный день
Отменим мы зарок лишений и скитаний,
Войдем, хоть мысленно, под дорожную Сень,
Под Сень Лицейскую родных воспоминаний...

Печально сознавать, что больше никогда
Такой обширный съезд уже не повторится,
Что с неизбежностью приходится мириться
И что безжалостны бегущие года!

С. Н. Некрасов

163

Ведь кроме наших встреч кругом все так темно,
Нигде ни искорки, нигде не видно света,
Царит глухая ночь! Мы жадно ждем рассвета...
Кому из нас его дожидаться суждено?!

*А. Мясоедов. 53-й курс
Рим, 19 октября 1961¹*

Александр Николаевич Мясоедов родился в 1876 году во Владимире, в семье товарища прокурора окружного суда. Состоял в родстве с Павлом Мясоедовым, который учился вместе с А. С. Пушкиным и с Г. Г. Мясоедовым — автором полотна, на котором Пушкин изображен в салоне З. А. Волконской. В раннем возрасте был привезен в Санкт-Петербург и вскоре определен в приготовительный класс Императорского Александровского Лицея. В Лицее, как и многие другие воспитанники, писал стихи.

После окончания в 1897 году курса с золотой медалью А. Н. Мясоедов делает успешную карьеру на дипломатическом поприще. Статский советник, камергер, чиновник особых поручений и первый секретарь Императорского Российского посольства в Риме, он знал и любил Италию. Поэтому, вынужденный после революционных событий 1917 года эмигрировать, выбрал Рим местом своего постоянного пребывания.

Вскоре здесь оказались и некоторые другие воспитанники Императорского Александровского Лицея, и когда они создали Объединение лицейских выпускников, А. Н. Мясоедов был единогласно избран его председателем.

Будучи лицейским представителем в Италии, Мясоедов поддерживал контакты с представителями лицейских объединений в Париже, Ницце, Брюсселе. Он постоянно переписывался с Н. Н. Флиге и М. А. Гагариным, посылая им свои стихи на 19 октября².

Дата 19 октября была особенной для бывших лицейцев. Нередко ее называли «священный день» или повторяли пушкинское: «Лицея день заветный». Стихотворные приветствия Мясоедова всегда вызывали теплый отклик в сердцах бывших лицейцев, которые хорошо знали его не только как председателя Лицейского объединения в Италии, но и как известного лицейского поэта. В начале 1990-х годов, когда мне довелось познакомиться с его племянницей О. В. Иксуль и побывать в ее доме в Медоне, я впервые прочел многие из оставшихся в рукописи стихотворений лицейца. Публикую два из них с соблюдением авторской орфографии и пунктуации.

Городь-призрак

Тамъ где въ зимніе дни солнце светить едва,
Буйный ветеръ гудитъ на просторе,
И бледна и туманна небесь синева,
И несеть свои воды Царица Нева
Въ недалекое синее Море...
Тамъ, средь чащи лесной, среди топи болотъ
Громъ орудій вешает победу

И по свету чудесное слово идет,
 Что в далеком краю новый город встает —
 Грозный окрик надменному Шведу...
 Два столетия прошло, и одетый в гранить,
 Весь кругом опоясан садами
 И теченьем несчетных потоков омыть
 Велечавый и стройный тот городь стоит
 И сверкает на солнце крестами!
 И при сказочном маре белых ночей,
 Когда дымка плывет над Невою,
 Чуть колеблясь тогда отражаются в ней
 Крепостная твердыня и главы церквей
 И заря ищет встречи с зарею!..
 Город призраков... Петрь, твой суровый творец
 По преданию встал из гробницы
 И явился, вещая кровавый конец
 Онъ больному Царю в его мрачный Дворец —
 Чудо новое Невской столицы...
 И по залам Дворца, что стоит над рекой,
 Бродит тень Государыни Анны
 И несетя, смущая полночный покой
 Грозный всадник из бронзы, с простертой рукой —
 Покровитель столицы туманной.
 Твое время прошло, зарастают травой
 Твои площади, падают храмы.
 Не взвивается больше над грозной Невою
 Императорский стяг, и в салют боевой
 Не сливается пушек торжественный вой,
 Сотрясая оконные рамы...
 Ты был сказкой... И вот — ты как призрак исчез
 Потускнела, сошла позолота,
 Лишь шумит на ветру тощй северный лес
 Как столетия назад, бледны краски небес,
 А кругом только глушь, да болота!..

А. Мясоедов

Арчизатэ

Мечты... мечты...
 (памяти А. С. Хомякова)

На тех полях, где наши деды
 Дрались с врагом в былые дни,
 Опять несетя клич победы,
 Горят бивачные огни,
 Звучат знакомы названья,
 Забытой веет стариной,
 Но нам нельзя без содраганья
 Следить за этою войной...
 И Кунерсдорф, и Кульм, и Прага, —
 Все нашей славы имена, —

Тамъ бьется русская отвага,
 Но тамъ не наши знамена...
 О Русь! Открыты предъ тобою
 Опять великие пути!
 Сумей найти ихъ, взять ихъ събою
 И лавры новые влести
 Въ венокъ мечты твоей заветной...
 И когда будетъ сломленъ врагъ
 Смени на старый стягъ трехцветный
 Ты свой позорный Красный флагъ!
 Куда раздвинешь ты пределы,
 Заветъ Великого Царя?
 Твоими-ль будутъ Дарданеллы
 И выходъ въ теплыя моря?
 Наследье Князя Даниила,
 И Перемышль и древний Львовъ?
 Тотъ край, где память сохранила
 Преданья дедовъ и отцовъ?
 И волны синия Дуная
 Отроги дикие Карпатъ
 Тамъ, где в неволе изнывая
 Веками ждалъ твой младший братъ...
 Сольются съ русскою стихией
 Народы всехъ Славянскихъ местъ,
 И будетъ надъ Святой Софией
 Сиять нашъ православный Крестъ?
 Сверши последнее усилие:
 Кровавый свергни произволь...
 И онъ опять расправитъ крылья,
 Нашъ старый царственный орелъ.
 Опять отъ края и до края
 Пойдутъ звонить колокола
 И будетъ снова Русь Святая,
 Какою некогда была!..

А. Мясоедов

Вера в Святую Русь продолжает теплиться, но после Второй мировой войны уже всем в эмиграции стало понятно, что возврата к прошлому быть не может, что «старый царственный орел» более «не расправит крылья». «Той блестящей России не стало», — справедливо подвел итог А. Н. Мясоедов.

В большинстве стихотворений, написанных в последние полтора десятилетия, доминируют мысли о вечности, о том, что ждет за гранью неизбежного... Рассуждения, порой наивные, о соотношении временного и вечного занимают немало места и в стихах, и в письмах Мясоедова. Таково, например, новогоднее послание 1959 года, в котором итальянский перевод стихотворения Пушкина «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...») и впечатления от «Воспоминаний» Н. Н. Флиге, к которому и адресовано послание, словно «добавлены» к стихотворным и поэтическим рассуждениям о скором и неизбежном:

«Любезный друг! Суровым роком
 Нам суждено под старость дней
 Вздыхать о милом и далеком —
 Минувшей юности своей.
 И близки сроки нашей доли...
 Но как-то трудно допустить,
 Чтобы о днях земной юдоли
 Мы там не стали бы грустить,
 Чтоб равнодушно и бесстрастно
 Взирать оттуда стали мы
 На то, чем трепетно и властно
 Горели души и умы...
 Что будет с тем, что нас пленяло,
 Чем сны чудесные цвели,
 Что наши мысли окрыляло,
 Что ворожило, вдохновляло,
 Что отрывало от земли?!
 Чем будет жизнь в надзвездном мире?
 Такой же личной, как в земном?
 Иль мы расплавимся в эфире,
 Навеки слившись с Божеством?!

Не знаю, хорошо ли я выразил свою мысль... Спрашивается — наши “высокие чувства”, свойственные всем в разной степени, являются ли они нашей личной, индивидуальной особенностью или же даются нам, так сказать, “напрокат” на время нашего земного существования, дабы “выявить” их так или иначе на земле на предмет ее “эволюции”? И отбираются потом обратно в общую мировую “Сокровищницу”?

Мысль новая, как будто еще никем не поднятая, и даже страшная, после тютчевского: “мысль изреченная есть ложь!”.

А вот перевод первой строфы нашего дорогого Лицейского “Роняет лес багряный свой убор”. Мне думается, что это предельное достижение по точности содержания, ритма и даже чередования строк. Но дальше не выходит! Хотя, если будет даровано еще время и дар не отберется обратно в “Сокровищницу”, попытаюсь одолеть...

Не помню, посылал ли я Тебе этот перевод. См. на отдельном листке.

Прочел Твои воспоминания о приготовительном классе и о Лемме — уж очень в минорном тоне. Я провел там год и не вынес таких грустных впечатлений. Скорее комические — Васька (Василевский) Лассим и сам А. Зд. Лемм остались в памяти как что-то “гоголевское”. Не то “Ревизор”, не то “Мертвые Души”!!!

Спасибо за новогодние пожелания. Взаимно шлем наши, Тебе и Любовь Васильевне. Будьте здоровы и благополучны. А как бы нам так устроить, чтобы свидеться? Пора.

Всегда Твой

А. Н. М.»³

Подписывая это послание, Александр Николаевич Мясоедов не предполагал, что оно станет его последним новогодним поздравлением Николаю Николаевичу Флиге, который осенью 1959 года покинет этот мир...

А через пять лет не станет и последних поэтов-лицеистов — А. Н. Мясоедова и князя М. А. Гагарина. Они оба уйдут из жизни весной 1964 года, и их некрологи

появятся в одном и том же 457-м номере периодического издания «Часовой», выпущенного в русской эмиграции в Париже и Брюсселе.

Примечания

¹ Musee Royal de L'Armee. Bruxelles. Archives de Lycee Alexandre. XVII B-34.

² Подробнее о стихотворениях, посвященных лицейской годовщине, см.: Некрасов С. М. «Куда бы нас ни бросила судьбина (выпускники Императорского Александровского Лицея в эмиграции)». М., 2007. С. 91–103.

³ Musee Royal de L'Armee. Bruxelles. Archives de Lycee Alexandre. XVII B-33.

В. В. Киншин

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ЭСПЕХО: СУДЬБА ЛИЦЕИСТА

Два, казалось бы, совершенно несвязанных между собой события, ознаменовали 2011-й год: 200-летний юбилей Императорского Александровского (бывшего Царскосельского) Лицея и объявление 2011-й годом Испании в России и России в Испании. В действительности эти события объединяет то важное обстоятельство, что среди воспитанников Александровского Лицея были и те, в ком текла испанская кровь. Одним из них, возможно даже единственным, был Александр Михайлович Эспехо.

Александр Михайлович Эспехо родился 24 марта 1884 года в Санкт-Петербурге, в семье потомственного дворянина Пензенской губернии, отставного поручика лейб-гвардии Кавалергардского полка Михаила Михайловича Эспехо. Мать Александра, Надежда Николаевна, была дочерью действительного статского советника Николая Николаевича Дубенского¹. Обряд крещения был совершен 7 апреля 1884 года в церкви во имя святых Захария и Елизаветы в Кавалергардском полку. При крещении присутствовали родители и представители рода Дубенских: дяди — Николай Николаевич и Александр Николаевич, полковники-кавалергарды, бабушка — Елизавета Александровна, вдова действительного статского советника, и тетушка — Параскева Николаевна, дочь тайного советника.

По линии отца Александр был потомком старого испанского дворянского рода Эспехо (исп. de Espejo). Его дедушка, Михаил Михайлович Эспехо (исп. Miguel de Espejo), младший из братьев Эспехо², в 1821 году был приглашен из Испании на русскую службу Августином Бетанкуром. Ученик и соратник Бетанкура, Эспехо проявил себя как талантливый военный инженер на Кавказе, строитель Владикавказского шоссе, заслужил звание инженер генерал-майора русской службы и в 1846 году был назначен в Санкт-Петербург членом Главного управления путей сообщения. Он принял российское подданство, выгодно женился на Анастасии Петровне Есиповой, получив в качестве приданого большое имение в Пензенской губернии, стал потомственным дворянином и навсегда связал жизни свою и потомков с Россией³.

Отец Александра, М. М. Эспехо, благодаря доблестной службе отца-испанца и стараниям матери стал состоятельным помещиком. Имение семьи Эспехо находилось в Чембарском уезде Пензенской губернии, где им принадлежало 3000 десятин земли, несколько сел и деревень⁴. Михаил Михайлович торговал зерном,

в центральной усадьбе села Глебовка у семьи Эспехо был большой каменный дом. В июне 1871 года он оставил гвардейскую службу в столице по домашним обстоятельствам и с тех пор состоял на гражданской службе в своем уезде. В год рождения сына он исполнял должности почетного мирового судьи Чембарского округа и депутата дворянства уезда. В 1888 году М. М. Эспехо увольняется со всех уездных должностей, и семья возвращается в Санкт-Петербург, где поселяется на престижной Троицкой улице, в доме № 3⁵. В 1891 году М. М. Эспехо был причислен к Министерству внутренних дел, а в 1892 году назначается штатным чиновником особых поручений при министре, первоначально в чине надворного советника, а с 1899 года — действительного статского советника⁶.

Несмотря на то что Александру была обеспечена блестящая военная карьера, так как по материнской линии Дубенские занимали высокие должности в гвардейских полках, родители готовили его к государственной гражданской службе. С этой целью весной 1896 года Александр сдает экзамены и поступает во 2-й класс училища известного учебного заведения Санкт-Петербурга — гимназию и реальное училище Я. Г. Гуревича.

Для успешной службы по гражданскому ведомству наиболее перспективным было бы обучение в Императорском Александровском Лицее, и в мае 1900 года юноша успешно сдает вступительные экзамены и зачисляется воспитанником в 6-й класс Лицея (LXII курс). Поскольку Александр обучался не за казенный счет, а как своекоштный воспитанник, он мог проживать дома, но по окончании обязан был прослужить в гражданской службе не менее четырех лет.

Как и все воспитанники, Эспехо был приписан к призывному участку Санкт-Петербурга, и за год до окончания Лицея, по достижении 21 года, в призыв 1905 года явился к исполнению воинской повинности, но из-за больного сердца был зачислен в ратники ополчения второго разряда, что окончательно закрыло для него дорогу к военной службе.

Выпускники Лицея часто направлялись на службу в те учреждения, где проходили службу их родственники. Поэтому в марте 1906 года на имя министра внутренних дел Петра Николаевича Дурново от имени попечителя и директора Александровского Лицея поступило прошение принять на службу в министерство четырех выпускников: Александра Эспехо, Михаила Воронцова-Вельяминова (правнука А. С. Пушкина), князя Николая Голицына и князя Ивана Шаховского.

Однако судьба распорядилась так, что к выпускным экзаменам Александр Эспехо был допущен лишь осенью 1906 года и выпускался из Лицея не вместе со своими однокурсниками. На экзаменах из 24 предметов обучения он получил 8 отличных оценок, 5 удовлетворительных, остальные — очень хорошие и хорошие оценки. Отмечено в аттестате и отличное поведение выпускника. По результатам экзаменов он был представлен к чину XII класса, то есть губернского секретаря⁷.

С 14 ноября 1906 года Эспехо был утвержден в чине губернского секретаря со старшинством и определен на службу в Министерство внутренних дел. В декабре этого же года он откомандирован для занятий в V делопроизводство Земского отдела министерства. Данное делопроизводство занималось делами земельными и по общественному управлению крестьян в Прибалтийских губерниях, а также земельными делами в губерниях Северо-Западного края, Западных и Белорусских.

До назначения на штатную должность Эспехо назначено годовое содержание всего лишь 175 рублей из сумм Государственного казначейства, но состояние родителей обеспечивало ему безбедную жизнь в столице.

Первый год службы был непростым: служба в Земском отделе вряд ли была интересна для молодого человека, стремящегося добиться отличий по службе. Он часто не посещает служебных занятий в отделе, а в сентябре 1907 года подает прошение Управляющему отделом с просьбой разрешить ему стать действительным слушателем Санкт-Петербургского императорского археологического института. Подобные действия со стороны молодого чиновника вызывали недовольство у непосредственного начальства.

В 1907 году увольняется со службы в чине тайного советника его отец, и родители уезжают жить в имение.

Незадолго до этого в петербургский дом семьи Эспехо часто навещалась из своего пензенского имения их знакомая — вдова предводителя дворянства Керенского уезда Пензенской губернии баронесса Екатерина Алексеевна Штейнгейль (урожд. Дуракова). Она на 11 лет старше Александра Эспехо и у нее взрослый сын от первого брака — Гавриил⁸, однако это не явилось препятствием к возникновению взаимных нежных чувств, и 25 ноября 1908 года Александр Михайлович Эспехо женится на Екатерине Алексеевне Штейнгейль. Венчание состоялось рядом с Императорским Александровским Лицеом, в церкви Воскресения Христова при Институте принцессы Терезии Ольденбургской. Примечателен состав поручителей с обеих сторон. Со стороны жениха были его родственники и друзья: поручик лейб-гвардии Гусарского полка князь Давид Александрович Накашидзе и коллежский асессор Леонид Адамович Юшкевич. Сторону невесты представляли Георгий Александрович Гельцер и титулярный советник Фердинанд фон-Мореншильдт. Таинство венчания совершил священник Александр Ильинский.

Состояние и связи родителей, его жены, а также род служебных занятий позволяют Александру Эспехо активно сотрудничать с различными общественными, православными и благотворительными организациями. В декабре 1908 года за сделанные пожертвования он награждается серебряным нагрудным знаком для деятелей и жертвователей Императорского человеколюбивого общества, а 30 января 1909 года «за живое сочувствие и содействие целям Холмского Православного Свято-Богородицкого Братства...» награжден нагрудным знаком 3-й степени этого братства.

В 1909 году истек установленный трехлетний срок выслуги для назначения его на штатную должность и получения следующего чина. Двадцать пятого июня 1909 года на испытании комиссии, состоящей из чинов Земского отдела, Александр Эспехо показал хорошие успехи; 13 октября он назначается младшим помощником делопроизводителя (IX класс по чинопроизводству), а 14 ноября за выслугу лет произведен в коллежские секретари со старшинством и годовым содержанием в 1200 рублей.

В январе 1911 года семья Эспехо подает прошение в Департамент герольдии Правительствующего Сената о регистрации фамильного герба. Герб рода Эспехо вносится в часть 20 «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи».

Стремление к активной деятельности не покидает Эспехо. С 16 июня 1911 года по личному соизволению императрицы Марии Федоровны он назначен почетным

членом Санкт-Петербургского совета детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии с оставлением в занимаемой должности по Земскому отделу, а 1 января 1912 года избран в действительные члены Императорского Православного палестинского общества и получает соответствующий знак для ношения на шее. С 5 января 1912 года Александр Михайлович назначается на должность попечителя Орлово-Новосильцевского Благотворительного заведения в Санкт-Петербурге Императорского Человеколюбивого общества, также с оставлением в ранее занимаемой должности. Он состоит в Кружечной комиссии по сбору пожертвований. Должность сотрудника попечителя соответствует VI классу по чинопроизводству, что позволяет, в случае успешной работы, рассчитывать на продвижение по службе и высокие награды. В марте 1912 года по личному ходатайству председателя Комитета для устройства празднования 300-летия Дома Романовых А. Г. Булыгина управляющий Земским отделом Я. Я. Литвинов разрешает Эспехо заниматься вопросами, связанными с устройством юбилейных празднований. К этому же времени в своем имении М. М. Эспехо организует Глебовскую пожарную дружину, начальником которой числится Александр Эспехо, в результате чего 15 мая 1912 года Императорским Российским пожарным обществом ему пожалован серебряный нагрудный знак. В октябре 1912 года он награждается юбилейной медалью «В память 100-летия Отечественной войны 1812 г.» для ношения на груди на Владимирской ленте. По ходатайствам от Совета детских приютов императрицы Марии и Императорского Человеколюбивого общества за выслугу лет 14 ноября 1912 года Эспехо произведен в чин титулярного советника со старшинством. Двадцать пятого ноября 1912 года за внесенные пожертвования он принят в пожизненные члены 4-го разряда Общества восстановления православного христианства на Кавказе с правом ношения соответствующего знака; 23 декабря 1912 года ему вручается золоченый знак для служащих по детским приютам Ведомства учреждений императрицы Марии, а 25 декабря — братский крест 2-й степени от Совета православного камчатского братства также за внесенные пожертвования.

Деятельность Эспехо на благо Орлово-Новосильцевского благотворительного заведения была столь успешной, что по ходатайству Императорского Человеколюбивого общества 14 января 1913 года за служебные отличия он награжден орденом Святого Станислава 2-й степени, но уже 23 января по собственному прошению уволен от должности сотрудника попечителя этого заведения. В мае 1912 года Александр Михайлович вносит пожертвования в Особый комитет по усилению военного флота России и 1 февраля 1913 года награждается серебряным нагрудным знаком этого Комитета. За сделанные пожертвования 13 апреля 1913 года Совет Люблинского православного Спасо-Преображенского братства выдает Эспехо бронзовый 3-й степени нагрудный знак, а 13 мая Главным управлением Российского Красного Креста он награждается медалью «В память участия в деятельности Общества во время русско-японской войны 1904–1905 гг.».

С особым усердием Эспехо участвует в работе Комитета для устройства празднования 300-летия Дома Романовых. Результаты не заставляют себя ждать: 6–9 марта 1913 года он находился в числе лиц, приносивших личные верноподданнические поздравления Их императорским величествам, за что 13 апреля 1913 года ему пожалован соответствующий нагрудный знак, а в мае — медаль «В па-

мья 300-летия царствования Дома Романовых». По согласованию с управляющим Земским отделом, для устройства путешествия императорских особ и гостей по историческим местам 1613 года, А. М. Эспехо в числе других чинов комитета 15 мая 1913 года командирован в Москву и Кострому. За особые труды на этом поприще 8 июня 1913 года ему объявлено императорское «Высочайшее благоволение», а 6 февраля 1914 года Российско-Императорское политическое агентство в Бухаре получает фирман эмира Бухары Сеид-Мир-Алима о награждении титулярного советника Александра Эспехо бухарским орденом «Серебряной Звезды» 1-й степени, «дабы он, украсив им грудь свою, пребывал к Нам доброжелательным»⁹.

В 1913 году в семье Эспехо произошло радостное событие: 25 октября у Александра Михайловича и Екатерины Алексеевны родилась дочь, которую назвали в честь прабабушки Елизаветой. Обряд крещения был проведен 2 ноября в церкви Вознесения Господня в Адмиралтейских слободах священником Александром Тихомировым. При крещении кроме родителей присутствовали бабушка — Н. Н. Эспехо и тайный советник Антон Яковлевич Германов.

Частое отсутствие на службе под предлогами болезни, личных дел и работы по делам комитетов и обществ начинают вызывать недовольство не только у непосредственного начальства, но и у управляющего Земским отделом Я. Я. Литвинова, ранее относившегося к этой деятельности Эспехо благосклонно. Кроме того, в апреле 1914 года умирает дядя Александра Михайловича по материнской линии — министр-резидент в герцогстве Дармштадском гофмейстер Высочайшего Двора Андрей Павлович Дубенский, что заставляет А. М. Эспехо заняться вопросами своего наследства, опять же в служебное время. Складывается неблагоприятная обстановка для продолжения службы в Земском отделе, и в апреле 1914 года Александр Михайлович получает должность младшего чиновника для особых поручений VI класса сверх штата при Главном управлении государственного коннозаводства, но испрашивает личное разрешение министра внутренних дел оставить его и в занимаемой должности по Министерству внутренних дел¹⁰.

В новой должности Александр Михайлович служит до 1917 года. После революционных событий его родители покидают имение и возвращаются в Петроград, несмотря на преклонный возраст и плохое состояние здоровья. Их дом в Глебовке впоследствии был разрушен. В 1917 году умирает отец Александра Михайловича, а мать начинает работать преподавательницей. К этому времени Александр Михайлович женат вторым браком, но его дочь Елизавета не покидает отца и проживает вместе с ним и мачехой. Его жена, Надежда Прокофьевна Эспехо, 1888 года рождения, из крестьянской семьи, занимается домашним хозяйством. После революции ему пришлось сменить много мест службы, связанных с коннозаводством, но с конца 1920-х годов вплоть до ареста вынужден зарабатывать себе на жизнь обучением игре в шахматы, то есть и здесь лицейская школа пригодилась (традиция, принесенная в стены Лицея еще В. А. Жуковским)¹¹. Он продолжает работать в том же Управлении коннозаводства на должности старшего специалиста, занимаясь вопросами экономического планирования до 1935 года.

Седьмого марта 1935 года Эспехо был арестован, а 9 марта решением Особого совещания НКВД «в числе других социально-опасных элементов» осужден на пять лет ссылки в Астрахань совместно с семьей: женой и дочерью. Семья Эспехо

поселяется в Астрахани, где Александр Михайлович работает инструктором шахматной игры в астраханском Доме инженеров и техников, но 23 апреля 1938 года «за участие в контрреволюционной повстанческой организации, подготовку вооруженного восстания в контрреволюционных целях и ведение контрреволюционной пропаганды и агитации» арестован вторично и постановлением Особого совещания НКВД СССР «приговорен как социально-опасный элемент к заключению в исправительный трудовой лагерь сроком на 5 лет». Тринадцатого ноября 1938 года Эспехо был отправлен в места лишения свободы; 4 февраля 1939 года он попадает в Онежский лагерь НКВД СССР для отбывания наказания в отдельных лагерных поселениях. Последним местом его заключения становится поселок Плесецк Архангельской области, где 22 ноября 1939 года он умирает от остановки сердца из-за туберкулеза легких¹².

По настоянию Александра Михайловича, который очень хотел спасти дочь, 20 апреля 1936 года Елизавета пишет письмо заместителю прокурора СССР Г. М. Леплевскому с просьбой пересмотреть ее дело, и через четыре месяца ей разрешили вернуться в Ленинград. Его жена вернулась в Ленинград в 1940 году, дальнейшая их судьба неизвестна.

Заключением прокуратуры Ленинграда от 31 августа 1989 года Александр Михайлович Эспехо полностью реабилитирован, в этом же году реабилитирован и прокуратурой Астраханской области¹³.

Примечания

¹ РГИА. Ф. 1349, оп. 3, д. 2571, л. 78.

² Старший брат, Аким Эспехо, воевал на Кавказе, дослужился до генерал-майора и был назначен кутаисским губернатором. Упоминается в романе Ю. Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара».

³ РГИА. Ф. 1291, оп. 122, д. 115, л. 3–75.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 11, оп. 1, д. 1673а, л. 480, 489.

⁵ РГИА. Ф. 1349, оп. 3, д. 2571, л. 73–78.

⁶ Там же. Ф. 412, оп. 8, д. 62, л. 135.

⁷ Там же. Ф. 1284, оп. 53, д. 181, л. 2.

⁸ Гавриил в 1915 г. женился, будучи студентом Московского ун-та, на Наталье Новохаурной. Во время Гражданской войны вместе с матерью и женой оказался в Таганроге. В 1920 г. Гавриил и Наталья погибли, оставив на попечении бар. Екатерины Алексеевны Эспехо годовалого сына Сергея. В 1935 г. Сергей Эспехо учился в школе ФЗУ Таганрога. Дальнейшая судьба неизвестна.

⁹ РГИА. Ф. 1284, оп. 51, д. 84, л. 2, 70, 72.

¹⁰ Там же. Ф. 412, оп. 8, д. 62, л. 130.

¹¹ Управление Федеральной службы безопасности по Астраханской области. Архивная справка № Г-164 от 04.06.2010. Л. 1.

¹² Управление Федеральной службы исполнения наказаний России по Архангельской области. Архивная справка № 29/ТО/45/1-К-12 от 08.02.2011. Л. 1.

¹³ Информационный центр Главного управления внутренних дел МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Архивная справка № 35/16-25-К-92 от 02.11.2010. Л. 1.

А. И. Беленкова

ЧТОБЫ СВЕЧА НЕ ПОГАСЛА

**(о трагических судьбах
бывших воспитанников,
проходивших по «делу лицейстов»)**

Почти сто лет назад, в апреле 1918 года, в Петербурге был закрыт Императорский Александровский Лицей, который до сих пор называют Пушкинским. Судьба разметала по свету бывших воспитанников. Эмигрировавшие создали за рубежом ассоциацию лицейстов. Правление находилось в Париже, где обосновалась большая часть покинувших Россию. Законы дружбы не позволяли «бывшим лицейским» забыть о тех, кто остался на родине. Так письмо, адресованное Михаилу Владимировичу Шильдеру¹, выпускнику 70 курса (выпуск 1914 г.), сыну последнего директора Лицея², нашло адресата в Петрограде в октябре 1923 года. Ответ М. Шильдера, сбереженный Сергеем Воейковым³, хранится в Королевском музее армии Брюсселя. Именно туда в 1937 году Ассоциация бывших лицейстов передала собранные материалы о Лицее, его истории, личную переписку выпускников и все, что считали необходимым сбегать для памяти о своей alma mater⁴. Письмо Михаила Шильдера — единственный известный привет друзьям 28-летнего лицейста, которому не дано будет дожить до тридцати. Итак, 24 октября 1923 года он писал Сергею Воейкову:

Ты не можешь себе представить, какую великую радость доставило мне твое письмо⁵. Это первая непосредственная весть от наших из-за рубежа. Первый привет от далеких друзей. Он тем более дорог, что свидетельствует о том, что между нами нет рубежей и что мы остались теми же питомцами единой Alma Mater, заветы которой нам одинаково дороги. Хочется сказать словами нашего великого первокурсника: «Друзья мои, прекрасен наш союз. Он, как душа, неразделим и вечен».

Я писал некоторым из наших, адреса которых удавалось узнать — Папке⁶, Чубу⁷, Корнету⁸, Митьке⁹, но не получил ответа, так что уже начинал думать, что ответа и не будет, по мотивам принципиальным. Твое письмо рассеяло мои сомнения, и я от души благодарю тебя и всех, подписавших письмо, за дружеский привет.

Пишу тебе по указанному тобою адресу, хотя мне передавали, что тебя недавно видели в Париже, из чего я заключаю, что за те два месяца, что шло письмо (с 15 августа по 15 октября) Ты перебрался на новое место, но надеюсь, что письмо будет переслано вслед.

Не знаю, что ты знаешь о нашем курсе, а потому буду писать все, что здесь известно¹⁰. Начну с «наставников, хранивших юность нашу». Бедный Алексей Анатольевич¹¹ умер в ноябре 1921 года в Сибири, в самых ужасных условиях, в невольном одиночестве. Хотя там были поблизости друзья, но они были лишены возможности

чем-либо ему помочь и даже узнали о его смерти только спустя некоторое время. Андрей Александрович¹² умер в 1919 или 1920, на юге, от сыпного тифа. Его вдова с детьми в Германии. Наш инспектор¹³, как ты, вероятно, знаешь, в Варшаве.

Из наших здесь с 1919 или 1920 — все те же четверо: Маляр¹⁴, Крупов¹⁵, Мон Чер¹⁶ и я. Маляр кончает морскую академию. Крупов служит в морском ведомстве, Мон Чер — в железнодорожном, я — в промышленном, Юрка Герман-Гоосман¹⁷ — в Москве, но от него, несмотря на неоднократные письма, не имею очень давно известий. В 1919 году он потерял сына, переселился в Москву. Там я у него бывал во время командировок, там у него родилась дочь, но и ее он потерял более года тому назад. Он был в ужасной горе, ездил в свое бывшее имение, чтобы побыть в уединении. Служил в «Аре»¹⁸, ездил в Саратов, а затем сведения о нем теряются, и его сестра ничего точного о нем не знает. Михаил Михайлович¹⁹ в г.Черкассах Киевской губернии чинит мост через Днепр, живет благополучно с семьей и изредка пишет. Вот и все про наших общих друзей. Как видишь, нас немного. Недавно узнал о смерти Константина Ска²⁰, убитого на юге еще в 1919 г. О смерти Барабатулы²¹ ты, конечно, знаешь — он умер в 1919 г., кажется, в Новороссийске, в доме умалишенных.

Однокашников наших здесь довольно много, особенно из самых молодых, но есть и старцы, в том числе три члена Совета. 18-го октября будем служить, по примеру прошлых лет, панихиду; соберется, вероятно, человек 60–80. 19-го наш квартет соберется, как и в прошлые годы, у меня, а затем пойдём, может быть, приветствовать других и вспомнить вместе былое. Одно время, года 2–3 тому назад, молодежь (моложе нас, я бывал самый старший) собиралась каждый месяц у кого-нибудь чай пить; каждый приносил с собой кусок хлеба, т. к. это было голодное время, а хозяин ставил самовар. Собиралось человек до 15-ти, но затем пришлось оставить это симпатичное начинание. Теперь видимся случайно и нерегулярно, но в Москве, как мне передавали, собираются и обедают ежемесячно. Там довольно много наших однокашников, но есть и такие, которых лучше не вспоминать.

Теперь о судьбе самой нашей Alma Mater²². Там были поочередно госпиталь, казарма, политехникум, а теперь детский карантинно-распределительный пункт. Странная судьба у этого здания: до 40-х годов это был приют для детей лиц, умерших от холеры. Сбылось и еще одно предзнаменование, касающееся судьбы нашей Alma Mater, о котором я тебе напишу как-нибудь. Весной 1921 г., благодаря стараниям одного нашего старшего товарища, удалось вывезти в Пушкинский Дом при Академии наук много реликвий из нашего здания. Пушкинский музей²³ еще в 1917 г. вывезен в Академию Наук²⁴, а Liceane²⁵ — сначала в клуб, а оттуда в музей Старого Петербурга. Вывезли некоторые бюсты, портреты и прочее. Я участвовал в перевозке и ехал на подводе по улицам Петрограда под сенью крыльев белых птиц²⁶. Хотели спасти библиотеку, но опоздали — ее вывезли в Екатеринбург²⁷, а остатки нам не дали. Памятники «Genio Loci»²⁸ и «Благословенному»²⁹, которые стоят на своих местах, только надписи обломаны. Вывезенные в Академию предметы хранятся там пока «под спудом» в кладовых Пушкинского Дома, но время от времени в этом Пушкинском Доме на Миллионной (дом Абамелек-Лазарева) устраиваются выставки, так или иначе связанные с памятью Пушкина. Например, «Пушкин и люди 40-х годов», «Пушкин и детская книга», «Евгений Онегин» и т. д. Тогда из-под спуда выкладываются в наши пушкинские витрины старые знакомые автографы, книги, портреты и т. д. Кругом также знакомая обстановка: бюст Пушкина в юности из нашего музея, везде знакомые эмблемы: лиры и совы. Одним из организаторов этих выставок является наш старший однокашник, поклонник и знаток Пушкина, которого наш инспектор³⁰ прозвал «лицейским романтиком»³¹. По вечерам там же читаются доклады на темы,

касающиеся Пушкина, и романтик весною там прочитал три лекции на тему «О той, с которой образован Татьяна милый идеал». Стараясь разрешить вопрос, кто был первообразом Татьяны, причем из шести кандидаток, претендовавших на эту честь, по его мнению, наибольшие и несомненные права имеет кн. Мария Николаевна Волконская, рожденная Раевская, воспетая впоследствии Некрасовым в «Русских женщинах» как жена декабриста, последовавшая в Сибирь за мужем. Может показаться странным, что в наши времена и в нашей обстановке можно заниматься такими вопросами, но, уверяю тебя, что эти темы, далекие от современности, перенося в другой мир, доставляют большое наслаждение и собирают много слушателей. Прежде чем кончить эту хронику о нашей Alma Mater и ее питомцах, упомяну о наших педагогах. Наш профессор государственного права читает здесь в Университете — международное, статист процветает и читает свою статистику, русский историк читает историю. Ананас³² где-то служит здесь, Синус³³ и Бублик³⁴ умерли, Ричарда³⁵ оказалась большой сволочью. Об остальных не слышно. Про трагическую смерть римского барона³⁶ ты, вероятно, знаешь. Мой курсовой музей не мог, конечно, обогатиться за эти годы; только вдова Юлиуса³⁷ передала мне в музей его знаменитые записи чинопроизводства, орденов и т. д. Зато поступили кое-какие предметы и бумаги общего характера, относящиеся к прежним временам. У меня ведется запись покойников для поминания на ежегодных панихидах, и я коплю материал для пополнения «Памятной книжки»³⁸. Последнее издание в 1917 г. осталось ненапечатанным, а написано на машинке. Конечно, наши сведения очень неполны, и я пользуюсь каждым случаем для их пополнения. Поэтому все, что ты сможешь сообщить о наших старших и младших товарищах, будет очень ценно. Я мечтаю составить когда-нибудь добавление к «Памятной книжке» 1917 года и этим принести мою дань благодарности нашей Alma Mater и уважения ее питомцам.

Помнишь, дорогой Сережа, В. Кн. Московский Симеон Гордый³⁹ в своем завещании заповедал своим наследникам блюсти, чтоб «свеча не погасла», разумея под свечой традиции московских князей из рода Калиты⁴⁰. Так вот одна из задач моей жизни — поддерживать, по мере сил, огонь на свече нашего культа традиций, культа нашей Alma Mater среди последних поколений наших товарищей. Только, к сожалению, теперь эта роль сводится к роли... факельщика на похоронах. Мне бы очень хотелось послать тебе мои бездарные, но искренние стихотворения на 19 октября 1920 и 1922 гг., но... зачем возбуждать постороннее любопытство.

Теперь про себя. Слава Богу, мы все, т. е. родители, двоюродная сестра, которая с нами живет⁴¹, и я пережили самые тяжелые годы благополучно и остались живы, перенеся все моральные и физические испытания. Настоящего голода мы не испытывали, благодаря удивительной энергии и умению Мама⁴², которая, став в 62 года «одной прислугой» ухитрилась кормить нас сытно в самое тяжелое время, когда давали по $\frac{1}{16}$ фунта хлеба в день на человека. При этом она все время болела легкими и несколько раз переносила воспаление, почти не ложась в постель и не прерывая своих хозяйственных работ. Папа все время работает как по дому, так и по исполнению разных мелких заказов: точка ножей, ножниц, починка зонтиков, изготовление дамских каблучков и, раза три, сооружение детских гробов. Но если мы не голодали, то мерзли отчаянно. Дров не было совсем, и достать было нельзя. Зимой 1919/20 года у нас в спальнях температура стояла на $-\frac{1}{2}$, $-1,5$ в течение нескольких месяцев. День мы проводили на кухне, где было теплее, но на ночь приходилось забираться в этот мороз под ледяные простыни. А в это время как раз у мамы был гайморит — воспаление полости носа, ужасно мучительное. У меня от холода и отсутствия жиров в пище пухло лицо и ноги, так что я имел вид тех детей кретинов с громадными головами, которых воспитывали в приюте Царицы Небесной⁴³, и я с трудом влезал во второй этаж от

слабости сердца. Все, что можно было продать из обстановки и вещей, не исключая фамильных, было продано и обменено на продукты. Благодаря этому и поразительной энергии Мама мы вырвались из этого ужаса. Следующая зима была уже лучше. С осени 1921 г. мой заработок настолько увеличился, что можно было обходиться без продажи вещей, и так до сих пор мы существуем без нужды, но еще не можем позволить себе роскоши иметь прислугу. Много помогли нам «Ары», присланные папе из Америки и Парижа его питомцами нашими однокашниками. Наконец, самое тяжелое время прошло, но вечно остается угроза быть оставленным за штатом — и тогда опять полная необеспеченность. Впрочем, у меня есть побочное занятие — участие во Всемирном экономическом статистическом справочнике совместно с одним из наших младших товарищей. Мы работали над ним полтора года, и в начале минувшего лета вышло первое издание почти в 800 страниц, который, по мысли редакторов, должен выходить ежегодно. Теперь мы уже принимаемся за второе издание. Хотя экономика мне далеко не по душе, но ничего не поделаешь: приходится работать по этой части ради заработка.

Пора кончать, дорогой Сережа. В заключение этого длинного послания скажу, что все перенесенное и испытанное за минувшие годы заставило всем существом почувствовать, что все это — ниспослано нам Свыше и за наши личные и общие грехи, и что только страданием и достойным их перенесением можно их искупить. Это первый вывод, а второй — убеждение в том, что вся эта жизнь — суета сует, и не в ней смысл и цель нашего существования, а в другой жизни, к которой мы теперь готовимся.

Оставляю немного места, чтобы приписать 19-го наш общий привет, а пока крепко, крепко тебя обнимаю, дорогой Сережа. Всем нашим однокурсникам, старшим и младшим товарищам передай самый горячий привет, а тем, кто с тобой написал мне, — мою душевную благодарность. С нетерпением буду ждать от тебя обещанного самого подробного сообщения о тебе самом и обо всех наших, а я со своей стороны буду писать тебе как зарубежному курсовому представителю нашего курса обо всех наших радостях и горестях.

Еще раз благодарю тебя за письмо.

Искренно тебя любящий — твой Миша (Шильдер)

Собравшись 19-го октября, шлем всем Вам наши лучшие пожелания и братский привет. Надеемся вскоре объединиться.

Письмо отправлено, но имена не названы: звучат как лицейские пароли только прозвища и известные только посвященным словечки. Однако в конце прорывается имя Сережа да и свои имя и фамилию Шильдер пишет как есть. «Устал бояться», — скажет он впоследствии своему конвойному. Письмо не было отослано до лицейского праздника. Вероятно, братский привет был подписан собравшимися, но нет никаких подробностей встречи. Читая это искреннее письмо верного служителя лицейским да и просто человеческим идеалам молодого человека, заботливого сына, преданного друга, умного образованного человека, невольно содрогаешься, зная, чем и как закончится его жизнь, которой оставалось меньше двух лет. Лицейский воспитатель Михаила Александр Повержо вспоминал: «Единственный сын, баловень родителей... Я всегда думал, что из него выйдет маменькин сынок, а вышел исключительный по блестящим способностям человек. Широко образованный, начитанный, знавший в совершенстве иностранные языки, умевший рисовать,

прекрасной наружности, он был обворожителен, притом скромн, духовно и физически чист. Товарищи его почитали, и в своем курсе он имел очень большое значение. Был искренно привязан к Лицею и погиб именно из-за этой привязанности» (Повержо, с. 56). Однажды, придя в Лицей, великий князь Олег Константинович⁴⁴ спросил Владимира Александровича Шильдера, куда он готовит своего сына, и тот ответил: «Я его готовлю в хорошие люди» (там же, с. 74).

В ночь с субботы на воскресенье, 15 февраля, Михаил Шильдер, выпускник LXX курса Лицея, был арестован по так называемому делу лицейцев⁴⁵ как один из активистов «Контрреволюционной монархической организации». Дело по обвинению выпускников Александровского Лицея в создании организации с целью свержения советской власти и восстановления монархического строя имело множество «доказательств» их преступной деятельности. Обвинения были более чем серьезные: организация лицейской кассы взаимопомощи, «заговор 19 октября», обеды в священный день Лицея. Обо всем этом и пишет Михаил в своем письме, не видя в том крамолы. Даже традиционные дружеские лицейские встречи, беседы и воспоминания оказались преступлением, став одним из поводов к обвинению в заговоре. Инкриминировалось лицейцам и то, что они заказывали панихиды по погибшим товарищам и членам императорской семьи.

По «делу лицейцев» в эту ночь было арестовано 39 бывших выпускников Императорского Лицея⁴⁶. В их числе — и последний директор Лицея, отец Михаила, Владимир Александрович Шильдер. Благородство этого человека воспитанники знали и ценили. Когда он служил инспектором в Лицее, был уволен директор Фельдман⁴⁷. Шильдер, как и многие из его сослуживцев, считали это отстранение от должности необоснованным. Место было предложено Шильдеру. «Из-за своей солидарности с Фельдманом Шильдер от этого лестного тогда для него предложения стать директором отказался. Не всякий так поступил бы на его месте. Целый год Шильдер был без места и содержания, после чего получил, наконец, Псковский кадетский корпус» (Повержо, с. 54). Когда Николай II предложил ему пост министра народного просвещения, он категорически отказался, сказав, что «как верноподданный он не может не доложить, что эта задача ему не по силам. Государь остался недоволен» (там же, с. 55). Однако он ни на минуту не задумывается и покидает Псковский корпус, когда ему опять предлагают директорство в Лицее. Фельдмана к этому времени не было в живых. «Мы встретили его с радостью, — вспоминает А. Повержо. — Лучшего директора мы желать не могли» (с. 56). Владимир Александрович не надеялся на милосердие. Вооруженные люди, ворвавшись в Лицей, забрали старые берданки, предназначенные для строевого обучения лицейцев. Вломившись в директорскую квартиру, в шкафчике отыскали несколько ценных охотничьих ружей (Владимир Александрович был страстным охотником). Будучи больным, директор сидел в холодной комнате в шинели и с обвязанной головой. Увидев, что оружие забирают, он слабым голосом попросил оставить дорогую ему память — дедовскую винтовку. Надеяться на понимание и снисхождение не приходилось: забрали все; через неделю после ареста отца и сына арестовали и «монархистку» жену, а также ее племянницу Елизавету Клиггенберг. Владимир Александрович не дождал до вынесения приговора и умер в тюрьме.

К высшей мере наказания были приговорены 11 лицейцев⁴⁸, 25 человек получили от трех до десяти лет лагерей, некоторых из них ждали Соловки, семь человек высланы за Урал с конфискацией имущества.

Дальняя родственница Шильдеров, Александра Полозова, стараясь спасти невинных, написала в организацию «Помощь политическим заключенным» («Помполит»), которую возглавляла Екатерина Павловна Пешкова⁴⁹:

Глубокоуважаемый товарищ! Есть случаи в жизни, когда человек бывает смелым, не желая быть докучливым, утруждает людей, не имея на это права. В таком положении стою я, незнакомя Вам 75-летняя старуха. Я умоляю Вас помочь мне в большом горе: мой единственный близкий родственник Владимир Александрович Шильдер, бывший директор лицея, и его единственный сын, Михаил Владимирович, бывший лицейст, арестованы в ночь с 14 на 15 февраля, а жена старика, Анна Михайловна Шильдер, и ее племянница, Елизавета Николаевна Клиггенберг, взяты в ночь с 24 на 25 февраля сего года. Оба старика и племянница заключены в ДПЗ⁵⁰. Михаил же Владимирович содержится в особом ярусе. Обвинения предъявлены тяжкие, и им грозит суровая кара. Следствие закончено, отослано в Москву и ожидается скорый приговор. Нет у них никого, кто принял бы участие в их тяжелом положении. Мне указали на Вас как на человека сердечного, доброго, отзывчивого и сильного. Шильдеры люди честные, корректные, и я ручаюсь головой, что бесчестного поступка они совершить не могли. Молодой Шильдер отличный работник, с большим научным запасом и безукоризненно честен. Ради всего, что Вам дорого, молю, помогите! На Вас только надеюсь, не откажите, помогите, тут нет ни слова лжи. Я стою у гроба и во всю тяжкую жизнь боролась за правду и благо честных людей. Простите меня, но Вы поймите, какое отчаяние в душе дряхлой, бесприютной, совершенно одинокой и бедной старухи. Последнее мое слово — помогите!⁵¹

Увы, помочь семье Шильдер уже было невозможно. Михаила сочли центральной фигурой «дела лицейцев» и приговорили к расстрелу за «военный шпионаж»: с лета 1924 года он составлял Всемирный статистико-экономический справочник для Госиздата, собирал сведения о бывших лицейцах, был членом одного из церковных приходских советов, осуществлявших экономическую помощь Советской России через американскую организацию, вел переписку с границей... Этот набор «преступлений» и стоил жизни бывшему лицейцу.

Мать Михаила, Анна Михайловна, была сослана на Соловки. Оказавшись на поселении в Свердловске, не знающая о постигшей сына участи женщина обращается за помощью к Е. П. Пешковой:

Уважаемая Екатерина Павловна! После долгого колебания решаю Вас беспокоить, обращаясь к Вам с покорнейшей просьбой помочь мне советом или указанием, что мне предпринять для того, чтобы узнать о судьбе моего единственного сына, Михаила Владимировича Шильдера. В 1925 году по делу лицейцев я была приговорена к 5 годам Соловков. Муж мой скончался на Шпалерной до окончания дела. О судьбе сына я ничего не знаю четвертый год. После двух лет пребывания в Соловках (все время была в лазарете) я была переведена на минус 6 и вследствие полной конфискации имущества лишена всяких средств к существованию, выбрала Свердловск, где служит моя племянница, единственная оставшаяся в живых близкая родственница; должна пробыть здесь еще около двух лет. Мне 73 года, осталось жить недолго и день

и ночь у меня одна мысль, одно желание — узнать, жив ли сын и где он находится. Если Вы были матерью, Вы поймете, как я жестоко страдаю и изнемогаю от непосильного горя. Простите великодушно тоскующей старухе причиняемое Вам беспокойство, и если найдете возможным что либо мне посоветовать, будьте так добры сообщить по прилагаемому адресу.

С полным уважением А. Шильдер. Свердловск, Верхне-Исетская больница. Анне Михайловне Шильдер. 10 августа 1928 (Сошина).

Менее чем через месяц несчастная женщина получит ответ на свои вопросы:

6 сентября 1928 г. Шильдер Анне Михайловне, Свердловск, Верхне-Исетский завод, больница

В ответ на Ваш запрос, согласно справке, полученной из ОГПУ, сообщаю, что Ваш сын Шильдер М. В. был приговорен к высшей мере наказания, которая приведена в исполнение (Сошина).

Ответ короток и холоден, как и выстрел, сразивший 30-летнего Михаила. Что в этой ситуации могла сделать так старавшаяся помочь несчастным Екатери-на Павловна Пешкова? К концу 1920-х годов деятельность «Помощи политическим заключенным» была сведена к наведению справок и оказанию консультаций родственникам, а когда на смену Ягоде пришел Ежов, организация была и вовсе упразднена. Пешкова ничем не смогла облегчить участь даже Михаила Львовича Винавера, своего бессменного заместителя в «Помполите», которого обвинили в шпионаже в пользу Польши. Анна Михайловна Шильдер осталась без поддержки в своем несчастье...

Князь Николай Дмитриевич Голицын (1850–1925) закончил Лицей в далеком 1871 году, полстолетия назад, однако и в нем молодое советское государство увидело угрозу своему дальнейшему существованию. Он был последним Председателем Совета министров (с 1916 г.) — этот высокий пост Голицын не хотел занимать, но императрица Александра Федоровна настояла. Оправдываясь перед друзьями, недоумевавшими, как он, не созданный по самой своей натуре для такого назначения, Николай Дмитриевич отвечал: «Если бы вы слышали, что я наговорил сам о себе императору; я утверждаю, что если бы мне сказал все это кто-либо другой, то я вынужден был бы вызвать его на дуэль»⁵². Голицыну «повезло»: всего два месяца был он Председателем Совета министров Российской империи; вскоре вместе с другими бывшими министрами он был арестован новой властью, затем выпущен с обязательством не участвовать в политической деятельности. Бывший сенатор занимался сапожным ремеслом. Несмотря на сдержанное слово, дважды арестовывался ВЧК-ОГПУ. Последний, третий арест — по «делу лицейстов» — привел к расстрелу 22 июня 1925 года. «Есть свидетельства, что перед расстрелом он сказал: “Я устал от жизни — слава Богу!”»⁵³. Сына его, Николая Николаевича (1883–1931), выпускника 62 курса Александровского Лицея, по этому же «лицейскому делу» сослали на каторгу, с которой он уже не вернулся.

«Человек чудного сердца и прекраснейшей души», — отзывался о Голицыне однокурсник В. К. Кнорринг⁵⁴.

Почти через сорок лет после князя Голицына, в 1910 году, Александровский Лицей закончил Николай Константинович Лялин (1889–1925). Офицер лейб-

гвардии Семеновского полка, Николаша Лялин, как дружески подчиненные называли своего командира 11-й роты, был храбрый отличный офицер. Спокойствие, невозмутимость, искренность и простота в общении снискали уважение и солдат, и офицеров: «Когда Николаша Лялин садился на пенек и приказывал подать ему его аршинную четырехрядку, со звонками и самыми необыкновенными клапанами, моментально собиралась толпа и слушала затаив дыхание»⁵⁵. После революции он работал счетоводом-агрономом, но в ноябре 1924 года был уволен. Для пропитания семьи вынужден был заложить в ломбард обручальное кольцо, серебряный портсигар и «вечное перо», как уважительно в то время называли авторучку. Сданные под заклад предметы усугубили «вину» Лялина. Государственную машину уничтожения не дано было остановить никому, даже храбрецам солдатам, вставшим за своего командира; приговор о расстреле был приведен в исполнение.

Когда Лялин заканчивал Лицей, учебу там начал Александр Александрович Сиверс (1894–1929). Родная сестра Александра, Татьяна Аксакова-Сиверс⁵⁶, посвятившая свою книгу «Семейная хроника» брату, вспоминала: «Двенадцатилетним мальчиком, услышав от взрослых, что на улицах Москвы развелось много хулиганов, вздохнув, сказал: “Вокруг престола много хулиганов, вот что нехорошо!”. Потом посмотрел на портреты предков и добавил: “Если бы они сошли со стен, что бы они сказали!”»⁵⁷ В 1911 году, блестяще сдав экзамены, Сиверс поступил в Лицей, где его, по традиции еще с пушкинских времен наделять друзей прозвищами, прозвали «Сивка-Бурка» (по созвучности с фамилией). Александр славился глубокой осведомленностью в делах искусства и прекрасной игрой на скрипке, хорошо владел английским и немецким языками. Несмотря на то что всегда дорожил лицейскими традициями, дружбой, в 1914 году юноша решил оставить Лицей, чтобы пойти на войну, но отец⁵⁸ умерил его патриотический пыл. Сын остался в Лицее. Доброжелательность и общительность молодого человека отмечали все, знавшие лицейского Сивку-Бурку. После Лицея Сиверс оставался верен традициям своей alma mater: регулярно посещал встречи 19 октября, помогал тем, кто нуждался в помощи. Это и стало поводом обвинения в «участии в организации, действующей в направлении помощи международной буржуазии»⁵⁹.

Сиверс только на этапе узнает, что «помилован»: вместо расстрела приговорен к десятилетней ссылке на Соловки с конфискацией имущества. Под обвинительным актом этот мужественный человек написал: «С предложенным мне обвинением я согласиться не могу как несоответствующим действительности». К нему, работавшему на лесоповале, в 1929 году приезжала жена, Татьяна Николаевна Сиверс, урожденная Юматова. Свидание было разрешено семь раз по часу, в присутствии лиц тюремной администрации. Для встреч выделили свинарник. Вернувшись в Петербург, Татьяна Николаевна, пытаясь вызволить мужа из ссылки, обратилась к Е. П. Пешковой. Аксакова-Сиверс вспоминала: «Татьянка... в начале октября уехала в Москву к Е. П. Пешковой, этому прибежищу всех “униженных и оскорбленных”. Много сделать возглавляемый ею комитет... не мог, но приходящие встречали там сочувствие и хватались за эту соломинку» (Аксакова-Сиверс, с. 71). Однако к этому времени сосланный в помощи уже не нуждался: 29 октября 1929 года Александра Сиверса уже не было в живых. Он был расстрелян.

Позже Аксакова-Сиверс писала со слов вернувшегося с Соловков заключенного В. А. Струкова: «После бегства двух соловчан глубокой ночью вывели всех “бывших” и расстреляли каждого десятого. Струков стоял восьмым, а Саша Сиверс, как он его называл, десятым. Он был убит на глазах у Струкова. Про Сашу В. А. говорил, что это был человек удивительного обаяния. В Соловках его любили все, без различия ранга и положения в прежнем обществе» (Аксакова-Сиверс, с. 349). Соловецкий расстрел «вызвал даже в правительственных кругах некоторое смущение... В 1930 году в Соловки была направлена комиссия по расследованию. Расстрельщики, как я слышала, были расстреляны, но это никакого утешения не принесло» (там же, с. 91). Последнее письмо, которое Татьяна получила от брата с Соловков, было отправлено 24 октября 1929 года и подписано прозвищем из грустной сказки братьев Grimm «Песик-братик»⁶⁰.

Отправляясь в ссылку, Татьяна Сиверс передала жене Александра, которой Пешкова сумела помочь перебраться за границу, последнюю открытку брата, фотографии и лицейскую портупею с написанными на ней именами его товарищей по 71 курсу⁶¹. В 1939 году она встретила в ссылке бывшего соловецкого заключенного Адольфа Шора, который со слезами поведал о ее брате: «...он был нашей гордостью. Мы любовались его внешним и внутренним обликом, считали его образцом выдержки и благородства. Нас трудно было удивить чем-либо осенью 1929 года, и все же лагерь содрогнулся, узнав о его смерти» (Аксакова-Сиверс, с. 44).

Довелось Татьяне Александровне увидеться и с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. На ее вопрос, был ли он знаком на Соловках с Александром Сиверсом, Лихачев сказал: «Ах, Боже мой! Конечно! Лично я его не знал, но был на островах в страшное время октября 1929 года и знал Н. М. Путилову, которая, с величайшим для себя риском, откопала его тело и похоронила на лесной поляне. На могиле был поставлен крест, и все мы знали, что здесь лежит Сиверс. Недавно я ездил на Соловки, искал эту могилу, но не нашел, т. к. лес в том месте свели и ориентиры исчезли» (там же, с. 348).

Так же бесчеловечно, как с Сиверсом, обошлись и с его лицейским товарищем, бароном Максимилианом Владимировичем Остен-Сакеном, закончившим 72 курс в 1916 году. Ему тоже «повезло»: он не был расстрелян, а приговорен к десяти годам тюрьмы и сослан на Соловки. Остен-Сакен, праправнук бывшего директора Лицея, знаменитого Егора Антоновича Энгельгардта⁶², с рождения носил фамилию отца Капша. Осиротев в шестилетнем возрасте, мальчик был усыновлен родственником матери, Владимиром Федоровичем Остен-Сакеном. В 1901 году Высочайшим повелением ему было дозволено пользоваться правами потомственного дворянства с титулом барона фон дер Остен-Сакена. Судьба была благосклонна к юноше и в последующем. Поступив в Лицей, он получил право пользования стипендией им. Е. А. Энгельгардта, учрежденной в 1877 году лицеистом 1-го курса Александром Михайловичем Горчаковым⁶³, который «изъявил желание учредить на вечные времена в Императорском Александровском Лицее стипендию его (Энгельгардта. — А. Б.) имени с тем, чтобы на оную определяемы были, по усмотрению и выбору Совета заведения молодые дворяне, преимущественно из числа потомков Энгельгардта. На учреждение этой стипендии Князь Горчаков назначил капитал в 16 тысяч рублей»⁶⁴.

Находясь на Соловках, Максимилиан Владимирович был послан с еще четырьмя лагерниками ловить в озере рыбу. Когда узники-рыбаки вернулись, их обвинили в попытке побега и 23 июня 1926 года расстреляли.

В отличие от Остен-Сакена, так рано оставшегося сиротой, Борис Эдуардович Плеске (1886–1925) жил в «лицейской семье»: отец его, Эдуард Дмитриевич⁶⁵, закончивший Лицей, как и сын, с золотой медалью, считал, что все его три сына должны стать лицеистами, и воплотил свою мечту в жизнь. Борис закончил курс в 1907 году. Н. Н. Флиге вспоминал: «Семья Плеске была проникнута исключительно лицейским духом... Отношение Э. Д. ко всем лицеистам и всему лицейскому было очень сердечное и отзывчивое... Борис — одаренный музыкальным талантом... по прозвищу “Пассажир”, очень способный...»⁶⁶. К сожалению, братья, среди которых Борис был старшим, скончались, не дожив и до сорока. Алексей⁶⁷ с детства был болезненным и скончался в Кисловодске в 1921 году. Дмитрий⁶⁸ служил в Семеновском полку. По законам лицейской дружбы Н. Флиге⁶⁹, рискуя жизнью, спас братьев в 1919 году при налете вооруженных солдат на поезд и смог вывезти их из России⁷⁰. В 1920 году Дмитрий умер в Польше от тифа.

Казалось, судьба благосклонна только к Борису, но в 1925 году его арестовывают все по тем же обвинениям, что предъявлены и другим бывшим лицеистам: Плеске оказался в числе тех, кого приговорили к расстрелу.

Павел Евгеньевич Рейнбот, как и Плеске, — потомственный лицеист: в Лицее учились его отец⁷¹ и старший брат⁷². Павел Евгеньевич и есть тот самый «лицейский романтик», о котором упоминал в своем письме Михаил Шильдер. Он был почетным членом и секретарем Пушкинского лицейского общества, основанного в Петербурге в дни празднования столетия со дня рождения А. С. Пушкина, членом комиссии по выработке плана юбилейных торжеств по случаю столетия Лицея. Оказывал большую помощь Репину по разысканию материалов для картины «Пушкин на лицейском экзамене в Царском Селе 8 января 1815 года».

Неутомимый Рейнбот основал в Петербурге библиофильский кружок любителей русских изящных изданий (КЛРИИ), просуществовавший с 1903 по 1917 год. Одна из больших заслуг Рейнбота — открытие Пушкинского музея в Александровском Лицее. Ему принадлежало уникальное собрание книг XVIII века (после ареста библиотека бесследно исчезла). 70-летний Рейнбот был сослан по «делу лицеистов», но через два года ему разрешили вернуться в Ленинград. Он стал заведовать библиотекой Пушкинского Дома. Радость оказалась недолгой: опять прошло два года, и Рейнбота не только уволили, но и обвинили по «академическому делу». Привлекать по «лицейскому» уже было не по летам — тут его мучителям в сообразительности не откажешь. О дальнейшей судьбе «лицейского романтика» материалов не сохранилось, видимо, поэтому в списке реабилитированных, утвержденном в 1990-х годах, имя П. Е. Рейнбота по чьей-то преступной небрежности было пропущено. Зато замечательной эпитафией могут стать слова издателей Брокгауза и Ефрона, написанные к изданному ими собранию сочинений А. С. Пушкина: «Искреннейшую благодарность приносим мы владельцу замечательной Пушкинской коллекции Павлу Евгеньевичу Рейнботу. Усилиями долгих лет П. Е. собрал почти все, чем когда-либо иллюстрировался Пушкин, начиная с лучших вдохновенных наших художников и кончая иллюстрациями копеечных лубочных изданий.

С великой любезностью П. Е. Рейнбот предоставил в наше распоряжение всю свою великолепную коллекцию»⁷³.

Лицей всегда гордился своими династиями. Рейнботы, Шильдеры, Плеске, Голицыны... Всех не перечислить. Лицей, в котором учились и потомки Пушкина⁷⁴, стал школой династий. Воспитанники Лицея, братья Вейнеры, тоже мечтали, что сыновья пойдут по их стопам. Ветер перемен не позволил сбыться ни этой надежде, ни многим другим. Младший из них, Петр Петрович⁷⁵ (1879–1931, лицеист LIV курса, выпуск 1898 г.), известен как издатель популярного в то время ежемесячника для любителей искусства и старины «Старые годы»⁷⁶. Он был директором музея Старого Петербурга с 1912 года. В этом же году его наградили большой Пушкинской золотой медалью. Трудно перечислить все, чем был известен П. П. Вейнер: действительный член Академии художеств, председатель Общества защиты и сохранения памятников искусства в России, член совета Эрмитажа, преподаватель Института истории искусств. Это ли не «причины» для ареста? В 1925 году его арестовали, в этом же году закрывается музей Старого Петербурга, а Вейнер отправляется на три года в ссылку. Отбывшему срок 50-летнему больному человеку (он с детства страдал неизлечимой болезнью ног и передвигался с трудом; ссылка ухудшила его здоровье) разрешили наконец вернуться в Петроград. Кажется, чем не пример справедливости и гуманности? Увы, через год он был вновь арестован «за участие в контрреволюционной монархической группировке». Из дома «монархиста» вынесли на носилках, так как сам он передвигаться уже не мог. Через полгода Вейнер был расстрелян. Человека не стало, но грустной памятью о нем остались картины из его коллекции в Эрмитаже и Русском музее⁷⁷ и двадцать номеров журнала «Старые годы».

Старший брат Петра Вейнера, Аркадий Петрович, закончил I курс Лицея в 1894 году с золотой медалью. Служил в Министерстве иностранных дел; консул в Софии, затем в Сан-Франциско; во время Первой мировой войны участвовал в обмене пленных, а по ее окончании решил продолжить дело отца — стал управляющим товарищества «Вейнеровских пивоваренных заводов». Счастливо женатый, занятый своим делом, он отказался от эмиграции, «считая ее неприемлемой из патриотических и этических чувств». Однако и от приглашения бывших сослуживцев работать в советском Наркоминделе отказался, предпочел быть сотрудником бухгалтерской части и «АРА», где помогал голодающим. В 1918 году, попав в облаву, был увезен в Кронштадт как заложник, но при разгрузке одного из кораблей сумел сбежать. В царившей суматохе о нем и не вспомнили. Но и следующие годы не принесли покоя: арест по «делу лицейстов» и пятилетняя ссылка на Соловки с конфискацией имущества. Имущество конфисковывали вплоть до детских игрушек появившегося внука. Через три года Вейнера освободили досрочно, но сослали в Сибирь (при этом его жена была сослана в Тверь, погибла в 1941 году); в 1937 году получил 10 лет лагерей за «антисоветские настроения». В 1958 году Аркадий Петрович был реабилитирован, а с 1962 года получал пенсию 30 (!) рублей. Умер в возрасте 90 лет.

Почти всем бывшим лицеистам, о которых идет речь, словесность преподавал Николай Николаевич Гераков. По воспоминаниям В. К. Кюхельбекера, это был «красивый, обладавший мягким душевным голосом, знаток литературы<...>

удивительно обаятельный человек... он научил нас любить русскую литературу... все учились мы у него хорошо, боясь обидеть нашего любимого Колю Геракова» (Кюхельбекер, с. 52–53). «Любимый Коля» — сын Геракова (LXVI курс, выпуск 1910 г.) — отличался добрым нравом, умением и готовностью помочь. Чем же мог быть опасен помощник столоначальника Главного управления неокладных сборов доброжелательный и далекий от политики Николай Гераков? Неужели только тем, что «лицейскими были и будем», как любил повторять Михаил Шильдер? Гераков был расстрелян 22 июня 1925 года.

Лицеист LXV курса Георгий Петрович Блок (1888–1962), двоюродный брат поэта А. А. Блока, закончил Императорский Лицей в 1909 году с золотой медалью. Главный редактор издательства «Время» (1923–1924), влюбленный в поэзию А. А. Фета, в 1924 году он выпускает книгу «Рождение поэта. Повесть о молодости Фета», собираясь продолжить эту захватившую его работу, но был арестован по «делу лицейстов». О его судьбе приходят печальные известия: «У Блока конфисковано все имущество, что выразилось в изгнании из квартиры, на которой он жил, его матери и жены. Три девочки Блока отобраны под предлогом, что родители не могут дать им правильного воспитания, и розданы по коммунистам»⁷⁸. Г. П. Блок семь месяцев провел в одиночной камере, затем последовала ссылка в Соликамск, оттуда — в глухое село. Спустя три года Блок получил право вернуться в Ленинград и благодаря заступничеству В. И. Вернадского снова начал работать в издательстве «Время». В 1929 году выходит его книга «Одиночество» (1929), но в 1935 году после убийства Кирова он арестован по «дворянскому делу» и осужден на десять лет ссылки в Тургайскую степь Киргизии, за ним следуют жена и дочь. Судьба помогает: в Россию приезжает французский писатель Ромен Роллан и желает встретиться с Блоком, чьи переводы он очень высоко ценит. Пришлось перевести осужденного в Саратов — правда, не заниматься переводами, а юристом на завод комбикормов. В начале Великой Отечественной войны семью Блоков эвакуируют в Башкирию, где он работает грузчиком, счетоводом в колхозе. В 1945 году Георгий Петрович возвращается в Москву; к концу 1940-х годов выходит его научный труд «Пушкин в работе над историческими источниками» (1949). Последние 15 лет жизни Г. П. Блок служил в архиве Академии наук, посвятил себя исследованиям о Ломоносове и декабристах. Сломленная, искалеченная судьба этого необыкновенного служителя высокой литературе не лишила его самого главного — воли к жизни, к творчеству.

К науке и искусству бывший лицеист LXI курса (выпуск 1905 г.) князь Петр Павлович Ухтомский не имел никакого отношения. Подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка, он был приглашен в Лицей учителем гимнастики и фронта. С 1910 года и до печального уничтожения Лицея Ухтомский служил в родном учебном заведении, став последним преподавателем этих предметов. Князь Ухтомский был арестован 15 февраля 1925 года по «делу лицейстов» и расстрелян в июне вместе с другими десятью бывшими лицеистами.

Их было одиннадцать, кого летним утром 22 июня 1925 года расстреляли трусливо и подло. В истории Императорского Царскосельского (Александровского) Лицея рядом с высокой, наполненной светом и радостью датой 19 октября появилась трагическая черная метка — 22 июня 1925 года.

Цель этих расправ — обезглавить лучшую часть интеллигенции, которая готова была посвятить своей отчизне «души прекрасные порывы», но отчизна даже в этом видела «гидру контрреволюции». Уничтожали тех, кто был высок духом, кто способствовал развитию русской культуры. Эти истерзанные, но не сломленные системой люди, представители интеллигенции Серебряного века, были верны имени Пушкина, идеалам своей юности.

Обнаруженное в Брюсселе письмо Михаила Шильдера — не просто документ, вешдок, который требовался для доказательств невинности, а жизненный пример: мы потеряли сотни тысяч таких шильдеров, людей совести, преданности, готовых жить «для общей пользы». Об этом надо не только знать и помнить, но и передать эту боль потери следующим поколениям, чтобы не стать нацией шариковых⁷⁸.

Примечания

¹ Письмо хранится в лицейском архиве Брюссельского Королевского музея армии (далее: БКМА). Фонд XIII-G-26.

² Владимир Александрович Шильдер (1855–1825), российский военачальник, военный педагог, генерал от инфантерии. Воспитатель детей великого князя Константина Константиновича. Инспектор классов ИАЛ (1896–1900); директор Псковского кадетского корпуса (1901–1906); командир Лейб-гвардии Семеновского полка (1906–1907); директор Пажеского корпуса (1907–1910); директор Александровского Лицея (1910–1917).

³ Письмо адресовано Сергею Сергеевичу Воейкову, выпускнику 70 курса (1914 г.). В 1917 г. эмигрировал в Германию, затем жил во Франции. Много сделал для Лицейского объединения за рубежом, а также для тех, кто остался в России. До последних дней собирал друзей для празднования дорогого всем лицейским 19 октября.

⁴ Архивный фонд Императорского Александровского Лицея хранится в БКМА и включает свыше 5 тыс. документов. В 1936 г. собранные бывшими лицеистами материалы были переданы на временное хранение именно в Брюссель, т. к. здесь у власти находился король, а Лицей считался монархическим учебным заведением. По условиям передачи архива забрать его могут только его владельцы, т. е. представители Ассоциации бывших воспитанников Лицея, которая перестала существовать в начале 1970-х годов, т. к. из членов ассоциации никого уже нет в живых. Музей же не имеет прав ни продать, ни передать архив.

⁵ Чтобы не подвести друга, пишущего в Советскую Россию, Шильдер не обращается по имени к своему адресату. Не называет настоящих имен и фамилий и тех однокашников, о которых пишет или расспрашивает.

⁶ Лицейское прозвище Дмитрия Александровича Папаригопуло, однокурсника Шильдера, который эмигрировал в 1917 г.

⁷ Лицейское прозвище Арсения Михайловича Чубинского, выпускника ИАЛ 1916 г. (72 курс). С 1917 г. — в эмиграции.

⁸ Неустановленное лицо.

⁹ Дмитрий Павлович Миллер (1892–1958), однокурсник Шильдера. В эмиграции жил в Брюсселе.

¹⁰ Сообщить о лицеистах и наставниках, видимо, попросил Воейков, собиравший материал для «Памятной книжки Лицея».

¹¹ Алексей Анатольевич Нератов — выпускник ИАЛ 1892 г. (48 курс). Служил в ИАЛ курсовым воспитателем 70 курса (1904–1907), который закончил М. Шильдер; библиотекарь ИАЛ с 1908 г.

¹² Андрей Александрович Раевский — выпускник ИАЛ 1903 г. (59 курс). С 1910 г. служил в Лицее дежурным воспитателем младшего оклада.

¹³ Александр Александрович Повержо (1870–1941), выпускник 1891 г. (47 курс, серебряная медаль). Камергер (1914). Служил в ИАЛ курсовым воспитателем (1901–1912), инспектором (1914–1917), и. о. директора Лицея (1917 г.). За камергскую тужурку с красными

отворотами лицеисты прозвали его «Красная опасность». После разгрома Лицея уехал в Польшу (1918), откуда был родом. Представитель Лицейской ассоциации в Польше. Лицеист Н. Шлейфер писал: «Низко склоняюсь перед памятью нашего лицеиста и наставника А. А. Повержо — память о нем останется всегда как о человеке, любившем безгранично наш Лицей и посвятившем ему свои силы».

¹⁴ Дмитрий Павлович Миллер (1892–1958), выпускник ИАЛ 1914 г. (70 курс).

¹⁵ Дмитрий Васильевич Крупенский (1892–1960), выпускник ИАЛ 1915 г. (71 курс), впоследствии эмигрировал в Италию.

¹⁶ Неустановленное лицо.

¹⁷ Георгий Евгеньевич Гернгросс (1892–1937), выпускник ИАЛ 1914 г. (70 курс), чиновник Главного управления землеустройства и земледелия. Расстрелян 10 декабря 1937 г.

¹⁸ Американская администрация помощи (1919–1923), руководимая Г. Гувером. Создана для помощи европейским странам, пострадавшим в Первой мировой войне. В РСФСР деятельность АРА была разрешена в 1921 г. в связи с голодом в Поволжье.

¹⁹ Михаил Михайлович Хрущов (1892–1963), выпускник ИАЛ 1914 г. (70 курс). Впоследствии в эмиграции в Мюнхене.

²⁰ Константин Иванович Скасырский (1893–1919), выпускник ИАЛ 1915 г. (71 курс).

²¹ Леонид Яковлевич Барабаш (1892–1920), выпускник ИАЛ 1914 г. (70 курс); год смерти — 1920, а не 1919, как пишет Шильдер.

²² Императорский Александровский (бывший Царскосельский) Лицей, находился в Петербурге на Каменноостровском пр., 21. В настоящее время там размещается Александровский профессиональный лицей.

²³ Первый музей А. С. Пушкина в России, основанный 19 октября 1879 г.

²⁴ До этого в петербургских газетах от 26 марта 1917 г. появилось сообщение о краже из ИАЛ «ценных вещей, сохранившихся со времен Пушкина». Был взломан стеной железный шкаф в квартире директора, откуда бесследно исчез перстень-талиман, подаренный поэту Е. К. Воронцову и переданный в музей Полиной Виардо после смерти И. С. Тургенева, хранившего реликвию. Не оказалось там и нескольких медалей, золотого пера, пули, по преданию, это была запасная пуля, найденная в кармане жилета раненого Пушкина.

²⁵ Музей «Лицеана» был создан в 1884 г. Задача его — изучение лицейской старины. Это библиотека, собранная из книг, написанных выпускниками Лицея. Такой «ученической» библиотеки не было ни в одном учебном заведении. Впоследствии к ней добавились портреты и курсовые снимки лицеистов, биографии выпускников, распоряжения начальства, программы культурных мероприятий. Приносили бывшие выпускники и свои реликвии, портреты первых начальников и директоров Лицея, бывших выпускников, отличившихся на разных поприщах государственной, общественной и военной службы. Там же находились и бюсты покровителей Лицея: императора Александра I, принца Ольденбургского и др.

²⁶ Речь идет о двух лицейских ковчеггах: это ларцы, которые держат на своих крыльях два белых орла. В ларцах находились Указ императора Александра I об открытии Царскосельского Лицея 19 октября 1811 г. и устав времен основания Лицея. Эти документы как главная ценность хранились в ковчеге, установленном в парадном зале.

²⁷ Лицейскую библиотеку должны были отправить в Екатеринбург для предполагавшейся там «Всеуральской библиотеки», но «Красная газета» сообщила впоследствии, что книги были брошены и забыты на железнодорожных складах в Москве. Почти половина из них пострадала при весеннем наводнении, а остальные были разворованы.

²⁸ Памятная гранитная плита с надписью: «Genio Loci primus cursus» (Гению, покровителю этих мест), которую в 1817 г. установили первокурсники в лицейском саду Царского Села на дерновом холме близ церковной ограды. Впоследствии перевезли в Петербург, установив в саду ИАЛ. Некоторые уверяли, что это память об Александре I, основателе Лицея, другие утверждали, что это дань памяти Пушкину, прославившему свою alma mater. Камень таинственно исчез в 1873 г.

²⁹ Памятник Александру I в саду Лицея.

³⁰ А. А. Повержо. «Воспоминания» БКМА. Ф. XIX-6(а). Далее — Повержо.

³¹ Прозвище «лицейский романтик» Повержо дал Павлу Евгеньевичу Рейнботу.

³² Прозвище Ананас носил курсовой воспитатель (1894–1917) Николай Александрович Колоколов. Получил свое прозвище за очень некрасивую внешность, но «курсовой воспитатель он был образцовый и любимый лицеистами. Сохранились стишки о нем: «Все мы

любим Ананас, ананас не любит нас» (Повержо, с. 48). «Это был очень порядочный человек, наружность же у него была очень потешная» (В. М. Кюхельбекер. «Воспоминания об Императорском Александровском Лицее». БКМА. Ф. XIX-9, с. 102. Далее — Кюхельбекер). Колоколов был арестован и провел несколько лет в заключении. «Смерть настгла его у решетки Лицея на Каменноостровском проспекте, когда он пошел в очередной раз взглянуть через решетку на родное здание, с которым была связана вся его жизнь» (*Глазунов И.* Россия распятая. М., 2000. Кн. 1. С. 64).

³³ Прозвище учителя математики Юлиана Августиновича Пиатровского (1882–1917), воспитатель ИАЛ (1885–1917). Кличка «Синус» «так за ним установилась, что один из воспитанников, думая, что это фамилия, обратился к нему со словами: “Монсье Синус”» (Повержо, с. 46) Учитель он был прекрасный, любимый воспитанниками, уважаемый коллегами.

³⁴ Матвей Дмитриевич Бублик (?–1923). Фамилию его воспитанники превратили в прозвище, называя его Типу-Тапу-Табунец — Бублик-Погорельский. «На Погорельский он еще соглашался, но на Типу-Тапу — нет, говоря своим малорусским акцентом: “Таж-не говорите глупостей”» (Повержо, с. 47). Начал свою службу в ИАЛ репетитором (1884–1887), затем был воспитателем (1887–1901), библиотекарем (1896–1901) и курсовым воспитателем (1901–1915). «Добрейший и кристально чистый человек» (Кюхельбекер, с. 102).

³⁵ Ричард Андреевич Теттенборн, учитель немецкого языка и литературы (с 1902 г.), дежурный воспитатель ст. оклада (1910–1917).

³⁶ Александр Эмильевич Нольде. Преподавал в ИАЛ торговое и морское право (1904–1909), римское право (1907–1910). Экстраординарный профессор по кафедре римского права (1910–1917).

³⁷ Жена Юлия Юлиевича Балы-Конта, преподавателя французской литературы в ИАЛ (1908–1917).

³⁸ «Памятные книжки» (ПК) лицейцев издавались собранием курсовых представителей в Петербурге с 1850 по 1916 г. в Петербурге и в Париже (1929, 1961). Они содержат в себе списки лицейцев с указанием курса и года выпуска и биографические данные выпускников, списки скончавшихся до окончания курса, краткие сведения о наставниках, некрологи и др. Последняя ПК была выпущена в Париже: «Императорский Александровский лицей. 1811 — 19 октября 1961. Памятная книжка лицейцев» (Париж, 1961).

³⁹ Старший сын и наследник Ивана Калиты, твердый и властный государь, неуклонно продолжавший объединение русских земель, начатое его отцом. Умер во время эпидемии чумы в 1353 г. Жертвами той же эпидемии пали его сыновья Иван и Симеон.

⁴⁰ Великий князь Владимирский (1328–1341), князь Московский, «первый собиратель земли русской».

⁴¹ Двоюродная сестра, племянница матери Шильдера, Елизавета Клиггенберг, рано потерявшая родителей, воспитывалась в семье Шильдеров.

⁴² Анна Михайловна Шильдер, урожд. Клиггенберг (1855 — не ранее 1928), «женщина на редкость умная, властная, имевшая огромное влияние в семье» (Повержо, с. 55).

⁴³ Приют для детей-идиотов и эпилептиков Братства во имя Царицы Небесной церкви Божией Матери Всех Скорбящих Радости находился в Петербурге, недалеко от Лицея.

⁴⁴ Вел. кн. Олег Константинович (1892–1914) закончил 69 курс ИАЛ в 1913 г. с серебряной медалью. Во всех курсовых делах принимал самое активное участие. К его чести было, что сразу изъявил желание, чтобы с ним обходились, как и со всеми лицейцами: не титуловали, директор и инспектор не подавали руки при встрече. Очень любил Пушкина и издал за свой счет рукописи поэта, хранившиеся в лицейском Пушкинском музее. Добровольцем ушел на войну в 1914 г., где и погиб на поле брани. Перед смертью узнал о своем награждении Георгиевским крестом.

⁴⁵ В ОГПУ Ленинграда оно было названо «дело воспитанников» и «Союз верных», а по первоначальному заголовку № 194 Б — «Контрреволюционной монархической организацией». Материалы по «делу лицейцев», с указанием фамилий осужденных и расстрелянных, подробно освещены в статье Н. К. Телетовой «“Дело лицейцев” 1925 года» (Звезда. 1998. № 6).

⁴⁶ Кроме бывших лицейцев были арестованы одновременно офицеры Семеновского полка и др.

⁴⁷ Федор Александрович Фельдман (1835–1902) — директор ИАЛ с 1896 по 1900 г. В некрологе говорится: «Непродолжительные годы директорства почтенного Ф. А. должны

быть отмечены, как время значительных улучшений в разных сторонах жизни Лицея... На погребальном богослужении по Федоре Александровиче присутствовал Лицей в полном составе педагогического персонала и воспитанников. На гроб усопшего был возложен серебряный венок от Лицея с надписью «Горячо любимому бывшему директору». Другой венок со столь же сердечной надписью возложили воспитанники Лицея» (БКМА. Ф. IVB-29(a)).

⁴⁸ Приговоренные к расстрелу лицейцы: Н. Н. Гераков, кн. Н. Д. Голицын, Б. П. Деларов, В. Н. Забудтый, Н. П. Йорданов, Н. К. Лялин, Б. Э. Плеске, А. С. Путилов, К. К. Турцевич, П. П. Ухтомский, М. В. Шильдер. Приговор приведен в исполнение 22 июня 1925 г.

⁴⁹ Екатерина Павловна Пешкова (1887–1965), первая жена и многолетняя спутница М. Горького. Значительная часть ее жизни связана с работой в правозащитных организациях. Входила в состав Московского комитета Политического Красного Креста, затем встала во главе комитета «Помощи политическим заключенным» (Помполит). ВЧК и ГПУ разрешали ей и некоторым ее ближайшим сотрудникам посещение тюрем, выяснение нужд заключенных, свидания с ними и снабжение продовольствием и вещами. Сотрудники Политического Красного Креста отправляли узникам — в тюрьмы, изоляторы и ссылки — посылки с теплой одеждой, лекарствами, книгами. Пешкова помогла многим: в их числе В. Бианки, А. Белый, Н. Клюев, А. Ухтомский. «Дорогая Екатерина Павловна, приходил от всей души поблагодарить Вас за любовь и внимание Ваше ко всем страждущим и ко мне грешному. Простите, что не могу ожидать Вас. Земной поклон, Андрей, Епископ Томский и Уфимский (в миру князь Александр Ухтомский). 1923, мая 3» (Политический журнал. 2005. № 29 (80)).

⁵⁰ Дом предварительного заключения (ДПЗ) — первая в России следственная тюрьма — находился в Петербурге, Шпалерная ул., 25. Построена в 1871–1875. В ДПЗ было 317 одиночных, 68 общих камер, карцеры, тюремный лазарет.

⁵¹ А. А. Сошина. «На вас вся надежда» — архивные материалы фонда № 8409 Спасо-Преображенского Соловецкого ставропигиального мужского монастыря. Далее: Сошина.

⁵² Федорченко В. Императорский дом. Выдающиеся сановники. Красноярск; М., 2001. Т. 1. С. 316.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Владимир Карлович Кнорринг (1854–1917), внук знаменитого генерала от кавалерии Владимира Константиновича Кнорринга, близкого друга П. А. Вяземского, который и посоветовал барону Кноррингу привести внука в ИАЛ. В Лицее был дружен с Н. Д. Голицыным. Письмо хранится в личном архиве М. И. Штакельберг (1926 г. р.), проживающей в Любеке, с которой автор встречалась в январе 2009 г. и ознакомилась с ее семейным архивом.

⁵⁵ Макаров Ю. В. Моя служба в старой гвардии. 1905–1917. Буэнос-Айрес, Доррего, 1951. С. 328.

⁵⁶ Татьяна Александровна Аксакова-Сиверс (1892–1982), выпускница Строгановского училища. Автор хронологически и фактологически точных воспоминаний «Семейная хроника». Арестована в 1935 году, сослана в Саратов (1935–1937) После освобождения в октябре 1937 г. была вновь арестована в ноябре этого же года и сослана в Пезмогский лагпункт. С 1943 г. — на поселении в Вятских Полянах, где прожила до 1967 г., несмотря на реабилитацию в 1957 г. С 1967 по 1982, год смерти, проживала в Ленинграде.

⁵⁷ Аксакова-Сиверс Т. А. Семейная хроника. Париж, 1988. Кн. 1. С. 71. — Далее: Аксакова-Сиверс.

⁵⁸ Александр Александрович Сиверс (1866–1954), генеалог и нумизмат. До революции — заместитель начальника Главного управления уделов, член совета Русского генеалогического общества, в 1920-е годы — старший помощник хранителя Эрмитажа. С 1922 по 1926 год — член библиотечной комиссии и заведующий библиотекой при Государственной академии материальной культуры. Впервые был арестован в 1918 году после убийства Урицкого, освобожден и вновь подвергся аресту в 1929 году, сослан на три года в Туруханск, откуда вернулся в 1933 году. В конце 1950-х годов заведовал нумизматическим отделом Исторического музея в Москве. Библиотека Сиверса была передана дочерью в Эрмитаж в 1929 г. К нашему времени она рассредоточена в фонде Научной библиотеки Санкт-Петербурга.

⁵⁹ Н. Флиге. «Записки». БКМА XIX-29(С). С. 11.

⁶⁰ Песик-братик — герой сказки братьев Grimm «Собака и воробей» рассказывает о собаке, погубленной злым возницей, которому отомстил за собаку-сестрицу воробей. В детских играх Тани и Саши собака-сестрица превратилась в братика.

⁶¹ Бережно сохранять лицейские памятные вещи было характерно для бывших воспитанников Лицея. Достаточно вспомнить друга Пушкина, Вильгельма Кюхельбекера. После его смерти в Сибири в его шкатулке драгоценных вещей нашли последнее письмо А. С. Пушкина, застужку от его манишки и померанцевый листок с могилы однокурсника Н. А. Корсакова.

⁶² Егор (Georg Rheingold) Антонович Энгельгардт (1775–1862), педагог, журналист. Директор Царскосельского Лицея (1816–1823). Поддерживал и укреплял основные традиции лицейского воспитания, заложенные первым директором, В. Ф. Малиновским (1865–1814). До своей кончины поддерживал питомцев Лицея, помогал им. Заступился перед Александром I за А. С. Пушкина, когда встал вопрос о ссылке поэта в Сибирь.

⁶³ Александр Михайлович Горчаков (1798–1883), сокурсник А. С. Пушкина. Дипломат, государственный деятель, канцлер (1867), министр иностранных дел (1856–1882).

⁶⁴ Положение о стипендии имени Егора Антоновича Энгельгардта. Собрание Указаний и распоряжений Правительства от 6 мая 1877 года № 39. «Стипендия имени Егора Антоновича Энгельгардта в Императорском Александровском Лицее» (издание барона Ф. Р. Остен-Сакена). СПб., 1905. С. 4.

⁶⁵ Эдуард Дмитриевич Плеске (1852–1904), выпускник ИАЛ 1872 г. (32 курс). Управляющий министерства финансов. Член Совета Лицея.

⁶⁶ Флиге Н. Н. «Записки». БКМА XIX-29(С). С. 11.

⁶⁷ Алексей Эдуардович Плеске (1889–1921), выпускник ИАЛ 1910 г. (66 курс). Служил в поземельном банке.

⁶⁸ Дмитрий Эдуардович Плеске (1894–1920), выпускник ИАЛ 1915 г. (71 курс).

⁶⁹ Николай Николаевич Флиге (1878–1959), выпускник ИАЛ 1898 г. (54 курс), камергер. Эмигрировав в 1919 г. во Францию, много сделал для сохранения памяти о Лицее, о безвинно погибших товарищах. Один из деятельных членов правления Объединения лицейских выпускников за рубежом, поддерживал связи с лицейскими представителями в разных странах мира, чем заслужил уважение и признательность среди бывших воспитанников Лицея.

⁷⁰ Н. Н. Флиге. «Записки», БКМА XIX-29(С). С. 11.

⁷¹ Евгений Антонович Рейнбот (1822–1905) выпускник последнего, 12-го курса Царскосельского Лицея. Тайный советник, почетный мировой судья.

⁷² Александр Евгеньевич Рейнбот (1876–?), лицеист 35-го курса ИАЛ, член Совета Министерства финансов. Будучи основателем и председателем Пермского экономического общества, он открыл первую библиотеку в уезде, вложив свои деньги. Одна из современных библиотек Пермской области носит имя А. Е. Рейнбота.

⁷³ Полн. собр. соч. А. С. Пушкина: в 6 т. / под. ред. С. А. Венгерова (сер. «Б-ка великих писателей Брокгауза и Ефрона»). СПб., 1904. Т. 1.

⁷⁴ Внук поэта, Григорий Александрович Пушкин (1868–1940), закончил 45 курс ИАЛ в 1889 г. Правнук поэта, Александр Павлович Кондырев (1898–1916), выпускник ИАЛ 1915 г. (69 курс).

⁷⁵ Петр Петрович Вейнер (1879–1931) закончил 54 курс ИАЛ в 1898 г.

⁷⁶ Журнал «Старые годы» издавался П. П. Вейнером с 1907 г. Постоянными подписчиками журнала были многие выдающиеся деятели культуры, известные писатели и художники. В 1916 г. журнал закрыли.

⁷⁷ Кроме картин один из значимых даров П. П. Вейнера в 1914 г. — собрание видов Петербурга и его окрестностей, более 200 листов архитектурной графики и рисунков Дж. Кваренги — самое крупное собрание чертежей этого архитектора в России.

⁷⁸ Письмо Т. Мякотина А. Н. Яхонтову (55 курс) от 5.08.1925. БКМА, Ф. XVJ-15.

ПУБЛИКАЦИИ И КОММЕНТАРИИ

В. Э. Вацуро

ЛИСТ ИЗ «ЛИЦЕЙСКОЙ ТЕТРАДИ»*

*Н*а листе 48 так называемой Лицейской тетради Пушкина (ПД 829) — первой по времени из известных

нам его рабочих тетрадей — есть запись, не поддающаяся сколько-нибудь убедительному толкованию. Она читается как «J'ai peu d'esprit peu de beauté» — «Я не умен и не красив» и представляет собою парафразу из «Précis du cantique des cantiques» («Изложение “Песни песней”») Вольтера. Единственная попытка ее комментирования принадлежит Т. Г. Цявловской; исследовательница обратила внимание на измененный почерк и предположила, что запись сделана левой рукой и потому, скорее всего, является шуткой; по положению в тетради она была отнесена к июню 1817 — 1818 году¹.

Запись из Вольтера сделана сверху листа, в правой части, на свободном поле, оставшемся от черновика фрагмента из II песни «Руслана и Людмилы» (сцена Рогдая и Фарлафа), занимающего левую верхнюю половину листа 48. Под этим последним автографом сделан прочерк, а рядом, правее, — профильный набросок курносого мужчины, обычно определяемый как портрет Павла I². Ниже, заходя на портретный рисунок, идут строки, составившие затем начало II песни поэмы:

* Редколлегия альманаха благодарит Тамару Федоровну Селезневу (вдове В. Э. Вацуро) за предоставленную для публикации работу знаменитого исследователя-пушкиниста, сохранившуюся в его личном архиве. В сопроводительном письме Т. Ф. Селезнева сообщает, что «в этой статье В. Вацуро атрибутирует портретный рисунок на рукописи Пушкина и французскую запись на этом листе, сделанную не пушкинским почерком. Заметка В. Э. Вацуро решает еще одну важную проблему: она уточняет начало работы над Песней второй поэмы “Руслан и Людмила”». Т. Ф. Селезнева пишет далее: «Этюд-разыскание В. Вацуро из “Лицейской тетради” Пушкина связан непосредственно с подготовкой второго тома нового академического полного собрания сочинений Пушкина, который Вадим Эразмович готовил в качестве редактора этого тома». Как известно, завершить работу над этим томом В. Э. Вацуро не успел. Эта статья не была передана в редколлегию сдвоенного XVI–XVII тома издания «Пушкин. Исследования и материалы», подготовка к печати которого велась также после кончины ученого. Вместо нее в этот том «вошел другой материал В. Э. — статья “Александр Чавчавадзе и русская романская лирика”, посвященная памяти скончавшегося тбилисского филолога и библиофила К. С. Герасимова».

Публикуя статью «Лист из Лицейской тетради», редколлегия «Пушкинского музея» отдает долг благодарной памяти Вадиму Эразмовичу Вацуро, многолетнему другу и члену Ученого Совета Всероссийского музея А. С. Пушкина.

«Соперники в искусстве брани...» и т. д., до строк «Война, и музы, и вино» (IV, 216–218). Это перебеленный автограф, с правкой; первоначальные наброски этого фрагмента находятся на листах 68 об. и 49 той же тетради. Есть некоторые основания предполагать, что этот последний текст был вписан позднее, на оставшейся свободной нижней части листа, и что запись (и портрет) были сделаны тогда, когда на листе находился лишь черновик и, может быть, сделанные одновременно с ним рисунки женских ножек — ниже записи, на правом поле.

Все это небезразлично, так как запись из Вольтера является датирующим указанием, не говоря уже о том, что она весьма интересна и сама по себе.

То, что Т. Г. Цявловская определила предположительно как запись левой рукой (с характерными наклонами букв влево), на самом деле не является почерком Пушкина. Это почерк П. А. Вяземского, со всеми его отличительными особенностями. Вяземский, таким образом, оказывается единственным известным нам лицом, оставившим при жизни Пушкина след своей руки в его черновой тетради.

Запись его, конечно, шуточна; вернее, травестийна. Она — парафраза слов Суламифи в свободной вольтеровской вариации: «J'ai peu d'éclat, peu de beauté; mais j'aime. Mais je suis belle aux yeux de mon amant» («Я не блистательна, не красива, но я люблю; Но я красива в глазах моего возлюбленного»)³. Вяземский, прекрасно знавший Вольтера, цитировал, конечно, по памяти; это место из «Изложения “Песни песней”» должно было запомниться ему еще и как демонстративное отступление Вольтера от подлинного текста, приведенного им в примечании во французском переводе (в русском тексте: «Черна есмь аз и добра <...>, якоже селения Кидарска, якоже завесы Соломони», — Песнь песней, 1: 4). Цитата адресовалась человеку, знавшему и вольтеровский текст, и соответствующие строки «Песни песней» и улавливавшему пародийный характер самой записи, — в противном случае пропал бы весь ее игровой смысл. Без сомнения, Вяземскому было известно, что «Изложение “Песни песней”» было в поле зрения Пушкина.

Есть основания думать, что так называемый портрет Павла I, как мы предполагаем, заключавший в это время заполненную часть листа, был связан с записью как прямая реплика на нее. В авторских вставках к «Автобиографическому введению» Вяземский вспоминал о пушкинской помете на полях его рукописи о Фонвизине: «В одном месте, где противопологаю мнение Гиббона о Париже и мнение Ф<он>-Визина, написал он на рукописи моей: “Сам ты Гиббон?”. Разумеется в шутку и более в отношении к носу моему, чем к моему перу. Известно, что Гиббон славился, между прочим, и курносием своим». Помета Пушкина сохранилась и была опубликована М. И. Гиллельсоном и автором этих строк в 1968 году вместе с приведенным комментарием Вяземского⁴.

Подчеркнутое, шаржированное «курносие» портрета на листе 48 естественно вызывало ассоциации с обликом Павла. Между тем если сравнить это изображение с несомненным портретом Павла (№ 581 по каталогу Р. Г. Жуйковой), сходство вовсе не окажется абсолютным; более того, в интересующем нас портрете есть одна деталь, повторяющаяся почти во всех пушкинских портретах Вяземского: прядь волос, нависающая надо лбом (см. № 264, 266, 267, л. 268), совершенно невозможная в портрете Павла. Нам представляется, что мы имеем дело с шаржем, изображением «курносия» в собственном смысле слова, графическим ответом на реплику «J'ai peu de beauté», получившим продолжение через десятилетие с лишком в

пушкинской помете о Гиббоне. Заметим, что комментарий Вяземского к ней носит внетекстовый характер; он восстанавливает ситуацию каких-то ранних шуточных бесед, быть может, восходящих еще ко времени первоначальной близости.

Когда могла быть сделана запись Вяземского? Предполагаемая ее дата: «1817. Июнь — 1818»⁵ неверна. Вяземский был в Петербурге в июне 1817 года, после выхода Пушкина из Лицея, — но лист 48 заполнялся позднее. Следующий приезд Вяземского в Петербург состоялся только в январе 1819 года; 20 января он писал А. И. Тургеневу, что отправляется завтра, — следовательно, приехал около 26 или 27 января; 9 февраля Карамзин сообщил И. И. Дмитриеву, что Вяземский уже уехал⁶. Четырнадцатого февраля 1819 года В. Л. Пушкин писал Вяземскому в Варшаву: «Скажи мне что-нибудь о племяннике моем, о его поэме и о похождениях его. Я уверен, что ты с ним бывал нередко»⁷.

В этот свой визит — в конце января — начале февраля 1819 года Вяземский и сделал интересующую нас запись, что вполне согласуется с традиционными датировками текстов на соседствующих листах.

Так, мы можем установить теперь верхнюю границу белого с поправками автографа начала II песни «Руслана и Людмилы» — первая половина (?) февраля 1819 года. Несколько ранее записан черновик этого фрагмента на л. 49; еще ранее — предшествующий ему на листе 49 черновой текст стихотворения «Как сладостно! но боги, как опасно...», датируемый обычно декабрем 1818 года. Работа над «Русланом и Людмилой» достигает большой интенсивности как раз после отъезда Вяземского; 12 февраля А. Тургенев сообщает Вяземскому: «Пушкин слег: старое пристало к новому и пришлось ему опять за поэму приниматься»⁸. Так предстает нам контекст, в который вписывается запись Вяземского.

Примечания

¹ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 290; Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799–1826 / сост. М. А. Цявловский. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1991. С. 140.

² См.: Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: каталог атрибуций. СПб., 1996. С. 263 (№ 580).

³ *Voltaire*. Oeuvres complètes. Paris, 1902. T. VIII. P. 414.

⁴ Новонайденный автограф Пушкина: заметки на рукописи книги П. А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине» / подг. текста, ст. и коммент. В. Э. Вацура, М. И. Гиллельсона. М.; Л., 1968. С. 39, 124.

⁵ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. С. 140.

⁶ См.: Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. I. С. 188 (письмо Тургеневу от 16 января, в котором Вяземский предполагает выехать через два дня и быть в Петербурге 24 января); с. 190 (письмо от 20 января); Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 255, 257.

⁷ *Пушкин В. Л.* Стихи. Проза. Письма. М., 1989. С. 244.

⁸ Остафьевский архив. Т. I. С. 191.

Е. М. Букреева

ВОСПОМИНАНИЯ ЛИЦЕИСТА XXXV КУРСА Ю. С. КАРЦОВА

Умя Юрия Сергеевича Карцова (1857–1931)¹, российского дипломата, публициста, историка продолжает оставаться известным только узкому кругу специалистов, занимающихся вопросами изучения истории внешней политики России последней четверти XIX века. Мемуары Ю. С. Карцова, опубликованные автором при жизни ограниченным тиражом², являются в наши дни библиографической редкостью. Между тем они представляют собой ценнейший источник по истории дипломатии, внешней и внутренней политики России, содержат большое количество характеристик государственных и общественных деятелей, как российских, так и иностранных.

Впервые предлагаемая к публикации³ глава из воспоминаний Ю. С. Карцова «Хроника распада», начатых в России и законченных в эмиграции в 1920-е годы⁴, посвящена петербургским встречам с однокурсниками по Императорскому Александровскому Лицею спустя 30 лет после его окончания. Осенью 1907 года Ю. С. Карцов приезжал в Петербург хлопотать о возможности занять вакантное место редактора газеты «Московские ведомости». Будучи блестящим литератором⁵ и публицистом⁶, широко известным своими обличительными статьями в адрес министров и чиновников, опубликованными в целом ряде центральных и региональных периодических изданий, Ю. С. Карцов надеялся с помощью влиятельных знакомых и однокурсников получить заветное место редактора. На страницах воспоминаний предстает целая плеяда лицеистов, выпускников XXXV курса — В. В. Белюстина, П. М. Кауфмана, Н. К. Никифорова, М. А. Остроградского, А. Е. Рейнбота, П. А. Кильдишева, и дается им краткая характеристика. Значительная часть повествования Ю. С. Карцова посвящена П. М. Кауфману, на тот момент министру народного просвещения, от которого в немалой степени зависела дальнейшая судьба газеты «Московские ведомости». Из-за конфликта с П. М. Кауфманом, приведшему к ухудшению отношений Ю. С. Карцова с некоторыми однокурсниками по Лицею, Юрий Сергеевич не присутствовал на торжествах, посвященных 100-летию со дня основания Императорского Лицея.

На страницах воспоминаний Ю. С. Карцова упоминаются лица, указанные без инициалов, что в значительной степени затрудняет их идентификацию. Сведения об установленных лицах даны в комментариях.

Текст воспоминаний приводится я без сокращений. Публикация осуществляется по машинописной копии, хранящейся в личном архиве внучки Ю. С. Карцова Анны

Карцовой⁷, в авторской редакции, с сохранением орфографических, пунктуационных и стилистических особенностей, характерных для первой четверти XX века. Местонахождение автографа Ю. С. Карцова неизвестно.

Юрий Сергеевич Карцов

Хроника распада

Глава XII

Воспитанники Императорского Лицея Карцова на дипломатической службе

В. А. Грингмут. Карьера его, значение и кончина. Кандидатура моя на пост редактора «Московских Ведомостей». П. М. фон-Кауфман, министр народного просвещения. К. А. Военский. В. В. Белюстин. Министр торговли и Промышленности Философов. Кауфман и Рейнбот на школьной скамье в Лицее. Карьера Кауфмана. Первое свидание с Кауфманом. Завтрак у Кауфмана. О. П. Герасимов. Е. В. Пасек. Елизавета Петровна фон-Кауфман. Открытое письмо Кауфмана. Непризнание конституции есть осуждение Государя императора и противление его воли. А. В. и С. П. Бельгарды. Вокруг вопроса — что будет с «Московскими Ведомостями»? Председатель «Русского Собрания» князь Шаховской. Братья Дедюлины. В Петергофе у Дворцового Коменданта. Князь А. А. Ширинский-Шихматов. Статья моя в «С.-Петербургских ведомостях» косвенный ответ Кауфману. Кауфман обвиняет меня в злоупотреблении письмом его и доверием. Курсовые товарищи: Н. К. Никифоров и князь П. А. Кильдишев. Примирение с Кауфманом. 19 октября — столетний юбилей Александровского Лицея. Император Николай II в кругу лицеистов.

Весною 1871 года, когда я учился в Москве в Лицее Цесаревича Николая и окончил третий класс⁸, поступил к нам новый наставник или, как английский лад их величал, тотор. Высокого роста, со светлыми волосами, по происхождению он был немец, сын московского пастора и старожилы. Звали его Владимиром Андреевичем Грингмутом⁹.

Стремясь приобрести расположение учеников, вначале казался он приветливым и добродушным. Школьники скоро ему надоели, и он бросил заигрывание. Мы, в свою очередь, посмеивались над важным видом и педантичными манерами молодого тотора. Фамилию его Грингмут переименовали мы в Грибамбука. Впоследствии кличка эта перешла в Гримбамбаса*^{*}

* Приведу забавный, слышанный мною от К. Н. Станишевского анекдот, который как нельзя лучше, характеризует отношение воспитанников к Грингмуту.

В классе Грингмута воспитанник Анненков отказался отвечать урок физики. На вопрос, почему он отказывается, потому, — объявил он, что физика мещанская наука, а я белая кость. — Неожиданностью и нелепостью подобного ответа сбитый с толку, Грингмут сердился, грозил наказанием, но Анненков упорно стоял на своем и тоном глубокого убеждения повторял: — физика мещанская наука, а я белая кость. В продолжении этой сцены весь класс перемигивался, и, поглядывая на Грингмута, лукаво улыбался.

Видя, что ничего не помогает, Грингмут пошел жаловаться Каткову, а тот пригласил к себе отца Анненкова: — что это ваш сын выдумал? — сказал ему Катков. У нас в Лицее ни черной, ни белой кости, а единственно воспитанники, занимающиеся наукою.

Загадочная выходка Анненкова объяснилась скоро и просто. Он держал пари с товарищами, что разбесит Владимира Андреевича и доведет его до белого каления. Себе и отцу, правда, наделал он хлопот, но достиг цели, разозлил Грингмута и выиграл пари.

Одновременно с педагогической деятельностью, сотрудничал Грингмут в «Московских Ведомостях»¹⁰. Пока был жив Катков¹¹, положение его в редакции было скромное и незаметное. Талантом он не блистал, слог его был сух и ординарен, но газетный работник он был знающий и полезный. Постепенно восходя по лестнице педагогической и журнальной карьеры, был он старшим тьютором, директором Лицея и под конец воссел на кресло самого Каткова, стал редактором «Московских Ведомостей».

Во время революции выказал он выдающиеся агитаторские способности. Пробудившееся в высших кругах московского общества контрреволюционное движение захватило его и подняло. Общим голосом признан он был вождем монархической партии в Москве.

После его кончины возник вопрос, с точки зрения борьбы с революцией и спасения монархии, первостепенного значения: кто будет преемником Грингмута и в чьи руки попадут «Московские Ведомости»?

Юридически «Московские Ведомости» принадлежали Московскому Университету, учреждению прогрессивному, а фактически они зависели от министерства Народного Просвещения и отстаивали охранительные начала. Либеральная печать возмущалась подобною аномалиею и требовала возвращения газеты законному ее собственнику — Московскому Университету.

В эту минуту министром Народного Просвещения был Петр Михайлович фон-Кауфман, товарищ мой по Александровскому Лицею и однокурсник¹². И, вот, осенила меня мысль прибегнуть к Кауфману — не согласится ли он отдать мне «Московские Ведомости» в арендное пользование, другими словами, предоставить мне вакантное место Грингмута?

Кауфмана в городе не было. Он находился в отпуску за границу. В ожидании его возвращения, решил я повидать старых товарищей и, вообще, лиц влиятельных, и попросить у них совета и содействия.

Начал я с К. А. Военского¹³, бывшего лицеиста, дальнего моего родственника, единомышленника и сотрудника по литературным и газетным делам. Он служил в министерстве Народного Просвещения и занимал должность Начальника Архива. Назначил его недавно Кауфман, который любил везде сажать лицеистов «плодить плотву», как он выражался. Военскому, разумеется, очень хотелось, чтобы я получил в распоряжение влиятельную газету, в которой и он мог бы участвовать и помещать статьи. О Военском, впрочем, речь будет еще впереди.

Вместе с Военским вышли мы из его кабинета, расположенного в нижнем этаже здания министерства, поднялись по витой лестнице и велели доложить о себе товарищу министра В. В. Белюстину¹⁴.

Небольшого роста, тщедушный на вид, Белюстин был человек прекрасных душевных качеств, но слабоволен и лишен инициативы. В Лицее шесть лет просидел он на скамье рядом с Кауфманом и потом всю жизнь за него держался.

— Весь вопрос, — сказал Белюстин, — останутся ли «Московские Ведомости» в ведении министерства Народного Просвещения. Перейдут они в ведение министерства Внутренних дел, тогда и решение вопроса — кто будет редактором — зависеть будет не от Кауфмана, а от Столыпина.

С уходом Великого князя¹⁵, служба моя, носившая характер личный, утратила всякий смысл. В отставку, тем не менее, я не вышел и продолжал числиться чинов-

ником Особых поручений. С той поры Главноеуправление торговым мореплаванием преобразовалось в министерство Торговли и Промышленности. Министром сначала был Тимирязев¹⁶, после него Философов¹⁷, а товарищем министра — лицеист моего курса Михаил Александрович Остроградский¹⁸.

Как и Белюстин, Остроградский, был другом Кауфмана и отчасти обязан ему своею карьерою. Роста довольно высокого, приятной наружности, очень неглупый, он был типом корректного петербургского бюрократа сановника. Весь отдавшись жуирству и страсти к женщинам, к вопросам общественным он был глубоко индифферентен. Встретил он меня по-товарищески, облобызался, в манере и звуке голоса сквозило все-таки сознание достигнутого положения.

— Я слышал, — ты написал хорошую книгу, — заговорил он. Очевидно, он хотел выразить мне что-нибудь любезное. — Я ее не читал. Впрочем, — поправился он, — книг я более не читаю. В наши лета пора перестать искать разума в книгах и жить на основании собственного опыта. —

Я рассказал ему о своих видах на редакторство «Московских Ведомостей» и о том, что возлагаю надежды на покровительство Кауфмана.

— Об этом потолкуй с Кауфманом, — перебил он меня. Без сомнения он сделает все, что может. А я очень занят. Теперь дума у нас благоразумная. Работать с нею будет легко и удобно.

В виц-мундире, с портфелем под мышкою, Остроградский спешил к министру с докладом. Задерживать его и затягивать беседу было бесполезно. Я встал и распростился.

Какими заслугами перед отечеством выдвинулся Философов — это тайна, которую едва ли раскроет история и узнает потомство. Полагать надо, он был отменный службист и великий мастер писать отношения и составлять доклады.

Когда я ему представился, оказалось, — мы с ним были знакомы и, однажды провели вечер в горячих спорах. Случилось это давно, лет тридцать тому назад. Тетка его, Анна Павловна Философова¹⁹, жена Главного военного прокурора пригласила меня на чашку чаю, но отлучилась и, в отсутствие свое поручила занимать меня молодым людям — сыну и племяннику.

Анна Павловна Философова была известною передовою женщиною феминисткою. Муж²⁰ — Главный военный прокурор и подписывает смертные приговоры, жена — корифей либеральной кружковщины, устраивает благотворительные спектакли в пользу эмигрантов и прячет революционную литературу в кабинете мужа, — карикатурные явления, возможные только в России.

Разговор у нас происходил на тему обновления России и неотложности либеральных реформ. Оба собеседника, длинновязый племянник в особенности, поразили меня крайним радикализмом взглядов.

Бюрократия была Ноевым Ковчегом, в котором всякая животная тварь находила приют, благоденствовала и преуспевала. С его ярко пунцовыми социалистическими убеждениями, Философов пошел в гору и стал министром, а я, горемычный, патриот и государственник, стучался напрасно в запертые двери и навязывал свои услуги, в которых никто не нуждался.

Отнесшийся ко мне было милостиво, как только упомянул я про «Московские ведомости», Философов вздрогнул, и лицо его приняло неприятное выражение.

— Зачем нам «Московские ведомости»? Мы совсем не интересуемся «Московскими Ведомостями», — воскликнул он с неудовольствием.

— Ну, брат, — выходя от него, я подумал, — остался ты таким же красным, каким был в молодости. Хороши у царя, нечего сказать, слуги. И куда заведет Россию игра в конституцию, которую затеяла бюрократия, мрачный фарс с неизбежною трагическою развязкою?

Между тем приехал Кауфман и уже побывал в министерстве. Белюстин сообщил ему о моих намерениях и что мне необходимо с ним видаться. Несколько раз из министерства звонил Кауфман по телефону Столыпину, но тот долго не отзывался. Из этого обстоятельства догадливые чиновники вывели заключение — положение Кауфмана непрочное и скоро он будет уволен.

В тот же вечер известил меня Кауфман запискою: завтра в 12 часов ждет он меня у себя, Аптекарский остров, дача министра Земледелия.

День был тихий осенний. Из-за плывших по небу тучек, словно нехотя выглядывало солнце. На деревьях еще качались совсем желтые, готовые упасть листья. Дорога, по которой я ехал на Аптекарский, была знакомая, мимо Александровского Лицея, затем она свернула и пошла закоулками и далее по набережной Большой Невки, пока, наконец, не остановил извозчик лошади перед воротами министерской дачи. Тут обступили меня, охранявший министра, наряд полицейских.

В лицее среди воспитанников моего выпуска наиболее выдающимися были Кауфман и Рейнбот Александр²¹. И тот и другой прекрасно учились и подавали большие надежды.

Трудно было найти двух людей более непохожих. Кауфман стройный, красивый юноша, с головою греческого героя, отзывчивый, жизнерадостный, любимец товарищей и начальства, — Рейнбот неказист с виду, снедаемый честолюбием, не любим и завистник. Ум у Кауфмана был положительный и практический, — Рейнбот был математик, отвлеченный теоретик и кабинетный ученый.

Соответственно и обстоятельства жизни сложились каждому иначе. Кауфман пожинал служебные лавры и шел от успеха к успеху, — Рейнбот бедствовал и терпел неудачи. Невзирая на успехи, Кауфман не воображал себя гением, — о дарованиях своих Рейнбот был огромного мнения, и притязания его были безмерны. Крупного ничего, однако, он не создал, и научных трудов после себя не оставил. Он заболел душевною болезнью и кончил жизнь в доме умалишенных.

Сын Генерал-интенданта, племянник Генерал-губернатора Туркестанского края, Кауфман наперед был уверен — его ожидает блестящая карьера. На одном из товарищеских обедов, воодушевившись и растрогавшись, он дал торжественное обещание: — в какие бы взаимно условия не поставила нас судьба, по отношению к вам, друзья-товарищи, я останусь тем же Кауфманом и сделаю для вас все, что будет в моих силах.

Слово свое он сдержал свято. Не только своим однокурсникам, но и всем лицеистам вообще служил он постоянным прибежищем; выхлопывал места, выручал в беде и определял детей в учебные заведения.

Во время диктатуры сердца, перед событием 1-го марта 1881 года, состоял он при диктаторе графе М. Т. Лорис-Меликове²² и сохранил о нем благодарное воспоминание.

Затем принимал он участие в ревизии сенатора А. А. Половцева²³, в результате которой последовало увольнение киевского генерал-губернатора М. И. Черткова²⁴. — Ольга, Великая княгиня, прогнала половцев из Киева, а Половцев прогнал из Киева Ольгу, т. е. супругу Черткова, Ольгу Ивановну²⁵, — ходила острота по этому поводу. Коренной петербуржец, Кауфман очень гордился этою экскурсиею и называл ее хождением в народ.

По окончании ревизии Половцев был назначен Государственным секретарем и начальником Государственной канцелярии, куда под его начальство поступил Кауфман.

Все дороги открыты были перед Кауфманом. Любое ведомство предоставило бы ему видное место. К общему удивлению принял он должность, правда, influentialную и почетную, но лишенную всякого идейного и боевого значения — начальника канцелярии Главноуправляющего ведомством императрицы Марии.

Четвертое отделение или ведомство императрицы Марии — особый мир почетных опекунов, начальниц институтов и старых фрейлин, ныне отошедший в область преданий. Здесь, в этой придворной педагогической атмосфере, бесшумной и спертой, проявил Кауфман счастливые стороны своего характера: приветливость, находчивость и служебный такт. Главноуправляющий, граф Протасов-Бахметев²⁶ в нем души не чаял и скоро дал ему повышение, назначив его своим помощником.

Между ними, однако, пробежала кошка. Графу Протасову показалось: Кауфман поступает слишком самовластно и не признает его авторитета. Вдовствующая императрица Мария Федоровна взяла сторону своего фаворита, графа Протасова. Кауфман вынужден был покинуть ведомство, но в Государственный совет не попал, а ушел со званием сенатора.

Неудача эта была только временною и не повредила дальнейшей карьере Кауфмана. Во время русско-японской войны заведовал он учреждениями Красного Креста в районе действующей армии, потом назначен был членом Государственного Совета и, в заключение, в объединенном кабинете Столыпина получил портфель министра Народного Просвещения.

— Кто вы такой и по какому делу? — Я объяснил, что меня вызвал министр и, в доказательство предъявил записку Кауфмана. Тогда повели меня вверх по лестнице, а затем сквозь длинную анфиладу...

В освещении пасмурного утра, плохо мебелированная и с голыми стенами, казенная дача казалась пустынною и неудобною. Под конец очутился я в небольшой комнате, которая, по-видимому, служила кабинетом. Посреди стоял простой деревянный стол и такие же два стула. Вместо письменных принадлежностей на столе лежал, признак времени, заряженный револьвер.

Послышалось приближение шагов, дверь растворилась, и вошел Кауфман.

— Здорово, друг Юрий, — приветствовал он меня, горячо обнимая. — Как поживаешь?

— Спасибо, ничего, слава Богу, — отвечал я.

С Кауфманом не видались мы несколько лет. Теперь я не узнал бы его, так он изменился: на голове и бороде обильно змеились седые волосы, вид у него был растерянный и нервный.

— Почему это ты не поместил сына²⁷ в Лицей? — упрекнул меня Кауфман.

— Потому что, предвижу, — времена предстоят тяжелые. Нельзя будет, как прежде, выезжать на служебном шарлатанстве, а надо знать что-нибудь положительное.

Кауфман усмехнулся. — Полно, полно. Вот мой Миша лицеист²⁸, а вместе с тем, человек практический: прекрасно управляет домом.

Сына своего пустил Кауфман по торной дорожке: лицей, лейб-гусарский полк, богатая женитьба. Сначала все удавалось и шло как по маслу, а потом сорвалось: вспыхнула война с немцами, и в первом же бою бедный Миша пал смертельно раненый.

— Белюстин сообщил мне, — продолжал Кауфман, — о твоём намерении сделаться редактором «Московских Ведомостей». Неизвестно, останется ли газета в моем распоряжении, или отойдет в министерство Внутренних дел. На днях этот вопрос решится, и тогда я тебя извещу. — Кауфман затем выдвинул ящик и достал оттуда бумагу. — Посмотри, воззвание это распространил я от своего имени, когда находился в Сибири и заведовал Красным Крестом.

Я пробежал воззвание глазами. Кауфман убеждал население довериться Государю, который исполнит обещание и даст реформы.

— Тебе не нравится? — спросил Кауфман, заметивший на лице моем выражение недовольства.

— Мне кажется, — сказал я, — ты слишком мягко относишься к революционерам, словно с ними соглашаешься.

— Что делать? Этого требуют обстоятельства. «Московские Ведомости» тоже вынуждены будут, сообразуясь с духом времени, переменить направление.

Из разговоров с Кауфманом я вынес впечатление: отстоять «Московские Ведомости» в прежнем их виде у правительства не достанет гражданского мужества, а, в таком случае, кандидатура моя по существу неприемлема и должна провалиться.

Между тем, вопрос — что будет с «Московскими Ведомостями», — обсуждался в печати и волновал черносотенные круги в Петербурге и в Москве. Меня считали кандидатом Кауфмана и поэтому одному относились ко мне с предубеждением. Обнаружился конкурент, проживавший в Москве и служивший по цензурной части, Назаревский. Кандидатуру его, будто бы, выдвигал влиятельный деятель черносотенного лагеря, протоиерей Восторгов²⁹.

Несколько дней спустя получил я от Кауфмана записку с приглашением позавтракать. Еще раз путешествие на Аптекарский остров, допрос полицейской охраны, анфилада внутренних апартаментов и в конце ее небольшая комнатка. На столе положено было, видно с умыслом, открытое и несогнутое, маленькое письмецо. Машинально отодвинул я его и ждал появления Кауфмана.

Но он не пришел. Меня позвали в гостиную, где вступила со мною в беседу супруга Кауфмана, Елизавета Петровна.

— Вы прочли письмо моего мужа? Напечатайте его у Шарапова³⁰, — напустилась она на меня. — Никакого письма я не читал, Елизавета Петровна, и с какой стати стану печатать я его у Шарапова? — отвечал я, озадаченный неожиданностью нападения и агрессивностью тона.

Только что вернулась она из Парижа, гуляла по бульварам и наготовила себе платьев на зиму. Казалось, она должна была быть довольною, как вдруг, к изумлению моему, хлынул обильный поток горьких жалоб.

— Верите ли, Юрий Сергеевич, — облегчала она душу, — Петя министр, а мы бедствуем. Содержания восемнадцать тысяч нам не хватает. Дачу эту, и ту дали нам с трудом и на короткое время. На Петю сыплются обвинения, он юдофил. Это несправедливо, жидов он не любит. —

Слушая ее, невольно я подумал: всю жизнь добивались люди высокого положения и теперь, достигнув его, вместо удовлетворения, испытывают обратные его действия.

Елизавета Петровна принадлежала к трудящейся интеллигенции и до замужества служила на телеграфе. Петя, который ее возвысил, был для нее полубогом. В него самого и в редкую его способность справляться с затруднениями и выходить победителем, верила она безусловно. Явились, однако, обстоятельства, бороться с которыми и практическому уму Пети оказывалось не под силу. Она усомнилась и пришла в отчаяние.

— Перейдемте в столовую, — сказала Елизавета Петровна, — Петя и гости, наверно, уже там.

Кроме меня в этот день у Кауфманов завтракали: другой Товарищ министра Народного Просвещения, О. П. Герасимов³¹, ректор Юрьевского университета, Е. В. Пассек³² и чиновник Особых поручений — Полянский.

Сидевший напротив меня Герасимов был мужчина высокого роста, с козлиною бородкою, худой и нервный. Выражение лица его было озлобленное и неприятное. Говорил он резко, тоном, не терпящим возражений.

Педагог по профессии, Герасимов служил в Москве, вошел в доверие и приобрел расположение влиятельных московских черносотенцев. Должность Товарища министра получил он благодаря их поддержке. Понятно их негодование, когда обнаружил он себя кадетом и, чего они никак простить ему не могли, юдофилом.

Е. В. Пассек был тот самый Пассек, который учился в юридической семинарии в Берлине³³, и, которому раскрывал я тайны назревшего франко-русского соглашения. Он постарел и вид имел болезненный. Прибыл он в Петербург хлопотать по делам университета.

Сервированный с грехом пополам, завтрак был ниже среднего, куда хуже, нежели бывало, когда Кауфман был простым смертным. Заваленным по горло делами и с напряженными нервами, хозяевам, очевидно, было не до забот о кухне.

Кауфман, Герасимов и Пассек вели между собою или, вернее, продолжали беседу о служебных делах. Особенно импонировал Герасимов. Попытки мои, вставить слово, звучали диссонансом и терпели неудачу. Полянский, как и подобает подчиненному, слушал умные речи и хранил молчание.

Когда завтрак кончился и гости ушли, — ты прочел мое письмо? — обратился ко мне Кауфман. — Я нарочно положил его для тебя.

— Я видел, лежало письмо на столе, но не знал, что оно мне предназначено и, по этой причине, его не трогал.

— В таком случае, я пойду и его принесу, — и с этими словами Кауфман вышел, оставив меня с Елизаветою Петровною вдвоем.

— Откуда это — спросил я ее, выкопал Петя этого интеллигента дикобраза? Неужели не мог он найти Товарища поприличнее?

— А, вы про Герасимова. На него нападают и ставят его в укор Пете. И вы туда же за прочими... Человек он, правда, невоспитанный, но знающий и работающий.

— Он много вредит Пете.

— А вот и письмо, — воскликнул, войдя, Кауфман. — Читай и поучайся. — Быстро прочел я письмо. Содержание его, помнится, было следующее:

Как ни смотреть на дарованную царем конституцию, — рассуждал Кауфман, — она представляет определенный акт Высочайшей воли, который нельзя взять по произволу обратно. Восставать против нее, значит доказывать, давая ее, царь не знал, что делал, а тогда вывод ясен...

В то время как я читал письмо, Кауфман следил за мною глазами.

— Что ты на это скажешь? — спросил он, когда я кончил.

— А то, что происходит перестановка ролей. Либералы и кадеты, стремившиеся ограничить царскую власть, они теперь ее защитники и подлинные царские слуги, а мы, монархисты, ее отстаивавшие, попадаем в разряд царских ослушников и непокорных. Именем царя ты требуешь, чтобы мы положили ору[жие].

Уверен ли ты, что так думает царь, или, быть может, это взгляд Столыпина и его министров?

— Письмо — выражение личного моего мнения. Я принимаю за него ответственность и готов его хоть напечатать. Ты можешь свободно показывать его своим единомышленникам, — самоуверенно и решительно объявил Кауфман.

— Все это кончится трагически, — вывел я заключение. Революция не удовлетворится конституцией, этою бюрократическою фикцией и пойдет своим ходом. Тебя уволят, а Столыпин обязательно будет убит.

Положив письмо в карман, я встал, чтобы распоститься. — Погоди, — сказал Кауфман, — мы выйдем вместе.

— Ты можешь хлопотать далее, — продолжал он, когда мы сели на извозчика. — Обратись к царю или повидай Столыпина.

— Хорошо, устрой мне аудиенцию у Столыпина.

— Сделай это официальным путем через Бельгарда. Пусть он позвонит. Столыпин тебя примет.

Мы были уже на Троицком мосту. — В таком случае, я поеду к Бельгарду. Скажи, пожалуйста, в какой степени письмо твое подлежит оглашению, спросил я и остановил извозчика.

— Смотри только, чтобы не попало оно в печать, а так ты вправе делать с ним все, что хочешь.

Тут мы с Кауфманом расстались. Он поехал к себе на городскую квартиру по направлению Литейной, а я на Конногвардейский бульвар к Начальнику Главного управления по делам печати — А. В. Бельгарду³⁴, просить его устроить мне аудиенцию у Столыпина.

С А. В. Бельгардом я был мало знаком, но жену его, Софью Петровну, в девичьих княжну Урусову, по первому браку Верман, я знал в дни моей юности. Покойная моя матушка³⁵ и родители ее, князь и княгиня Урусовы, жили в Вильно и часто видались. Там же проживала семья Столыпиных, Аркадий Дмитриевич³⁶ и супруга его Наталья Михайловна³⁷. Со вторым сыном их, Мишею³⁸, мы были большими приятелями. Это был юноша душевно чистый и прекрасный во всех отношениях. Третий сын, Петя³⁹, будущий премьер, был еще мальчиком. Обстоятельства давнишние и позабытые, и ссылаться на них, разумеется, не приходило мне в голову.

Бельгардов, мужа и жену, застал я дома. Я начал с того, что предъявил им письмо Кауфмана. Они очень изумились, чего ради понадобилось Кауфману написать мне такое profession de foi.

— Я к вам по указанию Кауфмана, обратился я к Бельгарду. — Не будете ли вы столь добры позвонить Столыпину и попросить его назначить мне аудиенцию.

Не говоря ни слова, Бельгард подошел к телефону. Тотчас раздался ответный звонок. — Столыпин находит — свидание излишне, — обернулся ко мне Бельгард и добавил: — я передал Столыпину — вас направил к нему Кауфман. Как видите, без результата.

— Хорош Кауфман, — воскликнул я под впечатлением незаслуженной обиды. — Не можешь сделать — не делай. Но зачем обнадеживать напрасно и ставить в глупое положение. Я был уверен, — он переговорил со Столыпиным и аудиенция обеспечена.

— Меня поразило, — подлил масла в огонь Бельгард, — когда на совещании говорили о вас, Кауфман сидел молча и ничего не вымолвил в вашу пользу.

На единомышленников моих, монархистов, письмо Кауфмана произвело действие брошенной бомбы. Пришел в движение и заволновался черносотенный лагерь. Некоторые изъявили желание снять с письма копию. Я согласился, взяв, однако, слово, что оно не попадет в газеты.

Беклемишев⁴⁰ и Бутми⁴¹ негодовали на Кауфмана и ругали его отборной бранью. — Отстаивать самодержавие, значит, не повиноваться царю и его дискредитировать. Хитро придумано. А как думает царь и дал ли он право Кауфману говорить его именем?

— Кауфман предупредил меня, — это личное его мнение.

— Да, но он царский министр и по этой причине помимо царя не должен высказывать взглядов, колеблющих основной принцип самодержавной власти, которая еще не отменена законом. Довольно встать на точку зрения Кауфмана, и тогда монархическая пропаганда подсечена в корне.

— А я бы на вашем месте отправился в Петергоф к дворцовому коменданту генералу Дедюлину⁴², показал ему письмо и поставил вопрос ребром: — разделяет ли царь мнение своего министра или нет? Для нас, черносотенцев, вопрос представляет безусловную важность: кто мы: защитники царя или ослушники его и противники? — посоветовал известный монархический деятель, присяжный поверенный П. Ф. Булацель.

— Брат коменданта, сенатор Дедюлин, живет, кстати, против меня в Ковенском переулке. Идем к нему. Он устроит тебе свидание с братом, — предложил Военский. — Ты его, наверное, помнишь? Он служил в Вильне Товарищем военного прокурора.

Обращать письмо в орудие против Кауфмана и товарищеские с ним отношения приносить в жертву политической борьбе мне очень не хотелось. Но, огласив письмо, я сжег свои корабли. — Кауфман отрекся от меня первый, — говорил я в свое оправдание. Вольно же ему было давать мне письмо с тем, чтобы я показывал его всем и каждому, — я-де принимаю за него ответственность и ничего не боюсь, — и вводить меня в искушение. Какие бы не были последствия, пусть пеняет он себя.

С Николаем Александровичем Дедюлиным не видался я более двадцати лет. В долгий этот промежуток, очень естественно, постарели мы оба. И, несмотря на это, показался он мне таким же бодрым и жизнерадостным, каким я знал его в Вильне.

Мы вспомнили прошлое, вечера у Градовских. Профессор А. Д. Градовский⁴³, известный государствовед, приобрел дачу в Вильне, на берегу Вилии и проводил на ней лето. — Голос у меня сохранился, и я пою по-прежнему: — весело похвастался Дедюлин.

Прочтя письмо Кауфмана, выразил он готовность переговорить с братом и устроить мне с ним свидание. — Брат сейчас на охоте с Государем, но этого никто не должен знать, — сказал он, понизив голос. А про Столыпина, — его скоро убьют, — добавил он и словами этими обнаружил сокровенное желание своего брата и, нетрудно было догадаться, самого Государя.

Вопросу, что будет с «Московскими Ведомостями» Совет Русского Собрания⁴⁴ решил посвятить особое заседание. Я познакомился с председателем Собрания князем Шаховским⁴⁵, старичком довольно бесцветным. Он передал мне разговор свой со Столыпиным. — Вы хотите, — сказал он Столыпину, — уничтожить газету, которая в течение полутора лет служила органом консервативной мысли.

Затем приступил я к составлению статьи, которая, по уговору с редактором князем Ухтомским, должна была появиться в «Петербургских Ведомостях». Я проводил мысль, что принесение в жертву «Московских Ведомостей» — есть только один из этапов капитуляции, которую совершает кадетствующая наша бюрократия. Она отступает перед революцией и сдает ей позицию за позицию: сегодня «Московские Ведомости», завтра казаки. Укрепления переходят в руки врага одно за другим. Сдастся и последний форт, а тогда останется лишь уйти и очистить крепость.

Между тем, Дедюлин уведомил меня через Военского — брат его дворцовый комендант примет меня в Петергофе на следующий день от 11–12 часов утра. Прежде, нежели ее напечатать, намеревался я показать статью коменданту. Всю ночь напролет просидели мы с Беклемишевым, обдумывая ее и переделывая.

Поздняя осень вступила в свои права. Деревья без листьев торчали голыми. Петергоф опустел и словно вымер. На улицах ни людей, ни экипажей. Окутанные зловещею, серою мглою, насквозь пропитанные сыростью, мрачно глядели дворцы и здания.

Попасть к дворцовому коменданту задача была нелегкая. После обычных распросов, кто я, зачем мне комендант и т. п., повели меня в приемную канцелярии, комнату пустую и без признаков мебели. Мне принесли стул из канцелярии.

Вокруг меня разыгрывались бытовые сценки. На стене висел телефон. К нему подошел начальник канцелярии. Наружности он был неказистой, но сердца, по видимому, нежного. Не стесняясь присутствием постороннего, битый час ворковал он со своею супругою, прибавляя к каждой фразе: *N'est pa Cherie*. Что отвечала ему, я не знаю. Походкою вперевалку входил и выходил армянского типа генерал и балагурил с чиновниками, которые называли его «князинька». Это был помощник коменданта, князь Туманов.

Наконец, позвали меня к коменданту, который жил в павильоне рядом, впустили, однако, не сразу, а заставили ждать на улице. — Вы откуда будете, — подошел ко мне и участливым тоном спросил меня какой-то загадочный субъект с бороною

и в пальто на вате. — Из Царства Польского. — Вы там служите? — Нет, я помещик. — Помещики, а какой у вас урожай? Не особенный. Ах, как жаль.

Генерал Дедюлин принял меня благосклонно. Я дал ему прочесть сначала письмо Кауфмана, а потом статью, предназначенную в «Петербургские Ведомости».

— Ваше Высокопревосходительство, — заявил я Дедюлину, нам, монархистам, необходимо знать — по отношению к Престолу на какой мы стоим почве. Отстаивая полноту власти и прав Государя, являемся ли мы царю верными слугами или, как утверждает Кауфман, послушниками его воли, выразившейся в даровании конституции?

— Кауфман меня удивляет. Я не знал его таким, — в раздумье и неохотно произнес Дедюлин. — Что касается «Московских Ведомостей», обратитесь к князю Ширинскому-Шихматову⁴⁶. Вопросом этим он очень интересуется. Быть может, вы его воодушевите.

Разговор с Дедюлиным, неотзывчивость его и уклончивость, повергли меня в недоумение. Вместо того чтобы, воспользовавшись близостью к царю, пойти к нему, узнать его мнение и на вопрос, поставленный категорически, принести ответ положительный, отсылает он меня к другому лицу, хотя и с весом, но прямого касательства к делу не имеющему. Редактор «Русского Знамени» А. И. Дубровин⁴⁷, хорошо знавший Дедюлина, образ действий его объяснил следующим образом. Привожу это объяснение, не ругаясь за его правильность.

В Градоначальстве служил некий Жеденев. Он был известен тем, что стрелял в публициста Меньшикова. Когда его уволили, оставшись без места и жалованья, Жеденев начал обличать начальство и злоупотребления его выводить на свежую воду. Некоторые из этих злоупотреблений восходили, будто бы к тому времени, когда градоначальником был Дедюлин, обстоятельство деликатное, о котором Столыпин был осведомлен. Сменивший Дедюлина генерал Драчевский был ставленником его и продолжателем. Хотя виновным в злоупотреблениях Дедюлин не был, но довольно того, что он их допустил, а потому он опасался, как бы они не всплыли и его не скомпрометировали. Под этим гнетом старался он со Столыпиным ладить и столкновений с ним избегал.

Внешним обликом и звуком глосса брата Дедюлины походили друг на друга. Во всех прочих отношениях это были совершенно различные люди. Николай — славный малый и душа нараспашку, — Владимир — карьерист, мягко стелющийся и лукавый. По роду службы недаром соединял он в себе полицейского, жандарма и царедворца.

Заслуженный бюрократ, член Государственного Совета, князь Ширинский-Шихматов был одним из вождей крайней правой партии. После разгона первой Государственной Думы, в недолговечном кабинете Горемыкина занимал он пост Прокурора Святейшего Синода.

Явившись к нему и рассказав ему переговоры мои с Дедюлиным, ознакомил я его с письмом Кауфмана и статьею, косвенным ответом Кауфману, которая должна была появиться в «Петербургских Ведомостях».

— А мы с Владимиром Александровичем Дедюлиным, — сообщил он мне, — вот уже несколько вечером подряд обсуждаем вопрос, как бы спасти «Московские Ведомости».

— Заставить «Московские Ведомости», — сказал я, — переменить направление и превратить их в либеральный орган, — это значит порвать со всеми традициями газеты и развенчать ее в глазах общественного мнения.

— К несчастью, правительство поставило себе целью, и, не зная, как сильнее выразить негодование, князь Ширинский употребил нецензурное выражение, — опахабить «Московские Ведомости».

В пользу моей кандидатуры и сохранения «Московских Ведомостей» в прежнем их виде исполнив все, что от меня зависело, простился я с Петербургом и уехал в деревню⁴⁸. Здесь на столе лежало письмо Кауфмана, меня предупредившее. Грозное по содержанию, заключало оно в себе несколько строк: — ты совершил нескромность. Верни мне письмо обратно.

Тотчас отослал я письмо, прибавив: не постигаю, о какой нескромности может быть речь, когда ты дал мне письмо именно с тем, чтобы я показывал моим единомышленникам, злейшим твоим врагам черносотенцам.

Вскоре получил я письмо от другого товарища лицеиста, Н. К. Никифорова⁴⁹, с просьбою прислать ему подробности столкновения моего с Кауфманом. Требуемые сведения отправил я ему со следующей почтой.

Редактором «Московских Ведомостей» назначен был профессор Будилович. Направление газеты, к огорчению постоянных ее подписчиков, переменялось круто и стало октябристским. Столыпин добился, чего хотел: старые Катковские «Московские Ведомости» велели долго жить.

Получив письмо, Кауфман понес его царю и доложил: в виду распространенных слухов, будто я написал письмо, в котором высказывал несогласные с долгом верноподданного мысли, позвольте вам его прочесть. — Зачем мне читать ваше письмо? — попробовал уклониться Государь, который, очевидно, знал, в чем дело. — Нет, Ваше Величество, настаивал Кауфман. Про меня пущена сплетня. Разрешите прочесть письмо. — Ну, что-ж, читайте, если хотите. Прослушав письмо, Государь сказал: — это ваше мнение. Вы его выразили в письме. Не нахожу в этом ничего дурного.

Николай II еще раз выскользнул, как угорь, и ни мне, ни Кауфману не удалось склонить его высказаться по существу.

Из товарищей лицеистов всего ближе ко мне был Николай Константинович Никифоров. Роста среднего, с небольшими бакенами, нрава веселого и общительного, любил он приглашать гостей и устраивать карточные вечера.

Основанием нашей дружбы, начавшейся в Лицее и не прерывавшейся в течение жизни, служила любовь к родной литературе. Оба мы писали стихи. Расставшись с Лицеем, бросил я поэзию и занялся политикою, а он продолжал наполнять журналы и газеты легкими юмористическими стихотворениями. Каждое воскресенье появлялся в «Петербургском Листке» фельетон его в стихах на злободневные темы, которые подписывал он «Старый Знакомый».

Вышел он из чиновничьей среды и сам был чиновником. Служил он в Министерстве Земледелия в департаменте Земельных имуществ. Но к службе душа его не лежала, и к карьере относился он равнодушно. Влечение его было совсем в иную сторону, — к свободному писательству. Характера независимого, жил он в своем кругу и собственными интересами, и не заискивал ни перед начальством, ни перед влиятельными товарищами.

Когда, приехав в Петербург, зашел я к нему, поведение мое в истории с Кауфманом подверг он обстоятельному разбору.

— И нужно было тебе, — упрекнул он меня, брать это проклятое письмо и еще его распространять. Значение Кауфмана для всех наших товарищей тебе известно. Они жмутся около него и ждут от него великих и богатых милостей. Повредив Кауфману, ударил ты их по самому больному месту.

— Кауфман разрешил мне показывать письмо единомышленникам, кто они бы они ни были, — ответил я хладнокровно.

— Мало ли что. Он прихвастнул, а ты и обрадовался. Самое скверное то, что письмо было гектографировано и ходило по рукам.

— Этого, признаюсь, я не предусмотрел. Я позаботился только, чтобы оно не попало в газеты.

— Воля твоя, нельзя так рубить сплеча, выговаривал Никифоров. — Товарищи на тебя страшно злы. Несколько раз приходил ко мне Кильдишев⁵⁰, ругал тебя, — Кауфман отнесся к тебе сердечно, а ты отплатил ему черною неблагодарностью, выдал его с головою. Князь Кильдишев, Тамбовский помещик, наш товарищ однокурсник, был членом Государственной Думы.

— Помилуй, — воскликнул я, — Кауфман не ребенок. Он бросил вызов, будучи уверен, — теория его бронирована, и сферы ее одобряют. Как только заметил он, что ошибся, храбрость у него пропала. — Письмо было частное, спохватился он, — разгласилось оно против его воли по чужой нескромности.

— Я это и сказал Кильдишеву, — закончил беседу и подвел ей итог Никифоров. — Человек придворный, не решился бы Кауфман написать такое письмо, не обдумав и не взвесив последствий. Взгляд его, положим, не понравился. Но, ведь, мог он и понравиться. Тогда не стал бы Кауфман обвинять Карцова, что он его подвел и вышло бы, — оба они правы, каждый по своему.

Долго гневался на меня Кауфман, поносил и чернил меня, а я избегал его, опасаясь, как бы объяснения, вместо того, чтобы прекратить ссору, еще более ее не обострили. Однажды, — случилось это уже во время войны, встретив меня на улице, остановился он и поговорил со мною дружелюбно. Совершенно искренно выразил я ему мое соболезнование по поводу кончины его сына, доблестно павшего на поле брани.

Примирение наше состоялось при посредстве того же Никифорова, но после революции, когда положения наши уравнились, и по этой причине, мне стало легче в отношении его сделать первый шаг.

По благотворному культурному влиянию и блеску имен своих питомцев не было в России высшего учебного заведения, которое могло бы поспорить с Императорским Александровским Лицеем. Превосходством своим обязан был Лицей не системе воспитания и методам преподавания, а тому, что поступали в него дети лучших семейств с хорошою домашнею подготовкою и уже сложившимся духовным складом.

Лицей — учебное заведение классовое, дворянское. С утратою дворянством значения первенствующего сословия, понизился и нравственный уровень лицейской среды. Помещичий быт со всею обстановкою и преданиями становился достоянием прошлого. Горожане и сыновья служащих — лицеисты последних десяти-

летий — мелко плавали и не обладали свободой духа и широким размахом старых лицеистов.

Заподозренный в либеральных стремлениях, долгое время лицей находился в загоне. В мое время в 12 часов дня заставляли нас надевать новые куртки, в надежде, придет в Лицей Государь. Но Государь так и приехал. Зато в царствование Николая II на Лицей посыпались милости. Государь посещал Лицей и принимал депутации лицеистов. Воспитывавшиеся в Лицее сановники, в виду благосклонности царя к Лицею, старались попасть в попечители или члены Совета Лицея и, вообще, напомнить, что они лицеисты.

Приближалось 19-ое октября 1911 года — день столетней годовщины Императорского Александровского Лицея. По сему случаю предстояло великое торжество, которое должен был ознаменовать своим присутствием Государь Император.

По мере того, как со служебным миром отношения мои ухудшались, я все более отставал от товарищей. Ежегодные обеды их я не посещал и в лицейский клуб не заглядывал. Лицеисты помогали друг другу взбираться по ступеням карьеры. Быть лицеистом само по себе составляло страхование, а для некоторых и настоящую профессию.

А я, какую пользу извлек я из Лицея? От лицейского пирога не перепало мне ни единой крохи. Для товарищей я был неудачник, недовольный и строптивый, портивший им настроение, а они для меня, — особенно с той поры, как сторонники самодержавия при Александре III, превратились они в конституционных бюрократов, — чиновники оппортунисты. Два ведомства, в которых я служил: Министерство Иностранных дел и Министерство Финансов, враждовали со мною и меня дискредитировали. А тут еще подошло столкновение с Кауфманом.

По этим соображениям, не желая дразнить других своим появлением, ни себя ставить в ложное положение, решил я на юбилей не ехать и не записался на обед.

— Ничего подобного не было и никогда не будет, — растроганным голосом рассказывал мне на следующий день приятель мой, лицеист С. А. Деревницкий⁵¹. Лицо его хранило впечатление восторгов, испытанных накануне.

Торжество было полное. Огнем догорающей лампы ярко просиял Лицей прежде, нежели угаснуть навеки. Под сенью родного Лицея праздновали лицеисты столетнюю его годовщину, вспоминали славное его прошлое и тешили себя мыслью, — задачу свою выполнил Лицей до конца и в лице их дал отечеству деятелей, каких надо. Недаром утверждал Кауфман: Россия стоит на лицеистах.

Просто и непринужденно от лицеиста к лицеисту переходил Государь Император, напрягая замечательную Романовскую свою память и стараясь для каждого найти подходящее слово. В группе тридцать восьмого курса выделялась фигура Трепова⁵², бывшего члена Государственного Совета. Поссорившись со Столыпиным, вынужден он был подать в отставку, а следовательно, пострадал за правые свои убеждения. Все ждали, что скажет Государь Трепову.

— Здравствуйте, Владимир Федорович, сухо поздоровался Николай II.

«Ни лобзание ти дам яко Иуда». Но Иуды между лицеистами не было. Возросши в понятиях монархической преданности, ради царя каждый из них был готов пожертвовать жизнью. Винить ли их в том, что, держась служебного шаблона, отвыкнув от самостоятельного мышления и потеряв дух инициативы, не умели они

распознавать признаки времени, не различали вещи буквы на стене и не видели секиры, лежавшей под деревом? Воображая путем уступок задобрить революцию и спасти царя от покушений, дробили они и убавляли историческую власть, полнота которой заключала в себе тайну зиждущей ее силы, залог ценности, создавшейся в течение трех веков культуры и, наконец, необходимое условие безопасности самого Государя, семьи его, а с ними и всего культурного слоя.

Примечания

¹ Юрий Сергеевич Карцов (1857–1931), воспитанник Императорского Александровского лицея, дипломат (на дипломатической службе с 1879 по 1894 г.), публицист, мемуарист. В 1911–1914 гг. чиновник особых поручений при министре торговли и промышленности, в 1912–1914 гг. член монархической организации «Русский народный союз имени Михаила Архангела». В конце 1918 г. эмигрировал через Польшу в Германию, с 1924 г. жил во Франции. Умер в Ницце, похоронен на русском православном кладбище «Кокад». Подробнее О нем см.: 1) *Букреева Е. М.* Карцовы на дипломатической службе. Материалы к биографии // Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания. М., 2012. С. 59–88; 2) Русские дворяне Карцовы — владельцы майоратного имения Довспуда // *Rocznik Augustowsko-Suwalski. Suwalski*, 2013. N XII. P. 25–40.

² *Карцов Ю. С.* 1) Радикальная Англия. Ее экономический кризис и притязания на мировое господство. СПб., 1895; 2) Семь лет на Ближнем Востоке. 1879–1886. Воспоминания политические и личные. СПб., 1906; 3) За кулисами дипломатии. СПб., 1908.

³ Автор сердечно благодарит Р. В. Иезуитову и С. В. Павлову за предоставленную возможность введения в научный оборот новых источников.

⁴ До недавнего времени было опубликовано всего 6 глав (из 22) воспоминаний Ю. С. Карцова «Хроника распада». См.: Новый журнал. Нью-Йорк, 1979. № 137. С. 108–118; 1980. № 138. С. 111–121; 1981. № 144. С. 95–132; 1982. № 147. С. 88–119; 1982. № 148. С. 161–202. Спустя 30 лет мы продолжили публикацию воспоминаний Ю. С. Карцова. См.: Иван Хрисанфович Колодеев в воспоминаниях Юрия Карцова / Е. М. Букреева // *Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі / складальнікі Л. Г. Кірухіна, К. В. Суша; Нацыянальная бібліятэка Беларусі. Мінск, 2011. Вып. 13. С. 168–202; Довспуда в воспоминаниях Юрия Карцова / Е. М. Букреева // *Rocznik Augustowsko-Suwalski. Suwalski*, 2011. N XI. P. 139–150; Генерал Ренненкамф в воспоминаниях Карцовых / Е. М. Букреева // *Вестник военно-исторических исследований. Пенза, 2011. Вып. 3. С. 100–108; Букреева Е. М.* 1) Дворяне Карцовы — владельцы села Гатишино. По страницам воспоминаний // *Край Смоленский. Смоленск, 2013. № 4. С. 42–47; 2) Причины войны 1812 года (по страницам воспоминаний Ю. С. Карцова / публ. Е. М. Букреевой Suwalski // Вестник военно-исторических исследований. Пенза, 2012. Вып. 4. С. 170–187; 3) Внутренняя и внешняя политика на страницах воспоминаний Ю. С. Карцова / публ. Е. М. Букреевой // Там же. Пенза, 2013. Вып. 5. С. 123–135; 4) Сергей Николаевич Карцов — председатель комиссии по крестьянским делам в Ломжинской губернии // *Studiow Lomzynskich / Lomza*, 2013. T. 24 (в печати).**

⁵ Основные труды Ю. С. Карцова: *Заметки о турецких езидях*. Тифлис, 1886; *Радикальная Англия. Ее экономический кризис и притязания на мировое господство*. СПб., 1895; *Упорядочение торговли. Доклад в Сувалкский губернский комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности*. Сувалки, 1902; *Революция сверху*. СПб., [1907]; *В чем заключаются внешние задачи России*. СПб., 1908; *Причины войны 1812 года*. СПб., 1911 (в соавторстве с К. А. Военским); *Тени прошлого*. Повесть. Пг., 1913; *Сергей Спиридонович Татищев*. Пг., 1916.

⁶ Ю. С. Карцов печатался в следующих изданиях: «Русская старина», «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Новое время», «Русское знамя», «Голос России», «Русский путь» и др.

⁷ Карцов Ю. С. *Хроника распада*. [1901–1920-е]. Машинописная копия. С. 171–190. — Автор выражает признательность Анне Карцовой (Anne Kartzow), ее дочери Кристи Ноулес (Kristi Knowles) и Игорю Криштафовичу (все — г. Сметл, США) за предоставление материалов из частных архивов для публикации.

⁸ Ю. С. Карцов обучался в московском Императорском лицее в память цесаревича Николая с 21 мая 1869 г. по июнь 1871 г. См.: ЦИАМ. Ф. 233, оп. 1, д. 261, л. 2; д. 262, л. 2; д. 263, л. 2.

⁹ Грингмут Владимир Андреевич (03.03.1851, Москва — 28.09.1907, Москва), в 1870–1896 гг. преподавал немецкий, древнегреческий языки в Лицее памяти цесаревича Николая, директор Лицея (1894–1896). С декабря 1896 г. издатель газеты «Московские ведомости». О нем подробнее см.: *Кирьянов Ю. И.* Грингмут В. А. // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. М., 1996. С. 164.

¹⁰ «Московские ведомости» — российская газета, издавалась в Москве с 1756 по 1917 г.

¹¹ Катков Михаил Никифорович (01.02.1818–20.07.1887) — русский публицист, издатель, редактор газеты «Московские ведомости» (1850–1855, 1863–1887).

¹² Кауфман фон (Кауфман-Туркестанский) Петр Михайлович (07.06.1857, Тифлис — 06.03.1926, Париж), воспитанник 35 курса, окончил ИАЛ с золотой медалью в 1877 г. Сенатор (1900), член Государственного совета (1906). Министр народного просвещения (24.04.1906–01.01.1908). Подробнее о нем см.: *Павлова С. В.* Воспоминания лицеиста П. М. Кауфмана // Пушкинский музей. Альманах. СПб., 2007. Вып. 4–5. С. 61–86; См. также: *Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999: в 6 т. М., 2001. Т. 3. С. 232; Министерская система в Российской империи: к 200-летию министерств в России. М., 2007. С. 806–807.*

¹³ Военский Константин Адамович (14.12.1860, СПб. — 12.06.1928, Малта, о. Мальта), воспитанник 58 курса. Окончил ИАЛ с чином XII кл. в 1881 г. В 1911 г. — статский советник, начальник Архива министерства народного просвещения. Личный фонд К. А. Военского хранится в ОР РНБ (Ф. 152). О нем см.: Энциклопедия «Отечественная война 1812 года». М., 2004. С. 140–141; Мальта и Россия. Путешествие через века. Исторические открытия в российско-мальтийских отношениях / сост. Е. Золина. М., 2005. С. 248–289.

¹⁴ Белюстин Вячеслав Вячеславович (06.10.1856, урочище «Царские колодцы» Тифлисской губернии —?), воспитанник 35 курса. Окончил ИАЛ с чином X кл. с большой золотой медалью в 1877 г. Действительный статский советник, товарищ министра народного просвещения (23.07.1907–1908), член Совета министра. Очевидно, Карцова и Белюстина связывали теплые дружеские отношения во время учебы в Лицее, поскольку в Музее Александровского лицея нами было обнаружено ученическое сочинение Ю. С. Карцова с посвящением «моему другу Вячеславу Вячеславовичу Белюстину» (ОР ИРЛИ. Ф. 157, д. 273. На 2 листах с об.) Биографические сведения о В. В. Белюстине см.: ОР ИРЛИ. Ф. 157, д. 122, л. 124.

¹⁵ Речь идет о великом князе Александре Михайловиче (01.04.1866, Тифлис — 26.02.1933, Рокбрюн, Франция), бывшем главном управляющем торговым мореплаванием и портами с 07.11.1902 по 19.09.1905 г. Подробнее о нем см.: *Кузьмин Ю. А.* Российская императорская фамилия. 1797–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2005. С. 90–93.

¹⁶ Тимирязев Василий Иванович (19.03.1849–20.08.1919) — государственный деятель, министр торговли и промышленности (28.10.1905–18.02.1906, 14.01.1909–05.11.1909). С 1910 г. — на частной службе: председатель совета Русского для внешней торговли банка и член правления многих промышленных обществ, член Государственного совета. О нем подробнее см.: Министерская система в Российской империи: к 200-летию министерств в России. С. 679–680.

¹⁷ Философов Дмитрий Александрович (30.01.1861, СПб. — 06.12.1907, СПб.), государственный деятель Российской империи, действительный статский советник (1901), шталмейстер Двора Е. И. В (с 06.12.1905), государственный контролер России (28.10.1905–24.04.1906), член Государственного совета (с 23.04.1906), министр торговли и промышленности (27.07.1906–06.12.1907). О нем см.: Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России. М., 2007. С. 740, 742, 748.

¹⁸ Остроградский Михаил Александрович (1857 — после 1917), воспитанник 35 курса, выпуск 1877 г. Товарищ министра торговли и промышленности (22.11.1906–1908), сенатор, помещик Полтавской и Екатеринославской губ. Личный фонд хранится в РГИА. Ф. 683.

¹⁹ Философова Анна Павловна, урожденная Дягилева (05/17.08.1837, СПб. — 17/30.03.1912, СПб.), деятельница женского движения в России. С 1899 г. вице-председатель Международного совета женщин, во время революции 1905–1907 примкнула к кадетам, выступала против участия женщин в революционном движении. В 1908 г. председатель 1-го Всероссийского женского съезда.

²⁰ Речь идет о Владимире Дмитриевиче Философове, видном государственном деятеле, военном прокуроре, супруге А. П. Философовой с 1855 г.

²¹ Рейнбот Александр Евгеньевич, воспитанник 35 курса. Окончил ИАЛ с большой золотой медалью в 1877 г. Действительный статский советник, член Совета министра финансов.

²² Лорис-Меликов Михаил Тариелович (19.10.1824, Тифлис — 12.12.1888, Ницца), граф, член Государственного совета (1880), министр внутренних дел (06.08.1880–04.05.1881). О нем подробнее см.: Министерская система в Российской империи: к 200-летию министерств в России. С. 154–155.

²³ Половцов Александр Александрович (1832–1909), обер-прокурор Сената, сенатор, статс-секретарь, член Государственного совета, цензор.

²⁴ Чертков Михаил Иванович (02.08.1828, СПб. — 19.10.1905, Париж), генерал от кавалерии (15.05.1883), временно исполнял должность киевского, подольского и волынского генерал-губернатора (с 13.09.1877), член Государственного совета (с 13.01.1881).

²⁵ Черткова Ольга Ивановна, урожд. Гулькевич-Глебовская, по первому браку Верещагина.

²⁶ Протасов-Бахметев Николай Алексеевич (28.03.1834–1907), генерал от кавалерии, генерал-адъютант. В 1889 г. назначен почетным опекуном Санкт-Петербургского присутствия опекунского совета учреждений императрицы Марии, членом совета по учебной части Императорского Воспитательного общества благородных девиц. Главноуправляющий Собственной Е. И. В. канцелярией по учреждениям императрицы Марии (1892–1906). Член Государственного совета (с 1890). Состоял попечителем Императорского Александровского лицея.

²⁷ Речь идет о единственном сыне Юрия Сергеевича Карцова — Илье (19.12.1894, Кенингсберг — 28.02.1945, Шомберг, Германия).

²⁸ Речь идет о сыне Петра Михайловича, Михаиле, лицеисте 63 курса (выпуск 1907 г.), трагически погибшем в самом начале Первой мировой войны: «В августе 1914 года в Восточной Пруссии под Каушеном был убит в бою единственный сын Петра Михайловича — Михаил» (*Павлова С. В.* Указ. соч. С. 62).

²⁹ Восторгов Иоанн Иоанович (20.01.1864, ст. Новоалександровская Ставропольской губ. — 23.08.1918, Москва), протоиерей, председатель «Союза русского народа».

³⁰ Очевидно, речь идет об издателе С. Ф. Шарапове.

³¹ Герасимов Осип Петрович (1867–1920), товарищ министра народного просвещения (21.11.1905–01.01.1908).

³² Пассек Евгений Вячеславович (14.12.1862, Харьковская губ. — 01.10.1912), профессор римского права, заведующий кафедрой в Юрьевском (Дерптском) ун-те (1902–1906).

³³ Е. В. Пасек сначала обучался в Лицее цесаревича Николая и Московском университете, закончил юридическое образование в семинарии в Берлине. По возвращении на родину был приват-доцентом, затем перешел на службу в Юрьевский университет.

³⁴ Бельгард Алексей Валерианович (1861–1942), эстляндский губернатор (1902), начальник Главного управления по делам печати (1905), сенатор (1912).

³⁵ Речь идет о матери Ю. С. Карцова — Екатерине Сергеевне Карцовой (урожд. Абловой), которая проживала в Вильно с середины 1880-х до 1898 г.

³⁶ Столыпин Аркадий Дмитриевич (25.12.1821–17.11.1899), генерал от артиллерии, генерал-адъютант, командир гренадерского полка, атаман Уральского казачьего войска.

³⁷ Столыпина Наталья Михайловна, урожденная княжна Горчакова (31.05.1827–21.11.1889), вторая супруга А. Д. Столыпина.

³⁸ Столыпин Михаил Аркадьевич (23.09.1859–07.09.1882), старший сын Столыпиных.

³⁹ Столыпин Петр Аркадьевич (05.04.1862, Дрезден — 05.09.1911, Киев), средний сын Столыпиных. Министр внутренних дел (26.04.1906–05.09.1911), член Государственного совета (1907). См. о нем: Министерская система в Российской империи: к 200-летию министерств в России. С. 162–163.

⁴⁰ Беклемишев Николай Николаевич (1857–1917), генерал-майор (1904), после окончания штурманского училища служил на Балтийском флоте и на Дальнем Востоке; начальник отдела торговых портов Главного управления торгового мореплавления и портов, редактор журнала «Море».

⁴¹ Бутми (Кацман) Георгий Васильевич (1856 — после 1917), монархист, в 1906 г. сотрудничал с газетой «Русское знамя», в 1912–1913 гг. состоял членом Главной палаты «Рус-

ского народного союза имени Михаила Архангела». О нем подробнее см.: *Кирьянов Ю. И. Бутми Г. В.* // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. М., 1996. С. 96–97.

⁴² Дедюлин Владимир Александрович (12.07.1858–26.10.1913), генерал от кавалерии, генерал-адъютант, дворцовый комендант (1906–1913).

⁴³ Градовский Александр Дмитриевич (1841–1889), профессор Петербургского университета, в ИАЛ служил с 1867 по 1889 г. О нем вспоминал П. М. Кауфман (см.: *Павлова С. В.* Указ. соч. С. 74–75).

⁴⁴ «Русское собрание» — политическая организация, образованная в России в начале XX века. О ее составе и деятельности подробнее см.: Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. С. 534–536.

⁴⁵ Речь идет о князе М. Л. Шаховском, председателе Совета «Русского собрания» с 29 октября 1906 г.

⁴⁶ Очевидно, речь идет о князе Алексее Александровиче Ширинском-Шихматове (19.11.1862, Вильна — 22.12.1930, г. Севр, Франция), сенаторе (1904), члене Государственного совета. Подробнее о нем см.: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Библиографический справочник. СПб., 2001. С. 745–749.

⁴⁷ Дубровин Александр Иванович (1855, г. Кунгур Пермской губ. — 1921, Петроград), основатель и председатель «Союза русского народа», редактор печатного органа СРН «Русское знамя». О нем подробнее см.: Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. С. 196–197.

⁴⁸ Имеется в виду майоратное имение Ю. С. Карцова «Довспуда» в Восточной Польше (Августовский уезд Сувалкской губернии).

⁴⁹ Никифоров Николай Константинович (27.09.1856, СПб. — ?), воспитанник 35 курса. Окончил ИАЛ с чином X кл. в 1877 г. В 1911 г. — действительный статский советник, чиновник особых поручений V кл. при главноуправляющем землеустройства и земледелия, занимался публицистикой, печатал фельетоны, стихи, рассказы. Проживал по адресу: СПб., Разъездная, 20. Подробнее о нем см.: ОР ИРЛИ. Ф. 157, д. 122, л. 129, 148.

⁵⁰ Кильдишев Павел Андреевич (01.08.1854, с. Данилово Рязанской губ. — до мая 1929), князь, воспитанник 35 курса. После окончания ИАЛ в 1877 г. — вольноопределяющийся в лейб-гвардии Уланском полку, служил на Кавказе (1878–1891), после революции в эмиграции. О нем есть дополнительные сведения в Интернет-версии: elatma2008.narod.ru/Kild.htm.

⁵¹ Деревницкий Семен Алексеевич, воспитанник 37 курса, выпуск 1880 г.

⁵² Трепов Владимир Федорович (06.01.1850–1918), воспитанник 38 курса, выпуск 1881 г. Государственный деятель, таврический губернатор (1902–1905), сенатор (1905), член Государственного совета (1908).

О. А. Замаренова

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОРТРЕТ Ф. Б. ЭЛЬСНЕРА, ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВОЕННЫХ НАУК В ЦАРСКОСЕЛЬСКОМ ЛИЦЕЕ*

В 1960 году в Некрасовский фонд ВМП поступили рисунки неизвестного художника от А. М. Максимовой, вдовы основателя Музея-квартиры Н. А. Некрасова, профессора ЛГУ В. Е. Евгеньева-Максимова из его личного архива. Рисунки, неатрибутированные и без каких-либо комментариев, были просмотрены заведующей музеем-квартирой Н. А. Некрасова О. В. Ломан и научным сотрудником Р. С. Щукинской. Обе они сошлись во мнении, что автором этих работ является родственник И. И. Панаева и знакомый Н. А. Некрасова М. А. Гамазов, печатавшийся на страницах журнала «Современник». Но, собственно, этим дело и окончилось. Рисунки остались на периферии внимания исследователей.

Между тем эти старые листы с рисунками требуют пристального рассмотрения и изучения: по нашему мнению, они являются ценным иконографическим источником, обращающим нашу память к 1820–1870 годам. Т. К. Галушко, изучая альбом Раевских (из собрания ВМП), писала: «Тяжелый старый альбом в тисненном переплете. Он похож на ларец для сокровищ. И впрямь, переверачивая его отдельные листы, изучая рисунки и подписи под ними, я думаю о драгоценном и незаойлимом смысле частной человеческой жизни, о ее тесной связи с множеством других судеб и событий, обнимаемых огромным понятием — история»¹. Эти слова с полным основанием можно отнести к рисунку, который стал предметом нашего исследования (рис. 1).

В настоящее время 65 листов с рисунками М. А. Гамазова записаны в основной фонд. По способу исполнения это рисунки карандашом на бумаге, эскизы и наброски; по жанру — преимущественно портреты отдельных лиц, иногда групповые портреты или бытовые сцены; значительная часть — карикатуры или дружеские шаржи. Выполнены на отдельных листах бумаги разного качества, разных размеров; на одном листе встречаются один или несколько рисунков, на одной или двух сторонах листа. Рисунки разных годов, но лишь некоторые датированы, и только один из них подписан М. А. Гамазовым. По манере исполнения они, безусловно, принадлежат одному автору. Рисунки любительские, но выдают в авторе подготов-

* Автор выражает благодарность ст. научному сотруднику ГРМ (филиал «Михайловский замок») Владимиру Евгеньевичу Францову за неоценимую помощь в проведении атрибуции рисунка и подготовке этой статьи.

ленного рисовальщика, владеющего линией и штрихом, пластической формой и хорошо передающего портретное сходство.

Матвей Амельевич Гамазов (Матевос Абелович Гамазян) (29.10.1811, С.-Петербург — 1893, С.-Петербург, похоронен на Смоленском Армянском кладбище) — ориенталист, дипломат. Родился в Петербурге в семье священника, принадлежал к старинному знатному армянскому роду Сааруни. В 1825 году поступил в Главное инженерное училище. Окончив его в 1830 году, был выпущен прапорщиком и направлен для прохождения службы в Кавказский саперный батальон (Сев. Кавказ, Тифлис, Новые Закаталы, Белокан). Оставив службу в 1835 году, приехал в Петербург и поступил в Учебное отделение восточных языков при Министерстве иностранных дел. По окончании курса в 1839 году начал дипломатическую деятельность: был назначен драгоманом в Константинополь, а в 1842 году — в Александрию. С 1848 по 1852 год занимал должность секретаря и переводчика в русской посреднической комиссии для определения границ между Турцией и Персией. В 1852 году избран членом Российского географического общества, в 1865 году — членом Московского Лазаревского института восточных языков. В 1854 году направлен консулом в Гилан (Персия). С 1864 года — действительный статский советник. С 1872 по 1893 год — управляющий Учебным отделением восточных языков при Министерстве иностранных дел.

Владел одиннадцатью языками. Был награжден 10 орденами и медалями России, Турции и Персии.

Вероятно, осенью 1838 года состоялось знакомство М. А. Гамазова с Н. А. Некрасовым, которое переросло в приятельские отношения на долгие годы. Гамазов познакомил Некрасова со своим родственником, писателем И. И. Панаевым: «Он встречался с Некрасовым в первый раз у меня. Я познакомился с этим последним у отставного майора Фермора, отца моих товарищей по Главному инженерному училищу. Он был рекомендован в этот дом из только что покинутой им провинции и привез с собою, в рукописи, роман, которым намеревался дебютировать на литературном поприще. Узнав от меня, что я интересуюсь литературой и имею некоторые связи в кружке писателей, он просил сблизить меня с ним. Я его свел у себя с Панаевым»². Как поэты Некрасов и Гамазов дебютировали в журнале «Сын Отечества». Первая публикация Некрасова, стихотворение «Мысль», появилась в октябре 1838 года; первая публикация Гамазова, стихотворение «Тоска», относится к 1837 году. «Это было первое и единственное выступление Гамазова в печати в качестве поэта. В конце 1830-х годов в „Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду” были напечатаны два рассказа Гамазова (“Башмачок”, “Большие и маленькие”»)³. В 1839 году Некрасов записал в альбом Гамазова стихотворение «Поэзия». Это один из самых ранних автографов поэта. Гамазов принял участие и в «Иллюстрированном альманахе», изданном Н. А. Некрасовым и И. И. Панаевым в 1848 году: здесь была напечатана египетская сказка «Три хашшаша» под псевдонимом Сааруни. «Иллюстрированный альманах» был запрещен цензурой, но сказка все же вышла в свет в «Литературном сборнике» в 1849 году с подписью «М. Гамазов» и была проиллюстрирована самим автором. После 1840-х годов Гамазов больше не выступал в печати со стихами и рассказами. В журнале «Современник», издаваемом Н. А. Некрасовым и И. И. Панаевым, начал печатать с 1850-х годов

свои путевые заметки: «Письма с берегов Персидского залива» (1850), «Письма из Персии» (1851), «Св. София в Константинополе» (1853), «В Турции и Персии» (1857). С 1860-х годов в «Современнике» больше не печатался, но дружеских связей с издателями журнала не прерывал.

Гамазов писал стихи до самой старости, главным образом автобиографического характера, но писал не для печати, а для узкого круга родных и друзей. По-видимому, точно так же, как к любительскому художественному занятию, он относился и к другому своему увлечению — рисованию.

Матвей Амельевич получил хорошие навыки рисования в Главном инженерном училище, где был очень высокий уровень преподавания рисования и архитектуры, из его стен вышла целая плеяда талантливых воспитанников, а «для некоторых из них увлечение искусством составило цель и смысл жизни»⁴. Гамазов не стал известным художником, но вполне отдал дань широко распространенной культурно-бытовой традиции русской жизни XIX века — домашнему любительскому рисованию.

Наше внимание привлек рисунок-шарж, изображающий сцену из жизни военного учебного заведения: воспитанник в коротком мундире стоит навтыжку перед неким генералом, который что-то ему выговаривает. За спиной воспитанника стоит офицер, вероятно, из числа воспитателей. Под рисунком надпись карандашом: «Сп. бургъ 1872 / Воспоминание о 1827 и 8 годах».

В 1872 году М. А. Гамазову 61 год; как раз в это время он был назначен управляющим Учебным отделом восточных языков при Министерстве иностранных дел, и эту должность исполнял до конца жизни. Примерно тогда он решил собрать свои любительские стихи в одну тетрадь: «Задался я такою мыслью не потому, чтобы придавал какую-нибудь цену, в смысле литературном, произведениям моей юриводивой музы, с детских лет до старости мурлыкающей себе под нос всякую ахиною; а потому, что вирши эти будут напоминать мне различные эпохи и события моей страннической жизни...»⁵. Пришла пора предаваться воспоминаниям — и рисунок-шарж также носит характер воспоминаний. Понятно, что он сделан по памяти, но все же художник должен был передать портретное сходство портретируемых, характерные черты их внешности. Кто же изображен на рисунке? В 1825 году четырнадцатилетним подростком Гамазов поступил в Главное инженерное училище, а окончил его в 1830-м. Скорее всего, именно себя он изобразил в повседневной форме кондуктора (так именовали, в отличие от других военных заведений, воспитанников Главного инженерного училища). Форма эта полностью соответствует той, которую носили кондуктора в эти годы. Стоящий за ним офицер — это, вероятно, Карл Карлович Вельценбрейер, командир кондукторской роты в Главном инженерном училище, в будущем — генерал-майор и директор Института корпуса горных инженеров (1831–1841 гг.)⁶. Однако это предположение пока не получило подтверждения. Зато имя генерала, изображенного на рисунке, мы можем назвать почти определенно: Федор Богданович Эльснер, в интересующие нас 1827–1828 годы — инспектор классов, а затем начальник Главного инженерного училища.

Барон Фридрих-Готтлиб (в России Федор Богданович) Эльснер (30.11.1770–20.11.1832) происходил из немецких дворян Австрийской империи, состоял в кор-

пусе инженеров прусской, а затем польской службы⁷. После раздела Польши в 1875 году в чине капитана перешел в русскую службу и был назначен инспектором классов и преподавателем военных наук в Шкловский (Смоленский) кадетский корпус. С этого момента началась его педагогическая и преподавательская деятельность в учебных заведениях.

Эльснер преподавал военные науки в Дерптском университете, в 1816 году в чине инженер-полковника был назначен частным преподавателем, а затем профессором военных наук по Царскосельскому лицей и пансиону, где и прослужил до 1820 года. За службу в Лицее ему была пожалована бриллиантовая табакерка и единовременно 2 тысячи рублей.

Итак, начальство высоко оценило преподавательскую деятельность Эльснера. Но в памяти лицеистов первого курса он не оставил заметного следа. «Слишком за год до выпуска государь спросил Энгельгардта: есть ли между нами желающие в военную службу? Он отвечал, что чуть ли не более десяти человек этого желают (и Пушкин тогда колебался, но родные его были против, опасаясь за его здоровье). Государь на это сказал: “В таком случае надо бы познакомить их с фронтом”. Энгельгардт испугался и напрямик просил императора оставить Лицей, если в нем будет ружье. К этой просьбе присовокупил, что он никогда не носил никакого оружия, кроме того, которое у него всегда в кармане, — и показал садовый ножик. Долго они торговались; наконец, государь кончил тем, что его не переспоришь. Велел опросить всех и для желающих быть военными учредить класс военных наук. Вследствие этого приказа поступил к нам инженерный полковник Эльснер, бывший адъютант Костюшки, преподавателем артиллерии, фортификации и тактики»⁸, — писал И. И. Пущин. Модест Корф, вспоминая о преподавателе военных наук тоже очень скупно и слегка иронично, отмечал, что барон Эльснер «имел кафедру военных наук для тех из нас, которые предназначены в военную службу. Немец родом, он преподавал у нас свой предмет по-французски, и хотя свободно владел этим языком, но имел пресмешное произношение: “fusil” у него всегда выходило “fisul”, и т. п.»⁹. Кроме того, имя Эльснера названо в числе лиц, которых артистически изображал лицейский «комедиант», «Паяс 200 №№» Михаил Яковлев. Те воспитанники Лицея, кто по собственному желанию посещал уроки Ф. Б. Эльснера, наверное, могли бы присоединиться к мнению одного из студентов Дерптского университета, который вспоминал: «Первое время я посещал лекции без всякого разбора, но затем занялся исключительно изучением военных наук, кои читал подполковник Э.[льснер], впоследствии генерал и директор кадетского корпуса в Петербурге. Он читал сухо, скучно и малоинтересно, ограничиваясь по большей части изложением того, что можно было найти во всех справочных книгах по военным наукам»¹⁰. Однако заметим, что этот студент все же усердно посещал его лекции, а ранее отмечал в мемуарах, что все профессорские кафедры были заняты вполне достойными людьми. В Дерпте (1802–1812) Эльснер был ординарным профессором военных наук, дважды избирался деканом философского факультета, был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени и дважды — бриллиантовым перстнем. Итогом его преподавания военных наук в Лицее стало вступление по окончании обучения в военную службу 12 воспитанников первого курса.

В 1820 году Ф. Б. Эльснер был назначен инспектором классов Главного инженерного училища, в 1821 году произведен в генерал-майоры, стал ближайшим помощником первого начальника училища генерала графа Е. К. Сиверса, после смерти которого в 1827 году занял его должность. За 12 лет службы в училище был награжден орденами Св. Владимира 2-й и 3-й степени, Св. Анны 1-й и 2-й степени, ему была объявлена 21 благодарность, дважды он получал денежные награды (на общую сумму 5,5 тыс. рублей). После тяжелой болезни 20 ноября 1832 года он скончался от водянки в своей квартире в Инженерном замке.

Вернемся к рисунку и сравним предполагаемое изображение Эльснера с портретами других лиц. В интересующие нас 1827–1828 годы три генерала могли стать участниками подобной сцены.

Это прежде всего генерал-лейтенант Е. К. Сиверс (1778–1827), до июня 1827 года начальник ГИУ. На портрете работы Д. Доу 1821 года (рис. 2) он изображен в мундире генерала инженерного корпуса. Он худощав; у него крупные залысины, прикрытые зачесанными сзади полудлинными волосами; полные губы.

Далее — инженер-генерал К. И. Опперман (1765–1831), с 1818 года деятельный помощник вел. кн. Николая Павловича в годы создания ГИУ, генерал-инспектор по инженерной части, член Государственного Совета, почетный член Академии наук. На портрете работы Д. Доу 1821 года (рис. 3) он изображен в общегенеральском мундире. Как и в предыдущем случае, черты его лица иные, чем у генерала, изображенного на рис. 1: овал лица, полные губы, крупные залысины и зачесанные на них сзади волосы, в то время как у интересующего нас генерала — редкая в то время короткая стрижка бобриком, густые брови, сильно выпяченная вперед нижняя губа. Таким образом, ни тот, ни другой генерал не могли быть изображены в этой сцене, происходившей в стенах Инженерного замка. Им мог быть Ф. Б. Эльснер.

Рассмотрим два известных нам портрета Ф. Б. Эльснера (рис. 4, 5). Особенно удачным для сравнения оказался второй портрет (рис. 5) работы неизвестного литографа в профиль, как и на рассматриваемом нами рисунке.

Совпадает форма прически — короткая стрижка бобриком; форма носа — длинный, с небольшой горбинкой; густые брови; сильно выпяченная вперед нижняя губа; нависающие над воротником-стойкой складки кожи, выдающие полноту портретируемого. И на рисунке, и на литографированном портрете генерал выглядит пожилым человеком.

Итак, датировка (1827–1828 гг.), материалы биографий М. А. Гамазова и Ф. Б. Эльснера, сравнение рисунка с известными портретами позволяют предположить, что изображенный на рисунке генерал — Ф. Б. Эльснер. Шаржированный характер рисунка сближает его с карикатурами лицеистов, в том числе и на преподавателей, и представляет несомненный интерес как для историков Главного инженерного училища, так и для Царскосельского Лицея.

Примечания

¹ *Галушко Т.* Раевские мои... Л., 1991. С. 119.

² Цит. по: К воспоминаниям А. Я. Головачевой // Исторический вестник. СПб., 1889. Т. XXXVI. С. 255–256.

³ Григорьян К. Н. Литературные опыты М. А. Гамазова. Его русские переводы произведений персидской и арабской поэзии. Место Гамазова в истории русского востоковедения // Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений (X — нач. XX в.). Ереван, 1974. С. 186.

⁴ Французов В., Кальницкая Е. В стенах Инженерного замка // Альманах. СПб., 2005. Вып. 127. С. 4.

⁵ Цит. по: Григорьян К. Н. Литературные опыты М. А. Гамазова. С. 187.

⁶ Сообщено В. Е. Французовым.

⁷ Биографические данные взяты из ст. В. Е. Французова о Ф. Б. Эльснере. См.: Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия: в 3 т. Т. 2: Деятельный век. Кн. 8: Ш—Я. СПб., 2011.

⁸ Пуцин И. И. Записки о Пушкине // Императорский Лицей в памяти его питомцев. Царское Лицей (1811–1843). СПб., 2011. С. 277–278.

⁹ Записки графа М. А. Корфа // Там же. С. 225.

¹⁰ Мартенс К. Из записок старого офицера // Русская старина. 1902. Т. 109. С. 93.

И. Е. Барыкина

НЕИЗВЕСТНЫЕ БУМАГИ ГРАФА Д. А. ТОЛСТОГО

Мридцать первого января 1843 года в 13 часов в Большом зале Царское Лицей состоялся выпускной акт — двенадцатый со дня основания. Двадцать молодых людей XII курса собрались в стенах, где проходили торжества еще со времен первого, пушкинского, выпуска. Минуло четыре десятилетия с той поры, как первые ученики переступили порог Лицея, но лицейские традиции за это время почти не изменились. Его выпускники ежегодно пополняли ряды чиновников министерств юстиции, иностранных дел и государственных имуществ. Многие из них прославились на избранном поприще, став выдающимися государственными деятелями. Были в каждом выпуске и те, кто внес свой вклад в развитие отечественной науки, литературы и искусства.

Однако в холодный январский день 1843 года лицеисты двенадцатого выпуска вряд ли могли предугадать свою судьбу. Несмотря на то что еще за несколько месяцев до торжественной церемонии все они сообщили в письменной форме о избранном месте службы лицейскому начальству, а оно, в свою очередь, обменялось деловыми письмами с будущими руководителями своих питомцев, не всем юношам воображение рисовало ясные и четкие очертания дороги, начинавшейся за дверями актового зала Лицея и растворявшейся в туманной дымке надежд и тревог.

Среди тех, кто испытывал сомнения в правильности сделанного выбора, был и юный граф Дмитрий Толстой. Этот высокомерный и честолюбивый молодой человек принадлежал к старинному роду, очень гордился своим происхождением и старался быть первым во всем. За блестящие результаты в учении (во всем выпуске только у него были всегда самые высокие оценки — 12 баллов, и на экзамене он показал лучший результат) его имя было занесено на мраморную доску Лицея, а он сам награжден большой золотой медалью. Выпускное сочинение графа Толстого — «О винной регалии в России до времен Петра Великого» — летом 1842 года поместили на своих страницах «Отечественные записки»¹. Такое успешное начало позволяло юноше надеяться на продолжение научной деятельности, но в тот момент он даже не мог представить, какие взлеты и падения готовит открывавшаяся перед ним дорога.

Графу Д. А. Толстому предстоит совершить головокружительную карьеру: на протяжении четырнадцати лет он будет возглавлять Министерство народного просвещения (1866–1880 гг.), и в течение пятнадцати (1865–1880 гг.) — Святейший

Синод. Переменчивая фортуна приготовит ему сокрушительный удар — неожиданную отставку в апреле 1880 года. Однако после двухлетнего забвения опальный сановник вновь будет вознесен на политический Олимп: весной 1882 года он на девять лет встанет во главе Министерства внутренних дел и — одновременно — ученого сословия (как президент Императорской Академии наук). На протяжении всей своей чиновничьей карьеры Д. А. Толстому удастся сочетать государственные обязанности с научными занятиями: он автор исторических сочинений, интерес к которым исследователи проявляют и сегодня. Эти две стороны своей натуры — бюрократа и ученого — графу Д. А. Толстому придется примирять все 46 лет чиновничьей карьеры, принимая как благосклонные отзывы о своей деятельности, так и суровую критику.

У каждого из современников сложилось о Толстом свое мнение, зависевшее от степени знакомства, характера отношений и политических взглядов. Оценки эти создают целую галерею противоречивых образов: кропотливого ученого, бездарного плагиатора, талантливого администратора, пылкого влюбленного, холодного эгоиста, бескомпромиссного консерватора, принципиального политика. Биография министра служит яркой иллюстрацией многих противоречий XIX столетия, окончательно неразрешенных и в наши дни; колорита помещицкой жизни дореформенной и пореформенной России; первых шагов отечественной исторической науки, особенностей чиновничьей карьеры той эпохи; проблем просвещения и благотворительности². Воссозданию целостного образа героя способствует изучение источников личного происхождения, не введенных в научный оборот. Среди этих документов есть и те, которые касаются лицейского периода жизни графа и его отношений с однокашниками. Неопубликованные бумаги Толстого хранятся в фондах различных архивов: РГИА, ф. 1664 — Д. А. Толстого; ЦГИА СПб., ф. 1 — Александровского Лицея; ПФА РАН, ф. 35 — В. И. Ламанского, ПД РО, ф. 157 — Музей Александровского Лицея; архив А. В. Никитенко; собрания П. Я. Дашкова (ф. 548) и В. И. Яковлева (ф. 357)); ГАРО, ф. 1448 — личный фонд графов Толстых.

И о детских годах, и о лицейском периоде жизни Толстого известно очень немного. Как уже отмечалось, среди однокурсников Дмитрий Андреевич выделялся своими блестящими результатами в учебе. Держаться на высоте позволяли Толстому его способности (эрудиция, память, усидчивость) и характер (рано проявившееся честолюбие и сила воли).

Наряду с изучением серьезных филологических, политологических и юридических дисциплин лицеисты участвовали в театральных постановках. Домашние спектакли в XIX веке были неотъемлемой чертой времяпрепровождения как в частных домах, так и в учебных заведениях. В Лицее эти выступления готовил каждый год предвыпускной курс, приурочивая их к празднованию лицейской годовщины 19 октября. Осенью 1841 года в таком спектакле принял участие и Д. А. Толстой. В тот день было представлено две пьесы — сочинение М. Н. Загоскина «Официальный обед» и комедия в стихах на французском языке «Lesetourdis» («Ошеломленные». — *И. Б.*) Андре. Отзывы об актерской игре лицеистов, к сожалению, до нас не дошли, но из программки спектакля известно, что Толстому досталась роль дяди, Mr. Daiglemont'a³.

Окончание учебного заведения и последующее определение выпускников на службу сопровождалось многочисленной документацией, фиксировавшей каждый этап этого процесса, что свидетельствовало о строгом контроле государства за распределением и передвижением получивших профессиональную подготовку чиновников. Еще до выпуска воспитанники должны были определиться с местом службы, на которое каждый из них желал бы поступить. Для этого составлялся специальный список: против фамилии лицеиста записывалось название выбранного им ведомства. Затем начиналась бюрократическая переписка, состоящая из уведомления в адрес министерства о направлении выпускника на службу, ответного письма на имя «без пяти минут чиновника» с указанием даты начала его служебных обязанностей и отчета выпускника о благополучном начале карьеры. Если же по неизвестным причинам «молодой специалист» не объявлялся в указанный срок на службе, его новое начальство извещало об этом дирекцию Императорского Лицея. Таким образом, уже в середине XIX века существовал действующий и в наши дни принцип, согласно которому среднее учебное заведение было обязано курировать своего выпускника вплоть до момента его оформления на новом рабочем месте или появления на студенческой скамье⁴.

Д. А. Толстой, лучший ученик своего курса, выпущенный с чином IX класса, чиновник, чью служебную карьеру можно считать образцовой, в юности не связывал свои мечты с бюрократической службой. Он надеялся войти в ученое сословие и посвятить себя научным занятиям. В конце 1842 года юноша направил начальнику штаба великого князя Михаила Павловича по управлению военно-учебными заведениями (к которому относился Императорский Лицей) генерал-майору Я. И. Ростовцеву записку, в которой интересовался порядком получения степени магистра. У лицеиста были веские основания предполагать, что он может стать магистром, минуя учебу в университете: за шесть лет обучения в Лицее первые три года изучались предметы старших классов гимназий, а следующие три года — предметы университетского курса. Считалось, что Царскосельский Лицей дает образование, приравненное к университетскому. Однако эти представления относились к эпохе Александра I; в середине XIX века система образования претерпела изменения в сторону большей дифференциации между средней и высшей ступенями. Положения об испытаниях на ученые степени были утверждены 28 апреля 1837 года: с этого времени желающий приобрести степень магистра должен был сначала получить степень кандидата.

Очевидно, в начале 1840-х годов эти перемены еще не осознавались обществом, и Толстой даже не подозревал о них. Можно только представить, какое разочарование испытал девятнадцатилетний юноша, получив 13 января 1843 года ответ от Я. И. Ростовцева, извещавший о нововведениях и констатировавший, что программа Царскосельского Лицея не соответствует «ни в своем общем составе и частном объеме, ни юридическому факультету отдельно, ниже одному из отделений философского факультета в особенности»⁵. Молодому человеку было предложено сначала выдержать испытание на степень кандидата, а через год — на степень магистра. Однако подготовка к этим испытаниям предполагала дополнительные занятия и, следовательно, наличие денежных средств. А граф Толстой, как и многие другие представители этого родовитого клана, не только не распо-

лагал лишними деньгами, но и не имел необходимых. В итоге Дмитрий Андреевич официально сообщил лицейскому начальству о своем намерении поступить в Канцелярию ее величества государыни императрицы Александры Федоровны⁶, надеясь, что сможет сочетать служебные обязанности с научными занятиями, подобно другим чиновникам.

Характеристика лицейского периода биографии Д. А. Толстого будет неполной без описания его взаимоотношений с однокашниками. Если учеба давалась юноше легко, то отношения с товарищами складывались непросто. За год до окончания Лицея (в 1842 г.) произошел неприятный инцидент: один из лицеистов совершил проступок, о котором его товарищи решили не ставить в известность преподавателей, однако Толстой так активно выражал провинившемуся свое порицание, что о происшествии стало известно лицейскому начальству. Нарушитель был исключен из Лицея, а Дмитрий сурово наказан своим курсом — весь год с ним никто не разговаривал⁷. Бойкот был типичной формой выражения негодования лицеистов поступком, «роняющим достоинство и репутацию товарищей»⁸, и продолжался до тех пор, пока наказанный не раскаивался и не просил прощения. В случае с графом Толстым наказание продлилось до самого выпуска, поэтому можно сделать вывод, что он так и не признал своей вины, предпочел выдержать неприязнь товарищей, чем принести извинения и пережить унижение. Еще не раз в течение жизни графу Толстому придется идти против мнения большинства, вызывая осуждение, становясь объектом резкой, нелицеприятной критики, и он сам с гордостью будет говорить об этом. Эту черту его характера подметил великий князь Константин Николаевич, считавший, что «граф Толстой всегда выказывал пренебрежение к общественному мнению и ставил себе в достоинство идти наперекор ему»⁹.

Сложно сказать, действительно ли Толстой заслужил столь суровое наказание со стороны однокашников, так как не только неизвестно, в чем состоял проступок исключенного лицеиста, но даже не называлась его фамилия. В Лицее существовал неписанный кодекс чести, запрещавший «выносить сор из избы», было не принято делиться с посторонними впечатлениями, бросающими тень на само учебное заведение или его воспитанников.

Осудил Толстого только его курс, что впоследствии не помешало Дмитрию Андреевичу поддерживать дружеские отношения со старшими и младшими товарищами, пользоваться их поддержкой при восхождении по служебной лестнице и публикации первых исторических сочинений.

Характеристику сложной натуры графа может дополнить краткая, но очень выразительная запись на листе с уведомлением о торжественном акте выпуска, где лицеисты должны были расписаться в подтверждении того, что они поставлены в известность об этом событии. Все выпускники оставили одинаковые подписи — «читал» — далее следовали фамилия и имя. Д. А. Толстой — единственный, кто использовал необычную формулировку: «Его светлость граф Дмитрий Андреевич фон Толстой»¹⁰. Безусловно, такая форма была выбрана им намеренно, возможно, после года бойкота со стороны однокурсников он хотел показать, что гордость его не сломлена, и их мнение он ставит не очень высоко. Кроме того, Толстой действительно гордился своей родовитостью.

Однако этот эпизод оставил в душе Дмитрия Андреевича неприятный осадок и, как следствие, желание реабилитировать себя в глазах лицейских товарищей. В 1859 году он познакомился с известным филологом, преподавателем Санкт-Петербургского университета Владимиром Ивановичем Ламанским, братом лицеиста Евгения Ивановича Ламанского. В. И. Ламанский полагал, что причиной, побудившей Толстого искать его дружбы, стало стремление оправдаться: «Он познакомился со мной еще в 1859 г. таким образом. Выходя из Университета после моей лекции, я был остановлен незнакомым мне человеком со словами: “Позвольте мне с Вами познакомиться, я читал Вашу книгу, я товарищ Вашего брата по Лицею (Евгений), назвался (Толстой)”». После этого покойный мой отец по пятницам за обедом, редко, редко не передавал мне письма Толстого. У Толстого сердечности не было ни малейшей. Он был со мной необыкновенно любезен, но не потому, что я ему нравился, а потому, что он хотел на деле показать, как несправедливы были к нему лицеисты следующего за ним выпуска, а именно брат Евгений, Головин, Кутузов, друзья Евгения и близкие знакомые нам семьи, нашего дома»¹¹. В этом рассказе обращает на себя внимание еще одно обстоятельство: учеба в Лицее могла служить своеобразной рекомендацией при самостоятельном знакомстве с родственниками однокашников.

Разногласия с сокурсниками впоследствии были забыты, и граф Д. А. Толстой вместе с остальными лицеистами неукоснительно принимал участие в праздновании лицейских годовщин. К 50-летию юбилею Лицея 19 октября 1861 года выпускники начали готовиться задолго до торжественной даты. Так, 20 февраля 1860 года в Лицее прошло совещание, на котором был определен перечень мероприятий по подготовке юбилея, и среди прочих намечен исторический очерк Лицея. Его предполагалось составить на основании воспоминаний о Лицее, написанных от имени каждого курса бывшими воспитанниками. Для обсуждения всех литературных работ была создана редакционная комиссия, куда вошел и граф Толстой¹², служивший в то время в Министерстве народного просвещения (возможно, именно это послужило основанием для включения его в состав комиссии). Через два дня Дмитрий Андреевич разослал своим однокурсникам извещения о намеченном на его квартире собрании для избрания того, кому выпадет честь написать воспоминания о Лицее от имени XII курса. Одно из извещений — на имя Николая Петровича Семенова — хранится в Пушкинском Доме, в фонде Александровского Лицея¹³.

Противоречивые отношения сложились у Толстого с воспитанником X курса Александром Васильевичем Головинным. Головин был двумя годами старше Толстого, но у них было много общего: оба росли без отцов, были стеснены в средствах и могли полагаться только на свои способности, выделяясь среди однокурсников честолюбием и блестящими результатами в учебе. Оба окончили Лицей с большой золотой медалью и значились в списках выпускников своих курсов на первом месте. В течение следующих двух десятилетий их судьбы оказались тесно связаны: они служили в одних и тех же ведомствах, причем каждый раз Толстой приходил на место, которое до него занимал Головин, а тот, в свою очередь, поднимался еще на одну ступень служебной лестницы. Первого февраля 1843 года, когда Толстой приступил к обязанностям младшего чиновника в канцелярии императрицы Александры Федоровны, Головин, занимавший эту должность после окончания Лицея

в 1839 году, был принят в Министерство внутренних дел. Головнин сам обратил внимание на эту закономерность в своих воспоминаниях: «В феврале 1843 г. Головнин перешел на службу в Министерство внутренних дел из канцелярии статс-секретаря Лонгинова, причем на место, которое он занимал в этой канцелярии, поступил тот самый граф Толстой, который в 1866 г. по увольнении Головнина от должности министра народного просвещения был назначен министром просвещения»¹⁴. В примечаниях к этой записи Головнин добавил: «Из канцелярии статс-секретаря Лонгинова граф Толстой перешел потом также в Министерство внутренних дел, а вскоре по переходе Головнина в Морское министерство и граф Толстой поступил в Морское министерство»¹⁵. Более близкие отношения установились между ними после 1847 года, когда Дмитрий Андреевич стал членом учрежденного в 1845 году Русского географического общества, у истоков которого в числе немногих стоял Головнин. Вскоре после того, как Толстой был принят в Географическое общество, ему было поручено составить исторический обзор деятельности межевых чинов в царствование Екатерины II. Историческое сочинение получило высокую оценку членов общества и стало первым в ряду трудов Д. А. Толстого, первоначально написанных как служебные записки по истории деятельности различных ведомств. Эта способность Толстого была востребована и в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел, куда он перешел в 1847 году, и в Морском министерстве.

А. В. Головнин пользовался доверием председателя Русского географического общества, великого князя Константина Николаевича, перешел по его предложению в Морское министерство и с начала 1850-х годов стал одним из его главных помощников в реформировании ведомства, в недрах которого сформировался лагерь «константиновцев» — сторонников реформаторского курса середины XIX века. В 1853 году к «константиновскому лагерю» примкнул Д. А. Толстой, пришедший в Морское министерство вслед за А. В. Головниным. На этот раз протекцию ему составил именно А. В. Головнин, который представил Толстого великому князю Константину Николаевичу как широко образованного чиновника, отличающегося склонностью к научному анализу фактов и их систематизации, прекрасно справляющегося с особыми поручениями.

Однако дружба между Толстым и Головниным продолжалась недолго. В 1860 году они еще сотрудничали в Министерстве народного просвещения, куда в 1859 году сначала перешел Головнин, назначенный членом Главного правления училищ, а в 1860 году эту должность получил и Толстой. Но уже в 1861 году между ними начались разногласия, причиной которых, по мнению современников, стало честолюбие обоих приятелей, претендовавших на главную роль в окружении великого князя Константина Николаевича. Факт этот был известен в обществе, В. И. Ламанский писал, что «оба хотели овладеть великим князем»¹⁶. Победа осталась за Головниным, обладавшим, как считал Е. М. Феоктистов, «изворотливостью и искусством в интриге», тогда как Толстой «только злобствовал» «против своих недоброжелателей», «но не способен был подкапываться под них»¹⁷. П. В. Долгоруков объяснял поражение Толстого в соперничестве с Головниным тем, что Толстой не смог противостоять его влиянию на великого князя Константина Николаевича, которое было так велико, что, по словам Долгорукова, Головнин «самодержавствовал при великокня-

жеском дворе»¹⁸. В конце 1861 года Толстой был уволен от всех должностей и оставлен гофмейстером двора его императорского величества. По мнению Долгорукова, идея увольнения Толстого исходила именно от Головнина, который, имея «привычку, если хотел удалить кого-нибудь, спускать его в гофмейстеры ко двору государя», «то же сделал и с Толстым»¹⁹.

Апогеем развития их взаимоотношений можно считать отставку Головнина в апреле 1866 года с поста министра народного просвещения и назначение на его место Толстого, взявшего курс, противоположный преобразованиям Головнина. Несмотря на то что они сохраняли после этого формальную любезность (Толстой извещал своего предместника о намечаемых мерах, а Головнин отвечал ему выражением признательности²⁰), в обществе их считали непримиримыми врагами. А. В. Головнин составил собственное представление о бывшем однокашнике, приятеле и сослуживце: «Он был человек весьма образованный, с многосторонними познаниями, чрезвычайно трудолюбив и способен работать долго и усердно над предметами весьма неинтересными, но в коих видел пользу для дела»²¹. Отдавая должное трудолюбию и энергичности Толстого, Головнин невысоко оценивал его административные способности, находя, что они «весьма ограничены и не выше департаментского весьма хорошего правителя канцелярии»²².

К кругу знакомых Д. А. Толстого современники и исследователи также причисляют М. Е. Салтыкова-Щедрина, лицеиста следующего, XIII курса. Сила лицейских традиций (в том числе верность лицейскому братству) была такова, что, став в мае 1882 года министром внутренних дел и начав гонения на либеральную прессу, Толстой пощадил «Отечественные записки», издаваемые Салтыковым-Щедриным, несмотря на то, что за ними закрепилась слава радикально-демократического издания. Закрыты они были только в 1884 году, когда игнорировать существование журнала и выпады его издателя против власти было уже невозможно²³. И это при том, что сам писатель не был столь снисходителен к своему однокашнику, сделав его объектом злой сатиры: некоторые черты Толстого как министра народного просвещения можно увидеть в юродивом Парамоше из «Истории одного города» (он ходит по школам города Глупова и объясняет, как и чему надо учить, — намек на реформу классического образования, проведенную Д. А. Толстым в 1870-х годах) и в Топтыгине 2-м в сказке «Медведь на воеводстве» (главным занятием этого героя был разгром типографий — аналогия с мерами в области печати, проведенными Толстым в период руководства Министерством внутренних дел). В обществе считали их врагами. После кончины Салтыкова-Щедрина, всего на несколько дней пережившего Толстого, А. П. Чехов заметил: «Бог делает умно: взял на тот свет Толстого и Салтыкова и таким образом примирил то, что нам казалось непримиримым»²⁴.

Друзьями Дмитрия Андреевича стали выпускники XI курса Александр Лукич Жемчужников и Владимир Рафаилович Зотов. А. Л. Жемчужникову принадлежал альбом, где лицеисты записывали свои стихи и пожелания. Это было данью моде, которой следовали, в том числе, и многие известные русские поэты (некоторые стихи А. С. Пушкина появились как записи в альбомах знакомых барышень). Со временем такие альбомы приобрели ценность как коллекции автографов. Так и альбом Жемчужникова, находящийся сейчас в Рукописном отделе Пушкинского Дома²⁵,

можно назвать собранием юношеских автографов многих влиятельных сановников, его бывших соучеников. Альбом состоит из 117 разноцветных листов — розовых, серых, зеленых, желтых, — заполнены из них только 22, причем записи расположены не подряд, а чередуются с пустыми страницами. Возможно, сокурсники выбирали лист определенного цвета, следуя своему вкусу. Д. А. Толстой написал свое пожелание на сером листе, предпочтя его другим, более ярким. Это своеобразное напутствие товарищу, сделанное 15 августа 1840 года, накануне выпуска (Жемчужников покинул Лицей в январе 1841 г.):

Может быть, лет через двадцать, ты пересмотришь эти листы; тогда-то прочти эти строки: чувство и время придадут им то, в чем отказал талант. И если тогда, взглянув на свое прошедшее, ты увидишь его столь светлым, столь полным прекрасных оттенков и очерков, как теперь этот альбом, — знай; ты угадал то, что я всегда желал, не говоря тебе о том.

Гр. Дмитр. Толстой²⁶.

Запись представляет особый интерес, так как ее можно считать самым ранним автографом гр. Д. А. Толстого (в то время ему было семнадцать лет). Пожелание трудно назвать оригинальным и откровенным — смысл фраз спрятан в туманной дымке многословия, — но можно сделать выводы об особенностях авторского стиля. В будущем многие критики исторических сочинений Толстого будут упрекать его в стремлении скрывать пробелы содержания за красотой слога. Бросается в глаза и другой факт — Толстой счел необходимым указать свой титул, даже подписываясь в альбоме приятеля.

В мае 1846 года Дмитрий Андреевич был вынужден прибегнуть к помощи однокашника: он обратился к Жемчужникову с просьбой забрать из Императорской Академии наук рукопись своего первого исторического сочинения «История финансовых учреждений в России», удостоенного в том же году Демидовской премии. На протяжении четырех лет после окончания Лицея Д. А. Толстой успешно сочетал свои служебные обязанности с учеными занятиями. Результат — сочинение «История финансовых учреждений в России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II»²⁷, ставшее продолжением его исследований по истории финансов, он решил представить в 1846 году на конкурс Императорской Академии наук на соискание Демидовской премии.

В целях поощрения науки, по примеру зарубежных академий, Императорская Академия наук с середины XVIII века и до 1918 года систематически объявляла различные темы конкурсных работ и учреждала премии для награждения победителей. Попробовать свои силы могли все желающие. Кроме того, при Академии наук были учреждены благотворительные премии, и число их со второй половины XIX века постоянно росло. Первым донатором был П. Н. Демидов, по распоряжению которого, начиная с 1831 года и до его смерти, а также в течение 25 лет после нее, из поступающих от его имени пожертвований Академия наук должна была ежегодно выплачивать премии в 5000 руб. ассигнациями (1428 руб. серебром) «авторам отличнейших сочинений, коими в течение предшествовавшего года обогатится русская литература»²⁸. По разработанному академиками «Положению о наградах, учрежденных 17 апреля 1831 года камергером П. Н. Демидовым», глав-

ным критерием отбора была новизна темы или оригинальность представленных выводов. К конкурсу допускались не только печатные работы, но и рукописи, аккуратно и разборчиво написанные²⁹. Если рукопись удостоивалась награды, то прежде автор должен был ее напечатать, для чего победителю выделялась особая сумма на покрытие издательских расходов. Рассмотрение конкурсных сочинений поручалось специально назначенным научным рецензентам. В претендентах на получение награды не было недостатка, процедура быстро прижилась, и в середине XIX века ежегодно на соискание Демидовских премий поступало не менее тридцати сочинений по различным предметам.

Сочинение Толстого отвечало всем требованиям, перечисленным в Положении о Демидовских наградах. Однако денег на издание у него не было, и молодой человек прислал на конкурс рукопись. Рецензентом от Академии наук был назначен авторитетный в то время историк, автор учебника для гимназий, академик Н. Г. Устрялов. По его мнению, достоинства сочинения перевесили его недостатки³⁰, поэтому рукопись Толстого была удостоена полной Демидовской премии с выплатой 500 руб. серебром на ее издание.

Пятнадцатого мая 1846 года Толстой уведомил цензора Академии наук А. В. Никитенко, что в связи с отъездом за границу он не может забрать у него рассмотренную цензурой рукопись и просил передать ее своему лицейскому приятелю А. Л. Жемчужникову³¹. Следовательно, еще в течение шести лет после того, как Жемчужников окончил учебу, Толстой поддерживал с ним приятельские отношения.

В том же архивохранилище имеются письма Толстого к Владимиру Рафаиловичу Зотову. Зотов и Толстого мог связывать интерес к литературе, склонность к которому проявилась у обоих еще в Лицее: Толстой писал историческое сочинение, Зотов — поэтические произведения. В. Р. Зотов посылал свои первые стихи в «Северную пчелу», где когда-то печатался А. С. Пушкин, а после выпуска посвятил себя литературной и издательской деятельности. В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранятся семь писем Д. А. Толстого к В. Р. Зотову, три — в собрании В. И. Яковлева³², четыре — в собрании коллекционера П. Я. Дашкова³³. Это короткие записки, в которых Толстой просит Зотова о содействии в печатании сочинения и составлении предисловия к нему. Конкурс проходил в 1846 году, результаты были оглашены в Торжественном собрании академии в январе 1847 года, а опубликована «История финансовых учреждений в России» была в 1848 году. Таким образом, переписка между Зотовым и Толстым по этому предмету могла идти в течение 1847 года, обозначенном в первом письме из собрания П. Я. Дашкова:

14 ноября 1847 г.

Два раза был у Вас, любезнейший Владимир Рафаилович, и раз в канцелярии, но не удалось застать Вас. Чтобы быть уверенному в возможности Вас видеть, я покорнейше прошу Вас сказать мне, как и где это возможно. Дистанция огромного размера, которая разделяет наши жилища, заставила меня употребить благоразумнейший способ градской переписки.

Преданнейший слуга
Гр. Д. Толстой³⁴.

Толстой просил Зотова поскорее напечатать сочинение и прислать ему корректуру для чтения³⁵, помочь ему с предисловием, предлагая просмотреть уже составленный текст и высказать свои замечания³⁶. В начале июля 1847 года Дмитрий Андреевич по делам службы должен был уехать в Тверь, о чем сообщил В. Р. Зотову. Следующее письмо он отправил лицейскому знакомому уже из Твери:

4 август
Тверь

Начальство мое так скоро меня выпроводило из северной столицы, что я не имел свободной минуты заехать к Вам, любезнейший Владимир Рафаилович. <...> Я, впрочем, не думаю оставаться долго в отлучке: скука страшная, но эта губернская жизнь, особенно в летнее время, интересна по своей оригинальности. Я сообщу Вам по приезде <...> оригинальные черты этого быта, которые могли бы служить превосходнейшими заметками для моей повести. Но дело мастера боится. Позвольте еще поблагодарить Вас за Вашу обязательность и уверить в искренней моей признательности.

Гр. Д. Толстой³⁷.

Несмотря на тягу к сочинительству, повесть, задуманная Толстым, так и не появилась. Хотя Толстой полагался на мнение Зотова, доверяя ему вносить поправки в сочинение и «поступать с ним как со своим»³⁸, часто приезжал к нему за советом, тон записок оставался вежливо-официальным, не допускавшим дружеское «ты», как в обращении к А. Л. Жемчужникову, так что близкими друзьями Толстой и Зотов не были.

Обращает на себя внимание отношение Дмитрия Андреевича к своему сочинению: он находил для него все новые эпитеты — «вельмиученое произведение», «детиче» и даже «исчадие». Он гордился «Историей финансовых учреждений» и в то же время опасался, как бы его самолюбие не было оскорблено уничижительной критикой:

Вот мое детиче, пригрозите его поскорее, любезный Владимир Рафаилович, и поступайте с ним как с своим приемышем. Весьма благодарен Вам за участие, которое Вы ему оказываете. Зная, как Вы всегда заняты, право совестно Вас тревожить, но что же делать?

Весь Ваш
Д. Толстой³⁹.

Спустя десять лет Толстой обратился за помощью к еще одному лицейскому товарищу, выпускнику XVII курса Александру Николаевичу Жедринскому, проживавшему в 1856 году в г. Кром Орловской губернии. Д. А. Толстому необходимо было ускорить решение дела о наследстве, оставшемся после смерти дяди, Степана Степановича Толстого, и он надеялся на помощь однокашника. К тому же у Дмитрия Андреевича были основания предполагать, что имение покойного дяди разорено и не сможет приносить доход будущим владельцам. В фондах Государственного архива Рязанской области имеется письмо Толстого:

Обращаюсь к Вам, любезнейший Александр Николаевич, как к лицейскому товарищу, с покорнейшей просьбой помочь мне в делах наследства <...>. Сделайте одол-

жений, ускорьте зависящими от Вас средствами раздел между наследниками этого имения и не поскучайте написать мне словечко в ответ и подать совет, что делать. <...> Ваша помощь в этом деле была бы весьма существенною, и уверен, что Вы мне в ней не откажете ...⁴⁰

Ответ Жедринского подтвердил худшие опасения его корреспондента: «Имение покойного графа, находящееся в Кромском уезде, действительно в большом беспорядке, и при жизни его расхищалось его собственными людьми»⁴¹. Далее Александр Николаевич объяснил, что поместье находится в ведении Московской дворянской опеки, поэтому «при всем желании» он не может быть полезен своему однокашнику. К письму было приложено официальное отношение Московской дворянской опеки, подтверждающее приведенные в письме факты.

Таким образом, изучение бумаг графа Д. А. Толстого, связанных с лицейским периодом его жизни, позволяет не только воссоздать факты биографии министра, но и пополнить наши представления о взаимоотношениях лицейстов, традициях, связывавших их не только в стенах Лицея в период учебы, но и за его пределами — после окончания учебного заведения.

Примечания

¹ Толстой Д. А. О винной регалии в России до времен Петра Великого // Отечественные записки. 1842. № 7. С. 53–80.

² См.: Барыкина И. Е. В водовороте столичной жизни. Биография министра. Саарбрюкен, 2011.

³ Программы концертов, спектаклей, музыкальных вечеров Императорского Александровского Лицея // ПД РО. Ф. 157, д. 326, л. 1.

⁴ О выпуске 1842–1843 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 1, оп. 1, д. 857.

⁵ Извещение начальника штаба вел. кн. Михаила Павловича по управлению военно-учебными заведениями Толстому Д. А. о порядке получения степени магистра // РГИА. Ф. 1664, оп. 1, д. 171, л. 1.

⁶ О выпуске 1842–1843 гг. Л. 70.

⁷ Степанов В. Л. Дмитрий Андреевич Толстой // Российские консерваторы. М., 1997. С. 235.

⁸ Кобеко Д. Ф. Императорский Царскосельский Лицей. Наставники и питомцы. 1811–1843. СПб., 1911. С. 361.

⁹ Милютин Д. А. Дневник. 1882–1890. М., С. 46–47. Запись 12 июня 1882 г.

¹⁰ О выпуске 1842–1843 гг. Л. 170.

¹¹ Приписка В. И. Ламанского на письме Д. А. Толстого к нему 15 июля 1867 г. // ПФА РАН. Ф. 35, оп. 1, д. 1388, л. 5.

¹² Копия постановления собрания лицейстов 20 февраля 1860 г. // ПД РО. Ф. 157, д. 282, л. 3–4.

¹³ Отношение гр. Д. А. Толстого на имя Семенова Н. П. от 22 февраля 1860 г. // Там же. Л. 1.

¹⁴ Головин А. В. Записки для немногих. СПб., 2004. С. 47.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Приписка В. И. Ламанского на письме Д. А. Толстого к нему 15 июля 1867 г.

¹⁷ Феоктистов Е. За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. М., 1991. С. 172.

¹⁸ Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М., 1934. С. 274.

¹⁹ Там же.

²⁰ Запись А. В. Головина о проекте преобразований Толстого, относящаяся к 1869–1870 гг.: «Все замечания свои я высказал весьма откровенно чиновнику министерства г. Георгиевскому, который был ко мне прислан с бумагами по этому предмету, и потом граф Толстой приезжал сам благодарить меня» (Головин А. В. Записки для немногих. С. 464).

²¹ Там же. С. 47.

²² Головин А. В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 193.

²³ См.: Феоктистов Е. М. Указ соч. С. 233; Мельников П. Ю. Деятельность Министерства внутренних дел Д. А. Толстого: Избранные аспекты. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2000. С. 9.

²⁴ Чехов А. П. Письмо А. В. Суворину от 4 мая 1889 г. // Чехов А. П. Собр. соч.: в 12 т. М., 1963. Т. 11. С. 341.

²⁵ ПД РО. Ф. 157, д. 261, л. 110.

²⁶ Там же. Л. 110.

²⁷ Толстой Д. А. История финансовых учреждений в России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II. СПб., 1848.

²⁸ Отчеты Императорской Академии наук за 1860 г. СПб., 1861. С. 108–109.

²⁹ Там же. С. 108–116.

³⁰ Там же. С. 108–109.

³¹ Письмо Д. А. Толстого к А. В. Никитенко от 15 мая 1846 г. // РО ПД, архив А. В. Никитенко. Ф. 157, д. 18714, л. 3.

³² Письма Толстого Д. А. к Зотову В. Р. // ПД РО. Ф. 357, оп. 3, д. 56, л. 1–6.

³³ Там же. Ф. 548, оп. 1, д. 231, л. 1–4.

³⁴ Там же. Л. 1.

³⁵ ПД РО. Ф. 357, оп. 3, д. 56, л. 1.

³⁶ Там же. Ф. 548, оп. 1, д. 231, л. 3.

³⁷ Там же.

³⁸ ПД РО. Ф. 357, оп. 3, д. 56, л. 6.

³⁹ Там же. Л. 4.

⁴⁰ Письмо Д. А. Толстого А. Н. Жедринскому от 22 июня 1856 г. // ГАРО. Ф. 1468, оп. 1, д. 14, л. 6.

⁴¹ Письмо А. Н. Жедринского Д. А. Толстому от 1 августа 1856 г. // Там же. Л. 7–10.

С. Д. Дзюбанов

«НЕ БЫЛО ЛИ ЭТО ТОЛЬКО ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ ИГРОЙ В ЛЮБОВЬ?..»

(неопубликованное письмо
А. П. и А. В. Марковых-Виноградских
к А. Н. Львовой)

*П*убликуемый текст хранится в рукописном отделе ПД РО (Пушкинский Дом)¹. Это черновой отпечаток письма

от 8 марта 1868 года, написанный рукой Александра Васильевича Маркова-Виноградского. Объем рукописи — 2 листа (с двух сторон) бумаги, на полях которой размещено окончание письма.

8 марта 1868 года.

Сей час мы были утешены Вашими душевными строками, несчастный друг наш, Аглая Николаевна, и я спешу отвечать Вам на предложенные вопросы относительно нравственных и умственных средств того, кто стремится составить вместе с Вами счастье...

Для этого мало одной любви! В деле создания семейного счастья необходима тонкая умственная и нравственная работа над самим собою и любимым существом. Необходимо уметь обобщить так свои мысли и чувства и стремления, чтобы между ними не было никакой розни, никаких противоречий, и чтобы они слились в один гармонический поток, согласно отражающий в своем течении все светлые и темные впечатления и дружно преодолевающий встречающиеся препятствия. Необходимо составить одно целое на радость и горе, на жизнь и на смерть. В нем нет сил на такую артистическую работу!

В действиях относительно Вас он был по-моему несостоятелен на каждом шагу... Если бы он не возбудил к себе любви, Вы бы довольствовались жизнью и были бы покойны. Он опошлял отношения свои к Вам, оскорблял святость чувства всеми такими действиями, которые возбуждали сцены и нескончаемо терзали Вас.

Зачем эти танцы на балах, эти хождения под окнами, различные вниманья и прочие мгновения (?), возбуждавшие уколы самолюбия в покойном, и только в публичке? Разве тут проявлялись нравственные силы и ум? Не было ли это только занимательной игрой в любовь? Но соединение ваше окончило бы игру, и что же занимало бы тогда его, на то только и способного, чтобы забавляться и увлекаться?

Можно ли положиться на нравственные силы того, кто не читал и не любил читать ничего, заставляющего сильно работать головою и сердцем, ничего, что проникнуто высоким нравственным смыслом, что улучшает душу и довольствоваться пошлостью, дребеденью Крестовского, Слепцова и других деятелей пустынных, болотистых мест нашей литературы...

Слышали ли Вы от него когда-нибудь высоконравственные суждения, заставившие Вас встрепенуться, прозреть и восхититься им? Было ли хоть одно действие его,

которое бы привело Вас в восторг своим высоконравственным смыслом, своим великодушием? Вглядываясь в его жизнь попристальнее, нетрудно заметить эгоистические поползновения и стремление к эксплуатированию более или менее бессознательное.

Кто прокутил состояния своего большую половину во время предводительства и именно около 35 тысяч, между тем, как на эти деньги много бы мог принести добра краю, тот безнравственен. Кто пользовался гостеприимством и хлебосольством мужа, чтобы отвлечь жену от него, убедив ее, что покойная комфортабельная жизнь ее с ним без любви безнравственна, кто познакомил ее с разными тревожными воззрениями, внушил в ней недовольство жизнью с мужем и положил на мирный семейный очаг элементы трагедии и семейного несчастья, тот далеко не нравственный человек. Вполне честный человек, заметив, что любовь дает Вашей жизни трагический оттенок, принес бы в жертву любовь свою и постарался бы о покое Вашей души и Вашей жизни и отступил бы, как мы ему беспрестанно советовали...

Думая о соединении с Вами, что он приготовил для этого? При самых усиленных хлопотах он едва ли мог собрать до 7 тысяч... При таких средствах ему приходилось бы трудиться... А он не способен ни к какому труду. Он до того сибарит, что раз, чтобы не опоздать к Вашему кофе, он поручил отнести казенные деньги в казначейство письмоводителю, и он их украл. Труд и он — две величины одна другую исключают.

Как же бы он устроил комфортабельную жизнь с Вами взамен той, которую Вы вели с мужем, если бы соединение устроилось? При том он должен был бы заменить Ваши удовольствия, Ваших детей, Ваших родных и все, чем была красна Ваша жизнь до его влияния, и наполнить жизнь Вашу собою с глазу на глаз, так чтобы Вы ни в ком и ни в чем не нуждались? Он не любит детей вообще, как же бы он сочувствовал любви Вашей к детям? Не были бы Ваши дети противоречием между вами и причиною розни? Что ни думайте, он, по-моему, не имеет нравственных и умственных средств для составления семейного счастья. Во всем этом я его не обвиняю, так его создала природа. Он не высоконравственный человек, но он человек добрый, честный, достаточно умный. Мы его любим, не требуя от людей ничего того, чего они дать не могут. Он — жалкий человек, и виноват только в том, что Вас влюбил в себя и 27-го увез. Он должен был сам бежать, скрыться, не трогать Вас, вдали любить Вас и выжидать возможность соединиться с Вами без трагедии или отказаться от счастья, но, так как эти действия не согласны с его нравственными и умственными средствами, которые, повторяю, ограничены, то я его прощаю и люблю таким, каков он есть.

1. Если Вы найдете что-либо неприятное, то простите большого старика, искренне Вам преданного.

2. Бедная моя больная обнимает Вас с нежностью искренне и горячо преданного Вам друга. Мы готовы сделать большой крюк, чтобы только увидиться с Вами и Вашими добрыми родными.

3. Вчера посланы Вам письма. Третья неделя у меня лихорадка — сегодня лучше. С Забелами не видимся.

4. Обнимаем детей и Вас, горемычная наша, просим бога успокоить Вас и дать Вам здоровье.

5. Прошу Вас, не говорите ни слова ему об этом письме, не измените мне. Я ему говорил в этом роде, но он не слушал.

6. Повторяю Вам, я люблю его, но не считаю великодушным и способным составить счастье.

7–8. Прошу Вас еще раз сохранить это письмо в тайне от него.

Это письмо до сих пор не было в научном обороте, по-видимому, лишь вследствие трудностей с его комментированием. Главные персонажи письма («тот, кто

стремится составить... счастье» с адресатом письма и «покойный») не названы по именам. В архиве Марковых-Виноградских, к сожалению, нет других писем, способствующих пониманию событий, отголоски которых нашли отражение в публикуемой рукописи.

Письмо написано Анной Петровной и Александром Васильевичем Марковыми-Виноградскими в Ковно, где их сын Александр с 10 сентября 1865 года состоял в должности кандидата мирового посредника по Ковенскому уезду². Анне Петровне исполнилось тогда уже 68 лет; ее 48-летний муж был в отставке. Ограниченные в средствах, они вели тогда «страннический» образ жизни: попеременно гостили то у одних своих родственников, то у других.

Адресовано письмо Аглае Николаевне Львовой, которая жила в то время в имении Новинки Тверского уезда, принадлежавшем ее брату Алексею Николаевичу Толстому, семью которого Марковы-Виноградские называли в письме «Ваши добрые родные» и намеревались навестить по дороге в Киев. Муж Аглаи Николаевны, Федор Ильич Львов, скончался 28 января 1868 года. Овдовевшая Аглая Николаевна намеревалась вступить во второй брак. Она обратилась за советом к друзьям Марковым-Виноградским относительно своего избранника Владимира Дмитриевича Рокотова (1837–1900), впоследствии театрального антрепренера, режиссера и актера, а тогда отставленного от должности в Ковно титулярного советника. Вероятно, Аглае Николаевне просто захотелось услышать от друзей одобрение уже сделанного ею выбора. Одобрения не последовало. Но это не остановило ее, как не остановило и выяснившееся вскоре наличие у Рокотова жены и троих малолетних детей. В публикуемом ответном письме Марковы-Виноградские дали характеристику Рокотова, с которым были знакомы по Ковно. Критерии оценки, расставленные акценты в значительной мере характеризуют и самих авторов письма. Марковы-Виноградские обрисовали также перспективу, которая ожидает Львову после выхода замуж за Рокотова. Как показало дальнейшее развитие событий, они оказались очень точны в своих оценках. В письме нашли отражение трагические события, потрясшие дом Львовых и унесшие жизнь его хозяина. Они произошли в январе того же года, Александр Васильевич Марков-Виноградский записал тогда в своем дневнике: «Единственный дом в Ковно, с которым мы были близко знакомы, дом вице-губернатора Федора Ильича Львова, распался, и у нас с Ковно нет никаких связей»³.

Эти события, важные для понимания содержания публикуемого письма, кратко изложены в известных мемуарах М. В. Алтаевой-Ямшиковой⁴, которая, однако, не была их участницей и рассказы очевидцев воспроизводила по памяти, много лет спустя. Ее изложение происшедшего не во всем сходно с фактами, содержащимися в публикуемом письме, поэтому автор настоящей публикации счел необходимым пересмотреть эту историю с учетом документальных свидетельств тех лет.

Супруг Аглаи Николаевны Федор Ильич Львов, в письме Марковых-Виноградских именуемый как «покойный» или «муж», происходил из древнего рода тверских дворян Львовых. Его отец, гвардии полковник Илья Федорович Львов, был внуком родной сестры Дарьи Алексеевны Державиной — Анны Алексеевны Березиной, урожденной Дьяковой, и старшим братом композитора А. Ф. Львова (1798–1870). В детстве Федор Ильич неоднократно бывал в державинском доме.

Львов закончил Императорский Александровский Лицей в 1853 году (XIX курс). В дальнейшем судьба не раз сводила Федора Ильича с людьми, некогда входившими в пушкинское окружение.

В 1858–1860 годах Львов служил в должности чиновника особых поручений, а в 1860–1861 годах — советника Тверского губернского правления. М. Е. Салтыков, вице-губернатор в Твери в 1860–1862 годах, в лице Федора Ильича нашел единомышленника и деятельного помощника. По указаниям Салтыкова Львов выполнял самые сложные и ответственные поручения⁵. Декабрист и старый знакомец А. С. Пушкина М. И. Муравьев-Апостол до своего отъезда в Москву в 1863 году некоторое время гостил в тверском доме Львова. Федор Ильич познакомился с Марковыми-Виноградским, вероятно, также в Твери. В Ковенскую губернию Львов был направлен в июне 1863 года, вскоре после начала Польского восстания, еще в разгар боевых действий. Я. Н. Бутковский, возглавлявший в Ковно палату государственных имуществ, вспоминал о Львове: «...бывший лицеист, назначенный к нам на должность члена губернского по крестьянским делам присутствия, он деятельно принялся за службу, старался во всех распоряжениях принимать участие и как-то незаметно стал играть роль вице-губернатора»⁶. Уже в январе 1865 года Федор Ильич был назначен ковенским вице-губернатором. На него легла тяжелейшая служебная нагрузка: помимо основной должности Львов был членом многих комитетов и комиссий, то и дело ему приходилось руководить губернией вместо отсутствовавшего губернатора. Восьмого января 1867 года Федор Ильич писал своему другу Н. Н. Новикову, ведавшему в губернии вопросами народного просвещения: «...выписывать чиновников прекратили, работу требуют усиленно и капризно, а рук нет! Время застоя мысли, колебания системы и общего недоумения, в итоге — пустота»⁷. Львов с детства не отличался крепким здоровьем, и повышенная нагрузка стала приводить к частым недомоганиям. В марте 1867 года он писал Новикову: «...затормозили совершенно, перед глазами прошла целая фаланга людей, все разговоры о делах, деловые вопросы и т. д. А шея, точно в железном ошейнике, и голова на боку. Никак не могу оправиться»⁸; в декабре 1867 года ему же: «Я все еще болен, хотя мне лучше, одну и другую опухоли прорезали, третья готовится и выливается наружу припарками — скверно, да и вообще весь организм потрясен»⁹. Несмотря на проблемы со здоровьем, Львов вполне успешно справлялся со служебными обязанностями. За отличие он был досрочно произведен в 1866 году в коллежские советники, а в начале 1868 года намечалось существенное повышение по службе: предполагалось, что Львов займет освобождающуюся должность губернатора в соседней Виленской губернии. Однако назначению этому не суждено было состояться.

Жена Львова Аглая Николаевна, урожденная Толстая¹⁰, вышла за Федора Ильича, по ее словам, без любви. У них было пятеро детей. В Ковно Аглая Николаевна не только воспитывала детей, но и занималась общественной работой, состоя попечительницей Ковенского детского приюта. Львова «была миловидна, прекрасная музыкантша, обладала той мягкостью и женственностью, которые производили чарующее впечатление как на мужчин, так и на женщин»¹¹. Титулярный советник Рокотов, служивший в Ковенской палате государственных имуществ, увлекся Аглаей Николаевной, — Львова ответила ему взаимностью.

Владимир Дмитриевич Рокотов (1837–1900) воспитывался в Императорском училище правоведения, которое не закончил, и был выпущен в 1854 году в гвардию унтер-офицером. В 1856 году был произведен в прапорщики, в 1859 году переведен в Вологодский пехотный полк поручиком, а в 1860 году уволен от службы по домашним обстоятельствам штабс-капитаном¹². Рокотов был женат на Александре Александровне Наумовой и имел троих детей. С 18 ноября 1861 года по 29 ноября 1865 года он служил Великолукским уездным предводителем дворянства, и, как явствует из письма Марковых-Виноградских, служба эта проходила весело: Рокотов прокутил немалую сумму — 35 тысяч рублей. Великолукское дворянство никаких претензий к Владимиру Дмитриевичу не имело, он даже был избран предводителем на очередное трехлетие, но финансовое положение вынуждало Рокотова найти должность, за исполнение которой полагалось бы жалованье: 28 апреля 1865 года он был причислен к Министерству государственных имуществ, в 1866 году назначен советником хозяйственного отделения палаты госимуществ Ковенской губернии, а в 1867 году — начальником этого отделения и произведен в титулярные советники. На хозяйственное отделение возлагались оценка и продажа имений, секвестрованных помещиков — участников Польского бунта. Таких имений были сотни, губернские ведомости в то время состояли более чем наполовину из объявлений о продаже поместий. В письме Марковых-Виноградских упоминается случай, когда Рокотов, которому пришло время пить кофе, отправил с деньгами письмоводителя, а тот сбежал с ними. Сумма не уточняется, однако, по-видимому, она была немалой, поскольку речь шла о вырубке от продажи имений. Этот случай сошел Рокотову с рук и не имел никаких последствий для его карьеры. А вот сведения о так называемом кейданском деле дошли и до петербургского начальства. Рокотов проводил торги по продаже имения Игнацегроды Кейданского стана Ковенского уезда, ранее принадлежавшего Я. Гейштору. На имение претендовали крестьяне Николайтис и Сагайтис, которые уже было сочли имение своим, но тут неожиданно Рокотов вынул конверт без указания времени его получения (Рокотов уверял, что случайно его не пометил) и объявил владельцем некоего Келлера. Владимир Дмитриевич был заподозрен в злоупотреблении, но проведенное следствие не смогло доказать его вины. Рокотов 12 декабря 1867 года обратился с письмом к покровительствовавшему ему в Министерстве государственных имуществ барону М. Н. Медему¹³: «Милостивый государь барон Михаил Николаевич! При свидании моем с Вами я просил содействия вашего к перемещению меня из Ковны, тогда же просил я об этом и Александра Алексеевича¹⁴. Известная Вам кейданская история, наконец выяснившаяся, дает мне право оставить Ковну, а те неприятности, которыми сопровождалась эта история, дают мне право настоятельно желать перейти в другое место»¹⁵. Рокотов просил причислить его к министерству, а при открытии подходящей вакансии перевести в другую губернию.

Рокотов не перевозил свою семью в Ковно. Более того, факт наличия у него жены и детей он скрывал как от Марковых-Виноградских, так и от Аглаи Николаевны Львовай.

По версии М. В. Алтаевой-Ямщиковой, Аглая Николаевна просила мужа убрать Рокотова из Ковно, но муж будто бы не внял ее просьбе. Однако, как следует из приведенного выше документа, Рокотов сам в декабре 1867 года стремился покинуть Ковно. Петербургское начальство уважило его просьбу: приказом от 9 января 1868

года он был уволен от должности и причислен к министерству. Об этом решении Рокотову сообщил барон Медем в письме от 13 января, а 23 января «Сенатские объявления» напечатали и сам приказ. Развязка не заставила себя долго ждать. Инициировала ее, по-видимому, Аглая Николаевна, чувство которой к Рокотову переросло в настоящую страсть, и сама мысль о предстоящем расставании с любимым была, вероятно, для нее невыносимой. Результатом бурных объяснений стало то, что Львов вызвал Рокотова на дуэль, но Владимир Дмитриевич ответил ему запиской: «На дуэль явлюсь, но стрелять не буду, стрелять можете вы, я — противник убийства». Как следует из полицейского отчета, Аглая Николаевна, оставив детей, сбежала из дому 27 января в 10 часов пополудни и была увезена Рокотовым в Польшу. На следующий день в 6 часов утра Львов застрелился¹⁶. Ему было тогда 36 лет. Федора Ильича похоронили на Ковенском городском кладбище. По городу ходили слухи о фальшивых паспортах, о пропавших бриллиантах Львова. За беглецами отправился родной брат Аглаи Николаевны, отставной гвардии поручик Анатолий Николаевич Толстой¹⁷, который служил в Ковно с 1866 года в должности мирового посредника 5-го участка Паневежисского уезда. Он обнаружил их в Царстве Польском близ станции Мавруци. Аглая Николаевна вернулась в Ковно с братом, а Рокотова сопровождал туда полицейский чиновник. По законам того времени как похититель чужой жены, так и похищенная, если она покинула мужа по своей воле, подлежали заключению в тюремном замке на срок от 8 месяцев до 1 года 4 месяцев. Однако для заключения требовалось заявление мужа (которого уже не было в живых).

Аглая Николаевна не подверглась аресту и вскоре с детьми выехала из Ковно в Тверскую губернию к другому своему брату, Алексею Николаевичу Толстому. Рокотов был арестован следователем Рудавским, на которого, возможно, оказывали давление друзья Львова, а также его родственники (в то время в Ковенской губернии находились дядя Львова — обер-гофмейстер Алексей Федорович Львов и двоюродный брат — полковник Федор Владимирович Львов). Однако формальных оснований для ареста не было, и Рокотова вскоре выпустили на свободу. Не имела успеха и попытка привлечь его к ответственности по статье «доведение до самоубийства».

Именно в это время было написано публикуемое письмо. Его писал Александр Васильевич Марков-Виноградский, Анна Петровна тогда уже плохо видела, но, без сомнения, все затронутые в письме вопросы обсуждались ими сообща. Неутешительный вывод о том, что Рокотов — это вовсе не тот человек, с которым следовало бы связать свою судьбу, Аглая Николаевна оставила без внимания.

Упомянутые в письме Забелы (семья губернского секретаря Ивана Петровича Забелы, служившего в Ковно в должности помощника управляющего акцизными сборами) были общими знакомыми Львовой и Марковы-Виноградских, но не принадлежали к их близким друзьям.

Вскоре Аглая Николаевна и Рокотов уехали в Киев, где жили без заключения брака. У Рокотова средства были ограничены, но Аглая Николаевна после смерти мужа получила имение Львова в Ковенской губернии¹⁸, оставалась еще часть имения Львова в Вышневолоцком уезде Тверской губернии, каменный дом в Твери. Вероятно, у Львова были и какие-то сбережения, к которым добавилось пособие вдове и детям по случаю потери кормильца. Это позволило Рокотову и Аглае Николаевне

жить в Киеве «на широкую ногу». Они организовали библиотеку, открыли театр, которым Рокотов очень увлекся. Театр стал настоящей и единственной страстью, не оставлявшей Владимира Дмитриевича до конца его дней. В 1870 году Рокотов стал издавать газету «Киевский вестник». Оформляя разрешение на издание, он получил свидетельство, что «в образе жизни его ничего предосудительного не замечено, поведения и нравственности весьма хороших и в политическом отношении благонадежен»¹⁹.

В Киев переехали и Марковы-Виноградские. Сначала они поселились у брата Анны Петровны Павла, но, не прижившись там, переехали к Рокотову. Рокотов и Аглая Николаевна обвенчались только 19 апреля 1871 года, после смерти жены Владимира Дмитриевича. Рокотов получил принадлежавшие жене имения, к пятерым детям Аглаи Николаевны прибавились еще трое детей Рокотова, а 4 декабря 1872 года у них родилась и общая дочь Маргарита (впоследствии известная детская писательница М. В. Алтаева-Ямщикова). Все начинания Рокотова коммерческого успеха не имели, деньги стремительно таяли. К счастью, летом 1874 года Владимир Дмитриевич получил предложение от наказного атамана Войска Донского открыть театр в Новочеркасске. Условия были очень выгодными: помещение предоставлялось даром, а антрепренеру предлагалась еще и субсидия в 6 тысяч рублей. Рокотов поехал в Новочеркасск с актерами в вагоне первого класса, а жену и детей отправил третьим классом. В Новочеркасске он, опасаясь, что его новый театр прогорит так же, как и киевский, стал экономить деньги. Но сэкономил не столько на жаловании актерам, сколько на собственной семье. Аглая Николаевна стойко переносила все тяготы. Чтобы как-то сводить концы с концами и содержать семью, она устроилась кассиром в театре, продавала свои искусно сделанные рукодельные работы. В 1880 году студент харьковского университета Федор Гаврилович Кашменский, приходивший в дом Рокотовой в качестве репетитора к детям, женился на ее дочери Елизавете Львовой. Он получил назначение учителем в царицынскую гимназию, и Аглая Николаевна отправила пятерых младших детей с Кашменскими в Царицын. Она, по-видимому, отдавала себе отчет, что на жалованье молодого учителя содержать такую семью в чужом городе едва ли возможно. Не исключено, что Аглая Николаевна просто очень устала от постоянной нехватки денег, но, вероятнее всего, она рассчитывала вновь пробудить чувства охладевшего к ней супруга, полагая, что дети становятся препятствием между ними. Кашменские оказались в отчаянном положении, денег на пропитание и отопление дома катастрофически не хватало, спасло их только то, что Федор Гаврилович стал совмещать службу в гимназии с частными уроками.

Театр Рокотова в Новочеркасске постигла та же участь, что и предшествующий: он прогорел. Рокотов стал скитаться по России, подрабатывая то антрепренером, то режиссером, то актером. В 1888 году состоялся дебют Владимира Дмитриевича на сцене Александринского театра в Петербурге. Он служил в труппе этого театра, играя эпизодические роли и получая мизерное жалованье, 62 рубля, вплоть до самой смерти, последовавшей в 1900 году. Рокотов был погребен на Литераторских мостках Волкова кладбище в Петербурге.

Аглая Николаевна доживала свой век в Петербурге в семье старшей дочери Екатерины, в замужестве Аркадьевой. У Рокотова были внебрачные дети. После

смерти Владимира Дмитриевича Аглая Николаевна помогала им по мере своих возможностей. Она умерла в 1916 году, похоронена на Большеохтинском кладбище Санкт-Петербурга.

Примечания

¹ ПД РО. 14.138, LXXX660, л. 1–2 об.

² Памятная книжка Ковенской губернии на 1867 год. Ковно, 1867. С. 23.

³ Цит. по: *Сысоев В. И.* Анна Керн. М., 2009. С. 241.

⁴ См.: *Алтаев Ал.* Памятные встречи. М., 1957. С. 21.

⁵ Наибольший общественный резонанс получило расследовавшееся Львовым дело о бурмистре Михайлове в поместье генерал-адъютанта Зиновьева в Бежецком уезде. Начавшись как дело о «причинах неповиновения крестьян», оно вскоре превратилось в дело о неслыханных масштабах коррупции в уезде. Выяснилось, что бурмистр прикрывал свои противоправные действия с помощью взяток, которые в течение многих лет регулярно давал чиновникам. Некоторые должностные лица уезда фактически были на содержании у бурмистра. Через лицейского товарища и однокурсника Львова Н. А. Серно-Соловьевича некоторые материалы дела были переправлены А. И. Герцену и опубликованы в «Колоколе».

⁶ *Бутковский Я. Н.* Из моих воспоминаний // Исторический вестник. 1883. Т. 14. № 11. С. 345.

⁷ ПД РО. Ф. 523, д. 743, л. 3.

⁸ Там же. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 8.

¹⁰ Племянница Я. Н. Толстого (1791–1867), председателя общества «Зеленая лампа», знакомого А. С. Пушкина.

¹¹ Цит. по: *Алтаев Ал.* Памятные встречи. С. 21.

¹² РГИА. Ф. 776, оп. 4, д. 517, л. 8. Автор выражает глубокую признательность Т. Н. Степановой за любезно предоставленную копию этого документа.

¹³ Лицейст 17-го курса.

¹⁴ Министр госимуществ А. А. Зеленой.

¹⁵ РГИА. Ф. 381, оп. 10, д. 4874, л. 1.

¹⁶ См.: Там же. Ф. 1282, оп. 3, д. 832, л. 1.

¹⁷ Его сын Борис — лицейст 56-го курса.

¹⁸ Список землевладельцев Ковенской губ. по 1 сент. 1881. Ковна, 1882. С. 180

¹⁹ РГИА. Ф. 776, оп. 4, д. 517, л. 7.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ЛИЦЕЙСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ПУШКИНА

Р. В. Иезуитова

К ИСТОКАМ ПУШКИНСКОГО ВОЛЬНОМЫСЛИЯ

Вольнолюбие во всем богатстве оттенков в его понимании и словоупотреблении является характерной приметой творческой личности Пушкина вплоть до конца его жизненного пути. В поэтическом завещании потомкам он вменял себе в заслугу:

Что в мой жестокий век восславил я Свободу (III, 424)...

Что в мой жестокий век восславил я Свободу (III, 424)...

Однако первые признаки формирования взглядов будущего поэта в этом направлении относятся к годам его детства и юности. Этой теме и посвящена наша статья.

В «Опровержении на критики» (1830) Пушкин заметил: «Кстати: начал я писать с 13-летнего возраста и печатать почти с того же времени. Много желал бы я уничтожить, как недостойное даже и моего дарования, каково бы оно ни было. Иное тяготеет, как упрек, на совести моей. — По крайней мере не должен я отвечать за перепечатание грехов моего отрочества» (XI, 157). Между тем эти «грехи отрочества», по большей части не предназначенные для печати и связанные с откровенной эротикой, а также с шуточной и остротирической интерпретацией христианской и ритуально-церковной тематики, составляют устойчивую линию в лицейской лирике Пушкина, что едва ли можно объяснить лишь заблуждениями молодости и проявлением пылкого темперамента юного поэта. Пушкин отвергал обвинения в безнравственности таких стихов, полагая, что «безнравственное сочинение есть то, коего целию или действием бывает потрясение правил, на коих основано счастье общественное или человеческое достоинство». Ничего подобного шуточные и ироничные, забавные и смелые стихи Пушкина-лицейста в себе не заключали¹, хотя и были отмечены печатью вольномыслия, в известной мере допустимого в либеральные годы правления Александра I. Рассуждая на эту тему, поэт подчеркивал, что «шутка, вдохновленная сердечной веселостию и минутной игрой воображения, может показаться безнравственною только тем, которые имеют детское или темное понятие, смешивая <ее> с нравоучением, <и> видят в литературе одно педагогическое занятие» (XI, 157).

Пушкин с самых юных лет отличался чувством юмора и способностью воспринимать культуру остроумия, которая царил в московском доме его родителей, где запросто бывали известные литераторы — будущие арзамасцы (Жуковский, Батюшков, Блудов, Карамзин). Завсегдатаями гостиной Пушкиных были признанные поэты И. Дмитриев, автор «Опасного соседа» В. Л. Пушкин и другие московские остроловы. В распоряжении подрастающего Александра оказалась и знаменитая библиотека его отца, наполненная не только мировой классикой, сочинениями Вольтера и философов XVIII века, легкой поэзией (*poesie fugitive*), но даже и французскими эротическими романами. Нельзя не согласиться с Леонидом Гроссманом, писавшим, что Пушкин поступил в Лицей «страстным читателем, уже знакомым с лучшими образцами мировой поэзии и незаметно воспринявшим скептическую мысль европейского “вольномыслия”. В доме отца он не встречал задержек свободному развитию своих воззрений. <...> Вот почему из отцовского дома Пушкин вышел совершенно свободным от какого-либо преклонения перед “алтарем” и “троном”². Но, как вспоминает сестра Пушкина, сочинял он только на французском языке³. Писать русские стихи он начал в Лицее. Так, по свидетельству А. Илличевского, уже в первые месяцы 1812 года они вместе с Пушкиным сочиняют стихи «украдкою» от лицейского начальства. «Что касается до моих стихотворческих занятий, — признается он своему другу П. Фуссу, — я в них успел чрезвычайно, имея товарищем одного молодого человека, который, живши между лучшими стихотворцами, приобрел в поэзии много знаний и вкуса»⁴.

Эти первые ученические опыты Пушкина до нас не дошли, но сохранилось, по крайней мере, несколько стихотворных произведений 1813 года, с которых, собственно, и начинается его творческий путь. Первое из них — послание «К Наталье», адресованное актрисе царскосельского театра В. В. Толстого, — открывается эпиграфом из «Послания к Марго» знаменитого автора «Опасных связей» П.-А.-Ф. Шодерло де Лакло, к сожалению, снятым в первом томе нового академического собрания сочинений Пушкина (см.: I, 5; даем его в русском переводе): «Почему мне бояться сказать это? Марго пленила мой вкус». Между тем этот эпиграф вводит в пушкинский подтекст тему фаворитки Людовика XV мадам М.-Ж. Дюбарри (в прошлом публичной женщины) и как бы отсылает к традиции французского романа. Исполненное легкой эротики и куртуазное по содержанию стихотворение завершается совершенно неожиданным признанием. На вопрос: «Кто же ты, болтун влюбленный?» — следует ответ: «Знай, Наталья! — я... монах!» (I, 8). В сущности, эти строки можно рассматривать как заявку юного автора на поэму «Монах», которая писалась одновременно или вскоре после этого послания, но в том же 1813 году. О существовании этой лицейской поэмы знал со слов лицейских товарищей поэта еще Гаевский, но текст ее оставался неизвестным, пока П. Е. Щеголев не обнаружил в архиве А. М. Горчакова рукопись трех ее глав в слегка потрепанных тетрадках (ныне: ПД. 861–863). Текст поэмы был опубликован и прокомментирован П. Е. Щеголевым в 1928–1929 годах.

Эти новонайденные материалы были представлены также в виде особой статьи о «Монахе» Пушкина, вошедшей в 3-е издание сборника Щеголева «Из жизни и творчества Пушкина»⁵.

Надолго определив главные направления в изучении «Монаха», Щеголев уделил особое внимание знаменитой антиклерикальной поэме Вольтера «Орлеанская девственница», послужившей для юного автор образцом травестирования религиозного источника. При этом нельзя не заметить, что Пушкин прямо опирается на Вольтера, демонстративно отрекаясь от следования по пути Вильона и Баркова, «проклятых Аполлоном» поэтов. Выпаду против священнослужителей в поэме Пушкина, а затем и в других лицейских текстах, действительно инспирированы борьбой Вольтера с католической церковностью, однако подчеркнем, что Пушкин отвергает и слепое подражание французскому образцу, заявляя: «бесить попов не наше ремесло». Но в самом построении поэмы он ориентируется именно на «Орлеанскую девственницу», следуя за Вольтером в делении поэмы на песни с подзаголовком, раскрывающим содержание каждой из них. Широко используя, подобно Вольтеру, лирические отступления от сюжетной канвы, Пушкин не подражает Вольтеру в его язвительных выпадах против религиозных и литературных недругов (у юного автора собственных противников еще нет), но насыщает свою поэму остро злободневными реалиями русской жизни: намеками на фаворитку Александра I М. А. Нарышкину (возможно, и на банкира Вельо), литературно-полемическими выпадами против «беседчиков» (С. Боброва, А. Шаховского и др.), в чем нетрудно усмотреть уже влияние «Опасного соседа» В. Л. Пушкина. Местный колорит поэмы подчеркнуто русский, как и описание в добродушно-шутливом тоне главного героя, монаха-затворника Панкратия:

Имел кота, имел псалтирь и чотки,
Клубок, стихарь да штоф зеленой водки (I, 10).

Пушкин избирает местом действия своей поэмы Подмосковье. По убедительному предположению В. С. Листова, это Савво-Сторожевский монастырь вблизи Звенигорода Московской земли (совр. Московской области). Как известно, в Подмосковье прошло раннее детство Пушкина, живые впечатления от жизни в Захарове продолжали питать и его лицейские стихи⁶.

Юный автор умудряется «втиснуть» в свою поэму шутливые перелицовки своих друзей-лицеистов: А. М. Горчакова, упоминая его однофамильца сатирика Д. П. Горчакова, и М. А. Корфа, намекая на его лицейское прозвище (Модинька), а также поставить в один ряд со знаменитыми европейскими художниками своего талантливого сокурсника Аркадия Мартынова. Комментаторы поэмы «Монах» характеризуют широкий спектр этих близких Пушкину реалий. Однако самым важным моментом в изучении лицейской поэмы до сих пор остается указание Щеголева на главный сюжетобразующий источник «Монаха» — взятое из Четьи Минеи «Житие Иоанна Новгородского», в котором повествуется об искушении монаха Иоанна бесом, заключении его в рукомоиник и об использовании нечистой силы (беса) для полета монаха в святой Иерусалим. Разные аспекты разработки этой темы — интереснейшая страница содружества пушкинистов с исследователями древнерусской литературы — до сих пор остаются главным направлением в изучении поэмы Пушкина, особенно в последние годы. С результатами этих разысканий и находок новых источников знакомит нас основательная статья С. А. Фомичева

«Первая поэма Пушкина»⁷. Не исключено, что на этом пути будут новые находки и открытия.

При всем значении древнерусского источника для изучения пушкинского «Монаха»⁸, нельзя не заметить, что ни стилистически, ни интонационно поэма не вписывается в житийную традицию, а имеет отчетливо выраженный сатирический характер в трактовке самого первоисточника и демонстративно заявленное во вступлении обращение к Вольтеру как к автору крамольной «Орлеанской девственницы»:

Певец любви, фернейский старичок,
К тебе, Вольтер, я ныне обращаюсь.
Куда, скажи, девался твой смычок,
Которым я в Жан д'Арке восхищаюсь (I, 9)...

Ориентация на этот образец подтверждается многочисленными тематическими переключками с Вольтером и прямыми реминисценциями из его «Орлеанской девственницы». На часть из них указали еще Щеголев и комментаторы сочинений Пушкина, но в советские годы отмеченные, с одной стороны, социологизмом, уводящим от литературы в область идеологических штампов, и, с другой, борьбой с космополитизмом 1940–1950-х годов, эти исследования были приостановлены и возобновились лишь в работах последнего времени⁹. Необходимо при этом учитывать, что по своей жанровой принадлежности «Монах» является ирои-комической поэмой, широко представленной в творчестве русских поэтов конца XVIII — начала XIX века, для которых авторитет Вольтера был высок и несомненен. Но Пушкина привлекала не столько эпическая традиция Вольтера, к примеру поэма «Генриада», а прежде всего исполненная буффонады и игривого эротизма «Орлеанская девственница», влияние которой, как указывалось, весьма ощутимо во многих сценах «Монаха».

Пушкинский «Монах» обильно снабжен эротикой, построенной на мотивах анакреонтики и античной мифологии и включенной в сюжетное развитие поэмы. Введение подобных сцен в жанровую структуру ирои-комической поэмы служило целям сатирического осуждения людских пороков, дурных правителей и нечестных служителей религиозных культов. В подобной функции выступают и эротические сцены «Монаха» (например, сон, навеянный бесом на монаха-затворника), но у Пушкина они включены в более широкий культурно-исторический контекст. Так, в сцене искушения бесом Панкратия интимными предметами женских одеяний Пушкин подробнейшим образом описывает женскую юбку, не упомянутую в «Житии Иоанна Новгородского», зато представленную Вольтером в качестве комического атрибута защиты девственности Жанны (Иоанны) от врагов ее страны. Приведем фрагмент этого текста по переводу под редакцией М. Лозинского:

Известно было этой шайке грязной,
Что ключ хранит под юбкою своей
От осаждаемого Орлеана
И от судеб всей Франции Иоанна¹⁰.

У взятой из Вольтера и, казалось бы, легкомысленной детали появляется иной смысл: представить с ее помощью монаха-затворника не чуждым не только малень-

ким человеческим слабостям (каким он впервые представлен читателю), но и обуреваемым греховными страстями и помыслами.

Поэма осталась незавершенной, однако тенденция к вольному истолкованию религиозных канонов и культовых традиций нашла свое развитие в малых жанрах лицейской лирики Пушкина. Она отразилась уже в первом опубликованном в «Вестнике Европы» (1814) программном послании «К другу стихотворцу» (в него вошла шутивная притча о пьющем священнике, советуемом своим прихожанам не следовать его примеру и вести трезвый образ жизни) и сказалась в целом ряде шутивных, а порой и фривольных перелицовок церковных ритуалов («От всеночной, вечер идя домой», «Завтра с свечкой грошевою» и др.), в травестировании рождественских и пасхальных торжеств и пародировании ритуала исповеди о грехах. Эти шутивные, а также откровенно эротические стихи не могли быть напечатаны, но бытовали среди лицеистов и создавали Пушкину незавидную репутацию в глазах лицейского руководства, до которого могли доходить слухи о каких-то недозволенных сочинениях известного уже и широкой публике юного поэта. Вступивший в должность директора Лицея в марте 1816 года Е. А. Энгельгардт так характеризует Пушкина: «Нежные и юношеские чувствования унижены в нем воображением, оскверненным всеми эротическими произведениями французской литературы, которые он при поступлении в Лицей знал почти наизусть, как достойное приобретение первоначального воспитания»¹¹. При всей строгости и несправедливости этого, к счастью, не окончательного приговора, опытному педагогу Энгельгардту не откажешь в проницательности его суждения об обстоятельствах, повлиявших на формирование столь необычной личности. Ответственно относясь к своим обязанностям педагога и директора Лицея, Энгельгардт предпринял попытку найти с непокорным воспитанником общий язык, и, насколько это было возможно, перевоспитать его для будущей государственной службы, исправив «недостатки» его первоначального образования.

Не касаясь всех обстоятельств далеко не простых взаимоотношений Пушкина и Энгельгардта, обратим внимание на особенно волновавшую последнего проблему религиозного вольномыслия Пушкина, не скрывающего своего скептицизма в вопросах веры и строгого соблюдения общепринятых норм православной этики. Убеждена, что никто иной, как Энгельгардт, стремившийся привить именованному воспитаннику Лицея религиозные чувства, дал ему задание написать для публичного выпускного экзамена по русской словесности стихотворение о страдании человека, лишенного веры в Бога и затем обретшего ее. Полагаю, что не будет натяжкой предположить, что и Энгельгардт, и сам Пушкин вспоминали при этом о публичном экзамене 8 января 1815 года, обернувшегося триумфом для юного поэта, получившего благословение Державина. Для Энгельгардта это была возможность снова прославить Лицей и продемонстрировать результаты воспитания Пушкина в нужном для отечества направлении. Для Пушкина — возможность напомнить о себе после недавней кончины своего поэтического наставника в июле 1816 года, на которую отозвались Дельвиг и поэты-современники. Однако со стороны Пушкина такого отклика тогда не последовало (так, заметим, было и с ожидаемым от него стихотворным откликом на смерть Карамзина в мае 1826 г.). Однако мысль о Державине не могла не занимать Пушкина при работе над порученным ему стихот-

ворением. До сих пор неясно, кому принадлежит название «Безверие»: очевидно все же, что не заказчику, а, скорее, автору стихотворения.

Как мы предполагаем, Пушкин, прочитав «Безверие» на публичном выпускном экзамене по русской словесности 17 мая, по-своему почтил память своего великого предшественника. Правда, сложная по своей проблематике философская ода была не вполне оценена присутствующими на экзамене, не вызвала восторженных отзывов современников, подобных восхищению Державина при чтении Пушкиным «Воспоминаний в Царском Селе». Тем не менее не названный в «Безверии» Державин незримо здесь присутствует в ином качестве — как автор прославивших его духовных од. Возмущавший Пушкин вступает с ним в воображаемый диалог на философские темы и далеко не во всем с ним соглашается. Неслучайно, в тексте пушкинской оды нет ни реминисценций, ни отсылок к шедеврам Державина, но есть переключки, например, с одой «На смерть к. Мещерского», в которой автор на обращенный к почившему другу вопрос ответа не получает:

Здесь персть твоя, а духа нет.
Где ж он? — Он там, где там? — не знаем.
А только плачем и зываем.
О, горе нам, рожденным в свет!¹²

Державин оказывается близким Пушкину не пафосом оды «Бог», утверждающей величие Творца и мудрость божественного промысла, а сомнениями и поисками ответа на глобальные вопросы бытия и мироздания. Пушкин, продолжая размышлять на эти темы, приходит к выводу, совпадающему с державинскими сомнениями: «Ум ищет божества, а сердце не находит» (I, 243).

Обратим внимание еще на одно философское стихотворение Державина, которое выпало из поля зрения исследователей пушкинского «Безверия», но наверняка было хорошо знакомо лицеистам по учебным программам, в которых Державин занимал одно из главных мест. Это стихотворение «Успокоенное неверие» (1778), известное читающей публике по журнальным публикациям конца XVIII века. Оно вошло в «Сочинения Державина» (СПб., 1808. Т. 1), ставшие для лицеистов настольной книгой. Уникальная память Пушкина на прочитанные или услышанные им стихи позволяет предположить, что именно этот текст мог подсказать поэту название его стихотворения (безверие — это синоним неверия), чтобы по-своему возразить Державину, нашедшему «успокоение» от «неверия» в вере¹³. Пушкинский герой никакого успокоения в вере не находит и, заглянув за грани бытия, видит там только «покой» и ничего более.

Пушкинское «Безверие» не оправдало надежд Энгельгардта. Восторженный прием встретило оно только у родных поэта (вольнодумцев и масонов С. Л. и В. Л. Пушкиных). Сам же Пушкин не считал эти стихи творческой неудачей и намеревался включить их в задуманный сборник своих сочинений. Не могу согласиться и с недооценкой художественных достоинств «Безверия». Пушкин далеко не формально отнесся к поставленной перед ним задаче и по существу вместо раскаяния в безверии и прославления веры написал глубокое произведение о человеке, утратившем веру, а вместе с нею и всяческую надежду на смысл жизни. Иными словами, написал не панегирик вере, а выразил горькие раздумья человека, потерявшего

жизненную опору. Пушкин с ранних лет не искал готовых ответов на сложные вопросы о сущности бытия, и они продолжали мучить и волновать его и в дальнейшем. В показаниях по «Делу о Гавриилиаде» он считал своим долгом заявить: «Ни в одном из моих сочинений, даже из тех, в коих я наиболее раскаиваюсь, нет следов духа безверия или кощунства над религией»¹⁴.

Примечания

¹ «Упреком на совести» Пушкин считал свою крамольную поэму «Гавриилиада». См. документы по Делу о Гавриилиаде: А. С. Пушкин. Документы к биографии. Т. 1: 1799–1829. СПб., 2007. С. 770–816.

² Гроссман Л. Пушкин. М.; Л., 1939. С. 64–65.

³ Павлицева О. С. Воспоминания о детстве А. С. Пушкина // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. М., 1974. С. 43–52.

⁴ Императорский Лицей в памяти его питомцев. Т. 1: Царскосельский Лицей (1811–1843). СПб., 2011. С. 127.

⁵ Сведения об автографе и публикации поэмы П. Е. Щеголевым в журнале «Красный архив» см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1: Лицейские стихотворения. 1813–1817. СПб., 1999. С. 572; см. также: Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1931. С. 18–38.

⁶ Листов В. С. Вокруг пушкинского отрывка «На тихих берегах Москвы...» // Болдинские чтения. Горький, 1980. С. 46–52. См. также: Листов В. С. «Голос Музы темной...». М., 2005. С. 223.

⁷ См.: Фомичев С. А. Пушкинская перспектива. М., 2007. С. 52–61.

⁸ См.: Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе / подг. текста, пер. и коммент. Л. А. Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси: XIV — середина XV века. М., 1981. С. 454–463, 584.

⁹ См.: Гуменная Г. Л. «Монах» и художественные искания Пушкина-лицеиста // Литературные мелочи прошлого тысячелетия. К 80-летию Г. В. Краснова. Сб. науч. ст. Коломна, 2001. С. 46–52.

¹⁰ Вольтер. Орлеанская девственница. Магомет. Философские повести. М., 1971. С. 223.

¹¹ Кобеко Д. Императорский Царскосельский Лицей. Наставники и питомцы. М., 2008. С. 77.

¹² Державин Г. Р. Соч. СПб., 2001. С. 124.

¹³ См.: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1864. Т. 1. С. 69–76. Ода печаталась в периодике конца XVIII в. и вошла в издание сочинений поэта 1798 и 1808 гг.

¹⁴ А. С. Пушкин. Документы к биографии. Т. 1. С. 813.

Н. Ж. Ветшева

МОТИВ УЕДИНЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В. А. ЖУКОВСКОГО 1810-х годов И ПУШКИНА-ЛИЦЕИСТА

*П*редромантический мотив *уединения*, столь распространенный в общеевропейской и русской литературе, располагает к размышлениям о его месте, значении и смысле в творчестве молодого Пушкина в «садах Лицея» и его с таршего друга Жуковского в пространстве его «сельского» *уединения*, предполагая возможные созвучия и притяжения, совпадения и влияния.

Импульсом и точкой отсчета в обращении к этому общему мотиву явилось следующее соображение: почему до сих пор нет художественного перевода такого знакового и влиятельного на поле русской словесности начала XIX века произведения, как эпистола «La Chartreuse» Жана Батиста Луи де Грессе?

Текст «La Chartreuse» (обитель, монастырь, картезианский монастырь — варианты перевода), оказавший влияние на такие произведения, как «Мои пенаты» Батюшкова и дружеские послания 1810-х годов Жуковского, Вяземского и других поэтов предарзамасского круга, не раз был объектом внимания комментаторов и исследователей.

О взаимосвязи дружеского послания 1810-х годов и «La Chartreuse» писали, ссылаясь на первоисточник, фрагментарно отмечая разночтения с Грессе, В. Э. Вадцуро¹, М. Н. Виролайнен². Е. В. Богданович опубликовала статью об источниках и образцах дружеского послания 1810-х годов с собственными переводами «La Chartreuse» и сопоставительным анализом русских стихотворений со сходными мотивами³.

Эта европейская культурная модель и ее русская рецепция включала в себя клишированные мотивы горацанско-эпикурейского условного топоса, противопоставляющего город сельскому уединению, богатство и знатность — довольству малым, культ дружбы, любви и творческого вдохновения, включенность «вечных» творцов в круг ныне живущих в манере литературного перечня, приятие смерти на пиру жизни.

Перечисленные мотивы, варьируясь и представая в разных сочетаниях, создали устойчивый комплекс и в перспективе дали разные рефлексии литературной философии жизни. Апология творческого уединения, поэтического труда как непрерывного смысла жизни в разные периоды проявляется у Жуковского и Пушкина в созвучных и в то же время глубоко своеобразных строках.

Жуковский:

И ты, товарищ мой любимый,
Души хранитель, как она,
Друг верный, *Труд* неутомимый,
Кому святая власть дана:
Всегда творить не разрушая,
Мирить печального с судьбой,
И, силу в сердце водворяя,
Беречь в нем ясность и покой⁴.

Пушкин:

Прости ж и ты, мой спутник странный,
И ты, мой верный Идеал,
И ты, живой и постоянный,
Хоть малый труд. Я с вами знал
Все, что завидно для поэта:
Забвенья жизни в бурях света,
Беседу сладкую друзей (VI, 189–190).

Пространство и время ученического уединения Жуковского и Пушкина-лицеиста различны, но имеют типологическое сходство.

Место уединения и дружеского соединения, ученичества Жуковского — Москва, Московский Благородный пансион при Императорском университете, Дружеское литературное общество (1801), наставники. Наряду с И. П. Тургеневым и И. В. Лопухиным хочется отметить А. А. Прокоповича-Антонского⁵, в послании к которому («А. А. Прокоповичу-Антонскому», 1815) Жуковский подчеркивает его роль хранителя и значение его дома для дальнейшего жизненного пути в поэтической терминологии *уединения / обители (старинная обитель, скромный домик твой, там был приют и радости моей, беспечная тишина, смиренный твой покой)*.

В особой культурной и интеллектуальной московской атмосфере, тяготеющей к открытости, общежительности, формирующей дружеский круг, создается проявившаяся уже в 1800-е годы особая философия и практика дружбы, которая будет позднее афористически сформулирована в стихе из «Певца во стане русских воинов»: «Для дружбы — все, что в мире есть» (1, 242).

Дружба воспринимается Жуковским и его кругом (Андреем и Александром Тургеневыми, А. Ф. Мерзляковым, Д. Н. Блудовым) как максималистское деятельное совместное стремление к совершенству. В поэтике это так и останется в образах-лейтмотивах *круга, протянутых рук*, воспоминаниях о разорванном судьбой дружеском круге, обращениях *друг* и *брат* и др. Первые опыты в стихах и прозе, пансионские оды Жуковского и университетские речи, моральная философия речей Дружеского литературного общества вырабатывает практику ученичества как постоянный на протяжении всего жизненного пути урок, каждодневный труд⁶.

Лицей Пушкина был учебным заведением другого, более закрытого типа, в котором существовали правила, регламентирующие образ жизни лицеистов. Это

было связано с близостью Двора. Ограничение посещений родных, редкость родственных и дружеских контактов привели к формированию лицейского братства.

Можно говорить о разных пропорциях *Общества* и *Уединения* в жизни и творческом становлении Жуковского и молодого Пушкина. Жуковский знал свое уединение, особое. У Пушкина-лицеиста были сады Лицея («мое Захарово») он вспоминает, но это воспоминание детское).

У Жуковского «сельский слой» связан не столько с условной идилличностью парков Царского Села (которые включали и воспоминания-памятники славного исторического прошлого России), но непосредственно с родными местами⁷, Орловско-Тульским краем, Мишенским, Белёвом, именами родных и друзей — Долбино, Чернь:

Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя? (1, 227)

Глубинная малая родина тесно связана как с детскими впечатлениями поэта от мирного уклада сельской жизни, так и литературно — через европейскую традицию сентиментализма и предромантизма: описательную поэзию Д. Томсона («Времена года»), его французских и немецких последователей Ж.-Ф. Сен-Ламбера, Э.-Х. Клейста и особенно Т. Грея («Элегия, написанная на сельском кладбище»). Вписанное в руссоистско-юнгеевский контекст «Сельское кладбище», в котором медитации лирического героя о бренности бытия, чувство сострадания и милосердия к простому «селянину» не ограничиваются сетованиями на несовершенство мира, а, утверждая безусловную ценность человека и его права на счастье, органически сливаются у Жуковского с мечтами об идеальном построении собственной жизни в синтезе ее природного, семейного и творческого начал.

В лирике молодого Жуковского (во всяком случае, до 1814 года) звучит еще не мотив утрат, а надежда на свой сельский дом, мечта о семейном счастье с Машей Протасовой, творческие планы. В раннем письме к Д. Н. Блудову от 21 января 1804 года из Белёва мечта о Доме погружена не только в литературное элегическое настроение, в котором думы о смерти условно этикетны и вместе с тем связаны с реальным переживанием смерти Андрея Тургенева, но появляются и планы жизнеустройства, где есть место дружбе и творчеству, и все же уединение и одиночество соседствуют.

21 января 1804

Дело в том, что я строюсь, и даже начал строить дом в Белеве, дом опрятный, красивый; очаровательная местность — дом для муз, философии, одиночества и мечтаний — я не говорю для здоровья, это само собой разумеется. Этот дом будет расположен на возвышенности; внизу течет Ока; ее другой берег является необъятной равниной, изрезанной дорогами и усыпанный в дали садами, селами, холмами; восходящее

солнце мне всегда будет наносить свой первый визит. Перед домом, на склоне горы, я надеюсь разбить сад на английский манер, маленький, но прелестный, как и должно быть. В этом уединении, дорогой друг, я надеюсь, меня, невидимого, но может быть довольного судьбой, Вы будете иногда навещать, или если смерть мне уготовлена ранее счастья, Вы вздохнете несколько раз в память обо мне⁸.

В этом же году в письме к Д. Н. Блудову от начала августа появляются мотивы будущего семейного счастья:

Я еще ничего не сделал, не дал стихов, не дал прозы, дал того, что по сие время не имел спокойного места и почти жил на своем строении. Впрочем я скажу тебе, что я расположился, quant au present, жить тихомолком, в своем белевском доме, en cultivant ma tete et mon jardin, с музами, если они благоволят нанять у меня квартиру; одним словом, со книгой, с лирой, и наконец с Темирой. Так, приятель, кто не поставил себе целью ни чинов, ни богатства, ни громкой славы, тот должен искать счастья около себя, в своем доме, в своем семействе. Буду готовить себя для этого счастливого состояния; чтобы им наслаждаться, надобно быть его достойным; или это будет одна маска счастья, условие, которое мог всякий человек исполнить, берется и не исполняется; обыкновенные супружества не иное что, как тяжелые и неисполнимые условия. Одним словом, хочу жить скромным литератором и, если можно, сделаться хоть немного человеком⁹.

Мысли о сельском уединении, обогащенные мечтами о семейном счастье, никогда не теряют магистрального направления, которое состоит в нравственном и творческом совершенствовании, литературном служении. Например, в 1806 году Жуковский просит А. И. Тургенева:

Ради Бога, пришли мне что-нибудь хорошее в немецкой философии! Она возвышает душу, делая ее деятельнее; она больше возбуждает энтузиазм. Этому причина, конечно, то, что большая часть немецких философов живут в совершенном уединении, следовательно больше угадывают людей, видят их издали и больше применяют к себе. Французские все играют роль в большом свете, все подчинены хорошему тону, менее глубокомысленны и меньше имеют живости в чувствах, которые обыкновенно притупляются светскою жизнью. Один Руссо может быть исключением, но Руссо жил всегда в уединении. Итак, пришли мне какого-нибудь немца-энтузиаста¹⁰.

Таким образом, мотив уединения не абсолютизируется, а вводится в культурно-типологический контекст размышлений о соотношении общества и уединения и места писателя в обществе¹¹.

В начале 1810-х годов у Жуковского возникает план-синтез Жизни и Поэзии. Это замысел описательной поэмы «Весна»¹² (заметим, не осень, пусть Болдинская, как у Пушкина (у Жуковского, кстати, была в 1814 году Долбинская); не Царско-сельская, а *Весна* — как весна жизни, как надежда на счастье.

Не останавливаясь на обзоре планов поэмы, на эволюции замысла и причинах неудачи, акцентируем момент, имеющий отношение не только к биографии Жуковского, но и к его поэтике, как выражению сущности творческого мышления художника.

Обычно (например, Г. А. Гуковский) говорят о поэтическом мире Жуковского как об очень условном — аллегорическом, сентиментально-перифрастическом, ми-

стико-символическом; например, в элегии «Вечер» Жуковский видит Белёв в свете средневекового замка: «Последний луч зари на башнях умирает...», и возникает вопрос, что это за башни. Но посмотрим на начало поэмы «Весна»:

Пришла весна! Разрушив лед, река
Прибрежный лес в волнах изобразила.
Шумят струи, кипя вокруг челнока.
И ласточка, пришлец издалека,
На высоте церковного окна
Приют любви, гнездо свое сложила.
Сколь радостно, когда везде весна.
И небеса не скучным зимним хладом
Льют тихий свет. Смиранный друг полей,
Простившийся надолго с пыльным градом,
Спешит в село, чтоб прелесть вешних дней
И тишину вкусить в уединенье!
О мирное к пенатам возвращенье!
Уж, взорами путь долгий сократив,
В приюте лип, берез и бледных ив
Он домик свой с белеными стенами
Узнал вдали! Он видит, дым седой
Сливается над кровлей с облаками,
Он слышит лай собаки вестовой;
Уж все вблизи его открыли взоры
И скрыпнули молчавшие давно
Широких врат тяжелые растворы!
Мой друг, о ты, которой суждено
Душой, лицом пленяющей и взором,
Лавиния... (4, 310–311)

Стилистически и интонационно это, конечно, еще не пушкинская поэзия действительности в ее поэтической конкретике реалий периода Михайловского (и далее везде) и не прозаические поэтизмы Некрасова, но — не вдаваясь в детали анализа (хотя реалии и отсылки к *уединению* и *пенатам* налицо) — можно сказать, что русский постромантический национальный образ мира будет вырастать из этого сельского уединения жуковско-батушковского генеза¹³ (*липы, гуси, утки, мельницы крылаты, на красных лапках гусь тяжелый*) — они «поселятся» в «Графе Нулине» и «Евгении Онегине». Это будет и «фламандской школы пестрый сор» (*швабский гусь и дикая крапива* Батушкова — Жуковского в их эпистолярном диалоге)¹⁴, но это не прямое заимствование, а параллельное освоение общих источников, черпаемое из поэзии Дома как основы национальной, корневой жизни.

В отличие от «сельского уединения» Жуковского, Пушкин в Лицее пребывает в своем уединении, «в тиши парнасской сени». Его поэтический мир и гениально быстро формирующееся творческое сознание в значительной степени ориентированы на эпикуреизм *roesie fugitive*¹⁵. При этом я ни в коем случае не настаиваю на редукции и сведению Пушкина-лицеиста к какой-то одной группе традиций.

У Жуковского в планах поэмы «Весна» есть перечень задуманных элегий, среди них — «Уединение»: «Сочинить. Элегии: Отсутствие. Первое впечатле-

ние. Присутствие. Знатность. Уединение. Скука. Мечты. Музыка. Ручей. Быстрота времени»¹⁶. «La Chartreuse» Грессе упоминается в планах «Весны» (наряду со «Spaziergang» и «Theilung der Erde» Шиллера, «Maisons des Champs» Кампенона, «Сельским домом» Делиля, всеми вариантами описательной «Весны» — Томсон, Сен-Ламбер, Клейст).

Для Пушкина актуальными являются Грессе, Дюси, Парни и др. Обзор этих влияний, реминисценций, реалий содержится в комментариях В. Э. Вацура к лицейским стихотворениям и в специальных работах по лицейскому периоду¹⁷.

Лирический герой Пушкина-лицеиста, по мнению Ю. М. Лотмана, играет, примеривает различные культурные маски, осваивает разные литературные манеры. В этом смысле четкая, простая, комбинаторная структура «La Chartreuse» Грессе, а особенно ее рецепция на русской почве оказалась удачной и востребованной находкой.

Аллюзии затворника, монаха, студента, пустынноика, анахорета, апология уединения, творческой лени, жизнь в вечности (творчестве) за земной гранью — все это воплотилось в хорошо известных стихотворениях: «Городок» (особенно), «К сестре», «<Из письма к кн. Вяземскому> (1816)»:

Блажен, кто в шуме городском
Мечтает об уединеньи.
Кто видит только в отдаленьи
Пустыню, садик, сельский дом <...> (1, 155)

Пушкинское лицейское уединение не столь позитивно горадиански однородно. Шутливые констатации ограничения свободы выхода за границы Лицея звучат и в письмах, и в метафорах. «Что сказать вам о нашем уединении? Никогда Лицей (или Ликей, только, ради бога, не Лицея) не казался мне так не сносным, как в нынешнее время. Уверяю вас, что уединенье в самом деле вещь очень глупая, на зло всем философам и поэтам, которые притворяются, будто бы жила в деревнях и влюблены в безмолвие и тишину» (XIII, 2).

Метафорическими мотивами несвободы становятся условные кельи («К Наталье» («Знай, Наталья, я монах...», 1813), клетки («К Наташе» («И как чижик в клетке тесной...», 1816)), монастыри, чердаки. Происходит смешение и варьирование игровых мотивов уединения, одиночества, заключения, что отсылает к свободной структуре эпистолы Грессе¹⁸.

В послании «Моему Аристарху» («Помилуй, трезвый Аристарх...», 1815) дается зарисовка-характеристика Грессе с упоминанием попугая (по имени Вер-Вер), попавшего в монастырь. Чижик в клетке и прелестный певец с попугаем на чердаке не противоречат друг другу, а вносят дополнительные краски в палитру лицейского мирозобраза.

<...> Так нежился певец прелестный,
Когда Вер-Вера воспевал
Или с улыбкой рисовал
В непринужденном упоеньи
Уединенный свой чердак... (I, 139)

Интересно отметить, что Жуковский, чьи пути скрестились с Пушкиным в 1815 году в письме к Вяземскому дает пророческую формулу («Это надежда нашей словесности») и, опасаясь лицейской замкнутости и «образовательного стандарта», хочет переселить Пушкина на три-четыре года в Геттинген или Дерпт: «Его душе нужна пища!»¹⁹.

В том же 1815 году в стихотворной записи в альбом императрице Марии Федоровне²⁰ (поэт получил должность придворного чтеца), противопоставляя «пышные сады царей» «обитатели сельской тишины» (Павловску), рисуя ее портрет, Жуковский акцентирует идиллическую простоту образа жизни, и рефреном звучит именно мотив уединения²¹.

С 1817 года (вступив в должность учителя русского языка великой княгини Александры Федоровны, будущей императрицы, а затем сделавшись наставником цесаревича и став на многие годы близким спутником, собеседником и корреспондентом августейшей семьи и придворного круга) Жуковский выходит из сельского уединения в разомкнутые географические и иерархические пространства: путешествия, придворные обязанности, становясь из «домоседа» «странствователем», осваивая универсальные культурные и художественные миры.

Пушкина ждут иные пути: южная и северная ссылки, опыт скитаний. Предчувствие этого звучит в лицейских стихах: «Кюхельбекеру» («Последний раз в тиши уединенья...», 1817), «Разлука» («В последн ий раз, в сени уединенья...», 1817).

Именно тогда, в годы ученичества, рождаются формулы лицейского братства, лейтмотивы будущих лицейских годовщин («Всё те же мы: нам целый мир чужбина; / Отечество нам Царское Село»). И это удивительное совпадение, что Лицей был обустроен хоть и в Царском, но Селе, в предромантической близости сельского уединения. В лицейском контексте уединения рождается атмосфера не одиночества, а Лицейского Дома (Грессе-эпикурец трансформируется в помощника — создателя святого лицейского братства), а уединение в творчестве Пушкина развернется в его дальнейшей жизни на путях обретения дома, возвращения домой, в суверенные пространства свободного, подотчетного лишь Богу творчества.

Мотив дружеского круга более всего выражен в лицейском братстве, чему способствовали локальность пространства Царского Села, традиционные лицейские годовщины, ритуал встреч и чтений пушкинских посвящений «19 октября», но это не отменяет лирического лейтмотива Жуковского на ту же тему дружеского круга (хотя и здесь на первый план обычно выходит арзамасское братство)²³. Но уже в «Вечере» (1806) утверждается определенная модель, словесно сигнализирующая о наличии комплекса братства — дружеского и творческого. Эта модель развивается, драматизируется, обретает свойства то пророчества, то воспоминания. Достаточно двух примеров, хотя их можно множить, поскольку это действительно лейтмотив творческого мышления Жуковского.

Где вы, мои друзья, вы, спутники мои?
Ужели никогда не зреть соединенья?
Ужель иссякнули всех радостей струи?
О вы, погибши наслажденья!

О братья! о друзья! где наш священный круг?
Где песни пламенны и музам и свободе?
Где Вакховы пиры при шуме зимних вьюг?
Где клятвы, данные природе... («Вечер» — 1, 76–77)

Вступление к «Двенадцати спящим девам»: («Опять ты здесь, мой благодатный Гений...»):

К ним не дойдут последней песни звуки;
Рассеян круг, где первую я пел;
Не встретят их простертые к ним руки;
Прекрасный сон их жизни улетел.
Других умчал могущий Дух разлуки;
Счастливый край, их знавший, опустел;
Разбросаны по всем дорогам мира —
Не им поет задумчивая лира (3, 81).

Не будем преуменьшать значения меланхолии в творческой палитре Жуковского, но не будем и абсолютизировать всеильность этой интонации.

Уединение Жуковского и Пушкина 1810-х годов раскрывается по-разному в большие исторические, жизненные, творческие пространства на исторических, жизненных, творческих путях. Нас всегда интересуют Альфа и Омега, начала и концы, рождение художника и его итоги (хотя говорить об итогах можно лишь условно, сделав оговорку, что речь идет о реальном времени).

Мы говорили о пространстве *уединения* Жуковского как о его родном сельском Доме, его мечте о синтезе мысли народной, семейной, творческой. Что сбылось и не сбылось в итоге?

Он уехал из России, как оказалось, навсегда (женитьба, болезнь жены, европейские катаклизмы, к которым прибавилась невозможность вернуться на родину, но одновременно сохранялись мечты о возвращении²³).

В творческом плане одно из последних итоговых произведений — перевод «Одиссеи» Гомера — и является таким символическим путем-стремлением Одиссея-Жуковского домой, метафизическим возвращением человека и человечества к своим духовным истокам, родным полям и нивам (Ср.: Иоанна («Орлеанская дева») прощалась в молодости с родным краем: «Простите вы, холмы-поля родные...»); Жуковский-Одиссей возвратился домой. Начав «Сельским кладбищем», он упокоился в родной земле Тихвинского некрополя Александро-Невской лавры) в Петербурге.

Пушкин, выйдя из Лицея и обрета опыт на жизненных путях, мечтал о счастье на дорогах, по которым ходят все, стремился к дому (хотя не будем отрицать его тяги к путешествиям, и не только в Арзрум!). Так, в «Египетских ночах» Чарский, представляя разные ипостаси Автора, «раздваиваясь» на светского человека и сочинителя, счастлив только когда на него нападает «такая *дрянь*» (творческое вдохновение, испытать которое он может только в уединении и в забвении светского человека).

Пространство творческого уединения, поиск его, возможность и невозможность обретения, мучительная жажда покоя и воли звучит в стихотворении 1834 года:

Пора, мой друг, пора! [покою] сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь — как раз — умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальную трудов и чистых нег²⁴ (III, 330).

Далеко ушел Пушкин от «La Chartreuse» Грессе, от апологии эпикурейского уединения. Вспомним прозаический план продолжения этого стихотворения, завершенного трагически оборванной жизнью поэта.

«Юность не имеет нужды в *at home*, зрелый возраст ужасается *своего* уединения. Блажен кто находит подругу — тогда удались он *домой*.

О скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические — семья, любовь, etc. — религия, смерть» (III, 940–941).

Разве это не напоминает план Жуковского времени «Весны»? Только там была *Весна*, а здесь пушкинская осень года, *Осень* жизни. И неслучайно стремление к уединению-дому погружено в мотив побега, ухода, странничества.

Пушкин, может быть, и «преододел» в «Евгении Онегине» (Зарецкий) юношеские соблазны гораианства (ухода от светской суетности) в форме пародии на сентименталистские клише, но в 1830-е годы вернулся к этой жизненной философии как основе личной и национальной жизни (поэзия Дома, самостоянье человека, родовая память)²⁵.

Таким образом, мы убедились, что Василий Андреевич Жуковский и Александр Сергеевич Пушкин связаны неразрывными узами единения и уединения в идеале жизни и творчества.

Примечания

¹ Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994. С. 14–15, 48–52, 88.

² Виралайнен М. Н. Две чаши (Мотив пира в дружеском послании 1810-х гг.) // Виралайнен М. Н. Речь и молчание: сюжеты и мифы русской словесности. СПб., 2003. С. 291–311.

³ Богданович Е. В. Дружеское послание 1810-х гг.: образцы и источники // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 2 (14). С. 131–138.

⁴ Жуковский В. А. Мечты. Песня. 1812 // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 1. М., 1999. С. — Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием тома (араб.) и страниц в круглых скобках.

⁵ А. А. Прокопович-Антонский (1762–1848) в годы учебы Жуковского был инспектором Московского благородного пансиона и его наставником в поэтической деятельности. Ср.: «О себе скажу Вам, что я до сих пор все ездил из Дерпта сюда, отсюда в Дерпт. Теперь остаюсь на месте и принимаюсь за работу. Был раз в Павловске и раз в Гатчине по приказанию Государыни, которая очень милостиво обошлась со мною. Что же касается до дальних планов моих, то — хмурьтесь или нет, а в конце будущей зимы я отсюда уеду и переселюсь на свою родину. Успео ли что-нибудь для себя состряпать или нет, это во власти судьбы; но уеду, это верно. Мне всего дороже уединение и свобода. 15 октября 1815 г. Петербург» (Письмо В. Жуковского к А. А. Прокоповичу-Антонскому — 2, 363–364).

⁶ См.: Осокин В. «Его стихов пленительная сладость...»: В. А. Жуковский в Москве и Подмоскowie. М., 1984. С. 24–41.

⁷ См.: Власов В. А., Назаренко И. И. «Минувших дней очарованье» (В. А. Жуковский в Приокском крае). Тула, 1979.

⁸ Письмо В. А. Жуковского к Д. Н. Блудову от 21 января 1804 г. (в оригинале по-фр.; пер. О. Б. Лебедевой; подг. к публикации в 15 т. Полн. собр. соч. и писем В. А. Жуковского).

⁹ Там же.

¹⁰ Письмо Жуковского к А. И. Тургеневу от 1806 г. // Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. С. 22. Жуковский не разделяет различные сферы бытия, но дополняет общество уединением, «домоседа» — «странствователем».

¹¹ Ср. статью Жуковского 1808 г. «Писатель в обществе» (ответ на публикацию Д. П. Северина «Писатель в обществе» (с фр.), чтение Х. Гарве «Об уединении и обществе».

¹² См. об этом: Ветиева Н. Ж. В творческой лаборатории В. А. Жуковского: замысел поэмы «Весна» // В. А. Жуковский и русская культура его времени. СПб., 2005. С. 18–27.

¹³ Говоря об одном из источников пушкинской «поэзии действительности», ни в коем случае не умаляем значения державинского слоя праздничного бытописания и XVIII в. в целом.

¹⁴ Особого внимания в этом отношении заслуживает обмен дружескими посланиями Батюшкова, Блудова, Жуковского и Вяземского («Мои пенаты» и др.), но они требуют отдельного разговора, просто укажем на такую возможность более подробного рассмотрения. См., например, долбинские, арзамасские послания. Следует заметить, что традиционно считающийся лириком монологического склада Жуковский две трети лирического корпуса создает в диалогических жанрах.

¹⁵ См. комментарии В. Э. Вацуро о лицейском круге чтения Пушкина: Пушкин А. С. Собр. соч. : в 20 т. Т. 1: Стихотворения лицейских лет. 1813–1817. СПб., 1999.

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 286. В. А. Жуковский. Оп. 1, № 12, л. 37 об.

¹⁷ См.: Пушкин А. С. Собр. соч.: в 20 т. Т. 1: Лицейские стихотворения. 1813–1817. С. 423, 428 и след.

¹⁸ Ср. поздний ретроспективный образ уединения-кельи в начале восьмой главы «Евгения Онегина»: «Моя студенческая келья».

¹⁹ Письмо В. А. Жуковского к П. А. Вяземскому от 19 сентября 1815 г. «Петербург» // Жуковский В. А. Соч.: в 3 т. М., 1980. Т. 3. С. 480.

²⁰ Об этом см.: Иезутова Р. В. 1) Жуковский в Петербурге. Л., 1976. С. 82–99; 2) Жуковский и его время. Л., 1989. Гл.: «К проблеме литературного наставничества». С. 194–206.

²¹ Цит.: «В альбом императрице Марии Федоровне. 2-ое сентября 1815» — «Пускай средь пышных столицы / Она величием царицы / Благоговеет всем сердцам; / Но здесь, среди уединенья, / Красно кроткого смиренья, / Она стократ прелестней нам!» (2, 365). Заметим попутно, что стихотворение построено на контрасте идиллической и одической интонаций, очень продуктивном в будущем синтезе (ср. пушкинские оду «Вольность», «Дервню» в переплетении риторики и чувствительности). В цитированном стихотворении взаимодействуют мотивы ожидания матерью-императрицей (и просто матерью) своего августейшего сына-победителя (Александра I), ее переживание разлуки и надежда на встречу:

Томимая разлукой Мать!
Вселенной утвердив судьбину,
Придет, придет Он в отчий дом,
К Ея стопам положит гром,
Из уст Ея благословенье
Услышит подвигам Своим...
И светло озарится им
Владычицы уединенья (2, 366).

²² Ср. характерные названия известных книг об «Арзамасе» М. И. Гиллельсона: «Молодой Пушкин и арзамасское братство», «От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей».

²³ См.: Переписка В. А. Жуковского с А. П. Елагиной. 1813–1852. М., 2009. В письме от 3/15 января 1852 г. из Бадена Жуковский обещает Авдотье Петровне: «Когда буду в Москве, покажу вам мои работы. Но когда же я буду в Москве?» (с. 609).

Н. П. Морозова

**КАБИНЕТ «ПЕВЦА ФЕЛИЦЫ»
В ЛИЦЕЙСКОМ
СТИХОТВОРЕНИИ
А. С. ПУШКИНА
«ТЕНЬ ФОНВИЗИНА»**

Одним из мотивов лицейской лирики А. С. Пушкина является «кабинет писателя».

Лирический герой стихотворения «Городок» (1815) «с восторгом забывает целый свет» в своем скромном кабинете, где «злата, бронзы нет» и где паркет «не кроют ткани выписные», а главное убранство составляет простая полка с книгами «под тафтою».

Осенью 1815 года поэт пишет стихотворение «Тень Фонвизина»¹, действие которого происходит главным образом в писательских кабинетах. Создавая их интерьеры, Пушкин основывается как на особенностях творчества героев своей сатиры, так и на упоминаниях деталей кабинетов в сочинениях их хозяев.

Вначале мы попадаем на чердак, где «с бумагой, склянкой и пером», «на стуле ветхом и треногом» сидит «в раздумье за столом» издатель журнала «Демокрит» А. Ф. Кропотков, затем в неопрятный кабинет, в котором «повсюду розлиты чернила» «доброе нашего поэта» Д. И. Хвостова, далее — в «боскет» князя Шаликова. Детальный комментарий перечисленных «интерьерных» фрагментов, впервые сделанный Л. Б. Модзалевским², можно дополнить комментарием строк, описывающих кабинет «певца Фелицы», последний в интересующем нас перечне:

«Но где певец Екатерины?»
«На берегах поет Невы».

«Слетим к певцу под сединою
На час послушать старика».
Они летят, и в три мига
Среди разубранной светлицы
Увидели певца Фелицы (с. 138).

Итак, условный петербургский кабинет Державина назван «разубранной светлицей». Подобное определение возникло неслучайно. В качестве его источника можно рассмотреть два текста. Первым будет ода «Евгению. Жизнь званская» (1807). Здесь, в украшенной светлице, где хозяин ведет разговоры со своими домашними, принимает посетителей и «в задоре иногда» тешит себя игрой в карты, названа гостиная усадебного дома:

Иду за круглый стол: и тут-то растабар
О снах, молве градской, крестьянской,

О славных подвигах великих тех мужей,
Чьи в рамках по стенам златых блистают лица,
Для вспоминанья их деяний, славных дней,
И для прикрас моей светлицы³.

Этому источнику не противоречит и тема «тишины», возникающая далее в пушкинском стихотворении:

Почтенный старец их узнал.
Фон-Визин тотчас рассказал
Свои в том мире похождения.
«Так ты здесь в виде привиденья?.. —
Сказал Державин, — очень рад;
Прими мои благословенья...
Брысь, кошка!.. сядь усопший брат;
Какая тихая погода!.. (с. 138).

Мотив «тишины» был одним из основных в «званской» лирике:

Не колыхнет Волхов темный,
Не шелохнет лес и холм;
Мещет на поля чуть бледный
Свет луна, и спит мой дом
Я пою, — Пинд стала Званка;
Совосплещт Музы сне;
Возгремела балалайка
И я славен в тишине! (2, 367–368)

В то же время в «Жизни званской» присутствует рассказ о занятиях автора в кабинете, названном «святылище Муз». Однако никаких примет «разубранной светлицы» в этом случае нет.

Вторым литературным источником интересующего нас образа могло стать стихотворение Ф. П. Львова «Г. Р. Державину по случаю возобновления его кабинета 13 апреля 1813». Оно было прочитано в марте 1814 года на 16-м заседании «Беседы любителей русского слова» и опубликовано в 16-м выпуске ее «Чтений» в начале ноября 1815 года⁴, а также в газете «Русский инвалид», и позднее вошло в сборник стихотворений Львова «Часы свободы в молодости» (СПб., 1831). Стихотворение начинается такими строками:

Приют раздумья и забавы,
Ограда от мирских сует!
Отколь наряд твой величавый?
Иль новый зрю в тебе я свет?

Близ стен, стрелами огражденных,
Сквозь шелковых завес зеленых
Наук обширный виден сад!
Ковер роскошный под ногами,
Усеян вечными цветами,
Мой робкий обольщает взгляд!

Мужей бессмертных лики светлы
В безмолвии стоят вокруг!
Лазурна цвета мягки креслы
К восточной неге клонят дух!
С берегов Невы, зимой прелестны
Фарфоровы цветы чудесны
На воздухе висят венком,
С которого огни золотые
В часы вечерние, ночные,
Волшебным светятся лучом!⁵

Думается, эти строки могли дать юному Пушкину повод назвать кабинет Державина «разубранной светлицей». Однако приют «раздумий и забавы» певца Фелицы не всегда был таким. Далее Львов обращается к северному барду с такими вопросами:

Богов любимец! Бард почтенный!
Скажи, кто гость? Кого ты ждешь?
Зачем уборы там отменны,
Где ты, как лавр, в тени цветешь?
.....
Зачем же новые уборы,
Где, вдохновенный лирой, ты
Гранитные сдвигаешь горы
И жизнь вдыхаешь в мертвы льды?
.....
Зачем рядишь шалаш смиренный,
Где северной царице ты
Вплетал в венцы ее нетленны
Прекрасной истины цветы?
Шалаш, где громом русской славы
Ты отличал твои забавы,
Как отличается орел!
Где острые коварства стрелы
Перед невинными тупели,
Где путь к бессмертью ты нашел!⁶

Ответ на вопросы, думается, связан с изменениями в домашней жизни поэта, обусловленными заседаниями «Беседы любителей русского слова» в его особняке, на которые съезжались «почетнейшие мужи» и «избраннейшие люди города». По окончании заседания воодушевленные участники, в их числе важные особы, поднимались в кабинет поэта. Вероятно, во многом именно поэтому супруга Де-

ржавина Дарья Алексеевна решила «улучшить» облик «смирненного шалаша». Сделав ремонт, она застелила пол ковром с разноцветными букетами, повесила люстру с фарфоровыми цветами и обила кресла сукном «лазурного цвета», изготовленном на ее фабрике в новгородском имении Званка. Львов пишет об этом так:

Но кто с усмешкою любезной
Вдали безмолвно мне грозит?
Не дух ли то любви прелестной
Или хозяйки милой вид?
Не ей ли сердце приказало
Накинуть светло покрывало
На беззатейный твой приют,
Чтобы часы твои бесценны,
Любуясь на убор отменный,
Легли, забывшись отдохнуть?⁷

Кабинет стал похож на салон, нарядную гостиную. Г. В. Гераков, побывавший здесь в день заседания «Беседы», записал в своем «Дневнике»: «В Кабинете очень прекрасно. Беседа долго продолжалась»⁸.

Прежний облик «беззатейного приюта» запечатлен на рисунке П. А. Кожевникова, сделанном в начале XIX века и хранящемся в Литературном музее ИРЛИ (ПД-И-5883).

Соотнесенность пушкинской строки со стихотворением Ф. П. Львова, опубликованным в ноябре 1815 года, позволяет подтвердить датировку «Тени Фонвизина» и, возможно, несколько уточнить ее.

Небольшой комментарий может быть сделан также к строке «Брысь, кошка!..». Откуда в стихотворении «Тень Фонвизина» появилась кошка, действительно существовавшая в реальном державинском быту? Кот как литературный герой у Державина, в отличие от Пушкина, не обделившего вниманием этот персонаж, встречается лишь однажды — в стихотворении «На разлуку», написанном 2 июля 1801 года в связи с отъездом двоюродной сестры Д. А. Державиной Пелагеи Михайловны Бакуниной. Стихотворение было впервые опубликовано в 1808 году в третьей части Сочинений Державина. В нем есть такие строки:

Когда ж назад ты возвратишься,
Весельем мой наполнишь дом?
Иль с арфою навек простишься,
С мурзой, Милордом и котом? (2, 396).

В «Объяснениях Державина на свои сочинения» сказано: «Мурзой автор себя разумеет; Милордом назывался прекрасный пудель его, а кот Ангола — всегдашний их в домашнем быту собеседник» (3, 718).

Быть может, именно «собеседник» Ангола стал одним из персонажей в «Тени Фонвизина». Мы располагаем даже изображением Анголы. В процессе подготовки Державиным в первой половине 1800-х годов иллюстрированного издания своих сочинений было создано несколько вариантов программы для заставки к оде «На разлуку». Согласно одному из них, надо было «представить Диван и в нем арфу с рваными струнами, близ которой сидит, задумавшись, кот и воет пудель»⁹. Со-

гласно другому, заставка должна была выглядеть так: «В диване под балдахинем татарский мурза сидит в задумчивости, облокотясь на расстроенную арфу. С одной стороны у ног его кот с большими усами, а подле воющий пудель [воющая собака]»¹⁰. В результате рисунок¹¹ оказался наиболее близок третьему варианту программы: «В конце картины видна только одна нога и часть платья убегающей женщины. В начале картины сидящие мужчина и женщина простирают к ней руки. Курчавая собака смотрит вслед ее и воет. Кот Ангола, распусая хвост, мяучит» (3, 396). В отличие от других персонажей кот смотрит не вслед убегающей женщине, а прямо на зрителей. Перед нами в определенном смысле самостоятельный по отношению к жанровой сцене портрет.

Гравюра в академическом издании Сочинений Державина, подготовленном Я. К. Гротом, с большой точностью повторяет созданный в начале 1800-х годов рисунок (2, 395).

Возможно, юный Пушкин слышал от кого-либо из окружения поэта про кота Анголу и знал о роли «собеседника», которую играл этот персонаж (вряд ли доживший до 1815 года) в домашнем быту Державина. В то же время слова «Брысь, кошка!..» могли служить отражением народных верований о недопустимости нахождения кошки рядом с покойным. Так или иначе кот (или кошка) в «Тени Фонвизина» обитает в «разубранной светлице» «певца под сединою».

Таким образом, литературными источниками удивительно точного пушкинского образа кабинета Державина в «Тени Фонвизина» могли послужить стихотворение Ф. П. Львова «Г. Р. Державину по случаю возобновления его кабинета 13 апреля 1813», опубликованное в начале ноября 1815 года в 16-м выпуске «Чтений в Беседе любителей русского слова», и стихотворения Державина «Евгению. Жизнь Званская» и «На разлуку».

Примечания

¹ Впервые опубликовано Л. Б. Модзалевским в кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Вып. 1. С. 3–11. (Ранее им же были напечатаны отрывки из поэмы в газете «Вечерняя Москва» (1934. 28 июня) и в «Литературном наследстве» (М.; Л., 1934. Т. 16–18. С. 815–824.))

² См.: Модзалевский Л. Б. Тень Фон-Визина // Там же. С. 16–19; Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1: Стихотворения лицейских лет. 1813–1817. СПб., 1999. С. 652–654.

³ Державин Г. Р. Соч. с объяснит. примеч. Я. Грота: в 9 т. СПб., 1865. Т. 2. С. 635. — Далее ссылки на это издание в тексте.

⁴ [Львов Ф. П.] Г. Р. Державину, стихи, по случаю возобновления его Кабинета // Чтения в Беседе любителей русского слова. Чтение 16. СПб., 1815. С. 51–54.

⁵ Там же. С. 51.

⁶ Там же. С. 52–53.

⁷ Там же. С. 54.

⁸ Гераков Г. В. Дневник 1812–1813 гг. / публ. Д. Р. Невской, В. М. Боковой // Труды ГИМ. Вып. 147: Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. IV сб. материалов к 200-летию Отечественной войны 1812. М., 2005. С. 134.

⁹ Державин Г. Р. Анакреонтические песни. М., 1987. С. 431.

¹⁰ Там же.

¹¹ Опубл.: Там же. Вклейка. С. 120. Об иллюстрациях к анакреонтике Державина см.: Петрова Е. Н. Иллюстрации к анакреонтике Г. Р. Державина. Замысел и история создания // Державин Г. Р. Анакреонтические песни. С. 379–395.

С. Ф. Свободина

К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ И ЖАНРОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СТИХОТВОРЕНИЯ А. С. ПУШКИНА «БЕЗВЕРИЕ»

Стихотворение «Безверие» написано предположительно в январе–марте (до 6 марта) 1817 года; 17 мая этого же года Пушкин прочел его на выпускном экзамене по российской словесности¹.

Сохранилось несколько списков стихотворения: в лицейской тетради (написанный рукой неизвестного, с поздними поправками Пушкина), в тетради Н. В. Всеволожского (текст, восходящий к утраченному автографу, датируемый концом 1819 — началом 1820 г.) и др. В настоящей статье мы обращаемся к первым двум спискам как наиболее авторитетным. Стихотворение «Безверие» 30 ноября 1817 года прочел на заседании Общества любителей российской словесности при Московском университете дядя поэта, Василий Львович Пушкин, и опубликовал со своими поправками в Трудах МОЛРС (1818. Ч. 10, кн. 16). Остается неизвестным, каково было отношение А. С. Пушкина к этой публикации и к повторной публикации 1827 года в «Собрании российских стихотворений: В пользу юношества, воспитываемого в Учебном округе имп. Виленского университета». При жизни Пушкина стихотворение больше не печаталось. «Безверие» было включено В. А. Жуковским в 9-й том посмертного собрания сочинений поэта².

В тексте из лицейской тетради и списке Всеволожского есть существенные отличия: не перестановка строк и замена слов — это встречается достаточно часто, а купирование целого абзаца и ряда строк. Вот первый отрывок из лицейской тетради:

Взгляните на него — не там, где каждый день
Тщеславие на всех наводит ложную тень,
Но в тишине семьи, под кровлею родною,
В беседе с дружеством иль темною мечтою.
Найдите там его, где илистый ручей
Проходит медленно среди нагих полей;
Где сосен вековых таинственные сени,
Шумя, на влажный мох склонили вечны тени.
Взгляните — бродит он с увядшею душой,
Своей ужасною томимый пустотой,
То грусти слезы льет, то слезы сожаленья.
Напрасно ищет он унынью развлеченья (с. 255).

Второй отрывок из лицейской тетради:

К кресту приникнул он бесчувственной главой,
Стенанья изредка глухие раздаются,
Он плачет — но не те потоки слез лиются,
Которы сладостны для страждущих очей
И сердцу дороги свободою своей;
Но слез отчаянья, но слез ожесточенья (с. 256).

В тетради Всеволожского первый отрывок отсутствует совсем, а второй заменен следующими строками:

К кресту приникнул он бесчувственной главой,
В слезах отчаянья, в слезах ожесточенья <...> (с. 258).

Лицеист 14 курса, историк и критик В. П. Гаевский выдвинул гипотезу о том, что «Безверие» было написано на заданную тему и связано с взаимоотношениями Пушкина и Е. А. Энгельгардта: «Энгельгардт, конечно, смотрел на Пушкина слишком односторонне, только с педагогической точки зрения, и к этому взгляду примешивалась еще совершенная дисгармония между ними, вследствие противоположности религиозных воззрений. <...> Чтобы восстановить себя в мнении Энгельгардта, в религиозном отношении, он (Пушкин. — С. С.) написал *Безверие*, холодное, дидактическое стихотворение»³.

И. И. Пущин писал: «Для меня оставалось неразрешимой загадкой, почему все внимания директора и жены его отвергались Пушкиным; он никак не хотел видеть его в настоящем свете, избегая всякого сближения с ним. Эта несправедливость Пушкина к Энгельгардту, которого я душой полюбил, сильно меня волновала. Тут крылось что-нибудь, чего он никак не хотел мне сказать; наконец, я перестал настаивать, предоставляя все времени. Оно одно может вразумить в таком непонятном упорстве»⁴. Пущин доказывал Пушкину: «Энгельгардт тут действовал отлично»⁵ (защищал подростка перед императором, когда тот в темном коридоре поцеловал фрейлину императрицы княжну В. М. Волконскую, приняв ее за ее горничную Наташу. В. М. Волконская пожаловалась Александру I). Но поэт отвечал другу, что «Энгельгардт, защищая его, сам себя защищал»⁶.

По сообщению С. Л. Пушкина, А. С. Пушкин читал «Безверие» 17 мая 1817 года «при выпуске своем на последнем экзамене». Никем и нигде не отмечено, чтобы поэт впрямую высказывал свое отношение к Энгельгардту. Пушкинская запись в альбоме Энгельгардта свидетельствует о вежливом долге ученика: «Приятно мне думать, что увидя в книге ваших воспоминаний и мое имя между именами молодых людей, которые обязаны вам счастливейшим годом жизни их, вы скажете: “В Лицее не было неблагодарных”»⁷. Приведем текст отзыва Егора Антоновича о Пушкине (характеристики мальчиков были сделаны на немецком языке, озаглавлены «Нечто о воспитанниках старшего отделения лицея» и датированы 22 марта 1816 г.) в переводе не В. П. Гаевского, а Б. С. Мейлаха, так как его перевод более точен⁸: «Его высшая и конечная цель — блистать и именно посредством поэзии. К этому он сводит все и с любовью занимается всем, что с этим непосредственно связано. Все же

ему никогда не удастся дать прочную основу даже своими стихами, так он боится всяких серьезных занятий и сам его поэтический дух не сердечный, проникновенный, а совершенно поверхностный, французский дух. И все же это есть лучшее, что можно о нем сказать, если это можно считать хорошим. Его сердце холодно и пусто, чуждо любви и всякому религиозному чувству и не испытывает в нем потребности; может быть, так пусто, как никогда не бывало юношеское сердце»⁹. Поскольку записи сделаны через два месяца после вступления в должность директора, то можно предположить, что Энгельгардт к своим наблюдениям добавлял замечания из характеристик, составленных ранее другими наставниками. Например, вот отзыв о Пушкине надзирателя по учебной и нравственной части М. Пилецкого: «Имеет более блистательные, нежели основательные дарования, более пылкой и тонкой, нежели глубокий ум. Прилежание его к учению посредственно, ибо трудолюбие еще не сделалось его добродетелью. Читав множество французских книг, но без выбора, приличного его возрасту, наполнил он память свою многими удачными местами известных авторов...»¹⁰. Б. С. Мейлах уточнял: «Но следует заметить, что эти, написанные только для себя, заметки Энгельгардт никак не использовал в лицейской аттестации» и «никогда не переносил свои личные отношения к Пушкину на отношения общественные или официальные»¹¹.

В отличие от других выпускников, Пушкин никогда не переписывался с бывшим директором. Е. А. Энгельгардт тоже не писал Пушкину писем. «Для строгого директора, с его религиозно-нравственным морализированием, остался закрытым многогранный, богатейший духовный мир гениального юноши-поэта, который он так и не смог увидеть за лицейскими табелями об успеваемости и за экспансивными выходками, снискавшими Пушкину среди лицейских воспитателей славу “легкомысленного”, “повесы”»¹².

Основываясь на наблюдениях и выводах исследователей, позволим себе сделать следующее предположение: в «Безверии» Пушкин пытался объяснить самому себе и Энгельгардту причину своего отчуждения — нежелание иметь доверительных, откровенных отношений из-за невозможности рядом с ним быть естественным, подлинным. С окончанием Лицея и расставанием с Энгельгардтом ушла актуальность объяснений и оправданий. Как указала М. Н. Виролайнен, «в период отрочества им (Пушкиным. — С. С.) была проделана огромная духовная работа по превращению поэтического творчества в мощное средство *преодоления внутренних конфликтов* (курсив мой. — С. С.), в средство обеспечения внешней и внутренней независимости, внешнего и внутреннего самоопределения. <...> Пушкину свойственно обостренное восприятие конфликта. <...> И он не стремится ни сгладить конфликт, ни изолировать конфликтующие стороны друг от друга. Напротив того, он работает именно с конфликтом, и его творческая энергия направлена на то, чтобы превратить конфликт из разрушительной силы в созидательную»¹³. Разумеется, все это не отменяет и возможности изменения художественных задач. Пушкин впоследствии не включал «Безверие» в свои публикации, хотя два раза собирался (при первой и повторной подготовке сборника своих стихотворений)¹⁴.

«Безверие» отражает состояние поэта в лицейский период — состояние поиска веры, духовно-нравственных ориентиров, отстаивания себя как иной, не похожей на других личности.

Внимание исследователей «Безверия» концентрировалось в основном на теме стихотворения¹⁵. Причина — и в отсутствии автографа, и в неясности возможных литературных источников, и в некоторых особенностях самого стихотворения: в умозрительном, рассудочном его характере, не свойственном для творчества Пушкина.

М. В. Нечкина, исследуя вопрос о существовании «Священной артели» (по ее мнению, это тайное политическое общество, преддверие «Союза Спасения», существовавшее с 1814 по 1817 год, членами которого были И. Пущин, В. Кюхельбекер, В. Вольховский), писала, что проблемы веры и неверия обсуждались в артели ее основателем А. Муравьевым¹⁶. «Еще в лицейском мундире я был частым гостем артели. <...> Постоянные наши беседы о предметах общественных, о зле существующего у нас порядка вещей и о возможности изменения, желаемого многими втайне, необыкновенно сблизили меня с этим мыслящим кружком», — вспоминал Пущин¹⁷.

В. С. Непомнящий предполагал, что фраза «Ум ищет Божества, а сердце не находит» «не есть целиком пушкинская мысль (в дневнике от 9 апреля 1821 г. почти такая же мысль отмечается как убеждение Пестеля), а, скорее, максима в духе западного XVIII века (неслучайно в дневнике она дана на французском), выдержанная в рационалистически-просветительском духе и построенная на довольно грубых в данном случае абстракциях “ума” и “сердца”»¹⁸.

И. З. Сурат предлагает искать источник темы стихотворения в «Мыслях» Паскаля¹⁹. Паскаль входил в лицейский курс по литературе. «Тема безверия вообще, его природы и сути занимает большое место в книге Паскаля, и в ряде фрагментов она очень близко перекликается с темой пушкинского стихотворения»²⁰. Исследовательница видит переключки строки о сердце и разуме и финала стихотворения с суждениями Паскаля²¹.

Несчастья, страстей и немощи сыны,
Мы все на страшный гроб, родясь, осуждены.
Всечасно бранных уз готово разрушенье;
Наш век — неверный день, всечасное волнение.
Когда, холодной тьмой объемля грозно нас,
Завесу вечности колеблет смертный час,
Ужасно чувствовать слезы последней муку —
И с миром начинать безвестную разлуку!
Тогда, беседа с отвязанной душой,
О Вера, ты стоишь у двери гробовой,
Ты ночь могильную ей тихо освещаешь
И ободренную с Надеждой отпускаешь...
Но, други! пережить ужаснее друзей!
Лишь Вера в тишине отрадою своей
Живит унывший дух и сердца ожиданье.
«Настанет, — говорит, — назначено свиданье!»

А он (слепой мудрец!), при гробе стонет он,
С усладой бытия несчастный разлучен,
Надежды сладкого не внемлет он привета,
Подходит к гробу он, взывает... нет ответа! (с. 255–256)

В этих строках выражено личное представление юного Пушкина о душе после смерти — поэтическое, образное. В определенном контексте и при определенных условиях и оговорках это представление можно рассматривать в ряду представлений и учений о душе (как материалистических, рациональных, так и метафизических) конца XVIII — начала XIX века. Тема души, ее жизни и смерти занимала и Н. М. Карамзина²².

В мае 1816 года Карамзин получил письмо от Н. И. Новикова (письмо датируется 14 мая) в котором есть следующие слова: «Кстати: вы упомянули в письме вашем о меланхолии; я принимал это слово в сочинениях ваших нередко употребляемое, за обыкновенное выражение приятной задумчивости, но в письме выражено так, как будто вы подвержены сей болезни, что меня крайне опечалило, но я надеюсь подать вам средство к истреблению оной. Древние философы из глубокого познания своего, особенно в натуре человеческой, определяли, что человек состоит из тела, души и духа, а из этого выводили и болезни человеческие; <...> Третьи болезни называли они болезнями духа; к сим болезням причисляли они и меланхолию, которой корень полагали в неверии, и сии болезни лечили они лекарствами духовными, то есть чистым учением истинной философии, которая есть верная последовательница учению Ветхого и Нового Завета или вообще Слова Божия»²³. Пушкин в стихотворении употребляет слово «безверие», а не «неверие». Ю. М. Лотман в примечаниях к переписке Карамзина отмечает, что вопросами «о связи души с телом, о бессмертии души и смертности человека <...> в одинаковой мере, хотя и с разных точек зрения, интересовались Карамзин и Радищев»²⁴.

А. М. Куканов, сопоставляя «Безверие» и трактат А. Н. Радищева «О человеке», видит схожесть философских колебаний Пушкина и Радищева по поводу веры в Бога и в загробную жизнь²⁵.

Кроме Радищева здесь уместно вспомнить и П. Я. Чаадаева. Творчество первого и личность второго имели влияние на Пушкина с лицейского времени²⁶. Чаадаев, как и Радищев, интересовался проблемами природы человеческой души и размышлял о наличии и познании мира физического и метафизического²⁷. Таким образом, проблемы веры и неверия так или иначе обсуждались в конце XVIII — начале XIX века.

Сам поэт не определял жанра «Безверия». Однако исследователи находят в нем признаки двух жанров. Т. Г. Цявловская, А. Н. Архангельский называют «Безверие» элегией²⁸. По мнению В. Э. Вацура и М. Н. Виролайнен, стихотворение ближе к традиции жанра философской оды²⁹. На наш взгляд, эти два жанра соединены в «Безверии». Ода и элегия со своими разновидностями и изменениями, связанными со временем, — два ведущих жанра XVIII — начала XIX века. Естественно, что Пушкин (осознанно или неосознанно) использует возможности именно этих жанров.

Пушкин описывает состояние героя, находящегося у себя в доме (в семейном и дружественном кругу и в одиночестве), на природе, на кладбище и в храме. Природа, кладбище и храм (который может быть расположен также на кладбище) — характерные «места действия» созерцающих и размышляющих героев элегий³⁰. Это места, где возможна встреча с Божественным миром. Чувства печали, уныния, стенания, слезы, вздохи у могилы, оплакивание умерших — все это традиционно для элегии³¹:

Видали ль вы его в безмолвных тех местах,
Где кровных и друзей священный тлеет прах?
Видали ль вы его над холодной могилой,
Где нежной Делии таится пепел милый? (I, 263).

Однако это лишь отголосок элегических мотивов — разлуки с любимой, друзьями, родственниками, прощания с молодостью. Герой данного стихотворения страдает оттого, что лишен веры.

Уединенная обстановка, илистый ручей, нагие поля, сосен таинственные сени и их же «вечны тени», влажный мох — пейзажные мотивы, входящие в образную систему не только элегии, но и оссианической поэзии, художественного явления, вызвавшего широкий интерес в конце XVIII — начале XIX века в русской и европейской литературе³². В Лицее Пушкин неоднократно обращался к сюжетам и темам Оссиана³³. Можно утверждать, что герой «Безверия» в определенный момент находится в пространстве так называемого оссианического парка (возникшего также в конце XVIII — начале XIX века)³⁴. Такой парк инспирирует чувство причастности к трансцендентному, целостности мироздания³⁵ (однако напомним, что с пушкинским героем именно этого и не происходит).

Для оссианизма характерно меланхоличное, скорбное, угрюмое настроение³⁶. У Н. М. Карамзина есть стихотворение (перевод из Ж. Делиля) «Меланхолия» (1800). Описание состояния пушкинского героя схоже с описанием меланхолии у Карамзина:

Бежишь, скрываешься от блеска и людей,
И сумерки тебе милее ясных дней.
Безмолвие любя, ты слушаешь унылый
Шум листьев, горных вод, шум ветров и морей.
Тебе приятен лес, тебе пустыни милы;
В уединении ты более с собой,
.....
Там пиршество... но ты не видишь, не внимаешь
И голову свою на руку опускаешь...³⁷

Меланхолия как душевная сосредоточенность, а природа как идеал философского уединения и диалога с Богом воспринимались так не только в жанре элегии, но и в других, как европейских, так и русских, лирических жанрах еще до эпохи романтизма³⁸. Для создания конкретного внутреннего состояния героя Пушкин использует средства медитативной поэзии.

Поздний лицейский период (1815–1817) в творчестве Пушкина исследователи обозначают как «элегический». Он включает в себя стихотворения, созданные по типу «унылых элегий», в них просматриваются заимствованные мотивы³⁹. Однако «Безверие», вслед за Пушкиным, исследователи не включают в это число. В. С. Непомнящий и А. Н. Архангельский в своих работах сопоставляют с «Безверием» стихи «Под небом голубым...», «Заклинание», «Из Пиндемонти» и «Когда за городом задумчив я хожу...»⁴⁰. Очевидно, что «Безверие» имеет большее отношение к стихам зрелого периода.

В торжественной тональности «Безверия» и риторическом пафосе проявляются признаки одического жанра. Начало стихотворения — выдержанное в высоком стиле обращение-просьба к верующим гордецам. Автор утверждает, что и «другой», не имеющий веры, имеет право на существование, и просит о христианском отношении к нему.

Находясь в храме, среди людей, герой еще более одинок; он вопрошает, почему ему не дано то, что дано другим. Герой ищет подлинной веры, он хочет найти Бога в себе. Быть не таким, как все, и не становиться таким, как все, — дерзновенно, это проявление своего рода героизма. Элегическая скорбь сливается с одическим героизмом. Здесь уместно отметить некоторое, пусть отдаленное, сходство героя и автора. Вопросы веры не стояли так остро перед молодым Пушкиным, но вопрос «отдельности», «инаковости», безусловно, волновал его.

М. О. Гершензон писал: «Впервые его рассуждающее мышление о смерти отразилось в стихотворении “Безверие”, 1817 года. Но здесь он еще не ставит гамлетовского вопроса: какова загробная участь души? Напротив, объективное содержание этого вопроса он оставляет в стороне. Он рассуждает вполне утилитарно: верить в загробное переживание личного “Я” — в высшей степени утешительно, безверие же, лишенное надежды, ужасно; горе тому, кто мыслит смерть как окончательное угасание личности! Такому человеку страшно умирать, и в утрате близких ему нет утешения. <...> Итак, верить в посмертную жизнь выгодно»⁴¹ (здесь уточним: тема смерти возникает у Пушкина и в других лицейских стихотворениях)⁴². На наш взгляд, Пушкин не только ставит гамлетовский вопрос («И что зовет его в пустыне гробовой — / Кто ведает?»), но и отвечает на него: «но там лишь видит он покой». Семантика слова «покой» в лирике Пушкина заслуживает отдельного исследования (М. О. Гершензон, скорее всего, прочел это слово только в бытовом, житейском смысле, тогда как у Пушкина, несомненно, присутствует смысловая многогранность).

Особенность своего героя поэт определяет словами: «А он (слепой мудрец!)», и четыре раза подчеркивает его слепоту по отношению к миру, где обитает вера. Первый раз: «Напрасно в пышности свободной простоты / Природы перед ним открыты красоты; / Напрасно вокруг себя печальный взор он водит <...>», второй раз: на кладбище герой замечает «ангела горести» — юную деву. Но он, пребывая в плену уныния, меланхолии, безверия, не замечает или не чувствует той связи, которой обладает дева — внимания свыше:

Там дева юная в печали безмятежной
Возводит к небу взор болезненный и нежный,
Одна, туманною луной озарена,
Как ангел горести является она; <...>
Несчастный на нее в безмолвии глядит,
Качает головой, трепещет и бежит,
Спешит он далее, но вслед унынье бродит.

В третий раз духовная слепота героя подчеркивается строкой: «он Бога тайного нигде, нигде не зрит». И наконец, этот же смысл вложен в строки:

Надежды сладкого не внемлет он привета,
Подходит к гробу он, взывает... нет ответа!

Герой ищет веры, которая являлась бы посредником между мирами: но веры он не находит, и, следовательно, для него тот мир закрыт, он видит там лишь покой, который в данном случае — синоним пустоты, вакуума.

В античной трагедии слепой прорицатель, слепой мудрец — человек, физически лишенный зрения, — наделен другим зрением — метафизическим, внутренним. Он поэтому и есть настоящий мудрец, так как видит то, что находится за пределами физического мира. Герой «Безверия» лишен этого внутреннего зрения. И тем не менее он назван мудрецом (здесь возможна пушкинская ирония, но она отменяет не серьезность, а пафос). Герой все время устремлен за пределы физического пространства, его душевная и умственная деятельность — вне бытовой, житейской сферы и вне земного времени. Неразрешимая трагическая ситуация, в которой находится герой стихотворения, заключается в том, что он ни в физическом мире не видит, не находит, не чувствует Бога, ни в загробном мире также ничего не видит, кроме пустоты. Слезы не приносят ему облегчения. У него в дольном мире нет радости и в загробном нет утешения. Таким образом, стихотворение состоит из двух первичных лирических жанров — элегии и оды — и из вторичного драматического жанра (трагедии), завершающего художественное целое⁴³. Поэтическое произведение осложнено драматическим жанром, чем нарушается гармоническая целостность стихотворения.

«Ум ищет Божества, а сердце не находит» — в этих строках сталкиваются две эпохи, два жанра: XVIII и XIX век, ода и элегия. Разум и чувства героя находятся в неразрешимом противоречии. А вера (как духовное состояние человека) объемлет и то и другое. Такого целостного видения у героя нет (напомним, что автору «Безверия» 17 лет. И для автора это не трагедия, так как поэт посредством слова имеет связь с метафизическим миром. Поэтому для самого Пушкина вряд ли тот мир пуст).

«Безверие» — это попытка философского осмысления раннего жизненного опыта и отстаивание права поэта быть самим собой.

Примечания

¹ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799–1826 / сост. М. А. Цявловского. Л., 1991. 2-е изд., испр. и доп. С. 125, 129, 151.

² См.: Пушкин А. Собр. соч.: в 20 т. Т. 1: Лицейские стихотворения. 1813–1817. СПб., 1999. Примеч. С. 743–745. — Далее страницы указываются в тексте; см. также: Пушкинская энциклопедия. Произведения. СПб., 2009. Вып. 1. С. 120–121.

³ Гаевский В. П. Пушкин в лицее и лицейские его стихотворения // Современник. 1863. Т. 8. С. 376–377, 395 (цитируется в современной орфографии). «Лицейские рассказы, переданные Гаевским, требуют, однако, осторожного отношения: они характеризуют не происхождение замысла, а восприятие уже написанного текста, соотношенного с внешне похожей жизненной ситуацией, и, как обычно в таких ситуациях, дают ему упрощенно-биографическое толкование» (с. 746).

⁴ Пуцин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1998. С. 51.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / под ред. Б. В. Томашевского. М., 1964. Т. 8. С. 83.

⁸ Мейлах Б. С. Характеристики воспитанников лицей в записях Е. А. Энгельгардта // Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1960. Т. III. С. 348, 359.

⁹ Там же. С. 359, 360.

¹⁰ Цит. по: А. С. Пушкин. Документы к биографии. 1799–1829. СПб., 2007. С. 195.

¹¹ Мейлах Б. С. Пушкин и его эпоха. М., 1958. С. 58.

¹² Мейлах Б. С. Характеристики... С. 360.

¹³ Виролойнен М. Н. Предисловие // Пушкин А. С. Лицейская лирика. СПб., 1993. С. 20.

¹⁴ Цявловский М. А. Источники текстов лицейских стихотворений // Пушкин А. С. Собр. соч.: в 20 т. Т. 1: Лицейские стихотворения. 1813–1817. С. 461–472; Томашевский Б. В. Пушкин. М., 1990. Т. 1. С. 104–107.

¹⁵ См.: Гершензон М. О. Тень Пушкина // Гершензон М. О. Избранное. Мудрость Пушкина. М., 2007. С. 162; Нечкина М. В. К вопросу о формировании политического мировоззрения молодого Пушкина // А. С. Пушкин. 1799–1949. Материалы юбилейных торжеств. М.; Л., 1951. С. 99–100; Кукунов А. М. На радищевских путях (исторические корни вольнолюбия и традиции Радищева в лицейском творчестве Пушкина) // Из истории русской и зарубежной литературы. Саранск, 1964. С. 70–71; Архангельский А. Н. «Вот счастье! Вот права...» // Русская речь. 1987. № 1. С. 30–31; Непомнящий В. С. Дар: заметки о духовной биографии Пушкина // Новый мир. 1989. № 6. С. 249–250; Сураг И. З. Пушкин и Паскаль // Сураг И. З. Вчерашнее солнце: о Пушкине и пушкинистах. М., 2009. С. 125–129.

¹⁶ Нечкина М. В. Указ. соч. С. 99–100.

¹⁷ Цит. по: Там же. С. 173.

¹⁸ Непомнящий В. С. Русская картина мира. М., 1999. С. 220.

¹⁹ Сураг И. З. Указ. соч. С. 125–129.

²⁰ Там же. С. 127.

²¹ Там же.

²² См.: Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 468.

²³ Письма Н. И. Новикова. СПб., 1994. С. 224.

²⁴ Лотман Ю. М. Переписка Карамзина с Лафатером. Примечания // Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 683.

²⁵ Кукунов А. М. Указ. соч. С. 70–71.

²⁶ См.: Немировский И. В. Радищев и Карамзин в творческом сознании Пушкина. Автобиографизм и статья Пушкина «Александр Радищев» // Немировский И. В. Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. СПб., 2003. С. 305, 308; Лотман Ю. М. Источники сведений Пушкина о Радищеве (1819–1822) // Лотман Ю. М. А. С. Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки. 1960–1990. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб., 1995. С. 765–767, 772.

²⁷ Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избр. письма: в 2 т. М., 1991; см. также: Кондаков И. М. Психология в зеркале пушкинской судьбы. М., 2000. С. 143–151, 179–197.

²⁸ Цявловская Т. Г. Примечания // Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. М., 1959. Т. 1. С. 612 (тексты в этом издании даны в поздних редакциях); Архангельский А. Н. Указ. соч. С. 30–31.

²⁹ Вацуро В. Э. Лицейское творчество Пушкина // Пушкин А. С. Собр. соч.: в 20 т. Т. 1: Лицейские стихотворения. С. 425; Виролойнен М. Н. // Пушкинская энциклопедия. Произведения. СПб., 2009. Вып. 1. С. 120.

³⁰ Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. Элегическая школа. СПб., 1994; Фришман Л. Г. Два века русской элегии // Русская элегия. XVIII — начало XX века. Л., 1991. С. 5–48.

³¹ Там же.

³² Подробнее об этом см.: Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе. Конец XVIII — первая треть XIX в. Л., 1980.

³³ Там же. С. 96–99, 134.

³⁴ См.: Лихачев Д. С. «Семантика чувств» в садах Романтизма; Меланхолия в садах Романтизма; Пушкин и «сады Лицея» // Лихачев Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Л. С. 205–216; 227–242; 301–328.

³⁵ Василевич Е. В. Эхо «Песен Оссиана» в парке Монрепо // Альманах Монрепо. 2004. С. 35–37; Василевич Е. В. Оссианизм в европейском ландшафтном искусстве 2-й пол. XVIII — нач. XIX в. Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2010.

³⁶ Левин Ю. Д. Указ. соч.; Маслов В. И. Оссианизм Карамзина. Прилуки, 1928.

³⁷ Русская элегия XVIII — начала XX века. Л., 1991. С. 119–120.

³⁸ Шайтанов И. О. Мыслящая муза. М., 1989.

³⁹ См.: Томашевский Б. В. Пушкин. М., 1990. Т. 1. С. 107–113; Вацуро В. Э Лицейское творчество Пушкина. С. 435–439.

⁴⁰ Непомнящий В. С. Указ. соч. С. 249–250; Архангельский А. Н. Указ. соч. С. 30–31.

⁴¹ Гершензон М. О. Указ. соч. С. 162.

⁴² «Опытность», «Мечтатель», «Гроб Анакреона», «Мое завещание, Друзьям», «Моя эпитафия», «Элегия («Я видел смерть...»», «Усы», «Стансы».

⁴³ См.: Козлов В. Использовать при прочтении. О жанровом анализе лирического произведения // Вопросы литературы. 2011. № 1. С. 208–237.

А. А. Смирнов

«СОЮЗ ЛЮБВИ И ДРУЖБЫ» В ЛИЦЕЙСКОЙ ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА

В эпоху перехода от классицизма к сентиментализму, с его культом дружбы и интересом к частному быту отдельного человека, к проблемам личного счастья, расцветает и жанр дружеского послания, наиболее полно развивающий тему дружбы в лирике. Послание — достаточно емкая жанровая форма, чтобы вместить любое содержание и в выразить его в нужной тональности. Личность автора здесь присутствует больше, чем в каком-либо другом жанре. «Почти каждый из нас запечатлевает в письмах свой образ. Конечно, и в других видах письменной речи проявляется характер пишущего, но нигде так очевидно, как в письмах»¹.

Новые образцы жанра послания, возрожденного сентиментализмом в XVIII веке, создал Н. М. Карамзин, который впервые показал ро ссийскому читателю, что литература может быть «литературой для души», что в лирическом послании творец пишет «портрет души и сердца своего»². Для публики его произведения стали новостью и по содержанию, и по тону, и были встречены с большим восторгом. Послания Карамзина несли на себе отчетливую печать вкусов поэта, его чувствительной души, миролюбивого характера. Но они являются и ярким свидетельством независимости литератора, чуждающегося политики, свободного в своих суждениях. От масонского субъективизма Карамзин вынес повышенный интерес к психологии, внутреннему миру человека, Стремясь рассматривать внутренний мир человека вне его связи с миром внешним как царством дисгармонии и пороков. Поэта интересовала обычная жизнь, причем в тех ее проявлениях, которые не отмечены причастностью к политике государства. Дружба как глубокая человеческая потребность — одна из главных тем в поэзии Карамзина.

Любовь и дружба — вот чем можно
Себя под солнцем утешать!
Искать блаженства нам не должно,
Но должно — менее страдать...³ (с. 139)

В конце XVIII — начале XIX века послания становятся едва ли не ведущим жанром русской поэзии. Все значительные авторы (В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, К. Н. Батюшков, В. Л. Пушкин) наследуют поэтическую манеру Карамзина, обмениваясь между собой дружескими посланиями, кот орые, сохраняя свои ин-

дивидуальные особенности, в главном более или менее сходны: темой их являются дружба и любовь, описание скромного уединения поэта, где его посещает мечта-фантазия. Однако тональность их дружеских посланий, конечно, отличается от посланий Карамзина, характеризующихся некоторой дидактичностью и приподнято-стью тона. В стихотворениях молодых поэтов описываются встречи и скромные дружеские застоля. Так, Жуковский писал Блудову и Батюшкову:

Желанный день настанет,
Мы свидимся с тобой.
(«К Блудову»)⁴

Увей же скромну хату
Венками из цветов;
Узорным покрывалом
Свой шаткий стол одень,
Вооружись фиалом,
Шампанского напень,
И стукнем в чашу чашей,
И выпьем все до дна:
Будь верной Музе нашей
Дань первого вина.
(«К Батюшкову», с. 186)

В. Л. Пушкин, который ни в чем не хотел отставать от младшего поколения, писал Д. В. Дашкову из Нижнего Новгорода:

Мой милый друг, конечно,
Несчастье не вечно,
Увидимся с тобой!
За чашей круговой,
Рукой ударив в руку,
Печаль забудем, скуку
И будем ликовать...⁵

Послания Карамзина, Жуковского, Батюшкова, конечно, не могли оставить читателей равнодушными, приводили в восторг. Возникла масса подражаний. В лицейские годы осваивающий литературную традицию А. С. Пушкин тоже обращается к актуальному в это время жанру посланий. Традиционной в этих лицейских посланиях была не только форма, но и содержание, поэтические темы, картины, размышления. Написанный в подражание «Моим пенатам» Батюшкова «Городок» (1815) содержит описание библиотеки, литературного пантеона поэта, но здесь же мы встречаем и батюшковские мотивы уединения, мягкой грусти, мечты о любовных наслаждениях, простодушной дружбы:

Блажен, кто веселится
В покое, без забот,
С кем втайне Феб дружится
И маленький Эрот... (I, 96–97)

Утверждение жизни в ее радостях — постоянный мотив лицейских стихов Пушкина. Но в соответствии с традиционными представлениями о поэте как мечтателе, философе-ленивце, самые радости жизни изображаются как тихие наслаждения. Это прежде всего дружба, сладкое времяпрепровождение с «милым другом» или уединение с любимой:

Покаместь, друг бесценный,
Камином освещенный,
Сижусь я под окном
С бумагой и с пером,
Не слава предо мною,
Но дружбою одною
Я ныне вдохновлен.
Мой друг, я счастлив ею.
Почто же ее сестрой,
Любовию младой
Напрасно пламенею? (I, 102–103)

«Мечтанье легкокрыло» сопровождает поэта в страну грез, любви и пламенных восторгов. Но мечтанья отпускают его, и «добрый сосед» вполне реально зовет поэта «из дружбы хлеб-соль откусать с ним». Реальность пробивается сквозь туман поэтических миражей. Стихотворение «К Н. Г. Ломоносову» (1814), посвященное брату лицейского товарища Пушкина, написано целиком в русле традиционного дружеского послания. Автор желает «любезному другу» благополучного путешествия в житейском море, «чтоб бурный вихорь не вздувал / Пред челноком шумящи воды!» Строки дышат надеждой на скорую встречу в уже знакомой нам «укромной хате» романтиков «за чашей пунша круговой». Вино и дружба — традиционные анакреонтические мотивы, почерпнутые Пушкиным у учителей. Соответственно в рамках жанра и пожелания поэта:

Дай бог, под вечер к берегам
Тебе пристать благополучно
И отдохнуть спокойно там
С любовью, дружбой неразлучно! (I, 76)

В своих посланиях Жуковский, Вяземский, Батюшков, Гнедич взамен классической условности создавали новую поэтическую условность, которая также была отделена от реальной авторской личности.

Мотивы послания к Юдину (1815), написанного в духе Батюшкова — презрение к пышности «бедных богачей», возвышенный идеал простой жизни («мирные картины прелестной сельской красоты» — I, 170), мечты о гусарских подвигах, изображение «кельи молчаливой» — традиционной хижины романтиков, описание автора как философа-ленивца, небрежно марающего стансы, — все эти мотивы условны, как условна сама форма послания. Но интонация, темперамент, жизненность и свежесть стиха — уже пушкинские. Конечно, молодому поэту, лишь начинающему осознавать свое «я» в поэзии, еще трудно отказаться от поэтических штампов и клише, и поэтому в духе своих предшественников он пишет:

Ты хочешь, милый друг, узнать
 Мои мечты, желанья, цели
 И тихой глас простой свирели
 С улыбкой дружества внимать (I, 167).

А мечты эти о дружбе и любви:

И в беспокойстве непонятном
 Пылаю, тлею, кровь горит,
 И всё языком, сердцу внятным,
 О нежной страсти говорит ... (I, 171)

Однако «мечтанья отлетели», призрак любви растворился во сне, неизменной осталась лишь дружба — верная спутница и сестра любви. Другу и поверяет поэт свои грезы.

Одной из первых оригинальных картин стало описание Захарова (здесь семейство Пушкиных проводило летние месяцы 1805–1809 гг.), в котором проявилось чисто пушкинское умение обрисовать обстановку двумя-тремя деталями. Но в целом поэт еще во власти традиции. Отсюда — многословность, велеречивость посланий, которые должны были воспроизводить нескончаемость дружеской беседы: так, в стихотворении «К сестре» описание занимает 121 стих, «Князю А. М. Горчакову» — 45 стихов, «К Батюшкову» — 83 стиха, «Послание к Юдину» — 226 стихов, а «Городок» — 450 стихов. Характерно, что послания в карамзинском духе Пушкин обращает либо к вымышленным адресатам («Городок» — К^{xxx}), либо к тем, с кем у него не было тесных дружеских связей, — к Юдину, Н. Г. Ломоносову, именно с ними он говорит об уединении, «мечтанье легкокрылом». В стихах же, посвященных более близким адресатам, уединение становится лишь данью традиции:

Давно в моем уединеньи,
 В кругу бутылок и друзей,
 Не зрели кружки мы твоей,
 Подруги долгих наслаждений...
 («К Галичу» — I, 121)

Уединение «в кругу бутылок и друзей» выливается в бурное пиршество, а не в задушевный разговор о сокровенном с «другом нежным». Следующее далее изображение славной дружеской пирушки исключает всякие иллюзии о необходимости уединения поэта.

Эпикурейская проповедь наслаждения для Пушкина этих лет — главный критерий человеческого счастья. Воплощением гораццианских идеалов, веселым мудрецом являлся любимый наставник лицеистов, профессор А. И. Галич:

О Галич, верный друг бокала
 И жирных утренних пиров...

 О Галич, Галич! поспешай!
 Тебя зовут и сон ленивый,

И друг ни скромный, ни спесивый,
 И кубок полный через край! (I, 121–122)

«Покой уединенья» провозглашается и во втором «Послании к Галичу», и автор с тоской говорит, что «бегут за днями дни без дружеских собраний». Поэт может быть счастлив только, если

Любовь его ведет,
 И дружба молодая
 Венки ему плетет...

Пока же только

<...> Вакхом награжден
 Философ благодарный... (I, 136)

«Уединение» и «пустыня» — это не проповедь одиночества, а лишь противостояние холодным развлечениям и заботам «среди вихря света». И вот уже от наплыва гостей «полон становится твой малый, тесный дом».

Если для карамзинистов дружба — утешение в мире без идеала, то для Пушкина дружба и есть идеал, счастье, лучшее в жизни:

Блажен, кто с добрыми друзьями
 Сидит до ночи за столом,
 И над славенскими глупцами
 Смеется русскими стихами... (I, 180)

Иметь друзей по духу, по перу — это и есть подлинное человеческое счастье, и автор жалеет тех, кто не увидел, не разглядел его в реальной жизни и пытается найти его в туманных грезах:

Блажен, кто шумную Москву
 Для хижинки не покидает...
 И не во сне, а на яву
 Свою любовницу ласкает!..
 («Из письма к кн. П. А. Вяземскому» — I, 180)

Исследовательница жанра послания в лирике А. С. Пушкина Т. Г. Мальчукова следующим образом резюмирует особенности его ранних стихов: «В лицейской лирике Пушкина гражданские темы раскрываются во французском вкусе — в “летучей”, легкой (“*poesie fugitive*”) манере и в духе русской поэтической традиции. За этим скрывается реальная действительность — школьное затворничество поэта и его неповторимое мировосприятие. Юношеское веселье и оптимистическая жажда жизни сливаются с созвучной гедонистической проповедью, а реальные переживания, дружеские изливания, первые сердечные увлечения, язвительные насмешки, живая игра воображения, житейские наблюдения — вся эта удивительно разнообразная гамма мыслей и чувств выливается в устойчивое русло традиционных тем и мотивов и покрывается заметным покрывалом эпикурейской мудрости»⁶.

Единство лицейских посланий Пушкина 1814 — начала 1816 года создается настроением оптимизма, беззаботности, счастливой праздности, наслаждения вином и любовью, но жизненный идеал имеет в значительной степени литературное происхождение.

В основу стихотворения «Пирующие студенты» (1814), написанного в форме шуговой пародии на «Певца во стане русских воинов» Жуковского, откуда взяты размер (сочетание трех- и четырехстопного ямба) и строфа с перекрестной рифмой, легло, вероятно, реальное событие. Вместо перечисленных у Жуковского героев 1812 года у Пушкина изображены друзья, собравшиеся на пирушку, каждый из них характеризуется одной доминирующей чертой: Галич — «эпикуров младший брат», воплощение житейской мудрости, Дельвиг — «ленивец сонный», Илличевский — «остряк любезный», Горчаков — «сиятельный повеса», Пущин — «друг прямой», Яковлев — «Роде записной», Кюхельбекер — «писатель за свои грехи» и т. д. В этих характеристиках, как отметил А. Л. Слонимский, сказывается оригинальная особенность Пушкина — его умение варьировать тон в зависимости от того, о ком он говорит или к кому он обращается⁷. Послания Пушкина (впрочем, как и его письма) характеризуют не только его отношение к тому или иному лицу, но и самое это лицо. Это черта далеко не обычная. В посланиях Карамзина, Дмитриева, В. Л. Пушкина нет ни определенного отношения к адресату, ни образа этого адресата: они абстрагированы от действительности, не имеют житейских примет. Иные взаимоотношения мы отмечаем у Пушкина. В его обращении к Пущину звучит особая сердечная нота:

Товарищ милый, друг прямой,
Тряхнем рукою руку...
.....
Не первый раз мы вместе пьем,
Нередко и бранимся,
Но чашу дружества нальем —
И тотчас помиримся (I, 60).

Это не только выражение «прямого» характера Пущина, но и живой жест рукопожатия, и неизбежные между близкими друзьями временные размолвки, о которых вспоминал позднее и сам Пущин. И этот тон сохранился во всех последующих обращениях к Пущину — имя его всегда сопровождается ласковым «мой»:

<...> Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил...
(«19 октября» — II, 426)

Мой первый друг, мой друг бесценный!
(«И. И. Пущину» — 1826 — III, 39)

Для Пушкина-лицеиста Пущин — лучший друг. Четвертое мая — день его рождения, и поэт не мог не откликнуться на такое событие:

Прибрел к тебе пустынный
С открытою душой...

Прими ж его лобзанья
И чистые желанья
Сердечной простоты! (I, 119)

Неразрывность «веселости и Эрота», «сердечной простоты» и «кубка пуншевого» для полноты счастья в представлениях молодого поэта связывается опять же с дружеским застольем:

Устрой гостям пирушку;
На столик воцаной
Поставь пивную кружку
И кубок пуншевой.
Старинный собутыльник!
Забудемся на час... (I, 119)

Иной характер имеют его отношения с Дельвигом: та же нежность, но с примесью шутки:

Дай руку, Дельвиг! что ты спишь?
Проснись, ленивец сонный!
.....
За здравье нашей Музы пей,
Парнасской волокита.
(«Пирующие студенты» — I, 60)

Послушай, муз невинных
Лукавый духовник...
.....
Изменник! С Аполлоном
Ты, видно, заодно...
(«К Дельвигу» — I, 142)

А в строках, посвященных Кюхельбекеру, сквозит ироническая интонация по отношению к неудачливому стихотворцу:

Писатель за свои грехи!
Ты с виду всех трезвее;
Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее (I, 62).

В 1815 году благодаря знакомству с гусарами полка, квартировавшего в Царском Селе, Пушкин познакомился со стихами «вакхического плана», отразившими внешнюю сторону гусарского бытия: собрания «друзей-собутыльников», пирушки, заканчивающиеся на рассвете, когда «все мертвецки пьют — и, преклоняясь челом, засыпают молодецки»⁸. Эти мотивы впоследствии найдут отражение в ряде его дружеских посланий. Но исключительно важной для молодого поэта была атмосфера дружеского общения с участниками боевых действий. Литературная традиция и жизненные впечатления, анакреонтика и разгул гусарских застолий — все соеди-

нилось в пушкинских строках. Отзвук гусарских пиров звучит и в стихотворении «К Пушину»:

Ты любишь звон стаканов
И трубки дым густой... (I, 120)

Веселье и радость общения с друзьями, наслаждение жизнью во всех ее проявлениях должны сопровождать поэта до самой смерти:

Дай бог, чтоб я, с друзьями
Встречая сотый май,
Покрытый сединами,
Сказал тебе стихами:
Вот кубок; наливай!
Веселье! будь до гроба
Сопутник верный наш,
И пусть умрем мы оба
При стуке полных чаш! (I, 120)

Грациозная изысканность стиля и трогательная нежность послания говорят уже не о литературных изысках, но о подлинности чувств братской любви, которой поэту так недоставало в семье и которую он нашел в «семье лицейской».

Совершенно особое место в ряду лицейских посланий занимают послания к А. М. Горчакову. Одно из них, «Князю А. М. Горчакову», было написано в августе 1814 года — к его именинам. Это уже не традиционное послание карамзинского типа с обязательным набором сентиментально-романтических реалий. Нет в нем и ощущения родственной души, как в посланиях к Пушину и Дельвигу. «Это один из тех немногих питомцев, кои соединяют все способности в высшей степени: благородство с воспитанностью, ревность к пользе и чести своей, всегдашнюю вежливость, чувствительность с великодушием»⁹, — таков отзыв о нем лицейского начальства. Пушкин, не находясь с ним в близких дружеских отношениях, тянулся к нему, «по-видимому, его беззавистно привлекал к себе Горчаков как образец всесторонней удачливости, как человек, которому судьба не отказала ни в одном из своих даров»¹⁰. Намеренно отказываясь от традиционных «карамзинских» посланий, автор пишет приятелю «кой-как стихи на именины» (I, 50). Но шуточный тон послания не мешает затронуть серьезнейшую проблему будущей карьеры, жизненного пути знатного лицейского питомца и пожелать ему «богатства, громких дней, / Крестов, алмазных звезд, честей?» (I, 50–51).

Эта тема будет постоянно варьироваться в последний год пребывания в Лицее, когда разность жизненных путей будет воспринята поэтом во всей очевидности. А пока «поэт сладострастия» вводит адресата в прекрасный мир Анакреона, мир пиров, веселья, поэтического вдохновения и любви. И из любви к имениннику автор шуточно уступает ему честь умереть, «вступая в мрачный челн Харона», стража загробной жизни, уснув «Ершовой на грудях», предмете всеобщего увлечения лицеистов. Данное стихотворение — дань приятельскому типу дружбы, которая по-своему была дорога поэту. Озорной юмор, добрая усмешка господствуют в по-

слании, тень переживаний еще не омрачает радостей лицейской жизни. Амур еще не задел поэта своими стрелами. Но годы бегут, и юного поэта начинает томить тоска по неясному идеалу, по всепоглощающему чувству любви, рождая состояние неудовлетворенности, ощущение того, что счастье проходит мимо.

В стенах Лицея молодого поэта посещали Карамзин, Вяземский, Жуковский. Это были годы бурной деятельности «Арзамаса», заочным членом которого состоял Пушкин. Но в середине 1816 года из лирики поэта внезапно исчезают темы радости жизни. Вместо них господствующим настроением становятся печаль, тоска, уныние. Автор теперь развенчивает пустоту, надуманность прежних тем, иронически относится к прошлым «парнасским забавам», т. е. традиционному воспеванию любви, вина, вакхической дружбы:

Угодник Бахуса, с веселыми друзьями
Бывало пел вино водяными стихами,
В дурных стихах дурных писателей бранил,
Иль Дружбе плел венки — и дружество зевало
И сонные стихи вприсонках величало <...>
(«К Шишкову» — I, 233)

Поэт с сожалением вспоминает о том времени, когда он нежился «в приятном ослеплении» (II, 515): «Но скрылись от меня парнасские забавы»: то время безвозвратно пролетело, теперь же «строгим *опытом* неволью пробужден, уснув меж розами, на тернях я проснулся», — сетует поэт, и, отказываясь от прежних тем, единственное, ради чего он решается жить —

<...> Друзей любить открытою душою,
В молчаньи чувствовать, пленяться красотой —
Вот жребий мой <...> (I, 233)

Взамен традиционных образов и мотивов «дружеской» поэзии появляется пережитое, личный опыт, собственная мысль поэта. Тема дружбы в 1816 году отходит у автора на второй план, уступая место любви. Первая, платоническая, истинно поэтическая любовь действительно пришла к поэту в это время; но любовь была безнадежной, точнее, это — мечта о любви, а не реальное чувство. Отсюда элегические строки той поры:

Любовь одна — веселье жизни холодной,
Любовь одна — мучение сердец (I, 214).

Автор «завидовать не смеет» сладострастным Тибуллу и Парни — певцам счастливой любви:

Не тот удел судьбою мне назначен <...> (I, 215)

Он ждет и не находит ответа на свое чувство, унылая природа не внимлет поэту так же, как и любимая. Приходит вдохновение, но, не обогретое любовью, уходит, не донеся «страдальца глас» к предмету любви:

<...> она не улыбнется
Его стихам небрежным и простым.
К чему мне петь?
(«Любовь одна — веселье жизни хладной» — I, 215)

Одна любовь может теперь дать поэту счастье:

Я всё тебя, прелестный друг, ищу;
Засну ли я, лишь о тебе мечтаю, —
Одну тебя в неверном вижу сне <...> (I, 200)

Но вот «пробил последний счастьем час», и только дружба может утешить страдальца, стать прибежищем от душевных мук:

Утешусь я — и дружбы тихой взгляд
Души моей холодный мрак осветит (I, 200).

Но и она — лишь слабое лекарство, спасающее от острой сердечной боли, но не способное полностью закрыть душевных ран:

Рассеянный сию между друзьями,
Невнятен мне их шумный разговор,
Гляжу на них недвижными глазами,
Не узнает уж их мой хладный взор!
(«Разлука» — I, 201)

«Мрачная любовь» милей «светлой дружбы» для безнадежно влюбленного:

Но мрачная любовь таилась во мне,
Не угасал мой пламень страстный.
Весельем позванный в толпу друзей моих,
Хотел на прежний лад настроить резву лиру,
Хотел еще воспеть прелестниц молодых,
Веселье, Вакха и Дельфиру.
Напрасно!.. Я молчал...
(«Элегия» — I, 220)

Дружба — слабое утешение в несчастной любви, она лишь ее противоядие, но, действуя медленно, лишь одна «дружбы... отрадная звезда» способна довести страдальца «до пристани надежной».

Тогда на голос мой унылый
Мне Дружба руку подала,
Она Любви подобна милой
В одной лишь нежности была.

Я ей принес увядши розы
Отрадных юношества дней,

И вслед пошел, но лил я слезы,
Что мог идти вослед лишь ей! (I, 249)

Если раньше для поэта дружба — счастье, а часы, проведенные с друзьями, — лучшие моменты жизни, то теперь автор близок Карамзину, считавшему, что счастье — это любовь, утешение в ней, а дружба приобретает смысл при невозможности счастья:

Каков ни есть подлунный свет,
Хотя блаженства в оном нет,
Хотя в нем горесть обитает, —
Но мы для света рождены,
Душой, умом одарены
И должны в нем, мой друг, остаться,
Чем можно, будем наслаждаться (с. 144).

В стихотворении «Любовь и дружба» Карамзин писал:

А дружба лишь тогда любезна,
Когда с любовию равна (с. 234).

Прибежище от страстной любви, дружба, тем не менее, стала более необходимой поэту, более близкой. Но речь идет только о настоящей, истинной дружбе. В 1816–1817 годах мы не встретим у Пушкина анакреонтического послания, прославляющего веселое застолье. Приятельская дружба, видимо, уже не удовлетворяет поэта, так как не может служить утешением в любви. С ней можно прославлять Бахуса, но ей невозможно поверить сердечные тайны, поделиться сокровенными мечтами:

Играйте, пойте, о друзья,
Утрайте вечер скоротечный;
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуся я.
(«Друзьям» — I, 219)

Даже в широком кругу приятелей поэт один со своей тайной, несбывшимися надеждами. Влюбленность позволила оценить и настоящую дружбу. Дружба не может заменить любви, но поэт благодарен ей за поддержку и довольствуется ею, не отказываясь от теплого дружеского участия, как раньше отказывался от «вакхической» дружбы:

Друзья! вам сердце оставляю
И память прошлых красных дней,
Окованных счастливой ленью
На ложе маков и лилей;
Мои стихи дарю забвенью,
Последний вздох, о други, ей!..
(«Мое завещание друзьям» — I, 127–128)

Раздумья о своей судьбе не покидают Пушкина. В Лицее были все равны, но что ждет каждого из них за его порогом? Неслучайно автор эти размышления посвящает А. М. Горчакову, разность судеб с которым он не может не предвидеть:

Мой милый друг, мы входим в новый свет;
Но там удел назначен нам не равный,
И розно наш оставим в жизни след.
(«Князю А. М. Горчакову» — I, 254)

Но главные раздумья поэта — о невозможности счастья и о несчастной любви:

Я знал любовь, но не знавал надежды,
Страдал один, в безмолвии любил.
Безумный сон покинул томны вежды,
Но мрачные я грезы не забыл (I, 255).

Мысль о превратностях любви полностью завладела поэтом, без нее он не мыслит себе не только жизни, но и смерти, озаренной приходом «друга сердца». Но такая любовь — лишь в мечтах. В реальности остается дружба:

И в жизни сей мне будет утешенье:
Мой скромный дар и счастье друзей (I, 256).

Именно поэзия и дружба — главные темы «прощальных» лицейских стихотворений Пушкина, именно дружба во всех жизненных испытаниях согревала сердце поэта:

Ты вспомни быстрые минуты первых дней,
Неволю мирную, шесть лет соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья...
(«В альбом Пушину» — I, 262)

Родство по духу порой гораздо важнее родства кровного, и Пушкин если не прямо ставит дружбу выше любви, то отмечает, что она долговечнее:

Ты вспомни первую любовь.
Мой друг, она прошла... но с первыми друзьями
Не резвою мечтой союз наш заключен;
Пред грозным временем, пред грозными судьбами,
О милый! вечен он! (I, 262)

Тоска расставания сквозит в стихотворении 1817 года, посвященном Кюхельбекеру:

Итак, они прошли — лета соединенья; —
Итак, разорван он — наш братский верный круг! (I, 263)

Необычно серьезный, даже торжественный тон послания, и клятвенное обещание: «где б ни был я: в огне ли смертной битвы, / При мирных ли брегах родимого ручья, / Святому братству верен я!» (I, 263), и особая символика — «святое братство» — все это явилось выражением каких-то новых черт в отношениях Пушкина и Кюхельбекера. Клятва поэта в свободе, дружбе, верности «святому братству» близка ритуалу «артели Бурцова», вольнолюбивого кружка, куда входил Кюхельбекер.

Позднее поэт напишет много горьких слов о дружбе и друзьях, но никогда ни одного упрека не раздастся в адрес лицейских товарищей, совершенно особых в ряду всех друзей.

Дружеские послания Пушкина, адресованные лицейским друзьям и наставникам, наполнены реалиями лицейской жизни. Известное единство лицейских посланий Пушкина 1814 — начала 1816 годов создается пронизывающим их жизнеощущением — настроением оптимизма, беззаботности, счастливой праздности. С середины 1816 года в лирике поэта исчезают темы радостей жизни. Вместо них господствующим настроением становятся тоска, уныние. Автор развенчивает никак не связанную с реальностью вакхическую дружбу («К Шишкову»), и тема дружбы уступает место любви. В 1817 году, в преддверии выпуска из Лицея и в предчувствии скорой разлуки с друзьями, в лирике Пушкина вновь актуализируется тема дружбы, поэт стремится утвердить «лицейское братство» как вечную ценность («В альбом Илличевскому», «В альбом Пушину», «Разлука»).

Поэтизация союза дружбы и любви становится главной темой «прощальных» лицейских стихотворений Пушкина.

Примечания

¹ Деметрий. О стиле // Античные риторика. М., 1978. С. 273.

² Карамзин Н. М. Что нужно автору? // Карамзин Н. М. Избр. соч. Л., 1980. С. 122–124.

³ Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. М., Л., 1966. С. 105. — Далее в тексте указываются страницы.

⁴ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 1999. Т. 1. С. 151. — Далее страницы указываются в тексте.

⁵ Пушкин В. Л. Стихи. Проза. Письма. М., 1989. С. 39.

⁶ Мальчукова Т. Г. Жанр послания в лирике А. С. Пушкина. Петрозаводск, 1987. С. 46.

⁷ См.: Слонимский А. Л. Мастерство Пушкина. М., 1963. С. 19–20.

⁸ Давыдов Д. В. Песня старого гусара // Давыдов Д. В. Стихотворения. Л., 1984. С. 85.

⁹ Цит. по: Вересаев В. В. Спутники Пушкина. М., 1935. Т. 1. С. 90.

¹⁰ Там же.

А. Глассэ

ЯЗЫК «ЛИЦЕЙСКИХ МУДРЕЦОВ»

Comme il est beau d'écrire ce qu'on pense.

*Voltaire**

Поговорить на языке Лицея
И с жизнью вновь свободно пошालить.
А. С. Пушкин

История дефинитивного текста стихотворения Пушкина «19 октября» (1825) сложная. Как известно, черновики не сохранились. Сохранился беловой автограф с поправками, перечеркиваниями и пропусками отдельных строф¹. Особенно любопытен пропуск строфы после стиха «Минутное забвенье горьких мук», которую Пушкин к тому же перечеркнул:

[Товарищи! Сегодня праздник наш.
Заветный срок! Сегодня там, далече,
На пир любви, на сладостное вече
Стеклися вы при звоне мирных чаш. —
Вы собрались мгновенно молодея
Усталый дух в минувшем обновить
Поговорить на языке Лицея
И с жизнью вновь свободно пошалить] (II, 968).

Строки, взятые эпиграфом этой статьи, не привлекали внимания пушкинистов и остаются без комментария. О существовании у студентов первого выпуска Царскосельского Лицея какого-то особого, тайного языка, на котором можно было открыто говорить на разные темы, до сих пор не было известно.

Но такой язык был! Он являлся, как и «национальные песни», импровизации, эпиграммы и т. д., интимной, заветной ценностью лицейских и был недоступен для непосвященных. И никто никогда о нем не обмолвился. Возможно, поэтому Пушкин осторожно завуалировал свою нечаянную оговорку пропуском и зачеркиванием строфы, не уничтожая ее полностью.

«Язык Лицея» восстанавливается по рукописному журналу «Лицейский мудрец» (1815), в котором находятся его ключи, упражнения для его усовершенствования, примеры его текстов². Но, что особенно ценно, в журнале содержится намек на его метафорический аналог, т. е. на схему коммуникативности языка, как ее представляли себе лицеисты.

Тайный язык, как и следовало ожидать, был нужен, чтобы «свободно пошалить», укрывшись от зоркого наблюдения наставников. Позже Пушкин во многих

своих произведениях пользовался языком «лицейских мудрецов» с той же целью: избежать цензуры. Так, во всей своей зрелой сложности и блеске «язык Лицея» явился в таких шедеврах, как «Повести Белкина», «Маленькие трагедии», сказки, «Пиковая дама», лукавая пародия «Послание к вельможе» и др., что никогда не было замечено ни цензурой, ни специалистами.

«Язык Лицея» остался герметичным до наших дней. Однако язык этот не оригинален: код его известен. Собрать библиографию о нем не так просто, так как его «секретами» владели и владеют специалисты разных времен, веков и периодов. И у них он фигурирует под разными названиями³. Я неоднократно пыталась писать о нем в связи с дешифровкой произведений Пушкина и составлять систематическую библиографию⁴. Приведу краткий обзор «предыстории» языка «лицейских мудрецов».

* * *

Истоки примеров, схем и механизмов «Мудреца» уходят в глубокую древность. Это был герметический язык сакральных и магических таинств, предсказаний, загадок Сфинкса, которые надо было уметь отгадать. Это энигмы (загадки) и грифы Древней Греции, переходящие в риторические фигуры в Средние века. Этот энигматический, элитарный язык играл важную роль в культурной традиции XVI века, проявляясь в пристрастии к словесно-зрительным загадкам аллегорий, эмблемам гобеленов, кружев, вышивания бисером и т. п., секретные значения которых надо было уметь раскрыть и прокомментировать по расставленным ключам и личному запасу культурной и интеллектуальной информации. Подготовка к таким публичным выступлениям-состязаниям начиналась в школе⁵.

В Новое время с появлением великосветских салонов в XVII–XVIII веках этот язык энигм получил коренное обновление: постепенно было удалено доминирование латинского языка, риторики и религиозных сюжетов. На основе древней герметической системы развивался элитарный язык тонкой, изысканной салонной беседы (conversation), которым светский человек должен был уметь владеть, чтобы преуспеть в жизни. «Le bel esprit» во Франции, «Wit» в Англии, «острословное остроумие» в России — система, ее приемы, схемы и механизмы — великие ценности словесной культуры XVIII века. В литературе этот язык имеет таких блестящих представителей, как Поп, Свифт, Дефо, Вольтер и другие, которые использовали эту игривую систему в своих произведениях. Их можно читать буквально, но в них заложен второй текст.

Вольтер, один из самых блестящих практиков салонного остроумия, пытался сформировать эфемерные принципы и стратегические маневры этой сложной коммуникации «на глаз» (писание) и «на «слух» (речь) в своем «Философском словаре». «То, что называют остроумие (l'esprit), это иногда новое сравнение, иногда тонкий намек. Тут неправильное употребление слова, которое дается в одном смысле, а слышится в другом. Там тонкая связь двух идей, имеющих между собой мало общего. Это неожиданная метафора. Это открытие в предмете того, что в нем изначально не существовало, но что в нем на самом деле было заложено. Это искусство объединения двух противоположностей, или разъединение того, что кажется близким, или сопоставление одного с другим. Это мысль, высказанная наполовину, чтобы дать возможность ее угадать (deviner)...

Это игры фантазии; это тонкости; это ловкость; это признаки острого ума; это веселость; это краткие незавершенные крылатые фразы; это хитроумные фамильярности, которыми вы развлекаетесь сами, чтобы развлечь ваших друзей...»⁶.

Не отличаясь тонкостью и особой ловкостью, полностью манкируя обязательными легкостью, блеском и изысканностью, «Лицейский мудрец» все же отражает все требования остроумия, представленные Вольтером.

Перечисленные Вольтером приемы остроумия — *jeux d'esprit*, Пушкин называл их «забавы ума» (VII, 435), имели каждый свое название: аллюзии, анаграммы, омофоны, шарады, всевозможные каламбурные ходы и т. д. Страсть к «сфинксам», как их называли в России в XVIII веке, появилась уже при Кантемире и стала болезнью при Фонвизине, который салонные беседы «оживлял веселостью своею, комическими рассказами и вспышками беглого остроумия»⁷. В своем очерке «Допотопная или допожарная Москва» кн. П. А. Вяземский писал, что «вкус, потребность в умственных наслаждениях были пробуждены и тонко изощрены... В то время на досуге не стыдились... ломать себе голову над разгадыванием шарад и логогрифов, “которые брались из французских газет”»⁸. Одной из самых популярных и долговечных газет (1672–1825), регулярно печатавших шарады, логогрифы, ребусы в стихах и т. п., была «*Mercure de France*». Вяземский, один из признанных и неизлечимых остряков, пристрастился к «головоломным упражнениям» в салоне своего отца, кн. А. И. Вяземского, где особенно выделялся мастерством остроумия Prince Calambour (князь Каламбур) Сергей Долгорукий⁹.

Остроумие этого времени — это определенная система мышления, требующая постоянной практики. Русское остроумие представляет для исследователя особые проблемы, так как высшее общество было двуязычно, и восприятие игры слов требует добавочной тренировки. Необходимы особо проницательное зрение и изощренный слух, чтобы ощутить игру дву- и полиязычными омонимами, фразеологически развернутые каламбуры, двусмысленности, обусловленные неправильным произношением, дословные переводы с французского на русский и наоборот и т. д., и т. п.

Ко времени открытия Лицея в 1811 году страсть к остроумному остроумию в обществе была еще в разгаре, и вполне естественно, что некоторые лицеисты, зараженные им дома или в школе, как, например, Пушкин и А. Д. Илличевский, перенесли свои «головоломные» увлечения в Лицей.

Пушкин с раннего детства воспитывался в атмосфере салонного, литературного остроумия. Ближайшими образцами были его отец и дядя, причем это было признанное блестящее остроумие их поколения. Сергей Львович Пушкин «был создан для общества, которое умел он оживлять неистощимою любезностью и тонкими остротами, изливавшимися потоком французских каламбуров. Многие из этих каламбуров передавались в обществе как образчики необыкновенного остроумия... В салонных играх, так называемых *jeux d'esprit*, он, можно сказать, господствовал и был всегда готов к бою», — вспоминала сестра Пушкина О. С. Павлищева¹⁰.

Дядя, Василий Львович Пушкин, тоже «всегда готовый к бою»¹¹, был постоянно занят словесными сражениями еще с одним признанным мастером остроумия, А. М. Пушкиным, блиставшим в салоне гр. М. А. Толстой, — одним из высших при-

дворных кругов большого света Москвы, где почиталась традиция великих остроумцев конца XVIII века — принца Де Линя, Жозефа де Местра, гр. Л. Кобенцеля, кн. А. Н. Голицына и кн. А. С. Меншикова. Последний снискал особенно высокую репутацию: его остроты цитируются во многих семейных переписках этого времени¹².

Таковы дух и атмосфера светского общества ко времени открытия Лицея способствовали развитию «языка мудрецов» у первокурсников. Уже год спустя в характеристиках отмечалось, что некоторые студенты отличаются «словоохотностью» и «остроумием» (с. 254–256). По ним можно восстановить образ Пушкина в первый год его пребывания в школе, довольно любопытный для 13-летнего мальчика.

Повторяющаяся характеристика, отличающая Пушкина от многих других лицеистов, это — «острота», «замысловат и остроумен», «острота, но для пустословия», «словоохотен», «остроумен», «особенно словоохотен с остроумием». «Читав множество французских книг, но без выбора, приличного его возрасту, наполнил он память свою многими удачными местами известных авторов; довольно начитан и в русской словесности, знает много басен и стишков» (с. 361).

Юный поэт был остроумцем со значительным запасом ассоциативных литературных референтов (которые исследователю приходится отыскивать!), истинный сын своего отца и племянник своего дяди. Но эти замечательные качества получают грозный приговор, который со временем утвердится и положит конец соблазнительной системе: «острота, но для пустословия». Уже ко времени создания основного текста «Горе от ума» (1820-е гг.) Софья Фамусова поносит «этот ум» (*esprit*):

Что гений для иных, а для иных чума,
Который скор, блестящ и скоро опротивит,
Который свет ругает наповал... (акт 3, явл. 1).

Про остроумие забыли, и забыли основательно, и когда Пушкин опубликовал послание «К вельможе» (1830), оно было прочитано буквально. Он ждал, что его посадят под арест за непристойные трансязычные экивоки и каламбуры, а его обвинили в пресмыкательстве перед аристократами!

Но в 1812 году все это было еще далеко, и Пушкин был не единственный желающий отличиться в ловкости «этого ума». Отзывы наставников о других лицеистах тоже примечательны. Илличевский «остроумен» и в рисовании «великих дарований»; Малиновский «склонен к свободе и веселости»; Бакунин «словоохотлив, смешлив»; Костенский «насмешлив»; Дельвиг «балагур». У 11-летнего Корнилова «необыкновенная словоохотливость с остроумием и забавностью суть отличительные черты его характера» (с. 360).

Сами лицеисты особенно выделяли веселость Дельвига. Посылая своему школьному товарищу П. Н. Фуссу «мастерское произведение» и другие «прекрасные стихотворения» Дельвига, Илличевский писал: «Странно, что человек такого веселого шуточного нрава (ибо он у нас один из лучших остряков) не хочет блеснуть на поприще эпиграмм» (с. 63).

По аттестатам наставников составляется как бы сборное лицо «Лицейского мудреца»: «необыкновенно словоохотлив с остроумием и забавностью», «смешлив», «насмешлив», «остер и замысловат». Острил он иногда неловко и смущенно, иног-

да грубо и хвастливо. Делится с читателями (если вернуться к Вольтеру) «хитроумными фамильярностями», т. е. наполнен лицейскими шуточками и ходячими фразами-«приговорками», вроде «белый жилет» (с. 285), «внутренних происшествий не знаете» (с. 279), «предположив и дальше» (с. 229, 282, 283–286), значение которых «Мудрец» объясняет (с. 279). Иногда он сам признается, что его писания «немецкая бессмыслица» (с. 269) и что он прилагает «все старания свои, чтобы принести вам удовольствие» (с. 259), или, как пишет Вольтер, «вы развлекаетесь сами, чтобы развлечь ваших друзей». Но работа над журналом велась совершенно серьезно: его редактировали и тщательно переписывали начисто.

«Лицейский мудрец» воспроизведен в сборнике К. Я. Грота (с. 258–307), описан, изучен и прокомментирован¹³. Я остановлюсь только на отделе «Моды», появившемся в 3-м и 4-м номерах журнала (1815), в которых лицеисты приобщились к «языку Лицея», хотя в текстах всех номеров видно, что у них уже накопились некоторые сведения и опыт манипуляции механизмом острословия.

Уже в первом номере журнала (1815) заметно пристальное внимание лицеистов к слову и его игровым возможностям. Появляются анаграммы, т. е. перестановка букв в слове, дающая новые слова и членение слова на слоги, и их перестановки — шарады, тоже дающие новые слова («открытие в предмете того, что в нем изначально не существовало, но что в нем на самом деле было заложено». — Вольтер).

Анаграммы появляются главным образом в именах: гувернер Мейер — Рейма; Мясоедов — Доясомов; Кюхельбекер — Бехелькюкер (с. 265). В этом же номере есть пример «немецкой бессмыслицы» (с. 269): игра немецкими словами в русском переводе. Игра усложняется выбором омонимов — слов разных по значению, но одинаковых по звучанию и написанию, и паронимов — слов, близких по звучанию, но с разными значениями. Таково, возможно, переводное использование многозначного немецкого слова «Busen» в очерке «Осел-философ», имеющее несколько значений: 1) грудь, 2) бюст и 3) залив. Полисемия слов, как и забавные трансязычные переходы, явно занимали лицеистов, изучающих одновременно немецкий, французский и латынь. Однако, кроме смешной «бессмыслицы», ничего пока не получалось: «Оставалось несколько ослов, которые, несмотря на пагубное течение Залива правды, на сияние, как бы сказать, лягушечного сиропа, потеряли всякий бюст всемирной истории» (с. 259–260).

«Лягушечный сироп», возможно, создавался как смешной пароним французского «syrop de groseille» (смородинный сироп) с близкими по созвучию «syrop de grenouille». «Мудрец» был очень доволен своей «бессмыслицей».

Из этого фрагмента видно, что «Мудрец» уже владел игрой слов, но для создания последовательного текста с каким-то смыслом, тем более таким, в котором был скрыт другой текст, ему требовалась добавочная практика.

* * *

Журнал издавался нерегулярно; иногда издание запрещалось. Поэтому между отдельными номерами ощутимы пробелы времени. Лицеисты взрослеют, приобретают много навыков, в том числе и в освоении правил остроумия. Накопившаяся смешная «бессмысленность» воспринимается как лицейская ценность и, следова-

тельно, отношение к журналу становится более серьезным. По-видимому, обсуждались его значение и цель. В отделе «Смесь» в 3-м номере сказано: «“Лицейский мудрец” есть архив всех древностей и достопримечательностей Лицейских. Для того-то мы будем помещать в сем журнале приговорки, новые песенки, вообще все то, что занимало или занимает почтенную публику, а для сегодняшнего нумера мы сделаем краткое обозрение тех приговорок, которые были несколько дней перед сим в моде...» (с. 285).

Как уже говорилось, в 3-м номере появляется новый отдел «Моды», посвященный последним лицейским увлечениям: «Введение в моду того, что французы называют jeux d'esprit, чрезвычайно приятно мудрецу, потому что ему есть случай блеснуть своею острою; а вы знаете, что мудрецы часто бывают нескромны и ищут случая отличиться» (с. 287). Работа над «острою» ведется коллективно: лицеисты ищут новые варианты об игре слов в журналах и газетах. Находки вносятся в журнал с пояснением правил игры. Новая мода — игра в омонимы — приучала к улавливанию в слове полисемии.

Игра Гомонимов, которую ввел гг. Л <омоносов> и П <ущин>. Она состоит в том, что оставляет компанию, в которой без него загадывают двусмысленное слово, — он возвращается и спрашивает у играющих: как вы любите? Каждый должен отвечать ему качеством принятого им значения. После сего следуют вопросы где? Когда? почему вы любите? Если он угадает, то того, по кому он отгадал, идет на его место. В пример сей игры приведем здесь Гомонимы.

1. Гомоним.

Вопрос: «Как любите вы?»

А. Неправильнее и реже.

В. Правильнее и чаще.

С. Крупнее и чернее.

Вопрос: «Где любите вы?»

А. В Берлине у Эйлера.

В. В Петербурге на параде. И т. д. (с. 286).

Готовый к бою «бонмотист» угадывал заданное слово после второго намека¹⁴. Для менее опытных в конце номера давалась разгадка: «дробь», намекающая на разные значения этого слова.

Попытаемся установить источник «омонимов» «Мудреца». Модель игры — французская. Вопрос о том, являлись ли примеры собственного производства или черпались из русских журналов и сборников, которым отводили целый отдел такого вида остроумия, требует особого исследования.

Вот как выглядел его французский оригинал.

Загадывалось слово *quinte*, имеющее семь значений (см. французский толковый словарь). Следовали вопросы:

Commet l'aimez-vous? (Как вы любите?)

А. *Imprevue* (Неожиданно)

В. *Harmonieuse* (Гармонично)

С. *Entre deux joueurs* (Между двумя играющими) и т. д.¹⁵

Вторая модная игра — «шарады», кои ввел в употребление г-н Илличевск^{ий}. Оне слишком известны, чтобы описывать их» (с. 287). «Мудрец» предпочитает более сложный вид шарады — шарада-логогриф, т. е. не просто разделение слова на слоги, каждый из которых имеет свой смысл (например, само слово «шарада» — шар — ад (а)), но и возможное возникновение еще одного слова при переставлении букв палиндрома: чтение не только слева направо, а появление новых слов с другими значениями, одно из них следовало угадать. Логогриф — разновидность шарадной анаграммы, представленной в стихотворной форме¹⁶. Здесь значительно усложняется предложенное Вольтером «открытие в предмете того, что в нем изначально не существовало, но то, что в нем было на самом деле заложено».

Одна из шарад «Мудреца» — кипарис. Первый слог — «голова», второй — «брюхо», третий — «хвост».

Садовники в саду садят меня,
Поэты над могилой.
Откинь мне голову, — и вот уж витязь я (с. 287).

Логогриф — слово-загадка «дурак». Текст логогрифа, как и шарады, указывал на манеру прочтения:

Шесть букв моих композируют
Название твое, читатель мой.
Последние ж четыре синифуют
Не рыбу, нет, а тварь, живушу под водой.
Вторая с первою, с четвертою вдобавок,
Скажу спроста, есть род булавок... (с. 287, 294).

Прилежное изучение правил остроумия (*esprit*) приводит к тому, что ко времени издания 4-го номера «Лицейского мудреца» мастерство лицеистов достигает уже некоторого совершенства. Упражнения в острологии — омонимы, омографы, шарады, акронимы и т. п. — усовершенствуют «язык Лицея», делая его более осмысленным и непроницаемым. Не следует забывать, что язык имел добавочную трудность «чтобы блеснуть остроюю»: практиковались переходы с русского на французский и наоборот «чтобы блеснуть остроюю». В это время Илличевский восторженно сообщает Фуссу, что Пушкин пишет комедию «Философ», «нечто хорошее, — стихи и говорить нечего, а острых слов — сколько хочешь!» (с. 60).

«Острые слова» к этому времени уже достигали сложности и зашифрованности следующего переводного палиндрома: «Модная глупость есть желание завести знакомство с животными» (с. 304).

Новичкам в этой игре давался намек, что это не просто фраза: после слова «животными» в скобках был указан по-французски эквивалент — «animal». Если «готовый к бою» лицейский «бонмотист» (от *фр.* «bon mot» — острое слово) (с. 433) сразу угадывал этот остроумный намек, для нас раскалывание этого орешка нуждается в комментарии «посвященного»:

«Если читать это французское слово с конца (как означено), получается имя

Лямина — так звали царскосельского дворцового садовника» (с. 433). Но ради устойчивости здесь был завуалирован перевод: острым словом было «скотина»¹⁷.

Полиязычные игры остроумия, создание «приговорок» внутри лицейского бытового жаргона развивали в мальчиках гибкость многоязычной артикуляции, быструю ассоциативную манеру мышления и позволяли использовать на практике свой культурный кругозор, полученный от лицейских занятий и индивидуального чтения, готовили их к служебной деятельности и светскому общению. В бытовой же ситуации школьного мира это развивало пристрастие к скрытной коммуникации: языку намеков, цитатных аллюзий на готовые тексты — аналоги, имеющие внутрикружковое значение, дающее лицейским возможность «с жизнью <...> свободно пошалить».

Большая часть «Лицейского мудреца» остается герметическим текстом, но в 4-м номере есть один отрывок, отчасти поддающийся прочтению. Трудно преувеличить значение находки примера последовательного текста, писанного на «языке Лицея», на котором можно было «потолковать» и «беспечно пошалить» (II, 968). Данный отрывок не только содержит ключи к зрелым произведениям Пушкина, которые неожиданно оживают и радикально изменяют наше представление о его творчестве после публикации «Послания к вельможе», но и одновременно проливает свет на эпизод в жизни поэта, хорошо известный, но рассмотренный не непосредственно с его точки зрения.

Вот этот отрывок:

Смесь.
Лицейские моды.
«Что скажет наш почтенный Мудрец об наших новых модах и привычках?» — спрашивают меня любезные читатели мои. — «Ничего», отвечаю я. — «Как ничего! — «Да так — ничего, да и все тут. Да благоволят они вспомнить конец басни об Барсе и Белке, и тогда увидят, что правду говорить должно не в когтях у Барса, а на свободе и перескакивая с ветки на ветку. Применение очень легко сделать, — un quidam — барс; а белка есть Лицейский Мудрец. Не удивляйтесь! Я для вас все презираю и начну теперь же длиннейшую речь о модах. 1) Quousque tandem, о Catilina... но что я вижу? Что это значит, Господа? Я вижу, что у некоторых лоб наморщился, черные, коричневые, голубые и разного цвета глаза обратились на меня с некоторою угрозою. Кулаки некоторых вольно или невольно сжались, а спина моя, бедная спина моя вольно или невольно затрепетала. Нет, Господа, я с вами не хожу, а так 1-е Quousque tandem... продолжение впредь...» (с. 302).

Отрывок построен на самом проблематичном виде игр остроумия — аллюзии (Вольтер обозначает ее как «мысль, высказанная наполовину, чтобы дать возможность ее угадать»). Сегодня мы не всегда можем уловить цитатную отсылку на готовый текст, некогда хорошо известный современникам иной культурно-литературной традиции¹⁸. К тому же игра в аллюзии требует особое ассоциативное мышление и особую чуткость к сложным вариациям намеков на смысловой контекст цитатных кадров¹⁹.

Термин «аллюзия» имеет несколько значений, и в разные периоды трактовался по-разному²⁰. Литературные термины современной критики, близкие по смыслу, — интертекстуальность, референт, реминисценция — не содержат всех значе-

ний и функций той традиции, к которой принадлежал термин «аллюзия». В начале XIX века термин означал намек-отсылку на готовый текст, указанный одним или двумя словами, цитатой, полной или усеченной, даже свернутой в один слог, с возможными анаграмматическими перестановками²¹. Фрагмент готового текста используется как аналог, содержащий то, что писатель хотел бы высказать, но по каким-то причинам не смеет это сделать. Ловкое употребление аллюзий — процесс предельной иносказательности. Такая засекреченность развлекала участвующих в салонной игре, все старались угадать и продолжить подразумеваемый текст. Но писатель, пользующийся этим приемом, оберегал себя от цензуры, а в нападка на личности — от судебных процессов²².

В приведенном отрывке «Мудрец» сначала обещает рассказать о новых модах, но затем почему-то осторожно увильивает и ссылается на басню о Барсе и Белке, замечая, что правду говорить в некоторых случаях можно, только «перескакивая с ветки на ветку». Пассаж этот довольно темен, пока не устанавливается текст басни, на который сделана аллюзия, и затем делается его «применение» к происшествиям в Лицее.

В Лицее из разных литературных жанров особенно ценились басни. Известно, что уже при поступлении в Лицей Пушкин и его товарищи знали много басен наизусть. В конце отрывка «Моды» «Мудрец» пишет, что новая «модная басенка есть басня Крылова “Заяц на ловле”, а почему? Спрашивают меня любезные читатели. <...> да неужто вы так тупы, что не можете понять ни остроты этой басни, ни применение оной». К басне приложен для пояснения прекрасный рисунок Илличевского. Грот объясняет, о чем идет речь, и какое «применение» басни делает «Мудрец» (с. 303).

Лицейское слово «применение» очень точно указывает, что текст, на который делается намек, должно читать особо, чтобы понять его «остроту». В аллюзии на «модную басенку» был указан и ее автор, и название. К счастью, басня «Барс и Белка» и ее автор устанавливаются без особого труда, нужно только угадать ее «применение» и понять ее «остроту».

Басня В. В. Измайлова «Барс и Белка» была напечатана в периодическом сборнике «Пантеон русской поэзии» (ч. I, кн. 2; ценз. 29 апреля 1814), по которому в Лицее знакомилась с русской литературой (с. 144). «Применение» басни указывает на то, с каким вниманием лицеисты читали последние произведения русских авторов, а также на конкретный пример чтения периодики и на ближайшую дату источника литературного кругозора ко времени выхода данного номера «Лицейского мудреца». В 1814 году лицеисты установили заочное знакомство с Измайловым, который в издаваемом им «Вестнике Европы» опубликовал первые стихотворения Дельвига, Пушкина, Илличевского. Последнему Измайлов даже написал «письмо, исполненное лестных одобрений» (с. 56–57). В 1815 году лицейские поэты продолжали печатать свои стихи в журнале Измайлова «Российский музей». Пушкин вывел Измайлова под именем Петра Петровича Курилкина в повести «Гробовщик», которому продал «свой первый гроб»²³.

«Младых повес счастливая семья» по достоинству оценила ловкую Белку Измайлова и ее систему говорить правду «повыше с деревца», перескакивая «по сучьям вверх и вниз». Ее манера и легла в основу тайного «языка Лицея».

Барс и Белка

По сучьям Белочка и вверх и вниз скакала,
Но оступилась и стремглав
На Барса старого упала;
А тот, с пресытного обеда задремав,
Едва опомнился вприсонках;
Поднявшись на ноги, сквозь зубы зверь ворчит,
А Белка перед ним на задних двух ножонках
Трясется, и сама не видит, как сидит:
Вздрыгнешь и нехотя под лапою тиранской!
Подумав, Барс сказал: «Я милую тебя
По истинной щедроте царской;
Но с тем условием, чтоб ты, так жизнь любя,
Призналась, отчего тебе так жить приятно:
Я вижу, ты всегда покойна, весела;
А я в лесах, где власть природа мне дала,
Скучаю и грущу; мне это непонятно».
«Великий государь! —
Смирненно отвечает Белка. —
Ты милостив ко мне, но рассуди: ты царь,
А правду говорить великим не безделка.
Смелее б доложить о том тебе могла
Повыше, с деревца...» — «Всходи туда!» Взшла.
«Теперь услышишь ты язык души правдивой...»²⁴

Так мы совершенно неожиданно сталкиваемся «лицом к лицу» с прародительницей «честного и благородного» рода Белкиных. О сложной генеалогии их я расскажу в другом месте: она содержится в тексте, имеющем свой, более поздний по времени, контекст. Один Белкин — потомок, который тоже есть «Лицейский Мудрец», — Иван Петрович, скромный сочинитель повестей, перенял ее систему и довел ее до безупречной гладкости и блеска, «свободно шая жизнью». Он владел «редкой гибкостью слога»²⁵ и писал «просто, коротко и ясно»²⁶.

Если «любезный читатель» сомневается в этом, то вот пример «языка Лицея», Белочки, «Лицейского Мудреца». Естественность и гладкость заглавия полностью маскируют его ядовитую двусмысленность: «Повести покойного Ивана Петровича Белкина»²⁷. Единственное, чтостораживает, — каламбур Иисуса Христа: Петр — камень. Модель уже известна — это, как говорилось выше, «залив правды», «лягушачий сироп» и «бюст всемирной истории». Но, как мы знаем на примере Белки, чтобы услышать «язык правдивый» этого заглавия, надо «взойти» «повыше» и расколоть каждый орешек последовательно и «на слух»! Читатель, конечно, помнит, что крестьяне платили Ивану Петровичу оброк «орехами и брусничкой» и что Самсон Вырин, станционный смотритель, наделял «оборванных мальчиков» «орешками». Этот вид остроумия во Франции во второй половине XVIII века получил название «Бьевриана», по имени Короля пуантов (еще одна разновидность «сфинксов» / орешков) маркиза Жоржа де Бьевра²⁸. По его системе строились краткие двухплановые ядовитые реплики и придворно-политические комментарии, в конце которых было заложено жало/колочка — *pointe*. Эти двус-

мысленные виды эпиграмм отличались удивительно гладкой «сплавленностью» (выражение Пушкина) двупланового текста. Он был абсолютно герметичен. Его надо было угадать, что приводило общество в восторг. Бъевр «беспечно» «шалил», но «повыше с деревца».

Говоря современным языком критики, лицеисты научились создавать метафигтивный текст (от греч. «мета» — за пределом, выше; в лат. *transcendere* — превышать, залезать наверх)²⁹. Текст сложно-кодированный, основанный на полисемии слова и интертекстуальных переходах (аллюзиях) на смысловые фрагменты готового текста, который аналогичен тому, что нужно высказать, и одновременно расширяет (амплифицирует) смысловой объем оригинала. Определив источник вставного текста, необходимо установить все возможные его реальные, литературные и т. д. контексты, которые могут еще более прояснить значение исходной аллюзии.

В наше время подобная же игра была основана на популярных анекдотах и эстрадных миниатюрах, особенно если разговор шел на небезопасные темы. Говорились отдельные словечки, делались условные жесты, намекавшие на то, что не решались выразить «в разговоре».

«Мода», о которой «Мудрец» так и не решается рассказать, проясняется, если установить текст второй аллюзии: «*Quosque tandem, o Catilina*». Точная цитата — «*Quo usque tandem abutere, Catilina, patientia nostra?*» — начало первой речи Цицерона против Катилины, один из стандартных школьных текстов, используемых для изучения римской истории и перевода с латыни классиков. Такие тексты заучивались наизусть.

Первая речь против Луция Сергия Катилины

(В сенате, в храме Юпитера Статора, 8 ноября 63 г.)

(I, 1) Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением? Как долго еще ты, в своем бешенстве, будешь издеваться над нами? До каких пределов ты будешь кичиться своей дерзостью, не знающей узды? Неужели тебя не встревожили ни ночные караулы на Палатине, ни стража, обходящая город, ни страх, охвативший народ, ни присутствие всех честных людей, ни выбор этого столь надежно защищенного места для заседания сената, ни лица и взоры всех присутствующих? Неужели ты не понимаешь, что твои намерения открыты? Не видишь, что твой заговор уже известен всем присутствующим и раскрыт? Кто из нас, по твоему мнению, не знает, что делал ты последней, что предыдущей ночью, где ты был, кого сзывал, какое решение принял?³⁰

«Новая мода» — это, вероятно, эпизод с «гоголем-могелем», вечеринка, устроенная лицейскими 5 сентября 1814 года, описанная Пушкиным в стихотворении «Пирующие студенты». «Лицейский мудрец» рассказывал об этом в 3-м номере в «Письме к издателю» (с. 292). История этой злополучной пирушки, за которую заплатились Пушкин, Пущин и Малиновский, дошла до министра народного просвещения гр. А. К. Разумовского. Дело тянулось долго³¹.

Фрагмент из Цицерона обиняком характеризует положение в Лицее и атмосферу среди студентов. Бытовые реалии Рима соответствуют лицейским. Таков еще один пример «применения» готового текста, будь то басня или классический текст, к которым прибегал «Лицейский мудрец», чтобы «свободно пошалить» жизнью.

«Язык Лицея» и его тайны были понятны только выпускникам первого курса. «Кто такой Белкин?» — спрашивал Пушкина лицеист 4-го курса П. И. Миллер³². Зато Белкин был не только понятен лицейскому поэту Кюхельбекеру, но даже спас ему жизнь воспоминаниями о том, как «беспечно» шалили в Лицее: Пушкин переслал ему свои «Повести» в Свеаборгскую тюрьму. После семилетнего одиночного заключения лицейский мудрец-декабрист записал в дневнике 20 мая 1833 года:

Поутру плачет человек,

А в вечер в радости смеется.

Сегодня я испытал всю истину этих стихов; мне до самого обеда и часа два и после обеда было очень грустно; мне даже встал на ум вопрос такой, которого бы после стольких опытов и размышлений от самого себя не ожидал, — да простит мне его мой милосердный Отец Небесный! — Что же? Прочел я четыре повести Пушкина (пятую оставил pour la bonne bouobe на завтрашний день) — и, читая последнюю, уже мог от доброго сердца смеяться. Желал бы я, чтоб об этом узнал когда-нибудь мой товарищ; ему, верно, было бы приятно слышать, что произведение его игривого воображения иногда рассеивали хандру его несчастного друга³³.

Четвертая повесть, над которой Кюхельбекер от души смеялся, — «Стационарный смотритель», «образец русской реалистической прозы», «драма отца и драма бедного забитого маленького человека»³⁴.

Расшифровка имени этого «маленького человека», однако, указывает на то, что «лицейский мудрец» далеко ушел в создании имен. От простого Ламина / animal — к сложной анаграмме Вальсингам в «Пире во время чумы», к «старцу женского рода» Трюхиной в «Гробовщике» и мастерскому созданию Самсон (Симеон) Вырин. Жаль, что критики не обращались к «Деяниям Апостолов» (VIII: 9–11) и к приложенному отделу «Погрешности» в первом издании повестей (1831)³⁵.

Известно, конечно, еще одно странное восприятие повестей Белкина. Пушкин читал их Баратынскому, который «ржал и бился»³⁶.

* * *

Пушкин, как и Кюхельбекер, вспомнил лицейского мудреца-Белку в один из тревожных дней своей жизни, она не могла не быть особенно памятной, так как сам поэт отчасти попал в сходное с Белкой положение: по повелению нового царя 8 сентября 1826 года Пушкин был привезен из деревни в Москву³⁷, и в тот же день состоялась аудиенция. О чем он беседовал с царем, поэт рассказывал друзьям и знакомым. А. О. Россет так передавал о свидании Я. К. Гроту: «... Император Николай на аудиенции, данной Пушкину в Москве, спросил его, между прочим: “Что же ты теперь пишешь?” — “Почти нечего, в. в.: цензура очень строга”. — “Зачем же ты пишешь такое, чего не пропускает цензура?” — “Цензура не пропускает и самых невинных вещей: они действуют крайне нерассудительно”. — “Ну, так я сам буду твоим цензором, — сказал Государь. — Присылай мне все, что напишешь”»³⁸.

«Un quidam (некто) — Барс, а Белка есть «Лицейский мудрец» (с. 302). Вчитаемся еще раз в текст басни:

Подумав, Барс сказал: «Я милую тебя
По истинной щедроте царской <...>»
— «Великий государь! —
Смирненно отвечает Белка, —
Ты милостив ко мне, но рассуди: ты царь,
А правду говорить великим не безделка...

По свидетельству Н. М. Смирнова, Пушкин вышел из кабинета царя «со слезами на глазах, бодрым, веселым, счастливым, Государь его принял как отец сына, все ему простил, все забыл, обещал покровительство свое и быть единственным цензором всех его сочинений»³⁹. В комментариях П. В. Анненкова к этому эпизоду добавлено: «Впоследствии, во всех случаях жизни своей, Пушкин вспоминал о наставлениях, переданных ему в это время отеческою снисходительностью монарха, не иначе как с чувством благоговения и умиления»⁴⁰ (скорее, с еле сдерживаемым смехом, «мгновенно молодея» от воспоминаний!). Как заметил кн. П. А. Вяземский, у Пушкина было «желание поострить (в чем он бывал грешен)»⁴¹.

Этим свидетельствам особого значения не придается: рабское верноподданничество не было свойственно характеру Пушкина. Однако и отсутствие каких-либо личных замечаний тоже не было свойственно поэту. И Пушкин оставил следующую сатирическую картину своего пребывания «под лапою тиранской».

В «Сказке о Царе Салтане» он создал прозрачный образ нового «чуда» в свете. Строки:

Знайте, вот что не безделка:
Ель в лесу, под елью белка, —

повторяют рифму В. В. Измайлова. Таким образом, делается намек-отсылка на басню «Барс и Белка».

Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка там живет ручная,
Да затейница какая!
Белка песенки поет,
Да орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Слуги белку стерегут,
Служат ей прислугой разной —
И приставлен дьяк приказный... (III, 519)

При честном при всем народе:
Во саду ли, в огороде (III, 516)⁴².

Слова песни — намек на повесть «Метель».

Примечания

¹ См.: *Городецкий Б. П.* 19 октября (1825) // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов. Л.: Наука, 1974. С. 57–70.

² См.: *Грот К. Я.* Пушкинский Лицей (1811–1817). Бумаги 1-го курса, собранные академиком Я. К. Гротом. СПб., 1911. — Далее ссылки на это издание указываются в тексте.

³ Ценный исторический обзор с примерами дан в кн.: *Bernasconi M.* Histoire des énigmes. Paris // PUF. 1964. N 1087.

⁴ *Глассэ А.* 1) Из чего сделалась «Метель» Пушкина // Новое литературное обозрение. М., 1995. № 14. С. 89–101; 2) О мужике без шапки, двух бабах, ребеночке в гробике, сапожнике-немце и о прочем // Там же. 1997. № 23. С. 92–117; № 28. С. 47–75; 1999. № 37. С. 84–89; *Glasse A.* Decoding Pushkin's Great Hoax / Alexander Pushkin / A Celebration of Russia's Best — loved Writer / ed. A. D. P. Briggs. London, 1995. С. 109–113; 3) «Тайная недоброжелательность» (из комментария к эпиграфу повести «Пиковая дама»: некоторые ключи каламбурных кодов Пушкина) // Русская повесть как форма времени. Томск, 2002. С. 75–96; 4) Культура остроумного остроумия пушкинского периода и его истоки // Литературный быт пушкинского периода и его истоки. Остроумие пушкинской поры как система общения // Литературный быт пушкинской поры. М.; СПб., 2012. С. 185–194.

⁵ *Couton G.* Écritures codées. Essais sur l'allé — gorie au XVII e siècle. Paris, 1990; La poésie de La Fontaine, Paris, 1957.

⁶ *Oeuvres Complètes de Voltaire.* Paris, 1879. Vol. 19: Dictionnaire Philosophique. P. 3–4; пер. мой. — А. Г.

⁷ *Фонвизин Д. И.* Сочинение князя Петра Вяземского // Полн. собр. соч. кн. П. А. Вяземского. СПб., 1880. Т. 5. С. 165.

⁸ Полн. собр. соч. князя П. А. Вяземского. Т. 7. С. 94, 103–104.

⁹ Там же. С. 103.

¹⁰ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. С. 35–36.

¹¹ *Пушкин В. Л.* Стихотворения. СПб., 2005. С. 9–10; Полн. собр. соч. кн. П. А. Вяземского. Т. 8. С. 177, 176.

¹² *Глассэ А.* Княгиня Марья Алексеевна // Новое литературное обозрение. М., 1996. № 17. С. 122–124.

¹³ См.: *Томашевский Б.* Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1. С. 707–708.

¹⁴ *Mézières M. L.* Les aharades et les homonyms ou l'art de s'instruire en s'amusant. Paris, 1866. S. 62. Книга Мезиера — прекрасное пособие для работы с игрой в омонимы и шарады пушкинского времени. Автор не только сохранил атмосферу беседы вокруг этих игр, объясняя правила и отклонения, но собрал словарь слов и имен, пользующихся особой популярностью в то время (начало XIX в.) в салонных играх.

¹⁵ Op. cit. P. 62–64.

¹⁶ О логогрифах и шарадах см.: *Bernasconi M.* Op. cit. P. 72–81, 81–89.

¹⁷ Об игре слов animal/скотина см.: Полн. собр. соч. кн. П. А. Вяземского. Т. 8. С. 176.

¹⁸ *Mc Master R. D.* Thackeray's Cultural Frame of Reference. Allusion in «The Newcomes». Mc Gill University Press, 1991. Здесь содержится ценная библиография.

¹⁹ Об аллюзиях у Пушкина см.: 1) *Глассэ А.* Об одной инскрипции Пушкина // Феномен русской классики. Томск, 2004. С. 107–114; 2) «Зачем кружится ветер в овраге» // Лирика А. С. Пушкина. Комментарий к одному стихотворению. М., 2006. С. 224–236.

²⁰ The New Princeton Encyclopedia of Pjetry and Poetics. Princeton, 1993. P. 38–40.

²¹ Так сконструированы имена Юрко и Трюхина в повести Пушкина «Гробовщик». См.: *Глассэ А.* О мужике без шапки... // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 67–70.

²² *Adburgham A.* Silver Fork Society. Fashionable Life and Literature from 1814 to 1840. London, 1983.

²³ См.: О мужике без шапки... Ч. IV (в печати).

²⁴ Русская басня XVIII–XIX веков. Л., 1977. С. 406–407.

²⁵ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л., 1951. С. 148.

²⁶ *Миллер П. И.* Встречи и знакомство с Пушкиным в Царском Селе // Русский архив. 1902. № 10. С. 234.

²⁷ Оpozнание последует в конце.

²⁸ *Bière, ste.* Gabriel, Marechalde. Le Marguis de Bievre. Sa vie, ses calemboues, ses co-

médies. Paris, 1910. Каламбуры и пуанты маркиза де Бьевра были собраны и неоднократно издавались: *Deville A. Bieviana, ou jeux de mots de M. de Bievre*. Paris, 1799. An. 8. Пушкин заимствовал из этого сборника каламбур, несколько его изменив в качестве эпиграфа к «Египетским ночам».

²⁹ *Rose M. A Parody // Meta-Fiction: An Analysis of Parody as a Critica / Mirror to the Writing and Reception of Fiction*. London, 1979.

³⁰ Цицерон. Речи: в 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 292.

³¹ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: в 4 т. М., 1999. Т. 1. С. 59 и след.

³² *Миллер П. И.* Встречи и знакомство с Пушкиным в Царском Селе // *Русский архив*. 1902. № 10. С. 234.

³³ *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 250.

³⁴ См.: *Благой Д.* Повести Белкина // *От Кантемира до наших дней*. М., 1973. Т. II. С. 207.

³⁵ См.: *Глассэ А.* О мужике без шапки... С. 102–103.

³⁶ Пушкин. Письма. 1826–1830 / под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 121.

³⁷ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 2. С. 167–169.

³⁸ Разговоры Пушкина. М., 1929. С. 71.

³⁹ Из памятных заметок Н. М. Смирнова. 1842-й год. Воспоминания о Пушкине и Лермонтове // *Русский архив*. 1882. № 3. С. 231.

⁴⁰ А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений П. В. Анненкова. СПб., 1873. С. 164.

⁴¹ Разговоры Пушкина. С. 83.

⁴² О значении орешков, скорлупок и ядра см.: *Глассэ А.* О мужике без шапки... С. 101. К «языку Лицея» Пушкин позже добавил «арзамасское наречие», к «лицейской бессмыслице» — «арзамасскую галиматью», что значительно усложняет дешифровку повестей. См.: *Арзамас*. М., 1994. С. 19–23. На «арзамасском» языке слова «дьяк», «поп», «попенок» означают цензор; «гроб» — произведение, книга.

Повести покойного Ивана Петровича Белкина:

Буквальный перевод на французский:

Contes du feu Jean Pierre Esquireuil

Перевод каламбуров «на слух»:

Comptes des fait, gens, pierres et guerelles

Обратный перевод на русский:

Счета действий, людей, камней, ссор.

Пушкин называл свои повести — «мои сказочки», намекая на старинный французский каламбур, старинный — даже когда им так свободно пользовался Вольтер: conte — compte, сказка — счет. Этот же смысл содержится в устаревшем значении «сказка» (см. словарь В. И. Даля). В повести «Пиковая дама» этот же каламбур заложен в слове «карта» — «la carte a payer» — счет.

ВОКРУГ ПУШКИНА

О. А. Байрд (Яценко)

ЕЩЕ РАЗ О «МИЛЫХ ВЕЛЬО»

Любовные увлечения А. С. Пушкина, адресаты его любовной лирики и женское окружение поэта всегда привлека-

ли внимание исследователей. Казалось бы, тема изучена глубоко и досконально. Но в последние годы появилось нес колько публикаций, соединяющих имя Пушкина с сестрами Вельо (Velho), которые никогда раньше не входили в число предполагаемых вдохновительниц поэта. Юный Пушкин встречал сестер Вельо в Царском Селе, в годы своего пребывания в Лицее. Сведений о них и об их знакомстве с Пушкиным немного, и они сводятся к следующему.

Во-первых, из «Записки о Лицее» М. Корфа и статьи В. П. Гаевского «Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения»¹ известно, что после того, как весной 1816 года директором Царскосельского Лицея стал Егор Антонович Энгельгардт, для лицейстов открылись двери нескольких царскосельских домов, и среди них — дом баронессы Софьи Ивановны Вельо, урожденной Севериной, вдовы португальского банкира, и дом лицейского учителя пения Людвиг-Вильгельма Теппера де Фергюсона, женатого на младшей сестре Софьи Ивановны.

Во-вторых, в своих «Записках о Пушкине» И. Пущин процитировал шуточный экспромт Пушкина, который в пушкиноведении традиционно датируется ноябрем 1816 — февралем 1817 года²:

И останешься с вопросом
На берегу замерзлых вод:
“Мамзель Шредер с красным носом
Милых Вельо не ведет?” (I, 282)

В-третьих, одна из дочерей Софьи Ивановны Вельо, Жозефина, воспитывалась в семье Людвиг-Вильгельма Теппера де Фергюсона. Она трагически погибла около 1820 года, упав из окна. П. А. Плетнев, который некоторое время был ее домашним учителем, спустя десятилетия рассказал о своих занятиях с Жозефиной и о ее трагической гибели в письме к академику Я. К. Гроту от 2 марта 1846 года: «Josephine... я действительно давал уроки, сам еще бывши в институте, по желанию моего директора Е. Энгельгардта. Это было золотое время: мне было 18 лет, Жозефине 16 лет. Мы оставались всегда только двое в прелестной ее комнате, и беспре-

станно краснели, не понимая сами отчего. Она через месяц после того, как я стал учить ее, начала уже порядочно понимать “Письма Русского Путешественника”, не зная прежде моих уроков почти ни слова по-русски. Она была удивительное создание по красоте души, сердца и тела. Но Провидению не угодно было, чтобы она некогда принадлежала кому-нибудь из смертных. Теппер поехал в Париж. Раз ее мать пошла гулять. Иозефина забыла перчатки свои. Они жили в верхнем этаже. Прибежавши в комнату, она выглянула в окно, чтобы посмотреть, не ушла ли уже мать ее на улицу. Перевесившись за окно, она упала оттуда и тут же умерла. Я и теперь не могу вспомнить о ней без сердечного трепета и участия. Она для меня облекла в поэзию самое прозаическое ремесло. <...> До сих пор этот дом веет для меня поэзией. Это тот самый дом Вебера, где Оля учится у Помье³. Теппер, женившийся на матери (или на старшей сестре Josephine — не помню; я не любил этой холодной женщины) был музыкант и учил В. К. Анну Павловну...»⁴

В-четвертых, среди парижских заметок В. К. Кюхельбекера имеется лаконичная запись о смерти Жозефины. Заметка датирована 19/7 апреля 1821 года и прокомментирована Ю. Н. Тыняновым в статье «Французские отношения Кюхельбекера» (1939).

И, наконец, наибольшую известность приобрели четыре небрежные фразы Модеста Корфа в его «Записке о Лицее»⁵: «К дочери баронессы Вельо, Sophie, вышедшей потом за генерала Ребиндера, но тогда еще девице, очень благоволил император Александр». К этой фразе Корф сделал примечание: «Император Александр очень часто бывал у г-жи Вельо, но сверх того назначались уединенные свидания в Баболовском дворце. Вот стихи по этому случаю в нашей антологии: ...Что с участью твоей, прекрасная, сравнится? Весь мир у ног его — здесь у твоих он ног». И далее — «мы очень часто встречали государя в саду и еще чаще видали его проходящим мимо наших окон к дому госпожи Вельо»⁶.

На сегодняшний день этими данными и исчерпываются наши сведения о сестрах Вельо и отношении к ним Пушкина.

Хотя Корф не сказал, что «уединенные свидания» царя были именно с юной Софьей Вельо, эта версия твердо установилась в пушкиноведении, как в академическом, так и в «народном». В 1990-х годах она обросла новыми подробностями: Л. А. Краваль в своей работе «Сестры Вельо»⁷ узнала Софью и Жозефину Вельо в ряде пушкинских рисунков и объявила Жозефину Вельо новой потаенной любовью Пушкина, а ее смерть — самоубийством. В. М. Есипов продолжил развитие этого сюжета в статье «Все в жертву памяти твоей...»⁸, где переадресовал Жозефине Вельо пушкинское стихотворение «Всё в жертву памяти твоей...» и связал с Софьей и Жозефиной Вельо замысел пушкинской повести «Влюбленный бес».

Мгновенно распространившись в Интернете, гипотезы расцвели новыми красками. Снова и снова повторяется волнующая «легенда» о встрече Пушкина с императором в доме баронессы Вельо, а также предположения, что Пушкин был влюблен то ли в Софью, то ли в Жозефину. Видимо, на основании первого слова пушкинского стихотворения «На Баболовский дворец» («Прекрасная!») Софья Вельо объявлена петербургской красавицей, хотя об этом не существует никаких современных свидетельств. Теперь можно, к примеру, обнаружить такой комментарий к экспромту «И останешься с вопросом...»: «Софья Вельо — старшая дочь

придворного банкира — героиня поля брани пушкинских эпиграмм с 1816 года»⁹ (что значит «героиня поля брани»? И каких именно эпиграмм?). На сайте Царского Села поясняется, что Софья «была фавориткой императора Александра I, и даже, поговаривают, бегала к нему на свидания в Баболовский дворец»¹⁰ (кто именно поговаривает?). Там же можно прочесть, что она была фрейлиной, хотя она никогда не состояла на придворной службе. Посетители Баболовского дворца, с большим интересом осмотрев знаменитую гранитную ванну, замечают, что в ней «могла купаться Софья Иосифовна Вельо, с которой (согласно Википедии) в Баболовском дворце встречался Александр I»¹¹.

Пожалуй, здоровый скептицизм был проявлен только одним пользователем Интернета, который, комментируя историю Баболовского дворца, заметил: «Утверждается, что император Александр I встречался здесь со своей любовницей Софьей Вельо, дочерью придворного банкира барона Вельо. Причем самым знаменитым распространителем этой сплетни был А. С. Пушкин, который в лицейские годы написал гекзаметром трудно читаемое стихотворение “На Баболовский дворец”: Прекрасная! пускай восторгом насладится...»¹² К этому можно только добавить, что сплетню распространял даже не сам Пушкин, который вообще не назвал имени «прекрасной», а, скорее, Модест Корф, а вслед за ним — последующие поколения исследователей. В результате одна сестра Вельо вошла в историю как фаворитка императора, а другая неожиданно объявлена любовью Пушкина и героиней или адресатом самых знаменитых его произведений.

К сожалению, авторов и распространителей сенсационных гипотез не насторожил тот факт, что о семье сестер Вельо и о них самих известно поразительно мало. Даже точные даты их жизни не установлены, не говоря уж о конкретных деталях. В обороте практически отсутствуют документы, касающиеся третьей сестры, Селестины. Кроме довольно невнятного намека М. А. Корфа, роман императора с Софьей не упоминается никем из современников. Влюбленность Пушкина в Жозефину осталась незамеченной его лицейскими товарищами. Ее имени нет ни в дневниках Пушкина, ни в «донжуанском списке», ни в каких-либо других его рукописях. Однако ни Л. А. Краваль, ни В. М. Есипов не сделали никаких попыток документально обосновать свои гипотезы. Обе работы базируются в основном на популярной литературе и вторичных источниках, зачастую неверно прочитанных и вольно интерпретированных.

Между тем в научном обороте уже довольно давно имеется ряд материалов, имеющих прямое отношение к семье Вельо. Они содержат определенные факты и воссоздают богатый исторический фон эпохи. К сожалению, они мало задействованы в пушкиноведении и, видимо, поэтому остались неизвестными Л. А. Краваль и В. М. Есипову. Кроме того, автору данной статьи посчастливилось недавно обнаружить собственноручные мемуары¹³ Людвиг-Вильгельма Теппера де Фергюсона (1768–1838), учителя хорового пения в Лицее, женатого на сестре Софьи Ивановны Вельо и названного отца Жозефины Вельо. Вкупе с другими документальными источниками они позволяют несколько прояснить и уточнить общую картину.

Прежде всего следует познакомиться поближе с родителями сестер Вельо, о которых, в сущности, было неизвестно ничего, кроме их имен. Их живо обрисовал Теппер де Фергюсон, приехавший в Петербург ранней осенью 1797 года: «По моем

прибытии в Санкт-Петербург я был представлен к дому придворного банкира барона де Вельо, португальца. В этом человеке соединились приятная внешность, дружеские манеры, веселость, откровенность и добродушие, которые привлекали людей и сделали его дом одним из самых приятных в городе. Его жена, молодая дама, награжденная всеми грациями, еще добавляла достоинств его персоне, и очарование этой пары, казалось, вызывало всеобщую зависть. Она была дочерью господина Северина, главы богатого торгового дома и самого выдающегося человека среди крупнейших коммерсантов. Однажды я встретил у них ее родителей, которых сопровождала ее младшая сестра, которой было 17 или 18 лет».

Жозе Педро Селестино Вельо (José Pedro Celestino Velho, 1755–1802) родился в Порто и начал свою карьеру как негодант-винооторговец в Companhia das Vinhas do Alto Douro. В 1780 году он прибыл в Санкт-Петербург, где вместе с компаньонами Мартиншем и Араужо основал Португальский торговый дом (Casa Portuguesa de Comércio na Rússia). В июне 1781 года он был назначен консулом и генеральным комиссаром Его Величества Короля Португальского «во всех портах Балтийского моря»¹⁴. В том же году он был возведен в дворянство¹⁵, что явно облегчало выполнение дипломатических обязанностей. Его дипломатическая карьера в России представляется чрезвычайно успешной: в эпоху его консульства был открыт госпиталь для португальских моряков в Кронштадте и основано португальское торговое представительство. Двадцатого декабря 1787 года в Петербурге был подписан договор о торговле, навигации и дружбе между Россией и Португалией¹⁶.

Около 1792 года (точная дата неизвестна) он женился на Софье Ивановне Севериной, сложил с себя дипломатические полномочия и занялся коммерцией. По мнению португальских исследователей, причиной его отставки мог послужить и тот факт, что он не получил поста полномочного посла, на который рассчитывал, и в эпоху политической нестабильности в Португалии предпочел деловую карьеру в России¹⁷. Женильба ввела Вельо в петербургские торговые и финансовые круги. В марте 1798 года он стал одним из директоров созданной Павлом Первым «Канторы придворных банкиров и коммиссионеров Воута, Велио, Ралля и Ко» для внешних и внутренних финансовых операций. Роберта Воута (Robert Voûte), представителя знаменитого амстердамского банкирского дома Генри Хоупа «Норе & Со», скоро сменил Н. С. Роговиков, а кантора стала называться «Велио, Ралль и Роговиков». В июле 1800 года Павел I возвел всех троих в баронское достоинство¹⁸. Диплом и герб барона Вельо были утверждены 15 апреля 1801 года следующим императором — Александром I.

Кантора поддерживала постоянные связи с банкирскими домами Европы. Кроме того, все компаньоны имели свои собственные торговые дома или канторы и активно участвовали в деловой жизни империи и как придворные банкиры, и как частные лица. Вельо оставался в придворной канторе до самой смерти. Его собственный торговый оборот исчислялся сотнями тысяч рублей¹⁹.

Жена Вельо, Софья Ивановна, урожденная Северина (1770–1839), принадлежала к богатой остзейской купеческой семье. Многие современные исследователи, несомненно, опираясь на справочник Л. Черейского «Пушкин и его окружение» (1975, 1989), именуют ее отца «известным петербургским банкиром», хотя в пушкиноведении почти не было сделано дальнейших попыток выяснить какие-нибудь подробно-

сти, касающиеся этого «известного» человека. Но при ближайшем рассмотрении обнаруживаем Иоганна-Арнольда Северина (1735–1802), сына петербургского пастора, купца первой гильдии, одного из крупнейших петербургских негодантов, женатого на урожденной Тиринг (Thiering), одной из дочерей богатого рижского негоданта²⁰. В длинном списке петербургских купцов с указанием их годового оборота находим знакомые имена — Александр Ралль; Северин и сыновья; Антон Фр. Тиринг; Вельо. Среди них ведущее место занимает торговый дом Севериных с годовым оборотом около миллиона рублей²¹.

В семье Иоганна-Арнольда (Ивана) Северина было пятеро детей — три сына и две дочери. Один из сыновей умер. Сыновья Андрей Иванович (Heinrich Gottfried, 1770–1858) и Петр Иванович (Johann Peter, 1771–1828) Северины, купцы первой гильдии и придворные банкиры, унаследовали дело после смерти отца²². Вспоминая размах их операций накануне Отечественной войны 1812 года, Ф. Булгарин назовет их «банковскими колоссами»²³. Они вошли в банкирскую кантору «Велио, Ралль и Роговиков» и принимали участие в создании Российско-Американской компании, одним из директоров которой стал Андрей Иванович Северин. Софья Ивановна Вельо была старшей дочерью Иоганна-Арнольда Северина. В мемуарах Теппера, который женился на младшей дочери, читаем о семье его жены: «У нее было три брата, и один из них стал моим другом. Они были добросердечными, без тщеславия и претензий. <...> Отец был человеком абсолютной честности и здравого ума, не лишенный образования; уважаемый как за его манеры и щедрость, так и за богатство и прямоту; но, имея все предрассудки его сословия, он считался только с людьми, принадлежащими к его классу, и не был слишком далек от порока, приписываемого ему — судить людей исключительно в цифрах.

Он рано осиротел, и его образование осталось отрывочным, поэтому он не знал света и его манер, но эти недостатки исправлялись его хорошими качествами, хотя, может быть, снижали впечатление, которое он производил. Сухость его манер в значительной степени объяснялась тем, что его внешность производила неудовлетворительное впечатление». По всем законам жизненной драмы отношения между зятем и тещей не сложились, и, говоря о ней, Теппер упоминает ее «холодное сердце и особенно ее надменный и деспотический характер». Впрочем, нелестное мнение Теппера о мадам Севериной разделяли многие: в ироническом тоне писал о ней Е. А. Энгельгардт, сообщая Ф. Матюшкину о ее смерти в декабре 1817 года; по мнению Фридриха фон Шуберта (1789–1865), она была «хитрой женщиной»²⁴; более того, никто из современников, включая Теппера, ее зятя, ни разу не назвал ее имени. Его нет даже в подробной базе данных прибалтийских немцев Эрика Амбургера²⁵, т. е. на сегодняшний день она остается для нас «мадам Севериной, урожденной Тиринг». Возможно, дополнительный материал может быть обнаружен в эстонских и немецких архивах.

Из мемуаров Теппера можно понять, что в семье Севериных детям дали хорошее образование — сыновья учились в Петри-школе, а сам Теппер высоко ценил «образование, ум и манеры» своей жены. Его мнение подтверждается записками Фридриха фон Шуберта, назвавшем ее «приятной и умной женщиной»²⁶. Но вместе с тем детей держали в строгости: «Воспитанная в большой суровости, с рождения

не зная ласки, моя жена развила привычку к сдержанности и недоверию. Требовалось очень многое, чтобы завоевать ее доверие».

Теппер сообщает нам точное имя своей жены и точные дату и место свадьбы, которые до настоящего времени были неизвестны. Кроме того, узнаем о драматических событиях, которые последовали сразу после свадьбы: «Я женился на Жанне Генриетте Севериной, возраста 23 лет, 12/24 февраля 1802 года. Преподобный de la Souzais из Женевы, пастор французской реформатской церкви²⁷, скрепил наш союз. Мой тесть едва имел время порадоваться ему, а я имел не больше двух недель, чтобы называть его этим именем. Он умер в марте, оплакиваемый всей своей семьей, сопровождаемый сожалениями бедных и уважением и почитанием всех добрых людей. Через два месяца, в мае, мы имели несчастье потерять нашего зятя Вельо, который умер от удара. Он оставил троих детей²⁸, среди них одного сына, и — новое дитя. 19 июня в свет явилась дочь, которую окрестили Жозефиной. Здоровье нашей сестры вот уже несколько лет было очень слабым из-за болезни груди, что заставило ее искать более благоприятного климата. Она в самом деле отправилась в Германию летом 1804 года, взяв с собой двух старших дочерей, одной из которых шел двенадцатый, а другой — десятый год. Сына, который был еще меньше, определили в пансион, под наблюдение одного из его дядей. И так как небо отказывало мне в счастье стать отцом, мы уговорили мою невестку доверить нам ее младшее дитя, которое и в самом деле передали нам, едва она оставила кормилицу, за несколько месяцев до отъезда ее матери».

Теппер дает понять, что отношения между членами большой семьи Севериных были отнюдь не простыми. Он не говорит, по какой причине овдовевшая Софья Ивановна Вельо на несколько лет покинула маленького сына и новорожденную дочь. Объяснение ее отъезда за границу расстроенным здоровьем он сам не считал удовлетворительным: «Мне трудно найти объяснения для столь долгого отсутствия. Это разъединение впоследствии еще увеличилось, и конец его покрыла могильная ночь». В сложившейся ситуации Жозефина стала не только воспитанницей Тепперов, но и их названной дочерью, хотя удочерение никогда не было юридически оформлено. Софья Ивановна Вельо вернулась из-за границы только через шесть лет, в 1810 году. Таким образом, Жозефина впервые встретила свою родную мать и старших сестер, будучи уже во вполне сознательном возрасте, но осталась жить в семье Тепперов, которые стали для нее рара и тапан. Разумеется, она бывала в доме своей родной матери, познакомилась со своими старшими сестрами и, по словам Теппера, нежно любила брата, но она никогда не жила и не воспитывалась в семье Вельо. Поэтому поэтические декларации Л. А. Краваль, а вслед за ней В. М. Есипова о сестрах, «служивших украшением дома Вельо», могут касаться только Софьи и Селестины, но никак не Жозефины. Более того, тот факт, что, упоминая Теппера, Есипов делает три (!) ошибки в его имени, еще более снижает научную ценность его публикации.

Если нам уже были точно известны даты жизни сына, Осипа Осиповича Вельо (24.01.1795–16.08.1867), то мемуары подтвердили дату рождения старшей дочери, Софьи Осиповны (1793), и прояснили год рождения Селестины Осиповны (1794)²⁹. Эти данные рожают некоторое сомнение в традиционной датировке пушкинского экспромта «И останешься с вопросом...» зимой 1816/17 года: представляется,

что шестнадцати-семнадцатилетним воспитанникам Лицея барышни в возрасте 22–23 лет могли казаться «слишком взрослыми», да и в таком возрасте они вряд ли уже выходили на прогулку в сопровождении гувернантки. Экспромт, видимо, следует датировать более ранним временем, так как для того, чтобы знать лица и фамилию барышень, живших в двух шагах от Лицея, совсем необязательно было быть официально представленными их дому.

Очень важно, что мемуары Теппера устанавливают доселе неизвестную дату рождения Жозефины — 19 июня 1802 года, а отнюдь не «ок. 1794», как указывает справочник Л. Черейского. Эта дата делает ее более вероятным адресатом пушкинского экспромта. Скажем, «милыми Вельо» могли быть четырнадцатилетняя Жозефина и — с некоторой натяжкой — двадцатидвухлетняя Селестина. Но Теппер сообщает еще одну — печальную — подробность о Жозефине. Оказалось, что 1809 год «ознаменовался горем, которое доставила нам наша названная дочь, маленькая Жозефина Вельо. Однажды вечером она вдруг почувствовала онемение в своей правой руке. Рука осталась неподвижной в том положении, в каком застиг ее приступ — полусогнутой, но она не могла ни согнуть, ни распрямить ее. Консультация врача объяснила ее состояние золотухой. Лекарства, которые используются в этих случаях, настолько жестоки, что удивительно видеть их применение к такому нежному существу; они не имели другого результата, как только причинили ей боль; не победив первого зла, они заставили нас бояться разрушения кости. Настои, содержавшие раствор соляной кислоты, не залечили раны и не вылечили онемение. Ее рука была спасена, но она потеряла способность пользоваться ею... Наше семейное счастье, частью которого был этот ребенок, было нарушено больше чем на год, и мы очень боялись, что плохо вылеченная болезнь возобновится и станет постоянной». То есть девочка была милой (и горячо любящий названный отец не раз так ее называет!), но в то же время слабой и болезненной, с искалеченной рукой, а это не тот образ, который возникает в пушкинском экспромте.

Более того, дата рождения Жозефины ставит под большое сомнение и процитированное выше письмо П. А. Плетнева к Я. К. Гроту о его уроках с Жозефиной. По его словам, ему «было 18 лет, Жозефине 16 лет». Публикуя фрагмент этого письма в своей книге «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники», Грот слегка редактирует его: «Мне было лет 20, а ей 16»³⁰. Если бы это и было так, то представляется совершенно невероятным, чтобы названные родители оставили юную дочь наедине с молодым человеком «в прелестной ее комнате». Но теперь, сравнивая даты, видим, что Плетнев неверно указывает возраст ученицы: по его словам, он стал учителем Жозефины, будучи студентом Педагогического института, по просьбе директора института Е. А. Энгельгардта. Плетнев родился в 1792 году и поступил в Педагогический институт в 1810 году; Энгельгардт стал директором института годом позже, в 1811 году. Местом занятий Плетнев называет дом Вебера. Из мемуаров Теппера следует, что он действительно несколько лет владел в Петербурге домом, расположенным «в квартале, пользовавшемся большим спросом» (дома Вебера были в начале Невского проспекта (3–5) и на Большой Конюшенной улице), и продал его в 1812 году. Таким образом, занятия Плетнева с Жозефиной могут датироваться только концом 1811 — началом 1812 года. Но в таком случае Жозефине было не шестнадцать, а только девять лет, то есть она была слишком мала и для

чтения «Писем русского путешественника», и для того, чтобы краснеть, «не понимая от чего». Кроме того, Плетнев совершенно не помнит жены Теппера, выдвигая невероятное предположение, что он был женат то ли на матери Жозефины, то ли на ее старшей сестре, и потом явно путает Жанну-Генриетту с ее матерью, мадам Севериной. Таким образом, весь рассказ Плетнева полон противоречий и ошибок. Учитывая, что его сообщение датируется 1846 годом, не перепутал ли он учениц за давностью лет?

Рассмотрим теперь сенсационный роман императора Александра с Софьей Вельо. Как уже говорилось, этот сюжет базируется на единственном источнике — «Записке о Лицее» М. А. Корфа, в которой он упомянул о визитах императора в дом госпожи Вельо. В связи с этими посещениями обратимся к опубликованному в 1962 году, но почти незамеченным в пушкиноведении воспоминаниям «Unter dem Doppeladler» («Под сенью двуглавого орла». Stuttgart, 1962) Фридриха фон Шуберта. Фридрих фон Шуберт был сыном Теодора фон Шуберта (1758–1825), математика и астронома, академика Российской Академии наук. Академик присутствовал на лицейском экзамене 8 января 1815 года. Шуберты были связаны и с банкирскими кругами, в частности с Севериными и Раллями: перед войной Фридрих фон Шуберт пытался жениться на Женни Тиринг, младшей сестре Анны-Вильгельмины (1787–1864), жены Петра Северина; в конце концов в 1820 году его женой стала Софья Александровна Ралль (1801–1833), дочь банкира. Таким образом, мемуарист был прекрасно осведомлен о жизни петербургских купеческих кругов, царскосельском обществе 1810-х годов и его отношениях с императором. По словам Шуберта, в довоенную эпоху «император стремился удалиться от придворных кругов и пытался создать маленький интимный кружок с дамами, в котором он надеялся проводить вечера в неформальном тоне и вдали от интриг. Для него он избрал хорошеньких, но не особенно одухотворенных дам из купеческого круга. Он счастливо избегал дворцовых интриг, но когда приходил к ним вечером пить чай, там удивительно много болтали, что ему очень нравилось, и он участвовал в интригах, только они были маленького масштаба и в другой сфере. <...> Мадам Бергина, мадам Бахерахт вместе с мадам Сиверс были его первыми знакомыми, и к ним скоро присоединилась семья Севериных. Северин был известный банкир, который оставил вдову, двух сыновей и двух дочерей. <...> Старшая дочь была вдовой придворного банкира Вельо, а младшая была замужем за Теппером. Как мать, так и обе дочери (Вельо и Теппер) входили в круг императора, и не проходило и недели, чтобы он не приходил к одной из них к чаю, где собирался целый дамский клуб (мужчины бывали обыкновенно исключены), и император был очень доволен, проводя вечер в разговорах о всевозможных городских делах»³¹. Более того, рассказывая о своем юношеском романе с Женни Тиринг, Шуберт вспоминал, как «старшая мадам Северина и ее дочь госпожа фон Теппер решили осчастливить нас и на одном из чаепитий завели уютный разговор и рассказали императору об этой нежной романтической любви, которая его чрезвычайно заинтересовала и о которой он потом не раз осведомлялся»³².

Воспоминания Шуберта подтверждаются рядом других свидетельств эпохи. Так, Луи де Коленкур (1773–1827), который был французским послом в России с

конца 1807 по май 1811 года, в своих донесениях Наполеону сообщал о женщинах, бывших объектами внимания Александра I. Наряду с Марией Антоновной Нарышкиной, он называет, например, актрису Комеди Франсез Marie Thérèse Bourgoïn (1785–1833), приехавшую в Петербург в 1809 году, и Екатерину Ивановну Муравьеву-Апостол (1795–1861). Кроме того, в его донесениях встречаем и имена купеческих жен, упомянутых Шубертом: госпожа Сиверс (Софья, урожденная Мейбом, жена купца Бернгарда Сиверса), госпожа Бахерахт (Катарина, урожденная Мейбом, жена купца Иоганна Бахерахта³³). Но особенно часто повторяется имя «молодой красивой жены немецкого купца, мадам Севериной», которую император даже навещал на ее даче в Парголово: «Император Александр два-три раза в неделю совершает любовные путешествия в Парголово. Часто он ездит окольными путями чрез поля; несколько дней тому назад крестьяне, недовольные, что кто-то ездит по их посевам, сделали рвы и, не зная, кто это такой, подали жалобу. Император об этом узнал и велел уплатить убытки. <...> Император на третий день своего пребывания в Петергофе утром пил чай у молодой, красивой жены немецкого купца — это она жила в Парголово. <...> Говорят, что император уже несколько дней занят г-жею Бургоэн, что она не уедет в Москву и останется в Петербурге до тех пор, пока не должна будет отправиться в Париж к окончанию отпуска. Другие говорят, что взоры императора устремлены на жену банкира г-жу Северин. Еще неизвестно, которому слуху верить»³⁴. Так как свидетельства относятся к 1808–1809 годам, в госпоже Северин узнаем Анну-Вильгельмину Северину, урожденную Тиринг — жену Петра Ивановича Северина, сноху «мадам Севериной» и невестку Софьи Ивановны Вельо и Жанны-Генриетты Теппер. (Не ее ли имеет в виду Пушкин в стихотворении «На Баболовский дворец»?)

Обращает на себя внимание, что почти во всех слухах о романах императора называются имена замужних женщин, а отнюдь не юных барышень. При этом важно заметить, что Шуберт в своих воспоминаниях никак не подразумевает эротических связей Александра I с кем-либо из купеческих жен, а говорит, скорее, о платоническом флирте. Действительно, по мнению Адама Чарторижского, «такого рода отношения особенно нравились Александру, и он всегда был готов посвящать им немало времени. Лишь в очень редких случаях добродетели дам, которыми интересовался этот монарх, угрожала действительная опасность»³⁵. В. Тимирязев, проанализировавший донесения Коленкура, ссылаясь на польского генерала К. Колчакковского, заметил, что «император Александр умел втягивать женщин в свои интересы, спрашивал их мнения и даже советовался с ними о том, как сделать людей счастливыми. Чрез женщин он знал многое, чего не говорил ему даже родной брат; этим можно объяснить упоминаемые Коленкуром визиты Александра к некоторым женам купцов»³⁶. Император даже делал дамам подарки — известно, например, что Женни Тиринг (несостоявшаяся жена Фридриха Шуберта) получила от императора рубиновое кольцо; другая купеческая жена — золотую табакерку, а теще Теппера, мадам Севериной, император подарил фарфоровый позолоченный сервиз на двоих — изделие Императорской фарфоровой мануфактуры³⁷.

Из всего вышесказанного следует, что визиты Александра I в дом вдовы Вельо вряд ли имели прямое отношение к ее дочери Софье. Свидетельство М. Корфа о том, что лицейские воспитанники «часто встречали государя в саду и еще чаще

видели его проходящим мимо наших окон к дому госпожи Вельо»³⁸, говорит о визите не к дочери, а к матери, и встреча Пушкина с императором в ее доме, открытом для лицейцев, совершенно естественна и не включает в себе никакой двусмысленности. Кроме того, рассматривая историю гипотетического места свиданий, Баболовского дворца, обнаруживаем, что дворец — одноэтажное летнее здание, построенное в 1785 году, был неудобен, посещался очень мало и уже к 1790 году обветшал. Надо полагать, что к середине 1810-х годов здание обветшало еще больше, а потому вряд ли было пригодно для чьих-либо любовных свиданий. Гранитная ванна была установлена во дворце только в 1828 году, поэтому ни Софья Осиповна Вельо, ни кто-либо еще никак не могли в ней купаться. Удивляет и датировка 1814–1816 годами главного источника сведений, четверостишия «На Баболовский дворец»: в жизни Александра I на 1814–1815 годы приходятся заграничные походы, подписание Парижского мира (май 1814), пребывание в Англии (июнь 1814 г.). Из Англии он, действительно, на короткое время вернулся в Россию, и 27 июля 1814 года в Розовом павильоне Павловского парка состоялась торжественная встреча победителя Наполеона. Но вряд ли нашлось тогда у императора время для любовных свиданий в Баболовском дворце — впереди был Венский конгресс (сентябрь 1814 — июнь 1815 г.). В сущности, Александр вернулся в Россию только 2 декабря 1815 года. Следовательно, если уж любовные свидания и имели место в Баболовском дворце, они могли происходить только летом 1816 года. В другое время либо императора не было в России, либо сезон года не подходил для встреч в заброшенном и полуразрушенном здании.

Но ни одним словом не упоминают ни наблюдательные современники, ни Шуберт, ни Теппер о встречах императора с юной Софьей Вельо. Более того, в своих обширных мемуарах Теппер вообще не упоминает племянницу своей жены и родную сестру названной дочери. Трудно поверить, чтобы царский роман, так близко затрагивавший его семью — если таковой имел место, — не нашел бы отражения в воспоминаниях. Часть мемуаров, описывающая жизнь Теппера в России, создавалась в 1828 году в Париже, после смерти и Жозефины, и жены; после отъезда из России; после смерти и Александра I, и Елизаветы Алексеевны. Теппер не предназначал их для печати, поэтому у него не было никаких оснований для умолчания. Но действительно ли был этот роман? Не были ли визиты императора к госпоже Вельо именно тем, чем они были: посещениями уже немолодой вдовы придворного банкира, а отнюдь не ее дочери? Не были ли его отношения к ней тем самым платоническим флиртом, который был неоднократно замечен и прокомментирован современниками? Не было ли четверостишие Пушкина обыкновенной грубоватой шуткой подростка, тем эпатажем, из-за которого Пушкин так не нравился Е. А. Энгельгардту? И, зная предвзятость и ненадежность свидетельств М. Корфа, можно ли с полным доверием полагаться на них? Не стоит ли пересмотреть репутацию фаворитки Александра I, сложившуюся с легкой руки М. Корфа, вернуть Софье Осиповне Вельо ее честь и достоинство и признать, что Алексей Максимович Ребиндер, юный участник Отечественной войны, отличившийся в Бородинской битве и бравший Париж, представитель старинного и гордого вестфальского рода, женился на барышне с незапятнанной репутацией, а отнюдь не на отставной любовнице императора?

Рассмотрим теперь предполагаемые отношения Пушкина с Жозефиной Вельо. Прежде всего бросается в глаза, что пушкинский экспромт «И останешься с вопросом...» (единственное произведение Пушкина, называющее имя Вельо!) адресован Семену Есакову и подшучивает над его чувствами, но сам-то автор экспромта явно равнодушен к их предмету.

Л. А. Краваль пытается связать с Жозефиной пушкинское стихотворение «С португальского» («Там звезда зари взошла...»), неуверенно датированное 1825–1827 годами. Для поддержания своей гипотезы она подчеркивает португальское происхождение сестер Вельо. Но португальцем был только их отец, а по матери они были прибалтийскими немками. Принимая во внимание дружеские, деловые и родственные связи между Тирингами, Раллями, Севериными, Сиверсами, Бахерахтами, Шубертами и т. д., постоянно жившими в Петербурге, можно сделать вывод, что Северины и их немецкое окружение с самого начала сильно доминировали над немногочисленными португальскими партнерами Вельо, и немецкое происхождение и связи этой семьи стали еще более явными после смерти Вельо-отца в 1802 году. Более того, несмотря на то что португалец Вельо был, видимо, католиком, его похоронили на Смоленском евангелическом кладбище. После смерти мужа Софья Ивановна отправилась с дочерьми отнюдь не в Португалию, а в Германию. Обе ее дочери вышли замуж за прибалтийских немцев — Алексея фон Ребиндера (1795–1869) и барона Эрнста Каульбарса (1798–1871), сын Осип также женился на немке (Катарина Альбрехт, 1795–1884). Все вышесказанное еще больше касается Жозефины, так как в семье Теппера, где она провела свою короткую жизнь, вообще не было ничего португальского. Названный отец был поляком, названная мать — немкой. Оба никогда не были в Португалии, говорили по-немецки и по-французски, и их ближайшие друзья происходили из немецких академических кругов и прихожан француско-немецкой реформистской церкви.

Кроме того, Томаш Антониу Гонзага (1744–1810), автор стихотворения из сборника «Дирсева Марилия» («*Marília de Dirceu*», 1792, ч. I.), переведенного Пушкиным, хотя и родился в Португалии, но жил в Бразилии. Его стихотворение посвящено бразильской возлюбленной, а потому пушкинское обращение к нему вряд ли может быть связано с португальским происхождением Жозефины Вельо. Л. А. Краваль полагает, что Пушкин переводил с французского перевода, и потому считает, что заголовок «С португальского» намекает на Жозефину Вельо. Действительно, имеется предположение, что Пушкин был знаком с французским переводом стихотворений Гонзага «*Marilie, chants élegiaques de Gonzaga / Trad. du portugais par E. de Monglave et P. Chalas. Paris, 1825*». Но в своей рукописи Пушкин указал имя автора оригинального стихотворения — Гонзага, а не французского перевода. Поэтому не является ли заглавие «С португальского» простым указанием на язык оригинала, а отнюдь не намеком на Жозефину Вельо?

В рисунках Пушкина на рукописи стихотворения «Дубравы, где в тиши свободы...» (датируется февралем — ноябрем 1818 г.) Л. Краваль уверенно узнает Софью и Жозефину Вельо: «Нас привлекают образы двух молодых девушек, очень похожих меж собой, круглолицых, большеглазых, гармонирующих со стихами своей ясной, утренней, „свежеумьгой“ красотой. <...> В центре композиции — „рубенсовская“ головка с греческим профилем и ниткой жемчуга в волосах. Судя

по композиционной центральности портрета — это и есть главная героиня стихов. Жозефина? Селестина?» К сожалению, никаких обоснований для этой атрибуции Л. А. Краваль не представляет. Чепчик на голове одной из девушек она объясняет пушкинским указанием на предстоящее замужество Софьи. Нам неизвестна дата замужества Софьи, но, учитывая, что сын Алексея Максимовича Ребиндера (1795–1869) и Софьи Осиповны, урожденной Вельо, родился в 1826 году, не будет ли более естественным предположить, что бракосочетание состоялось «около 1825 года»?³⁹ А если так, женская головка в чепце в рукописи 1818 года никак не может быть портретом Софьи Вельо. Буквально несколькими строчками ниже Л. А. Краваль уже уверенно объявляет другой набросок портретом Жозефины: «Мы узнаем ее круглую „рубенсовскую“ головку с низким пробором, ее милое ясноглазое личико с греческим носиком, чуть коротковатым, с круглым подбородком, с припухшим горлышком...». Но Л. А. Краваль не располагала портретами сестер Вельо, а при отсутствии изобразительного материала не имеется отправной точки для сопоставлений, и потому подобная атрибуция неэтична и является чистейшим вымыслом и научной некорректностью.

И в настоящее время мы по-прежнему не знаем в лицо ни Селестину, ни Жозефину Вельо, но автору настоящей статьи был любезно предоставлен портрет Софьи Осиповны Вельо работы О. Кипренского (1813 г.), никогда не публиковавшийся и принадлежащий ее праправнуку, проживающему во Франции⁴⁰.

Сравнение портрета с пушкинской зарисовкой женской головки, «опознанной» Л. А. Краваль как портрет Софьи, не показывает большого сходства между ними и заставляет сомневаться как в этой, так и в других атрибуциях.

Далее Л. А. Краваль цитирует хорошо известный пушкинский план большого стихотворения «Prologue», датированного 1835–1836 годом: «Я посетил твою могилу, но там тесно; les morts m'en distraient — теперь иду на поклонение в Царское Село и Баболово» и утверждает, что «посещение могилы в контексте Царское Село и Баболово — называет имя Жозефины»⁴¹. В качестве доказательства приводится все тот же единственный источник — письмо П. А. Плетнева к Я. К. Гроту от 2 марта 1846 года. Л. А. Краваль приводит письмо (действительно, крайне неуклюжее по форме) по изданию Я. К. Грота «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники» (1887), где оно опубликовано в редакции Я. К. Грота — не особенно удачной: издатель повторил невероятное утверждение, что Теппер был женат на старшей сестре Жозефины, и добавил собственное указание на расположение дома Вебера в Малой Морской улице. Весь фрагмент процитирован таким образом, что из него можно заключить, что Теппер уехал в Париж, и после его отъезда Жозефина, оставшаяся с матерью в Петербурге, в доме Вебера на Малой Морской, упала из окна и умерла.

Но, называя дом Вебера, Плетнев не указывал его адреса (действительно, у Вебера не было дома на Малой Морской) и связывал дом со своими уроками, а отнюдь не со смертью Жозефины. На самом же деле в 1819 году в длительное заграничное путешествие отправились все трое — сам Теппер, его жена Жанна-Генриетта и их названная дочь Жозефина. Трагедия произошла отнюдь не в Петербурге, а в Париже, о чем давным-давно известно из письма Е. А. Энгельгардта В. К. Кюхельбекеру от 14 сентября 1823 года: «Теппер здесь. Схоронив в Париже Josefine, в Дрездене — жену, он возвратился сюда один...»⁴².

Заметим также, что, цитируя план «Пролога», Л. А. Краваль опускает его вторую строчку: «Ц.С!...(Gray) les jeux du Lycée, nos leçons... Delvig et Kuchel., la roësie». Учитывая дату создания плана и его общее содержание, представляется более вероятным, что Пушкин думал о посещении могилы Дельвига. Во всяком случае, он никак не мог навещать могилы Жозефины в Петербурге или Царском Селе, так как там ее попросту не существовало.

Далее Л. А. Краваль описывает рисунок похоронной процессии в пушкинской рукописи повести «Гробовщик»⁴³ и «узнает» в нем похороны Жозефины и провожающих ее гроб брата Иосифа, плац-майора Царского Села, мать Софью Ивановну, и загробную тень покойного отца Иосифа (Жозе) Вельо, умершего в 1802 году. Но если даже покойный отец Жозефины, умерший до рождения дочери, восстал из гроба, чтобы проводить дочь в последний путь, почему же Софья и Селестина не участвуют в похоронах младшей сестры? Вернувшись из мира фантазии к реальным фактам, повторим, что в момент смерти Жозефины ее брат Осип Вельо не был плац-майором Царского Села; Жозефина была похоронена в Париже, и ее родная мать Софья Ивановна не принимала участия в похоронах. Следовательно, рисунок в пушкинской рукописи никакого отношения к похоронам Жозефины не имеет. Да и что может больше соответствовать сюжету «Гробовщика», как не рисунок похоронной процессии?

Л. А. Краваль также разбирает пушкинскую зарисовку сидящей обнаженной женщины, которая, по ее словам, находится на листе рукописи стихотворения «Кто знает край...»⁴⁴. Но автор перепутала пушкинские стихотворения: «Кто знает край, где небо блещет...» было написано в 1827 году и в его рукописи нет подобного рисунка. Л. А. Краваль же говорит о рукописи стихотворения «Кто видел край, где роскошью природы...», написанного в апреле 1821 года в Бессарабии. Приводя объяснение рисунка А. М. Эфросом как вариант «Сусанны в купальне», Л. А. Краваль создает гипотезу о самоубийстве оклеветанной Жозефины, хотя остается не вполне ясным, кому и зачем понадобилось клеветать на юную барышню, мирно проживавшую со своими горячо любящими названными родителями вдали от соблазнов и опасностей большого света?

Однако атрибуция А. М. Эфроса вызывает сомнение. Источник рисунка не обнаружен. В зарисовке отсутствуют похотливые старцы. Кроме того, изображения Сусанны обычно эмоциональны и динамичны — они передают женскую растерянность, стыд, оскорбление, страх насилия. Зарисовка Пушкина — это, скорее, спокойно отдыхающая Вирсавия. (Действительно, Л. А. Краваль умолчала о том, что есть и другая интерпретация пушкинского рисунка, — Т. Г. Цявловская увидела в нем изображение Вирсавии, хотя и ее гипотеза безупречна.) Как и А. М. Эфрос, она не определила источник рисунка и в качестве примера интерпретации образа привела (с большим знаком вопроса!) «Вирсавию» К. Брюллова. Пример действительно не совсем удачен, так как эта картина датируется 1832 годом. Но можно указать на другие сходные интерпретации (ни в коем случае не считая их прототипами пушкинского рисунка!), например на «Вирсавию» Генриха-Фридриха Фюгера (1744–1810), находящуюся в Будапештском музее изящных искусств. Заметим также, что источник может быть не обязательно живописным, но, скорее всего, гравюрой или даже скульптурой. Более того, с равной степенью вероятности пушкинский

рисунок может изображать сидящую нимфу, покинутую Ариадну, Калипсо, и т. д. Содержание стихотворения «Кто видел край...» не вызывает никаких ассоциаций с Сусанной и не имеет никаких библейских ассоциаций.

Мемуары Теппера содержат более реалистичную информацию. Из них мы узнаем, что путешествие, начавшееся в Любеке летом 1819 года, было медленным и очень трудным из-за прогрессирующей тяжелой болезни Жанны-Генриетты. Не раз пришлось консультироваться с врачами и менять свои планы. Надолго задержались в Гамбурге и Бадене, и юная «названная дочь Жозефина чувствовала себя в заключении вместо наслаждения обещанными радостями». К лету 1820 года они добрались до Парижа, где здоровье Жанны-Генриетты заметно улучшилось, и «Жозефина наконец могла выйти из печального затворничества, на которое ее обрекла эта долгая болезнь. Юность нуждается в развлечениях. Было бы жестоко, находясь в их центре, отказать в них семнадцатилетней барышне. В этом возрасте — все нравится, все в новинку, все становится наслаждением, а невинность удовлетворяется очень малым. Мы были счастливы видеть радость этого милого ребенка, ведь никогда не любишь больше объекты своей привязанности, чем когда находишь способ доставить им радость».

Видя, что жена чувствует себя хорошо, Теппер предпринял поездку в Верхний Эльзас, чтобы навестить там своего племянника, и провел у него в гостях две недели.

Вернувшись в Париж, я нашел жену в хорошем состоянии здоровья. Но я заметил перемену в настроении нашей приемной дочери Жозефины, которая тем более удивила меня, что я не мог понять ее причины. По природе она была веселой, более расположенной к беззаботности, чем к размышлениям. Откуда же могла вдруг появиться эта мечтательность, сосредоточенность, склонность к меланхолии? Она совершенно отвернулась от всего, что совсем недавно делало ее счастливой, не имела больше расположения ни к чему, и ее наставники, которые недавно не находили достаточно слов, хваля ее усердие и прилежание, увидели ее равнодушной и невнимательной. Я сам, по ее просьбе, начал с ней курс современной истории. Этот предмет привлек ее настолько, что она занималась сама, делала выписки из книг, которые служили нам руководством, и часто по несколько раз в день просила меня повторять наши чтения.

После моего возвращения мы возобновили занятия, но отсутствие ее интереса и постоянное рассеяние, что было так не похоже на нее, заставили меня прекратить занятия. Если бы любовь была причиной, я мог бы это объяснить, и, может быть, мы нашли бы недурное лекарство; более того, у нас было на примете несколько партий, которые мы могли бы представить ей и не противоречить ее склонностям, при условии, что они соответствуют правилам чести и приличия; но мы имели все причины убедиться, что это не так. Наше общество было многочисленно, но состояло почти исключительно из женщин. Единственный мужчина, который постоянно приходил к нам, был нашим близким другом, которому она приглянулась, и она хорошо знала, что мы не препятствовали чувствам, которые он мог бы вызвать, и мы были бы первыми, готовыми отдать ему ее руку, так как были уверены, что с ним она найдет счастье.

Зная ее природу, я объяснил ее состояние физическими причинами, и моя жена согласилась со мной; поэтому мы полагали, что ей помогут отдых, физические упражнения, диета, а особенно перемена воздуха и занятий, которые обычно связываются с началом летнего сезона; все эти предположения были очень далеки от того, чтобы предвидеть ужасный удар, ожидающий нас.

Между тем мы поменяли наше жилище, думая, что наше прежнее не очень подходит для зимы. Вскоре после этого мы были приятно удивлены появлением брата Жозефины, молодого барона Вельо, капитана конногвардейского полка, который приехал из Петербурга с миссией. Это произвело в его сестре чувство, которое я тоже не мог понять, но которое походило скорее на оцепенение, чем на радость; хотя мы знали, что она нежно любила своего брата. Он был не меньше нас потрясен изменениями, произошедшими в молодой особе. Он воспользовался моментом, когда мы были в отсутствии, чтобы умолять ее открыться ему, но она отвечала упрямым молчанием, таким же, как и на расспросы моей жены. Это поведение, к которому добавились несколько оброненных ею слов, могло быть объяснено только умственным расстройством. Скоро мы получили тому кровавое доказательство! Однажды утром мы вместе с ее братом затеяли пойти на прогулку!.. У меня нет сил продолжать, тьма навсегда покрыла эту ужасную катастрофу! Моя память не в силах с ней справиться!.. Это навсегда положило конец нашему семейному счастью...

Надо признать, что эта часть мемуаров Теппера не столь информативна, как хотелось бы исследователям, и в приведенном контексте смерть Жозефины похожа на самоубийство. Но все же из него следует, что Жозефину отнюдь не преследовала никакая клевета, что названные родители заметили изменение настроения и поведения дочери, но не поняли его причин; что в это время с ними был брат Жозефины, молодой барон Вельо (капитан Конногвардейского полка, а отнюдь не плац-майор Царского Села!), который тоже не смог узнать, что же происходит с его сестрой. Опубликованные в «Русской старине» в 1913 году фрагменты записок Осипа Осиповича Вельо не включают рассказа о его детстве и юности и начинаются с февраля 1821 года. Поэтому действительные причины и обстоятельства смерти девушки остаются неясными. В любом случае, не располагая никакими дополнительными документальными данными, окончательные выводы делать рано. Можем только сказать, что смерть Жозефины не имеет никакого отношения ни к Пушкину, ни к царю, и дальнейшие объяснения следует искать не в Петербурге, а в Париже. Добавим еще, что самоубийства обычно совершаются в одиночку, а на глазах родителей и брата...

Рассматривая различные фрагменты пушкинских стихотворений, содержащих упоминания о расставаниях любовников и изображения могильных крестов, Краваль строит гипотезу о времени гибели Жозефины и приходит к дате 23 ноября 1819 года. К сожалению, эта дата тоже неверна. До сих пор на основании парижской записки Кюхельбекера от 19/7 апреля 1821 года смерть девушки датировалась «ок. 1820 года» (и эта датировка была точнее, чем все построения Л. А. Краваль). Мемуары уточняют, что Жозефина погибла в октябре 1820 года, хотя не называют точного дня. Теппер и Жанна-Генриетта покинули Париж только в мае 1821 года, поэтому о смерти Жозефины Кюхельбекер мог узнать от них самих.

Стоит еще задаться вопросом: да знал ли вообще Пушкин о смерти Жозефины Вельо? И если знал, то когда могло достигнуть его это известие?

Совершенно ясно, что Тепперы написали Софье Ивановне Вельо о гибели ее дочери, и письмо должно было прибыть в Петербург в ноябре 1820 года. Нет сомнений, что о печальном событии сообщили и Е. А. Энгельгардту, так как Теппер называет его своим самым близким и лучшим другом, и они явно состояли

в переписке. Подробности трагедии привез в Петербург Осип Вельо, вернувшийся на родину в июне 1821 года. Но Пушкин покинул Петербург годом раньше, в мае 1820 года. Возвращение Теппера в Петербург и его окончательный отъезд в мае 1824 года произошли в отсутствие Пушкина. В переписке поэта за шесть лет его ссылки нет никаких намеков на то, что кто-либо сообщил ему о смерти Жозефины. Он не переписывался с Е. А. Энгельгардтом; нет сведений о его общении с Осипом Вельо и другими членами этой семьи. Наиболее вероятным представляется, что он мог узнать об этом от Дельвига или Пущина, навесивших его в Михайловском в 1825 году (а те, в свою очередь, от Е. А. Энгельгардта или В. К. Кюхельбекера по его возвращении из Парижа в 1821 году), но ни тот, ни другой не оставили об этом никаких свидетельств.

В. М. Есипов в своей статье «Все в жертву памяти твоей...», полностью базирующейся на публикации Л. А. Краваль и повторяющей все ее ошибки, не только развил ее гипотезу, но даже связал с Жозефиной и ее гибелью пушкинский план повести о «Влюбленном бесе» (1821–1823), действие которой, по замыслу Пушкина, происходит в 1811 году в Москве. Рискнув подставить на место предполагавшихся персонажей реальные лица, В. М. Есипов получил следующую картину: «старуха» — вдова Софья Ивановна Вельо, «невинная» дочь — Жозефина, «романическая» дочь — Софья, «развратный молодой человек» — Пушкин, «влюбленный бес» — Александр Первый. Стоит ли говорить, что семья Вельо жила в Петербурге, а не в Москве; что в плане отсутствуют еще одна сестра и брат; что Жозефина не жила вместе со своей родной семьей; что в 1811 году ей было девять лет, а Пушкину — двенадцать, поэтому вряд ли они могут быть узнаны в невинной дочери и развратном молодом человеке; что московская «старуха» никак не ассоциируется с сорокалетней вдовой петербургского банкира; и что не было абсолютно никаких связей между императором Александром и девочкой-подростком Жозефиной Вельо. Кроме того, как мы уже видели, у нас пока даже нет доказательств, что в 1821–1823 годах Пушкин знал о ее смерти.

Подводя итоги, скажем, что вместо создания параллельной, фантастической биографии Пушкина было бы куда важнее заняться разысканиями полного текста записок Осипа Осиповича Вельо, так как именно там можно найти недостающие подробности юности сестер Вельо и особенно описание обстоятельств смерти Жозефины, при которой Осип Вельо присутствовал⁴⁵. Не могут ли быть обнаружены новые подробности в бумагах семей из окружения Тепперов — Вельо — Севериных? Добавим еще, что из записок Теппера следует, что в доме Вельо в Царском Селе находился портрет Жозефины. Принимая во внимание, что в 1813 году О. Кипренский написал известные нам портреты царсосельских девочек Натальи Кочубей (ВМП) и Софьи Вельо (частное собрание), можно предположить, чтобы был и автором портрета Жозефины, поиск которого может оказаться перспективным. Но вместо долгой, трудной и кропотливой работы Л. А. Краваль и В. М. Есипов предпочли создать захватывающую легенду, которая действительно может взволновать воображение неподготовленного читателя. К сожалению, эта легенда строится на плохо понятых, неверно процитированных или даже подтасованных источниках и легко опровергается имеющимися документальными данными. Л. А. Краваль заканчивает свою статью стихотворением Пушкина «Все в жертву памяти твоей...» и вопросом: «Что

же, значит, эти стихи “адресованы” Жозефине Вельо?» На этот вопрос есть только один ответ: нет, не значит.

Примечания

- ¹ Современник. 1863. Т. 97. № 8. Отд. I.
- ² Летопись жизни и творчества Пушкина / сост. М. А. Цявловский. М., 1951. С. 105.
- ³ Плетнев говорит о занятиях его дочери Ольги с учителем французского языка Луи-Эдмонтом Николаевичем Помье.
- ⁴ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 2. С. 693.
- ⁵ Стихотворение входит в рукописное «Собрание лицейских стихотворений». Впервые напечатано в «Русской старине» (1884. Кн. XII. С. 576). Датируется 1814–1816 гг.
- ⁶ Цит. по: *Грот Я. К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1887. С. 268, 276.
- ⁷ *Краваль Л. А.* Сестры Вельо // Московский пушкинист. 1995. № 1.
- ⁸ *Есипов В. М.* «Все в жертву памяти твоей...» // Новый мир. 2008. № 5.
- ⁹ URL: <http://www.kozma.ru/library/classics/pushkin/epigrams.htm>
- ¹⁰ URL: <http://tsarselo.ru/content/21/yenciklopedija-carskogo-sela>
- ¹¹ URL: <http://scorpisce.livejournal.com/18047.html>
- ¹² URL: <http://swann74.livejournal.com/7356.html>
- ¹³ Мемуары на французском языке охватывают 1768–1824 гг. Они находятся во Франции, в семье потомков старшего брата Людвиг-Теппера де Фергюсона. На время написания статьи их откомментированный перевод на русский язык готовится к печати в Санкт-Петербургском издательстве «Дмитрий Буланин». В настоящей статье цитируется по рукописи.
- ¹⁴ *De Sa V., Pereira G. M.* De Porto ao Baltico, 1780 // URL: <http://ler.letras.up.pt/uploads/ficheiros/2217.pdf>
- ¹⁵ Autos de Justificação de Nobreza de Jose Pedro Celestino Velho, 1781. Arquivo Nacional Torre do Tombo // URL: <http://digitarq.dgarq.gov.pt/details?id=4678111>
- ¹⁶ Россия в библиотеке Королевского дворца Мафры/ A Russia na Biblioteca do Paco Real de Mafra. Лиссабон, 2008. С. 20–21.
- ¹⁷ *De Sa V., Pereira G. M.* De Porto ao Baltico, 1780.
- ¹⁸ *Ананьич Б. В.* Банкирские дома в России. 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991. URL: <http://bibliotekar.ru/bank-11/2.htm>
- ¹⁹ *Tooke W.* View of Russian Empire during the reign of Catherine II. Vol. 3. P. 529, 532.
- ²⁰ *Amburger E.* Deutsche in Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Rußlands. Wiesbaden, 1986. S. 124; Справочник Л. Черейского «Пушкин и его окружение» неверно указывает даты жизни Иоганна-Арнольда Северина и не упоминает его сыновей.
- ²¹ *Tooke W.* Op. cit. P. 524–529.
- ²² *Amburger E.* Op. cit. S. 124.
- ²³ *Bulgarin's Memoiren.* Iena, 1859. Bd. 3. S. 180.
- ²⁴ *Schubert F. von.* Unter dem Doppeladler. Stuttgart, 1962. S. 81.
- ²⁵ *Amburger E.* Eric-Amburger Datenbank: Auslander in vorrevolutionaren Russland // URL: <http://88.217.241.77/amburger/tabellen/S.htm>
- ²⁶ *Schubert F. von.* Op. cit. S. 79.
- ²⁷ Церковь находилась на Большой Конюшенной улице (ныне дом 25). Преподобный De la Souza's из Женевы был пастором этой церкви с 1798 по 1821 г.
- ²⁸ На самом деле у Вельо было еще два сына, умерших в младенчестве: Эмануэль (1797–1798) и Карл (1798–1801) // База данных Эрика Амбургера. URL: <http://88.217.241.77/amburger/index>.
- ²⁹ Селестина Осиповна Вельо (1794?–1883), в замужестве Каульбарс. База данных Эрика Амбургера (<http://88.217.241.77/amburger/index.php?id=91767>) дает дату ее рождения как 11.05.1796, что противоречит сообщению Теппера о том, что в момент отъезда за границу (лето 1804 г.) одной сестре (Селестине) шел десятый, а другой — двенадцатый год.
- ³⁰ *Грот Я. К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. С. 319.
- ³¹ *Schubert F. von.* Op. cit. S. 81.
- ³² Ibid.

³³ Женой Андрея Ивановича Северина была Луиза, урожденная Бахерахт. См. базу данных Эрика Амбургера.

³⁴ *Тимирязев В.* Иностранцы о России. Отношения Александра I к Марии Антоновне Нарышкиной // Исторический вестник. 1908. Т. 112. С. 1105–1116.

³⁵ *Чарторижский А.* Мемуары // <http://dugward.ru/library/chartorigsky.html>.

³⁶ *Тимирязев В.* Указ. соч.

³⁷ *Amburger E.* Op. cit. S. 124.

³⁸ Цит. по: Жизнь Пушкина, рассказанная им самим. М., 1987. Т. 1. С. 198.

³⁹ Из записок И. И. Вельо видно, что когда в июне 1821 г. он навещал свою мать в Царском Селе, Софья еще не была замужем. Из тех же записок следует, что осенью 1824 г. у него жил Г[еоргий]. М. Ребиндер, но Вельо называет его по имени и отчеству, никак не обозначая, что это брат его шурина (*Вельо И. И.* Записки // Русская старина. 1913. Т. 156. Ноябрь. С. 430, 435).

⁴⁰ Копия этого портрета имеется в Шебекинском историко-художественном музее. При отсутствии доступа к оригиналу Л. А. Краваль могла бы основать свои атрибуции хотя бы на этой копии, но этого не было сделано.

⁴¹ *Краваль Л. А.* Сестры Вельо. С. 187.

⁴² Русская старина. 1875. Т. XIII. № 7. С. 374.

⁴³ Около 9 сентября 1830 г., Болдино // ПД РО. Ф. 997, л. 33 об.

⁴⁴ «Кто видел край...» (II, 612–613). Апрель 1821, Кишинев // ПД РО. Ф. 831, л. 26.

⁴⁵ *Гаврилин Р. А.* «Записки барона Вельо»: история текста и перспективы изучения // Доклад на 11-й науч. межвуз. конференции аспирантов и студентов, посв. 300-летию взятия Выборга войсками Петра I и 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. 27–28 апреля 2010 г. Выборг, 2010.

ПУШКИНСКИЕ МЕСТА РОССИИ

Е. Г. Статкина

МАНДЕЛЬШТАМ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

В богатой литературной летописи Царского Села поэты Серебряного века занимают особое место. И. Ф. Анненский,

А. А. Ахматова, Н. С. Гумилев, В. А. Комаровский — эти и многие другие имена, возвращаемые в последние десятилетия русской истории (а, следовательно, и истории Царского Села), свидетельствуют, сколь значительным было явление новой поэзии — прямой продолжательницы Золотого века литературы.

Символической фигурой этого периода стала и личность О. Э. Мандельштама, тесно связанного с Царским Селом (позже Детским Селом) и Павловском в разные периоды своей жизни. Известно высказывание А. А. Ахматовой: «Вообще же темы “Мандельштам в Царском Селе” нет и не должно быть. Это был корм для него»¹.

Еще не умер ты. Еще ты не один,
Покуда с нищенкой-подругой
Ты наслаждаешься величием равнин
И мглой, и холодом, и вьюгой.
В роскошной бедности, в могучей нищете
Живи спокоен и утешен —
Благословенны дни и ночи те,
И сладкогласный труд безгрешен.
Несчастлив тот, кого, как тень его,
Пугает лай и ветер косит,
И жалок тот, кто сам полуживой,
У тени милостыни просит².
1937

Осип Эмильевич Мандельштам родился в Варшаве 3 (15) января 1891 года. Он был первенцем в семье кожевника Эмилия Вениаминовича Мандельштама и Флоры Осиповны, урожд. Вербловской. На следующий год после рождения сына Мандельштамы перебираются из Варшавы в Павловск, где будущий поэт провел свое раннее детство (с 1892 по 1897 г.). Он был младше Ахматовой всего на 2 года, Гумилева — на 5 лет. По странному стечению обстоятельств или по удивительному сценарию, разыгранному судьбой, эти трое современников, ставшие впоследствии знаменитыми, появились в здешних местах почти в одно и то же время (в 1887 г. семья Гумилевых переезжает в Царское Село из Кронштадта; в 1891 г. родители

Ани Горенко покидают юг и обосновываются на севере: сначала в Павловске, потом — в Царском Селе).

Павловско-царкосельское детство — первое связующее звено в биографии Ахматовой, Гумилева и Мандельштама («Мои первые воспоминания — царкосельские» (с. 267) — Ахматова; «Во сне, не странно ли? — я постоянно вижу себя ребенком... Хорошо тоже вспоминать свое детство вслух» — Гумилев. «Еще раз оглядываюсь на Павловск и обхожу по утрам дорожки и паркетные вокзала...» (2, 8) — Мандельштам).

Расположенные «впритык» друг к другу, эти два города рождали ощущение единого пространства, разделенного (топографически) железной дорогой и (психологически) разным их восприятием. Для Ахматовой Павловск всегда был «праздником», а Царское Село — «буднями, потому что дом». Безусловно, как Аня Горенко в детстве посещала Павловск, так и Осип Мандельштам бывал в Царском Селе; свидетельством тому служит фотография 1890-х годов, сделанная в фотоателье Царского Села (на ней маленький Мандельштам со своим братом). Воспоминаниям о Павловске тех лет посвящена глава «Музыка в Павловске» в эссе поэта «Шум времени»:

«Я хорошо помню глухие годы России — девяностые годы, их медленное сползание, их болезненное спокойствие, их глубокий провинциализм — тихую заводь: последнее убежище умирающего века... В двух словах — в чем девяностые года — буфы дамских рукавов и музыка в Павловске; шары дамских буфов и все прочее вращается вокруг стеклянного Павловского вокзала... В середине девяностых годов в Павловск, как в некий Элизий, стремился весь Петербург. Свистки паровозов и железнодорожные звонки мешались с патриотической какофонией увертюры двенадцатого года, и особый запах стоял в огромном вокзале, где царили Чайковский и Рубинштейн. Сыроватый запах заплесневелых парков, запах гниющих парников и оранжерейных роз и навстречу ему — тяжелые испарения буфета, едкая сигара, вокзальная гарь и косметика многотысячной толпы» (2, 6–7). («Запахи Павловского вокзала, которые преследуют меня всю жизнь», — вторит ему Ахматова, с. 165). «...Вышло так, что мы сделали Павловскими зимогорами, то есть круглый год жили на зимней даче в старушечьем городе, в Российском полу-Версале, городе дворцовых лакеев, действительных статских вдов, рыжих приставов, чахоточных педагогов (жить в Павловске считалось здоровее) и взяточников, скопивших на дачу — особняк» (2, 71). Книга «Шум времени» вышла в издательстве с созвучным названием «Время» в апреле 1925 года, когда поэт жил поблизости от Павловска, в Детском Селе. За это произведение Анна Ахматова назвала Мандельштама «последним бытописателем Петербурга — точным, ярким, беспристрастным, неповторимым». Употребленное поэтом слово «зимогор» ныне совершенно исчезло из нашего обихода. Оно означало тех, кто оставался зимовать вне Петербурга.

В 1897 году Мандельштамы переселяются в северную столицу, в город, который Осип Эмильевич тогда считал «чем-то священным и праздничным» (2, 9). Ведь Павловск, бывший для Ахматовой праздником, для него — как для нее Царское Село — оставался будничным домом.

Через два года после переезда в Петербург Мандельштам поступил в первый класс общеобразовательной школы кн. Тенишевой, преобразованной вскоре в Тенишевское коммерческое училище. По воспоминаниям поэта, в этом вполне при-

вилегированном учебном заведении «были хорошие мальчики. Из того же мяса, из той же кости, что дети на портретах Серова. Маленькие аскеты, монахи в детском своем монастыре, где в тетрадках, приборах, стеклянных колбочках и немецких книжках больше духовности и внутреннего строя, чем в жизни взрослых» (2, 28). Именно в эти годы Мандельштам начинает писать стихи, публикуя их в училищном журнале. Но не только творчество увлекает его. На короткий период им овладевает стихия революционных идей, сначала марксистских, потом — эсеровских.

В 1907 году, после окончания Тенишевского училища, родители отправляют его в Париж, где он записывается на факультет словесности Сорбонского университета и где занимается с Николаем Гумилевым, своим «соседом по детству», который после выпуска в 1906 году из Царкосельской Николаевской гимназии пребывал в Париже. После возвращения в Россию в 1908 году Мандельштам (как будто бы впрок) много путешествует — ездит в Швейцарию, открывает для себя Италию, живет в Финляндии. В Финляндию его всегда тянуло. В 1908 году он писал своей матери из Парижа: «...маленькая аномалия: тоску по родине я испытываю не о России, а о Финляндии» (2, 391). Свое отношение к ней он выразил и в «Шуме времени»: «Я всегда смутно чувствовал особое значение Финляндии для Петербуржца, и что сюда ездили додумать то, чего нельзя было додумать в Петербурге, нахлобучив по самые брови низкое снежное небо и засыпая в маленьких гостиницах, где вода в кувшинах ледяная...» (2, 17).

В 1909 году поэт некоторое время провел вместе со своими родителями в Царском Селе. Именно тогда он посетил И. Ф. Анненского, по должности — инспектора Петербургского учебного округа, по призванию — Поэта, проживавшего на Захарьевской улице, в доме Панпушко. В этом благословенном для Анненского и в то же время трагическом году (он не перешагнул рубеж года, умер 30 ноября), многие побывали в последней обители «последнего из царкосельских лебедей»: А. Блок, М. Волошин, М. Кузмин, С. Маковский, Г. Иванов, Н. Оцуп, Н. Гумилев, А. Ахматова, Г. Адамович... Для некоторых (в том числе и для Мандельштама) это была единственная возможность близко пообщаться с Иннокентием Федоровичем. Мандельштам приехал к Анненскому на велосипеде (велосипед в то же время — мечта многих). Впоследствии он назвал свой поступок «мальчишеским хамством» (его жену это определение сильно удивило)³. Но видимо, Осип Эмильевич расценил свой приезд на велосипеде (а не приход пешком) как некое неоправданное, неприемлемое пижонство.

Памяти И. Ф. Анненского посвятил Мандельштам свою речь на заседании общества ревнителей художественного слова 3 декабря 1911 года (через два года после смерти поэта). В «Записных книжках» А. Ахматовой отмечено: «С Осипом я говорила об Анненском с неизменным пиететом». Одно из стихотворений О. Э. Мандельштама 1909 года удивительно созвучно судьбе Анненского:

Довольно лукавить: я знаю,
Что мне суждено умереть,
И я ничего не скрываю;
От Музы мне тайн не иметь...

И странно, мне любо сознание,
Что я не умею дышать,

Туманное очарованье
И таинство есть — умирать.

И в зыбке качаюсь дремотно,
И мудро безмолвствую я:
Решается бесповоротно
Грядущая вечность моя! (1, 263)

Литературный дебют Мандельштама состоялся 18 августа 1910 года в журнале «Аполлон», учрежденном в 1909 году С. К. Маковским, к деятельности которого был — при содействии Н. С. Гумилева — привлечен И. Ф. Анненский. Среди них: «Я так же беден, как природа...», «Из омута злого и вязкого...», «Мне стало страшно жизнь отжить...»

С Ахматовой Мандельштам познакомился в марте 1911 года. Их первая встреча произошла на знаменитой «Башне» Вячеслава Иванова. Ахматова запомнила его «худощавым мальчиком с ландышем в петлице, с высоко закинутой головой, с ресницами в полщеки» (с. 152). По ее словам, он был одним из самых блестящих собеседников, слушал не самого себя, как это делают многие. «В беседе был учтив, находчив, бесконечно разнообразен» (с. 151), никогда не повторялся. Ему легко давались языки, и он читал наизусть по-итальянски «Божественную комедию». О стихах говорил «ослепительно пристрастно и иногда бывал чудовищно несправедлив» (с. 151). Музыка была ему особенно близка («В музыке Осип был дома» — с. 151). Ахматова отмечала также его невероятную смешливость. Они часто смешили друг друга до такой степени, что падали на диван и хохотали до обморочного состояния (эту особенность Мандельштама подчеркивал и Георгий Иванов: «Мандельштам — самое смешливое существо на свете»)⁴.

В конце того же 1911 года Мандельштам впервые пришел на заседание «Цеха поэтов», происходившее у Гумилева в Царском Селе, в доме на Малой улице. С этого дня, по мнению Ахматовой, он стал играть в «Цехе» роль «первой скрипки». Г. Адамович приводит ее слова, сказанные после одного из заседаний цеха об Осипе Эмильевиче: «Сидит человек десять-двенадцать, читают стихи, то хорошие, то заурядные, внимание рассеивается... и вдруг какой-то лебедь взлетает над всеми»⁵, — читает:

О небо, небо, ты мне будешь снится!
Не может быть, чтоб ты совсем ослепло,
И день сгорел, как белая страница:
Немного дыма и немного пепла...

В 1912 году он поступает на филологический факультет Петербургского университета, предварительно пройдя обряд крещения: из иудаизма переходит в христианство (выбирает, правда, не православие, а методистско-епископскую церковь). Параллельно с университетскими занятиями посещает «Бродячую собаку». Именно в этом году Мандельштам создает единственное (но какое!) в своем творчестве произведение, посвященное Царскому Селу:

Поедем в Царское Село!
Свободны, ветрены и пьяны

Там улыбаются уланы,
Вскочив на крепкое седло...
Поедем в Царское Село!

Ахматова сразу заметила одну неточность, небрежность или, как она выразилась, «подчеркнутое невнимание» к городу в строке — «Там улыбаются уланы». «В Царском сроду уланов не было» (с. 162). Мандельштам исправил ошибку, создав более соответствующий истинному положению вещей вариант:

Там улыбаются мешанки,
Когда гусары после пьянки
Взлетают в крепкое седло.

Но этот стих не прижился. А никогда не существовавшие в Царском Селе уланы по воле поэта напрочь вросли в ткань стихотворения.

Одноэтажные дома,
Где однодумы генералы
Свой коротают век усталый,
Читая «Ниву» и Дюма...
Особняки — а не дома!

Одним из детскосельских адресов Мандельштама в 1920-е годы станет здание Лицея, которое находится совсем рядом с дворцовым плацем, где и можно было услышать «здравия раскатать» в ответ на императорское приветствие своим бравым дружинам.

Свист паровоза... Едет князь.
В стеклянном павильоне свита!..
И, саблю волоча сердито,
Выходит офицер кичась, —
Не сомневаюсь — это князь...

И возвращается домой,
Конечно, в царство этикета,
Внушая тайный страх, карета
С мощами фрейлины седой,
Что возвращается домой (1, 81–82)

Ликующий мандельштамовский призыв «Поедем в Царское Село» вошел в наше сознание наравне со словами Пушкина: «Отечество нам Царское Село!» и Анненского: «Скажите: Царское Село... И улыбнемся мы сквозь слезы».

Но отношение Мандельштама к этому городу имело свою специфику: «подчеркнутое невнимание», по Ахматовой. Для нее самой это был город ее детства, «прохладная детская молодого века», где навсегда осталась бродить одинокая и ищущая ее тень. В 1920-е годы Царское Село стало стремительно уходить в небытие. Родной, отчий дом превращался в пепелище. Мандельштам же обитал как

будто совсем в иных сферах, очень далеких от Царского Села. И все-таки связь с Царским Селом присутствует в его жизни: через «царскосельскую музу» Ахматову и *Genio loci* А. С. Пушкина.

Как все поэты, Мандельштам был провидцем. В 1913 году на Царскосельском вокзале он прочтет четверостишие, поразившись увиденному вдруг «странному лицу» Ахматовой:

Черты лица искажены
Какой-то старческой улыбкой.
Кто скажет, что гитане гибкой
Все муки ада суждены (1, 288).

И как продолжение этих строк звучит другое посвященное ей стихотворение:

Как Черный ангел на снегу
Ты показалась мне сегодня,
И утаить я не могу, —
Есть на тебе печать Господня.
Такая странная печать —
Как бы дарованная свыше,
Что, кажется, в церковной нише
Тебе назначено стоять.
Пускай нездешняя любовь
С любовью здешней будут слиты,
Пускай бушующая кровь
Не перейдет в твои ланиты,
И пышный мрамор оттенит
Всю призрачность твоих лохмотий,
Всю наготу нежнейшей плоти,
Но не краснеющих ланит (1, 288).
1913 <1914?>

Об этом стихотворении и о том, что оно посвящено ей, Ахматова узнала уже после смерти поэта.

Летом 1915 года Мандельштам впервые приезжает в Коктебель к М. Волошину, где знакомится с 12-летней Ольгой Ваксель, которую тогда едва запомнил и которой через несколько лет суждено будет вписать в жизнь поэта несколько роковых страниц. Ольга Александровна Ваксель (1903–1932) детские годы провела в Царском Селе. Стихи начала писать с 10-летнего возраста, но никому их не показывала и не публиковала. Ее прадедом был Алексей Львов, директор Певческой капеллы, автор гимна «Боже, Царя храни...». Гумилева она называла «кузеном», поскольку он тоже происходил из рода Львовых. Во время Первой Мировой войны ее мать работала сестрой милосердия в Царскосельском лазарете, и Ольга помогала ей ухаживать за ранеными. Вторично проживая здесь в 1923 году, она так обрисовала облик любимого города:

Деревья срублены, разрушены дома,
По улицам ковер травы зеленой!

Вот бедный городок,
Где стала я влюбленной,
Где я в себе изверилась сама.
Вот грустный город — сад,
Где много лет спустя
Еще увижусь я с тобой, не разлюбившим,
Собою поделюсь я с городом отжившим,
Здесь за руку ведя беспечное дитя.
И, может быть, за этим белым зданьем
Мы встретим призрачную девочку — меня,
Несущуюся по глухим камням
На никогда не бывшие свиданья⁶.

По воспоминаниям сына Ваксель, «в это время она превратилась в гармонично-красивую женщину, очаровывала и поэтичностью, и одухотворенностью облика, естественностью и простотой общения...»⁷.

Ее брак с преподавателем математики А. Ф. Смольевским оказался неудачным и вскоре после рождения сына был расторгнут. Поработав кинообозревателем газеты «Ленинградская правда», табельщицей на стройке, корректором в издательстве, манекенщицей на пушных аукционах, официанткой в гостинице, в 1924 году она поступила в студию ФЭКС Григория Козинцева и Леонида Траубега, но и там пробыла недолго.

В середине января 1925 года О. Мандельштам встретил Ольгу Ваксель в Ленинграде; к тому времени он был уже женатым человеком (со своей женой, Надеждой Яковлевной, познакомился еще в 1919 году). В жизни Осипа Эмильевича было несколько сильных увлечений. Каждое из них охватывало его как пожар, он буквально сгорал в своей влюбленности, но только одно из них своими сюжетными ходами так тесно переплелось с нашим городом и, в отличие от других, видимо, оставило незаживающий рубец на сердце (из пяти стихотворений, посвященных Ольге Ваксель, два написаны после получения известия о ее смерти). По словам сына Ольги Ваксель, Мандельштам «был буквально ослеплен»⁸ ею. Ольга стала причиной одной из самых тяжелых семейных драм четы Мандельштамов. Надежда Яковлевна, несмотря на уязвленность, тем не менее считала, что «в Ольге много прелести, которую, даже я, обиженная, не могла не замечать, — девочка, заблудившаяся в страшном, одичавшем городе, красивая, беспомощная, беззащитная...»⁹. Казалось, что набирающий обороты роман принимает необратимый ход. Однако как только возникла угроза потерять Надежду Яковлевну (она решила положить этому конец и уйти из семьи), Мандельштам молниеносно порвал с Ваксель, а жену перевез в Детское Село.

В марте 1925 года Мандельштамы поселились в «маленьком пансиончике» на углу Московской и Дворцовой улиц Детского Села в так называемом пансионе Зайцева (в следующем году этот частный пансион прекратил свое существование). Владелец пансионата был прекрасным поваром. Он готовил своим постояльцам на крошечных сковородках удивительные котлеты, блинчики, телячьи отбивные, поэтому, когда отлучался (он ежедневно ездил в Ленинград к фининспектору), возвращения хозяина ждали с нетерпением.

Первые дни пребывания в пансионате протекали у Мандельштамов очень напряженно, ведь Осип Эмильевич почти насильно увез жену из ленинградской квартиры подальше от бушевавших там страстей, в разгар которых у Надежды Яковлевны началось сильное обострение туберкулеза. Нужно было время, чтобы залечить душевные раны и преодолеть телесные недуги. Тихое пристанище в Детском Селе Мандельштам выбрал неслучайно. Как он сам утверждал, «петербуржцы ездил объясняться в Финляндию, теперь Финляндии нет, приходится довольствоваться Царским»¹⁰. «Объяснение по-финляндски» между Мандельштамом и его женой происходило всю ночь после их переезда в Детское Село. Наутро оказалось, что невольной свидетельницей их бурного выяснения отношений стала Мариэтта Шагинян, которая проживала в соседней комнате, за тоненькой перегородкой. Их спасло только то обстоятельство, что она была «глуха как тетерев». Однако, нанеся на следующее утро визит чете, Шанинян, видимо, заподозрила что-то неладное и привела к Надежде Яковлевне знакомого врача.

В тот же день произошло еще одно знаменательное событие: к сестре Мандельштама из Ленинграда приехал Николай Пунин. Он искал жилище для А. А. Ахматовой, у которой тоже началось весеннее обострение туберкулеза. У Пунина возникла идея поселить Анну Андреевну в пансионате Зайцева (как известно, «царскосельский воздух» благотворно влиял не только на процесс творчества, но и поднимал на ноги больных и ослабленных болезнью людей). Правда, у Мандельштама возникли большие сомнения по поводу возможного приезда Ахматовой в этот пансионат: он прекрасно был осведомлен о присущем ей свойстве «ускользать от друзей». На этот раз прогнозы не сбылись: Ахматова не только приехала в Детское Село, но и каким-то чудесным образом (может быть, просто фактом своего присутствия) свела «на нет» семейный конфликт Мандельштамов. Никаких советов она не давала, а только выслушивала, сочувствовала и вздыхала. И этого оказалось вполне достаточно. К тому времени Надежда Яковлевна и Анна Андреевна были еще мало знакомы. Именно здесь, в Детском Селе, заложились основа их дружбы, которую они пронесли через всю жизнь и все испытания последних лет. Все это произошло, по воспоминаниям Н. Я. Мандельштам, «на террасе пансиончика, где мы лежали, закутанные в меховые полушубки, дыша целебным воздухом. Он действительно оказался целебным, раз мы обе выжили... Терраса еще была завалена сугробами подтаявшего снега, но солнце уже грело сквозь грязные стекла, на которых накапливалась пыль с 17-го года. Мы с Ахматовой непрерывно мерили температуру и радостно ждали смерти... На царскосельской террасе жизнь в нас едва теплилась. Мы обе были такие слабые, что еле передвигали шезлонги, когда к нам перебиралось солнце. Нам велели сидеть только в тени и остерегаться, даже мартовское солнце было запретом для нас, таких молодых, слабых и веселых... Мандельштам и Пунин пили вино, шутили и непрерывно дразнили нас. Мы отдразнивались...»¹¹.

В так называемой разговорной книжке Ахматовой и Пунина записано ею: «...9 апреля 1925 года Царское Село, Московская, 1. Сегодня ровно неделя, как я живу в Царском...»¹². Пунин часто навещал Ахматову («почти ежедневно»). В один из таких приездов он сфотографировал Анну Андреевну у «девушки воспе-

той» (6 мая 1925 г.). В этот период он чувствовал, что «никогда еще до такой степени не был обречен ей, как теперь, когда она в Царском». Но сама Ахматова испытывала другие чувства. Она готовилась переехать к Пунину в Фонтанный дом, он уже собирался перевезти ее вещи из Мраморного дворца. Анну Андреевну это сильно беспокоило. Ведь на Фонтанке жили жена и дочь Пунина, и ее пребывание там могло стать весьма двусмысленным. Однажды в коридоре пансионата Зайцева, она сильно напугала Мандельштама, когда, направляясь в свою комнату, вдруг неожиданно остановила его и сказала: «Не уходите — с Вами все-таки легче»¹³. Осип Эмильевич ее абсолютно не понял и очень удивился. Он посчитал, что она просто «дурит». Ведь с Пуниным все в порядке, ее ждет новая жизнь, в ее судьбе все определилось. Сама Ахматова, повествуя о своем пребывании в пансионате, об этом эпизоде нигде не упоминает. В остальном же ее описание пансионатского быта тесно перекликается с воспоминаниями Надежды Яковлевны: «... в 1925 году я жила с Мандельштамами в одном коридоре в пансионате Зайцева в Царском Селе. И Надя, и я были тяжело больны, лежали, мерили температуру и, кажется, так и не гуляли ни разу в парке, который был рядом. О. Э. каждый день уезжал в Ленинград, пытаюсь наладить работу, получить за что-то деньги. Там он прочел мне совершенно по секрету стихи к Ваксель, которые я запомнила и также по секрету записала» (с. 161–162).

Так пересеклись в пансионате Зайцева два удивительно несхожих и имеющих совершенно разные последствия любовных сюжета. Ахматова, метавшаяся в сложных отношениях с Пуниным, пыталась донести до Мандельштама всю тяжесть своего положения (без отклика), — и Мандельштам, который выбрал ее своим конфидентом (о чем не знала его жена), доверив ей свою горькую тайну и, видимо, нашел отклик. Обострение болезни Надежды Яковлевны и Анны Андреевны словно бы имело общие корни (так или иначе точкой пересечения стали бывшее Царское Село и О. Э. Мандельштам). История с Ольгой Ваксель, таким образом, имела свое продолжение в пансионате Зайцева в Детском Селе в рассказах Мандельштама своему ближайшему другу А. А. Ахматовой и его стихах:

Жизнь упала, как зарница,
Как в стакан воды ресница,
Изолгавшись на корню,
Никого я не виню... (1, 156).

.....
Есть за куколом дворцовым
И за кипеньем садовым
Заресничная страна:
Там ты будешь мне жена (1, 157).

.....
Я буду метаться по табору улицы темной
За веткой черемухи в черной рессорной карете,
За капором снега, за вечным, за мельничным шумом...

.....
Я только запомнил каштановых прядей осечки,
Придымленных горечью — нет, с муравьиной кислоткой;
От них на губах остается янтарная сухость (1, 157).

В пансионате Зайцева Мандельштамов и Ахматову навещал Павел Лукницкий. Благодаря ему осталось описание помещения, где жили Мандельштамы: «... живут в большой, светлой, белой комнате. Обстановка — мягкий диван, мягкие кресла, зеркальный шкаф; на широкой постели и круглом столе, как белые листья, — рукописи Осипа Эмильевича. Я замечаю это, а Осип Эмильевич улыбается: Да, здесь недостаток в плоскостях»¹⁴. В пансионате Мандельштам, как свидетельствовала Ахматова, диктовал Лукницкому свои воспоминания о Гумилеве.

Здесь бывали и другие посетители. К Анне Андреевне часто заходил Федор Сологуб. С Мандельштамом не общался, только скупно кивал головой. Как-то раз долго (и незаслуженно) кричал на Надежду Яковлевну, которую, видимо, принял за горничную, за якобы неисправный дверной звонок. Впрочем, оказалось, что он нажал не на ту кнопку... Но самое главное, весной 1925 года здесь произошло то, что позже сформулировала в своих воспоминаниях Н. Я. Мандельштам: «В Царском Селе на террасе частного пансиончика без слов и без объяснений был заключен наш тройственный союз и с тех пор никогда не нарушался. Я не могу сказать, что ничто его не омрачало. Правильнее выразиться так: что бы его ни омрачало, мы — все трое — оставались ему верны. Весь наш жизненный путь мы прошли вместе, сначала втроем, после смерти Мандельштама вдвоем...»¹⁵. А толчком к этой дружбе послужил один, вроде бы незначительный на первый взгляд, эпизод: к террасе, где лежали Н. Я. Мандельштам и А. А. Ахматова, подошел изможденный нищий, и они, не сговариваясь, высыпали ему то немногое, что у них было в сумочках. Им было при этом стыдно, что подаяния столь скудны, а нищий был поражен их щедростью. И в этот момент их сблизило совершенно одинаковое восприятие случившегося. Каждая подумала о своих близких, которые могли оказаться в таком же невыносимом положении. Да и сами они прекрасно знали, что такое голод и обнищание.

В последующие годы Мандельштамы еще более упрочили свои связи с Детским Селом. Осенью 1926 года они наняли квартиры на 2-м этаже бывшего здания Лицея, которое в 1844–1845 годах было перестроено архитектором Д. Ефимовым. На трех нижних этажах было устроено 30 квартир, а на четвертом — 16 номеров гостиничного типа. С того времени здание стали использовать под жилье. Эта традиция продолжилась и после революции. В 1920–1930-е годы в здании Лицея проживали известные писатели, актеры, художники, краеведы. Квартиры и комнаты сдавались в наем вместе с мебелью, оставшейся с дореволюционных времен. Из-за плохого состояния Надежды Яковлевны Мандельштамы провели в Лицее и зиму 1927 года. Несколько раз у них бывала А. А. Ахматова, и они вместе ездили кататься на лыжах. Сначала Мандельштамы намеревались поселиться в одном из полуциркулей дворца, но там дымили печки и текла крыша. Правда, и в Лицее были свои неудобства. Как вспоминала одна из современниц, жильцы «зимуют в двух огромных залах, — комнатами не назовешь, — одного из дворцов» (так она, видимо, воспринимала Лицей). «Отапливать их надо дровами — все добываемые переводками и редактурой деньги сгорают в камине в виде поленьев. Возка дров и на неделю не хватает». Мандельштаму жить в Лицее не нравилось, хотя, казалось бы, его должно было согревать некоторое чувство сопричастности к великому поэту. Но умиляться такими вещами было абсолютно не в характере Мандельштама. Он

люто ненавидел «царскосельский сюсюк» (определение А. А. Ахматовой), а также любую спекуляцию на имени Пушкина, к которому испытывал совершенно особое чувство. Ахматовой чудился в его отношении к Пушкину «какой-то венец сверхчеловеческого целомудрия» (с. 162) Более того, ему был противен всякий «пушкинизм». Имени Поэта он никогда не произносил всуе:

Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы.
Медуницы и осы тяжелую розу сосут.
Человек умирает. Песок остывает согретый,
И вчерашнее солнце на черных носилках несут (1, 126).

Ни Ахматова, ни Н. Я. Мандельштам даже не подозревали, что стихотворение «Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...» о Пушкине. Они выяснили это из черновики Мандельштама только в 1950-е годы. Может быть, в этом и надо искать суть отношения его к Царскому Селу. Целомудренное отношение к «вчерашнему солнцу» не позволяло Мандельштаму эксплуатировать расхожий сюжет — Пушкин и Царское Село: «Легче камень поднять, чем имя твое повторить...»

Здесь, в Лицее, состоялась и последняя встреча Мандельштама с Ольгой Ваксель. После разрыва в 1925 году они больше не виделись. Неизвестно по какой причине (может быть, в предчувствии своей будущей судьбы) она приезжала к Мандельштамам в Детское Село и, по воспоминаниям жены поэта, плакала, упрекала Осипа Эмильевича и звала его с собой. Мандельштам же при этом оставался вежливым и холодным... (По утверждениям самой Ваксель, «муж ее (Надежды Яковлевны. — Е. С.) мне не был нужен ни в какой степени».)¹⁶ Она постоянно подчеркивала, что не была заинтересована в этих отношениях, что ее скорее тяготила, чем привлекала истовая влюбленность Мандельштама. В 1935 году она познакомится в ресторане гостиницы «Европейская» с вицеконсулом Норвегии Христианом Вистендалем, выйдет за него замуж, уедет в Осло и вскоре покончит жизнь самоубийством. Когда до Мандельштама дойдет известие о ее смерти, он посвятит ей еще два стихотворения: «На мертвых ресницах Исакий замерз...» (1935) и «Возможна ли женщине мертвой хвала?» (1936).

В Детском Селе Мандельштамам выпало испытать приятное и крайне редкое для них чувство уюта и комфорта. Ни Надежда Яковлевна, ни тем более ее муж хозяйственностью и домовитостью не отличались. Большой удачей стало для них появление в доме кухарки Елены Ивановны, которая раньше служила у гр. Кочубея. Она не только сноровисто готовила обед из трех блюд, но и обеспечивала полный порядок в доме. Все остальное время она читала Библию, да раз в неделю ее посещали друзья-баптисты. (При этом Мандельштамы деликатно уходили из дома.) Однажды один из гостей надоумил кухарку, что служить у Мандельштама опасно, поскольку тот пишет стихи, и, говорят, будто он и есть антирелигиозник Демьян Бедный. Уходить кухарке из этого дома вовсе не хотелось. В крайне смятенных чувствах она выложила все это за завтраком, на что Мандельштам попросил ее ничего не решать сгоряча и предоставил ей для просмотра свои книги. Не обнаружив в них ничего крамольного и посоветовавшись со своими друзьями, она решила остаться. У Елены Ивановны были свои четкие принципы и представления о приличиях.

Иногда она напоминала своим хозяевам о вреде бездельничанья (так она, видимо, представляла их жизнь) или обижалась, если кто-то приходил к ним без предупреждения, и она не могла приготовить что-то особенное. Посетивший Мандельштамов Константин Вагинов был выпровожен ею по причине того, «что хозяин спит». Мандельштамы так и не узнали бы о его приезде, если бы случайно не встретили Вагинова в тот же день в парке. «Воспитательная работа», которую затем провел с ней Мандельштам, объясняя, что он — не хозяин, что его можно потревожить, если кто-то придет, не принесла заметных плодов... Облик Елены Ивановны был таков, что однажды ее приняли за супругу Осипа Эмильевича.

В 1927 году Мандельштамы поселились по новому адресу — в одном из домиков Китайской деревни в Александровском парке. В 1921 году там были расселены красноармейцы, которые «привели в совершенно антисанитарное состояние здание дворца и прилегающие к нему постройки», как сообщалось в докладе на заседании президиума Агрономического института, деревня потихоньку разрушалась. О посещении своих друзей в том же году Ахматова записала: «Была у Мандельштамов и летом в Китайской деревне, где они жили с Лившицами. В комнатах абсолютно не было никакой мебели, и зияли дыры прогнивших полов. Для О. Э. несколько не было интересно, что там когда-то жили и Жуковский, и Карамзин. Уверена, что он, нарочно приглашая меня вместе с ними идти покупать папиросы или сахар, говорил: “Пойдем в европейскую часть города”, будто это Бахчисарай или что-то столь же экзотическое...» (с. 162).

Тем же летом в Детском Селе снимала дачу семья фотографа Наппельбаума. Однажды Мандельштам предложил покататься на лодке по Царскосельскому пруду. Ида Наппельбаум вспоминала, что в тот день Осип Эмильевич все время что-то шептал, напевал для себя самого, в разговор не включался и на вопросы не отвечал. Он настолько был погружен в себя, что когда лодка причалила к берегу, то «как птица, спорхнул и одним движением оказался на берегу, подал руку жене и, с грацией маркиза играя мягкой шляпой, раскланялся с нами, оставив расплату с гребцом пораженным девицам». Иду поразил его странный поступок, и лишь позднее она нашла для него оправдание. Ведь, как заметил Рюрик Ивнев, «было бы нелепо измерять поступки Мандельштама общими мерками»¹⁷. Да и сама Ида Наппельбаум писала о нем: «Чтобы создать его портрет, нужно смешать воедино орган и флейту, Гойю и Репина, Вагнера и Моцарта, восторг и отрицание, высоту и заземление»¹⁸. Через своих литературных героев Мандельштам также мог дать себе характеристику. Так, в 1927 году, живя в Детском Селе, поэт написал свою «Египетскую марку». Из характеристики главного героя: «... с детства он прикреплялся душой ко всему ненужному, превращая в события трамвайный лепет жизни, а когда начал влюбляться, то пытался рассказать об этом женщинам, но те его не поняли, и в отместку он говорил с ними на диком и выстроенном птичьим языке, исключительно, о высоких материях» (2, 65).

1927-й год завершает «детскосельский» период в жизни Мандельштамов. После неудачной попытки в конце 1930 года выхлопотать себе квартиру в Ленинграде (в этой просьбе им было отказано без объяснения причин), они в январе 1931 года уезжают в Москву.

В 1933 году Мандельштам побывал в Ленинграде, где ему были устроены два литературных вечера, прошедших с оглушительным успехом. Жил он в гостинице

«Европейская», где О. Ваксель познакомилась со своим мужем. Осенью того же года Мандельштамы получили-таки в Москве долгожданную квартиру. В следующем, 1934, году поэта ждал первый арест. «Ночная операция» произведена была в ночь с 15 на 16 мая. С обыском длиной в целую ночь. При аресте присутствовали жена и А. А. Ахматова, которая приезжала из Ленинграда. Для приобретения билета на обратную дорогу ей пришлось продать свое изображение — фарфоровую с росписью статуэтку работы Н. и Е. Данько. Навещает Ахматова своего друга и в воронежской ссылке. Недолгое возвращение Мандельштама в Москву завершается арестом и отправкой по этапу, откуда ему уже не суждено было вернуться.

...Рядом с тем местом, где когда-то стоял пансионат Зайцева, в 1991 году установлен памятник «Формула скорби» — не в честь Мандельштама, — но со словами, выбитыми на нем, столь созвучными и его судьбе: «Пролили кровь их как воду и некому было похоронить их».

Примечания

¹ Ахматова А. А. Листки из дневника (О. Мандельштам) // Ахматова А. А. Соч.: в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 2. С. 162. Далее страницы указываются в тексте.

² Мандельштам О. Э. Собр. соч.: в 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. С. 8. Далее том (арабскими) и страницы указываются в тексте.

³ Мандельштам Н. Я. Вторая книга. М., 1999. С. 88.

⁴ Иванов Г. Петербургские зимы. Нью-Йорк, 1952. С. 115.

⁵ Цит. по: Недошивин В. Прогулки по Серебряному веку. «Поэт и соломинка». СПб., 2010. Гл. 18.

⁶ Цит. по: Ласкин А. «Возможна ли женщине мертвой хвала» // Записки Мандельштамовского общества. М., 2012.

⁷ Цит. по: Смольевский А. А. Ольга Ваксель — адресат четырех стихотворений О. Мандельштама // Литературная учеба. 1991. № 1. С. 164.

⁸ Там же С. 165.

⁹ Мандельштам Н. Я. Вторая книга. С. 216–217.

¹⁰ Там же. С. 227.

¹¹ Там же. С. 230–231.

¹² Пунин Н. Н. Мир светел любовью: Дневники. Письма. М., 2000. С. 239.

¹³ Мандельштам Н. Я. Вторая книга. С. 231.

¹⁴ Мандельштам в архиве П. Н. Лукницкого // Слово и судьба. Осип Мандельштам. М., 1991. С. 116.

¹⁵ Мандельштам Н. Я. Вторая книга. С. 236.

¹⁶ Смольевский А. А. Ольга Ваксель — адресат четырех стихотворений О. Мандельштама // Литературная учеба. 1991. № 1. С. 168.

¹⁷ Осип Мандельштам в «мемуарах» Рюрика Ивнева «Сохрани мою речь...» // Мандельштамовский сборник. М., 1991. С. 41.

¹⁸ Наппельбаум И. Слепая ласточка // Литературное обозрение. 1991. № 1. С. 87.

А. В. Ильичев

ДИПТИХ А. А. АХМАТОВОЙ «ГОРОДУ ПУШКИНА»: ОПЫТ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО И МИФОПОЭТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В небольшой автобиографической заметке «Коротко о себе», написанной в 1965 году, А. А. Ахматова писала: «Я родилась 11 (23) июня 1889 года под Одессой (Большой Фонтан). Мой отец был в то время отставной инженер-механик флота. Годовалым ребенком я была перевезена на север — в Царское Село. Там я прожила до шестнадцати лет.

Мои первые воспоминания — царскосельские: зеленое, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал и нечто другое, что вошло впоследствии в «Царскосельскую оду»... Примерно с середины двадцатых годов я начала очень усердно и с большим интересом заниматься архитектурой старого Петербурга и изучением жизни и творчества Пушкина. Результатом моих пушкинских штудий были три работы — о «Золотом пегушке», об «Адольфе» Бенжамена Констана и о «Каменном госте». Все они в свое время были напечатаны.

Работы «Александрина», «Пушкин и Невское взморье», «Пушкин в 1828 году», которыми я занимаюсь почти двадцать последних лет, по-видимому, войдут в книгу «Гибель Пушкина»¹.

Очевидна связь поэзии Ахматовой с традициями русской классической лирики, прежде всего пушкинской. Изучение Пушкина не только отвечало ее художественным устремлениям к классической ясности и гармоничности поэтического стиля, но также было связано с осмыслением проблемы «поэт и власть». Вероятно, с пушкинской традицией можно связать стремление Ахматовой претворять свою жизнь в поэзию как пушкинской принцип выживания.

Л. К. Чуковская, глубоко понимавшая природу ахматовского творчества, отметила важное для нас свойство ее пушкиноведческих штудий: «Меня поразило проникновение в душевную биографию Пушкина, обилие интуитивных догадок, подтвержденных логикой ясного, трезвого ума... Без знания — понимание невозможно, однако сколько встречаешь знатоков, знающих предмет, но не понимающих в нем ровно ничего! Ахматовой же разгадывать пушкинскую поэзию и пушкинскую судьбу приходит на помощь еще и то (скрываемое ею) обстоятельство, что она, вольно или невольно, примеряет судьбу поэтов, родных и не родных, Данта и Пушкина, на свою собственную»².

Интертекстуальные исследования поэзии Ахматовой со всей очевидностью обнаруживают то обстоятельство, что интертекстуальность ахматовских текстов —

не только универсальное свойство всякого поэтического текста («Но, может быть, поэзия сама — / Одна великолепная цитата» — 1, 340), сколько зримое воплощение индивидуального поэтического мировидения поэта.

Это обстоятельство необходимо учитывать и при обращении к анализу отдельных ахматовских стихотворений. Предметом нашего интертекстуального прочтения будет диптих А. Ахматовой «Городу Пушкина».

И царскосельские хранительные сени...

А. С. Пушкин

1.
О, горе мне! Они тебя сожгли...
О, встреча, что разлуки тяжелее!..
Здесь был фонтан, высокие аллеи,
Громада парка древнего вдали,
Заря была себя самой алее,
В апреле запах прели и земли,
И первый поцелуй...
2.
Этой ивы листья в девятнадцатом веке увяли,
Чтобы в строчке стиха серебриться свежее стократ.
Одичалые розы пурпурным шиповником стали,
А лицейские гимны всё так же заздранно звучат.
Полстолетья прошло... Щедро взыскана дивной судьбою,
Я в беспмятстве дней забывала течение годов,—
И туда не вернусь! Но возьму и за Лету с собою
Очертанья живые моих царскосельских садов (1, 236–237).

Диптих «Городу Пушкина» составлен из стихотворений, написанных в 1945 и 1957 годах. Конкретные исторические события общенационального значения неразрывно переплетены в них с личной судьбой поэта.

Центральной внутренней темой диптиха является тема бессмертия духа, воплощенного в культурных ценностях. Более того, как покажет дальнейший анализ, именно поэзия оказалась способной превратить тленное в вечное. Эта тема развивается не только в самом тексте, но осуществляется через систему реминисценций и автореминисценций, что можно считать устойчивой особенностью поэтики Ахматовой: «Стихи эти были с подтекстом / Таким, что как в бездну глядишь» (1, 359).

Начать я позволю себе с обобщения, сделанного М. М. Гиршманом и Э. М. Свенцицкой по поводу «царскосельского текста» в творчестве Ахматовой. Они обнаружили, что единство царскосельских стихов Ахматовой связано с «постоянно повторяющимися мотивами: 1) мотив возвращения; 2) ситуация на грани жизни и смерти; 3) сцепленность личности с пространственными реалиями, имеющими не только жизненное, но и литературное значение»³.

И действительно, если исторические реалии первого стихотворения, созданного в 1945 году, заставляют думать, что речь идет о возвращении в разрушенное немцами Царское Село, то удивления достойно стихотворение «Первое возвращение...», которое Ахматова написала в далеком 1910 году:

На землю саван тягостный возложен,
Торжественно гудят колокола,
И снова дух смятен и потревожен
Истомной скукой Царского Села.
Пять лет прошло. Здесь все мертво и немо,
Как будто мира наступил конец.
Как навсегда исчерпанная тема,
В смертельном сне покоится дворец (1, 22).

Это сопоставление обнаруживает, что тема Царского Села предстала в поэтической системе Ахматовой как мифопоэтическая модель, через которую она осмыслила последующие исторические события, связанные с ним. Очевидно, что удивительное совпадение изначально найденной формулы и событий истории не могли не породить пророческих ассоциаций.

С другой стороны, обратим внимание на то, что Царское Село в этом стихотворении сразу возникает как исчерпанная тема поэзии, намекая на двойное бытие этого места — в реальном пространстве и в пространстве русской поэзии.

Эпиграф из послания «Чедаеву» (1821) Пушкина отсылает не только к пушкинской царскосельской теме, но и к ахматовской одновременно — и тот, и другой поэт свою юность провели в Царском Селе; и для того, и для другого воспоминания о нем — это возвращение в юность.

Старинный звук меня обрадовал — и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу верную, и милые предметы,
Пленявшие меня в младенческие леты,
В те дни, когда, еще незнаемый никем,
Не зная ни забот, ни цели, ни систем,
Я пеньем оглашал приют забав и лени
И царскосельские хранительные сени (II, 187–188).

Пушкинское послание «Чедаеву» поддерживает тему воспоминаний, причем в характерно пушкинском варианте — это не просто воспоминания о прошлом, но духовная опора в настоящем:

Одно желание: останься ты со мной!
Небес я не томил молитвою другой.
О скоро ли, мой друг, настанет срок разлуки?
Когда соединим слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привет?... (II, 189)

Но если лирический герой Пушкина живет надеждой на встречу, то у Ахматовой — «О, встреча, что разлуки тяжелее!..»

Зачин вызывает ассоциации с библейским стилем (см.: Мф. 11: 21, 23: 13–15, Лк. 11: 42–47). Оборот «О, горе мне» тематически прямо соотносится с рефреном из Плача Иеремии «Я человек, испытавший горе...» (3:1), «горе нам...» (5:16), подключая текст Ахматовой к традиции плача по разрушенному городу, обнаруживая

жанровую форму, на которую ориентирован диптих. Жанр плача подчеркивает и особенность временной структуры диптиха: тогда — теперь. Видя разрушенный Иерусалим, Иеремия вспоминает прежнее его величие и нынешнее разорение.

Мотив похоронного обряда по уничтоженному городу положен в основу «Царскосельских строк»:

Пятым действием драмы
Веет воздух осенний,
Каждая клумба в парке
Кажется свежей могилой.
Справлена чистая тризна,
И больше нечего делать.
Что же я медлю, словно
Скоро свершится чудо?
Так тяжелую лодку долго
У пристани слабой рукою
Удерживать можно, прощаясь
С тем, кто остался на суше (1, 248–249).

Текстовых переключек мы тут не обнаружим, зато налицо переключки тематические — не только с первой частью диптиха (плач — тризна), но и со второй — чудо бессмертия города, мотив переправы через реку смерти. Это подчеркивает то обстоятельство, что поэт удерживает в сознании не только текстовые элементы, но и тематические блоки, связанные с определенным предметом описания, которые могут реализовываться в разном словесном оформлении.

Соотнесенность текста с Плачем Иеремии выявляет в героине стихотворения пророческие черты — она еще в 1910 году видела этот город в саване, мертвым и немым, как перед концом света. Этот эсхатологический мотив, заданный в «Первом возвращении», нам еще пригодится.

Тема воспоминания о прежнем Царском Селе дана иначе. Через своеобразную звуковую автоцитату. Стихи построены на подчеркнутом аллитерировании звуков «р» и «л»:

Здесь был фонтан, высокие аллеи,
Громада парка древнего вдали
Заря была себя самой алее,
В апреле запах прели и земли,
И первый поцелуй...

Этот яркий звуковой образ сопровождается неожиданным словесным: «Заря была себя самой алее», подчеркивая трудно выразимую таинственную особенность этого пространства, запечатленную еще в 1911 году: «О, пленительный город загадок» (1, 23).

Апрельский запах прели и земли, вкуче с первым поцелуем, вводит автобиографическую тему — 25 апреля 1910 года Ахматова вышла замуж за Н. С. Гумилева. А вот фонетическая автоцитата сопровождает появление другого героя.

Поэтическую загадку Ахматовой можно попытаться разгадать, припомнив раннее (1911) стихотворение, обращенное к Царскому Селу:

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.
Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни (1, 24).

Эти тексты объединяются как мотивом загадки, так и близостью аллитерационного хода, который в этом стихотворении может быть осмыслен. Прошлое оформлено через звук «р»:

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов...

<...> Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.

А настоящее — через звук «л»:

И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...

Кажется, что рокотание прошлого проливается в настоящее. Более того, вполне обыденные действия персонажа — отрок бродил, грустил, лежала его треуголка и том Парни — вдруг обретают статус вневременной ценности.

Загадка отгадывается просто: персонаж стихотворения — Пушкин, а собственно волшебные превращения творит пушкинская поэзия.

Именно она способна обыденное превратить в чудо: шаги отрока слышны через столетие, а заря оказывается самой себя алее. Действительно, «Царкосельский воздух / Был создан, чтобы песни повторять». Надо думать, что собственную поэзию Ахматова в этом смысле воспринимает как продолжение пушкинской. Или иначе: дело, собственно, не в авторах, а в таинственной силе и власти их общей «смуглой» Музы⁵.

Напомним, что стихотворение было написано после посещения Ахматовой 11 июня 1944 года из освобожденного от немцев разрушенного города Пушкина, куда ее пригласили в составе писательской группы на празднование пушкинского юбилея. Сохранился набросок этого выступления: «Товарищи! Сегодня мы празднуем светлую годовщину дня рождения великого поэта. Празднуем мы ее в том месте, про которое сам Пушкин сказал: “Отечество нам Царское Село”, и в том

году, который принес долгожданное освобождение городу поэта. Пушкин всегда считал царсосельские парки достойным памятником русской военной славы и в целом ряде стихотворений говорит об этом. Для него навсегда остались священными “царсосельские хранительные сени”. Такими же они были, есть и будут для нас»⁶. После этого вступления Ахматова прочитала «Смуглый отрок бродил по аллеям...».

Уже в этой предыстории стихотворения был найден эпиграф, подчеркнуто семантическое осложнение, связанное с тем, что предметный мир царсосельских парков воспринимается сквозь призму пушкинской поэзии.

Но долгим был путь к первой строке. Первоначально было: «Мой городок игрушечный сожгли», что, с одной стороны, корреспондировало с ранним — «А теперь я игрушечной стала, / Как мой розовый друг какаду» («В Царском Селе», 1911), а с другой — придавало стихотворению сугубо личную окраску. Потом было — «Что делать мне? Они тебя сожгли!», по поводу чего Ахматова сама сказала: «Какая глупость! Какая глупая строка! “Что делать?” Когда город сожгли, тогда уже нечего делать. И вообще я не пожарный!... Нет. “О, горе мне! Они тебя сожгли”. Только так»⁷.

Вот тут и было гениально найдено библейское восклицание, в котором эпически совместились как личное горе, так и горе всего народа.

Темы, заявленные в интертекстуальном подтексте первой части диптиха, открыто звучат во второй. Вторая часть открывается образом ивы. Конечно, мы обнаружим его и у Пушкина, хотя в целом для его поэзии этот образ отнюдь не характерен. Помимо «Медного всадника», мы находим его именно в «Воспоминаниях в Царском Селе» (1814):

Навис покров угрюмой ночи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почил дол и роши,
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы,
Чуть дышит ветерок, уснувший на листьях,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в серебристых облаках.

Плывет — и бледными лучами
Предметы осветила вкруг.
Аллеи древних лип открылись пред очами,
Проглянули и холм и луг;
Здесь, вижу, с тополем сплелась младая ива
И отразилась в кристалле зыбких вод;
Царицей среди полей лилея горделива
В роскошной красоте цветет (I, 78).

С другой стороны, именно ива стала героиней ахматовской поэзии («Ива», 1940):

И дряхлый пук дерев.

А. С. Пушкин

А я росла в упорной тишине,
В прохладной детской молодого века.
И не был мил мне голос человека,
А голос ветра был понятен мне.
Я лопухи любила и крапиву,
Но больше всех серебряную иву.
И, благодарная, она жила
Со мной всю жизнь, плакучими ветвями
Бессонницу овесивала снами.
И — странно! — я ее пережила.
Там пень торчит, чужими голосами
Другие ивы что-то говорят
Под нашими, под теми небесами.
И я молчу... Как будто умер брат (1, 183).

О том, что речь идет о Царском Селе, говорит эпиграф, взятый из незавершенного стихотворения Пушкина 1823 года «Царское Село»:

Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений,
О ты, певцу дубрав давно знакомый гений,
Воспоминание, рисуй передо мной
Волшебные места, где я живу душой,
Леса, где я любил, где чувство развивалось,
Где с первой юностью младенчество сливалось
И где, взлелеянный природой и мечтой,
Я знал поэзию, веселость и покой...

Веди, веди меня под липовые сени,
Всегда любезные моей свободной лени,
На берег озера, на тихий скат холмов!..
Да вновь увижу я ковры густых лугов
И дряхлый пук дерев, и светлую долину,
И зланных берегов знакомую картину,
И в тихом [озере], средь блещущих зыбей,
Станицу гордую спокойных лебедей (II, 285).

Обработка же этого мотива Ахматовой напоминает пушкинское стихотворение «Вновь я посетил...», где деревья — сосны — становятся одновременно и символом уходящего времени, и символом связи времен.

Теперь можно сделать обобщение, связанное с тем, что в стихотворениях, посвященных Царскому Селу («Ива», «Городу Пушкина», «Наследница»), Ахматова выбирает пушкинские эпиграфы, объединенные мотивом деревьев. Для нее он оказался связан с мотивом возвращенных воспоминаний. Более того, этот мотив важен как для Пушкина, так и для Ахматовой. И тот, и другой поэт возвращаются в юность как в другую эпоху («Разрыв», 1944):

И, как всегда бывает в дни разрыва,
К нам постучался призрак первых дней,
И ворвалась серебряная ива
Седым великолепием ветвей.
Нам, иступленным, горьким и надменным,
Не смеющим глаза поднять с земли,
Запела птица голосом блаженным
О том, как мы друг друга берегли (1, 187).

Или:

Все души милых на высоких звездах.
Как хорошо, что некого терять
И можно плакать. Царкосельский воздух
Был создан, чтобы песни повторять.
У берега серебряная ива
Касается сентябрьских ярких вод.
Из прошлого восставши, молчаливо
Ко мне навстречу тень моя идет.
Здесь столько лир повешено на ветки,
Но и моей как будто место есть.
А этот дождик, солнечный и редкий,
Мне утешенье и благая весть (1, 215).

Итак, образ ивы в поэзии Ахматовой связан и с воспоминаниями о царкосельской юности, и, естественно, с мотивом поэзии, приобщенность к которой способно одарить бессмертием.

И тут напомним, что в диптихе речь идет не только о городе Пушкина, но и о царкосельских парках и садах, тема, которая, в свою очередь, в миромодели Ахматовой обрела статус мифологемы, — это умирающий (ср. «Сад», 1911 — мертвый, но вечный (1, 45)) и одновременно вечно живущий сад («Севастополь», 1916):

Вновь подарен мне дремотой
Наш последний звездный рай —
Город чистых водометов,
Золотой Бахчисарай.
Там, за пестрою оградой,
У задумчивой воды,
Вспоминали мы с отрадой
Царкосельские сады,
И орла Екатерины
Вдруг узнали — это тот!
Он слетел на дно долины
С пышных бронзовых ворот.
Чтобы песнь прощальной боли
Дольше в памяти жила,
Осень смуглая в подоле
Красных листьев принесла

И посыпала ступени,
Где прощалась я с тобой
И откуда в царство тени
Ты ушел, утешный мой (1, 97).

В этом стихотворении царскосельский сад — с одной стороны, потерянный рай, а с другой — царство теней.

И, наконец, в «Приморском сонете» (1958), где речь уже идет о Комарово:

Здесь всё меня переживет,
Всё, даже ветхие скворешни
И этот воздух, воздух вешний,
Морской свершивший перелет.
И голос вечности зовет
С неодолимостью нездешней,
И над цветущею черешней
Сиянье легкий месяц льет.
И кажется такой нетрудной.
Белея в чаще изумрудной,
Дорога не скажу куда...
Там средь стволов еще светлее,
И всё похоже на аллею
У царскосельского пруда (1, 234).

Тут уже очевидной становится связь царскосельского сада с нездешним миром.

Напомню, что в первой редакции диптиха последняя строка стихотворения читалась иначе: «И туда не вернусь, но возьму и за Лету с собою / Очертанья *земные* прекрасных *загробных* садов» или: «Отраженье *земное* прекрасных *загробных* садов».

Если попытаться сложить воедино все мотивы, то возникает сюжет о потерянном и вновь обретаемом рае. Мотив умирания сада связывается с архетипическим мотивом грехопадения и изгнания из рая, а мотив вечной жизни сада соотносится как с образом царства мертвых (царство тени) в античной традиции, так и с образом рая в христианской традиции.

Сад как царство вечно живущих в нем теней наиболее ярко представлен в стихотворении «Летний сад» (1959):

И замертво спят сотни тысяч шагов
Врагов и друзей, друзей и врагов.
А шествию теней не видно конца
От вазы гранитной до двери дворца (1, 235).

Аналогичный мотив у Пушкина:

Не се ль Элизиум полнощный,
Прекрасный Царскосельский сад (1, 79).

Любопытно, что парадоксальное соединение этих двух манифестаций запретельного (языческой и христианской) соединяется в анализируемом диптихе.

Тема вечности города и сада разворачивается во второй части диптиха: «Этой ивы листья в девятнадцатом веке увяли, / Чтобы в строчке стиха серебриться свежее стократ». Этот мотив можно «прочитать» на фоне поэзии Ахматовой — та ива, которая была воспета Пушкиным, сегодня превратилась в пень, но продолжает жить в поэзии самой Ахматовой.

Через предметные реалии Царскосельского парка и поэтическое слово Ахматова лично соприкасается с пушкинским словом — тема, которая заявлена прямо в цикле «Царское Село», хотя поэтическая обработка мотива, по всей видимости, связана со знаменитым стихотворением А. А. Фета «Поэтам» (1890), где тема бессмертия духа связана прежде всего с поэзией:

Сердце трепещет отрадно и больно,
Подняты очи, и руки воздеты.
Здесь на коленях я снова неволью,
Как и бывало, пред вами, поэты.
В ваших чертогах мой дух окрылили,
Правду провидит он с высей творенья;
Этот листок, что иссох и свалился,
Золотом вечным горит в песнопеньи.
Только у вас мимолетные грезы
Старыми в душу глядятся друзьями,
Только у вас благовонные розы
Вечно восторга блистают слезами⁸.

Интертекстуальная переключка с фетовским стихотворением, обыгрывая мотив «золота» и «серебра», подчеркивает границу между XIX (Золотым) и XX (Серебряным) веками.

Напомню, что мотив Серебряного века впервые появляется как поэтический образ именно в поэзии Ахматовой («Поэма без героя»):

На Галерной чернела арка,
В Летнем тонко пела флюгарка,
И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл (1, 287).

Образ роз, с одной стороны, значим в системе ахматовской символики, а с другой — он коррелирует с пушкинской традицией. Именно поэтому в нем голос Ахматовой фактически сливается с голосом Пушкина, подтверждая единство их общей «смуглой» Музы. Как показал анализ, образ розы у Ахматовой — полисемантический. Выделим те значения, которые представляются существенными для анализа. Это, во-первых, Роза-Сад (Роза — цветок райского сада). А во-вторых, — это взаимозаменяемость розы и стихов⁹.

Соседство розы и звучащих лицейских гимнов актуализирует пушкинскую традицию, которая почти открыто названа — это стихи на лицейские годовщины (гимны), среди которых есть особенно значимый для нашей темы: «Была пора: наш праздник молодой...» (1836):

.....
 Всему пора: уж двадцать пятый раз
 Мы празднуем лица день заветный.
 Прошли года чредою незаметной,
 И как они переменили нас!
 Недаром — нет! — промчалась четверть века!
 Не сетуйте: таков судьбы закон;
 Вращается весь мир вокруг человека,—
 Ужель один недвижим будет он? (III, 431).

Невозможно не обратить внимание на совпадение между: «Недаром — нет! — промчалась четверть века!» у Пушкина и ахматовскими оборотами: «Пять лет прошло. Здесь все мертво и немо, / Как будто мира наступил конец» (1, 22) и «Полстолетия прошло... Щедро взыскана дивной судьбою, / Я в беспамятстве дней забывала течение годов,— / И туда не вернусь! Но возьму и за Лету с собою...», словно этот пушкинский мотив художественной константой «встроился» в «царскосельский текст» Ахматовой.

В соотношении с пушкинским текстом важна не только тема Царского Села, не только идея неотвратимой поступи времени, но и мысль о памяти, которая противостоит закону вечного изменения:

Припомните, о други, с той поры,
 Когда наш круг судьбы соединили,
 Чему, чему свидетели мы были!
 Игралища таинственной игры,
 Метались смущенные народы;
 И высились и падали цари;
 И кровь людей то Славы, то Свободы,
 То Гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возник лицей,
 Как царь для нас открыл чертог царицын,
 И мы пришли. И встретил нас Куницын
 Приветствием меж царственных гостей... (III, 432).

И дальнейший текст разворачивается на анафорическом повторе «Вы помните», который звучит еще три раза. У Пушкина — промчалось четверть века, у Ахматовой — полстолетия прошло; у Пушкина — вы помните, у Ахматовой — возьму и за Лету с собою...

Увядание розы, описанное как превращение ее в шиповник, связано с темой смерти и поэтического бессмертия. Неслучайно единственное появление шиповника в пушкинской поэзии — описание могилы поэта Ленского:

Меж гор, лежащих полукругом,
 Пойдем туда, где ручеек
 Виясь бежит зеленым лугом
 К реке сквозь липовый лесок.
 Там соловей, весны любовник,
 Всю ночь поет; цветет шиповник,

И слышен говор ключевой,—
 Там виден камень гробовой
 В тени двух сосен устарелых.
 Пришельцу надпись говорит:
 «Владимир Ленской здесь лежит,
 Погибший рано смертью смелых,
 В такой-то год, таких-то лет.
 Покойся, юноша-поэт!» (VI, 141–142)

Мы встречаем его и у Ахматовой — в цикле «Шиповник цветет»:

Шиповник Подмосковья,
 Увы! При чем-то тут...
 И это все любовью
 Бессмертной назовут (1956 — I, 222).

Более того, образ шиповника связан не просто с бессмертием, но с бессмертием слова, поддерживая одно из значений символа розы:

Шиповник так благоухал,
 Что даже превратился в слово,
 И встретить я была готова
 Моей судьбы девятый вал (1956 — I, 223).

Финал же диптиха — «Я туда не вернусь, но возьму и за Лету с собою / Очертанья живые моих Царскосельских садов» — парадоксально соединяет мотив смерти и бессмертия. За Лету — это значит в царство мертвых, но — очертанья живые.

Перед нам вновь собственно ахматовская мифологема умирания и воскрешения, выявленная исследовательницей Л. Г. Кихней¹⁰:

И сада Летнего решетка,
 И оснеженный Ленинград
 Возникли, словно в книге этой,
 Из мглы магических зеркал,
 И над задумчивою Летою
 Тростник оживший зазвучал.
 («Надпись на книге», 1940 — I, 173).

Любопытно отметить, что и в этом случае возникает отсылка к Пушкину, к финалу «Евгения Онегина» (магический кристалл) и к зеркалам, с помощью которых гадают и пушкинская Татьяна, и Светлана Жуковского.

И, наконец, еще один библейский контекст замыкает весь диптих в одно гармоническое целое. Он связан, с одной стороны, с Плачем Иеремии по разрушенному Иерусалиму в Ветхом Завете, с райскими коннотациями темы Царскосельского сада, а с другой — с образом Небесного Иерусалима, возникающим в финале не только книги Откровения Иоанна Богослова, но и всего Священного Писания как образ вечного и не поддающегося уничтожению города.

Таким образом, Ахматова, опираясь и на тексты культуры, и на биографические факты как своей жизни, так и жизни Пушкина, создает в диптихе поэтический миф бессмертия культуры, запечатленный в слове. Именно поэтому, кажется, в ценностной иерархии поэтического мироздания Ахматовой высшую ступень занимает Слово, способное воплотить собою вечность:

Ржавеет золото, и истлевает сталь,
Крошится мрамор — к смерти все готово.
Всего прочнее на земле печаль,
И долговечней царственное Слово (1, 329).

Это подтверждает еще один контекст, связывающий первое и последнее стихотворение Ахматовой, обращенные к Царскому Селу — «Первое возвращение» (1910) и «Наследница» (1959). Если в первом: «Здесь все мертво и немо, / Как будто мира наступил конец. / Как навсегда исчерпанная тема, / В смертельном сне покоится дворец», то последнее может быть осмысленно как возражение («Наследница», 1959):

Казалось мне, что песня спета
Средь этих опустелых зал.
О, кто бы мне тогда сказал,
Что я наследую все это:
Фелицу, лебедя, мосты
И все китайские затеи,
Дворца сквозные галереи
И липы дивной красоты.
И даже собственную тень,
Всю искаженную от страха,
И покаянную рубашу,
И замогильную сирень (1, 335).

Тема оказалась неисчерпаемой. Царское Село живо не только в своих архитектурных памятниках и парках, но и в своих поэтических воплощениях, ведь Фелица — это не просто Екатерина II, а героиня сочиненной ею сказки, героиня знаменитой оды Державина. Лебедь — это не только реальные лебеди, но и знак рождения здесь «смуглой» пушкинской и ахматовской Музы:

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал,
В те дни, в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться Муза стала мне (VI, 165).

Лебедь — это и знак поэтической славы и поэтического бессмертия, так как соотносится не только державинским «Лебедем», но и «Царкосельским лебедем» В. А. Жуковского.

Таким образом, в «Наследнице» Ахматова создает образ Царского Села как символ всей постпетровской русской культуры, в которую она вписывает и себя, осознавая в связи с этим и свое собственное бессмертие, завершая великую традицию Золотого века русской поэзии.

Примечания

¹ Ахматова А. А. Соч.: в 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 236, 238. Да лее цитаты в тексте с указанием тома и страниц (арабскими цифрами) в скобках, за исключением некоторых случаев.

² Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. М., 1997. Т. 2. С. 74, 324.

³ Гиришман М. М., Свенцицкая Э. М. «В Царском Селе» А. Ахматовой // Русская словесность. 1998. № 2. С. 21–26.

⁴ Рождение стихотворения «Смуглый отрок...», возможно, было связано и с тем, что с 1900 г. Лицейский садик украсила скульптура Пушкина-лицейста работы Р. Р. Баха, которая в то время была единственным фактическим напоминанием о существовавшем здесь Лицее. Одним из инициаторов создания памятника был Иннокентий Анненский, поэтический учитель Ахматовой. С другой стороны, у этого стихотворения поразительная интертекстуальная судьба. Одним из его прецедентных текстов был «Отрок» (1830) А. С. Пушкина, связанный с «Посланием И. М. М-уравьеву»-А-«постолу» (1815) К. Н. Батюшкова, которое, в свою очередь, интертекстуально восходит к первой оде «К Меценату» Горация, открывающей не только собрание од Горация, но и тему «судьбы поэта» в европейской литературе.

⁵ Цит. по: Королева Н. В. Комментарии // Ахматова А. А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2, кн. 1. М., 1999. С. 478.

⁶ Цит. по: Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 3. С. 166.

⁷ Ахматова А. А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2, кн. 1. С. 588, 590.

⁸ Фет А. А. Стихотворения. СПб., 2001. С. 337–338.

⁹ Корона В. В. Поэзия Анны Ахматовой: поэтика автовариаций. Екатеринбург, 1999. С. 45, 47.

¹⁰ Кихней Л. Г. Мифологическая семантика умирания и воскрешения в стихах Ахматовой 1930–1950-х годов // Творчество А. А. Ахматовой и Н. С. Гумилева в контексте русской поэзии XX века: материалы Междунар. науч. конф. 21–23 мая 2004 г. Тверь, 2004. С. 27–39.

В. В. Григорьева

ЦАРКОСЕЛЬСКИЙ ЛИЦЕЙ И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: ОТ РАЗРУШЕНИЯ К ВОЗРОЖДЕНИЮ

Слово «война» не раз звучало в стенах Царскосельского Лицея. Впервые о войне здесь заговорили в 1812 году: Отечественная война глубоко затронула молодые сердца и умы воспитанников. К счастью, война не коснулась прекрасных «садов Лицея». Спустя сто с небольшим лет Детскому Селу дважды было суждено стать тем пределом, у которого останавливался перед Пулковскими высотами враг, подступавший к Ленинграду: в 1919-м, во время наступления Юденича, и осенью 1941 года. На события летних месяцев 1919 года стихами откликнулся житель г. Пушкина поэт Всеволод Рождественский:

Неистовым врагам отдать мы не хотели
Свободы молодой, а вместе с ней Растрелли,
И бронзовых богов среди золотых аллей,
Куда сквозь листопад еще глядит Лицей,
И тихую скамью, овеванную славой,
Где, на руку склоняясь, и смуглый, и курчавый,
Слегка задумался, о чем не зная сам,
Тот, чья улыбка — жизнь и кто так близок нам¹.

Историк и краевед Николай Петрович Анциферов вспоминал: «Захват Детского Села в 1919 году был мимолетным эпизодом. Белогвардейцы пронеслись по дворцам и паркам и исчезли бесследно <...>, не причинив существенного вреда памятникам нашего славного прошлого»².

Но самые страшные испытания ожидали город впереди: осенью 1941 года в «город муз» пришла Великая Отечественная война, а вместе с ней — кошмар, который продолжался 860 дней. Двадцать четвертое января 1944 года — официальная дата освобождения города Пушкина от фашистских захватчиков. За 28 месяцев оккупации город превратился в руины. Свои впечатления от увиденного описала поэтесса Ольга Берггольц, которая приехала сюда вместе с членами Ленинградского радиокомитета через несколько дней после освобождения города: «От самых Пулковских высот земля носила следы только что отгремевшего боя: несмотря на январь месяц, земля была бесснежна, вся вывернута, вся взорвана, взрыта и не похожа ни на что. <...> Чем ближе подъезжали мы к Пушкину, тем чаще попадались разбитые в щепу немецкие землянки, дзоты, перепаханные траншеи, опрокинутые

козлы с колючей проволокой, разметанные части орудий. Потом пошли срезанные, обугленные, расщепленные деревья, остовы каменных зданий, фундаменты взорванных домов. <...> Мы медленно ехали вдоль парка в центр города и, жадно глядя в окно, узнавали всё, всё узнавали — ведь это же был наш, наш Пушкин, который невозможно было разлюбить или позабыть, который остался в сознании как обитель радости, красоты и света. <...> Вот Турецкая баня — стена ее зияет пробоиной, она вся ободрана, вся в каких-то грязных пятнах, но башенка цела, и баню можно узнать. Чесменская колонна стоит посреди застывшего озера, покрытого налетом золы и гари. Арсенал цел, только у одной башенки обвалились зубцы. <...> Камеронова галерея хорошо сохранилась, хотя сильно изранена; в галерее нет ни одного бюста, а могучие статуи Геркулеса и Флоры украдены немцами. Но галерея все та же — легкая и строгая, полная воздуха и света. <...> В Лицее нет ни одной рамы, но Лицей все же цел, и лицейская церковь цела — и это просто удивительно! <...> Но в ограде — пустой гранитный постамент: статуи юноши Пушкина, мечтавшего на скамье десятки лет, — нет. Постамент пуст и похож на надгробье. <...> Александровский дворец сохранился лучше, чем Екатерининский, хотя правое его крыло внутри совсем обрушилось и правый подъезд, у колоннады, совершенно уничтожен. А Китайский театр сожжен дотла. <...> Белая башня неисправимо повреждена. В городе нет ни одного дома, пригодного для жилья. Обугленные, искалеченные, изломанные деревья похожи на раненых солдат. <...> Пушкин лежал в развалинах и ни одного человека, ни одного не встретили мы на своем пути. Неживая тишина и полное, трагическое, угрюмое безлюдье царили на улицах, среди обугленных, полувзорванных или сожженных домов и молчаливых черных парков»³.

Сразу после освобождения города начались работы по разминированию и восстановлению дворцово-парковых территорий. В первую очередь были отремонтированы менее пострадавшие Александровский дворец и Царскосельский Лицей, и первый красный флаг над освобожденным городом появился именно на лицейском здании. Лицей, к счастью, уцелел, но был изувечен и осквернен: гитлеровцы устроили здесь конюшни, в подвале — склад боеприпасов; в комнатах учебного корпуса стояли ящики с винной посудой, а вокруг валялись бутылки из-под шнапса, коньяка и рома.

Автором проекта реставрации Лицея был архитектор Л. М. Безверхний. Перед реставраторами стояла задача восстановления здания Лицея как памятника, связанного с именем Пушкина. Масштабы работ оказались огромными, так как от Лицея пушкинской поры, кроме стен, ничего не сохранилось. В мае 1944 года бригада девушек-строителей починила крышу Лицея. На фасаде появилось единственное полностью остекленное окно комнаты Пушкина, в котором сотрудники музея поместили барельеф поэта, найденный среди развалин дворца. Эта комната на четвертом этаже Лицея, на месте бывшей «кельи» Пушкина, стала одним из первых в городе отремонтированных после войны помещений. Здесь устроили своеобразный маленький музей: на столе были разложены сохранившиеся с довоенного времени виды парка, а на ящике, задрапированном мешковиной, стояла статуя «Девушки с кувшином». Вскоре в пяти комнатах четвертого этажа Лицея была открыта выставка «Пушкин-лицеист», а после ремонта новых помещений уже в одиннадцати комнатах была развернута выставка «Пушкин в Царском Селе».

При проведении реставрационных работ возникли сложности восстановления Актового зала Лицея. Достоверно не были известны его размеры и местоположение. В работе реставраторам помогли архивные документы, старинные рисунки, чертежи, контракты архитектора Стасова с подрядчиками, а также литография П. Бореля 1830-х годов. Работа велась в сжатые сроки, так как планировалось закончить работы к юбилейной, 150-й годовщине со дня рождения поэта.

Торжественное открытие мемориального Музея-Лицея состоялось 9 июня 1949 года. В течение последующих лет велись непрерывные работы по изучению материалов, связанных с историей здания Царскосельского Лицея. Это было вызвано тем, что во время восстановительных работ 1946–1949 годов реставраторы не обладали необходимыми архивными документами. Неоценима работа хранителя музея Марии Петровны Руденской, благодаря которой были обнаружены многие исторические неточности, выяснился характер планировки здания, назначение и расположение помещений 3-го этажа, их архитектурно-декоративная отделка, интерьеры и убранство помещений. Стали известны исторические названия и назначения многих залов, появились подробности облика комнат воспитанников и т. д.

Уже в 1960-е годы, после выселения жильцов из здания, начался новый этап реконструкции Лицея. Проект был разработан архитектором А. А. Кедринским, который и руководил работами. Сначала была проведена большая инженерная работа по замене перекрытий, укреплению стропил, проведению коммуникаций. Одновременно шла работа художников-реставраторов под руководством Я. А. Казакова по расчистке стен и потолков для выявления остатков живописи и первоначального колера. Затем был отремонтирован фасад здания, воссоздано парадное крыльцо, восстановлена в первоначальном виде внутренняя планировка 3-го и 4-го этажей. Лицей, наконец, начал приобретать тот облик, который окружал первых воспитанников. Вскоре началась работа по восстановлению бытовой обстановки Лицея — из фондов других музеев были предоставлены вещи пушкинской поры, мастерами-реставраторами, художниками, скульпторами изготавливались недостающие предметы.

Торжественное открытие Лицея после реконструкции состоялось 6 июня 1974 года, в день 175-летия со дня рождения поэта.

Говоря о Царскосельском Лицее, нельзя не сказать и о его прекрасных садах, которые не одно столетие воспевались поэтами. В годы войны дворцы и парки Пушкина подверглись чудовищным разрушениям. За весь период оккупации гитлеровцами было расхищено или полностью уничтожено более 42 тысяч музейных предметов из коллекций Екатерининского и Александровского дворцов-музеев. Из 58 залов Екатерининского дворца, имевших уникальную отделку, частично уцелели только 10, но и они представляли собой страшное зрелище. Ставшие огневыми точками 4 парковых павильона были полностью разрушены, а 21 получил большие повреждения. В парках, изрытых траншеями и блиндажами, было разрушено 25 мостов, около 50 плотин, дамб и каскадов. Во всех парках города было уничтожено и повреждено 94 % зеленого массива, в результате полного разрушения системы водоснабжения заболочено 18 гектаров парковой территории и все каналы. Сотрудники дворцов-музеев сделали все возможное для спасения музейных ценностей и предотвращения разрушений. Из города было эвакуировано более 17 ты-

сяч музейных предметов. Однако все спасти не удалось, а масштабы повреждений оказались настолько огромными, что большая часть из утраченного до сих пор не восстановлена.

Памятники, павильоны и другие сооружения парков не раз упоминались в лицейском творчестве А. С. Пушкина. Немало прекрасных строк посвятил поэт красоте царскосельских парков, но особые чувства вызывали у него памятники «славы Россиян»:

Садятся призраки героев
У посвященных им столпов,
Глядите: вот герой, стеснитель ратных строев,
Перун кагульских берегов.
Вот, вот могучий вождь полуночного флага,
Пред кем морей пожар и плавал и летал.
Вот верный брат его, герой Архипелага,
Вот наваринский Ганнибал (III, 190):

Три столпа, которые описывает Пушкин, — Чесменская и Морейская колонны и Кагульский обелиск. Кагульский обелиск поэт не раз упоминал в своих стихах, он еще раз вспомнит о нем в «Капитанской дочке», когда приведет к этому памятнику Машу Миронову. Чесменскую колонну и Кагульский обелиск в своем стихотворении «Царскосельский лебедь» вспоминал Василий Андреевич Жуковский, который к тому же нередко изображал Царское Село не только как поэт, но и как художник.

В годы Великой Отечественной войны эти памятники подверглись частичным разрушениям. Работы по их восстановлению были начаты одними из первых в парке. Реставрация имела целью не только восстановление довоенного облика — в ряде случаев расчищались от искажающих переделок, возрождались первоначальные авторские замыслы.

Сложной и кропотливой была работа по реставрации Чесменской колонны, начатая в 1952 году: памятник сильно пострадал во время войны, бронзовые барельефы были утрачены. На Карельский перешеек отправилась специальная экспедиция, чтобы найти в давно заброшенных каменоломнях серый олонекский мрамор, необходимый для реставрационных работ. Применение этого камня в работе было характерным для творчества А. Ринальди. Чтобы реставрировать колонну и предохранить ее от дальнейшего разрушения, необходимо было привести в порядок гранитный цоколь, сильно поврежденный осколками снарядов; заново переложить пьедестал, цветная мраморная облицовка которого была разрушена больше чем наполовину; выправить вмятины и реставрировать бронзовые якоря на завершении пьедестала; заделать все трещины и выбоины в мраморе колонны и на рострах; запаять пробойны, расчистить и прочеканить поверхности скульптуры орла. После просмотра довоенных кинофильмов, где заснята панорама Большого пруда и изучения в архивах пригородных дворцов гравюр и картин с изображениями колонны архитектор А. А. Кедринский и техник А. Е. Поляков составили проекты воссоздания утраченных деталей. Основные работы велись в зимнее время, так как летом были трудности с доставкой и обработкой каменных блоков. Группа камнерезов-реставраторов разбила лагерь на островке среди Большого пруда; здесь

производили заготовку, разделку и предварительную обработку камней. Трудности в работе создавала невозможность точного подбора по цвету и рисунку геометрически четких по очертаниям каменных вставок. В связи с этим были произведены эксперименты применения различных по составу мастиковок. В результате реставрации вся каменная часть колонны была восстановлена, очищена и отполирована. В 1994–1996 годах по проекту Кедринского были воссозданы бронзовые барельефы, и в июне 1996 года, к 300-летию Военно-морского флота России, их установили на прежнем месте.

В поэтическом творчестве лицейстов воспета знаменитая царскосельская статуя «Девушка с кувшином» (помимо Пушкина ей посвятил стихотворение М. Д. Деларю). Перед захватом города фашистами сотрудники музея успели спрятать статую в земле, вместе с еще несколькими бронзовыми работами, среди которых была и скульптура А. С. Пушкина работы Р. Р. Баха. Предварительно их покрыли составом для сохранения металла от окисления. Места захоронений были замаскированы дерном. В связи со спешкой не успели составить точный план тайников, в описании указывались лишь зримые ориентиры — здания, фонтаны, павильоны, постаменты от снятых скульптур. Однако в ходе войны почти все отличительные знаки были стерты и уничтожены; местность стала неузнаваемой из-за траншей, окопов и повреждений, причиненных снарядами и бомбами. Это осложнило поиски скульптур после войны, поэтому некоторые из них до сих пор не найдены (например, Ниобея с дочерьми, спящая Ариадна). Ко дню рождения Пушкина в 1944 году статуя «Девушки с кувшином» была вынута из укрытия, которое находилось неподалеку от пьедестала, и отнесена в здание Лицея. Бронзовый кувшин, который остался на пьедестале к началу войны, был похищен.

В самой отдаленной части парка находился Баболовский дворец. О нем есть упоминание у Пушкина; запечатлел его на литографии и лицейский художник В. П. Лангер. В начале Великой Отечественной войны Баболовский дворец, обозначенный на немецких картах как военный объект, подвергался бомбардировкам с воздуха, а в конце войны сгорел (скорее всего, был подожжен немцами при отступлении). Пожар уничтожил все деревянные перекрытия дворца, паркетные полы, окна и двери, внутреннюю облицовку и живопись на стенах, рухнули многие каменные своды и стеновые опоры здания. Уцелел кирпичный свод над ванным павильоном, созданным по проекту В. П. Стасова в первой половине XIX века, благодаря чему и сохранилась расположенная в нем гранитная ванна мастера Суханова, которую немцы не смогли вывезти. Территория Баболовского парка также сильно пострадала, много деревьев было искалечено или повалено, во многих местах оставались воронки от бомб и снарядов, блиндажи. Вблизи дворца были разрушены мост-плотина через речку Кузьминку, Таицкий водовод, грот и лесенка возле дворца, Грот монаха, а также служебные постройки за мостом — бывшая кухня (остался только цоколь) и ледник; была спущена вода из Большого пруда на Кузьминке. В 1970-х годах отреставрировать Баболовский дворец обещал Ижорский завод, которому здесь был предоставлен участок земли для строительства пансионата. Однако своего обязательства администрация завода не исполнила. Иван Петрович Саутов долгие годы пытался включить Баболовский комплекс в состав Государственного музея-заповедника «Царское Село», но желание его так

и не осуществилось, и это решило судьбу ансамбля, который и в настоящее время находится в плачевном состоянии.

Одним из самых радостных событий для горожан стало спасение двух памятников Пушкину. Один из них, работы Бернштама, стоял у Египетских ворот. По воспоминаниям музейного работника М. А. Тихомировой, «неожиданно, среди разлухи и тяжелой тишины, нас встретил Пушкин. Тот самый небольшой бронзовый Пушкин Бернштама, мечтательно прислонившийся к скале, всем знакомый, стоящий у входа в город, среди зеленых куп кустарников. Никто даже не думал, что этот маленький монумент мог уцелеть, но он был на том же месте, — только теперь он стоял за окопами, завалами, какими-то надписями на испанском языке, весь израненный вражескими пулями. Но по-прежнему встречал входящих в свой город. Уже не в первый раз этот Пушкин участвовал в боях. Он был ранен еще в годы гражданской войны белогвардейской пулей. А новые, свежие его раны были не случайными. Пять пулевых отверстий во лбу статуи свидетельствовали о том, что она служила мишенью, о том, что Пушкин был расстрелян равнодушной вражеской рукой. Имя Пушкина было присвоено войскам, освободившим город его юности. И здесь, у Египетских ворот, он стоял как непосредственный участник боев, как израненный боец на посту. А мы, блокадники, повидавшие немало ран и смертей, со стесненным сердцем, с болью и гордостью смотрели на эту скромную статую, которая обрела совсем новое, героическое звучание и новую жизнь как память о тех, кто сражался за город Пушкина»⁴.

Не менее радостным стало спасение памятника Пушкину-лицейсту. В сентябре 1941 года фашисты непрерывно бомбили город, но, несмотря на воздушные налеты и артиллерийский обстрел, советские бойцы спасли памятник. Его сняли с постамента и закопали в землю тут же, в саду. Шестого июня 1944 года в городе поэта отмечали годовщину его рождения. М. А. Тихомирова была свидетелем тех событий: «И вот, наконец, Лицейский сад, вернее, то место, где он был, так как узнать его невозможно. Он весь черный — и земля, и деревья, и как будто бы не лето было в том июне, а глубокая осень. В левом углу сада фашистское кладбище с березовыми крестами. Несколько могил, видимо, заготовленных заранее, остались пустыми ямами. И одна из них вырыта почти рядом с пьедесталом юного Пушкина-лицейста. Пьедестал покосился, осел, покрылся мхом, и большая трещина рассекла выбитые на нем пушкинские слова “Отечество нам Царское Село”... Но самое главное — пьедестал этот был пуст, и казалось, что именно из-за этого Лицейский сад неузнаваем. <...> В сад не хотелось входить, но нас упорно приглашали зайти туда. Заходили по одному, нехотя, но потом бежали и наклонялись над чем-то... Толпа склоненных к земле людей становилась все больше. Юный Пушкин был здесь! Справа от пьедестала, в неглубокой яме, в земле виднелась его кудрявая голова. Он был цел и невредим. <...> Из черной, обожженной боями и пожарами земли возникало лицо, юное, мечтательное, гордое, казалось, мы и не видели его раньше таким. <...> Пушкин, по-прежнему склонив голову на руку, смотрел задумчивым взглядом на страшные следы войны, на наши взволнованные лица. И каждый старался поймать этот взгляд»⁵. Поэт Всеволод Рождественский также был свидетелем этого радостного события:

Мы копали бережно, не скоро,
Только грудь дышала горячо.
Вот он! Под лопатою сапера
Показалось смуглое плечо.
Голова с веселыми кудрями,
Светлый лоб — и по сердцам людским,
Словно солнце, пробежало пламя:
Пушкин встал — и жив, и невредим!⁶

В апреле 1945 года монумент подняли из укрытия и поставили его на постамент. В июне 1946 года скульптуру отреставрировали и придали ей прежний вид.

Восстановительные работы во дворцах и парках города Пушкина ведутся до сих пор. Многие уже восстановлены, но многое утрачено навсегда. Восстановление сложного, стилистически неоднородного дворцово-паркового комплекса Царского Села, включавшего произведения различных архитекторов, претерпевшего значительные изменения за время своего существования, потребовало переоценки всего дошедшего до нас, чтобы выявить и возродить все лучшее, изъять искажающие облик памятника позднейшие переделки и перестройки. Выполнение этой ответственной задачи стало возможным благодаря совместным усилиям историков, искусствоведов, архитекторов, музейных работников. В тяжелые военные и послевоенные годы они сумели спасти и сохранить для нас прекрасные сады Лицея и лицейские стены, в которых до сих пор слышен голос великого поэта.

Примечания

¹ *Рождественский Вс.* Избр. произведения: в 2 т. Т. 1: Стихотворения. Л., 1988. С. 233.

² *Анциферов Н. П.* Пригороды Ленинграда: города Пушкин, Павловск, Петродворец. М., 1946. С. 71.

³ *Берггольц О. Ф.* Избр. произведения: в 2 т. Л., 1967. Т. 2. С. 249–251, 254, 256–258.

⁴ *Тихомирова М. А.* Памятники. Люди. События: из записок музейного работника. Л., 1984. С. 122–123.

⁵ Там же. С. 124–127.

⁶ *Рождественский Вс.* Указ соч. С. 274.

ПУШКИН И НАШИ СОВРЕМЕННОКИ

ПУШКИН ВСЕГДА С НАМИ

(интервью директора Всероссийского музея А. С. Пушкина С. М. Некрасова с М. М. Бобровым)

Михаил Михайлович Бобров — личность легендарная. Его молодость пришлось на годы Великой Оте-

чественной войны. Зимой 1941/42 года Бобров вместе с друзьями-альпинистами бережно укрывал купол Исаакиевского собора, золотые шпили Адмиралтейства и Петропавловской крепости, чтобы лишить артиллерию и авиацию противника ориентиров для бомбежек и артобстрелов.

Заслуженный мастер спорта СССР, заслуженный тренер СССР, заслуженный работник физической культуры России; мастер спорта, арбитр международной категории, М. М. Бобров подготовил немало спортсменов высочайшего уровня, в том числе победителей Олимпийских игр. В преддверии 300-летия города возглавил акцию по водружению флагов Санкт-Петербурга на Северном полюсе и на высочайших вершинах всех континентов. Занесен в «Книгу рекордов Гиннеса» как старейший в мире покоритель Северного полюса. Почетный гражданин Петербурга, недавно отметивший свое 90-летие, и сегодня бодр и весел, излучает оптимизм, энергию и жизнелюбие.

С. М. Некрасов: Михаил Михайлович, когда вы впервые услышали имя Пушкина?

М. М. Бобров: Разумеется, в детстве. Сказки Пушкина читают, наверное, всем детям, и я не был исключением. Затем в школе, где много внимания уделяли литературе. Я учился в школе № 9 на Большом проспекте Петроградской стороны, это бывшая Введенская гимназия им. Петра Великого. Здесь когда-то учились Александр Блок, Николай Анциферов, знаменитые кинорежиссеры, создатели фильма «Чапаев», братья Васильевы; моим соседом по дому был Игорь Горбачев. У меня был замечательный отец, который с пяти лет начал заниматься со мной спортом, мы вместе совершали пешие прогулки по Петроградской стороне, катались на велосипедах.

И вот однажды мы доехали с ним во время велосипедной прогулки до Черной речки, и отец показал мне место дуэли Пушкина. Тогда еще не было вокруг современных зданий, транспорта, было тихо и пустынно. Посещение этого места привело на меня сильнейшее впечатление.

В школе у нас были замечательные учителя, и мы не только изучали пушкинские сочинения на уроках, но и ездили в город Пушкин, стояли в Лицейском саду у памятника поэту, с интересом взирали на здание Царскосельского Лицея, где в ту пору еще не было музея.

За несколько лет до окончания школы нас перебазировали в другое здание на Каменноостровском проспекте. Оказалось, что здесь до 1917 года размещался Александровский Лицей, переведенный сюда из Царского Села в 1843 году. А наш выпускной вечер проходил в расположенном рядом дворце князя Горчакова. Получается, что я учился почти в том самом знаменитом Лицее.

С. М. Некрасов: Часто ли вы читаете Пушкина?

М. М. Бобров: Пушкина я читал в основном в детстве и в юности. В зрелом возрасте возвращался к нему не столь уж часто. Хотя, живя за границей, всегда с гордостью за Россию вспоминал его имя.

Однажды, вернувшись из Рейкьявика, где в течение трех лет готовил сборную команду Исландии, я был на заседании Спорткомитета в здании на Миллионной улице. После заседания выхожу не торопясь, поворачиваю на Мойку, иду мимо дома Волконских, где жил Пушкин. Ворота были открыты, и очень много людей направлялось во двор. Я тоже вошел и увидел, что народу полным-полно. Тут-то я и вспомнил, что сегодня 10 февраля, день памяти Пушкина. У микрофона стоял какой-то иностранец и на ломаном русском языке говорил о Пушкине, читал его стихи. Вот такая была неожиданная встреча: из Спорткомитета — прямо к Пушкину. Невольно вспомнил, как в детстве с отцом столь же неожиданно впервые попал на место дуэли на Черной речке. Вероятно, Пушкин с нами всегда, даже когда мы о нем и не вспоминаем.

А. С. Массарский

«НЕМОЛЧНЫЙ ШЕПОТ НЕРЕИДЫ»

*М*ного лет я занимаюсь конструированием аппаратуры для подводных фото-, кино- и видеосъемок. Сначала

это были боксы для съемочных камер, которые выпускала наша промышленность, но в начале 1980-х я разработал первый отечественный фотоаппарат в герметичном корпусе (без бокса) «Аквакон». Экспериментальные образцы его были изготовлены на Ленинградском оптико-механическом объединении (ЛОМО). Прибор был испытан и одобрен, и тогда я предложил для выпуска конструкцию герметичной кинокамеры, над которой работал несколько лет.

Это была первая в мировой практике камера, способная снимать как под водой, при высоком наружном давлении, так и в космическом вакууме. При этом кинокамера отличалась современным дизайном. На ЛОМО были изготовлены опытные образцы этого аппарата и проведены всесторонние испытания. Я испытывал этот прибор на коралловых рифах Индийского океана и остался доволен результатами. Как автору изделия мне предложили придумать название этой кинокамеры.

Начались раздумья... Все, что приходило в голову, было уже использовано или не годилось по смыслу.

Но однажды, когда я снимал научный фильм «Бирюзовая бездна» о подводной жизни коралловых рифов Сейшельских островов, неожиданно в памяти всплыли строки из восьмой главы «Евгения Онегина»:

Как часто по брегам Тавриды

Она меня во мгле ночной
Водила слушать шум морской,
Немолчный шопот Нереиды,
Глубокой, вечный хор валов,
Хвалебный гимн отцу миров (VI, 165–166).

Я вспомнил, как еще в школьные годы мы с моим другом Жоресом Алферовым пытались разобраться, что именно олицетворяют богини и нимфы, упоминаемые Пушкиным: Прозерпина, Аврора, Терпсихора, Диана, Нереида... Больше всего нам нравилась мифологическая Нереида.

Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду,
На утренней заре я видел Нереиду... («Нереида», 1820 — II, 156)

Имя дочери морского владыки завораживало и манило в неизведанные просторы океана.

Обрадованный, я сообщил на ЛОМО о своей «находке»: кинокамера будет называться «Нереида»!

— Что еще за «Нереида»? — сказали мне. — Надо что-то русское.

Пришлось рассказывать о мифологическом боге морских глубин Нерее, добром, мудром и справедливым старце, который помогал мореплавателям, и о его прекрасных дочерях Нереидах, спасавших тонущих моряков.

Наконец, когда символ «Нереида» нанесли на корпус камеры, я вдруг подумал, что за рубежом, куда камеру тоже собирались продавать, это слово, написанное кириллицей, будут читать как «Хепеуда». Ведь называли иностранцы наши лезвия для бритвы «Нева» — «Хеба». И тогда на другой стороне корпуса «для непонятливых иноземцев» написали — «Nereida».

Кинокамера готовилась к серийному выпуску, но началась «перестройка» нашей жизни. Предприятие остановилось. И остались только два опытных образца моей «Нереиды». Наверное, как всегда, во всем виноват был Пушкин...

М. Н. Кураев

ТРЕВОЖАЩИЙ СОВЕСТЬ ЛУЧ... (о праздновании 200-летия Лицея)

Девятнадцатое октября — дата в нашем календаре совершенно особенная. В этот день мы чувствуем себя в кругу тех,

кто с детских лет был нам близок, каждому из нас на особицу, но праздник этот был для всех общим.

День Лицея! Он вошел в нашу душу, в наше сознание, конечно, вместе со стихами Пушкина «Роняет лес багряный свой убор, сребрит мороз увянувшее поле...» Он вошел в нашу память именами тех, кто был рядом с Пушкиным, кто на долгие шесть лет «неволи мирной» заменил ему семью и стал его семьей. В этот день мы все тоже чувствуем себя причастными к этой семье. Для кого-то «родня» ограничена Пушкиным, Кюхельбекером, Дельвигом... Кто-то помнит и Пушина, и Данзаса, и Корфа с Горчаковым, и, конечно, «первейшего стихотворца» Илличевского, и «Суворчика» Вольховского... «...В морях твоя дорога...» — слова, адресованные Матюшкину, сохранили для нас и это имя. А за этими именами встают имена наставников, учредителей, основателей Лицея.

В день празднования 200-летия Лицея, разумеется, вспоминали и о том, что Лицей был задуман и осуществлен для подготовки государственных чиновников на важные должности.

Подготовка юношества к будущей службе почиталась делом столь ответственным, что десяти-двенадцатилетние дети были переведены, как мы сказали бы сегодня, «на казарменное положение». Принятые в 1811 году лицеисты будут отпущены домой на Рождественские праздники лишь в 1816 году, за год до выпуска. И, может быть, совершенно неслучайно, даже вполне логично, из Министерства просвещения Императорский Царскосельский Лицей всего через пять лет после первого выпуска будет передан в военное ведомство.

Не помню, чтобы на юбилейном лицейском празднике говорили о военизированном характере подготовки юношей к отправлению должностей важных чиновников. А еще не говорилось, надо думать, из скромности, от нежелания задеть алчных мира сего, о том, насколько актуальна, насколько болезненна, и пока еще трагически неразрешимо стоит сегодня проблема чиновничества в нашей стране.

Официально признается, что государственный аппарат за последние двадцать лет изменился количественно, страна стала меньше, чиновников стало больше. Отмечается и качественное изменение этого разрастающегося монстра.

Проблема борьбы с коррупцией на самых высоких государственных уровнях признается актуальнейшей. Да и на других уровнях тоже. Глава аппарата президента заявляет о том, что коррупция в Москве (это рядом, хорошо видно!) достигла «запредельного» уровня. Все это можно было бы посчитать гоголевским, свифтовским, кафкианским сюжетом, если бы реальный оборот так называемых коррупционных денег не ошеломлял своим масштабом. Рост, скажем деликатно, благосостояния — всего лишь благосостояния! — отправляющих важные государственные должности чиновников несоизмерим с ростом их зарплат. Современный русский язык пополнился криминальными, в сущности, понятиями, звучащими уже вполне обыденно: «откат», «отмыв», «распил», «обналичка», «увод»... Это ли не свидетельство того, что криминалитет завоевывает государственные позиции?

Сомневаетесь? Но в современной России создана Всероссийская! антикоррупционная! общественная приемная «Чистые руки». На основании материалов, предоставленных этой *очень своевременной* общественной организацией, подготовлен доклад, приводящий к неутешительному выводу: «коррупция в нашей стране сегодня достигла критической черты, за которой может последовать смерть всего ее национального устройства».

Стало быть, вопрос о том, где найти порядочных людей, коим можно доверить важные части государственной службы, актуальнейший, животрепещущий! Казалось бы, сам Бог велел, отмечая столетний опыт подготовки государственных служащих, осмыслить этот опыт именно в связи с чрезвычайной его востребованностью.

Так что же мы чествовали?

Удивительное, невероятное явление «Императорский Царскосельский лицей»...

В начале XIX века в высших кругах государственной администрации поняли, какими издержками оборачивается невежество, необразованность государственных чиновников, особенно верхнего разбора. На смену высиживания чинов и должностей по «выслуге лет» пришли экзамены на чин от VIII до V класса¹.

Удовлетворить потребность в образованном чиновнике, пригодном для высоких должностей, как раз и был призван задуманный М. М. Сперанским в конце 1808 года «особенный лицей». Проект организации Лицея разрабатывался и согласовывался с министром просвещения А. К. Разумовским, и, наконец, в январе 1811 года был утвержден Александром I, а уже 19 октября того же года Лицей было торжественно открыт.

Мы давно не удивляемся тому, что дата открытия Царскосельского лицея стала соборной для нашего Отечества.

Как же случилось, что «кузница» чиновных кадров стала духовной Меккой, местом паломничества отнюдь не жаждущих преуспеть в карьере? Даже напротив, скорее сюда влечет идеалистов, романтиков, почитателей высокого и прекрасного в жизни, а вовсе не мечтающих о соблазнительных прелестях государственной службы.

Пушкин Александр Сергеевич и Корф Модест Андреевич — этими именами «первозванных» лицейстов обозначились два пути Лицея, один — в народную память, другой — в историю подготовки квалифицированных кадров для госслужбы.

В Модесте Андреевиче Корфе основополагающая идея Лицея, подготовка юношества к занятию «важных частей государственной службы», нашла блистательное воплощение. Прилежный. Благодетельный. Даровитый. Усердный. Аккуратный. С любовью к порядку во всем. Достаточно осторожный. В меру упрямый. Несколько боязливый, что мешало ему быть «совершенно открытым и свободным». С развитым соревновательным чувством. «Не совершенно открытое», но вполне наблюдаемое чувство превосходства. Самонадеянный. Вот главные черты его портрета, сохраненные нам современниками. Да, еще. Тщеславен. «Тщеславие он обнаруживает даже в положении тела, которое он выставляет напоказ в различных позах», — писал о семнадцатилетнем лицеисте директор Лицея Егор Антонович Энгельгардт в 1816 году. Судя не только по его стремительной карьере, но и по строгим и недоброжелательным отзывам о своих однокашниках, не мечтавших о чиновном поприще, да, именно в Корфе нашла воплощение «генеральная линия» Царскосельского, а впоследствии и Александровского Лицея.

А что же Пушкин? Его портрет у всех перед глазами и в душе. Но не для того затевался Лицей, чтобы его выпускники так небрежно относились к государственной службе!

Если судить по служебной биографии Пушкина, Пущина, Кюхельбекера, Дельвига, даже Данзаса, надо признать, что их пребывание в Лицее не оправдало надежд учредителей.

А, может быть, здесь кроется какая-то глубоко скрытая ошибка, которую не смогли предусмотреть основатели и организаторы Императорского Царскосельского Лицея?

Наверное, так и есть.

Лев Толстой, положивший, как известно, немало труда на изучение педагогики и применение ее на практике, в статье «Воспитание и образование» пристально вглядывается в смысл привычных слов: «воспитание», «образование», «преподавание», «обучение». Толстой замечает, что во французском, к примеру, нет слова, соответствующего понятию «образование». Из немецкого же Bildung следует: «воспитание есть образование наилучших людей, сообразно с выработанной известной эпохой идеалом человеческого совершенства». Bilden — это не только воспитывать, просвещать, но и формировать!

Именно как *формирование* личности понималась воспитательная и образовательная программа Лицея.

И здесь, быть может, уместно вспомнить предшествующий опыт, речь идет о Пажеском корпусе. Предназначение Пажеского корпуса уже при государыне Елизавете было определено вполне сходно с тем, как будет названо назначение Лицея: воспитание и подготовка к военной и государственной службе детей высшей дворянской знати.

В самом регламенте Пажеского корпуса сказано как раз о *формировании* личности, сказано в духе времени, несколько витиевато, но, по сути, ясно: «Дабы те, пажи через то к постоянному и пристойному разуму и благородным поступкам наивысше преуспевали и от того учтивыми, приятными и во всем совершенными себя показать могли, как христианский закон и честная их природа повелевает». Лучом эпохи Просвещения написаны слова о повелениях христианского закона и «честной природы».

Стало быть, и здесь речь идет как раз про «образование наилучших людей, сообразно с выработанной известной эпохой идеалом человеческого совершенства».

Таким образом, в контексте развития учебно-воспитательных учреждений в России появление Лицея не было чем-то совершенно особым, не имеющим аналогов.

И еще одно чрезвычайно важное обстоятельство. С детства, бывая в г. Пушкине, обозревая с особым почтением и трепетом здание Царскосельского лицея, еще не ставшего музеем, как-то не задавался вопросом о его дальнейшей судьбе. Судьба Пушкина и его товарищей-лицеистов была куда важнее, чем история Лицея. О том, что Лицей был переведен в С.-Петербург на Петроградскую сторону вообще узнал уже в 60-е годы почти случайно. Поинтересовался, что было в здании, где разместился отдел милиции Петроградской стороны. Ответ был неожиданным: это здание церковного причта Лицейской церкви. «Какого Лицея?» «Да вот же, Петербургского Александровского, что на Кировском проспекте, по старому Каменноостровском». Я знал, что в этом здании с высокими окнами, разместившемся в глубине просторного сквера, напротив дома, где жил Киров, после революции был устроен приемник для беспризорных детей, потом техническое училище, потом Радиополитехникум... Даже знал, что в этом здании великолепный актовый зал, где еще до войны любили выступать именитые музыканты. Но Александровский Лицей не стал для горожан местом сколько-нибудь памятным. Мало ли в столице империи было крупных учебных заведений! Вот Инженерный замок как военно-инженерное училище помнили, главным образом потому, что там учился Достоевский, а до того безжалостно, но исключительно из благих соображений, убили государя-императора Павла Первого. Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров на Лермонтовском² проспекте помнили, потому что она связана с именем Лермонтова. Александровский Лицей на Каменноостровском проспекте за более чем полувековое существование выпустил около тысячи юношей, подготовленных к государственной и военной службе, но кроме Салтыкова, писавшего под псевдонимом Щедрин, даже горожанин, осведомленный выше среднего, едва ли мог назвать еще хотя бы одного-двух лицеистов. А вот из выпускников лицея Царскосельского даже прилежный школьник мог назвать семь-восемь имен, а если с преподавателями, так и того больше. И с детских лет там у многих из нас были свои друзья, у кого Кюхля, у кого Пущин, у кого Дельвиг, и, конечно, у всех Пушкин! Мы с детства знали их любовные тайны, обиды, прозвища, успехи и поражения, рисунки, самодельные журналы, стихотворные опыты... Какой еще кадетский, какой пажеский корпус стал таким близким, знакомым, родным, как пушкинский Лицей!

Значит, в 2011 году мы торжественно отметили событие, ставшее куда более значительным, чем учреждение 200 лет назад еще одного привилегированного учебно-воспитательного заведения для отпрысков дворянских семей.

Еще раз можно повторить, что имя Пушкина и Царскому Селу, и Лицею сообщило особую судьбу. И есть смысл взглянуть в эту судьбу и увидеть событие почти невероятное. Одни и те же условия, строгие правила, общая программа преподавания и воспитания, одни и те же наставники и преподаватели сформировали совершенно разного рода выпускников, разных по духу, по осознанию своего места в жизни.

Более того. Есть как бы если не два Лицея, то две неравных по протяженности истории Лицея, одна — история пушкинского курса, выпуск 1817 года, другая —

дальнейшие сто лет, до окончательного закрытия Лицея, когда в апреле 1918 году «выбросили на улицу и последний остаток Лицея...». И какая из этих двух неравных частей история важнее, кажется, не подлежит сомнению.

Тут же на ум приходит сравнение... с театром! При одном режиссере и составе труппы это один театр, но вот прошло время, пришли другие лица, остались та же сцена, занавес, тот же зрительный зал и репетиционные те же, и в старых стенах, как заклинание, постоянно звучат слова о «верности славным традициям», сохраняется репертуар, но это уже — другой театр...

Итак, Императорский Царскосельский Лицей был учрежден Министерством просвещения. В его организации, выработке Устава, наконец, приеме воспитанников участвовал сам министр образования гр. А. К. Разумовский. Более того, приемные экзамены происходили в его усадьбе на берегу Фонтанки, стоявшей там, где в 1887 году проложили новую улицу, поименовав ее Бородинской.

Надо думать, что как раз первые выпускники заставили задуматься высшую власть, исполняет ли Лицей свое предназначение.

Подумали и в 1822 году. Всего через одиннадцать лет своего существования из Министерства образования Лицей был отдан в военное ведомство, а Главноначальствующим³ над учебными военными учебно-воспитательными заведениями стал вел. кн. Константин Павлович. О репутации второго сына императора Павла многое говорит требование его старшего брата, Александра Первого, на случай своей смерти, загодя, настоятельно просить Константина Павловича подписать отречение от притязаний на престол. И такое отречение, не разглашаемое, в 1823 году состоялось. Одно дело управляться с Польшей, где Константин Павлович был наместником (ее, видно, Александру I было не больно жалко), иное дело — Россия! Такого правителя он ей, многострадальной, не желал. А вот для начальствования над военно-учебными заведениями вел. кн. Константин Павлович подходил, надо думать, как нельзя лучше.

В свое время вел. кн. Константин Павлович даже присутствовал при торжественном открытии Царскосельского лицея, но в пору своего Главноначальствования был более занят делами в Польше, и ни разу Лицей не посетил. Да и зачем? По плодам узнаете о делах их! Именно письмо вел. кн. Константина Павловича государю, теперь уже Николаю Первому, позволяет многое понять в судьбе Лицея.

Главноначальствующий, составив свое мнение об Императорском Царскосельском лицее на расстоянии, предостерегает своего венценосного брата, опасаясь, «чтобы нам не довелось, со временем, оплакивать лицейского воспитания, которое мы видим в Пушкине, Кюхельбекере, Гурьеве и прочих».

Для великого князя что воспитание, что формирование одним лыком вязаны, но заметим, что понятие «воспитание» по отношению к понятию «формирование» носит внешний характер. Можно быть сколь угодно воспитанным «сукиным сыном» и даже палачом. Воспитанный негодяй от невоспитанного негодяя отличается не тем, что они делают, а как. Можно орать: «Запорю!», а можно, шлифуя ногти, спокойно произнести: «Насчет Федора распорядитесь...»

Лицейское воспитание — вот источник будущих монарших слез! Хотели в условиях максимальной изоляции от внешнего мира, даже от родителей, растить этаких чиновных янычар, а уже в 1829 году, когда Главноначальствующий писал

миропомазанному брату, стало ясно, что Лицей-то хорош, да вот лицеисты что-то не удались и «к важным частям государственной службы» как-то не очень тяготеют.

История Лицея, история, главным образом лицеистов первого призыва, позволяет нам увидеть самое главное. Эти дети, потом юноши, раскрывшие свои душевные склонности, сами того не ожидая, заставили потомков совершенно по-новому осмыслить понятие «важных частей государственной службы». В тексте Устава слова о «важных частях» несут вполне утилитарный смысл, Лицей должен готовить государственных чиновников. Сама формула наводит на мысль о том, что Лицей призван готовить недостающие детали к «важному» механизму. Такой подход вступал в очевиднейшее противоречие с нравственной программой Лицея, направленной на формирование, прежде всего, свободной личности, сообразно идеалам своей эпохи. Раскрытие в юном существе заложенных природой способностей — это ли не самая важная задача гуманистической педагогики во все времена. Вот слова профессора А. П. Куницына из отчета конференции Императорского Царскосельского Лицея: «Усилия наставников не могли и не должны были победить самую природу, которая неравно плоды свои каждому дает». Эти слова говорят лишь об устранении насилия в процессе воспитания, но вовсе не о буквалистском доверии «природе» воспитанников.

Как же были недалёковидны сочинители Устава и правил Лицея, постоянно исправлявшихся!

Какого чиновника можно вырастить, если даже в «Правилах гувернерам» сказано, что им, наблюдающим лицеистов в быту, вне учебного времени, надлежит печься «о приучении юношества к вниманию к голосу совести и благородного честолюбия»? Совесть и благородное честолюбие — это по какому департаменту?! Куда мог завести своих воспитанников сын дьячка, адъюнкт-профессор Куницын, если предметом его занятий были «нравственные науки»? Нынче само это понятие, надо думать, для сохранения «стабильности» в обществе, вычеркнуто и забыто. «Нравственные науки» в Лицее не только изучали — они были средством формирования юных душ. И с полным основанием двадцативосьмилетний профессор Александр Петрович Куницын на торжественном акте первого лицейского выпуска мог уверить Императора: «В наших воспитанниках нет ни грана раболепия».

Да разве без раболепия устоит чиновничья система?! Да разве раболепие, пусть по-разному именуемое, не служит цементом самодержавной власти, также по-разному именуемой? Если не сделать вовремя прививку «раболепия», такие могут и на Сенатскую площадь войска привести!

Что же произошло, если через десять лет после первого выпуска Главногоначальствующий опасается, не придется ли «оплакивать лицейского воспитания»? И в качестве примера приводит три в высшей степени знаменательные образца. Плодом «лицейского воспитания» стал первый поэт России! А готовили чиновника! Вторым по счету идет революционер поневоле. А готовили чиновника! И третьим назван опять же лицеист первого призыва К. В. Гурьев, кстати, «крестник» в. кн. Константина Павловича, отчисленный из Лицея в 1813 году за несносное поведение. А у чиновника дух и повадка должны быть исполнены благонравия!

Оплошали даже с воспитанием Александра Михайловича Горчакова. Будущий канцлер пренебрег присягой, ради верности христианскому долгу и повеле-

нию «честной природы». Немало рискуя, он принял участие в попытке спасения И. И. Пущина, активнейшего участника Декабрьского восстания. После подавления восстания Горчаков привез Пущину заграничный паспорт и деньги и умолял о немедленном отъезде за границу. К сожалению, безуспешно.

Но обратимся к именам менее известным, попробуем увидеть в их чертах следы «опасного» лицейского *воспитания*.

Вот Яков Тимофеевич Спешнев лицеист последнего, 1842 года, выпуска Царскосельского Лицея (уже в 1843 г. лицей переедет в Петербург). Как и Пушкин, он окончил курс с чином IX класса, но не пошел на министерскую службу, а остался в Лицее воспитателем. Лицеисты недолюбливали Спешнева, уж очень умел «совать нос не в свои дела», подслушивал разговоры лицеистов, следил за тем, что читают его подопечные, даже рылся в конторках лицеистов в поисках запрещенного чтения. Вот, казалось бы, образцово подготовлен к «важной части государственной службы». Ан нет! Никто из лицеистов не мог пожаловаться, что малопочтенные качества воспитателя обернулись бы для кого-то дурными последствиями. Более того, именно Спешнев первым устроил у себя на дому празднование 19 октября для лицеистов младших классов! Так ли служат царю-отечеству?!

Что вспоминается в дни юбилея? Конечно, едва ли не в первую очередь, обширнейшая литература, научная, мемуарная и художественная, посвященная Царскосельскому Лицею. Отдельный поклон и душевная благодарность создателям «Лицейской энциклопедии», сделавшей Лицей нам еще ближе во всей возможной полноте. К юбилею подготовлен и выпущен великолепный и, надо думать, очень дорогой альбом рисунков первых лицеистов, но отнюдь не списки преуспевших на карьерном поприще, издать которые было бы и проще и дешевле! Особо среди литературы о лицеистах, быть может, следует отметить книгу-исследование Сергея Некрасова «Куда бы нас не бросила судьбина...» Посвященная лицеистам поздних времен, эта книга как бы восстанавливает историческое единство России. Рассказывая о лицеистах, оказавшихся после революции в эмиграции, С. М. Некрасов повествует о сохранении лицейских традиций, товарищеской поддержки, верности идеалам, сплотившим людей, осененных именем Лицея. И дело лицейского единства, пронесенное через испытания, как раз и оказалось *служением* важнейшей части, духовной части отечественного жизнеустройства.

И вот что удивительно: в истории Лицея для нас дорого и важно именно то, что не входило в учебно-воспитательный процесс, но было самой жизнью лицеистов: их безудержное фантазерство, творчество, даже проказы, дух братства, верность в дружбе, выдержавшая все испытания, именно «души прекрасные порывы» перешли в поколения, стали национальным духовным богатством. Те, кого мы с благодарностью вспоминаем сегодня, не были ангельского чина. В памяти сохранилась и «картежная эпидемия», и курение, в детском возрасте никогда не поощряемое, и детская жестокость, вдруг являвшаяся во всей неприглядности, вроде бы «дети как дети», и все-таки нет. Их детство, ставшее для нас недостижимо прекрасным, запало в душу молодым людям, жаждающим искренней дружбы, братства, солидарности с талантливыми и вольнолюбивыми сверстниками.

Вот на какое сравнение наводит история Лицея. Известно, что айсберги, плавающие в полярных морях, накапливают на своей открытой всем ветрам надводной

части снег, превращающийся в лед, постоянно с годами нарастающий, и вот наступает момент, когда вершина, непомерно отяжелевшая, уходит под воду, а то, что скрывалось под водой, оказывается над поверхностью вод.

Сравнение не хитрое, но именно оно, на мой взгляд, и не только на мой, но и на взгляд, как полагаю, Главноначальствующего вел. кн. Константина Павловича, позволяет увидеть то, что заставит-таки «наплакаться» за лицейское воспитание не только учредителей Императорского Царскосельского лицея, но и их наследников.

Вот так, со временем опрокинувшись, «кузница чиновных кадров» явила свое *истинное бытие*, и состояло оно вовсе не в предуготовлении юношей к госслужбе!

Сегодня мы чтим Лицей вовсе не как «кузницу кадров», мы чтим и славим Лицей, приобщивший общество к высшим началам нравственной педагогики, Лицей, породивший по недогляду высшей администрации личность свободную, готовую постоять за свои убеждения, почитающую нравственный долг выше «служебных обязанностей» даже высшего чиновничества.

Выпущенный «девятым классом» по Табели о рангах в чине коллежского секретаря лицеист, уже на следующий год после выпуска воскликнет: «Пока свободю горим, пока сердца для чести живы, мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы!» И этим словам не умолкнуть, их эхо до сих пор живет в стенах Лицея как молитва и клятва. И никому не будет дела, преуспел или нет автор этих строк на государственной службе. И к лицейскому порогу идут не те, кому не повезло или повезло в чинах, а те, для кого товарищество, братство, свобода, талант и человеческое достоинство составляют высшую жизненную ценность.

Итак, к чему эта резекция, один Лицей, другой Лицей, до 1817 года, после 1817 года?..

Оказывается, сегодня, если мы храним в памяти и чествуем Лицей, он по-прежнему служит «важным частям государственной службы», только понимание того, что считать «важным», судьба лицеистов заставила осмыслить иначе, чем предполагалось.

Заслуги на государственной службе и заслуги во вкладе в духовную историю Отечества, сопоставимы ли они? Вам судить, дорогой читатель. Впрочем, сама история Лицея ответила на этот вопрос. И надо этот ответ услышать и намотать именно на государственный ус, не почитая культуру, духовную составляющую национальной жизни, чем-то менее важным, чем подготовку чиновников к госслужбе.

Царскосельский лицей — это опыт гуманизации государственного аппарата, предположительно верхнего его слоя. Первые же результаты этого опыта ярко продемонстрировали преобладание гуманистического начала над «аппаратным».

Проблема «государство и человек» сохраняет свою актуальность во все времена. Неумение найти верные ответы на вопросы взаимоотношений, взаимобязанностей государства и человека, приводит к деградации гражданского общества и в конечном счете к разрушению государственного устройства, замену его иным. В этой связи надо заметить, что никакие Всероссийские антикоррупционные приемные, гостиные, спальни не помогут одолеть зло. Разложение чиновничества, госаппарата — прямое следствие дегуманизации нашей современной жизни. И первый и ярчайший симптом этого — ползучее сокращение гуманитарных наук в школе...

А еще это и расплата за циничное и, увы, не бескорыстное шельмование идеализма предыдущих поколений.

Кто знает, если бы столь очевидные ответы на важнейшие вопросы государственного жизнеустройства, которые нам дает история Императорского Царскосельского лицея, были услышаны, поняты и приняты руководством к действию, может быть, и не дошло бы до взрыва в 1917 году, а сегодня не стояла бы первоочередной задачей борьба с коррупцией, и проблема сращивания госаппарата с криминалом не была бы головной болью нации?

Празднование 200-летия Лицея в высшей степени поучительно, и было бы не разумно этим уроком пренебречь. Оно продемонстрировало, вовсе не преднамеренно, превосходство непреходящего гуманитарного начала в истории нации над преходящим политическим. Мы еще раз вспомнили, что Лицей превзошел в первые же годы своего существования изначальное свое предназначение, тем и славен, тем и дорог, за то и чтим.

Честь и слава мальчикам, первозванным лицеистам, чьи души были открыты для проповеди добра и справедливости, свободы и равенства, чести и благородства, внесенные в стены Лицея его славными душеводителями.

На склоне лет Лев Толстой порицал современных художников, за то, что они не будят ум, лишь раздражают чувство и «не забрасывают в душу никакого тревожащего совесть луча...»

Не потому ли мы чтим Лицей, помним не сделавших карьеры лицеистов, что и по сей день одно только это слово — «Лицей» источает тревожащий совесть луч?

Примечания

¹ Может быть, стоит заметить, что персоны, достигшие чинов первых четырех классов Табели о рангах, были неподсудны даже для Сенатского суда. Их могли судить, и то теоретически, лишь по именному повелению царя. Так что «каста неприкасаемых» вовсе не завоевание нашей демократии.

² «Лермонтовским» проспект стал в 1912 г., поменяв до этого около двадцати наименований.

³ Нелишне напомнить, что Главноначальствующей над воспитательными домами С.-Петербурга и Москвы в 1811 г. была императрица Мария Федоровна, вдова Павла Первого, основательница благотворительных и воспитательных учреждений, так же присутствовавшая на торжественном открытии Царскосельского Лицея.

А. В. Емельянов

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ПАРК В ОКТЯБРЕ

Здесь сангиной одной невозможно уже обойтись.
Но не буйство цветов поражает в октябрьском парке,
А застывший покой, словно Фауста — «остановись...»
Вдруг случилось, и выбит челнок у трудящейся Парки.

О, как вечность страшна в этих царских лицейских садах.
Даже крики детей и гусей, даже ростры, колонны и стены
Не снижают величия. И тучи стоят в зеркалах.
И свой гасит фитиль Осветитель Вселенной.

Невозможно вдохнуть этот воздух сырой и густой.
Словно тысячи лет он томился в божественной лени,
Забродил и пьянит. И так низко парят над землей
И безмолвно сменяются чему-то лицейские тени.

СОКРАЩЕНИЯ

АРА — Американская администрация помощи (American Relief Administration)
БКМА — Брюссельский Королевский музей армии
ВМП — Всероссийский музей А. С. Пушкина
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ГА РО — Государственный архив. Рукописный отдел
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГИАЛО — Государственный исторический архив Ленинградской области
ГИУ — Главное инженерное училище
ГМЗ «Царское Село» — Государственный музей-заповедник «Царское Село»
ДПЗ — Дом предварительного заключения
ИАЛ — Императорский Александровский Лицей
КЛРИИ — Кружок любителей русских изящных изданий
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОМО — Ленинградское оптико-механическое объединение
МГИА — Московский государственный исторический архив
МИД — Министерство иностранных дел
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НТС — Научно-технический совет
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
ПД РО — Пушкинский Дом. Рукописный отдел
ПФА РАН — Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГИА — Российский государственный исторический архив
РНБ — Российская национальная библиотека
РНБ ОР — Российская национальная библиотека. Рукописный отдел
СПб. ГТБ — Санкт-Петербургская государственная театральная библиотека
ФЭБ: ЭНИ «Российский архив» — Фундаментальная электронная библиотека: Электронное научное издание «Российский архив»
ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЭПРОН — Экспедиция подводных работ особого назначения

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА

Батюшкову
 Безверие
 «Была пора, наш праздник молодой...»
 В альбом Илличевскому
 В альбом Пушкину
 <Влюбленный бес>
 «Вновь я посетил...»
 Воспоминания в Царском Селе
 «Все в жертву памяти твоей...»
 Гаврилада
 Городок (1815)
 Гробовщик
 19 октября (1825)
 Домик в Коломне
 «Дубравы, где в тиши свободы...»
 Евгений Онегин
 Записка о народном воспитании
 И. И. Пушкину
 «И останешься с вопросом...»
 <Из письма к кн. П. А. Вяземскому>
 История Пугачевского бунта см. История
 Пугачева
 Кавказский пленник
 Каменный гость
 К Галичу
 К Дельвигу
 К другу стихотворцу
 К морю
 К Наталье
 Князю Горчакову
 К сестре
 «Кто видел край, где роскошью природы...»
 «Кто знает край, где небо блещет...»
 К Шишкову
 «Лаиса, я люблю свой смелый, вольный
 взор...»
 Любовь и дружба

«Любовь одна — веселье жизни хлад-
 ной...»
 Медный всадник
 Метель
 Мое завещание. Друзьям
 Монах
 На Баболовский дворец
 Н. Г. Ломоносову
 Нерида (1820)
 Опровержение на критики
 Памятник
 «Перед гробницею святой...»
 Пиковая дама
 Пир во время чумы
 Пирующие студенты
 Повести Белкина
 Полтава
 Послание к вельможе
 Послание к Галичу
 Послание цензору
 Путешествие в Арзрум
 Разлука
 Руслан и Людмила
 Сказка о золотом петушке
 Сказка о царе Салтане
 С португальского
 Тень Фон-Визина
 Царское Село (1823)
 Чедаеву (1821)
 «Чем чаще празднует Лицей свою святую
 годовщину...»
 Черкесская песня
 Элегия
 Юдину
 Prologue

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аберкорн А.-А. 9
 Агамалян Л. Г. 3,
 Адамович Г.
 Адамс
 Аденаур 9
 Айвазовский И. К. 82,
 Александр I 7, 9–12, 19, 29, 32–
 34, 36, 37, 39, 41, 52, 57–59, 61, 63, 64,
 66, 69,
 Александр II 8, 64, 73,
 Александр III
 Александра Федоровна
 Александров В. И. 98,
 Алексеева Е. В. 85,
 Аллер С. 55
 Алтаев А.
 Алтаева-Ямщикова М. В.
 Алферов Ж.
 Альбрехт Катарина
 Алябьев А. А. 70,
 Амбургер Э.
 Аммалат-бек 71,
 Ампер 42,
 Ананьин А. В. 85,
 Ананьич Б. В.
 Андре
 Андреев (смолист Мариинского
 театра) 7,
 Андреев А. И. 76, 85,
 Андреев Н. Н.
 Андреев Ю. П. 12, 18,
 Анна Павловна, вел. кнж.
 Анненков П. В.
 Анненский И.
 Анненский И. Ф.
 Антонов Г. Н. 3, 75–85,
 Анциферов Н. П.
 Апухтин П. А. 98,
 Аристотель 13
 Аркадьева Е. Ф.
 Арнгольд Э.
 Архангельский В. М. 38–40,
 Асенкова В. Н. 90
 Афанасий (в миру Вольховский Петр)
 Афанасий (в миру Вольховский
 Федор)
 Афросимов Г. А. 17
 Ахалин 93
 Ахматова А. А. 27,
 Ахшарумов Д. Д. 99
 Бабин И. И.
 Байрд (Яценко) О. А.
 Бакунин
 Бакунин А.
 Балакин А. Ю. 3, 86–99,
 Баласогло А. П. 99,
 Баратынский
 Барков
 Барнштам
 Барыкина И. Е. 4,
 Барятинские 52
 Батюшков К. Н. 54, 55
 Бах Р. Р.
 Бахерахт Иоганн
 Бахерахт Катарина, урожд. Мейбом
 Бахерахты

- Бедный Д.
 Безак А. П. 65, 68,
 Безак К. П. 65, 68,
 Безак Н. П. 65, 68,
 Безверхний Л. М.
 Безобразов В. П.
 Беклемишев А. П.
 Бекман А. А. 98,
 Беленкова А. И. 3,
 Белинский В. Г. 94, 99,
 Бельчиков Н. Ф.
 Берггольц О.
 Берги 20,
 Бергина
 Березина А. А.
 Березин И. Н. 86, 96
 Березкина С. В. 3, 57–68,
 Бернард Е. А.
 Бернулли 41,
 Бестужев-Марлинский А. А. 70,
 71, 82,
 Бетанкур А.
 Бехтеев А. С.
 Бецкой И. Ю. 95, 99
 Благой Д.
 Блок А.
 Блудов
 Бобров М. М. 3,
 Бобров С.
 Богослов Иоанн
 Бокариус М. В. 18
 Болугьянский 38
 Болховитин Г. С. 29
 Борель П.
 Бородкин М. М.
 Боткин Ю. Е. 17
 Броглио С. Ф. 44
 Брокгауз 86,
 Брюллов К.
 Будри Д. И., де 59,
 Букреева Е. М. 4,
 Буланова-Трубникова О. К.
 Булгарин Ф. В. 65, 66, 98,
 Булыгин А. Г.
 Бурачок С. А. 96, 99
 Бурцов
 Буташевич-Петрашевский М. В.
 Бутковский Я. Н.
 Буторов Н.
 Буторов Н. В. 16, 17,
 Бухарин М. Н.
 Бычков А. Ф. 36,
 Бьевр Ж., де
 Бюффон Л., де 45
 Вагинов К.
 Вагнер
 Ваксель О. А.
 Вальховский см. *Вальховский В. Д.*
 Васильевы
 Вацуро В. Э. 4, 35, 193–195,
 Вебер
 Вельо
 Вельо (сестры)
 Вельо Жозе Педро Селестино, барон
 Вельо Жозефина
 Вельо Осип Осипович
 Вельо Селестина Иосифовна
 Вельо София Иосифовна
 Вельо Софья Ивановна
 Вельяминов А. А. 71,
 Венгеров С. А. 86,
 Вербловская Ф. О.
 Вересаев В. В.
 Вернуа Ж.-А.
 Верховский Е. 71

- Веселовский К. С.
 Ветшева Н. Ж. 4,
 Вигель
 Вигель Ф. Ф. 63, 67,
 Вистендаль Христиан
 Вистицкие 97
 Вистицкий Г. С. 87, 88, 97
 Витт И. О. 65, 68,
 Воейков А. Ф. 100
 Воейков И. Ф. 100
 Волков Н. А. 100, 103
 Волконская М. Н., кн. 23,
 Волконские 52,
 Волохонская Т. П. 3, 69–74,
 Волошин М.
 Вольга А. 41, 42,
 Вольтер
 Вольф А. И. 98
 Вольховская М. В.
 Вольховские
 Вольховский А(н)дриан Павлович
 Вольховский Андрей Павлович
 Вольховский В. Д. 5, 20, 65, 68,
 72–74, 82, 112,
 Вольховский Д. А.
 Вольховский И. Н.
 Вольховский Николай Яковлевич
 Воронцов-Вельяминов М.
 Воут Роберт
 Воцинин Д. К. 16,
 Воцинин И. К. 16,
 Воцинина Е. И. 15,
 Воцинины 15, 16,
 Врангель Ф. П. 53, 77, 79, 80, 85,
 Врангель Ф. Ф. 85,
 Вуич В. И.
 Вульфы 81,
 Вырубов Г. Н. 11, 15, 17,
 Вырубов Н. В. 11, 15, 17,
 Вырубовы 15,
 Вяземские 52, 74,
 Вяземские, князя
 Вяземский А. И.
 Вяземский П. А. 35, 36, 70,
 Гаврилин Р. А.
 Гагарин М. А.
 Гагарины 52,
 Гаевский
 Гаевский В. П.
 Галилей 42
 Галич А. И.
 Гальвани 41, 42,
 Гастфрейнд Н. А. 74,
 Гауеншильд Ф. М. 59,
 Гаусс 42,
 Гедеонов М. 92,
 Гейден А. П. 81,
 Гейштор Я.
 Гельцер Г. А.
 Геништа И. И. 70,
 Геннади Г. Н. 86,
 Георгий (Ярошевский), митрополит
 Георгий Михайлович, вел. кн.
 Герасименко А.
 Германов А. Я.
 Гершель В. 42, 45,
 Гесенцоллер
 Гессен С. Я. 68,
 Гирс Н. К.
 Глазунов (изд.) 18
 Глазунов И. И.
 Глазунов М. 52
 Глассэ А. 4,
 Глинка В. М. 10, 19
 Глинка М. И.

Глинка М. С. 10, 19
 Глинка С. 101
 Гнедич Н. И. 72,
 Гоголь Н. В. 24, 54, 55, 98,
 Гойя
 Голицын А. И., кн.
 Голицын А. Н. 57, 58, 60–62, 64, 67,
 76,
 Голицын Б. В. 58,
 Голицын Д. В. 58,
 Голицын Н.
 Голицына Н. П., кн.
 Голицыны 52,
 Головинские
 Головки Г. В. 55
 Головнин А. В.
 Головнин В. М. 62, 76–78, 84,
 Гольтгоер Ф. Г. 89
 Гонзага Томаш Антониу
 Гончарова Н. Н. 23
 Гораций
 Горбачев И.
 Гордин Я. А. 74,
 Горенко А.
 Городецкий Б. П. 35,
 Городницкий А. 83,
 Горчаков А. И. 100
 Горчаков А. М., кн. 5, 6, 13,
 16, 20, 26, 35, 36, 41–44, 46, 59–61,
 63–66, 73, 83,
 Горчаков Д. П.
 Градова Б. А. 15
 Градцев А. Ф. 99
 Гревениц П. Ф. 13, 57, 59–61, 64,
 Грибоедов А. С. 70, 71, 74,
 Григорьев 1-й 92
 Григорьева В. В. 4,
 Гришман М. М.

Гроссман Л.
 Грот К. К.
 Грот К. Я.
 Грот Я. К. 6, 46, 55, 67, 76, 79,
 80,
 Гряз(н)овская 43
 Гудович И. В. 58,
 Гук 41,
 Гуменная Г. Л.
 Гумилев Н. С.
 Гумилев Н. С.
 Гуревич Я. Г.
 Гурьев Д. А., граф 60, 62,
 Гурьев К. В. 57,
 Гутчинг В. 48

Давыдов Д. В.
 Данзас Б. К.
 Данзас К. К. 44, 58, 72–74, 82, 83,
 112,
 Данилевский Н. Я.
 Данилов В. И.
 Данте
 Данько Е.
 Данько Н.
 Дашков Д. В.
 Дашков П. Я. 76,
 Дейбнер (мичман) 80
 Дейч Г. М. 67,
 Декарт 41,
 Деларю М.
 Деларю М. Д.
 Деларю Н. Д. 98,
 Делошь 51
 Дельвиг А. А., барон 5, 9, 13, 20,
 27, 29, 35, 44, 58, 59, 62, 64, 79, 112,
 Дельвиг А. А. (отец) 112,
 Деметрий

Демиденко Ю. Б. 16
 Демидов П. Н.
 Демут Ф.-Я. 83,
 Деникин
 Дервиз Д. Г.
 Державин Г. Р. 7, 9, 22, 58,
 Державина Д. А.
 Дефо
 Джаншиев Г. Д.
 Джахонтов, кн. 71
 Дзюбанов С. Д. 4,
 Дибич И. И. 68,
 Диссон Ю. А. 67,
 Дмитриев И. И. 32, 34, 36
 Дмитриев Л. А.
 Дмитриевы 52,
 Добровольская Е. Б. 3, 20–31,
 Долгово-Сабуров Н. П.
 Долгорукий С. (кн. Каламбур)
 Долгоруков П. В.
 Достоевский Ф. М.
 Друммель 89
 Дубельт Л. В. 92
 Дубенская Е. А.
 Дубенская П. Н.
 Дубенские
 Дубенский А. Н.
 Дубенский А. П.
 Дубенский Н. Н.
 Дурново П. Н.
 Дуров С. Ф. 96, 99
 Дюбарри М.-Ж.
 Дюр 93

Еверс 52,
 Евреинов Н. Н.
 Европеус А. И.
 Екатерина II 7, 9, 52,

Елена Ивановна (кухарка)
 Елизавета Алексеевна
 Елизавета Петровна
 Емельянов А. В.
 Емельянов А. 3, 9.
 Ермолов А. П. 70–72,
 Ермолов Ю. (стр. 120 – Г. А.)
 Ермоловы
 Ершова
 Есаков Е. С.
 Есипов В. М.
 Есипова А. П.
 Ефимов Д.
 Ефрон 86,
 Жедринский А. Н.
 Жемчужников А. Л.
 Женгене П.-Л. 54
 Жерар Ф. 10
 Жеребцов Д. С. 100
 Жеребцов С. Н.
 Жуковский В. А. 10, 19, 27, 29, 79,

Забела И. П.
 Завалишин Д. И. 51, 55
 Завитневич В. 3, 36
 Загоскин М. Н.
 Зайончковский П. А. 97
 Зайцев (пансионат Зайцева)
 Закревская А. Ф. 100
 Закревский А. А. 103
 Замаренова О. А. 4,
 Замятнин Д. Н.
 Замятнин Д. Н.
 Засядко Д. А.
 Звегинцов В. И.
 Зеленой А. А.
 Зелинская А. Б.
 Зенгер Т. Г. 68,

- Зимин И. 56
 Зинкевич Е. Ф.
 Золотарев М. А. 48, 49
 Зорин А. 55
 Зотов В. Р.
 Зубов П. 9,
- Иванов В.
 Иванов Г.
 Иванова Н. М.
 Иванова Я. И. 83,
 Ивнев Р.
 Иезуитова Р. В. 4, 24, 28, 29,
 Извольский А. П.
 Измайлов А. 53
 Измайлов В. В.
 Измайлов В. В.
 Иксули20,
 Иксуль О. В.
 Илличевский А.
 Илличевский А. Д. 9, 40, 59, 62,
 79,
 Ильин А. А.
 Ильин П. В. 85,
 Ильинский А. (священник)
 Ильичев А. В. 4,
 Инзов И. Н. 68,
- К. Р. см. *Константин
 Константинович*
 Казакова Я. А.
 Кази-Мулла 72,
 Кайданов В. И.
 Кайданов И. К. 13, 59,
 Кайданов Н. И.
 Кайль Р. Д. 9,
 Камараш И. А. 54
 Кандалинцев Н. Ф. 87, 88
- Кандалинцевы 97
 Кантемир
 Канунова Ф. З. 35,
 Каподистрия И. А. 63,
 Каразин В. Н. 64,
 Карамзин Н. М. 32–36, 100,
 Карамзина Е. А. 35
 Каратыгин 1-й 93
 Каратыгин В. А. 99,
 Каратыгина 1-я 93
 Кареев Н. И.
 Карцов В. В. 10,
 Карцов Я. И. 10, 13, 19, 38–40,
 42–44, 46, 48, 49, 59,
 Касаев 71
 Каульбарс Э., барон
 Кауфман П. М.
 Кауфман П. М., фон
 Кашкин Н. С.
 Кашменские
 Кашменский Ф. Г.
 Кедринский А. А.
 Келлер
 Кеплер 42,
 Киншин В. В. 3,
 Кириллова М. А., урожд. Татищева
 16
 Кисти В. 48,
 Кихней Л. Г.
 Клаписсон А.-Л. 94
 Клеро 42,
 Клигель 40,
 Клостерман Г. 52,
 Княжевич А. М.
 Кобеко Д. Ф. 67, 68,
 Кобенцель Л., гр.
 Ковалевский М. Е.
 Козинцев Г.

- Козодавлев О. П. 58,
 Козьмин Б. П.
 Коковцов В. Н. 6, 7,
 Колачковский К.
 Коленкур Л., де
 Колпакова Н. В. 55
 Колчак
 Команов А. 83
 Комар П. М.
 Комарович В. Л. 99,
 Комаровский В. А.
 Комаровский Е. 100,
 Комовский А. Д. 65,
 Комовский В. Д. 68
 Комовский С. Д. 39, 59, 62, 65, 68,
 Кондратьев
 Кони Ф. А. 86, 88, 93, 99
 Кони А. Ф.
 Констан Б. (Анри Бенжамен Констан
 де Ребек)
 Константин Константинович, вел. кн.
 6,
 Константин Николаевич, вел. кн.
 Константин Павлович, вел. кн. 57
 Корб В. 24,
 Корнилов
 Корнилов А. А.
 Корнилов В. А. 81,
 Королева Н. В.
 Корона В. В.
 Корочкин В. М.
 Корсаков Н. А. 59–61, 64,
 Корф М. А. 13, 35, 36, 39, 43, 44,
 59, 62, 65, 83,
 Корф Н. А.
 Коскуля Ф. Ф.
 Костенский
 Костенский К. Д. 59, 62,
- Кочеткова Н. Д. 3, 32–36,
 Кочубей В. П. 9, 64,
 Кочубей, гр.
 Кошелева А. Д. 16
 Краваль Л. А.
 Краснов Г. Н.
 Краснов Г. В. 98,
 Красовский М. М. 18
 Крестовский
 Крузенштерн И. Ф. 77,
 Крузенштерны 20,
 Крылов И. А.
 Кузмин М.
 Кукольник 38
 Куликов Н. И. 95
 Куломзин А. Н.
 Кулон 42,
 Куницын А. П. 13, 44, 59, 64,
 Кутузов В. Н.
 Кушелев-Безбородко 100
 (Флерова)
 Кушелев-Безбородко Г. А.
 Кювье Ж. 45,
 Кюхельбекер
 Кюхельбекер В.
 Кюхельбекер В. К. 5, 9, 13, 20,
 27, 35, 44, 58–61, 64, 65, 68, 70–72, 74,
- Лавров (лейтенант) 80,
 Лавуазье 41,
 Лагарп
 Лазарев М. П. 51, 82,
 Лазарев П. М.
 Ламанский В. И.
 Ламанский Е. И.
 Лангер В. П. 29,
 Лангедорф Г. И. 77,
 Лановой В. 9,

Лаплас П. С.	42, 45	Львов Ф. И.
Ласица В. А.	24, 25,	Львов Ф. Н.
Лафатер		Львова А. Н.
Левашев В. В.	100,	Львовы
Левенец В.		Львовы
Левицкий Г. В.		Любавин М. А. 67,
Ледков 102		Любимов Л.
Лемке М.		
Лемм О. Э.		Майков А. Н.
Ленский Д. Т.	95	Маковский С.
Леонидов	93	Маковский С. К.
Леонов В. П.	55	Максимов 1-й 93
Лермонтов М. Ю.	70, 90,	Максимов 2-й 93
Ливен Е. А., баронесса		Малерб Ш. 95
Лившицы		Малиновская А.
Липранди И. П.		Малиновская М.
Листов В. С.		Малиновская М. В.
Листов В. С.		Малиновские
Литвинов Я. Я.		Малиновский А. В.
Литвинов Я. Я.		Малиновский В. Ф. 6, 24, 29, 49,
Литке Ф. П.	77,	57,
Лобанов-Ростовский А. Б., кн.		Малиновский И. В. 35, 58, 65
Лодий П. А.	38	(?), 79,
Лозинский М.		Мальцев И. С. 103
Ломоносов Н. Г.		Мальчукова Т. Г.
Ломоносов С. Г. 5, 35, 59–61, 64, 65,		Мандельштам Н. Я.
112,		Мандельштам О. Э. 4,
Лонгинов		Мандельштам Э. В.
Лоренц 40,		Мандельштамы
Лотман Ю. М. 100,		Мария Павловна, вел. кн.
Лузинова И. В. 26,		Мария Федоровна, имп. 7, 112,
Лукницкий П.		Маркова-Виноградская А. П.
Луций Сергей Катилина		Марков-Виноградский А. А.
Львов А. Ф.		Марков-Виноградский А. В.
Львов А. Ф.		Марковы-Виноградские
Львов Алексей		Маркс К.
Львов И. Ф.		Марлинский см. <i>Бестужев-</i>
Львов Ф. В.		<i>Марлинский А. А.</i>

Мартынов А. И. 58, 59, 62,		Михаил Михайлович, вел. кн. 10,
Масальский К. П. 96		Михаил Павлович, вел. кн.
Масанов И. Ф. 86, 96, 98		Михайлов Д. С. 18
Маслов		Михайлов М. Л.
Маслов Д. Н. 59, 62, 65, 112,		Михайлов С. Д. 18
Массарский А. С. 3,		Михайлова А. Е. 18,
Матвеев В. М. 97		Михайлова А. 76,
Матюшкин Ф. Ф. 5, 20, 59, 62,		Михайлова Л. Б. 3, 28, 29, 97,
64, 72–85, 112,		Михайлова Н. И. 112–115,
Медем М. Н., барон		Модзалевский Б. Л. 46, 68,
Межевич В. С. 93, 98,		Модзалевский Л. Б. 63 (?), 68,
Мей Л. А. 9,		Моллер А. В., фон 80,
Мелесвиль А.-О.-Ж. 99,		Молчанов Н. Н.
Мельников П. Ю.		Мордвинов Н. С. 80,
Мельников 58,		Мореншильдт Ф., фон
Меншиков А. С. 80, 82,		Морозова Н. П. 4,
Меншиков А. С., кн.		Моцарт
Мертваго 101,		Мунтс А. 27
Мертваго Д. Б. 101		Муравьев М. Н. 32
Мертваго В. М., урожд. Полторацкая		Муравьев Н. М. 54
101		Муравьева-Апостол Е. И.
Мертваго Н. Д. 100–105,		Муравьев-Апостол И. М.
Мертваго С. А. 102,		Муравьев-Апостол М. И.
Местр Ж., де		Муромцев С. А.
Местр К., де 52		Мясоедов А. Н.
Миквиц, фон Л.		Мясоедов П. Н. 44,
Милиоти 52,		Мятлев 98,
Миллер П. И.		
Миллер П. И.		Накашидзе Д. А.
Миллер 52,		Наполеон 33, 98,
Милошевич В. (Василий) Ф.		Наппельбаум
Милошевич И. Н.		Наппельбаум И.
Милошевич Л. Н.		Направник Э. 7,
Милошевич Н. И.		Нарышкина М. А.
Милошевич С. В.		Нарышкина Мария А.
Милютин В. А.		Наумов А. А.
Милютин Д. А.		Наумова А. А.
Минеев А. И. 85,		Нахимов П. С. 82,

- Невский А. 67,
 Некрасов Н. А. 22, 98,
 Некрасов С. М. 3, 5–14, 15–18, 24,
 26, 28–30,
 Неслуховский Ф. К.
 Нессельроде К. В. 60, 61, 62,
 63, 67, 100,
 Нечаев Н. С.
 Никитенко А. В. 95
 Никитин П. В.
 Никитина Ф.
 Николай I 10, 39, 54, 66, 73, 90,
 Николай II 7, 8,
 Николай А. П.
 Николай Михайлович, вел. кн.
 Никольские 16,
 Никольский В. В. 16,
 Нифонтов А. С.
 Новиков Н. И. 32
 Новиков Н. Н.
 Новохацкая Н.
 Ньютон 41, 42,
 Ободовский П. Г. 99
 Обручев Н. Н.
 Одоевский А. И. 51
 Одоевский В. Ф.
 Олег Константинович, вел. кн. 6, 7,
 Оленина Л. В. 21, 29
 Ольденбург С. Ф.
 Ольденбургская Терезия, принцесса
 Ольденбургский А. П. 76,
 Ом 42,
 Орловы 52,
 Остерман-Толстая 101
 (Флерова)
 Отт О. Ф.
 Оцуп Н.
- Ошарин А. В.
 Павел I 51,
 Павлицева О. С.
 Павлова С. В. 3, 15–17, 36, 67,
 Пален А. В., фон дер 12,
 Пален В. А., фон дер 12, 17,
 Пален В. В., фон дер 12,
 Пальм А. И. 99,
 Панафидин З. 81
 Панкратов А.
 Парни
 Паскалис К. Н. 16, 17
 Паскаль Б. 45,
 Паскевич И. Ф. 73,
 Пассек Т. П. 101
 Паукер А. Е.
 Паэр Ф. 99
 Пенский С. В.
 Перельман Я. И. 55
 Перовский П. Н. 98
 Петр I
 Петр Великий
 Петров А. П.
 Петров В. В. 42,
 Плетнев 44,
 Плещеев А. Н. 99
 Плюшар А. А. 97
 Погодин М. П. 34, 36,
 Погудин О. 9
 Поленов В. А. 60, 63,
 Полторацкий К. М. 102
 Полторацкий Ф. М. 102
 Поляков А. Е.
 Помье Л.-Э. Н. 11, 15,
 Пономарев Е. А.
 Поп
 Попов (Княжнин) П.

- Потоцкий С. О. 52
 Приклонская Л. В. (в замужестве
 Чичерина)
 Приклонский Василий (Богдан)
 Приклонский Василий И.
 Приклонский Владимир И.
 Приклонский М. В. (I)
 Приклонский М. В. (II)
 Приклонский Н. М.
 принц Де Линь
 Прокопович Н. Я. 54, 55,
 Прокопович-Антонский А. А.
 Пролет Е. В. 18, 26, 36,
 Протасов-Бахметев
 протоиерей о. Вольховский Павел
 Прусаков 93
 Пунин Н.
 Пустошкин И. Н.
 Путин В. В. 8,
 Пуятин Е. В. 82
 Пушкин А. А. 8–10,
 Пушкин А. М. 100
 Пушкин А. С. 3, 5–11, 13, 16, 17,
 19–30, ..., 58–61, 63, 65–77, 79–84,
 90, 101, 112,
 Пушкин В. Л.
 Пушкин Г. А. (внук поэта) 10,
 Пушкин Г. А. (сын поэта) 10,
 Пушкин Л. А.
 Пушкин Л. С. 69, 79, 82,
 Пушкин С. Л.
 Пушкина (Дурново) М. А. 8, 9,
 10,
 Пушкина Ю. Г. 10
 Пушкины 10, 52,
 Пуцин И. И. 6, 10, 29, 44, 65, 68,
 79,
 Рабинянц А. Г. 24,
 Раевский М. Н.
 Раевский Н. Н. (младший) 73,
 82,
 Раевский Н. Н. 69,
 Разумовский А. А. (гость из Вены)
 9,
 Разумовский А. К. 34, 48–50,
 57, 58,
 Ралли
 Ралль А.
 Ралль С. А.
 Рапин де Тоарас П. 54
 Ратьков-Рожнов А. В.
 Ребиндер А. М., фон
 Резанов 38
 Рейнбот П. Е. 6,
 Рейнтер 103
 Рейтерн М. Х., гр.
 Рейхардт (каретник)
 Рененкамф Г. 49,
 Реомюр 41,
 Репин И. Е. 6, 8, 29,
 Рерих Н. 8,
 Ржевский Н. Г. 112
 Рикорд П. И. 81
 Ринальди А.
 Ринтелен К., фон 8, 9,
 Ринтелен Н., фон 12, 17, 18
 Рихтер В. А.
 Ровинский Д. А.
 Рогаткин А. А.
 Роговиков Н. С.
 Рождественский В.
 Розен А. В.
 Розен А. Е.
 Розен А. Е.
 Розен Г. В. 72,

Розены 20,
 Розина И. В. 24, 28,
 Рокотов В. Д.
 Романов М. П.
 Романовы 10,
 Роспини И.-А. 43, 47, 49–55,
 Россет А. О.
 Ростовцев Я. И.
 Рубец А. А. 46,
 Рубинштейн А. Г.
 Рудаковский
 Руденская М. П. 67,
 Руденская С. Д. 67,
 Румянцев И. А. 7,
 Руска Л. 51
 Рушева Н. 22, 23
 Рыбаченок И. С.

 С. О. (псевд.) см. *Масальский К. П.*
 Сабуров П. П.
 Саврасов П. Ф. 65,
 Сазонов С. Д.
 Сазонович 59,
 Сайтов В. И. 97
 Саломон А. П.
 Салтыков И. Н.
 Салтыков М. А.
 Салтыкова С. М.
 Салтыков-Щедрин М. Е. 97
 Свенцицкая Э. М.
 Свињин П. П. 55,
 Свифт Дж.
 Свободина С. Ф. 4,
 Северин А. И.
 Северин И.-А.
 Северин П. И.
 Северина Жанна Генриетта
 Северина Луиза, урожд. Бахерахт

Северины
 Северюхин Д. Я. 55,
 Седова Г. М. 24,
 Сеид-Мир-Алим
 Селезнев И. Я. 43, 46, 48, 55,
 Селецкий-Дзюрдзь А. Ф. 48
 Селиванов В. 102
 Семевский В. И.
 Семевский М. И. 66, 68,
 Семенов Н. П.
 Семенов-Тянь-Шанский П. П.
 Сен-Жорж Ж.-А. 93–95, 99
 Сенковский О. И. 94
 Сен-Симон
 Серно-Соловьевич А. А.
 Серно-Соловьевич Н. А.
 Сиверс Бернгард
 Сиверс, Софья, урожд. Мейбом
 Сиверсы
 Сироткин В. Г. 67,
 Сисмонди Ж.-Ш.-Л. 54
 Скалон Д. А.
 Слепцов
 Слепцов А. А.
 Слободской Иоанн, протоирей
 Слонимский А. Л.
 Смирнов А. А. 4,
 Смирнов А. В. 86, 96
 Смирнов Н. М.
 Смирнова А. А.
 Смирнова С. Л. 3, 15–19,
 Смольевский А. Ф.
 Собинов Л. 7,
 Соболевский
 Соболевский С. А. 103
 Собье А. 95
 Соколов П. П.
 Соколова Е. С. 67,

Соколовский А. Л.
 Соллогуб В. А. 63,
 Соловьев С. П. 95
 Соловьев Ю. Я.
 Сологуб Ф.
 Сперанский М. М. 8, 11, 29,
 33–36,
 Спешнев Н. А.
 Спиридонов 104 (Флерова)
 Срезневский В. И. 99
 Старинкова Е. В. 3, 47–56,
 Старк В. П. 85,
 Стасов В. П.
 Стасова Н. В.
 Статья Е. Г. 4,
 Стевен Ф. Х. 59 (Фридрих), 62
 (Федор),
 Степанов В. Л.
 Стойкович А. 40, 41, 43, 46,
 Строганов П. А., гр.
 Строганова С. В.
 Строганова С. В. 58,
 Строев В. М. 99
 Струве В. Я. 52, 53
 Ступин П. 52,
 Суворин А. В.
 Суханов

 Татищев А. А. 16, 17
 Татищевы 16
 Тенишева М. А., кн.
 Теппер де Фергюсон Л.-В. 9,
 Терне А.
 Тибулл
 Тимирязев
 Тимон Бурмицкий (псевд.) см.
Третьяков Н. Н.
 Тиринг Анна-Вильгельмина
 Тиринг Антон Фр.
 Тиринг Женни
 Тиринги
 Тихомиров А.
 Тихомирова М. А.
 Тоарас см. *Рапин де Тоарас П.*
 Толстая М. А.
 Толстой А. Н. (Алексей Ник.)
 Толстой А. Н. (Анатолий Ник.)
 Толстой Б. А.
 Толстой В. В.
 Толстой Д. А.
 Толстой Л. Н. 70, 101,
 Толстой С. С.
 Толстой Ю. В.
 Толстой Я. Н.
 Томашевский Б. В. 58, 67, 68,
 74,
 Торнау Ф. Ф.
 Траверсе И. И., де, маркиз 76,
 Трауберг Л.
 Третьяков А. Н. 87, 97
 Третьяков Н. Н. 86–99,
 Третьяков Н. И. 86, 87, 96, 97
 Третьяков Ф. Н. 87
 Третьякова П. Н. 87
 Троекуровы
 Тронь А. А. 83, 85,
 Трошинский Д. П. 62,
 Трубников Ю. А. 11, 17,
 Трубникова М. В.
 Трубниковы
 Тургенев А. И. 52, 58, 70,
 Тургенев И. С. 18
 Турилова Л. Д.
 Турилова С. Л. 67,
 Тынянов Ю. Н.
 Тырков А. Д. 58,

- Убри П. Я. 60,
Уваров С. С. 100,
Унковская С. А.
Унковский А. М.
Устрялов Н. Г.
- Фалин 93
Фариа А., де 9,
Фариа Д., де 9,
Федорченко В. И.
Феокистов Е. М.
Фергюсон Т., де
Фет А. А.
Фишер Ф. Б. 77,
Флерова Г. В. 3, 100–111,
Флиге Н. Н.
Фок М. Я., фон 65,
Фомичев С. А.
Фонвизин
Фонвизин Д. И.
Фонтенель Б. 45,
Франклин 42,
Френель 42,
Фридебург 54
Фурье
Фусс П.
Фусс П. Н.
Фюгер Г.-Ф.
- Ханыков Н. В.
Ханыков Я. В. 88, 97, 98
Харитонов А. А. 88, 89, 97
Хевролина В. М.
Херасков М. М.
Хис К. О.
Ходасевич В. 30
Хомяков А. С.
- Хоуп Генри
Хрипунов А. С. 17,
- Цильберг 40
Цицерон
Цицерон
Цур-Мюлен Г., фон
Цявловская Т. Г.
Цявловский М. А. 36, 46, 58, 67,
68,
- Чарторижский А.
Чемадунов Я. Я.
Черейский Л.
Черкесов А. А.
Чернышев Г. Г. 100
Чехов А. П.
Чириков С. Г. 8, 12, 14,
Чистякова Т. А. 3, 37–46,
Чичерин В. И.
Чичерина О. В.
Чичерина О. В.
Чуковская Л. К.
- Шагинян М.
Шадрина Ю. 85
Шамиль 72,
Шамшин И. И.
Шаховской А.
Шаховской И., кн.
Швецова А. 26
Шевченко М. М. 67, 68,
Шелгунов Н. В.
Шеллинг 42,
Шереметев, гр.
Шерер 38
Шидловская И. А. 17
Шильдер В. А. 6,

- Шишкин Н. П.
Шишков
Шишков А. С. 81
Школа В. 21,
Школа С. Е. 26
Шмидт С. О. 35, 68,
Шодерло де Лакло П.-А.-Ф.
Шредер 38
Штакельберг А. Ф., барон
Штейнгейль Г.
Штейнгейль Е. А., баронесса
Штрайх С. Я.
Шуберт, фон Ф.
Шуберты
Шур Л. 76,
- Щеголев П. Е.
Щепеткова И. А. 24, 28,
- Эйдельман Н. Я. 35, 68,
Эльснер Ф. Б. 40,
Энгельгардт А. Е.
Энгельгардт Е. А. 6, 24, 29, 38,
44, 58, 59, 62–64, 66, 68, 72, 76, 77,
Эристов Д. А.
Эристов Д. Н. 83
Эрстед 42,
Эспехо А. М.
Эспехо Е. А.
Эспехо М. М., дед Эспехо
Эспехо М. М., отец Эспехо
Эспехо Н. Н.
Эспехо Н. П.
Эспехо С.
Эфрос А. М.
- Юдин П. М. 59–61, 64,
Юшкевич Л. А.
- Яблочкин 93
Яковлев
Яковлев В. И.
Яковлев М. Л. 5, 6, 9, 54, 59, 62, 80,
81, 82, 112,
Яхонтов А. Н. 17
- Amburger E.
Viète
Clément F.
Clapissou см. *Клатиссон А.-Л.*
de la Souzais
Gautier Th. 99
Larousse P. 99
Malherbe Ch. 99
Marie Thérèse Bourgoïn
Mc Master R. D.
Mézières M. L.
Pereira Gaspar Martins
Reichard Ch.-G. 54
Rose M.
Soubies A.
Sa Victor, De
Scribe E. 98
Tooke W.
Varner 98
- Юденич
Юдин

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	
I. ЖИЗНЬ И ТРУДЫ МУЗЕЯ	
С. М. Некрасов. «Лицея день заветный»	
С. Л. Смирнова. Лицейские реликвии лицеистов в собрании Всероссийского музея А. С. Пушкина	
Е. Б. Добровольская. Лицейские программы Всероссийского музея А. С. Пушкина в Эстонии	
II. ИМПЕРАТОРСКИЙ ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ЛИЦЕЙ	
Н. Д. Кочеткова. Н. М. Карамзин и Лицей	
Т. А. Чистякова. «...И в просвещении стать с веком наравне» (о преподавании точных наук в Лицее)	
Е. В. Старинкова. «Императорский физико-механик» Антон Роспини	
С. В. Березкина. Определение на государственную службу воспитанников первого курса Царскосельского Лицея (система льгот, межведомственные процедуры, общественный резонанс)	
Т. П. Волохонская. Выпускники первого курса Царскосельского Лицея — свидетели и участники Кавказской войны	
Г. Н. Антонов. Жизнь и бытие адмирала Матюшкина	
А. Ю. Балакин. Выпускник Царскосельского Лицея поэт Николай Третьяков	
Г. В. Флерова. «И бедных дел порой итог богат...» (о закрытии льнопрядильной фабрики лицеиста IV курса Н. Д. Мертваго)	
Н. И. Михайлова. Москва в жизни и творчестве лицеистов (об издательском проекте «Москва. Петербург. Царское Село. Пушкинскому Лицею посвящается»)	
Л. Н. Милоше вич, И. Н. Милошевич. Живая связь времен и поколений (о некоторых эпизодах из истории взаимоотношений семейств лицеистов первого выпуска)	
III. ОТ ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ЛИЦЕЯ К АЛЕКСАНДРОВСКОМУ	
С. В. Павлова. Из лицейских традиций	
Л. Б. Михайлова. «Люди службы и дела» (лицеисты в общественно-политической жизни России XIX века)	
Л. Г. Агамаян. «Товарищи! Сегодня праздник наш. Заветный срок!» (о собрании поздравительных адресов к 100-летию Императорского Александровского Лицея)	
С. М. Некрасов. Лицейский поэт А. Н. Мясоедов: «И близки сроки нашей доли...»	
В. В. Киншин. Александр Михайлович Эспехо: судьба лицеиста	
А. И. Беленкова. «Чтобы свеча не погасла» (о трагических судьбах бывших воспитанников, проходивших по «делу лицеистов»)	

IV. ПУБЛИКАЦИИ И КОММЕНТАРИИ

В. Э. Вацуро. Лист из «Лицейской тетради»	
Е. М. Букреева. Воспоминания лицеиста XXXV курса Ю. С. Карцова	
О. А. Замаренова. Неизвестный портрет Ф. Б. Эльснера, преподавателя военных наук в Царскосельском Лицее	
И. Е. Барыкина. Неизвестные бумаги графа Д. А. Толстого	
С. Д. Дзюбанов. «Не было ли это только занимательной игрой в любовь?» (неопубликованное письмо А. П. и А. В. Марковых-Виноградских к А. Н. Львовой)	

V ПЕРЕЧИТЫВАЯ ЛИЦЕЙСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ПУШКИНА

Р. В. Иезуитова. К истокам пушкинского вольномыслия	
Н. Ж. Ветшева. Мотив уединения в творчестве В. А. Жуковского 1810-х годов и Пушкина-лицеиста	
Н. П. Морозова. Кабинет «певца Фелицы» в лицейском стихотворении А. С. Пушкина «Тень Фонвизина»	
С. Ф. Свободина. К вопросу о философской направленности и жанровых особенностях стихотворения А. С. Пушкина «Безверие»	
А. А. Смирнов. «Союз любви и дружбы» в лицейской лирике А. С. Пушкина	
А. Глассе. Язык «лицейских мудрецов»	

VI. ВОКРУГ ПУШКИНА

О. А. Байрд (Яценко). Еще раз о «милых Велью»	

VII. ПУШКИНСКИЕ МЕСТА РОССИИ

Е. Г. Статкина. О. Мандельштам в Царском Селе	
А. В. Ильичев. Диптих А. А. Ахматовой «Городу Пушкина»: опыт интертекстуального и мифопоэтического анализа)	
В. В. Григорьева. Царскосельский Лицей и Великая Отечественная война: от разрушения к возрождению	

VIII. ПУШКИН И НАШИ СОВРЕМЕННОКИ

Пушкин всегда с нами (интервью директора Всероссийского музея А. С. Пушкина С. М. Некрасова с М. М. Бобровым)	
А. Массарский. Немолчный шепот Нереиды	
М. Н. Кураев. Тревожащий совесть луч... (о праздновании 200-летия Лицея)	
А. В. Емельянов. Царскосельский парк в октябре	
Сокращения	
Указатель произведений А. С. Пушкина	
Указатель имен	

Пушкинский музей

Альманах

Редакторы В. С. Кизило, О. В. Фокина

Корректор Ю. А. Зигерн-Корн

Подписано в печать

Формат

Объем

Гарнитура Печать офсетная

Тираж Заказ №

Отпечатано.....